П. Г. ГАЛУЗО

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЮГЕ КАЗАХСТАНА в 1867—1914 гг.

Под редакцией доктора исторических наук
профессора С. М. ДУБРОВСКОГО

Издательство «НАУКА»
Алма-Ата · 1965

На основании большого документального материала, в особенности статистического, в работе раскрывается колониальная политика царизма и эволюция аграрных отношений на Юге Казахстана в конце XIX— начале XX века (до 1914 года), при этом подробно изучается как развитие местного казахского скотоводческого и земледельческого хозяйства, так и хозяйства пришлого оседлого крестьянства: казачества, русского, уйгурского, дунганского и узбекского крестьянства, переселившихся на Юг Казахстана.

Автором приводится много новых, до сих пор не опубликованных данных по аграрным отношениям в крае, в том числе большое количество собственных статистических подсчетов. Изучая развитие капитализма, автор показывает борьбу двух путей, двух типов капитализма в сельском хозяйстве Юга Казахстана и вскрывает социально-экономические предпосылки союза российского пролетариата и многонационального крестьянства края в Февральской демократической и Октябрьской социалистической революциях 1917 года.

В вводной главе работы излагаются основные оценки колониальной политики царизма и двух типов развития капитализма в сельском хозяйстве, содержащиеся в произведениях Маркса, Энгельса, Ленина.

Работа рассчитана на научных работников-историков, преподавателей высшей и средней школы, аспирантов, студентов вузов и широкий партийный актив, изучающий прошлое нашей страны.

2
Государственная
библиотека СССР
1953 г.
7896

ОТ АВТОРА

Работа посвящена раскрытию колониальной политики царизма и эволюции аграрных отношений на Юге Казахстана в конце XIX— начале XX века. Этот район отделен от остальной части Казахстана озером Балхаш и обширной слабо заселенной степью — Бетпак-Дала (Голодная степь). В нем жило около 30—40 процентов всего населения Казахстана. Юг Казахстана был присоединен к России во второй половине XIX века, т. е. позже других районов Казахстана. Он испытал на себе большое влияние со стороны оседлых районов бывшего Туркестана.

Наши источники, естественно, базируются на дореволюционном административном делении, когда в состав Казахстана входили бывшие степные области и уезды Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей, заселенные казахами, но не принадлежащие к степным областям, а в состав Туркестана — остальные области и уезды Средней Азии, управлявшиеся туркестанским генерал-губернатором. Под Средней Азией в источниках нередко подразумевалось то и другое вместе взятое. Во всех таких случаях нами сделаны оговорки.

Аграрные отношения в таких сельскохозяйственных районах, как изучаемый, по существу включали в себя все народное хозяйство. По ходу изложения нам приходится характеризовать и зарождающуюся промышленность. В силу этого исследование почти полностью охватывает историю народного хозяйства Юга Казахстана за время господства в нем царской России.

Изложение дается на фоне характеристики колониальной политики царизма в Казахстане и Туркестане. Все изучаемые социальные процессы рассматриваются как частное проявление общих, типичных в своей основе для всего Казахстана и Туркестана — колоний царской России.

Во введении, с целью выяснения решающих методологических вопросов, рассмотрена основная литература по данной теме. Оценке источников посвящена отдельная глава. Работы советских авторов, в большей или меньшей мере затрагивающие нашу тему и разрабатывающие связанные с нею вопросы, названы в процессе изложения. Однако, чтобы не отвлекать внимание читателя на рассмотрение вопросов, выходящих за территориальные и хронологические рамки исследования, автор воздерживается от подробного критического анализа советской литературы по аграрным отношениям в Казахстане в целом.

Из-за недостатка места в работе остаются нерассмотренными некоторые вопросы, в частности проблема влияния внешней политики царизма на переселенческий вопрос и история вооружения переселенцев.

Основные положения работы обсуждены на сессиях Научного совета Института истории Академии наук СССР по проблеме «Предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции», где автор сделал сообщения: в мае 1960 года — по аграрным отношениям, в сентябре 1961 года — по колониальной эксплуатации изучаемого района. Работа в целом обсуждена в секторе истории капитализма Института истории Академии наук СССР, а также на Ученом совете Института истории Академии наук Казахской ССР. Автор выражает свою глубокую благодарность участникам этих обсуждений, внесшим свои ценные замечания и советы, особенно докторам исторических наук И. Ф. Гиндину, С. М. Дубровскому, А. Л. Сидорову, доктору экономических наук А. П. Погребинскому и кандидатам исторических наук К. Н. Тарновскому и М. Я. Гефтеру за их весьма существенную и ценную помощь в разрешении ряда методологических вопросов, а С. М. Дубровскому, кроме того, за труд по редактированию работы.

Схематическая карта изучаемого района выполнена по данным автора ст. лаборантом Г. Б. Демченко.

ВВЕДЕНИЕ.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. КРИТИЧЕСКИЙ РАЗБОР ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Программа и устав нашей партии, принятые на XXII съезде, знаменуют собою новый этап в развитии марксистско-ленинской теории. Вся работа нашей партии в период развернутого строительства коммунизма является особенно глубоким освоением и дальнейшим развитием ленинского теоретического наследия. После XX и XXII съездов КПСС роль исторической науки возросла. Декабрьское (1962 года) всесоюзное совещание историков в осуществление решений XX и XXII съездов партии поставило перед историками задачу: «...До конца преодолеть все пережитки культа личности в научно-исследовательской и педагогической практике..., пересмотреть догматические положения и оценки, проникшие в исторические труды и учебные пособия, и восстановить в полном объеме ленинские научные методы анализа и оценки исторических фактов и явлений, основанные на принципах творческого марксизма». В части, касающейся непосредственно темы нашей работы, совещание рекомендует: «Считать одной из важнейших задач советских историков раскрытие глубоких корней дружбы народов Советского социалистического государства»[1].

Названные положения для историка обязательны. Стремясь установить методологические основы исследования корней дружбы народов, предпосылаем конкретно-историческому анализу рассмотрение основных марксистско-ленинских оценок колониальной политики царизма, характера царского господства в Казахстане и Туркестане, социально-экономических и политических предпосылок объединения революционных усилий трудящихся масс всех народов дореволюционной России под руководством пролетариата в их борьбе против российского военно-феодального и капиталистического империализма. Подвергнем также рассмотрению отклонения от ленинских оценок, допущенные И. Сталиным, и недостатки основной исторической литературы по изучаемому вопросу.

1. Ленинская оценка империализма в России и характера его колониального господства в Казахстане и Туркестане

Важнейшими исходными теоретическими положениями в нашем исследовании являются ленинские оценки империализма в России. За последние годы советские историки проделали значительную работу по

[1] Рекомендации Всесоюзного совещания по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. «История СССР», 1963, № 1, стр. III.

выяснению этих оценок и критике ошибок, допущенных в этом вопросе Сталиным. Начало обсуждения вопроса было положено в 1956 году дискуссионной статьей Б. Б. Граве «Была ли царская Россия полуколонией»[2]. В 1960 году опубликована статья В. И. Манцева «В. И. Ленин о военно-феодальном «империализме» царской России»[3]. Но особенно широкому обсуждению был подвергнут этот вопрос в 1961 году в связи с обстоятельной статьей А. Л. Сидорова «В. И. Ленин о русском военно-феодальном империализме»[4]. Не ставя своей задачей излагать ход обсуждения этих вопросов, скажем только об основных его результатах. Большинство советских историков в настоящее время придерживается следующих положений:

а) отвергнуто утверждение И. В. Сталина, что Россия «не была и не могла быть классической страной империализма»[5]. Полностью восстановлены ленинские оценки российского империализма, из которых вытекает, что Россия с начала XX века принадлежала к числу среднеразвитых стран, капиталистическое развитие которых вступило в стадию империализма. Именно благодаря развитию и обострению противоречий империализма создались условия для победы Великой Октябрьской социалистической революции, в которой «партия большевиков соединила в один революционный поток борьбу рабочего класса за социализм, общенародное движение за мир, крестьянскую борьбу за землю, *национально-освободительную борьбу угнетенных народов России* (курсив наш.— *П. Г.*) и направила эти силы на свержение капитализма»[6];

б) установлено, что ленинское положение о военно-феодальном империализме отражает не своеобразие российского империализма, а наличие военно-феодального империализма в России *наряду* с «новейшим» «капиталистическим» (термины В. И. Ленина) империализмом в тесном содружестве и в переплетении первого со вторым;

в) признано, что военно-феодальный империализм в России существовал задолго до вступления ее в стадию капиталистического империализма и выражался в агрессивной захватнической политике царизма, в политическом и экономическом угнетении более слабых народов. Царизм угнетает народы России «экономически и политически», говорил В. И. Ленин[7], и в этом было проявление военно-феодального империализма. Но военно-феодальный империализм нельзя считать стадией общественного развития (по аналогии с монополистическим капитализмом, империализмом) — это только агрессия, возникающая в определенных условиях феодализма и крепостничества.

Классовая сущность и истоки военно-феодального империализма определяются ленинской оценкой классовой сущности царизма. Царизм, по определению В. И. Ленина, был властью крепостников-помещиков. Наличие в России такой экономической базы, как «крепостнические латифундии и господство кабалы в земледелии», означало и сохранение соответствующей политической надстройки[8]. Такой надстройкой и было

---

[2] «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 63—73.

[3] «Вопросы политической экономии». Сб. статей. М., 1960, стр. 119—130.

[4] «История СССР», 1961, № 3, стр. 47—70. Доклад А. Л. Сидорова обсужден в сентябре 1961 г. на сессии Научного совета по предпосылкам Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник «Об особенностях империализма в России», включающий в себя материалы сессии, вышел из печати после сдачи настоящей рукописи в издательство.

[5] И. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 74.

[6] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1962, стр. 326.

[7] В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 86. Здесь и везде ссылки на изд. 4.

[8] В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 226.

царское самодержавие со всем его чиновничье-бюрократическим аппаратом власти, бесправием населения, казнокрадством, спекуляцией, хищничеством. Таким классовым содержанием и характером власти определяется и характер колониальной политики царизма. Она была помещичьей, крепостнической, а потому военно-феодальной, хищнической, грабительской. Возникнув вместе с образованием Российского централизованного многонационального крепостнического государства (XVI—XVII века), помещичье военно-феодальное угнетение малых народов просуществовало вплоть до революции 1917 года, до свержения царизма. «Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, *угнетение национальностей* (курсив наш.— *П. Г.*)»— это были «главнейшие проявления, пережитки, остатки крепостничества в России к 1917 году», которые Советской власти пришлось выкорчевывать до конца[9]. Выкорчевка началась с уничтожения царской монархии в феврале и завершилась только после победы Октябрьской социалистической революции.

Период возникновения в России военно-феодального империализма определяется общей концепцией классиков марксизма. К. Маркс говорил о России, что ее агрессивная политика из глубины веков не изменялась. «Ее методы, ее тактика, ее приемы могут изменяться, но путеводная звезда этой политики — мировое господство, остается неизменной»[10]. В. И. Ленин писал, что царизм веками стремился «и к завоеванию Константинополя, и к завоеванию все большей части Азии»[11]. Таким образом, возникновение царской агрессии по отношению к соседним народам, проявление военно-феодального империализма в России приходится отнести к XVI—XVII векам, когда процесс объединения русских земель в единое централизованное государство начал перерастать в процесс захвата земель соседних более слабых народов, подчинения их Российскому самодержавному крепостническому государству, установления и развития военно-феодальной и торгово-ростовщической эксплуатации этих народов со стороны крепостников-помещиков и купцов.

Однако, поскольку в названных хронологических рамках (XVI—XVII века) преобладали вассальные отношения с подчиненными России народами (частично достигшими в своем развитии стадии раннего феодализма, частично переживавшими дофеодальный период своей истории), вернее будет назвать этот период периодом становления военно-феодального империализма, чем периодом его окончательного безраздельного господства.

В XVIII— первой половине XIX века отношения вассального подчинения народов Сибири и Средней Азии могущественному «сюзерену»— России окончательно переросли в колониальное подчинение. Эксплуатация угнетенных народов, усиливаясь, не только сохранила старые феодальные формы, но и превратилась в один из главных источников первоначального капиталистического накопления для российского капитализма. Возрастала феодальная дань царизму в форме налогов (ясак). совершался процесс распространения (расширенное воспроизводство) на новые территории феодального поместного церковного и дворцового землевладения, интенсифицировалась феодальная эксплуатация как русских крестьян-колонистов, так и местного крестьянства. Возрастали торговые обороты России с ее колониями, приносившие огромные прибыли. Власть местных феодалов над народами постепенно начала от-

---

[9] В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 30.

[10] К. Маркс. Речь на польском митинге в Лондоне 22 января 1867 года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16. М., 1960, стр. 206.

[11] В. И. Ленин. Сочинения, т. 23, стр. 116.

тесняться царским аппаратом власти — воеводы, а затем губернаторы с соответствующей иерархией чиновников[12].

Но основной чертой эксплуатации колоний за этот период (до середины XIX века) являлось то, что ценности, получаемые от колоний царизмом (главным образом пушнина) поставлялись местными феодалами, по существу являлись частью добычи, получаемой феодалами за счет эксплуатации местного крестьянства. Даже прибыли российских купцов в основном имели своим источником торговлю с феодалами, главными владельцами прибавочного продукта, с которыми по тем временам «имел дело купец»[13]. Широкие массы местного крестьянства еще не были вовлечены в товарные отношения или их вовлечение носило первоначальный, спорадический характер. Если, писал Маркс, Англия в это время своей торговлей разрушала первобытную общину в Индии, то «в противоположность английской русская торговля, напротив, оставляет незатронутой экономическую основу азиатского производства»[14].

Но в XIX веке, как указывает Ф. Энгельс в примечании к приведенным словам Маркса, и это начало изменяться. Наступил период все более возрастающего проникновения в царские колонии изделий русской промышленности, производство которых рассчитывалось «исключительно на внутренний и на пограничный азиатский рынок»[15]. Вторая половина XIX — начало XX века — это период развития российского капитализма «вширь», принесший и в царские «азиатские владения» развитие товарных отношений, разложение натурального хозяйства[16]. Этот период характеризуется не только дальнейшим развитием и усилением военно-феодальной эксплуатации колоний, но и включением их в систему российского капитализма, распространением на колонии капиталистической (позже — империалистической) эксплуатации. Российский торговый и ростовщический капитал, функционировавший до того в порах феодального общества колоний, превратился теперь в посредника между промышленностью России и мелким крестьянским сельскохозяйственным производством колоний, вовлекаемым в товарооборот, стал дополнением, непременным звеном российского капиталистического империализма, распространил свою эксплуатацию методами первоначального накопления на все трудовое население колоний, включил в свою систему и местный торгово-ростовщический капитал. Сельское хозяйство колоний стало поставщиком сырья для русской промышленности. Население Казахстана и Туркестана стало потребителем изделий русской промышленности. Наступил период одновременного существования военно-феодальной и капиталистической (с начала XX века — империалистической) эксплуатации колоний, период переплетения двух форм империализма — военно-феодального и капиталистического. Между военно-феодальным империализмом (царизмом) и империалистической буржуазией, при всем совпадении и переплетении их интересов в колониях, во многих случаях происходила борьба.

В этот период царизм окончательно оттесняет от власти местных феодалов, распространяет свой помещичье-бюрократический аппарат власти на Казахстан и Туркестан, находя опору для него у местных

---

[12] Конкретно-исторически этот процесс изучен Н. Г. Аполловой в ее книге «Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв.» М., 1960.

[13] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1954, стр. 343.

[14] Там же, стр. 346.

[15] Там же. Примечание Ф. Энгельса.

[16] Товарные связи России и Казахстана до изучаемого нами периода см.: М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949; ее же. Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX века. М., 1963.

эксплуататоров нового типа — полуфеодального байства, вовлекаемого в товарные отношения[17]. Вся власть над народами сосредоточилась в руках русских чиновников. Местное байство составило послушное низовое звено аппарата управления (волостные управители, старшины, казии, бии). Царизм и капиталистический империализм непосредственно присасываются к крестьянству, эксплуатируют крестьянство не только через местных эксплуататоров, но и через самостоятельно организованную систему эксплуатации. Рост капиталистической эксплуатации крестьянства сопровождался одновременным усилением военно-феодальной его эксплуатации, укреплением и расширением политической власти царизма. Для колоний это являлось потерей последних остатков их экономической самостоятельности. Военно-феодальная власть чиновников над местным населением дополнилась экономической властью российского капиталистического империализма.

Таковы общие черты процесса становления, развития и изменения, так сказать *генезиса,* российского военно-феодального империализма, его господства в изучаемых районах (Казахстан и Туркестан), сосуществования, переплетения и борьбы с капиталистическим империализмом.

Не правы те историки, которые расценивают стремление народов Сибири и Кавказа в период XVI—XVIII веков объединиться с Россией вне зависимости от данной конкретной обстановки, как внутренне присущее народам стремление к единству[18]. В действительности это стремление в период феодализма вызывалось необходимостью найти более сильного сюзерена-покровителя, чтобы избавиться от крайне жестоких хищнических набегов феодалов соседних стран (Джунгария, Иран, Турция) и губительных для развития местных производительных сил внутренних феодальных войн. Объединение народов в такой обстановке под властью могущественной России, уже покончившей с локальными феодальными войнами, имело для присоединяемых народов положительное значение в том отношении, что облегчало для них задачу преодоления локальных войн своих феодалов. Так было на Кавказе, так происходило в Казахстане и Туркестане. При всей реакционности царской агрессии это явление вклинивается в общий процесс как прогрессивное[19]. Факты

---

[17] Энгельс писал: «На всем Востоке, где земельным собственником является община или государство, в языке отсутствует даже слово «помещик» (Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 181). Так и в Казахстане. Но если под помещиком разуметь феодала, который уже втянут в товарные отношения и эксплуатирует крестьянство так же, как обладатель торгового ростовщического капитала, то к этому типу принадлежит и то байство, о котором здесь идет речь. Их сходство с помещиками в период проникновения в Казахстан капитализма возрастает также и с той стороны, что в процессе разложения скотоводческой общины они постепенно превращались в земледельцев.

[18] Такая мысль, по существу, проходит через все главы «Очерков истории СССР. Период феодализма». М., 1955 и 1956.

[19] Энгельс указывает, что у народов в период феодализма повсюду «увеличивалось количество таких элементов населения, которые ... требовали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам..., чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжалось в течение всего средневековья». Эти элементы в Европе находили выход в установлении королевской власти, которая в этом отношении играла прогрессивную роль. (См.: Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21. М., 1961, стр. 409).

В Казахстане, Туркестане и на Кавказе эти элементы в XVII—XVIII веках были слишком слабы, чтобы обеспечить торжество самодержавной центральной власти и одновременно отстоять свою самостоятельность (как это произошло в России в период освобождения от «татарского ига»). Сложилось так, что для них такой сильной властью оказалось русское самодержавное государство. Это принесло национальный гнет. Русский царь не являлся для покоренных народов королем-объединителем в европейском значении этого явления, но он ликвидировал локальные войны, ибо в этой ликвидации был заинтересован и сам.

показывают, что в этом были заинтересованы не только феодалы, стремившиеся с помощью царской России укрепить свою власть, но и широкие народные массы, искавшие выхода из губительных для народного хозяйства феодальных войн[20].

В свете сказанного становится очевидным, что данная Сталиным оценка процесса объединения национальностей под властью царизма не полностью охватывает сущность этого явления и вытекающие из него противоречия. И. Сталин пишет: «В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию»[21]. С точки зрения ленинской постановки вопроса о военно-феодальном империализме эту формулу нельзя считать исчерпывающей. В ней, как и во всей цитированной работе, упускается из виду, что процесс объединения народов в рамках российского крепостнического государства был одновременно и процессом установления колониального господства российского военно-феодального империализма над объединяемыми народами.

Известно, что Маркс и Энгельс считали русский царизм последним сильным оплотом реакции в Европе XIX столетия[22] и в высшей степени отрицательно относились к его агрессивной политике. Россия расценивалась ими как владелец «громадного количества украденной собственности, которую ей придется отдать назад в день расплаты»[23]. При этом, по определению Маркса, везде, куда бы русский царизм ни распространял свою власть, он приносил «русскую самодержавную систему с сопровождающими ее явлениями коррупции, полувоенной бюрократии и вымогательства на подобие той, которая практикуется пашами»[24]. Иначе говоря, независимо от форм присоединения того или другого народа к России всякий новый грабеж царизмом чужой собственности означал установление над присоединенными народами его военно-феодального господства.

В полном согласии с Марксом и Энгельсом В. И. Ленин, говоря об объединении народов в рамках российского самодержавного государства, также отмечал, что это было установлением колониального гнета со стороны российского военно-феодального империализма. «... В России великороссы не столько объединили, сколько придавили ряд других наций»[25],— писал В. И. Ленин, как бы полемизируя с приведенной формулой Сталина. Только в свете этих оценок можно понять и характер, и значение царской военно-феодальной агрессии против более слабых народов.

Антицаристские движения в Казахстане начались задолго до возникновения капитализма и появления национальной буржуазии: участие казахов в Пугачевском восстании, восстание Исатая Тайманова в 30-х годах XIX века и другие. Без учета возникновения, вместе с объединением, военно-феодального гнета России над объединяемыми народами все эти движения не объяснимы. Если же учесть, что уже в XVIII веке вассальные отношения России и Казахстана перерастали в колониаль-

---

[20] Наиболее полной работой по истории присоединения Малого жуза к России является работа Н. Г. Аполловой «Присоединение Казахстана к России в начале XVIII века». Алма-Ата, 1948.

[21] И. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 304.

[22] Ф. Энгельс. О социальном вопросе в России. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18. М., 1961, стр. 567.

[23] Ф. Энгельс. Какое дело рабочему классу до Польши. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, М., 1960, стр. 160.

[24] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX. М., 1933, стр. 397.

[25] В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 100.

ные, тогда и названные движения находят свое объяснение. Они еще не являлись движениями буржуазными. Это антифеодальные народные движения против усиливавшего свою власть сюзерена — России. Но в то же время они являлись антиколониальными, ибо выражали протест против усиления колониальной эксплуатации.

Подлинной причиной тяги слабых народов Средней Азии и Кавказа к могущественной России в период феодализма были поиски наиболее выгодного сюзерена. Но наряду с этим необходимо вскрывать процесс нарастания сопротивления трудящихся масс политическому и экономическому гнету царизма. Необходимо также видеть, что экономическая основа для возникновения буржуазных национальных движений, тем более предпосылки объединения трудящихся масс под руководством рабочего класса для борьбы против колониального гнета, при одновременном сохранении единства народного хозяйства всей России, сложились вместе с развитием капитализма и российского капиталистического империализма. Не исторично переносить явления, рожденные капитализмом (тяга трудящихся масс к единству на базе борьбы не только с царизмом, но и с империализмом), на период феодализма XVI—XVIII веков. Тогда тяга под владычество России имела единственную причину — поиски выгодного сюзерена-покровителя. И чем более сюзерен превращался в носителя колониальной эксплуатации, тем более сильным становилось сопротивление казахского народа этой эксплуатации. Но до возникновения капитализма движение трудящихся масс против царизма складывалось на основе народно-освободительной антифеодальной борьбы.

2. Развитие российского капитализма «вширь». Два возможные пути развития капитализма в сельском хозяйстве

Военно-феодальная эксплуатация колоний со стороны царизма, просуществовавшая вплоть до революции 1917 года, сводилась к следующему: обложение народов налогами (данью) в формах и размерах, включавших не только государственный налог, но и земельную ренту; объявление земель покоренных народов находящимися в верховной собственности российского крепостнического государства; расхищение земель применительно к интересам российских крепостников-помещиков, военным и общегосударственным интересам царизма; феодальные поборы, взятки, расхищение народных денег (коррупция) чиновничье-помещичьим и местным байским аппаратом власти, а также прямой грабеж в процессе военных налетов («поисков»); установление военно-феодальной власти русских чиновников над местным населением, близкой по своему характеру к власти русских крепостников-помещиков над крепостными крестьянами. Все эти черты претерпевали некоторую эволюцию во времени и вариацию по районам, но в существе своем оставались неизменными и сохранились до революции 1917 года. Колониальный гнет царизма был прежде всего одним из могучих пережитков феодализма, ликвидированных только в 1917 году.

Наряду с этим, со вступлением России на путь капиталистического развития начался процесс «освоения» царских колоний промышленным капиталом, переросшим в начале XX века в империализм. В колониях эпохи промышленного капитализма, по определению Маркса, совершается двуединый экономический процесс: заселение незанятых земель земледельцами-крестьянами и специализации заселенных районов и целых стран на производстве сельскохозяйственного сырья на основе

капиталистического международного разделения труда[26]. Принимая на свою территорию все новые и новые волны крестьян-переселенцев, развивавших сельскохозяйственное производство, и специализируясь на производстве сельскохозяйственного сырья для российской промышленности, царские колонии со второй половины XIX века все больше и больше втягивались в рыночные отношения, становились колониями промышленного капитала, по определению В. И. Ленина, — колониями центральной Европейской России «в экономическом смысле»[27]. Военно-феодальная эксплуатация со стороны царизма дополнялась эксплуатацией капиталистической и переплеталась с ней. Два типа империализма господствовали в царских колониях в начале XX века: царизм, представлявший помещичий, крепостнический военно-феодальный империализм, и империализм новейшего типа — капиталистический. Эксплуатируя совместно колонии, военно-феодальный и капиталистический империализм не только переплетались между собой, но во многих случаях вступали между собой в борьбу. Таковы были результаты развития российского капитализма вширь, на новые территории в пределах единого Российского государства.

Какой характер носило проникновение российского капиталистического империализма в царские колонии?

Установив, что российский капиталистический империализм во всех своих существенных чертах был типичным империализмом, естественно прийти к выводу, что и характер его проникновения в колонии носил те же типичные черты. На Шестом конгрессе Коминтерна (1928 год) эти черты были установлены со всей полнотой. В тезисах доклада Г. Эрколи (П. Тольятти) «О революционном движении в колониальных странах» об экспорте капиталов в колонии читаем следующее: «Экспортированный капитал вливается здесь преимущественно в сферу торговли, функционирует главным образом в качестве ростовщического ссудного капитала и преследует задачу сохранения и усиления угнетательского аппарата империалистического государства в колониальной стране»[28]. Это типично для всех империалистических стран. Очень важно, что эту же черту, типичную и для российского капитала, проникавшего в царские колонии, В. И. Ленин отметил еще в книге «Что такое «друзья народа»...». Он писал, что российский капитал, дочиста обобрав народ в России и не желая «переходить к индустриальному капиталу, не способному так обогащать, как торговый», устремился «на восточные и северные окраины Европейской России, где еще возможно «первоначальное накопление», дающее сотни процентов прибыли, где буржуазное разложение крестьянства еще далеко не завершилось»[29]. Таким образом, и российский капитал шел в колонии в форме торгового и ростовщического капитала. В колониях появились русские «герои первоначального накопления».

Позже В. И. Ленин дал более широкие обобщения по этому вопросу. Со времени появления в России партии октябристов, выражавших интересы того крыла российской империалистической буржуазии, которое, наряду с особенно варварской, жестокой эксплуатацией рабочего класса на промышленных предприятиях, эксплуатировало методами первоначального накопления и широкие слои трудового крестьянства, Ленин назвал этот капитал *октябристским*. Этот термин он распростра-

[26] К. Маркс и Ф. Энгельс. О колониальной системе капитализма. М., 1959, стр. 219.

[27] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 520.

[28] «Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна», вып. 6, М.—Л., 1929, стр. 133.

[29] В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»... Соч., т. I, стр. 293.

нял не только на российский империализм, но и на империализм западно-европейских капиталистических стран. Вот что он писал в 1911 году: «Международный пролетариат теснит капитал двояко: тем, что из октябристского превращает его в демократический, и тем, что, выгоняя *от себя* капитал октябристский, *переносит* его к дикарям. А это расширяет базу капитала и приближает его смерть. В Западной Европе уже почти нет капитала октябристского; почти весь капитал демократический. Октябристский капитал из Англии, Франции ушел в Россию и в Азию. Русская революция и революция в Азии=борьба за вытеснение октябристского капитала и за замену его демократическим капиталом. А демократический капитал=последыш. Дальше ему идти некуда. Дальше ему капут»[30].

В этих определениях заключается существо ленинской концепции образования мировой колониальной системы империализма. Классовая борьба в передовых капиталистических странах приводит к вытеснению торгово-ростовщического капитала с его методами эксплуатации, свойственными эпохе первоначального накопления. По мере роста производительных сил торговый капитал превращается в индустриальный. Но он еще находит в колониях не вовлеченное в товарные отношения сельское хозяйство, присасывается к мелкому производителю — крестьянину, получает огромные торговые и ростовщические прибыли за счет его экспроприации. Что же касается России, где, как в центральных областях, так и тем более в колониях, еще далеко не завершился процесс капиталистического развития сельского хозяйства и расслоения крестьянства, то октябристский капитал здесь функционирует и на территории метрополии и тем более на территории колоний. Развитие российского капитализма «вширь» представляло собою прежде всего распространение сферы действия октябристского капитала на все новые и новые территории. Поскольку в колониях (Сибирь, Казахстан, Туркестан) преобладало первоначальное накопление, экспроприация крестьянства при крайне слабом развитии промышленности,— В. И. Ленин этот тип капитализма называл *октябристским капитализмом*. «Вот вам октябристский капитализм эпохи первоначального накопления, уморно уживающийся с Пуришкевичами и пуришкевичевщиной российской жизни!»[31]— пишет В. И. Ленин, приводя факты хищничества российского капитала в Сибири.

Втягивание колониального крестьянства в товарные отношения означало превращение его из силы антифеодальной, противостоящей российскому военно-феодальному империализму и местным феодалам, боровшейся против феодальной эксплуатации, также в силу антиимпериалистическую. При этом такой силой в колониях становилось не только местное, но и русское переселенческое крестьянство, а также трудовое казачество, неизбежно попадавшее в орбиту капиталистической эксплуатации наряду с местным крестьянством.

Социально-экономическим содержанием борьбы крестьянства в этих условиях являлась борьба за вытеснение октябристского капитала и замену его демократическим капиталом. «*Сопротивление* колониальной политике и международному грабежу... *не задерживает* развитие капитализма, а *ускоряет* его, заставляя прибегать к более культурным, более технически высоким приемам капитализма». И чем интенсивнее это сопротивление, «тем труднее держаться капитализму первого сорта, тем обязательнее переход его в капитализм второго сорта.

---

[30] В. И. Ленин. Сочинения, т. 34, стр. 385.

[31] В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 49.

А это нам наруку, это пролетариату наруку»[32]. Колониальное крестьянство соединяет свои усилия с борьбой рабочего класса. Борьба за сокращение фронта торговой и ростовщической эксплуатации, за вытеснение октябристского капитала, замену его демократическим не только соединяла в единый фронт крестьянское движение всей Российской империи, но и обеспечивала ему поддержку и руководство со стороны пролетариата. Если ревизионисты от утверждений, будто «колониальная политика прогрессивна, насаждает капитализм»[33], приходили к отрицанию возможности союза пролетариата и колониального крестьянства, то В. И. Ленин, анализируя характер развития капитализма в колониях вообще, в российских колониях в частности, обосновал неизбежность этого союза.

Первоначальное накопление в колониях было, однако, далеко не тем, чем являлась эпоха первоначального накопления в истории капитализма периода промышленных переворотов. В своей сущности и в изучаемых районах это был «исторический процесс отделения производителя от средств производства», причем «экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса»[34]. Но Маркс предупреждал, что вариации этого процесса в различных исторических условиях очень разнообразны. И особенно важно отметить своеобразие отделения крестьянства от земли в условиях колониального состояния той или иной страны.

В независимых странах в период промышленных переворотов накопления шли непосредственно на развитие индустриальных форм капитала. Накопления же, совершаемые империалистами за счет экспроприации крестьянства в колониях, вывозятся из колоний и в основной своей части обращаются на промышленное развитие метрополий. Вследствие этого экономическое развитие колоний задерживается, углубляется разница между уровнем развития производительных сил в колониях и метрополии. Это несет в колонии невиданную нищету при почти полном отсутствии возможностей превращения экспроприированных мелких производителей — крестьян в индустриальных рабочих[35].

В этих именно формах и совершался процесс развития российского капитализма «вширь», процесс распространения октябристского капитала на все новые территории. В Казахстане и Туркестане крестьянство экспроприировалось, но накопления от экспроприации не вкладывались в промышленное развитие этих районов, крестьянство пауперизировалось, не превращаясь в индустриальных рабочих. Развивался не передовой капитализм с высоким уровнем индустрии, а «октябристский капитализм эпохи первоначального накопления». Разница в уровне экономического развития между Россией и ее колониальными окраинами углублялась.

Этот процесс, по определению В. И. Ленина, имел и другую сторону. Он задерживал переход торгового и ростовщического капитала в индустриальный и в Центральной России. «Возможность угнетать и грабить чужие народы укрепляет экономический застой, ибо вместо развития производительных сил источником доходов является нередко полуфеодальная эксплуатация «инородцев»[36]. Для России это означало, что прогрессивный процесс перерастания торгового и ростовщического

---

[32] В. И. Ленин. Сочинения, т. 34, стр. 384.

[33] Там же, стр. 384.

[34] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. М., 1960, стр. 727 и 728.

[35] Эта сторона явления ярко показана в цит. докладе Г. Эрколи. См.: «Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна, вып. 4. М.—Л., 1929, стр. 40.

[36] В. И. Ленин. Социализм и война. Соч., т. 21, стр. 278.

капитала в индустриальный задерживался и наряду с этим совершался процесс расширения методов первоначального накопления. Для царских колоний, специализировавшихся на производстве сельскохозяйственного сырья и включенных в орбиту неэквивалентного обмена сырья на изделия русской промышленности, это приносило выкачку огромных богатств, интенсивное обнищание и пауперизацию крестьянства при почти полном отсутствии вложения накопляемых капиталов в промышленность. Борьба крестьянства колониальных окраин России за демократический путь развития капитализма и объединение его усилий с аналогичными усилиями российского крестьянства становились экономической необходимостью. Крестьянство всей России (и метрополии и колоний) превращалось в прогрессивную силу, объективно боровшуюся за демократический путь развития капитализма, заставлявшую российский капитал «прибегать к более культурным, более технически высоким приемам капитализма» (Ленин). В этой борьбе усилия крестьянства сближались и в период социалистической революции слились с борьбой рабочего класса за социализм.

Классовая борьба крестьянства ускоряла экономический прогресс, который не останавливался ни в Казахстане, ни в Туркестане, как он не останавливался и не мог остановиться и в любых других колониях капиталистического империализма. И в Казахстане, и в Туркестане развивался также капитализм и в промышленной форме. Скупая сырье, буржуазия строила промышленные предприятия для его первичной обработки и для удовлетворения ряда местных нужд, строились железные дороги, зародилась горная промышленность.

Наряду с феодальными методами эксплуатации в сельском хозяйстве появился и вольнонаемный труд, и здесь зарождались, таким образом, элементы капиталистического производства. Но высокие торговые и ростовщические прибыли почти исключали вложения капиталов в индустрию. Капиталы вкладывались только в такие предприятия, которые давали столь же высокие прибыли (больше 100 процентов годовых), какие получались от торговых и ростовщических операций. Это тормозило экономический прогресс, углубляло разницу в уровне экономического развития между относительно более развитой в экономическом отношении империалистической метрополией — Россией и ее отсталыми колониями. Это придавало крестьянской национально-освободительной борьбе особую, не только политическую, но и экономическую значимость.

Признав, что Россия в XX веке переживала стадию капиталистического империализма, нельзя не видеть типичных для империализма черт его господства в колониях. Делает ошибку Сталин, когда он, не замечая в России зрелого капиталистического империализма, не обнаруживает и основных типичных черт его господства в колониях. Но неправы и некоторые историки 30-х годов (Тогжанов, Асфендиаров, Федоров)[37], когда они оценки колониальной системы мирового капиталистического империализма, данные Шестым конгрессом Коминтерна, целиком переносят на колониальное господство царской России в Казахстане, забывая, что в данном случае (как и в Туркестане) имело место не только экономическое господство капиталистического империализма, но существовало одновременно политическое и экономическое господство во-

---

[37] Г. Тогжанов. О казахском ауле. Казгиз, без года; С. Д. Асфендиаров. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата — М., 1936; Е. Федоров. Казахстан — колония царизма в конце XIX и начале XX столетия. «Ученые записки Алма-Атинского государственного педагогического института им. Абая», т. II. Алма-Ата, 1941.

енно-феодального империализма (царизма). Господство последнего с его военно-феодальными методами эксплуатации, с его исключительно тяжелым политическим угнетением, сильно ухудшавшим и экономическое положение трудящихся масс, приводило к тому, что пауперизация крестьянства совершалась с особенной интенсивностью. На этой почве росла и развивалась всяческая кабала — торгово-ростовщическая и феодальная. Антицаристская и антифеодальная борьба крестьянства, какую оно вело в XVIII — первой половине XIX века как класс феодального общества, теперь, со второй половины XIX века, вместе с постепенным вовлечением сельского хозяйства в товарные отношения, приобрела новое социальное содержание. Теперь она стала борьбой за революционную расчистку сельского хозяйства от феодальной и ростовщической кабалы, против хищнической торгово-ростовщической эксплуатации, за «американский путь развития капитализма». Оставаясь классом феодального общества, крестьянство в то же время вступило на путь борьбы за «наиболее чистый, максимально-последовательный, идеально-совершенный капитализм»[38]. Это капитализм без пауперизации, полный переход торгового и ростовщического капитала в индустриальный, феодального сельского хозяйства — в капиталистическое фермерское, построенное на вольном найме, без ростовщической кабалы. Складывались предпосылки перерастания антицаристского крестьянского движения в антиимпериалистическое, а вместе с тем и антифеодальное против местных эксплуататорских классов. И чем дальше проникал в колонии капитализм в промышленной форме, тем острее становилась борьба двух форм капитализма, тем мощнее становились силы крестьянской национально-освободительной революции, теснее сближалось крестьянское демократическое национально-освободительное движение с борьбой рабочего класса за социализм. Рабочий класс становился гегемоном крестьянской национально-освободительной революции.

Из этих оценок процессов экономического развития Российской империи (России и ее колоний) исходил В. И. Ленин при разработке программы нашей партии по аграрному вопросу. Требование национализации земли было рассчитано на то, чтобы революционным путем последовательно расчистить сельское хозяйство всей России (в том числе и колониальных окраин) от феодализма. «*Смысл* нашей аграрной программы: русский пролетариат (сельский в том числе) должен поддержать крестьянство в борьбе с крепостничеством»,— писал В. И. Ленин[39].

В книге В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» читаем: «Без «чистки» средневековых поземельных отношений и распорядков, *частью феодальных, частью азиатских* (курсив наш.—*П. Г.*), *не может* произойти буржуазный переворот в земледелии...

...Основой раздела должна быть не старая надельная земля, распределенная между крестьянами сотню лет тому назад по воле помещичьих бургомистров или *чиновников азиатской деспотии* (курсив наш.— *П. Г.*),— основой должны быть требования свободного, торгового земледелия. ...А эта новая разборка и есть национализация земли, т. е. полное уничтожение частной собственности на землю, полная свобода хозяйства на земле, свобода образования фермеров из старого крестьянства»[40]. Отметив, что в Государственной думе не только пред-

---

[38] В. И. Ленин. Демократия и народничество в Азии. Соч., т. 18, стр. 148.
[39] В. И. Ленин. Сочинения, т. 40, стр. 37.
[40] В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг. Соч., т. 13, стр. 251 и 252.

ставители крестьянства европейских губерний, но и Сибири (Тобольская губерния) высказались за национализацию. В. И. Ленин пишет: «Очевидно, придавленность мелкого крестьянина крепостническим помещичьим землевладением, выраженная всего сильнее и непосредственнее в чисто-русском земледельческом центре, *дает себя знать по всей России* (курсив наш.— *П. Г.*), вызывая у мелких земледельцев *повсюду* (курсив наш — *П. Г.*) поддержку борьбы за национализацию земли»[41].

И далее: «Наше дело — сплачивать и концентрировать движение, пропагандируя наилучший путь, наилучшее в буржуазном обществе земельное устройство, борясь с силой традиции, предрассудков, косного провинциализма. ... Национализация колонизационного фонда, национализация лесов, национализация всей земли в центральной России не может сколько-нибудь долго ужиться с частной собственностью на землю в пределах той или иной части государства (раз причиной объединения этого государства является действительно основной поток экономической эволюции). Либо та, либо другая система должна будет взять верх. Опыт решит это»[42].

Приведенные высказывания В. И. Ленина дают возможность сделать следующие выводы: а) капитализм в сельском хозяйстве, как Центральной России, так и ее азиатских колоний, развивался по медленному, мучительному прусскому пути; б) «чистка» поземельных отношений от феодализма требовала и там и здесь революционной ломки землепользования через национализацию земли; в) такое сближение аграрной революции в России с аграрной революцией в ее колониях совершалось вследствие того, что, с присоединением окраин к России, на всей ее территории сложилась единая экономическая система, в которой весь *город* (империализм) противостоял всей *деревне* — и российской, и колониальной — своему объекту эксплуатации; г) программа партии по аграрному вопросу была рассчитана на объединение крестьянства всех национальностей Российской империи для осуществления задачи революционной ломки феодальных отношений в сельском хозяйстве *во всероссийском масштабе,* на подтягивание движения крестьянства в колониях до уровня движения в передовых районах России.

Своеобразие борьбы колониального крестьянства за демократический путь развития капитализма в сельском хозяйстве заключалось в следующем: а) его первые удары по царизму и империализму мало затрагивали местных феодалов; б) ввиду недоразвитости капиталистических отношений в аулах и кишлаках ликвидация торгово-ростовщической эксплуатации и феодализма затянулась на ряд лет после Октябрьской социалистической революции; в) местный «помещик» был ликвидирован только в 20-х годах в результате земельных реформ, а окончательно борьба с ним завершена в период коллективизации; г) переход казахстанской и туркестанской деревни к социализму совершился не через борьбу с капитализмом (разумеется капитализм в сельском хозяйстве в форме товарного производства, кулацкого предпринимательства), а непосредственно через борьбу с торгово-ростовщической эксплуатацией и феодализмом. Но основное направление борьбы российского и окраинного крестьянства было общим.

В России—борьба за демократический путь развития капитализма в сельском хозяйстве означала борьбу за *крестьянскую* буржуазно-демократическую революцию. совершающуюся под гегемонией пролетариата и приводящую после свержения царизма (военно-феодального империализма) не к власти империалистической буржуазии, а к демо-

[41] Там же, стр. 244.
[42] Там же, стр. 379.

кратической диктатуре пролетариата и крестьянства, перерастающей в социалистическую диктатуру рабочего класса. В колониях — борьба за демократический путь развития капитализма в сельском хозяйстве означала борьбу за *крестьянскую национально-освободительную революцию,* совершающуюся в полном единстве с российской крестьянской буржуазной революцией под руководством всероссийского пролетариата и перерастающую со свержением царизма (военно-феодального империализма) в борьбу против капиталистического империализма, имевшую в перспективе все предпосылки развития отсталых колоний к социализму, минуя стадию капитализма.

Если аграрная программа большевиков вела национально-освободительную революцию на путь крестьянской революции, то меньшевистская программа муниципализации (провинциализации) земли вела к буржуазной национальной революции, вручавшей власть местной буржуазии. «*На деле* «муниципализаторская» идея *только и служила* националистическим тенденциям разных групп буржуазии»[43]. Представители национальной буржуазии поддержали во второй Государственной думе эту программу, рассчитывая получить после революции свою буржуазную националистическую автономию и распорядиться землей так, как это будет угодно эксплуататорским классам национальных окраин.

В силу того, что верховным собственником земель Казахстана и Туркестана, как сказано выше, был царизм — военно-феодальный империализм, власть местных землепользователей над землею ограничивалась властью царизма, особенно в Казахстане. Поэтому местные националистические элементы, при поддержке кадетов и октябристов, боролись за установление полной индивидуальной собственности на землю. Алашордынцы, например, выступали за власть «государства» Алаш над еще не обособленными общинными пастбищами. В сущности это было требование распространить действие столыпинских реформ на Среднюю Азию и Сибирь в пользу развития капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути. Но требование установления индивидуальной земельной собственности или власти «государства» Алаш над общинными землями, в противопоставлении с программой национализации земли последовательно-демократическим государством рабочих и крестьян, было контрреволюционным. Борьба двух путей разрешения аграрного вопроса в Казахстане и Туркестане была борьбой двух типов национальной революции: буржуазного и буржуазно-демократического — крестьянского.

3. Об ошибках И. В. Сталина в оценке колониальной политики царизма

Из сказанного вытекает, что прежде чем приступить к изучению аграрных отношений в Казахстане, необходимо правильно поставить следующие узловые органически связанные между собой вопросы: а) ленинское понимание военно-феодального империализма и его роль в эксплуатации колоний; б) ленинская оценка развития российского капитализма вширь и роль российского капиталистического империализма в колониях; в) ленинская постановка вопроса о двух возможных путях развития капитализма в сельском хозяйстве применительно к Казахстану и Туркестану. Именно эти вопросы до сих пор в исторической литературе недостаточно разработаны.

Пишущий эти строки, исследуя в начале 30-х годов историю коло-

[43] Там же, стр. 377—378.

ниальной политики царизма, исходил из теории о преобладании в России военно-феодального империализма и наличии империализма новейшего типа — капиталистического империализма[44]. В 1953 году при обсуждении макета «Истории Казахской ССР» с этой же точкой зрения выступил И. М. Бровер[45]. В сентябре 1961 года эти вопросы были широко обсуждены в Ленинграде на пленуме Научного совета Института истории Академии наук СССР по проблеме «Предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции»[46]. В 1962 году М. П. Вяткин в работе «Монополистический капитал в Средней Азии»[47] исходил из наличия в России двух типов империализма и их борьбы между собою по вопросам колониальной политики. Вопрос о двух возможных путях развития капитализма применительно к Сибири разработали П. И. Малахинов и В. А. Степынин[48]. По Туркестану и Казахстану вопрос о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве ставится в статьях автора этих строк[49]. Вопрос о роли российского военно-феодального империализма в России и ее колониях, переселенческий вопрос и ряд других ставит С. М. Дубровский в капитальном труде «Столыпинская земельная реформа»[50]. Вопрос об октябристском капитале в России ставит И. Ф. Гиндин[51].

Ряд историков российского империализма (А. Л. Сидоров, И. Ф. Гиндин, К. Н. Тарновский М. Я. Гефтер и др.), касаясь колониальной политики царизма, также отмечают господство в царских колониях военно-феодального и капиталистического империализма. Однако примерно с конца 40-х — начала 50-х годов большинство историков в этом вопросе начали исходить из ошибочного утверждения, что ленинское понятие военно-феодального империализма означает только своеобразие российского империализма, что в России был единый военно-феодальный империализм, что империализм в России имел феодальные черты и поэтому Ленин назвал его военно-феодальным.

Основу этой концепции положил И. В. Сталин. Правильно раскрыта в названной выше статье Б. Б. Граве и в ряде выступлений других историков ошибочность сталинской формулы, что Россия не только не была, но и не могла быть классической страной империализма[52]. Необходимо, од-

---

[44] П. Г. Галузо. Туркестан — колония. Ташкент, 1935.

[45] И. Бровер. К вопросу об особенностях российского империализма. «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1953, № 7 (100).

[46] Материалы пленума Научного совета в печати (см. прим. 4).

[47] М. П. Вяткин. Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962.

[48] П. И. Малахинов. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962; В. А. Степынин. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.

[49] П. Г. Галузо. Троцкистско-колонизаторская концепция истории российского господства в Средней Азии. «Революция в Средней Азии». Сб. 3. Ташкент, 1932, стр. 13—50; его же. О классовом расслоении Семиреченского казачьего войска. «Ученые записки Казахского государственного университета им. С. М. Кирова», т. XLVIII. Алма-Ата, 1961, стр. 71—96; его же. Земледелие казахского и киргизского крестьянства Семиречья во второй половине XIX века. Там же, т. IV, Алма-Ата, 1963, стр. 121—136; его же. Уйгурское и дунганское крестьянство в дореволюционном Семиречье. «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР», т. II. Алма-Ата, 1961, стр. 75—125; его же. Из истории аграрных отношений дореволюционного Семиречья (конец XIX— начало XX в.). В сб. «Особенности аграрного строя России в период империализма». М., 1962, стр. 187—222.

[50] С. М. Дубровский. Столыпинская земельная реформа. Из истории сельского хозяйства и крестьянства в России в начале XX века. М. 1963.

[51] И. Ф. Гиндин. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности. «История СССР», 1963, № 2 и 3, стр. 57—80, 37—60.

[52] Очень интересная разработка этого вопроса дана В. И. Бовыкиным в статье «О некоторых вопросах изучения иностранного капитала в России», опубликованной в сборнике «Об особенностях империализма в России», вышедшем после написания настоящей работы.

нако, сказать, что эта формула у И. В. Сталина органически сочеталась с утверждением о том, что в России капиталистический империализм сливался с царизмом. В работе «Об основах ленинизма», где дается эта формула, за ней следует утверждение: «Начать с того, что царская Россия была очагом всякого рода гнета—и капиталистического, и колониального, и военного,— взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме. Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов, эксплуатация целых районов — Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват? Ленин был прав, говоря, что царизм есть «военно-феодальный империализм». *Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат* (курсив наш.— *П. Г.*)»[53].

Под фразой о «бесчеловечной и варварской форме... всякого рода гнета» в царской России здесь скрывается субъективистская оценка явлений, отсутствие анализа типов социального гнета, разнородности социальных противоречий и вытекавшей из этого расстановки классовых сил (две войны в недрах русского общества, по Ленину). Отсюда неизбежно упускается из виду: а) что царизм, будучи властью крепостников-помещиков, потому и назван Лениным военно-феодальным империализмом, что он отражал военно-феодальную агрессию крепостников по отношению к угнетенным им соседним народам; б) что царизм, эксплуатируя и захватывая все новые и новые районы, потому и «обслуживал» агрессивные устремления российского империализма, что в этой агрессии были заинтересованы и крепостники-помещики, имевшие самостоятельные интересы в колониях и заинтересованные в захватах во имя ослабления противоречий внутри страны между капитализмом и крепостничеством; в) что от совпадения и переплетения агрессивных устремлений царизма и империализма ни царизм не перестал быть «военно-феодальным», не прекратил военно-феодального угнетения покоренных им народов, ни российский капитализм, вступивший в стадию империализма, не изменял и не мог изменить своей сущности, а потому, несомненно, был типичным (избегаем слова «классический», так как оно здесь мало подходит) империализмом.

Сталин, ссылаясь на ленинское определение военно-феодального империализма, по сути вкладывает в него свое, не совпадающее с ленинским, содержание. По его определению, это и не военно-феодальный и не капиталистический империализм, а *политика* царизма, которая *одновременно* является и палачеством царизма (без определения его классовой сущности) и агрессией империализма. Обе составляющие оторваны от своей социальной базы, объединены воедино и получили название — военно-феодальный империализм,— или, что то же самое, если исходить из точного текста,—«средоточие отрицательных сторон империализма». После таких логических заключений совершенно естествен вывод, что Россия не только не была, но и не могла быть страной классического империализма. Здесь царизм как бы подменяет собою империализм.

Эта постановка вопроса лишала И. В. Сталина возможности показать, какими путями именно империализм (капиталистический империализм) не столько развивал производительные силы, не столько содействовал развитию промышленного капитализма в колониях, сколько тормозил это развитие, консервировал феодальные отношения. Поэтому единственной силой, тормозившей общественное развитие колоний, в его

[53] И. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 74—75.

представлении является царизм. «Царизм,— писал он,— намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве»[54]. Здесь не учтено и то, что царизм угнетал народы не только политически («намеренно»), но и экономически, что второй, еще более мощной экономической силой, действовавшей в том же направлении, был империализм. Капиталистический империализм в концепции И. В. Сталина почти полностью исчезает. Он фигурирует только под трудно поддающимися расшифровке названиями: «всесилие капитала», «русский национализм». Все же остальное, что сказано у Сталина об империализме, относится к империализму западно-европейских стран, а не к российскому.

Такое отклонение обобщений И. В. Сталина от действительного исторического процесса не могло не отразиться и действительно отразилось на сталинской постановке вопроса о перерастании демократической революции в социалистическую. Вот ход мыслей И. В. Сталина: «Царская Россия была величайшим резервом западного империализма...». «Царизм был не только сторожевым псом империализма на Востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма...». «Интересы царизма и западного империализма сплелись между собою и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма...». И далее: «Но из этого следует, что кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, ибо кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую»[55].

Помимо того, что здесь явно преуменьшена самостоятельность империалистической политики царизма и российской империалистической буржуазии в войне 1914 года, здесь допущена также мысль, что царизм, несмотря на его свержение в феврале, по существу прикрывал собою империализм вплоть до Октября: мотивировать перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую стремлением «не только разбить царизм, но и добить его без остатка», значит явно искажать действительность.

Кто, какие классы стремились к Октябрю только во имя продолжения борьбы против царизма? Ответа на этот вопрос получить нельзя, потому что таких классов не было.

Основной вопрос революции — это вопрос о власти. В феврале был свергнут царизм—военно-феодальный империализм, власть крепостников-помещиков. В лице Временного правительства установилась власть нового класса — империалистической буржуазии и примыкавших к ней капитализировавшихся помещиков. В Октябре решалась новая задача, задача социалистической революции — свержение власти империалистической буржуазии и установление диктатуры пролетариата. В связи с этим сложилась и новая расстановка сил. Если бы даже власть буржуазии после февраля осуществилась не в форме Временного правительства, а в форме монархии, к чему стремилась буржуазия, то и тогда Октябрьская революция была бы ударом не по царизму (власти помещиков-крепостников) с целью «добить его до конца», а по империализму, власти империалистической буржуазии. Решение этих задач, в том числе и такой важной демократической задачи, как освобождение национальностей, в Октябрьской революции уже являлось не

[54] И. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 356.
[55] И. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 75—76.

ударом по царизму, а ударом по капиталистическому империализму и по системе империалистической эксплуатации колоний. Иначе говоря, антицаристское национально-освободительное движение, т. е. по существу движение против главных пережитков крепостничества (царизма и его национального гнета), переросло в движение антиимпериалистическое, составную часть социалистической революции. И это необходимо подчеркнуть с особой силой, ибо два названных решающих этапа национальных движений различаются между собой как по характеру, так и по расстановке классовых сил в национально-освободительной революции.

Крестьянское национально-освободительное движение в Октябре соединилось с борьбой рабочего класса за социализм, как движение демократическое. Не только в октябрьские дни, но и в течение нескольких лет после Октября в аулах и кишлаках не стояли непосредственные задачи борьбы за социализм. В эти годы по прямым указаниям Ленина производилась расчистка сельского хозяйства республик Средней Азии от феодализма. Эта расчистка являлась подготовкой к социалистической реконструкции сельского хозяйства, но в то же время этим завершалось разрешение демократических задач в бывшей колониальной деревне.

Однако в статье, опубликованной в 1918 году («Октябрьская революция и национальный вопрос»), И. В. Сталин расценивал борьбу крестьянства против империализма как борьбу за социализм. В Феврале, пишет И. В. Сталин, «речь шла об освобождении от царизма, как «основной причины» национального гнета, и образовании национальных государств». Но «кроме «национальных» правительств на окраинах существуют еще рабочие и крестьяне... Они также добивались победы над буржуазией, они также боролись за торжество социализма... Октябрьский переворот, покончив со старым буржуазно-освободительным национальным движением, открыл эру нового, социалистического движения рабочих и крестьян угнетенных национальностей, направленного против всякого,— значит и национального,— гнета, против власти буржуазии, «своей» и чужой, против империализма вообще»[56].

Социалистический союз пролетариата и крестьянства, согласно учению В. И. Ленина, складывался через этап борьбы за демократический путь развития капитализма в сельском хозяйстве, через последовательное разрешение социалистической революцией демократических задач в деревне. К ним относятся как изгнание из колоний империализма, так и расчистка сельского хозяйства от феодализма. И. В. Сталин в данном случае явно не учитывал ни ленинскую теорию о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве, ни сложившуюся тогда в Средней Азии конкретную обстановку.

Что же совершалось в Казахстане и Туркестане в действительности?

Борьба местной буржуазии и капитализирующегося байства за образование национальных буржуазных государств по сути началась еще с восстания 1916 года. Царизм ущемлял земельные права байства, не допускал установления полной индивидуальной земельной собственности на пашни и призимовочные («прикставные») угодья, ограничивал и власть баев-кочевников на общинные пастбища. Реализуя свою верховную власть над землею, царизм расхищал удобные для земледельцев земли и леса в интересах российских помещиков и государства, затрагивая этим и интересы байства, ставя препятствия капиталистической

[56] И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1939, стр. 69, 73 и 74.

мобилизации земельной собственности. Состоя по этим причинам в оппозиции к царизму, капитализирующееся байство во многих районах Казахстана, Киргизии, Узбекистана участвовало в восстании 1916 года. Оно провозглашало ханов, рассчитывая повести национальную революцию по пути образования буржуазных национальных государств. (Именно — буржуазных: ставить знак равенства между ханами, провозглашенными в 1916 году, и, скажем, казахским Абулхаир-ханом (начало XVIII века) и кокандским Худояр-ханом (третья четверть XIX века), к чему склонны многие историки восстания 1916 года, значит, за формой политической власти не видеть ее социального содержания.) Линия байства 1916 года продолжалась и в Февральской революции[57].

Но была и другая линия национально-освободительной революции. Сразу же обнаружилось, что после Февраля вопрос стал не только об образовании национальных буржуазных государств, но и об образовании крестьянских Советов, иначе говоря, государств советского, крестьянского типа под руководством рабочего класса, являвшихся демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. Происходил не переход от борьбы за буржуазное государство к борьбе за социализм, как это следует из обобщений И. В. Сталина, а борьба двух способов решения национального вопроса — крестьянского и буржуазного. Корни ее лежали в борьбе двух путей развития капитализма. Ее началом было восстание 1916 года и Февральская революция, а завершением — победа над «государством» Алаш в Казахстане и Кокандской автономией в Узбекистане. Ее особенности заключались в том, что в борьбе против империализма и буржуазного национализма — после Февраля, в Октябре и в годы Гражданской войны — не последнюю роль играло и русское, белорусское и украинское трудовое переселенческое крестьянство, так же как и трудовое казачество. Всю же борьбу возглавлял многонациональный рабочий класс России.

С самого начала борьба приняла интернациональные черты, являясь борьбой не только за национальное, но и за социальное освобождение трудящихся масс всех национальностей. Движение это вливалось в общий поток борьбы всех народов России против царизма и империализма. Основная сила движения была в его единстве, вытекавшем из общности его социальных предпосылок. Интернациональная пропаганда и организационная работа большевиков, их политическая борьба против великодержавного шовинизма и национализма, раскалывавших движение, развивали единство, цементировали, укрепляли общий фронт борьбы. Большевистские «прокламации», перечислявшие «все кровавые раны порабощенных народов и обещавшие помочь на радикальном пути», свернули революцию с «польско-финляндского» способа разрешения национального вопроса,— сокрушается идеолог националистов Тахир Шакир-задэ[58], называя эти прокламации «ослепляющими».

В процессе перехода от Февраля к Октябрю в Казахстане и Туркестане действительно совершился поворот от «польско-финляндского» (т. е. буржуазно-националистического) пути самоопределения наций к крестьянской буржуазно-демократической национально-освободительной революции под руководством пролетариата. Но это произошло потому, что в большевистской пропаганде заключалась правда, соответст-

---

[57] История восстания 1916 года наиболее полно изложена в работе Х. Турсунова «Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане» (Ташкент, 1962). К сожалению, расстановка классовых сил в восстании, в частности позиция байства, автором изложена без учета ленинской теории о двух возможных путях развития капитализма в сельском хозяйстве.

[58] Tahir Schakir-zade. Grundzüge der Nomadenwirtschaft. Bruchsal, 1931, S. 46.

вовавшая самой прогрессивной тенденции общественного развития и интересам трудящихся масс, и потому открывавшая глаза трудящимся, ускорявшая революционный процесс.

А что мог бы дать буржуазный путь разрешения национального вопроса?

Борьба буржуазии и капитализирующегося байства за буржуазные национальные государства разобщала движение, делала его бессильным, обрекала на поражение. А главное — это движение было настолько ограниченным в своих задачах, что уже после перехода в феврале власти из рук крепостников-помещиков в руки империалистической буржуазии их оппозиция царизму изжила себя. И местная торгово-ростовщическая буржуазия, и капитализирующееся байство вместе с местными феодалами целиком переметнулись на сторону империалистической буржуазии, стали последовательно контрреволюционными.

В своей борьбе за октябристско-прусский путь развития капитализма местная буржуазия и байство, как показано, вступали в противоречие с царизмом, военно-феодальным империализмом. Империализм же капиталистический (его партии—октябристы, кадеты) еще до революции прокламировал свою программу: установление индивидуальной земельной собственности в Казахстане, Туркестане, Сибири, прекращение изъятий земель феодальным методом насилия, открытие путей для свободной продажи и аренды земли. После Февраля кадетско-октябристским Временным правительством намечались меры к осуществлению этой программы[59]. Словом, в переходе власти от крепостников-помещиков к империалистам местная буржуазия и капитализирующееся байство видели возможности распространения столыпинских реформ и на азиатскую часть России, рассчитывали на всяческое содействие развитию капитализма по октябристско-прусскому пути.

Еще до Февраля и в Феврале, в период борьбы против военно-феодального империализма, буржуазно-байское движение имело какие-то точки соприкосновения с крестьянским движением, поскольку оно было направлено против общего врага — царизма. После Февральской демократической революции оно превратилось в союз с капиталистическим империализмом. Борьба за октябристско-прусский путь развития капитализма в колониях исчерпала себя. Байство стало союзником империалистов, выпрашивало у Временного правительства «автономию», но не получило ее. Были похоронены возможности повести национальную революцию по польско-финляндскому пути, по пути образования буржуазных национальных государств. Остался один путь — путь крестьянской национально-освободительной революции под руководством рабочего класса, направленной на изгнание из края вслед за царизмом (военно-феодальным империализмом) капиталистического империализма и на «расчистку» сельского хозяйства и всех общественных отношений от феодализма. Не социалистическое (как писал Сталин в 1918 году[60]), а демократическое национально-освободительное крестьянское движение соединилось с борьбой рабочего класса за социализм в Октябре и гражданской войне. Это означало пролетарское разрешение национального вопроса, в дальнейшем, через ряд переходных ступеней,— строительство социализма.

---

[59] Временным правительством была создана Комиссия по вопросам переселения и колонизации, работавшая в августе — сентябре 1917 года. Ею разрабатывались названные вопросы. «Вопросы колонизации», № 20, 1917, стр. 136—167.

[60] В более поздних работах И. В. Сталин давал правильную оценку роли крестьянства в революции. См., например «О трех основных лозунгах партии по крестьянскому вопросу». («Вопросы ленинизма». М., 1947, стр. 157—166 и др.).

Только до конца преодолев сталинскую концепцию истории российского империализма, восстановив во всей полноте ленинскую концепцию, можно дать подлинную картину аграрных отношений в Казахстане, показать типы и остроту классовых противоречий накануне революции, объяснить процесс объединения трудящихся масс всех национальностей Российской империи в борьбе против царизма и капиталистического империализма.

4. О недостатках исторической литературы по изучаемому вопросу

За последние 10—15 лет историки внесли много нового в изучение колониального вопроса и экономического развития Казахстана и Туркестана за изучаемый период, собрали огромный фактический материал; даже в условиях культа личности Сталина продвинулись значительно вперед. Но надо видеть и недостатки этой работы.

Академик Б. Н. Пономарев говорил по этому вопросу на декабрьском (1962 г.) совещании историков следующее: «Однако, отдавая должное достигнутому, мы должны отчетливо представить себе и наши слабости, недостатки и ошибки. Основной причиной того, что мы не сделали всего, что могли и должны были сделать, что многое было сделано с искажениями и неправильно, был культ личности Сталина»[61]. Это верно по отношению ко многим участкам исторического фронта, но особенно это относится к теме настоящей работы.

До XX и XXII съездов партии подавляющему большинству историков, занимающихся изучением колониальной политики и национальных движений, И. В. Сталин представлялся первым авторитетом по национальному вопросу. По этой причине его толкование понятия *военно-феодальный империализм* и оценка царизма широко внедрились в историческую литературу по истории бывших царских колоний. До сих пор некоторые историки называют российский империализм не иначе, как военно-феодальным. Таким он представляется им до Февраля, таким и после Февральской революции; царизм не обособляется ими от капиталистического империализма[62].

Настало время разобраться в этих вопросах, отсеять из исторической литературы все нанесенное ошибками Сталина, восстановить ленинскую концепцию колониальной политики царизма и национальных движений.

На наш взгляд, в исторической литературе по излагаемому вопросу содержатся следующие недостатки: а) слияние военно-феодального и капиталистического империализма, перенесение всех «отрицательных сторон» империализма на царизм, в связи с чем затушевывается реакционная роль капиталистического империализма в колониях; б) отрыв политики царизма от его социальной базы; в) провозглашение царизма монопольным представителем интересов помещиков и буржуазии в колониях, а колониальной политики царской России — единой помещичье-буржуазной; г) игнорирование разногласий и борьбы между крепостниками-помещиками и промышленной (империалистической) буржуазией по вопросам колониальной политики.

---

[61] Б. Н. Пономарев. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории. М., 1962, стр. 12.

[62] См., например: М. М. Сужиков Закономерности и особенности развития социалистической революции в отсталых странах. Глава «О закономерностях перехода народов ранее отсталых стран к социализму». Алма-Ата, 1961, стр. 48—95.

Все эти недостатки так или иначе связаны с неправильной оценкой роли российского военно-феодального и капиталистического империализма в царских колониях.

Не имея возможности и не ставя своей целью дать полную историографию вопроса, остановимся только на некоторых основных работах, под влиянием которых написаны многие другие.

Группа авторов (И. С. Брагинский, С. Раджабов, В. А. Ромодин) в 1953 году опубликовала статью в журнале «Вопросы истории»[63], в которой, правильно отметив прогрессивный процесс образования единства экономической жизни обширных территорий в рамках всего Российского государства и одновременный рост и углубление эксплуатации колоний, авторы упускают из виду внутреннюю противоречивость экономической эволюции Российской империи. Из их концепции по существу выпадает капиталистический империализм, его реакционная роль в колониях. Отсюда вне внимания авторов остались противоречия интересов колониального крестьянства и российского капиталистического империализма, явившиеся основной предпосылкой союза пролетариата и крестьянства в социалистической революции. Главной и единственной силой, тормозившей общественное развитие колоний, авторы считают царизм, его реакционную политику[64].

Эта же точка зрения была изложена и в докладе И. С. Брагинского на Ташкентской научной сессии историков (1954 год): «Вопреки колониальной политике царизма, законы экономического развития привели к более интенсивному вызреванию элементов капитализма в недрах феодального общества». В результате «развивавшийся капитализм... готовил своего могильщика — пролетариат»[65]. Что могильщиком российского империализма был не только рабочий класс, но его союзник — колониальное крестьянство, объект эксплуатации империализма,— это из концепции докладчика выпало. Роль крестьянства в национально-освободительной борьбе докладчиком не раскрыта. В результате отсутствия в докладе (как и в статье) анализа социально-экономических причин, объединявших в борьбе против царизма и империализма трудящиеся массы всех национальностей, автор главную причину сближения народов видит в их территориальной близости и состоянии в границах одного государства.

Основные положения И. С. Брагинского нашли одобрение у содокладчиков (Р. Н. Набиев, А. К. Кабиров, Г. Ф. Дахшлейгер). Со времени этой сессии в обиход историков вошел тезис — политика царизма, помещиков и капиталистов в колониях реакционна, экономика прогрессивна. У Г. Ф. Дахшлейгера он сформулирован так: «...Прогрессивные изменения в экономике, социальных отношениях и культуре казахского народа во второй половине XIX — начале XX в. происходили независимо от воли царизма, русских помещиков и капиталистов, вопреки проводившейся ими в Казахстане реакционной, колонизаторской политике»[66]. По этой оценке и российский военно-феодальный империализм проявляет себя только в реакционной колонизаторской политике, и капиталистический империализм, как говорит В. И. Ленин, полемизируя со сторонниками этой формулы, «не есть современный капитализм, а лишь одна из форм политики современного капитализма»[67]. Политика реакционна,

---

[63] И. С. Брагинский, С. Раджабов, В. А. Ромодин. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. «Вопросы истории», 1953, № 8.

[64] Там же, стр. 40 и др.

[65] «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955, стр. 435.

[66] Там же, стр. 464.

[67] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 257; то же, т. 23, стр. 96.

экономика прогрессивна — так можно коротко сформулировать это положение. Политика отрывается от экономики, от всей системы крепостнического сельского хозяйства и монополистического финансового капитала в России, из которой вытекало не только политическое, но и экономическое угнетение народов Казахстана и Туркестана, как и других колоний царской России.

Известно, с какой силой критиковал подобный отрыв политики от экономики В. И. Ленин. Применительно к нашей теме заметим, что несмотря на стремление названных авторов обосновать образование единого фронта революционной борьбы трудящихся масс всей Российской империи против помещиков и капиталистов, на деле их оценка колониального господства России в Средней Азии снимала вопрос об экономических предпосылках союза пролетариата и колониального крестьянства России и в демократической, и в социалистической революциях. Исходя из формулы «политика реакционна, экономика прогрессивна» можно говорить только о весьма ограниченной революционной задаче, стоявшей перед трудящимися массами колоний — снять, подправить «реакционную политику», между тем требовалось разрушить всю экономическую систему колониальной эксплуатации окраин военно-феодальным и капиталистическим империализмом. Во всероссийском масштабе это означало ликвидировать крепостнический строй сельского хозяйства и капиталистический империализм — источники гнета как в России — метрополии, так и гнета колониального. Именно в борьбе за решение этих задач слежился в России союз многонационального крестьянства всей Российской империи под руководством рабочего класса.

Принимая критикуемое положение, историки ослабили свою аргументацию в части объяснения фактически сложившегося объединения трудящихся всех национальностей России в борьбе против царизма и империализма.

К числу участников Сессии, не согласившихся с точкой зрения докладчика и содокладчиков, принадлежал В. Я. Непомнин. В свете сказанного выше о сталинских оценках империализма в России, не со всеми положениями В. Я. Непомнина можно согласиться, тем не менее важно, что он поставил вопрос об объединенной борьбе народов России под руководством пролетариата, в результате которой было свергнуто «господство и *царизма и русского империализма*» (курсив наш.—*П. Г.*), причем совершенно правильно отметил, что в результате присоединения Средней Азии к России (и развития, разумеется, соответствующих социальных противоречий) сложился «союз местных трудящихся с русским народом на почве общей борьбы с социальным и национальным гнетом»[68]. Этот общий фронт еще не представлялся В. Я. Непомнину как фронт борьбы за демократический путь развития капитализма, но он расценивался оратором как фронт не только против царизма, но и против капиталистического империализма, что было значительным шагом вперед по сравнению с оценками Сталина и высказываниями докладчиков.

К В. Я. Непомнину в принципе присоединился Е. М. Жуков[69]. Точка зрения И. С. Брагинского не нашла поддержки и в заключительном слове А. Л. Сидорова. Но редакция сборника трудов Сессии в своем предисловии также умолчала о реакционной роли капиталистического империализма, не отметила, что царизм, будучи властью крепостников-помещиков, угнетал колонии и *политически и экономически*. Подчеркнута

---

[68] «Материалы объединенной научной сессии...», стр. 475.
[69] Там же, стр. 513.

только реакционная роль колониальной *политики* царизма и деятельности царской администрации[70]. Так как труды Сессии расценивались историками как установки по решающим принципиальным вопросам, то отмеченные недостатки явились причиной того, что до сих пор и роль российского капиталистического империализма в царских колониях и связанная с этим ленинская постановка вопроса об октябристском капитале и о борьбе двух путей развития капитализма в городе и сельском хозяйстве Казахстана и Туркестана остаются неразработанными. Здесь есть своя логика: рассматривая взаимоотношения России и ее колоний с позиции «политика реакционна, экономика прогрессивна» нельзя установить такие явления в экономике, которые задерживали, тормозили экономическое развитие колоний.

Исходя непосредственно из тезиса, что «в России всесилие капитала переплеталось с царским деспотизмом»[71], что «В. И. Ленин, определяя особенности империализма в России, называл его военно-феодальным»[72],— исходя из этих неправильных положений, авторы «Истории Казахской ССР» и «Истории Узбекской ССР» кладут в основу своего анализа также и тезис «политика реакционна, экономика прогрессивна». «Крупные прогрессивные сдвиги в экономике и социальных отношениях казахского общества» происходили «независимо от реакционной колонизаторской политики царизма», читаем мы в «Истории Казахской ССР»[73].

Прогрессивные процессы в экономике Туркестана происходили «вопреки целям царского самодержавия и русских капиталистов, в силу объективных законов развития», говорится в «Истории Узбекской ССР»[74].

К этой же позиции присоединяется и «История Киргизии». «Политика царизма в Киргизии, как и во всем Туркестане, была сугубо реакционной, колонизаторской политикой. Царизм выражал экономические и политические интересы русских помещиков и буржуазии». И далее: «... Прогрессивный характер присоединения... не определялся политикой царизма», утверждает «История Киргизии»[75].

Как отмечено выше, и в период господства царизма в Казахстане и Туркестане в экономике этих стран совершались прогрессивные процессы. Даже развитие капитализма по октябристскому пути представляло собой прогрессивный шаг вперед по сравнению с натуральным феодальным хозяйством. Но формулой «политика реакционна, экономика прогрессивна» снимается вопрос о противоречивости самого процесса развития капитализма, о борьбе двух форм капитала — капитала «первого сорта» и капитала «второго сорта», как писал Ленин. Этим самым затушевывается, снимается прогрессивная роль крестьянских движений в период империализма, как движений класса, который боролся за демократический путь развития капитализма, за переход архаических форм капитала — торгового и ростовщического в прогрессивные формы индустриального капитала.

Отрывая политику от экономики, авторы этой формулы ставят себя в затруднительное положение в оценке ряда исторических явлений.

---

[70] Там же, стр. 5.

[71] «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 481. Текст принадлежит А. Ф. Якунину.

[72] «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2. Ташкент, 1956, стр. 208. Текст принадлежит М. Г. Вахабову.

[73] «История Казахской ССР», т. I, стр. 245.

[74] «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, стр. 106.

[75] «История Киргизии», т. I. Фрунзе, 1956, стр. 292. Текст А. Г. Зима и А. Ф. Лачко.

Цели правительства и *политика* царизма, помещиков и буржуазии вовсе не заключались в том, чтобы сознательно, намеренно тормозить процесс развития капитализма в колониях. Наоборот, их цели, их стремления заключались в том, чтобы развивать капитализм в колониях по так называемому прусско-октябристскому пути, содействовать развитию российского капитализма вширь. Это была прогрессивная «работа» капитализма по сравнению с феодализмом; она разрушала натуральное хозяйство, вовлекала Казахстан и Туркестан в систему мирового хозяйства. Если бы так называемая «политика» царизма, помещиков и буржуазии целиком и полностью противостояла этим процессам, она бы немедленно была выброшена и помещиками-крепостниками и буржуазией, как ненужный, вредный для их классовых интересов инструмент.

Анализ необходимо перенести из сферы умозрительных заключений о противоречии между политикой и экономикой в сферу *изучения противоречий в самом процессе экономической эволюции* как России (метрополии), так и ее колоний. Тогда будет видно, какие *реакционные* явления *экономической жизни* обслуживала политика царизма, опиралась на них, поощряла, какие прогрессивные процессы в экономике вступали в противоречия с реакционными, требовали изменения политики во имя экономического прогресса. Царизм, несомненно, поддерживал все формы военно-феодальной эксплуатации колоний в интересах крепостников-помещиков и тем самым угнетал колонии не только политически, но и экономически; царизм в интересах крепостников-помещиков поощрял развитие российского капитализма вширь, поддерживал проникновение в колонии октябристских форм капитала. Но, будучи представителем одного класса (а не двух, как сказано в приведенных цитатах) — крепостников-помещиков,— он и развитие капитализма вширь поддерживал *по-крепостнически,* ставил некоторые преграды даже развитию капитализма по октябристскому (прусскому) пути.

Но такой *экономический* анализ непременно приведет к обрисованной выше проблеме двух возможных путей развития капитализма, изучению вопроса о борьбе крестьянства при поддержке рабочего класса за демократический путь развития капитализма, рассмотрению политической борьбы, как проявления борьбы экономической, политических позиций борющихся классов в демократической революции по их отношению к одному из двух возможных путей развития капитализма.

Необходимо коротко сказать о работе А. В. Пясковского «Революция 1905—1907 годов в Туркестане». Она в основном имеет те же, общие для многих работ того времени, недостатки: чрезмерно преувеличена роль царизма, как силы, консервировавшей феодальные отношения, и соответственно слабо отражена роль капиталистического империализма. Реакционной называется только политика царизма, все же остальное —«прогрессивные последствия присоединения».

Нет необходимости повторять приведенные выше возражения против такой постановки вопроса. Но работа А. В. Пясковского имеет ту положительную сторону, что заключающийся в ней огромный фактический материал очень близко подводит автора к правильному решению основного поставленного нами вопроса. «В Туркестане,— пишет А. В. Пясковский,— действовали наиболее хищнические элементы русской буржуазии — торговцы, ростовщики, комиссионеры, всевозможные посредники и скупщики и т. п., устремлявшиеся во вновь завоеванную страну с целью быстро разбогатеть на эксплуатации покоренных народов». Русские капиталы, «попадая в Туркестан, вливались обычно не в сферу производства, а преимущественно в сферу торговли, сосредоточивались в захвате сельскохозяйственного сырья (прежде всего — на

скупке хлопка), функционировали в качестве ростовщического ссудного капитала и являлись рычагом для выжимания колониальных сверхприбылей»[76]. Это и есть тот «октябристский капитал», о котором говорил В. И. Ленин. Чего не заметил и не отразил в своих обобщениях И. Сталин, то обнаруживает и обобщает в условиях культа личности А. В. Пясковский. Это было значительным шагом вперед.

Но А. В. Пясковский не сделал из обобщенных им фактов — ни цитированном труде, ни в других работах — вывода о борьбе колониального крестьянства за демократический (против октябристско-прусского) путь развития капитализма, как основной экономической предпосылки союза пролетариата и крестьянства и соединения движения соответствующих слоев крестьянства с борьбой рабочего класса за социализм. Сами факты подводят к этому, и историками (а может быть и самим автором) эти выводы безусловно будут сделаны. Труд А. В. Пясковского, таким образом, показывает, как огромный фактический материал, собранный историками за последние годы, вооружает историков для дальнейшего движения вперед к преодолению недостатков нашей работы, вызванных культом личности, и к дальнейшим успехам в борьбе за подлинно ленинские оценки колониальной политики.

Изобразив царизм представителем двух классов — помещиков и буржуазии — и назвав единственным реакционным фактором в колониях только политику царизма и представляемых им классов, историки уже не могут оценивать национально-освободительное движение в Казахстане иначе, как движение, направленное только против царизма. «Рабочие и крестьяне России, в том числе колониального Казахстана, были кровно заинтересованы в низложении самодержавного строя. Они шли рука об руку с русскими рабочими и переселенческой беднотой края»[77],— пишет, например, один из таких историков. В этом высказывании мы видим только царизм. Национально-освободительная борьба здесь ограничивается только борьбой с царизмом. Процесс перерастания этой борьбы в антиимпериалистическую остается за пределами внимания. Экономические предпосылки дружбы народов, союза многонационального крестьянства и пролетариата Российской империи урезываются. В результате союз трудящихся масс всех национальностей не столько объясняется, сколько декларируется.

Попытки отграничить капиталистический империализм от царизма без учета ленинских положений об октябристском капитале приводят также к неправильным оценкам предпосылок революции. В этом случае основное противоречие представляется не между двумя формами капитализма, как указывал В. И. Ленин, а между феодализмом и всем капитализмом. В качестве примера возьмем работу В. С. Черникова «Социально-экономическое развитие казахского хозяйства в конце XIX— начале XX века», опубликованную в 1960 году. Для В. С. Черникова царизм (т. е., по ленинскому определению, военно-феодальный империализм — это только реакционная «надстройка», это «тенденция империалистической колониальной политики царизма, направленной на консервацию феодального экономического строя и социальных отношений». Что же касается «распространения капитализма вширь», то это другая, совершенно противоположная «тенденция»— тенденция «силы развития капитализма» к «разложению господствующих патриархально-феодаль-

---

[76] А. В. Пясковский. Революция 1905—1907 годов в Туркестане. М., 1958, стр. 40 и 66.

[77] Б. С. Сулейменов. Рабочее и аграрное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР», т. II. Алма-Ата, 1961, стр. 11.

ных отношений и формированию основных классов капиталистического общества»[78].

Вместо того, чтобы на основе конкретного анализа фактов показать, что как в России, так и в Казахстане в буржуазно-демократической революции шла борьба *«между двумя формами капитализма,* двумя путями его развития»[79], В. С. Черников основное противоречие видит между *всем* капитализмом, с одной стороны, и феодализмом (в том числе и царизмом) — с другой. Выполнению «исторически прогрессивной миссии капитализма» препятствовал «военно-феодальный характер русского империализма»[80],— пишет он. При такой концепции и российский капиталистический империализм превращается в борца против недостаточности развития капитализма в колониях, что противопоставляет его царизму как борца против феодализма и сближает его позицию с крестьянством. Мотивировка за союз пролетариата и колониального крестьянства на базе общей борьбы не только против царизма, но и против империализма автором крайне ослабляется.

Приняв за действительное теорию о «едином» военно-феодальном империализме в России, о том, что царизм в колониях представлял интересы и помещиков и буржуазии, историки затрудняются и в оценке этапов революции в Казахстане. Вот работа С. А. Нейштадта «Социалистическое преобразование экономики Казахской ССР». По его утверждению, колониальный гнет в Казахстане осуществлялся «военно-феодальным империализмом царской России, русскими помещиками и капиталистами»[81]. Не один класс (крепостники-помещики) был носителем военно-феодального империализма, а два класса — помещики и буржуазия. Отсюда неправильное изображение характера и хода революции. Автор не различает этапов Февральской и Октябрьской революций в Казахстане. «Требовалось, прежде всего уничтожить политическую систему колониального гнета (т. е., надо полагать, царизма.— *П. Г.*), создать казахскую советскую государственность, помочь казахскому народу консолидироваться в социалистическую нацию»[82]. Задача революции, таким образом, сводится автором к свержению царизма. Не показан переход от Февраля к Октябрю, от свержения военно-феодального империализма к свержению империализма капиталистического, укреплявшегося в Казахстане после свержения царизма. Революция непосредственно после Февраля переходит к созданию советской государственности. Целый этап революции у автора выпадает, не говоря уже о том, что задача ломки всей экономической системы эксплуатации Казахстана-колонии оставляется автором в тени.

У разных авторов по-разному варьируется переход от теории единого империализма к описанию расстановки классовых сил и самого хода революции, но во всех случаях обнаруживается, что не эта теория дает ключ к пониманию подлинных социальных процессов в Казахстане и Туркестане накануне и в период революции 1917 года. Только ленинская теория о преобладании в России военно-феодального империализма и наличии зрелого капиталистического империализма может явиться теоретической основой для анализа предпосылок революции.

---

[78] В. С. Черников. Социально-экономическое развитие казахского хозяйства в конце XIX— начале XX века. «Ученые записки Петропавловского государственного педагогического института», вып. V, ч. I. Петропавловск, 1960, стр. 136.

[79] В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии. Соч., т. 15, стр. 152.

[80] В. С. Черников. Цит. работа, стр. 136—137.

[81] С. А. Нейштадт. Социалистическое преобразование экономики Казахской ССР. Алма-Ата, 1957, стр. 46.

[82] Там же, стр. 72.

* * *

Из всего сказанного вытекает, что исследуя аграрные отношения в любом из районов Казахстана и Туркестана, необходимо: а) отказаться от сталинского понимания российского империализма, продолжить разработку ленинских идей о российском военно-феодальном и капиталистическом империализме, о роли в России и ее колониях октябристского капитала — самого реакционного крыла капиталистического империализма; б) решительно отбросить тезис: политика царизма, помещиков и буржуазии в колониях реакционна, экономика — прогрессивна. Перенести центр тяжести исследования на анализ противоречий в экономической эволюции колоний, разработать вопрос о борьбе крестьянства за демократический путь развития капитализма в царских колониях.

Только на этой теоретической базе можно показать процесс слияния революционной борьбы трудящихся всей многонациональной царской России под руководством пролетариата против российского военно-феодального и капиталистического империализма. «Борьба за марксистско-ленинскую идеологию, творческое овладение ленинским наследием, исправление ошибок — вот это задачи, непосредственно вытекающие из решений XX и XXII съездов КПСС. Осуществление их — первейший долг историков»[83].

Предлагаемое конкретно-историческое исследование строится на изложенных марксистско-ленинских положениях. Фактический материал, изученный автором, убеждает, что эти положения являются единственно возможной теоретической базой для вскрытия и оценки подлинных социальных процессов в сельском хозяйстве изучаемого района в их конкретном проявлении.

Само собой разумеется, что наш анализ осуществляется с учетом отмеченных выше достижений советских историков. Непосредственное отношение к нашему исследованию имеют, например, работы: Т. Елеуова[84], С. Н. Покровского[85], А. Б. Турсунбаева[86], давшие возможность производить анализ социальных противоречий изучаемого района в свете революционной перспективы 1917 года и последующих лет. С другой стороны, многочисленные статьи В. Ф. Шахматова[87] и монографии С. З. Зиманова[88] и С. Е. Толыбекова[89] облегчили понимание своеобразных форм феодализма в Казахстане, а обстоятельные работы Н. Г. Аполловой, Е. Б. Бекмаханова, дали возможность не касаться истории присоединения изучаемого района к России в предположении, что читатель с этими вопросами достаточно знаком.

---

[83] «Изучение отечественной истории — на уровень задач современности». «История СССР», 1963, № 2, стр. 4.

[84] Т. Елеуов. Установление и упрочение Советской власти в Казахстане. Алма-Ата, 1961.

[85] С. Н. Покровский. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961.

[86] А. Б. Турсунбаев. Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья. Алма-Ата, 1950.

[87] В. Ф. Шахматов. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане. «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1951, № 7; его же. Главы в «Истории Казахской ССР» и ряд других работ.

[88] С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958; его же. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960.

[89] С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов XVIII—XIX веков. Алма-Ата, 1959.

I. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Юг Казахстана по дореволюционному административному делению включал в себя северные уезды Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей: по Семиреченской области — Верненский, Капальский, Джаркентский и Лепсинский, по Сыр-Дарьинской — Казалинский, Перовский, Аулие-Атинский и Чимкентский уезды. В современном административном делении — это Алма-Атинская, Джамбулская, Чимкентская и Кзыл-Ординская области. В дореволюционную Семиреченскую область входила также Северная Киргизия — Пржевальский и Пишпекский уезды, в Сыр-Дарьинскую область — часть Узбекистана (Ташкентский уезд) и Кара-Калпакия (Аму-Дарьинский отдел). Наше исследование распространяется на казахскую часть названных областей. Однако, поскольку административная и экономическая жизнь Юга Казахстана теснейшим образом была связана с Северной Киргизией и северной частью Узбекистана, исследование частично касается и этих районов. Во всех случаях использование данных по неказахским районам будет оговорено особо. Что касается общих вопросов колониальной политики царизма, то в изложении, как и во вводной главе, знакомимся как с политикой в Туркестане, так и с политикой в Казахстане, анализируем ее общие черты и рассматриваем особенности отношений между Россией (метрополией) и этими двумя крупнейшими ее колониями, а равно специфические локальные особенности, относящиеся только к изучаемому району в целом и отдельно — к Семиреченской и Сыр-Дарьинской областям.

* * *

Изучаемый район присоединен к России в период с 1831 по 1865 год. Первая дата — основание Аягузского приказа на севере Семиречья, вторая — взятие русскими войсками городов Аулие-Аты (ныне Джамбул), Чимкента (1864 год) и Ташкента (1865 год)[1].

История установления названного выше административного деления в кратком изложении сводится к следующему.

На основании «Устава о сибирских киргизах» (1822 год) были образованы округа: Кокчетавский, Каркаралинский, Аягузский (1831 год)

[1] Историю присоединения изучаемого района см: Е. Б. Бекмаханов. Присоединение Казахстана к России. М., 1957, стр. 121—164.

Акмолинский (1832 год), Баян-Аульский (1833 год). Основание Аягузского округа южнее Тарбагатайских гор и представляет собою собственно начало присоединения будущей Семиреченской области[2]. Аягузский (с 1860 года — Сергиопольский) округ до 1838 года входил в состав Омской области, с 1838 года, в связи с ее ликвидацией, он был подчинен Пограничному управлению сибирскими киргизами.

В 1848 году было образовано Алатауское приставство с местопребыванием пристава в Капале.

В 1854 году образована Семипалатинская область. В ее состав вошли Кокпектинский и Аягузский внешние округа и вновь образованный Капальский военный округ с главным городом Капалом. Этот город сложился на базе станицы Капальской «с принадлежащими к ней укреплениями»[3]. Таким образом, та часть Семиречья, которая к этому времени была присоединена к России — внешний Аягузский и военный Капальский округа,— входила в состав Семипалатинской области. Их центры — Аягуз и Капал с 1854 года «были возведены на степень окружных городов»[4]. Границами этого района были: на востоке — Китай, на севере — Тарбагатайский хребет и озеро Балхаш, на западе — р. Или, на юге — Алатауские горы. В 1856 году из занятой в начале 50-х годов территории за р. Или —«Заилийском крае» и части территории Семиречья, по правую сторону этой реки, был образован особый Алатауский округ. Семиречье продолжало входить в Семипалатинскую область, имея, таким образом, в 1856 году в своем составе три округа: Аягузский внешний со старою границей по реке Лепсы — на западе, Капальский военный — между реками Лепсы — на востоке, Караталом и Коксу — на западе, и, наконец, Алатауский, расположенный к западу от рек Каратал и Коксу[5].

В 1860 году, 1 февраля, Аягузский округ переименован в Сергиопольский, а Аягуз — в Сергиополь. После взятия городов Аулие-Аты и Чимкента (1864 год) была образована так называемая «Новококанская линия», и весь юг Казахстана поступил в подчинение генерал-губернатора Западной Сибири.

В 1865 году в связи с новым послереформенным военно-административным районированием России был образован Западно-Сибирский военный округ. Семипалатинская область с Семиреченскими округами — Сергиопольским, Капальским и Алатауским — вошла в состав Западно-Сибирского военного округа. В том же 1865 году, после взятия Ташкента, была образована Туркестанская область, в которую вошла вся территория будущей Сыр-Дарьинской области и небольшая часть будущей Семиреченской. Туркестанская область была разделена на три военных отдела и подчинена оренбургскому генерал-губернатору[6]. 6 августа 1865 года было утверждено царем Временное положение об управлении Туркестанской областью. Через два года — в 1867 году, 11 июля, из туркестанской, южной, части Семипалатинской области было образовано Туркестанское генерал-губернаторство в составе двух областей — Семиреченской и Сыр-Дарьинской[7]. Граница между этими об-

---

[2] Н. З. Леденев. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908, стр. 56.

[3] «Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете действительным статским советником Гагемейстером», ч. III. СПб., 1854, стр. 16.

[4] Н. З. Леденев. Цит. работа, стр. 144—145.

[5] Н. З. Леденев. Цит. работа, стр. 144—146.

[6] Граф Игнатьев. Объяснительная записка к проекту Положения об управлении Туркестанским краем. Типографский экз. ЦГИАЛ, ф. 565, оп. 5, д. 18765, лл. 2—3.

[7] Именной указ царя сенату от 11 июля 1867 г. ЦГИАЛ, справочная б-ка, фонд печатных записок, папка 270.

ластями пролегла по рекам Курагаты и Чу. Генерал-губернаторство было подчинено Военному министерству.

В Семиреченской области из большей части Сергиопольского округа (меньшая осталась в составе Семипалатинской области)[8], а также округов Капальского и Алатауского и части Туркестанской области (по правую сторону р. Курагаты) были образованы уезды: Сергиопольский (с 1875 года — Лепсинский), Капальский, Верненский, заселенные казахами, и Иссык-Кульский (впоследствии Каракольский) и Такмакский (впоследствии — Пишпекский), заселенные киргизами. На остальной территории Туркестанской области образованы следующие уезды: в Сыр-Дарьинской области — Казалинский, Перовский, Туркестанский, Чимкентский, Аулие-Атинский, заселенные казахами; Ташкентский, заселенный по преимуществу узбеками и частично казахами; Ходжентский и Джизакский, заселенные узбеками. Это деление Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей на уезды зафиксировано в Положении 1867 года об управлении в этих областях[9].

С 1872 года Туркестанский уезд был присоединен к Чимкентскому. Впоследствии, в связи с образованием Самаркандской области, Ходжентский и Джизакский уезды вошли в ее состав. Из неказахских уездов в составе Сыр-Дарьинской области остался один Ташкентский уезд и образованный после взятия Хивы (1873 год) Аму-Дарьинский отдел (Кара-Калпакия).

Семиреченская область оставалась в составе Туркестанского генерал-губернаторства до 1882 года. В этом году по указу от 18 мая было образовано Степное генерал-губернаторство в составе областей: Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской, с подчинением его Министерству внутренних дел. Таким образом, Семиреченская область вышла из состава Туркестанского генерал-губернаторства и из подчинения Военному министерству. Разработанное в конце 80-х— начале 90-х годов и утвержденное царем 25 марта 1891 года Степное положение распространялось и на Семиреченскую область.

В 1897 году, 26 декабря, в связи с объединением двух военных округов — Омского и Иркутского в один — Сибирский военный округ состоялось повеление о включении Семиреченской области в состав Туркестанского генерал-губернаторства и, соответственно, о выведении ее из подчинения Министерству внутренних дел и передаче в подчинение Военному министерству. Но переход фактически осуществился в 1899 году, после утверждения царем Положения Комитета министров о порядке управления областью. Этим Положением было определено, что Семиреченская область будет по-прежнему управляться по Положению 1891 года, в то же время туркестанскому генерал-губернатору было предоставлено право разрешать все могущие возникнуть затруднения в связи со своеобразным положением области в составе генерал-губернаторства, которое управлялось по другому Положению — 1886 года[10]. Так сложилось, что две исследуемые нами области управлялись по разным Положениям: Семиреченская — по Положению 1891 года, Сыр-Дарьинская — по Положению 1886 года, хотя с 1899 года обе принадлежали к одному генерал-губернаторству.

---

[8] «Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской». 1868, ст. 7.

[9] «Положение об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях». 1867, ст. 11, 12.

[10] Названные указы о Семиреченской обл. см.: ЦГИАЛ, справочная б-ка, фонд печатных записок, папка 270. См. также: «Свод законов Российской империи» за соответствующие годы.

В 1875 году Сергиопольский уезд Семиреченской области переименован в Лепсинский с одновременным перенесением уездного центра в станицу Лепсинскую, возведенную в степень уездного города[11].

В 1882 году, в связи с переселением уйгуров и дунган из Кульджи в Семиречье, основан город Джаркент и образован Джаркентский участок, преобразованный в 1893 году в Джаркентский уезд. Главный город уезда — Джаркент.

Так сложилось, приведенное в начале настоящей главы, административное деление изучаемого района. На нем базируются наши источники. В силу необходимости в изложении будем пользоваться этим дореволюционным административно-политическим делением, а также дореволюционными названиями географических пунктов. По прилагаемой карте читатель может сравнить современное и дореволюционное административное деление, так как на ней даны и дореволюционные названия городов и современные.

* * *

Из изложенной справки о присоединении Юга Казахстана к России и об административном его делении можно видеть, что к избранию этого района для отдельного монографического исследования имелось достаточно оснований. Юг Казахстана имел отличную от остального Казахстана историю. До присоединения к России он подчинялся Кокандскому ханству, после присоединения, которое произошло сто с лишним лет спустя после добровольного вхождения в состав России Младшего жуза, управление им осуществлялось туркестанским генерал-губернатором. Все это вносило свои особенности в его историю. Край занимал как бы промежуточное, переходное положение от степного кочевого и полукочевого Казахстана к оседлому Узбекистану, в некоторой степени был оторван от остальной части Казахстана и политически и экономически. Предпринятое исследование в названных границах дает возможность вскрыть эти особенности с достаточной полнотой.

Хронологические рамки исследования также определялись изложенными фактами. Исследуется период от завершения завоевания — первая половина 60-х годов — и перехода к «мирному» управлению на основании Положения 1867 года и до начала войны 1914 года. Это было время крупных изменений как в колониальной политике царизма, так и в социальном строе сельского хозяйства края, период возникновения, нарастания и обострения противоречий, приведших к восстанию 1916 и революции 1917 года, период созревания предпосылок интернационального объединения местных трудящихся масс под руководством всесоюзного пролетариата в революции 1917 года. Проследить эти процессы — основная задача исследования.

[11] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 75.

II. ОЦЕНКА ИСТОЧНИКОВ

В основу исследования легли следующие четыре вида источников.

1) служебная статистика областных статистических комитетов, опубликованная в их изданиях; статистические данные Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, в том числе издания: «Статистика Российской империи» и «Военно-конские переписи» и, частично, неопубликованные данные, связанные с военно-конской переписью; статистика российских банков; статистические данные, собранные чиновниками по разным поводам и сохранившиеся в архивах;

2) собственные статистические подсчеты автора, произведенные главным образом по покибиточным спискам, спискам русских крестьян-переселенцев, казачества, уйгуров, дунган, а также по некоторым другим источникам;

3) описательные печатные и архивные материалы, содержащие наблюдения современников;

4) печатные и архивные документы, газетные материалы, отдельные издания и статьи, стенографические отчеты Государственной думы и другие, отражающие направление колониальной политики царизма и российской промышленной (империалистической) буржуазии, а также борьбу крепостников-помещиков и империалистической буржуазии по вопросам колониальной политики.

Ведущей основой исследования являлись, конечно, источники первой и второй групп — статистика. В. И. Ленин пишет: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев». И далее: «...Надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения...»[1].

[1] В. И. Ленин. Статистика и социология. Соч., т. 23, стр. 266.

Стремясь избежать выхватывания отдельных фактов и фактиков и «общих» или «примерных» рассуждений, основанных на случайном, часто весьма субъективном материале, главной базой исследования мы делаем статистику, как источник, обобщающий сотни и тысячи фактов, в которых отражаются закономерности общественного развития. К использованию описательных печатных и архивных материалов приходится прибегать для характеристики колониальной политики, а при анализе социальных отношений — только как к подсобному к статистике материалу.

Но и статистика сама по себе еще не является вполне совершенной базой: в одних случаях она не точна, в других — недостаточно полна. Особенно большими неточностями страдает статистика областных статистических комитетов и неопубликованная архивная.

Областные статистические комитеты обеих областей образованы в конце 70-х годов в порядке применения к ним циркуляра Министерства внутренних дел (Центральный статистический комитет) от 8 апреля 1861 года[2] и положения о губернских статистических комитетах, утвержденного царем 26 декабря 1860 года. Главной задачей областных статистических комитетов являлась подготовка и составление ежегодных всеподданнейших отчетов губернаторов. К отчетам собирались сведения по специальным формам Центрального статистического комитета[3]. Это были казенные, проникнутые полицейским духом формы, определяющие только суммарные сведения о народонаселении, экономической жизни, образовании, здравоохранении и прочее. Таблицы на местах составлялись чиновниками в большей своей части по сведениям, поступавшим от волостной администрации. С такого рода данными за период времени до начала 80-х годов можно ознакомиться в архивах и по некоторым изданиям, публиковавшим отдельные сведения. С 1882 года — по Семиреченской области и с 1885 года — по Сыр-Дарьинской они стали публиковаться в «Обзорах» областей, являвшихся приложением ко «всеподданнейшим» отчетам. Как расценивать степень достоверности этих данных?

Вот какую оценку дает этой статистике составитель «Проекта всеподданнейшего отчета... К. П. Кауфмана» П. Хомутов: «Все цифровые данные, включенные в текст отчета, основаны большей частью на показаниях самого населения и имеют приблизительную достоверность, как минимум. Таковы именно сведения о народонаселении и его имущественном состоянии»[4]. Таким образом, все данные «Проекта отчета», извлеченные из архива, автор считает приемлемыми с одной оговоркой — они преуменьшены. Тем самым он дает оценку официальной статистике периода до начала изданий «Обзоров» областей, которой предстоит пользоваться и нам.

Примерно такую же оценку находим у других авторов, хорошо знавших служебную статистику.

П. Аверьянов, работавший в качестве секретаря Сыр-Дарьинского областного статистического комитета, в 1888 году писал, что статистическими данными по Туркестану до 1887 года «руководствоваться нельзя,

---

[2] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 8, лл. 79—80.

[3] В 1868 году был разослан новый тип форм, приспособленных к пореформенным условиям. Они, с весьма незначительными изменениями, действовали и в Средней Азии (ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 1).

[4] Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1885, стр. 3. Автор, П. И. Хомутов, во время составления отчета — помощник правителя канцелярии, с 1890 по день смерти (1908 г.) — вице-губернатор Сыр-Дарьинской области (см. «Ташкентский курьер», 1908, 2 июля).

или, по крайней мере, надо относиться к ним с большой осторожностью, и то после тщательной их проверки»[5]. Эта оценка более пессимистична, чем оценка П. Хомутова. Со стороны Хомутова она вызвала серьезные возражения. Но даже оценка Аверьянова не исключает возможности пользоваться данными 70-х—80-х годов. Нам предстоит пользоваться ими с большой осторожностью и перекрестной проверкой.

Статистика «Обзоров» областей также получает от современников нелестную оценку. Составители «Обзора Сыр-Дарьинской области за 1886 год» о своих данных о размерах посевов говорят: «Количество запашек под посевы хлебов и других возделанных в области растений в точности не известно. Пространство обработанных площадей возможно определить только приблизительно..., со значительными ошибками в большую или меньшую сторону. Наибольшее затруднение представляет определение размера земледелия кочевников». Их пашни разбросаны по всей территории области на ничтожных клочках, и использование этих клочков «имеет более или менее временный, неустойчивый характер». Точному учету оно не поддается. В русских поселениях неточность учета площади посевов вызывается отсутствием межевых планов[6]. То же повторяется авторами «Обзора» и в 1909 году: «Статистические данные как относительно посевных площадей, так и сбора хлебов, маслеличных, кормовых и технических растений имеют лишь приблизительное значение и притом скорее в сторону преуменьшения, чем преувеличения действительной запашки и сбора»[7].

Не точнее были данные и о скотоводстве. В «Обзоре Сыр-Дарьинской области за 1906 год» сообщается: «Статистические данные о скотоводстве собираются самым примитивным путем — через посредство низшей туземной администрации, которой... собирание всех вообще статистических данных делается без всякого сознания важности этого рода работ»[8]. Поэтому «на данные о скотоводстве нельзя положиться, как на абсолютно верные». Автор полагает, что по этим данным можно устанавливать только динамику развития или упадка животноводства.

О данных по торговле в «Обзоре» за 1893 год говорится, что только о торговых сделках, совершаемых в городах и крупнейших центрах оседлости, которые «проходят через некоторые русские учреждения», можно составить представление «с некоторым приближением». Степная же торговля «совершенно не поддается никакому исследованию». Эти данные «приходится получать от лиц туземной администрации, излишне скромной в каких бы то ни было показаниях»[9].

Таким образом, мнение П. Хомутова, что все данные местной администрации преуменьшены, подтверждается и авторами «Обзоров областей». Но степень преуменьшения в разных случаях разная. Пользуясь этой статистикой, в каждом отдельном случае необходимо применить все доступные способы проверки официальных цифр.

Особо следует сказать об учете населения.

Численность населения как в Семиречье, так и в Сыр-Дарьинской области устанавливалась «на основании официальной переписи кибиток и дворов»[10], но по-разному. В Семиречье в покибиточных списках против каждого кибитковладельца проставлялось количество членов семьи,

---

[5] П. Аверьянов. Обзор статистических работ с 1866 по 1887 г. по Сыр-Дарьинской области. «Труды Сыр-Дарьинского областного статистического комитета в 1877—1888 гг». Ташкент, 1888, стр. 18.

[6] «Обзор Сыр-Дарьинской области за 1886 г.» Ташкент, 1887, стр. 18.

[7] «Обзор Сыр-Дарьинской области за 1909 г.» Ташкент, 1911, стр. 26—27.

[8] «Обзор Сыр-Дарьинской области за 1906 г.» Ташкент, 1907, стр. 97.

[9] «Обзор Сыр-Дарьинской области за 1893 г.» Ташкент, 1897, стр. 44.

[10] Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887, стр. 50.

и даже их имена. Здесь ошибки учета вызывались только неточностью показаний; главным образом не всегда учитывались женщины и дети. В Сыр-Дарьинской же области «цифра душ обоего пола» определялась «как количество отдельных хозяйств, помноженное на 5, так как средний размер семьи определялся приблизительно в 5 человек»[11]. Совершенно ясно, что такой учет не мог дать точной цифры. Здесь неточность вызывалась двумя причинами — неточностью в учете кибиток и неправильностью применяемого коэффициента.

В фискальных интересах за укрытие кибиток было введено строгое наказание. Поэтому их учет с каждым трехлетием становился все более и более точным. Этот показатель к концу XIX века был довольно точен. Что же касается коэффициента «5», то здесь был допущен серьезный просчет. В северо-западной части Чимкентского уезда при обследовании в 1908 году зарегистрировано 6,6 человека на кибитку, в Аулие-Атинском уезде (в 1906 году)—6,6, в Перовском (в 1910 году) и в Казалинском (в 1911)—6,2. Это означает, что коэффициент «5» преуменьшал количество населения примерно на 15—20 процентов. Считаем не случайным также, что в 1910—1911 годах в Перовском и Казалинском уездах средний состав семьи был ниже, чем в Чимкентском и Аулие-Атинском в 1906—1908 годах. Средний состав семьи зависел от количества бедняцких семей, так как бедняцкие семьи всегда были меньше по составу, чем середняцкие и тем более байские. Более «бедные» уезды (Перовский и Казалинский) поэтому и дали меньшее количество членов на одну семью. А это означает, что в XIX веке, когда обнищание казахского крестьянства еще не достигло той степени, какая наблюдалась во время обследований в начале XX века, средний размер семьи должен был быть еще выше, следовательно, ошибка в подсчете населения в сторону его уменьшения была еще большей, превышала названные 20 процентов.

Проверку степени достоверности данных о населении производим прежде всего через данные переписи 1897 года. В этом году в Семиреченской области, по данным администрации, числилось населения 885 802 души обоего пола[12], по переписи зарегистрировано 987 863 души обоего пола[13], т. е. на 11,6 процента больше. Несмотря на то, что покибиточные списки в Семиречье составлялись с большим вниманием, чем в Сыр-Дарьинской области, недоучет населения оказался и здесь значительным.

По Сыр-Дарьинской области в 1895 году администрация насчитывала 1 167 045 душ обоего пола[14]. По переписи 1897 года учтено 1 478 398 душ[15], больше на 26,7 процента. Прирост за два года не мог составить больше 3—3,5 процента, следовательно, недоучет населения достигает 23—23,5 процента. Сказанное о значении коэффициента «5», подтверждается. С его применением, по нашим подсчетам, недоучет должен был достигать несколько более 20 процентов.

Но и после переписи 1897 года, когда стало очевидно, что учет населения неточен, положение мало изменилось. В 1910 году в Джаркентском уезде Семиреченской области данные администрации по казахскому населению оказались на 11,3 процента выше, по Верненскому — на

---

[11] Н. Васильев. Кочевники Туркестана. Самарканд, 1890, стр. 22.

[12] «Обзор Семиреченской области во время состояния в составе Степного генерал-губернаторства (1882—1899)». Верный, 1900, стр. 31.

[13] «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.» LXXXV. Семиреченская область. [б. м.], 1905, стр. V.

[14] «Обзор Сыр-Дарьинской области за 1895 г.» [б. г.]. Приложения.

[15] «Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.», LXXXVI. Сыр-Дарьинская область, стр. IV.

5,4 процента выше, по Капальскому — на 5,9 процента ниже, чем по данным обследования Румянцева[16]. Неточности остаются еще значительными, причем на этот раз не в сторону преуменьшения количества населения, как это наблюдалось до переписи 1897 года, а скорее в сторону преувеличения. Иногда они достигают огромных размеров. Например, уйгуров в Верненском уезде в 1911 году администрация насчитывала на 42,2 процента больше, чем значилось по обследованию Румянцева[17].

Основная причина этого в том, что покибиточные списки в начале XX века в Семиречье уже не составлялись, а так как записи рождений и смертей в аулах по-прежнему не велись, то изменения в количестве населения статистики исчисляли по весьма сомнительной норме естественного прироста. Это неизбежно вело к ошибкам. Другая причина крылась в том, что с обнищанием аула и уйгурско-дунганских поселков подвижность населения возрастала. Даже относительно правильный учет не мог бы успеть за изменениями, вызываемыми уходом разорившихся крестьян в другие места жительства. Особенно показателен в этом отношении пример с уйгурами. Вследствие интенсивного разорения уйгурского и дунганского крестьянства эта категория населения в области считалась самой подвижной. Уйгурская и дунганская беднота разбегалась, чиновники продолжали числить их хозяйства как «податные единицы». Отсюда постоянное преувеличение числа «жителей».

Стремясь установить приблизительно точную цифру населения областей Туркестана и Казахстана, работники Наркомнаца провели в 1920 году следующую работу. Они сопоставили данные переписи 1897 года с данными последующих обследований казахских районов экспедициями переселенческого управления. Произведя соответствующие подсчеты, они вывели для казахского населения следующие коэффициенты ежегодного естественного прироста: для Акмолинской области — 1,94, Семиреченской — 1,52, Сыр-Дарьинской — 1,089 процента. Применяя затем эти коэффициенты к периоду 1897—1916 годов, они определили, что в 1916 году в Семиреченской области количество всего населения должно было составить 1233 тыс. душ обоего пола[18]. Сопоставим эту цифру с официальными данными.

На 1 января 1914 года, по данным «Обзора Семиреченской области», в шести ее уездах насчитывалось 1331,1 тыс. душ обоего пола, т. е. на 7,96 процента больше, чем по подсчету Наркомнаца. Между тем, если учесть коэффициент прироста населения по данным Наркомнаца, численность населения в 1914 году должна была быть на 3,04 процента меньшей, чем в 1916 году. Это значит, что по Семиречью цифра населения в начале XX века уже не преуменьшалась, как до переписи 1897 года, а преувеличивалась. Официальной статистикой количество населения показывалось примерно на 11 процентов выше действительного.

Но если по Семиречью учет населения давал ошибку в сторону преувеличения, то в Сыр-Дарьинской области — в сторону преуменьшения. В этой области работники Наркомнаца, пользуясь указанным методом, на 1916 год исчислили по казахским уездам 1758,6 тыс. душ, администрация же своими методами в 1913 году насчитывала в тех же уездах 1248,7 тыс. душ. Если вычесть из данных Наркомнаца по их коэффициентам прирост за три года, то в 1913 году цифра населения долж-

[16] «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», т. III. СПб., 1912, стр. 22; т. IV. СПб., 1913, стр. 10; т. II. СПб, 1913, стр. 9.

[17] Там же, т. IV, стр. 10.

[18] ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, д. 644. Записка «Общий очерк Киргизской республики», лл. 1—60. Копия в наше распоряжение любезно предоставлена В. С. Познанским.

на была бы выразиться примерно в 1700 тыс. душ, т. е. на 34,2 процента больше цифры официальной статистики. «Ножницы» официального учета населения с действительным его количеством возросли: в XIX веке, как показано выше, недоучет составлял около 23 процентов, к 1913 году он достиг 34 процентов.

Этого и следовало ожидать. Метод определения численности населения по казахским аулам здесь оставался прежним: количество кибиток множили на пять и получали «число душ обоего пола». Преуменьшенный коэффициент из года в год давал возрастающее преуменьшение «числа душ». Но надо сказать, что и «число кибиток», иначе говоря, семейств, по Сыр-Дарьинской области с каждым годом неизбежно преуменьшалось. По ст. 312 Положения 1886 года для «кочевников» была установлена во внесении кибиточной подати круговая порука: если кибитковладелец не вносил подати, «назначалась продажа имущества недоимщика за исключением кибитки и той части скота, которая составляет крайнюю необходимость в его хозяйстве». Если же и с помощью этих мер получить подати не удавалось, тогда недоимка уплачивалась «остальными юртовладельцами по раскладке аульного схода, и при неисправности аула — остальными аулами волости по раскладке схода волостных выборных»[19]. Такой порядок взыскания податей создавал заинтересованность аулов и волостей в том, чтобы разорившихся бедняков не считать в числе «кибитковладельцев», тем более что во многих случаях они не имели «объекта обложения»— кибитки. Кибитки «исчезали», семьи бедноты оставались. Учет населения по числу кибиток и по этой причине все больше отклонялся в сторону преуменьшения.

Из сказанного следует, что неточность данных статистических комитетов так велика, что пользоваться ими возможно либо условно, либо с помощью тщательной проверки.

«Обзоры Семиреченской области» начали издаваться с 1882 года и выходили регулярно до 1913 года, по Сыр-Дарьинской области «Обзоры» начали выходить в 1885 году и выходили до 1895 года. С 1896 по 1903 год они не выходили. Затем вышли в 1904, 1906 годах и с 1908 по 1913 год. Дополнительно и частью вместо обзоров Сыр-Дарьинский областной статистический комитет выпускал ежегодно с 1891 по 1907 год «Материалы для статистики Сыр-Дарьинской области».

Нет возможности, да и надобности перечислять все издания статистических комитетов, как и другие официальные издания, содержащие статистические сведения, собранные теми же способами. Заметим только, что все они отличаются такой же неточностью, как и данные «Обзоров», а главное — не содержат никаких сведений о классовом расслоении местного и русского населения.

К более квалифицированным и достаточно полным источникам относятся: перепись 1897 года, обследования экспедиций Переселенческого управления и данные «Статистики Российской империи», в том числе военно-конские переписи. В материалах обследований содержатся богатые данные для характеристики классового расслоения и появления капиталистических отношений в аулах и поселках. Однако они однократны — никакой эволюции социальных отношений по этим «материалам» проследить не представляется возможным. В процессе работы над ними приходится учитывать и ряд других недостатков. О них будет сказано в ходе изложения.

Особое место занимают в нашем исследовании «Военно-конские переписи», взятые из «Статистики Российской империи». По опубликован-

[19] «Положение об управлении Туркестанского края 1886 года». ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 269, стр. док. 14.

ным сборникам известно, что эти переписи до 1908 года на Сибирь, Казахстан и Туркестан не распространялись. В 1908 году военно-конская перепись частично проводилась в Акмолинской и Семипалатинской областях и только в 1912 году распространилась на всю Среднюю Азию (Казахстан и Туркестан), в том числе на исследуемые области — Семиреченскую и Сыр-Дарьинскую. Кроме того, Центральным статистическим комитетом в 1901 году в Сибирском и Туркестанском военных округах проводилась «Опытная военно-конская перепись»[20], но материалы по ней не опубликованы. Причина отказа от публикации, видимо, заключалась в том, что данные по большинству районов, особенно по кочевым уездам, собирались с нарушениями инструкции: в большинстве случаев в списки коневладельцев заносились только хозяйства, имевшие лошадей, и опускались безлошадные.

Для нашего исследования использованы архивные данные «Опытной переписи» по Сыр-Дарьинской и Семиреченской областям. Чтобы приблизить их к истинным, мы произвели подсчет списков коневладельцев по тем немногим волостям, где инструкция при сборе сведений соблюдалась. По этим подсчетам установлен процент безлошадных. Распространяя условно этот процент на уезды, а затем и области в целом, мы получили возможность произвести сравнение расслоения крестьянства по количеству лошадей за 1901 и 1912 годы. Военно-конские переписи, таким образом, явились для нас важным источником для анализа динамики имущественного расслоения крестьянства в начале XX века.

Другим источником для исследования имущественного расслоения служили наши, авторские, подсчеты по покибиточным спискам казахского населения, спискам хозяйств казачьих и крестьянских поселений и уйгурско-дунганского крестьянства, частично узбекского,— по всем таким спискам, где против крестьянских фамилий указывалось их имущество. Эти подсчеты дают возможность проследить динамику имущественного расслоения у казахов Семиречья, уйгурско-дунганского крестьянства, русских крестьян-переселенцев и казачества. Но покибиточные списки по Семиреченской области регулярно составлялись только в XIX веке — с 1867 по начало 90-х годов, в XX веке они не составлялись. Из составленных списков разыскана в архивах только некоторая их часть. Остальные пока не найдены, возможно — погибли. По Сыр-Дарьинской области до 1906 года производился простой подсчет кибиток. Списки составлялись только после 1906 года, но данных об имуществе кибиток в этих списках не было. Хозяйства просто группировались на бедняков, среднего достатка и богатых, причем признаки отнесения к этим группам разыскать не удалось. Так как подсчеты по такого рода спискам не могли дать желаемых результатов, пришлось от них отказаться, тем более что в нашем распоряжении по этому периоду имеются более квалифицированные данные военно-конской переписи и обследования нескольких волостей ревизией К. К. Палена, которые мы сопоставляем с обследованием Переселенческого управления.

Списки по русским и узбекским поселениям случайны, но некоторые важные выводы удалось сделать и в результате подсчетов по ним.

При всем том для характеристики развития капиталистического найма почти единственным источником остаются обследования Переселенческого управления. Консервацию и изменения форм феодальной и торгово-ростовщической эксплуатации приходится вскрывать только по описательным материалам.

---

[20] «Статистика Российской империи», V. Военно-конская перепись 1899—1901 гг. СПб, 1902, стр. II.

Описательные печатные и архивные материалы обычно крайне субъективны. Во всех случаях их использования приходилось тщательно взвешивать степень их достоверности, учитывать точку зрения автора в подходе к оценке данного общественного явления. Только при правильном учете достоверности сообщаемых фактов эти материалы могут быть использованы для характеристики таких явлений, как торгово-ростовщическая кабала, техника ведения хозяйства и другие. При этом установлено, что корреспонденции официальных газет того времени обычно крайне неточны и тенденциозны. От широкого их использования пришлось отказаться.

Четвертая группа документов — официальные записки, отчеты, выступления, характеризующие политику царизма и буржуазии, отличается обычно скрупулезной точностью в изложении фактов и дат, относящихся к действиям правительства. Для установления точной хронологии политических событий эта группа документов является надежной основой.

Вместе с тем приходится учитывать, что под влиянием политической обстановки чиновники в своих записках часто замалчивали многие действия правительства в прошлом. Особенно это относится к запискам, подававшимся в Государственную думу, иначе говоря, рассчитанным на широкую огласку.

В смысле оценки социальных процессов в этой группе документов в большинстве случаев содержится «хвастовство», подкрашивание действительности, затушевывание «темных сторон» жизни царских колоний. Особенно это относится к документам, рассчитанным на представление царю, а также на публикацию для всеобщего сведения. Но вместе с тем, в тех случаях, когда вопрос стоял о пересмотре того или другого закона, об изменении политики в том или другом вопросе, и особенно когда записки чиновников были рассчитаны только на внутреннее пользование, в них часто встречаются довольно меткие и точные оценки социальных процессов, происходивших в Казахстане и Туркестане. К таким документам относятся сенатские ревизии, а также записки, связанные с разработкой положений об управлении, инструкции о переселении русских крестьян и другие. В некоторой своей части эти документы представляют собой серьезные исследования. Их материалы приходится использовать довольно широко, особенно ценными в них являются статистические данные. Например, данные «Проекта отчета... Кауфмана» и «Ревизии» графа Палена являются исключительно ценными для историка, хотя и их точность нуждается в проверке.

В нашем исследовании все названные группы источников используются в той степени, в какой они способствуют раскрытию нарастания классовых противоречий и предпосылок революции 1917 года.

III. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ. ТИП СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Изменения в типе сельского хозяйства происходили как в результате внутренней эволюции, так и в связи с колонизацией района пришлым крестьянством. Ознакомимся с этими процессами.

1. Изменения национального состава населения

При рассмотрении изменений в составе населения, во избежание больших и малоэффективных дополнительных подсчетов, отмеченные неточности в учете принимать во внимание не будем, так как для выводов об удельном весе жителей разных национальностей в общем количестве населения эта сторона вопроса почти не имеет значения.

Сведения о населении Юга Казахстана в XIX веке приводятся в таблице 1.

Таблица 1

Население Юга Казахстана в конце XIX века[1]

(В числителе — абсолютные цифры, в знаменателе — %)

Годы	Казахи	Русские, украинцы, белорусы	Уйгуры, дунгане, узбеки и другие местные национальности	Всего
1	2	3	4	5
1. Семиреченская область				
1872	299503 / 88,7	28033 / 8,2	9929 / 3,1	337465 / 100,0
1897	515001 / 77,6	71962 / 10,8	76806 / 11,6	663769 / 100,0
Прирост за 25 лет, %	72,0	156,7	673,6	96,5

[1] Источники за 1872 г. по Семиреченской обл.: ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 4, лл. 38—105; за 1870 по Сыр-Дарьинской обл.: М. А. Терентьев. Статистические очерки Среднеазиатской России. СПб., 1874, табл. 1; за 1897 г.—«Всероссийская перепись».

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5
		2. Сыр-Дарьинская область		
1870	423202 / 93,8	340 / 0,1	27714 / 6,1	451256 / 100,0
1897	741811 / 88,8	21033 / 2,5	72588 / 8,7	835432 / 100,0
Прирост за 27 лет, %	75,3	484,3	167,9	85,1

Из таблицы 1 видно, что прирост населения разный по разным группам. Наименьший у коренного населения — казахов. Остальные группы возросли очень быстро.

В 1882—1883 годах в Семиречье переселились из Китая более 55 тысяч уйгуров и дунган, в Сыр-Дарьинскую область переселялись узбеки. Е. Смирнов сообщает: «Движение сартов (узбеков.— *П. Г.*) на север ясно обрисовывается следующими цифровыми данными: в 1868 году северные земледельческие районы: Чимкентский, Аулие-Атинский — имели сартовского населения 19 000 человек; в 1885 году оно уже равнялось 48 500 человек, следовательно, в 17 лет увеличилось более чем в два с половиной раза»[2]. По переписи 1897 года в тех же трех уездах узбекского населения зарегистрировано 62 686 человек, а всего по пяти казахским уездам области 63 674 человека. В то же время других азиатских народностей, кроме казахов, по казахским уездам насчитывалось только 7863 человека[3]. Таким образом, неказахское местное население в казахских уездах Сыр-Дарьинской области состояло главным образом из узбеков.

Из России в обе области шел непрерывный приток русского, украинского и, в меньшей степени, белорусского населения. Это были главным образом крестьяне, но не только крестьяне, а также купцы, чиновники и некоторые категории городских трудящихся. Количество русского населения, хотя и составляло в 1897 году в числе населения меньший процент, чем пришлые местные национальности, но возрастало очень быстро.

Все это говорит о том, что в XIX веке Юг Казахстана был *колонизуемым районом*. Узбекская колонизация началась задолго до присоединения края к России и после присоединения продолжала интенсивно развиваться. Уйгурско-дунганская колонизация — это однократное переселение. Одновременно шел непрерывный процесс прилива и других азиатских национальностей. Русская колонизация возникла вместе с присоединением края.

Таблица 2 (по Семиречью) свидетельствует, что в основном те же процессы продолжались и в XX веке.

В части изменений национального состава населения области в XX веке (табл. 2), при всей неточности данных, мы наблюдаем очень показательную картину. При росте числа коренных жителей — казахов — за 12 лет всего на 12,9 процента, русское население возросло примерно в 2,2 раза. Но вместе с тем численность пришлых азиатских националь

[2] Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887, стр. 64.

[3] «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане». (Приложение к отчету по ревизии Палена) ч. II, отд. I, стр. 6—7.

ностей возросла на 77 процентов. Это произошло главным образом за счет прилива узбеков из Туркестана и Кашгарии. В 1901 году по казахским уездам области насчитывалось 3732 узбека, в 1913 году —7926, т. е. за девять лет их численность увеличилась в 2,1 раза. При этом в их составе, иностранных подданных в 1910 году было 37,5 процента. Таким образом, наряду с русской колонизацией область продолжала колонизоваться также людьми азиатских национальностей, главным образом узбеками.

Таблица 2

Население казахских уездов Семиреченской области в начале XX века[4]

(На 1 января. В числителе — абсолютные цифры, в знаменателе — %)

Годы	Казахи	Уйгуры и дунгане	Другие местные национальности	Русские, украинцы, белорусы	Прочие национальности	Всего
1902	514470 / 76,2	66597 / 9,9	10207 / 1,5	83208 / 12,3	662 / 0,1	675144 / 100,0
1907	523832 / 72,7	82297 / 11,4	15004 / 2,1	99256 / 13,7	622 / 0,1	721011 / 100,0
1913	566801 / 67,1	92127 / 10,9	17604 / 2,0	167250 / 19,9	523 / 0,1	844305 / 100,0
1914	580566 / 67,0	85330 / 9,9	18082 / 2,1	180989 / 20,9	782 / 0,1	865749 / 100,0
Прирост за 12 лет, %	12,9	28,1	77,1	117,5	18,1	28,2

По Сыр-Дарьинской области для XX века в печати нет подробных данных о национальном составе населения. Не удалось разыскать их и в архивах. В обзорах области данные о местных национальностях сведены в одну графу —«туземцы», куда вошли не только казахи, но также киргизы. На основании данных обзоров составлена таблица 3.

Таблица 3

Население казахских уездов Сыр-Дарьинской области в начале XX века[5]

(В числителе — абсолютные цифры, в знаменателе — %)

Годы	Местное население (казахи, узбеки, киргизы)	Русские украинцы, белорусы и немцы-колонисты	Иностранцы	Всего
1906	927959 / 95,9	37627 / 3,9	1693 / 0,2	967279 / 100,0
1910	1060095 / 90,5	108102 / 9,2	3876 / 0,3	1172073 / 100,0
1913	1168373 / 93,6	76875 / 6,2	3415 / 0,2	1248663 / 100,0
Прирост за 7 лет, %	25,9	102,2	101,7	29,0

[4] Составлена по данным «Обзоров Семиреченской области» за соответствующие годы.

[5] По данным «Обзоров Сыр-Дарьинской области» за соответствующие годы.

В таблице 3 хорошо отражена русская колонизация. Как и в Семиречье, русское население здесь возрастало очень быстро. Но в то же время мы видим, что удельный вес русских в Сыр-Дарьинских казахских уездах был в несколько раз ниже, чем в Семиречье. Если же принять во внимание, что данные о числе казахского населения, как показано выше, преуменьшены, то этот показатель надо считать преувеличенным. Крестьянская колонизация Сыр-Дарьинской области по ряду причин не достигла таких размеров, как в Семиреченской. Кроме того, на количестве русских отразилось обратное движение крестьян-переселенцев после 1910 года. Это дало снижение и абсолютных и относительных цифр русского населения в 1913 году против 1910 года.

О колонизации области людьми азиатских национальностей говорят данные графы «инородцы», под которыми подразумеваются все некоренные национальности Туркестана и Казахстана, кроме русских. Их число за семь лет увеличилось более чем вдвое. Это значит, что процесс этого типа колонизации продолжался и в XX веке. Такое заключение можно с полным правом сделать и в отношении колонизации края местными национальностями. Это видно из того, что среднегодовой прирост населения по графе «местное» составляет 3,7 процента. Как помним, коэффициент Наркомнаца для казахов Сыр-Дарьинской области равнялся 1,089 процента, а в наших данных, ввиду недоучета роста казахского населения, он был, конечно, ниже. Совершенно очевидно, что в показателях графы «местное население» отразился не только естественный прирост казахского населения, но также и прилив населения со стороны.

Трудно установить, какое место в прилившем в XX веке в казахские районы населении из местных национальностей занимали узбеки. Некоторые косвенные показатели говорят, что в XX веке, в отличие от конца XIX века, узбекское население в казахские районы приливало слабее. В 1909 году в Чимкентском уезде насчитывалось 24 оседлых кишлака и в них 9028 дворов, в Аулие-Атинском уезде —5 кишлаков — 1674 двора. Всего дворов 10 702. В это же время в названных уездах было 69 русских селений с 4868 дворами. В остальных уездах отдельных узбекских поселений не было, а русских поселков было только четыре (Перовский уезд) и в них 261 двор[6]. Иначе говоря, в общем итоге на 1909 год узбекская колонизация казахских районов области достигла значительно более высокого уровня, чем русская.

Но совершенно бесспорно, что прилив русского крестьянства в XX веке нарастал, а прилив узбекского крестьянства замедлялся. Нами произведен следующий подсчет: определено, что в четырех узбекских кишлаках Чимкентского уезда, обследованных в 1906 году, было 6,11 члена семьи на одно хозяйство. Приняв этот коэффициент для всех узбекских хозяйств, получаем, что в 1909 году в казахских уездах области население узбекских кишлаков достигло 65 390 человек. Вспомним, что по переписи 1897 года все узбекское население названных двух уездов, включая и города, составляло 62 686 человек. Теперь только в кишлаках, без городов, узбекского населения больше, чем в 1897 году с городами. Бесспорно, что узбекское население продолжает приливать в казахские районы, среди пришельцев из местных национальностей они по-прежнему занимают первое место. Но русское крестьянство приливает значительное быстрее.

В России, как говорил В. И. Ленин, имелись возможности «уйти на новые земли (для крестьянина)»[7]. Этим пользовалось русское крестьян-

---

[6] «Обзор Сыр-Дарьинской области до 1909 г.» Ташкент, 1911, стр. 14.
[7] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 522.

ство, убегая в Сибирь и Казахстан от эксплуатации русских помещиков и малоземелья в России. Но в изучаемый район переселялись и люди местных национальностей. Какая-то часть этих переселенцев также устраивалась на земле, основывала свое сельское хозяйство.

История Юга Казахстана конца XIX — начала XX века — это история края, непрерывно колонизируемого пришельцами различных национальностей.

Но и русская колонизация, и колонизация со стороны местных национальностей не сводилась только к крестьянской колонизации. Состав городского населения по сословиям приведен в таблице 4.

Таблица 4

Русское городское население по сословиям. Купцы и мещане из азиатских национальностей[8]

Сословия	Семиреченская область (казахская часть)			Сыр-Дарьинская область (в полных границах)		
	1872 г.	1900 г.	1910 г.	1870 г.	1895 г.	1913 г.
Дворяне, офицеры и почетные граждане	516	1068	2196	786	2654	8791
Духовенство	60	126	393	4	485	165
Купцы,	464	357	356	61	1543	630
в т. ч.: русские,	Данных	172	245	Данных нет		
татары,	нет	108	95	»	»	»
узбеки,	»	31	6	»	»	»
др. национальности	»	46	10	»	»	»
Мещане,	3731	19411	28979	Данных нет	8435	24673
в т. ч.: русские,	3731	13633	22948	»	Данных нет	
татары,	Данных нет	3950	3842	»	»	»
дунгане,	»	1822	1941	»	»	»
др. национальности	»	6	248	»	»	»
Русские крестьяне	47	1447	Данных нет	»	3065	49435
Казаки	Данных нет	556	»	»	2307*	3980
Отставные и бессрочно-отпускные солдаты	»	2454	»	»	2552	978

* Уральские ссыльные и небольшое количество других казачьих войск.

Сословия, как обычно, не вполне соответствуют классовой дифференциации населения, тем не менее таблица 4 показательна во многих отношениях. Русское население городов четко разделяется на две части: дворяне, офицеры, почетные граждане, духовенство и купцы — это целиком эксплуататорская часть русских колонистов. Это чистые *колонизаторы.* Мещане, крестьяне, казаки, солдаты — это группа, подавляющее большинство которой — трудящиеся города. Пионерами колонизации, завоевателями края, была первая группа. Они появились в крае с первых дней царского господства, к концу XIX, особенно в начале XX века, численность их резко возросла. Дворяне, офицеры, чиновники представляли в крае российское «военное государство, ведущее политику приключений в своих колониальных владениях, на Дальнем Востоке и в

[8] Источники: за 1872 г.— ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 4, лл. 38—105; за 1870 г.— М. А. Терентьев. Статистические очерки Среднеазиатской России. СПб., 1874, табл. 1. За остальные годы —«Обзоры» областей.

Средней Азии, взваливающее все непомерные тяготы этой стоящей бешеные деньги политики на рабочие массы и к тому же еще устраивающее на народные деньги все новые и новые батареи полицейского «пресечения» и «обуздания» против растущего недовольства и возмущения этих масс»[9]. Это та социальная верхушка, которая осуществляла в крае военно-феодальную колониальную политику, опираясь на военную силу, полицию, используя в качестве своей опоры казачество, кулацкую часть крестьян-переселенцев, купечество и мелкую буржуазию городов.

Вместе с тем в край приходили купцы, ростовщики, мелкие служащие (например, татары-переводчики). В таблице 4 среди купцов, кроме русских, обозначены также купцы из узбеков, татар и других азиатских национальностей — это эксплуататорская прослойка в этой группе колонистов.

Забегая вперед, можно сказать, что купечество — скупщики сельскохозяйственного сырья и торговцы изделиями русской промышленности — являлось «второй державой» в крае. Его экономическая власть над трудовым крестьянством с каждым годом возрастала. Его армия была в десятки, сотни раз больше числа, записанного в таблицу, так как оно опиралось на разветвленную сеть низовых агентов, приказчиков, мелких лавочников. Эта низовая агентура купеческого капитала ни в каких статистических данных отдельно не учтена, в большинстве случаев они проходят как «мещане», не исключено их зачисление в другие сословия.

Тем не менее в последние четыре группы нашей таблицы вошли в основном трудящиеся. Эта группа складывалась в большинстве своем из русского крестьянства. Во многих случаях крестьяне, особенно в первые два десятилетия царского господства, осев в городах, зачислялись в мещане. В категорию мещан зачислялись также татары, дунгане и представители других национальностей.

Очень небольшая часть этого трудящегося населения городов была занята в городском сельском хозяйстве. Остальные обслуживали торговлю, извоз, работали на постройке домов, обслуживали потребительские нужды эксплуататорской верхушки города (прислуга и т. п.)—словом, это была городская беднота. Рабочих на мелких заводиках было очень мало: в казахстанских городах Семиречья в 1896 году насчитывалось всего 236, в 1914 году—526 рабочих. Всего по городам и уездам Юга Казахстана в 1913 году насчитывалось около 8 тыс. рабочих[10]. Печать паразитизма лежит на дореволюционных городах изучаемого края[11]. Они не являлись индустриальными центрами. Это были полицейские и купеческие центры, от которых к крестьянину в аул и деревню тянулись тысячи нитей эксплуатации.

Всей этой эксплуататорской системе в городах противостоял небольшой отряд рабочих и городская беднота.

Так в общих чертах характеризуется та часть колонизации края, которая не являлась крестьянской, сельскохозяйственной колонизацией.

Что же представляла собою чисто крестьянская, сельскохозяйственная колонизация, что она вносила в экономическую жизнь края?

---

[9] В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 231.

[10] Обзоры областей за соответствующие годы, сопоставленные с данными Заорской и Александер. В кн.: «Промышленные заведения Туркестанского края». Пг., 1915.

[11] Употребляем в данном случае выражение И. А. Гобсона, в книге «Империализм», выписанное В. И. Лениным в «Тетради по империализму». И. А. Гобсон отмечает типичное для колоний империалистических стран явление — скопление в европейских поселениях «чиновников, миссионеров, торговцев, надсмотрщиков на рудниках и плантациях». («Ленинский сборник», XXVIII, стр. 75). В. И. Ленин, выписав это место из Гобсона, подчеркнув его и отметил *NB*. Несомненно это явление имело место и в Казахстане, хотя и в несколько измененной форме.

2. Крестьянская колонизация и развитие земледелия

Воспользуемся следующим подсчетом авторов «Ревизии» К. К. Палена (табл. 5), выполненным ими по данным переписи 1897 года. Данные относятся ко всей территории Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, т. е. со включением Северной Киргизии и Ташкентского уезда.

Таблица 5

1897 год. Распределение населения по хозяйственной деятельности (в процентах)[12]

Национальности	Семиреченская обл.			Сыр-Дарьинская обл.		
	Земледелие	Скотоводство	Прочие занятия	Земледелие	Скотоводство	Прочие занятия
Казахи и киргизы*	41,14	54,23	4,63	45,48	46,97	7,55
Уйгуры	68,53	0,81	30 66	—	—	—
Дунгане	46,90	0,58	52,52	—	—	—
Узбеки Семиреченской области и казахских районов Сыр-Дарьинской области**	19,33	1,20	79,47	57,55	1,62	40,83
Узбеки Ташкентского уезда	—	—	—	69,04	1,72	29,24
Русские	44,26	0,40	55,34	15,84	0,12	84,04

* Киргиз-кайсаки (казахи) и кара-киргизы (киргизы) в переписи проходят под одной рубрикой. Расчленить данные не имеем возможности.

** По переписи узбеки Семиреченской области и казахских уездов Сыр-Дарьинской области именовались сартами, узбеки Ташкентского уезда проходили под своим именем. Соответственно этому делению произведено и распределение по роду хозяйственной деятельности.

Знакомясь с графой «прочие занятия», убеждаемся, что в этом статистическом ряду отразилось то, что показано при характеристике колонизации городов: в Сыр-Дарьинской области с административным и экономическим центром Туркестана — гор. Ташкентом из русского населения только около 16 процентов занималось сельским хозяйством. Остальные — это рабочие города, в первую очередь железнодорожные, и городская беднота, с одной стороны, и помещичье-чиновничья плюс купеческая группа эксплуататоров, имевшая основную свою базу в Ташкенте,— с другой. Не так выпукло, но то же наблюдается среди русского населения в Семиречье. Только около 45 процентов русских там занимались сельским хозяйством, остальные — те же по своему составу группы, что и в Сыр-Дарьинской области.

«Прочие занятия» для групп коренных и других местных национальностей характеризуются иначе. Они свидетельствуют, что среди уйгуров, дунган, узбеков процесс отрыва крестьянства от сельского хозяйства, перехода к другим занятиям выражен очень ярко. Почти 80 процентов узбеков Семиречья и около 41 процента узбеков казахских районов Сыр-Дарьинской области не занимались сельскохозяйственным производством. В какой-то части это купцы и мелкие торговцы, скупщики сельскохозяйственного сырья, но в большей своей части, особенно в Сыр-Дарьинской области, это ремесленники.

Более 50 процентов дунган и около 31 процента уйгуров также порвали с сельским хозяйством.

Наиболее «сельскохозяйственным» населением в обеих областях к

---

[12] «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане». Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края ... графом К. К. Паленом, ч. I, отд. I. СПб., 1911, стр. 85.

1897 году оставались казахи и киргизы. Только незначительный процент из них был занят «прочими занятиями».

Но между двумя отраслями сельского хозяйства — скотоводством и земледелием производительные силы крестьянства разных национальностей распределялись неравномерно. Очень небольшая часть уйгуров, дунган, узбеков и русских занималась скотоводством, остальные — земледелием. Это были оседлые крестьяне-земледельцы. К концу XIX века и среди казахов было немало земледельцев, шел процесс оседания их на землю. Однако большая часть казахов продолжала заниматься по-преимуществу скотоводством.

Итогом колонизации края крестьянством других районов (русским и местных национальностей) было развитие земледелия в крае. Если к этому присовокупить развитие земледелия у казахов, то можно сказать, что уже к концу XIX века Юг Казахстана стал скотоводческо-земледельческим. В XX веке этот процесс продолжался. В 1906—1913 годах общее поголовье скота Юга Казахстана возросло с 7988,2 тыс. до 10861,9 тыс.— на 35,9 процента. В то же время посевные площади (без картофеля и масличных культур) возросли с 613,8 тыс. десятин до 920,6 тыс. десятин — на 50,0 процентов. Таким образом, если брать все сельское хозяйство в целом, то необходимо сказать, что в начале XX века край сделал новый шаг в сторону роста земледелия против роста животноводства.

Но пришлое земледельческое крестьянство — русское, уйгурское, дунганское, узбекское — с одной стороны, местное, казахское, по преимуществу скотоводческое — с другой, в этом процессе развития земледелия играло неодинаковые роли. Сведения о развитии земледелия в Сыр-Дарьинской области до 1904 года приведены в таблице 6.

Таблица 6

Посевы зерновых по казахским уездам Сыр-Дарьинской области[13]

Уезды	Посеяно четвертей			Рост посевов в 1904 г., %	
	1875 г.	1882 г.	1904 г.	к 1875 г.	к 1882 г.
Чимкентский (Туркестанский)	8797	19867	59451	675,8	299,3
Аулие-Атинский	28143*	45477	78303	278 8	172,2
Перовский	5202**	8207	12110	232,8	147,6
Казалинский	5298	11634	14223	268.4	122,3
Итого	47440	85185	164087	45,9	192,6

* Сюда вошли и 3535 батманов, переведенных в четверти из расчета: 1 батман весит 10—11 пудов, четверть — около 7 пудов, 1 батман=1,5 четверти.

** В подлиннике пуды. Пересчет на четверти наш.

Данные таблицы 6, конечно, недостаточно точны: как сказано выше, они преуменьшены. Особенно это относится к цифрам за 1875 год, когда учет был поставлен значительно хуже, чем в последующие годы, но допускаем, что преуменьшение примерно в одинаковой степени распространяется на все три колонки цифр. Тогда для ознакомления с направлением и темпами развития земледелия таблицу можно считать достаточно достоверной. Мы видим, что за 29 лет посевы зерновых в области

[13] ЦГА УзССР: 1875 г.— ф. 17, оп. 1, д. 10005, лл. 10—204; 1882 г.— ф. 1, оп. 15, д. 352, лл. 12—13; 1904 г.—«Обзор Сыр-Дарьинской области».

возросли больше чем втрое. Нет возможности показать дифференцированно развитие земледелия у казахов и у пришлых крестьян-земледельцев, но косвенно некоторые выводы можно сделать и в этом отношении. В Перовском и Казалинском уездах не было ни русских, ни узбекских поселков и земледелие развивалось там медленно. Наибольшее количество русских и узбекских поселков было в Чимкентском уезде — там темпы роста земледелия самые высокие. Несомненно, что рост запашек происходил *как за счет развития земледелия у казахов, так и за счет прилива в область хлебопашцев — русских и узбеков.*

Имеются некоторые данные о расширении запашек у различных категорий крестьянства. В «Ревизии» Палена приводится подсчет всей посевной площади области за 1908 год. По этому подсчету казахи всех уездов (в том числе и Ташкентского) засевали 355 462 десятины. В составе всей посевной площади области это составляло 51,3 процента. Остальная площадь распределялась между «оседлыми туземцами» (узбеки, каракалпаки)—43,4 процента и русскими крестьянами —5,3 процента[14]. Эта справка показывает, что расширение запашек за счет русских переселенцев было незначительным. Эти данные К. К. Палена базировались на сведениях Статистического комитета Сыр-Дарьинской области, опубликованных в «Обзоре» за 1908 год. Если из данных К. К. Палена выделить только казахские уезды области, то получаем, что в 1908 году в них было засеяно 339 904 десятины, в том числе казахами — 261 406 десятин, или 76,9 процента, оседлыми крестьянами местных национальностей —54 701 десятина —16,1 процента и русскими крестьянами —23 797 десятин —7 процентов. Вывод, вытекающий из подсчета авторов «Ревизии» и нашего, один и тот же: к 1908 году очень большое место в балансе посевов занимали посевы казахские, значительно меньшее — посевы местных оседлых крестьян и самое незначительное — посевы русских крестьян-переселенцев. Земледелие в области развивалось главным образом за счет расширения посевов «кочевников», т. е. казахов.

Чтобы видеть, какие сдвиги происходили в распределении посевных площадей между основными тремя категориями крестьянства в последующие годы, сравним имеющиеся в нашем распоряжении данные о посевах за 1906 и 1915 годы (см. табл. 7).

Таблица 7

Посевы озимых и яровых хлебов и картофеля в казахских уездах Сыр-Дарьинской области (в десятинах)[15]

Национальности	1906 г.		1915 г.		Рост посевов, %
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	
Казахи	261272	73,4	[186800]	38,4	71,5
Оседлые крестьяне местных национальностей	71129	20,0	[198396]	40,8	278,9
Русские крестьяне	23736	6,6	100909	20.8	425,1
Итого	356137	100,0	486105	100,0	136,5

[14] «Материалы для характеристики народного хозяйства в Туркестане». Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края ... графом К. К. Паленом, ч. I, отд. I, стр. 305.

[15] За 1906 год — данные «Обзора Сыр-Дарьинской области за 1915 год»— выборка из неопубликованных сведений Сыр-Дарьинского переселенческого района (ЦГА КазССР, ф. 33, оп. 1, д. 62 и 63), скорректированная по данным «Сельскохозяйственного обзора Туркестанского края за 1915 год». Приложение, табл. 4, стр. 12.

К составлению таблицы 7 мы подошли с осторожностью. Во-первых, не воспользовались данными «Обзора за 1908 г.», на которых базировали свои подсчеты авторы «Ревизии» К. К. Палена. Сравнение их с данными за 1906 год показало, что в части посевов русских крестьян и казахов они почти повторяют цифры 1906 года, а в части посевов местных оседлых крестьян показывают большое снижение (с 71,1 тыс. десятин до 54,7 тыс. десятин), что никакими другими сведениями не подтверждается. Естественно из этого заключить, что данные за 1906 год более достоверны, чем за 1908 год. К. К. Пален сделал бы более правильно, если бы свои расчеты строил на сведениях 1906 года, ибо по всему видно, что они послужили исходной базой для построения сведений 1908 года.

Данные за 1915 год также проверены. В нашем распоряжении были данные «Сельскохозяйственного обзора Туркестанского края за 1915 год» и сведения, собранные чиновниками переселенческой организации и сохранившиеся в архивах. По первым данным общая площадь посева достигала 518,7 тыс. десятин, по вторым —486,1 тыс. десятин. Расхождение довольно значительное. Кроме того, по «Сельскохозяйственному обзору» размеры посевов русских крестьян на 10 с лишним тысяч десятин меньше, чем по сведениям переселенческих чиновников. Относительно же посевов местных оседлых крестьян в обзоре сказано, что в их число «включены и земли казны, ввиду того, что последние сдаются в аренду главным образом оседлым туземцам»[16]. Эта цифра, таким образом, становилась несравнимой с данными за 1906 год. Вместе с тем по методам сбора данных сведения переселенческой организации приходится считать более достоверными. В их сборе участвовали заведующие переселенческими подрайонами, каждый в своем подрайоне. Данные же «Сельхозобзора», как обычно, строились на сведениях местной администрации. Первые были во всех отношениях заинтересованы в максимальной точности своих данных, ибо на них базировалась вся их работа по установлению фондов земель для колонизации, вторые были мало заинтересованы в точности своих данных. Совершенно очевидно, что за основу своих подсчетов мы предпочли взять данные переселенческого района, как более точные.

Но таблицы, составленные переселенческими чиновниками, имеют тот недостаток, что в них не дифференцируются посевы казахов от посевов местных оседлых крестьян. Чтобы получить в этой части относительно достоверные показатели, мы площадь посева казахов взяли из данных «Сельскохозяйственного обзора». Эту площадь вычли из общей площади посева местного крестьянства, полученной подсчетом по таблицам переселенческого района, и таким образом определили цифру посевов местного крестьянства (обе определенные таким способом цифры в таблице взяты в квадратные скобки). В результате они стали сравнимыми с цифрами за 1906 год — цифра по посевам казахов потому, что она установлена тем же способом, что и цифра за 1906 год, цифра по посевам местных оседлых крестьян — потому, что из нее исключены посевы на казенных землях, которые в 1906 году в состав посевов оседлого крестьянства не входили. Что же обнаруживается в показателях таблицы?

Напомним, что с 1906 года в области работала переселенческая организация по «водворению» русских крестьян-переселенцев. В то же время в Государственной думе обсуждался вопрос о предоставлении переселенческим чиновникам Туркестанского края права изымать из

[16] «Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 г.» Ташкент, 1916. Приложение, стр. 12.

пользования «кочевников» земельные «излишки» для нужд колонизации подобно тому, как это осуществлялось в степных областях. В 1910 году соответствующее изменение ст. 270 Положения 1886 года было принято Думой и утверждено царем. Переселенческим чиновникам Туркестанского края была предоставлена «свобода действий». Теперь в Сыр-Дарьинской области начались насильственные изъятия земель «кочевников», т. е. казахов, под русские поселки. Но закон об изъятиях земель не распространялся на местное оседлое крестьянство. И мы по цифрам таблицы обнаруживаем следующее явление: происходит интенсивное перераспределение посевных площадей в пользу русских поселков. В основном это результат насильственных изъятий земель переселенческими чиновниками. Но в то же время земли переходят и в руки оседлого местного крестьянства. Это означает, что казахи, под угрозой бесплатной потери своих земель, путем незаконных сделок передавали свои пашни узбекам и другим оседлым земледельцам местных национальностей — неказахам. Запашки оседлого местного крестьянства росли не так быстро, как у русских крестьян, но все же они увеличились в 2,79 раза. Запашки же казахов за 9 лет уменьшились на 28,5 процента. Реакционная колонизаторская политика царизма нанесла серьезнейший удар развитию земледелия казахов, перестройке их хозяйства из животноводческого в животноводческо-земледельческое.

3. Соотношение животноводства и земледелия у крестьянства разных категорий

Подсчет по данным переселенческой организации дает возможность судить о результатах перестройки сельского хозяйства области в скотоводческо-земледельческое (см. табл. 8).

Таблица 8

Количество скота и размеры посевов зерновых и картофеля на одно хозяйство в 1915 году[17]

Уезды	Местные волости			Русские поселки		
	дворов или кибиток	на 1 двор или кибитку		дворов	на 1 двор	
		скота, голов	посева, дес.		скота, голов	посева, дес.
Чимкентский	57401	32,3	3,38	3821	25,4	11,18
Аулие-Атинский	50579	33,3	2,52	7227	18,1	7,90
Перовский	27857	26,6	1,67	294	11,0	3,78
Казалинский	33548	25,7	0,51	—	—	—
Итого	169385	30,3	2,27	11342	20,5	8,90

Как уже сказано, сведения переселенческой партии не позволяют выделить в отдельную рубрику оседлые узбекские хозяйства Чимкентского и Аулие-Атинского уездов. Их включением в состав местных волостей затушевываются особенности казахского хозяйства, переходившего от кочевого животноводства к оседлому животноводческо-земледельческому хозяйству. Насколько глубока была разница между хозяйством

[17] ЦГА КазССР, ф. 33, оп. 1, д. 61. Подсчет наш.

казахов и местных оседлых крестьян, можно судить только по недостаточно точным данным «Сельскохозяйственного обзора Туркестанского края». Авторы обзора считают, что в Сыр-Дарьинской области в полных ее границах «оседлые туземцы» в 1915 году имели по 0,53 десятины посева на душу населения, кочевники — по 0,29, крестьяне — по 1,77 десятины[18]. Не располагая возможностью для пересчета этих данных с учетом неточностей, допущенных «Обзором», и в определении количества населения и в учете посевных площадей, будем считать приведенные цифры «Обзора» только ориентировочными, показывающими, что посевы казахов в среднем на душу (хозяйство) значительно меньше, чем посевы местных оседлых крестьян.

Цифры нашей таблицы 8, построенной на более точных данных переселенческой организации, достаточно рельефно показывают характер хозяйства русских поселков. Как уже нельзя было назвать казахское хозяйство чисто животноводческим, так нельзя было и хозяйство русских поселков назвать чисто земледельческим. Если в Чимкентском уезде местные хозяйства (узбекские и казахские) имели в среднем по 32,3 головы скота на хозяйство, а русские крестьяне — по 25,4 головы, причем в их стаде большее место, чем у казахов, занимал крупный скот, то сказать, какая из двух групп хозяйств, характеризуемых таблицей, более скотоводческая, очень трудно. И там и здесь животноводство сочеталось с земледелием. В русских поселках земледелие в строе хозяйства занимает значительно большее место, в казахских аулах — значительно меньшее, однако и те и другие поставляют на рынок скот: казахи — по преимуществу скот, русские крестьяне — скот наряду с хлебом. Оседлое узбекское крестьянство по типу своего хозяйства приближается к русскому.

Менее ярко, чем в Чимкентском уезде, процесс превращения русских крестьянских хозяйств в земледельческо-животноводческие обнаруживается в более «молодых» по времени своего основания поселениях Аулие-Атинского и Перовского уездов, однако и здесь видны также зачатки животноводческого хозяйства наряду с развитием земледелия.

Детальное рассмотрение этого вопроса мы переносим в одну из последующих глав. Здесь же, на основании привлеченных данных, приходим к выводу, что в Сыр-Дарьинской области разграничение местного и русского сельского хозяйства как «чисто» животноводческого, с одной стороны, и земледельческого — с другой, в XX веке уже не оправдывается. Развитие казахского земледелия, в результате колонизаторской политики царизма, задерживалось, несмотря на это в хозяйстве сырдарьинских казахов в XX веке оно занимало большее место, чем в XIX, в то же время русские поселки области становились все более и более скотоводческими.

Переходим к характеристике Семиречья (см. табл. 9).

В таблице 9 не только показан процесс развития казахского земледелия, но и причина, задерживавшая это развитие. Самыми быстрыми темпами развивалось земледелие в Джаркентском уезде, где после 1883 года царским правительством не было изъято из пользования казахов ни одной десятины земли. Самыми медленными темпами росли казахские запашки в Верненском уезде, где более 25 процентов угодий было изъято администрацией под казачьи станицы, крестьянские поселки и для других целей. В Капальском и Лепсинском уездах было изъято только 5 процентов угодий. Этому соответствует более быстрый рост запашек у казахов: в этих уездах после 1882 года они превысили рост запашек в Верненском уезде почти в два раза.

[18] «Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 г.», ч. II, стр. 3.

Таким образом, мы обнаруживаем, что развитие земледелия в Семиречье, так же как и в Сыр-Дарьинской области, сочеталось с процессом насильственного перераспределения земель в пользу русской колонизации.

Таблица 9

Развитие казахского земледелия в Семиреченской области в XIX веке[19]

Уезды	Изъято земель, тыс. дес.	Доля изъятых земель в общем количестве угодий, %	Посевы зерновых у казахов, четвертей			Рост посевов, %	
			1877 г.*	1882 г.	1900 г.	к 1877 г.	к 1882 г.
Верненский	1008,2	25,4	13968	34615	39044	279,6	112,2
Капальский и Лепсинский	584,0	5,1	22689	16900	31287	174,1	210,0
Джаркентский	367,7**	11,2	—	716	8204		1445,1
Итого	1959,9		36657	52231	78535	214,2	150,3

* За этот год в подлиннике — пуды. Перевод в четверти наш. 1 четверть = =7 пудам.

** Для уйгуров и дунган, прибывших из Кульджи в 1882—1883 годах, до образования Джаркентского уезда.

При этом чем больше изымалось земель у казахов, тем медленнее развивалось их земледелие.

Сопоставим развитие земледелия казахов и оседлых крестьян Семиречья (см. табл. 10).

Таблица 10

Общая картина развития земледелия в казахских уездах Семиречья в конце XIX века[20]

	Посеяно четвертей				Рост посевов, в % к 1882 г.
	1882 г.		1900 г.		
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	
Казаки	45125	39,0	45360	24,3	100,5
Русские крестьяне	10418	9,1	29641	15,9	284,5
Уйгуры и дунгане	7919	6,8	32952	17,7	416,1
Казахи	52231	45,1	78535	42,1	150,3
Итого	115693	100,0	186488	100,0	161,2

За 18 лет посевные площади в области возросли на 61 процент. Почти стабилизировались размеры посевов русского казачества, очень быстро возрастали посевы в русских, а также уйгурских и дунганских поселках. Несмотря на отмеченное губительное влияние на казахское земледелие насильственных изъятий из их пользования удобных и обра-

[19] 1877 г.—«Проект всеподданнейшего отчета... К. П. Кауфмана». СПб., 1885, стр. 292. Остальное —«Обзоры Семиреченской области» за соответствующие годы. Первая и вторая графы — данные обследования П. П. Румянцева.

[20] Обзоры Семиреченской области за соответствующие годы.

батываемых земель, земледелие и у казахов развивалось довольно быстро. Однако удельный вес казахских запашек в общей посевной площади к концу века снизился.

Что происходило в это же время в области развития животноводства?

В 1882 году у казахов насчитывалось 2834 тыс. голов скота. Через тринадцать лет — в 1895 году — 3181,0 тыс. Рост поголовья составил 112,2 процента. Но с 1895 года казахское животноводство вступило в полосу упадка при одновременном быстром росте поголовья у оседлого крестьянства. Общая картина развития животноводства в 1895—1902 годах видна из табл. 11.

Таблица 11

Животноводство в казахской части Семиреченской области в конце XIX века[21]

	Скота, тыс. голов					На 100 жителей станиц, поселков, казахских волостей в 1902 г.*	
		1900 г.		1902 г.			
	1895 г.	всего	в % к 1895 г.	всего	в % к 1895 г.	посева, дес.	скота, голов
Казахи	3181,0	1312,0	41,2	3048,9	95,8	20,0	597,8
Уйгуры и дунгане	51,8	87,5	168,9	106,9	213,7	56,0	177,4
Русские крестьяне	45,1	76,4	169,4	84,2	186,6	93,4	314,3
Казаки	63,2	75,2	118,0	74,2	117,4	86,6	184,6
Итого	3342,1	1551,1	46,4	3314,2	99,2	80,7	520,2

* При подсчете брались все жители данного типа поселений независимо от национальности. Неточность учета игнорирована, так как в этом году, через пять лет после переписи 1897 года, отклонения данных о населении от действительности были еще не столь велики.

В 1897 и 1899 годах был жестокий джут (падеж скота от бескормицы), у казахов погибло более половины скота. После джута происходил процесс восстановления поголовья, но к 1902 году животноводство казахов еще не достигло уровня 1895 года и очень незначительно возросло против уровня 1882 года. Сопоставляя это с процессом развития земледелия, приходим к выводу, что скотоводческое казахское хозяйство постепенно перестраивается в скотоводческо-земледельческое: земледелие развивается быстро, скотоводство развивается крайне медленно. Кочевое животноводство явно переживает глубокий кризис. Изъятие земельных угодий, нарушение традиционных путей перекочевок тормозили рост поголовья. Переход к земледелию является как бы выходом из этого кризиса.

Наряду с этим скотоводство оседлого крестьянства делает значительные успехи. Если казахское сельское хозяйство за изучаемые годы стало более земледельческим, то хозяйство русских крестьян, уйгуров и дунган стало более скотоводческим. По последним двум графам таблицы видно, что еще сохранились большие различия в типе хозяйств: казахское сельское хозяйство остается по преимуществу животноводческим. Но сближение между оседлыми крестьянами и казахами шло в

[21] Подсчет произведен по данным обзоров областей.

том же направлении, как и в Сыр-Дарьинской области: если казахи еще выносили на рынок почти исключительно скот и продукты животноводства, то оседлое крестьянство уже продавало не только хлеб, но и скот.

В XX веке этот процесс продолжался (см. табл. 12).

Таблица 12

Посевы зерновых в казахской части Семиреченской области в XX веке[22]

Годы	Посевы, дес.								Итого	
	у казахов		у уйгуров и дунган		у русских крестьян		у русских казаков			
	всего	рост, %	всего	рост, %	всего	рост, %	всего	рост, %	всего	рост, %
1901	91850	100,0	37112	100,0	21417	100,0	32489	100,0	182968	100,0
1904	130768	142,4	28452	76,7	22968	107,2	54451	167,5	236639	129,3
1907	138903	151,2	36163	97,4	28362	132,4	51264	157,8	254692	134,3
1910	160172	174,4	26725	72,0	44738	208,9	57858	178,1	289493	158,2
1913	198182	215,8	45260	122,0	92949	434,0	66700	205,3	403091	220,3

Русские крестьяне-переселенцы за 13 лет увеличили свои запашки вдвое быстрее, чем казахи. Это происходило как за счет роста запашек сторожильческих поселков, так и, главным образом, за счет насильственного перераспределения удобных для хлебопашества земель в пользу переселенцев-новоселов. За счет распашки новых земель развивалось земледелие и у русского казачества. Не получившие новых земель уйгуры и дунгане в части темпов роста посевных площадей стоят на последнем месте. Казахское же земледелие развивалось, несмотря на массовые изъятия удобных для земледелия, распаханных и орошенных земель под русскую колонизацию[23]. Это означает, что процесс перестройки животноводческого хозяйства в животноводческо-земледельческое продолжался (см. табл. 13).

Таблица 13

Животноводство в казахской части Семиреченской области в XX веке[24]

Годы	Скота, тыс. голов								Итого	
	у казахов		у уйгуров и дунган		у русских крестьян		у казаков			
	всего	рост, %	всего	рост, %	всего	рост, %	всего	рост, %	всего	рост, %
1902	3048,9	100,0	106,9	100,0	84,2	100,0	74,2	100,0	3314,2	100,0
1904	3164,0	103,8	130,5	122,1	86,6	102,9	76,5	104,0	3457,6	104,4
1907	3510,4	115,1	171,9	160,8	88,1	104,6	97,1	130,9	3867,5	116,7
1910	3881,5	127,3	188,5	176,4	106,2	126,1	108,5	146,2	4284,6	129,3
1913	3895,7	127,8	191,9	179,5	181,7	215,8	133,3	179,7	4402,6	132,8

По темпам развития животноводства (табл. 13) казахи стояли на последнем месте. Животноводство всех трех категорий оседлого крестьянства развивалось много быстрее, чем казахское. Их хозяйство становилось все более земледельческо-животноводческим. Шло сближение

---

[22] Подсчет по данным «Обзоров Семиреченской области».

[23] За изучаемые годы в Семиречье изъятие земель коснулось главным образом Северной Киргизии, что повело к резкому сокращению киргизских запашек. Вопрос этот выходит за рамки нашей темы.

[24] Подсчет по данным «Обзоров» областей.

двух типов хозяйств: у казахов расширялось земледелие относительно животноводства, у оседлых крестьян расширялось животноводство относительно земледелия.

Итоги этого процесса можно видеть в таблице 14.

Таблица 14

1913 год. Размеры посевов и количество скота на 100 жителей казахской части Семиреченской области[25]

Виды поселений	Посевы, дес.	Количество скота, голов
Казахские волости	34.6	681,0
Уйгурско-дунганские поселки	64,0	271.0
Крестьянские поселки	97,6	190,9
Казачьи станицы и выселки	109,5	218,9
Среднее	50,5	551,1

В крестьянских поселках количество скота на 100 душ населения несколько сократилось против 1902 года. Это произошло за счет новосельческих поселков, еще не успевших обзавестись скотом. Уйгуры, дунгане и казачество сильно увеличили поголовье на единицу населения против 1902 года (сравнить с показателями таблицы 11). Совершенно бесспорно, что и в Семиречье совершался тот же процесс, какой мы наблюдали в Сыр-Дарьинской области: если брать сельское хозяйство в целом, то оно развивалось в сторону превращения из преимущественно животноводческого в животноводческо-земледельческое. И в Семиречье хозяйство казахов становилось все больше и больше земледельческим, хозяйство оседлых крестьян — все более и более животноводческим. Казахи оседали на землю, превращались в оседлых земледельцев-скотоводов.

Таковы основные итоги перестройки характера сельского хозяйства. Процесс этот ускорялся колонизацией. Но было бы неправильным считать, что это результат одной колонизации. Уйгурская, дунганская, узбекская и русская крестьянская колонизация края увеличили посевные площади. Но связанное с русской колонизацией насильственное перераспределение земельных угодий в пользу русских переселенцев тормозило развитие казахского земледелия, переход казахов к оседлому животноводческо-земледельческому хозяйству. Реакционная колонизаторская политика царизма являлась серьезным препятствием на путях прогрессивных процессов, происходивших в сельском хозяйстве изучаемого района. Вспомним приведенные выше слова В. И. Ленина о том, что царизм угнетал порабощенные им народы и политически, и экономически.

В каких политических условиях совершались обрисованные процессы развития сельского хозяйства?

---

[25] Подсчет по данным обзоров области. Брались все жители поселений, независимо от национальности. Поправка на неточность учета населения не сделана: это потребовало бы сложных подсчетов, в результате которых уточнение данных было бы не столь значительным, чтобы оказать существенное влияние на наши выводы.

IV. ВОЕННО-ФЕОДАЛЬНЫЙ АППАРАТ УПРАВЛЕНИЯ КРАЕМ

Приведенные выше слова К. Маркса о том, что царская Россия приносила в Среднюю Азию «русскую самодержавную систему» с «явлениями коррупции полувоенной бюрократии и вымогательства наподобие той, какая практикуется пашами»,— целиком подтверждаются фактами.

1. Русский военно-чиновный аппарат власти

Генерал Свистунов, ревизовавший в 1885 году Степное генерал-губернаторство, сообщал следующее о порядках, царивших в Семиреченской области.

В области было широко распространено «участие уездных начальников по требованиям высших властей в производстве разных сооружений, построек, хозяйственных операций с обложением на этот предмет денежным сбором под видом будто бы добровольных пожертвований». Эти деньги, как правило, расхищались. Постройки почти всегда оканчивались неудачей, или вовсе не доводились до конца. В городе Верном на постройку православного собора было израсходовано «из разных источников 56 349 руб. и в результате не оказалось ни собора, ни денег, ни заготовленного материала, кроме проданного с аукционного торга на сумму 5542 руб.»

Далее: «На постройку Илийского моста, законченного в 1884 году, затрачено 200 тыс. руб., но качество сооружения во всяком случае возбуждает сомнение — насколько затрата около 200 тыс. руб. соответствовала в этом случае потребности». Между тем, сборы на этот мост с кочевого населения производились с полной бесцеремонностью. Сначала собрали «по приговорам» по 1 руб. с юрты. Затем главное начальство области «предписало в два приема взыскать на тот же предмет дополнительно еще по 49-ти или 50-ти копеек с юрты, уже не спрашивая согласия и без всяких приговоров».

Одновременно с этим в 1877—1878 годах были произведены сборы «на поднесение (не состоявшееся) роскошной юрты великому князю Николаю Николаевичу, на устройство приемных покоев и на многие другие предметы». При этом деньги расходовались бесконтрольно, часто для собственных надобностей.

«Администрация на пути произвольных поборов не встречала преград...» и дошла, «в Семиречье особенно, ... до привычки смотреть на платежные средства кочевников, как на источник к перекрытию всякого расхода, который в данное время казался ей необходимым или полезным...»

Все эти поборы плюс официальные налоги легли огромной тяжестью на местное население. Свистунов подсчитывает: «В Семиреченской области: кочевое население платит, кроме кибиточной подати по 4 руб. с юрты, земского сбора 1 руб. 25 коп., на народное образование 25 коп., на содержание общественной администрации около 1 руб., на содержание дорог и мостов от 10-ти до 50 коп., на ремонт бараков для проходящих воинских команд, построенных вместо выставки юрт, около 15 коп.— всего 7 руб. в год с кибитки. Не устранимые, по объяснению местных властей, при взыскании налогов *чигыны* (поборы волостной администрации на нужды должностных лиц и обществ) доводят эту цифру до 10-ти руб. в год. Если же прибавить среднюю годовую цифру постоянно, одно за другим, предъявляемых от начальства денежных требований, под видом добровольных пожертвований, то сумма ежегодно уплачиваемого каждою киргизскою юртою денежного сбора средним числом превысит установленную казенную подать если не в $3^1/_2$, то по крайней мере в три раза». К этому прибавлялись налагаемые администрацией и народными судами штрафы за проступки, причем и эти суммы «заведомо для населения расходовались: на разъезды чиновников, на наем или устройство для них квартир, на субсидии Верненскому военному собранию, на содержание архиерейского хора певчих в Верном и другие предметы, не имеющие с потребностью туземцев ничего общего»[1].

В 1882—1883 годах в связи с переселением в Семиречье уйгуров и дунган на пособия переселенцам было отпущено 100 тыс. руб. При проверке оказалось, что большая часть этих денег была присвоена русскими чиновниками и местной администрацией, особенно большое участие в расхищении этих денег принял уездный начальник Верненского уезда Изразцов. Следствием отмечено, что военный губернатор Фридэ и его заместитель Аристов потворствовали этому. Нити преступления настолько прозрачно вели к этим высшим представителям власти в области, что Аристов вынужден был подать в отставку. Фридэ также не удержался в Семиречье. Его перевели губернатором в одну из внутренних губерний России.

Основным приемом расхищения народных денег на этот раз явилось составление подложных списков уйгуров и дунган на получение пособий. В результате многие никогда не получавшие никаких пособий уйгуры и дунгане были вынуждены вносить деньги «в возврат ссуды», причем в силу установленной правительством круговой поруки за взнос этих денег отвечали целиком общины[2].

В 1887 году, после смерти помощника военного губернатора Семиреченской области генерал-майора Эйлера, обнаружилось, что он «задолжал» казне (а проще говоря — растратил) 16 300 руб.[3].

Таким образом, в Семиречье наблюдалась ярко выраженная коррупция со стороны русских дворян-офицеров, феодальные методы поборов и грабежа местного населения, прямое расхищение государственных денег. Так хозяйничали те одна — две тысячи «дворян, офицеров и почетных граждан», которые представляли здесь русский царизм.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 82, д. 3, лл. 103—106.
[2] Там же, д. 50, лл. 96—111.
[3] Там же, д. 3, л. 1.

Такая же картина наблюдалась и в Сыр-Дарьинской области, входившей в Туркестанское генерал-губернаторство.

Тайный советник Гирс в своем отчете о ревизии Туркестанского края, произведенной в 1883 году, также приоткрывает завесу над этой стороной жизни края.

«В гор. Ташкенте в 1871 году образовалось товарищество Константиновского конного завода»,— сообщает Гирс. Его членами являлись «большей частью представители местной администрации». В том числе в составе членов был и сам генерал-губернатор Кауфман, сыр-дарьинский военный губернатор Головачев и помощник правителя канцелярии генерал-губернатора Савинков. Просуществовав до 1877 года, это товарищество задолжало государству 47 000 рублей. Ко времени ревизии деньги возвращены не были и уже не было возможности их возвратить.

Из незаконно собранных в 1865 году налогов в Аулие-Ате, Чимкенте и других городах был образован так называемый «киргизский капитал» «для выдачи ссуд туземному населению, за 12% в год... Часть означенного капитала, 7446 руб., в 1868 году была вытребована по распоряжению военного губернатора в Сыр-Дарьинское областное правление» и обращена «для удовлетворения совершенно посторонних расходов, чаще же всего допускались займы разным лицам, по преимуществу служащим в областном правлении. Самые крупные ссуды взял бывший военный губернатор генерал-лейтенант Головачев и его помощник генерал-майор Эйлер». Это случай прямой коррупции со стороны высших чинов управления краем и областью.

Наряду с этим широко применялись и поборы под видом «добровольных пожертвований». На постройку телеграфной линии между Ташкентом, Самаркандом, Чимкентом и Казалинском в 1875 году с казахов области было собрано по 20—30 коп. с кибитки. Но эти «пожертвования», «вопреки прямого назначения», были розданы «заимообразно» «председателю областного правления генерал-майору Эйлеру и другим чиновникам. Таким образом было роздано в долг 11 300 руб.».

Из собранных до 1877 года с населения Сыр-Дарьинской области «сверх податей и сбора на содержание туземной администрации» денег «в 1875 году, употреблено для встречи генерал-губернатора 8000 руб., на прием и угощение хана до 30 000 руб., выдано в ссуды чиновникам более 17 000 рублей, конному заводу 3000 руб., на меблировку квартир 3-х начальников уездов 4100 руб.»

На постройку ярмарки в новом городе Ташкенте израсходовано «более полумиллиона рублей». Но торговцы на нее не пошли. Она разрушилась. Это дело напоминает историю с постройкой Илийского моста: расход огромных сумм без должного контроля и результата.

«Из всего видно, что как высшая, так и уездная администрация усвоила себе на городские и уездные капиталы такой взгляд, что распоряжались ими как свободным рессурсом, служащим подспорьем казенным кредитам на государственные и служебные надобности...»

Далее: «... Нередко выдаются из них пособия лицам, получающим содержание из казны, и даже производится добавочное жалование, как например, начальники Ходженского и Кураминского (Ташкентского.— *П. Г.*) уездов получают по 1500 руб., а ходженский судья 500 руб. ежегодно из городских доходов. Обращают на себя внимание наиболее крупные долги, как например 13 000 числятся за неисправною почтосодержительницею Клименко, 16 629 руб.— за ее мужем и 5260 руб.— за бывшим начальником Ходженского уезда бароном Нольде»[4].

---

[4] «Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса». На правах рукописи (25 экземпляров), стр. 36—38.

Таким образом, коррупция по Сыр-Дарьинской области приняла такие же, если не бо́льшие, размеры, как и по Семиречью. При этом в расхищении народных денег принимали участие не только генералы и офицеры, но и «деловые люди», «герои первоначального накопления»— предприниматели, купцы.

Каких размеров достигали так называемые «пожертвования» по приговорам, видно из следующих фактов.

По приговору Кармакчинской волости Перовского уезда от 26 декабря 1877 года было «пожертвовано» «на издержки волостного управителя нашего Сарыкубена Мусульманова 450 руб.; на прорытие 2-х арыков из р. Сыр-Дарьи для пользы общества —230 руб., на пособие бию Кишуенбаю Маджугулову —106 руб., на пособие бию Акбасару Джаназарову —106 руб., на пособие бию Разе Мирманову —108 руб., на пособие бию 3-й сотни Кутебару Итаякову —100 руб.; на пополнение утерянных при сборе ошибочно денег —200 руб. и процентов 200 руб. за внесенные чрез посредство заема у торговцев 3000 руб. в подать, по случаю не взыскания в свое время с народа; затем расходы по исправлению почтовой дороги и очистки колодцев каждый аул должен принять на себя особою раскладкою». По названной раскладке с 8-ми аулов волости причиталось еще внести дополнительно к сказанному 1490 руб. 92 коп.

Через неделю, 3 января 1878 года, та же волость выносит другой приговор о «пожертвовании» «на нужды войска Белого царя и на поездку депутации 815 руб.; на покрытие издержек по выставлению верблюдов для инженера и топографов для исследования русла Яны-Дарьи 150 руб. и на погашение долгов бедных киргиз по ссудной кассе 459 руб.»[5].

Таким образом, в течение какой-нибудь недели волость берет на себя расходы сверх внесенных по закону податей на сумму 4595 руб. По официальным данным, в 1876 году Кармакчинская волость насчитывала 1036 кибиток[6]. Это значит, что дополнительный налог, принятый по двум приговорам, составлял на кибитку около 4,43 руб., что по крайней мере удваивало сумму платежей против официально взимаемых кибиточной подати и земского сбора. Из дела, однако, видно, что этими двумя приговорами дополнительное обложение волости не ограничилось. В конечном счете волостной управитель Тобулдин «объявил обществу, что нужно собрать в пользу казны подати по 11 руб. с кибитки и составить на это приговор». В эту сумму вошли все названные платежи по приговорам. Приговор был составлен и подать взыскана по 11 руб. с кибитки, но в казну Тобулдин внес по 8 руб. 85 коп. с кибитки, остальные деньги «неизвестно куда потратил»[7].

Разнообразны были приемы хищений и злоупотреблений со взысканием податей. Об одном из таких приемов рассказывается в приказе Туркестанского генерал-губернатора от 17 мая 1908 года, опубликованном в «Туркестанских ведомостях». Генерал-губернатор сообщает, что «в одном из уездов... с корыстной целью выдают квитанции на оставшихся неизрасходованными бланках квитанций минувших лет, для занесения поступивших сумм в корешковую часть книги текущего года». Волостные управители так приспосабливались к формам учета, введенным по Положению 1886 года, что «квитанция» не только не мешала, но даже способствовала расхищению податей.

Но как реагировал на эти злоупотребления генерал-губернатор?

---

[5] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 3456, лл. 8—9.
[6] Там же, д. 12967, лл. 71—72.
[7] Там же, д. 3456, л. 4.

Он просто приказывает «соблюдать меры, разработанные Казенной палатой»[8]. И все. Никакого привлечения к ответственности! Злоупотребления расширялись и принимали самые разнообразные формы.

Возможно, что в результате введения Положений 1886 и 1891 года и образования в Туркестане и Степных областях Казенных палат, осуществлявших контроль за сбором и расходованием податей, несколько уменьшились прямые расхищения государственных денег, но взяточничество, поборы, хищническая феодальная эксплуатация чиновниками и местной администрацией населения Туркестана, не только местного, но и русского не уменьшались. Наоборот — с развитием капитализма проявлялись еще с большей силой.

В 1916 году князь Мансыров на закрытом заседании Государственной думы следующим образом характеризовал туркестанских чиновников: «Когда я туда приехал через лет 30 с лишком после присоединения края к России, то я на место чиновничества тамошнего застал касту отдаленную как от русского чиновничества, так и от местного населения..., которые смотрели на себя как на настоящих и единственных хозяев в крае, перед коими все должно трепетать и воздавать почести и мзду. Взяточничество развито было до архивозможных пределов, и под всяким благовидным и неблаговидным предлогом натурой, или деньгами. Оно всюду и везде практиковалось как необходимое подспорье к получаемому содержанию и зачастую превышало его. Поборы производились по всякому поводу всякого административного исправления обязанностей»[9]. Это свидетельство чиновника, который прожил в Туркестане несколько лет и имел все возможности близко ознакомиться с местными условиями, показывает, что чиновники-офицеры чувствовали себя в Туркестане, как феодалы в своей вотчине. Они единственные хозяева в крае, им почесть и мзда, им подачки при каждом исполнении обязанностей.

Граф К. К. Пален стремился всячески затушевать общеизвестный факт многообразных злоупотреблений, поборов и взяточничества русских чиновников. В записке царю о результатах ревизии он отстаивал необходимость увеличить жалованье туркестанским должностным лицам, в связи с этим изображал их «бедняками», а разговоры «о крупных незаконных побочных доходах, имеющихся будто у этих должностных лиц», считал «превратными»[10]. Но вот выдержка из текста одного из вариантов того же отчета, видимо не дошедшего до царя. «Естественно, что на далекой окраине, на которой правильная государственная жизнь зародилась лишь около 40 лет тому назад, для облеченных обширною властью чиновников представляет особенно сильный соблазн пользоваться своим положением для личных корыстных целей или злоупотреблений путем превышения своих полномочий. Поэтому обнаруженные ревизией должностные преступления не могут быть признаны по своей важности выходящими из пределов того, что в этом отношении можно, вероятно, найти и в губерниях внутренней России»[11].

Под напором неопровержимых и многочисленных фактов и Пален вынужден был признать, что преступления чиновников имели место.

---

[8] «Туркестанские ведомости», 1908. 25 мая.

[9] ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 5, д. 283. Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв IV, сессия V. Закрытое заседание 15 декабря 1916 г., лл. 130—131. В издание стенографических отчетов Государственной думы эта стенограмма не вошла.

[10] «Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о... ревизии Туркестанского края», ч. II. СПб., 1910, стр. 43.

[11] Машинописная выборка из «Всеподданнейшей записки о результатах ревизии Туркестанского края графом К. К. Паленом». Хранится в б-ке им. Навои (г. Ташкент), стр. 25.

Правда, авторы записки уверяют, что не больше, чем «в губерниях внутренней России». Но при великом соблазне в Туркестане для чиновников «пользоваться своим положением для личных корыстных целей или злоупотреблений» никак нельзя заключить, что эти преступления были не столь велики. Они были велики и в России, но, безусловно, еще более велики и разнообразны в угнетенной, забитой, инонациональной Средней Азии и Казахстане, где чиновники чувствовали себя безответственными господами положения. Экономически как официально взимавшиеся царизмом подати, так и все описанные виды поборов являлись не чем иным, как феодальной рентой с местного крестьянства, уплачиваемой либо деньгами, либо натурой — пригоном вместо платежа баранов, поднесением «достарханов», угощениями и т. д.

Административная власть чиновников, о которой говорил Пален как об «обширной» во всех отношениях, была действительно велика.

Согласно ст. 64 Положения 1886 года «уездные начальники, их помощники и участковые пристава» имели право подвергать туземцев административным наказаниям за следующие проступки: «за ослушание законным распоряжениям властей, ... ссоры, драки или другого рода буйства в публичных местах и вообще нарушение общественной тишины, непочтение и грубость к лицам, облеченным правительственной и общественной властью, непослушание родителям и оскорбление их...»

Наказания определялись следующие: «Уездные начальники — аресту не свыше *семи* дней, или денежному взысканию не свыше *пятнадцати* рублей, и помощники уездных начальников и участковые пристава — аресту не свыше *трех* дней или денежному штрафу не свыше *пяти* рублей».

В 1898 году, после Андижанского восстания, эти наказания показались правительству слишком слабыми. Царь дал Туркестанскому генерал-губернатору право вводить в Туркестане в любом месте и на любой срок «положение усиленной охраны». В связи с этим «на время действия означенного положения» уездные начальники получали право подвергать местное население «аресту не свыше *одного месяца* или денежному взысканию не свыше 30 руб.», а их помощники и участковые приставы —«аресту не свыше *двух недель*, или денежному взысканию не свыше 10 руб.». «Не свыше», как говорила практика, означало — в данном размере.

Подобным дисциплинарным взысканиям подвергались и русские. По той же ст. 64 по отношению к «лицам, не принадлежащим к туземному населению», уездные начальники имели право: «или распорядиться привлечением виновных к судебной ответственности в общеустановленном порядке, или подвергнуть их собственной властью, без формального производства, аресту на время — не свыше трех дней, или денежному взысканию — не свыше 15 руб.».

По Степному положению 1891 года власть чиновников была несколько меньше. Согласно ст. 38 уездный начальник имел право подвергать аресту только «лиц, подлежащих удалению из общества по состоявшимся о них приговорам».

Но после перехода Семиреченской области в подчинение туркестанского генерал-губернатора и Военного министерства в 1902 году в Степное положение была внесена ст. 39., аналогичная ст. 64 Положения 1886 года. По ней «права» семиреченских офицеров-чиновников в части крепостнической власти над казахами и киргизами были приравнены к «правам» чиновников Туркестанского края[12]. В то же время ст. 40 Степ-

[12] ЦГА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 4907, л. 131.

ного положения с 1901 года давала право уездным начальникам подвергать тем же наказаниям лиц, «подведомственных крестьянскому управлению.., не принадлежащих к туземному населению», т. е. русских крестьян.

29 июня 1900 года, отвечая на ходатайство Сыр-Дарьинского областного управления о расширении полицейских прав уездных начальников по отношению к русским крестьянам-переселенцам, туркестанский генерал-губернатор приказал: «Впредь до общего пересмотра местных законоположений, представить уездным начальникам право налагать на подведомственных крестьянскому общественному управлению сельских обывателей, нетуземного происхождения, наказания за неисполнение их законных распоряжений и требований, в порядке ст. 64 Положения об управлении Туркестанского края». Таким образом, силою власти генерал-губернатора ст. 64 об административных наказаниях местного населения целиком была распространена и на русских крестьян-переселенцев.

По ст. 15 Положения 1886 года, распространенной также и на Семиреченскую область, генерал-губернатор имел право «высылать вредных по политической неблагонадежности туземцев... на срок не свыше пяти лет», а по ст. 16, кроме того, испрашивать соизволения царя «на предание виновных... военному суду, для суждения по законам военного времени»[13]. Все это превращало администрацию края в настоящих сатрапов, творивших по своему произволу суд и расправу над любым человеком из местных национальностей и из русских крестьян. Право чиновников взыскивать денежные штрафы за широкий круг действительных и мнимых «проступков» было по существу легализацией самых широких произвольных поборов с населения. Они принимали феодальный характер.

Князь Мансуров в той же цитированной выше речи в Государственной думе говорил, что в Туркестане «осуществляется в натуре как бы крепостное право администраторов над всем без изъятия населением»[14]. Такую же, по существу, характеристику дает поведению русских чиновников в Туркестане и К. К. Пален: «Не двигаясь вперед в деле утверждения своего культурного превосходства, они пятятся назад, постепенно воспринимая и проявляя в служебной деятельности и отношениях удовлетворяющие мелкому властолюбию черты восточного деспотизма»[15].

Эти черты восточного деспотизма царских властей в Туркестане и Казахстане настолько бросались в глаза, что их не могли не заметить даже такие люди, как граф К. К. Пален и его сотрудники по ревизии. Недаром народ называл генерал-губернатора и военных губернаторов пашами, а уездных начальников — хакимами.

Обращаем внимание на то, что с течением времени эта полицейско-крепостническая военно-феодальная власть чиновников над трудящимися края всех национальностей усиливалась: сильно расширились, как показано выше, права чиновников на административную расправу после Андижанского восстания 1898 года, еще больше они расширились после революции 1905—1907 годов, так как в это время широко применялось объявление отдельных уездов и целых областей на положении «чрезвычайной охраны», что увеличивало власть офицеров-чиновников. Но ревизующий край граф К. К. Пален считал и это еще недостаточным. В своей

---

[13] «Параллельное изложение законоположений на основании коих управляется: а) Туркестанский край, б) область Семиреченская и область Закаспийская. ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 270, стр. 6—20.

[14] Цит. стенограмма, л. 136.

[15] Цит. машинописная выборка из «Всеподданнейшей записки...», стр. 5.

«Всеподданнейшей записке» он писал: «Вместе с тем представлялось бы целесообразным не только сохранить, но даже несколько расширить присвоенное ныне административно-полицейским чинам Туркестанского генерал-губернаторства право наложения взысканий на подведомственное им население за маловажные проступки»[16]. Полицейский гнет с течением времени усиливался. Пересмотр Положения 1886 года, начавшийся после ревизии К. К. Палена, обещал еще большее усиление и без того безмерной полицейской военно-феодальной власти чиновного аппарата управления.

Всем этим иллюстрируется военно-феодальный характер царского господства в Туркестане и Казахстане. «Царская Россия превратила завоеванный Туркестан в колонию, эксплуатируемую военно-феодальной кликой крепостников-помещиков и буржуазией»,— пишет профессор И. И. Крыльцов, изучивший систему управления Туркестаном[17]. Наблюдения И. И. Крыльцова исключительно верны.

2. Низовая местная администрация

Русские генералы, офицеры, чиновники в своей эксплуатации трудящихся местных национальностей были не одиноки. Низовым звеном управления краем была выборная местная волостная и аульная администрация. Выборность местной администрации была введена Положением 1867 года об управлении Сыр-Дарьинской и Семиреченской областями. И вот результаты.

Ю. Д. Южаков сообщает, что на первых выборах на общественные должности были «выбраны родоправители, бии и почетные аксакалы»[18]. Но уже в следующие выборы почти повсеместно на выборные должности прошли представители новой социальной группы —«герои первоначального накопления»— байство, не принадлежавшее к феодальной знати. «На должности волостных управителей и судей были выбраны, за весьма редкими исключениями, лица, не принадлежащие к родовичам»,— сообщает ревизор края Гирс[19].

Со времени «Устава о сибирских киргизах» (1822 год) начался процесс постепенного устранения феодальной знати от власти в степи. Царское правительство стремилось опираться на новый тип эксплуататоров — байство, сочетавшее и феодальную и торгово-ростовщическую эксплуатацию. Положение 1867 года для изучаемого района (1868 года — для остального Казахстана) сыграло в этом отношении огромную роль. В результате введения выборного начала на должности волостных управителей и аульных старшин в подавляющем большинстве прошли «кара-баи»— «черные баи», не принадлежавшие к «белой кости», «герои первоначального накопления».

Но это принесло только усиление эксплуатации крестьянства, поборы из натуральных превращались в денежные, жадность «героев первоначального накопления» с каждым днем возрастала. Возникла и разрасталась борьба между отдельными претендентами на доходные адми-

---

[16] Цит. «Всеподданнейшая записка...» ч. II, стр. 40.

[17] И. И. Крыльцов. Управление и суд в Туркестане — колонии царской России. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Рукопись. 1942, стр. 18. Хранится в б-ке им. В. И. Ленина. Москва.

[18] Ю. Д. Южаков. Итоги двадцатисемилетнего управления нашим Туркестанским краем. СПб., 1891, стр. 25.

[19] «Объяснительная записка к проекту Положения об управлении Туркестанским краем». Составлена тайным советником Гирсом. ЦГИАЛ, справочная б-ка, ф. печатных записок, папка 267, стр. 5.

нистративные и судебные должности. Ю. Д. Южаков продолжает: «Началась борьба, интрига партий, каждый род во что бы то ни стало старался провести на должность волостного управителя своего сородича. Партия, преобладающая по количеству кибиток, или располагающая бо́льшими средствами, берет перевес. На последующих выборах уже явились подкупы избирателей и подкопы претендентов друг против друга...

Претенденты во что бы то ни стало хотели добиться своего выбора. Подкупы усилились до громадных размеров, претенденты сорили деньгами, лезли в долг, разорялись, чтобы только подкупить на свою сторону избирателей. Были примеры, что выборы волостного обходились этому несчастному счастливцу в десять тысяч рублей — обыкновенно же требовалось для этого расхода в 2—3 тысячи рублей»[20]. Все эти расходы затем покрывались доходами от всяческих поборов, которые производили управители, заняв свою должность.

С течением времени росли поборы, росли и расходы претендентов на должности во время выборов. Член Государственной думы граф Капнист в 1916 году на том же заседании, где произнес цитированную выше речь князь Мансуров, заявил, что по его сведениям волостной управитель «на выборы в Семиреченской области затрачивает в среднем не менее 20 000 руб.»[21]. Мансуров назвал еще большую цифру. Он сказал: «Бывали случаи, что волостной управитель, получающий по закону не более 500 руб. в год, должен был истратить 30 000 руб. для выбора своего в должность управителя». И далее Мансуров ставит вопрос: «Сколько он должен был вернуть с местного населения, чтобы уплатить эти 30 000 руб. за три года своей службы?»[22]

Так, дополняя русский чиновный аппарат власти в административном отношении, местные волостные управители и старшины дополняли ее и по своему феодальному характеру. Поборы и взятки были для них системой.

Поскольку утверждение выборов и закрепление выбранных на местах зависело от приставов, уездных начальников и губернаторов, волостные управители и старшины делились своими доходами с русскими чиновниками. Это отмечал и Ю. Д. Южаков, правда, очень осторожно: «... По слабости людской и при ловкости и смышлености некоторым волостным удается задобрить начальство, снискать его благорасположение — тогда эти волостные уже действуют смелее и озабочиваются об успехе для себя на будущих выборах»[23]. И мы не ошибемся, если скажем, что «благосклонностью» пользовалось подавляющее большинство (если не все) представителей местной администрации, а за злоупотребления смещались с должностей только отдельные лица и в очень редких случаях.

Эта поддержка волостных управителей в их злоупотреблениях властью происходила не «по слабости людской», а в силу самого характера царского господства и всего чиновничьего аппарата. Именно поэтому многочисленные жалобы населения на произвол управителей, как правило, после переписки и «проверки» оказывались «ложными», оставлялись без последствий. Вся система административного управления краем была крепостнической, военно-феодальной, грабительской. Уже одно это, как отмечал В. И. Ленин, являлось объективной предпосылкой для объединения и рабочих, и крестьян в борьбе против этой системы.

---

[20] Ю. Д. Южаков. Цит. работа, стр. 25.
[21] Цит. стенограмма закрытого заседания Государственной думы, л. 25.
[22] Там же, лл. 12—13.
[23] Ю. Д. Южаков. Цит. работа, стр. 28.

Местный народный суд был непременным звеном в этой системе.

Отрицательная характеристика суда проникла даже на страницы правительственных изданий. «Произвол, неправосудие»— это общее определение деятельности народного суда находим и в «Туркестанских ведомостях» за 1908 год[24].

С 1909 года началось обсуждение вопроса о пересмотре Степного положения. В связи с этим появились записки официальных лиц с его критикой. Барон Б. Н. Дельвиг издал брошюру о народном суде в Степном крае и необходимости его реформы. Как обычно в таких случаях, Дельвиг для усиления своей аргументации попытался дать подлинную картину состояния суда. Он пишет: «Для того, чтобы попасть на должность управителей и аульных старшин, честолюбивые и корыстолюбивые богатые киргизы (т. е. казахи.— *П. Г.*) истрачивают на предвыборную агитацию целые состояния, которые они с лихвой надеются вернуть с того же населения, в чем обыкновенно и преуспевают».

Судьи получают в качестве вознаграждения за труд —«бийлик», в размере 10 процентов с присужденного рубля. «Будучи, таким образом, заинтересованы в том, чтобы присудить большую сумму, они покровительствуют преувеличенным искам, и в степи нередки случаи, что истец, имея право на получение, например, ста рублей, взыскивает по подстрекательству судей двести или триста».

Между волостными управителями и судьями установились прочные связи. «Чтобы быть избранным в народные судьи, необходимо заручиться согласием волостного управителя». Дальше автор приводит свидетельство знатока казахского права Крафта. По этому свидетельству управитель «покупает избирательные голоса не только в свою пользу, но и для выбора народных судей из числа лиц, ему послушных. Такие судьи тем или иным путем помогают волостному управителю вернуть с лихвою его затраты и будут присуждать ко взысканию розданные им под процент деньги, а строптивых приговаривать в тюрьму, за вымышленную кражу». И далее: «Волостной управитель при помощи народного суда старается всячески поддерживать интересы и других богачей своей волости, чтобы заручиться их влиянием при следующих выборах... Вот почему должностные лица и вообще все богатые и влиятельные киргизы (казахи.— *П. Г.*) так крепко стоят и с пеной у рта отстаивают свой народный суд, дающий им возможность держать, хуже чем в крепостной зависимости, народ и высасывать из него последние соки»[25].

Мы имеем, таким образом, одновременно и характеристику волостной администрации, и народного суда. Это были организации, которые обслуживали эксплуататорские интересы местных богачей, помогали им высасывать из народа «последние соки».

Что же касается отношения русской администрации к этому низовому звену государственного аппарата власти, то крупный представитель бюрократии Дельвиг стремится затушевать подлинную правду, однако и он вынужден заметить, что «представители русской власти в Степном крае... входили исключительно в сношения с богатыми и влиятельными киргизами, преимущественно из числа должностных лиц киргизского народного управления, ... и смотрели их глазами на достоинства этого недостойного суда»[26]. Непосредственная связь русских чиновников с местной администрацией проглядывает даже в этих замечаниях. Не-

---

[24] «Туркестанские ведомости», 1908, 25 ноября. «Еще о народном суде в Туркестанском крае». Автор скрыл свою фамилию под псевдонимом: «Б.— из пространства».

[25] Б. Н. Дельвиг. Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края. Уральск, 1909, стр. 7, 9—10. Крафт цит. автором без ссылок.

[26] Там же, стр. 30.

сомненно, она возникла на почве материальной заинтересованности чиновников, деливших с волостными управителями и судьями их доходы.

Таким образом, военно-феодальный крепостнический характер господства царизма в Казахстане и Туркестане прежде всего проявляется в организации порядка управления краем. Аппарат управления был организацией русских хищников, вступивших в тесные связи с местными эксплуататорами. Взимая с крестьянства путем поборов феодальную ренту, русские чиновники и местная администрация делили «добычу» между собою. Одновременно часть этой же ренты (в виде податей) поступала в царскую государственную казну.

* * *

К. Маркс установил эксплуататорскую роль бюрократического аппарата государственной власти эксплуататорских классов. На опыте Парижской коммуны он пришел к выводу о неизбежности образования союза пролетариата и крестьянства для того, чтобы разбить, сломать эту машину. В. И. Ленин, опираясь на учение К. Маркса и развивая его идеи в работе «Государство и революция», пишет, что пролетариат и крестьянство «объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплуатирует их. *Разбить* эту машину, *сломать* ее — таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями...»[27]

Бюрократическим, хищническим военно-феодальным аппаратом власти, угнетавшим, давившим и эксплуатировавшим трудящиеся массы, была царская государственная машина во всей России. Эти ее черты с особой силой проявлялись в царских колониях — Туркестане и Казахстане. В этих районах бюрократический гнет и феодальная эксплуатация со стороны царского аппарата падали на трудящиеся массы с особой силой. Совместная борьба рабочих, крестьян и всех местных и пришедших в край трудящихся против этой угнетавшей, давившей и эксплуатировавшей государственной машины являлась одной из основных предпосылок интернационального объединения трудящихся в борьбе против колониального гнета.

---

[27] В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 388.

V. ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В Положении 11 июля 1867 года, по которому управлялись Семиреченская и Сыр-Дарьинская области, заключались только статьи о порядке административного управления, аграрный вопрос не затрагивался. Таким образом, изучаемые области фактически не имели аграрного законодательства, Сыр-Дарьинская область — до утверждения Положения 1886 года, Семиреченская — до Положения 1891 года. Некоторое влияние на Семиречье после его перехода в состав Степного генерал-губернаторства оказало Положение 21 октября 1868 года об управлении степными областями, но юридически это Положение на Семиречье не распространялось.

Положение 1867 года царем утверждено не было. Было утверждено только решение Комитета министров: «Поручить генерал-губернатору рассмотреть означенный проект Положения на месте» и, «применяясь к указанным в проекте Положения основаниям, принимать все те меры, которые признает он полезными и необходимыми для устройства края»[1]. В результате аграрные отношения частично регулировались отдельными циркулярными распоряжениями первого генерал-губернатора края Кауфмана, но в основном были оставлены на произвол чиновников. В Семиречье это выразилось в грабеже земель казахов под казачьи станицы и русские поселки. В Сыр-Дарьинской области, особенно в Ташкентском уезде, на основании циркуляра Кауфмана, разрешавшего «русским людям» покупать землю, начало складываться частное землевладение. «Товарищество Константиновского конного завода», пайщиком которого был и Кауфман, приобрело в Ташкентском уезде 25 000 десятин земли[2].

При рассмотрении проекта Положения 1868 года степному и туркестанскому генерал-губернаторам был назначен двухлетний срок для разработки соответствующих постоянных Положений об управлении губернаторствами. При этом возникли значительные трудности. Окончательный текст Положений был утвержден только для Туркестанского генерал-губернаторства 12 июня 1886 года, для Степного края —25 марта 1891 года. Чтобы вскрыть сущность аграрной политики царизма в

---

[1] Граф Игнатьев. Объяснительная записка к проекту Положения об управлении Туркестанским краем. ЦГИАЛ, ф. 565, оп. 5, д. 18765, стр. док. 3. Во всех случаях, когда документ напечатан типографски, ссылки будем давать не на лист дела, а на страницу документа.

[2] П. Г. Галузо. Туркестан — колония. Ташкент, 1935, стр. 78.

Туркестане и Казахстане и характера борьбы господствующих классов вокруг аграрного вопроса в царских колониях, рассмотрим кратко историю разработки названных Положений.

1. Положение 12 июня 1886 года

До окончательного утверждения царем Положения 1886 года было пять различных проектов, содержавших статьи по аграрному вопросу[3]. Окончательно был принят только шестой, компромиссный вариант, предложенный Военным министерством.

Первый проект представил Кауфман в Военное министерство в 1871 году. Он вызвал возражения министерств как относительно административной части, так, особенно, относительно аграрного вопроса и даже не был рассмотрен в законодательном порядке. Кауфман взял его обратно для переработки. В 1873 году им был представлен другой проект, отличавшийся от первого только своей редакцией, сохранивший основные принципы проекта 1871 года. Он был рассмотрен в комиссии и также отвергнут.

В 1881 году уже не Кауфманом, который болел, а замещавшим его генералом Колпаковским был представлен третий вариант проекта. В части аграрных отношений в нем повторялись основные идеи двух предшествовавших проектов Кауфмана, хотя в деталях он от них отличался. Для рассмотрения этого проекта была создана комиссия, но вновь назначенный после смерти Кауфмана генерал-губернатор Черняев запросил, чтобы до рассмотрения проекта была произведена ревизия Туркестанского края. По этому представлению в 1882 году царем была назначена ревизия края. Ее осуществил в 1883 году член совета министра внутренних дел, тайный советник Гирс. В результате ревизии был составлен четвертый проект Положения об управлении.

В трех проектах туркестанских генерал-губернаторов земли Туркестанского края предлагалось объявить государственными, переданными в виде «наделов» в постоянное пользование местному населению за оброчную подать примерно на том же положении, на каком до реформы 1861 года пользовались казенными землями государственные крестьяне. При этом Кауфман в проектах 1871 и 1873 годов допускал только общинное пользование, Колпаковский в 1881 году наряду с общинным землепользованием допускал и индивидуальное. В противоположность этому Гирс «полагал закрепить за оседлым населением, на правах полной собственности, земли, находящиеся в действительном его владении, без освобождения от платежа установленных податей и сборов»[4].

Только земли кочевников Гирс, соглашаясь с проектами генерал-губернаторов, предлагал считать государственными на тех же основаниях, как это было узаконено Положением 1868 года.

Для рассмотрения проекта Гирса была образована комиссия под председательством графа Игнатьева. Так как большинство членов этой комиссии не согласилось с точкой зрения Гирса, то комиссией был составлен новый (пятый) проект. В этом проекте, как говорится в объяснительной записке, комиссия, «представляя оседлым туземцам право владения, пользования и распоряжения землями, находящимися в действительном пользовании их, признает таковые земли государственными»[5].

---

[3] Если считать и неутвержденное Положение 1867 года, тогда шесть, но в нем аграрный вопрос не затрагивался.

[4] Цит. «Объяснительная записка» графа Игнатьева, стр. 7.

[5] Там же.

Иначе говоря, комиссия Игнатьева возвратилась к проектам Кауфмана и Колпаковского. Она объявляет земли государственными, но пользование ими стремится согласовать с фактически существующим, не узаконивая общину как единственную форму землепользования.

Стремясь примирить эти две точки зрения, «Военное министерство в окончательном своем заключении предложило в видах соглашения постановить, что земли, находящиеся во владении, пользовании и распоряжении оседлого туземного населения, остаются за ним в потомственном владении по обычаю»[6]. Таким образом, Военное министерство отказалось от прямого объявления земель оседлого населения государственными, а крестьянства — государственными крестьянами. В связи с этим из Положения были изъяты такие понятия эпохи крепостничества, как «надел» и «оброчная подать», составлявшие основу Положения о государственных крестьянах. Налог на землю был назван государственным налогом. Государственными землями предложено считать только земли кочевников. С этой компромиссной точкой зрения согласился Государственный совет, и она вошла в редакцию соответствующих статей Положения.

В чем заключался смысл всех этих расхождений?

Прослеживая проекты один за другим и объяснительные к ним записки, обнаруживаем, что по сути дела противостояли друг другу две позиции: одна ярко крепостническая, направленная на то, чтобы одним законодательным актом закрепостить все крестьянство Туркестана помещичьему государству на тех же основах, на каких до реформы 1861 года были закрепощены государственные крестьяне; другая имела буржуазные черты — объявить крестьян свободными земледельцами, собственниками своей земли и этим самым открыть пути для проникновения в сельское хозяйство капиталистических отношений[7]. Первое направление отражали все генерал-губернаторские проекты, проект комиссии Игнатьева и, наконец, утвержденное Положение. Второе — проект Гирса и защищавшие его пять членов комиссии Игнатьева. В проектах 1871, 1873, 1881, 1886 (Игнатьева) годов, наконец, в законе 1886 года, правда, ощущается некоторая эволюция, но это эволюция не в сторону принципиального изменения основных идей, а только в сторону всемерной маскировки крепостнической сущности закона. Во избежание цитирования большого количества документов приведем следующее краткое резюме возражений против проекта 1873 года. Оно позаимствовано из объяснительной записки к проекту 1881 года, подписанной генералом Колпаковским.

«Министерство иностранных дел в реформах проекта 1873 года усмотрело меру, способную повлечь за собою не благо для местного населения и пользу общегосударственную, а «пагубные общественные перевороты в стране и в политическом отношении крайне опасные». Министерство финансов нашло в основном принципе проектированного поземельного устройства положительное намерение совершить обширную экспроприацию земель от туземцев, ими пользующихся, в пользу казны для обращения населенных и обрабатываемых населением территорий

---

[6] «О преобразовании управления Туркестанским краем». Адресованный в Военное министерство «Журнал заседания объединенных департаментов Государственного совета». ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 268, стр. док. 12.

[7] Процесс превращения местных крестьян в государственных наблюдался в XVII—XVIII веках в Поволжье, Чувашии, Башкирии, Сибири. Но это совершалось в условиях господства крепостнических отношений в сельском хозяйстве России. Требование проводить эту политику в условиях пореформенной России, ставшей на путь развития капитализма, являлось самой оголтелой крепостнической реакцией, тянувшей Туркестан и Казахстан назад — к XVII—XVIII векам.

в казенные оброчные статьи. Наконец, и государственный контроль, присоединяясь к изложенным взглядам министерств, пришел к заключению, что «в коренном изменении порядка поземельного устройства, которым довольно население и которое может обеспечить казне значительный доход, не представляется неотложной надобности», и что «введение в действие такой аграрной системы, которая противоречит всем бытовым условиям неразвитого и фанатичного населения, представляется опасным в политическом отношении»[8].

Коротко говоря, все три министерства, рассматривавшие проект 1873 года, сошлись на одном: это политически опасная грандиозная экспроприация местного крестьянства. Мотив, исходящий от экономических интересов государства, можно видеть, собственно, только в возражениях министра государственного контроля, по мнению которого и существующий порядок землепользования «может обеспечить казне значительный доход», а потому надобность в экспроприации не столь настоятельна. Мотивировка остальных двух министров политическая — опасение крестьянских волнений.

Но если обратимся к мотивировкам объяснительной записки к проекту Положения 1881 года, защищавшей те же основы закона, что и проект Кауфмана 1873 года, то увидим, что Колпаковский исходил именно из фискальных соображений. Он полагал, что только предлагаемое им закрепощение крестьянства даст большие доходы российскому крепостническому государству: «Право постоянного пользования землею законодательством нашим признается только переходной формой к праву полной собственности, на что с особенной ясностью указывает Положение о государственных крестьянах. Положение это, определяя право постоянного пользования государственными землями за оброчную подать, допускает в то же время полную возможность освобождения крестьян от этой подати путем единовременной ее капитализации»[9].

Иначе говоря, Колпаковский не только предлагал закрепостить крестьян, но проектировал также и выкуп из крепостной зависимости, при этом более тяжелый, чем выкуп бывших государственных крестьян. Он писал, что учитывая «интересы нашего государственного казначейства, обеспечение в этом отношении идет еще дальше». Если земли государственных крестьян «при переходе из постоянного пользования в полную собственность капитализируются из двадцатилетнего оброчного налога», то для крестьян Туркестана, превращаемых в государственных, он предлагает «капитализацию», т. е. выкуп «из дохода *тридцатилетнего* (курсив наш.—*П. Г.*)»[10]. Иначе говоря, чтобы получить свою же собственную землю себе в юридически признаваемую царским правительством собственность, туркестанский крестьянин должен был уплатить единовременно тридцатикратный налог, который ежегодно составлял 1/10 долю валового дохода земли, т. е. был и без того непомерно велик. Готовилась такая кабала, которая для крестьянства была безысходной. Завоевание территории русские крепостники-помещики понимали как получение в распоряжение своего крепостнического государства всех земельных угодий и превращение всего крестьянства завоеванного края в крепостных, обязанных платить выкуп за землю и свое освобождение от крепостной зависимости в еще больших размерах, чем платил за то же русский крестьянин в России. Маркс писал: «По завоевании страны ближайшей задачей для завоевателей всегда становилось присвоение

[8] «Объяснительная записка к проекту Положения об управлении в Туркестанском генерал-губернаторстве. 1881 г.» ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 267, стр. док. 125.

[9] Там же, стр. 147.

[10] Там же, стр. 148.

и людей»[11]. Именно стремление к «присвоению людей» (наряду с присвоением земли) было заложено в разбираемых проектах.

Крепостники-помещики в Петербурге хорошо понимали, что все это означает. Они знали о крестьянских бунтах после реформы 1861 года в России, помнили, что в результате введения государственной собственности на землю по Положению 1868 года в степных областях прокатилась волна восстаний... Отсюда и оценка, что предлагаемая генерал-губернаторами «реформа» политически опасна. Не случайно в дело вмешалось Министерство иностранных дел. Иметь в тылу восстание, когда в Туркмении еще идет война, когда англо-русские отношения в Средней Азии настолько обострились, что нависла угроза войны с Англией, когда, наконец, в связи с Кульджинским вопросом в начале 80-х годов обострились отношения с Китаем,— иметь в таких условиях крестьянские восстания в тылу было крайне опасно.

Но и отказаться от крепостнических позиций в земельном вопросе помещики не могли. Поэтому они прибегли к маскировке самой сути вопроса. В ст. 255 Положения 1886 года было записано: «За оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в постоянном потомственном его владении, пользовании и распоряжении (земли амляковые), на установленных местным обычаем основаниях...»[12]. Тем самым русские помещики ограждали себя от капиталистической мобилизации земельной собственности, и крестьяне остались на своих местах.

К. Маркс о земельном строе в Азии писал: «Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»[13]. Если оговорить, что для изучаемых районов царская верховная собственность на землю отражала не суверенитет этих стран, а потерю ими всякого суверенитета, то с экономической точки зрения приведенная Марксова характеристика землепользования в Азии целиком и полностью относится и к изучаемому району. Именно азиатский порядок землепользования зафиксирован Положением 1886 года с той только разницей (ухудшавшей положение местного крестьянства), что верховным собственником земли стало не местное государство, а царизм, осуществлявший власть российских крепостников-помещиков, проводивший политику национального гнета.

Став верховным собственником земли, российское крепостническое государство стало получателем и феодальной земельной ренты. «Государственный налог» был установлен в проектированных генерал-губернаторами размерах —1/10 валового дохода с десятины. В состав платежей за пользование землей входил не только государственный налог, но и феодальная рента на землю. Подати в Туркестане оказались не ниже податей крестьян в России, которые вносили не только государственный налог, но и выкупные платежи «за наделы».

По официальной справке Министерства финансов в последние годы XIX века крестьянские платежи с десятины, включая выкупные, составляли: в Тамбовской губернии —2,8 руб., в Пензенской —2,37 руб., в Нижегородской —2,31 руб. В то же время в Туркестане платежи на десятину составляли: в Ташкентском уезде —2,23 руб., в Аму-Дарьинском отделе —3,61, в Ферганской области —3,76, в Самаркандской —

---

[11] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1954, стр. 803.

[12] «Параллельное изложение законоположений... ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 270. стр. док. 64.

[13] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1954, стр. 804.

2,54 руб.[14]. Юридически крестьянство Туркестана как будто не платило выкупных платежей за землю и свое освобождение от крепостной зависимости, но фактичеески эти платежи были включены в налог, причем даже в более высоком размере, чем в России. Русский крестьянин знал, что он «выкупается» после отмены крепостного права, крестьянин Туркестана воспринимал тяжелые налоги как результат завоевания страны царской Россией.

Проект Гирса и его сторонников из комиссии графа Игнатьева, в противовес ярко выраженному крепостническому характеру рассмотренных проектов, имел черты буржуазного характера.

Кауфман в объяснительной записке к проекту 1873 года решительно выступал против «крупных поместий»», разумея под этим капиталистическую земельную собственность. «Понятие о праве полной собственности в том виде, как она теперь существует в европейской науке, есть понятие чисто местное, европейское»[15],— писал он. Это понятие для Средней Азии он считал неприменимым.

В противоположность ему тайный советник Гирс и его сторонники всячески прокламировали собственность на землю как «всеобщий закон», вытекающий из самой природы человека. Член комиссии графа Игнатьева, сторонник точки зрения Гирса статс-секретарь Б. Мансуров 1-й в своем «Особом мнении» писал: «Основные начала права собственности принадлежат к разряду тех простейших элементарных понятий, которые присущи всякому народу и тем легче могут быть им усвоенными, чем означенные начала шире, справедливее и великодушнее». Он решительно утверждал, что «внесение в Туркестанский край благодетельного ясного и твердого, русского закона о праве собственности... будет только благим приравнением этого освобожденного Россией края к условиям жизни всей империи»[16].

Словом, Гирс, Мансуров и четыре других члена комиссии Игнатьева стояли за «приравнение Туркестана к России» в смысле развития капитализма в сельском хозяйстве на базе «широкого, справедливого и великодушного» внедрения частной собственности на землю.

Приведем в этой связи следующие слова В. И. Ленина: «Особенно внушительным реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимание наших революционеров, является отечественная *бюрократия,* которая de facto ... и правит государством российским. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это — постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа»[17].

Несомненно, уже в XIX веке в Туркестане, в меньшей степени — в Казахстане, сказалось расхождение интересов российских крепостников-помещиков и буржуазии. Первые были заинтересованы в утверждении власти Российского крепостнического государства над землей, в организации эксплуатации крестьянства на базе военно-феодальной его

---

[14] Министерство финансов, 15 сентября 1899. «В дополнение.... проекта об изменении некоторых статей Положения об управлении Туркестанского края». ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 269, стр. док. 5.

[15] «Пояснительная записка к проекту Положения об управлении в Туркестанском крае». СПб., 1873, стр. 75. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 24, д. 230.

[16] Б. Мансуров I. По проекту Положения для Туркестанского края. ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 268, стр. док. 3—4.

[17] В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 272. (Примечание).

зависимости от русского государства и чиновной бюрократии. Вторые развивали капиталистические методы эксплуатации через торговлю и ростовщичество, были заинтересованы в развитии капитализма в сельском хозяйстве, в передаче земли в частную собственность крестьянства, чтобы тем легче превратить его в поставщика сырья на рынок. Это расхождение классовых интересов крепостников-помещиков и буржуазии приводило к разногласиям в среде бюрократии. Генерал-губернаторы, граф Игнатьев и большинство его комиссии непосредственно отражали вожделения крепостников-помещиков. Гирс, Мансуров и меньшинство комиссии Игнатьева, как и ряд чиновников министерств, принимавших участие в обсуждении проектов, будучи также представителями крепостников-помещиков, стремились, однако, «сочетать» интересы крепостников и буржуазии. С этой целью они склонялись к тому, чтобы пойти навстречу интересам буржуазии дальше, чем это считало возможным большинство комиссии. Борьба этих двух течений привела к тому, что и бюрократы из Военного министерства, и граф Игнатьев, и, наконец, объединенные департаменты Государственного совета пошли на «компромисс», сформулировали такой закон, который, оставаясь в своей основе крепостническим, по некоторым своим признакам как бы шел навстречу буржуазной тенденции в среде бюрократии. В результате появилась «полусобственность»[18] на землю, по которой несколько смягчены военно-феодальные устремления крепостников-помещиков, но основные интересы последних нашли свое удовлетворение: верховное право собственности на землю оставлено за крепостническим государством.

Немалую роль здесь сыграло сопротивление народов Средней Азии. Не будь восстания 1868—1869 годов в степных областях Казахстана, 1870—1873 годов — на Мангышлаке, 1873—1875— в Фергане, наконец, постоянного брожения в казахских степях, выражавшегося то в нападениях на торговые караваны и почту, то в протестах против действий чиновников,— не будь всего этого, царское правительство пошло бы на совершенно откровенное внедрение в Туркестане нового издания крепостного права, предложенного Кауфманом и Колпаковским.

В этом отношении очень показательно решение вопроса о выкупе. Гирс и его сторонники в комиссии Игнатьева прямо заявляли, что в Туркестане выкуп «не только не справедлив, но даже опасен в политическом отношении». Большинство комиссии заявило: «Выкуп земли в среднеазиатских наших владениях не может быть сравниваем с выкупом внутри империи, ибо здесь населению пришлось бы выкупать землю, и без того находящуюся в его владении»[19]. По сути они признавали правоту мотивировки Гирса и меньшинства комиссии, но решили вопрос половинчато: изъяли из проекта статьи о выкупе, фактически же выкупные платежи оставили в скрытой форме. Эта «уступка» позиции Гирса явно была продиктована боязнью крестьянских восстаний.

Если сравнивать права на землю оседлого населения и кочевников казахов, зафиксированные в 1886 году, то последние надо признать еще более крепостническими, чем первые. Ст. 270 гласила: «Государственные земли, занимаемые кочевьями, предоставляются в бессрочное общественное пользование кочевников, на основании обычаев и правил сего положения». Только переходя в оседлое положение, казахи, согласно ст. 279, получали право закрепления за собой «обрабатываемых

---

[18] Выражение К. К. Палена. См.: «Отчет о ревизии Туркестанского края произведенной... графом К. К. Паленом». Поземельно-податное дело. СПб., 1910, стр. 12.

[19] Игнатьев. «Объяснительная записка к проекту положения об управлении Туркестанским краем», ЦГИАЛ, ф. 565, оп. 5, д. 18765, стр. док. 83.

земель» на тех же основаниях, на каких ею пользовались оседлые крестьяне[20].

Кочевникам «предоставляется лишь право пользования территорией, составляющей собственность государства»,— такое толкование дают Соединенные департаменты Государственного совета ст. 270 закона[21].

Только «бессрочное общественное пользование» государственными землями, никаких признаков собственности. Кочевники объявлены по существу зависимыми крестьянами Российского крепостнического государства, пользующимися казенными землями на положении дореформенных государственных крестьян. За это пользование они вносили феодальную «подать», названную «кибиточной». Не налог, а именно подать, взыскиваемую не с каждого отдельного хозяйства, а с общины в целом, на основе круговой поруки. Казахская кочевая община была приспособлена царизмом к его военно-феодальным интересам, использована для усиления крепостнической власти над казахским крестьянством.

Положение 1886 года по отношению к кочевникам по существу повторяло Положение 1868 года. Эти статьи закона прошли без особых споров и потому, что русская буржуазия не видела для себя никакой выгоды в передаче земель в собственность кочевникам, и казахское крестьянство после 1868—1873 неспокойных годов в течение всех последующих лет не проявляло ощутимых протестов против установившихся в степи порядков землепользования.

Но, переходя к оседлости, к пользованию землею на положении оседлых крестьян Туркестана, казахи заявляли решительный протест против новых земельных порядков. Это видно из следующего факта.

В конце 80-х— начале 90-х годов на основании Положения 1886 года в Туркестане проходили поземельно-податные работы. В Ташкентском уезде было предположено «утвердить за оседлым населением всего земель (искусственно орошаемых, богарных и необрабатываемых) 836 714 десятин. Большая часть означенных земель» была «занята киргизским (казахским.— *П. Г.*) населением»[22]. Крестьяне Туркестана, за которыми закреплялась земля, в ряде случаев отказывались принимать эту землю ввиду высоких налогов. По свидетельству Министерства финансов, наибольшее количество такого рода случаев падало на Ташкентский уезд[23], где в массовом порядке отказы от земель исходили от казахов, переводимых на оседлое положение. «Случаи эти, относившиеся почти исключительно к Ташкентскому уезду, вызывались... главным образом неправильностями (!) в производстве поземельно-податных работ, преимущественно по переводу на оседлое положение населения, числившегося прежде кочевым, и обложение его взамен кибиточной подати поземельным налогом...»[24]. Как ни тяжелы были и отсутствие права распоряжаться своей землей, и кибиточная подать, но переход к оседлости и уплате «поземельного налога» в тех разме-

---

[20] «*Параллельное изложение законоположений...*» ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 270, стр. док. 68.

[21] «О преобразовании управления Туркестанским краем». Государственный совет в объединенных департаментах... ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 268, стр. док. 15.

[22] ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 269, стр. 109.

[23] В Ташкентском уезде, по данным А. П. Савицкого, в результате поземельно-податных работ, налоги повышались на 74,5 процента (см: А. П. Савицкий. Закон 1886 года и поземельно-податное устройство Ташкентского уезда. «Труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина, «вып. 194. Ташкент, 1962, стр. 20).

[24] Цит. записка Министерства финансов «В дополнение представленного в Государственный совет... проекта» от 15 сентября 1899 г., стр. 9.

рах, в каких он был введен в Туркестане, для казахов был еще более тяжелым. Казахи от землеустройства на основании Положения 1886 года отказывались, не принимали закрепляемые за ними земли. Этим, по существу, казахи заявили протест против обязанности платить высокую феодальную земельную ренту российскому военно-феодальному империализму.

Военно-феодальный характер Положения 1886 года крайне затруднил капиталистическую мобилизацию земельной собственности в Туркестане. Право приобретения земель в Туркестане имели только русские люди и выходцы из местных национальностей. Сделки на передачу земель от одного пользователя к другому между «туземцами» совершались «по обычаю», а «нетуземцами»—«крепостным порядком». «При этом покупатель приобретает те только права на купленную землю, которыми пользовался продавец во время продажи оной»[25].

Иначе говоря, даже капиталист, купивший землю у местного населения, юридически приобретал не полное право собственности на землю, а только право пользования и владения.

Что касается кочевников, то они имели право сдавать земли только в аренду на срок до 30 лет, и то лишь по решению волостного схода выборных и с разрешения областной администрации. Таким образом, даже ограниченное право на землю кочевников — право бессрочного пользования — можно было приобрести с соблюдением сложных формальностей, преодоление которых обычно стоило больших расходов на «чигины» (подачки).

2. Положение 25 марта 1891 года

Как решался земельный вопрос в Положении 1891 года, по которому управлялась Семиреченская область?

Основные начала аграрного законодательства в степных областях были сформулированы в Положении 1868 года, по которому управлялись Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская области. Преемственность закона 1891 года по отношению к закону 1868 года была настолько велика, что главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин считал закон 1891 года лишь «частичной переработкой Степного положения» 1868 года[26]. И это, по существу, верно, ибо основные статьи Положения 1868 года по аграрному вопросу текстуально повторены в Положении 1891 года. Однако в нем имелись и значительные отличия.

В Положение 1891 года в отличие от Положения 1868 года не вошли статьи, касающиеся прав волостей распределять пастбищные угодья между общинами и порядка их распределения, будто бы на том основании, что «самый процесс этого распределения уже завершился»[27]; сильно расширены права администрации по контролю над сдачами казахских земель в аренду. Кроме того, в отличие от Положения 1868 года, в 1891 году было установлено право административного прекращения землепользования кочевников теми землями, которые окажутся для них «излишними». Если к этому прибавить описанное

---

[25] Цит. сопоставление статей Положения об управлении Туркестанского края. ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 269, стр. док. 4.

[26] Кривошеин. О дополнении ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем. ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 963, стр. док. 5.

[27] Министр внутренних дел Маклаков. Об изменении порядка сдачи в аренду киргизами земель, предоставленных в их пользование. Печатная записка. ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 236, стр. док. 6.

выше усиление административной власти чиновников не только над местным населением, но и над русским крестьянством, особенно после 1898 года, то Положение 1891 года надо считать крупным шагом в сторону усиления царского крепостнического гнета над крестьянством Казахстана.

Основные статьи о правах казахского крестьянства на землю получили следующую редакцию:

«119. Земли, занимаемые кочевьями, и все принадлежности сих земель, и в том числе и леса признаются государственной собственностью.

120. Земли, занимаемые кочевьями, оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников, на основании обычаев и правил сего положения.

Примечание 1. Земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ»[28].

Важно отметить, что при разработке Положения 1891 года не возникло в чиновной среде разногласий, подобных разногласиям, возникшим в связи с проектами Положения 1886 года. Это объясняется тем, что в сохранении «кочевого быта» и объявлении земель кочевников государственными были заинтересованы и помещики и буржуазия. Получение скота и животноводческого сырья требовало сохранения кочевого скотоводства в его неизмененном виде. Это вполне обеспечивалось общинным пользованием пастбищами. Без споров решился вопрос и о включении в Положение примечания 1 к ст. 120, по которому «излишки» земель поступали в распоряжение ведомства сельского хозяйства. По этому примечанию любые земельные площади могли быть объявлены «излишними», изъяты из пользования кочевников и использованы в интересах помещиков или буржуазии. Кроме того, российская буржуазия получила широкие возможности для овладения горными богатствами Казахстана, так как недра земель, объявленных государственными, поступали в распоряжение горнопромышленников без всякого вознаграждения в пользу «землепользователей», если на них не было построек или древонасаждений. В последнем случае горнопромышленники оплачивали только стоимость построек и садов, от уплаты же земельной ренты были освобождены.

Примечание к ст. 120 явилось самым тяжелым для казахского населения пунктом закона. На его основании у казахов изымались огромные земельные площади. Отсутствие подобной статьи закона в Положении 1886 года затрудняло хищнические изъятия земель у казахов Сыр-Дарьинской области. Там они не достигли таких размеров, как в Семиреченской. До 1906 года в Семиреченской области (в полных границах) было изъято из пользования казахов 838 495 десятин[29], а в Сыр-Дарьинской области — только 159 561 десятина, т. е. в 5,26 раза меньше[30].

Вместе с тем ст. 126 Положения крайне сузила возможности сдачи казахских земель в аренду. По этой статье казахи имели право «сдавать земли, находящиеся в пределах их зимовых стойбищ, в наем на срок не свыше тридцати лет лицам русского происхождения для земледелия и устройства фабрик, заводов, мельниц и других подобных заведений. Сдача сия производится по приговорам волостного съезда,

---

[28] «Параллельное изложение законоположений...» ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 270, стр. док. 68.

[29] «Обзор Семиреченской области за 1906 г.», стр. 10, 14.

[30] «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане». Приложение к отчету о ревизии К. К. Палена, ч. II, отд I, стр. 32—33.

утвержденным областным правлением»[31]. Деньги, вырученные от сдачи земли в аренду, должны были поступать не фактическим владельцам ее, а на «общественные нужды».

Это значительно урезало права казахского крестьянства на землю даже по сравнению с Положением 1868 года. По этому Положению земли сдавались в аренду по приговорам аульных обществ и даже индивидуально, без вмешательства волостных правлений и областной администрации, притом без ограничения срока.

В цитированной ранее записке министра внутренних дел Маклакова (1914 год) мотивы такого рода ограничений излагаются следующим образом: «Прежде всего указывалось на то, что широкое, никем не контролируемое право киргизов сдавать в аренду земли и притом без ограничения сроком, приводило к образованию в степях «самовольных поселений», так как обычно переселенцы, заарендовав у киргизов земли в известных границах и для определенного числа семейств, впоследствии присоединяли к себе других переселенцев и захватывали такие обширные пространства пригодных для хлебопашества угодий, какие киргизы не могли уступить без явного для себя ущерба. В свою очередь и киргизы повышали иногда арендную плату до таких размеров, что переселенцам не оставалось иного выхода, как или покинуть хозяйство и искать новых мест для водворения, или оставаться на насиженном месте, но уже без всяких соглашений с киргизами»[32].

Вряд ли в этой характеристике точно изложены факты взаимоотношений между казахами и русскими крестьянами, но позицию царского правительства 80-х годов (хотя записка написана значительно позже) Маклаков излагает правильно.

80-е — первая половина 90-х годов были периодом, когда российские помещики всячески сопротивлялись переселению крестьян в Сибирь и Среднюю Азию. Это был период разработки известного закона 13 июня 1889 года, по которому переселение крестьян в Азию разрешалось только по согласию двух министров (военного и внутренних дел). Крестьяне, прибывшие в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию самовольно, подлежали возвращению на родину в этапном порядке. Право на выселение самовольцев на родину отпало только с 1895 года, когда сам царь на заседании комитета Сибирской железной дороги высказался за поощрение колонизации Сибири. Стеснения в переселении крестьян в Сибирь, Казахстан и Туркестан были смягчены только с изданием правил о переселении в Сибирь в 1896 году, по которым допускалось без разрешения посылать в Сибирь «ходоков» и «ходачество было единственным условием дальнейших переселенческих действий»[33]. Это были первые значительные шаги на пути к разрешению свободного переселения крестьян в Сибирь и Среднюю Азию. Но до середины 90-х годов вопрос стоял по-иному. Положения 1886 и 1891 годов разрабатывались в условиях, когда массовое переселение крестьян из России за Урал и помещиками, и царизмом считалось крайне нежелательным.

В той степени, в какой переселение было неизбежно, правительство стремилось полностью его регламентировать, подчинить своей воле, чтобы не нанести ущерба помещичьим и общегосударственным интересам. Именно только в этой связи можно понять то направление аграрной политики царизма, которое отразилось в Положении 1891 го-

---

[31] ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 181, л 379.

[32] Министр внутренних дел Маклаков. Цит. записка. ЦГИАЛ, ф. 1291, оп 84. д. 236, стр. 8

[33] В. Вощинин. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва. СПб., 1912, стр. 13.

да. Лицемерно «заботясь», якобы об интересах казахов, с одной стороны, и русских крестьян-переселенцев — с другой, царское правительство на деле усиливает власть над землями казахского крестьянства, расширяет права администрации с тем, чтобы казахстанские «государственные земли» не перешли в руки крестьян. Сдача земель в аренду затруднена, в то же время даны широкие права администрации лишать казахов земельных угодий и распоряжаться «земельными излишками» в интересах русских помещиков (а не крестьян-переселенцев). И в Сыр-Дарьинской области (по Положению 1886 года) и в Семиреченской (по Положению 1891 года) земельные сделки были настолько затруднены, что арендаторы (покупатели) в большинстве случаев предпочитали арендовать земли по частным распискам, что делало сделки «незаконными», не подлежащими охране их действия со стороны администрации и суда. Этим самым аппарат власти всей своей мощью противостоял развитию капитализма в сельском хозяйстве. В обеих областях — и в Семиречье и в Сыр-Дарьинской — наблюдались многочисленные случаи, когда администрация объявляла сделки по сдаче земли в аренду недействительными, крайне затрудняя этим развитие сельскохозяйственного капиталистического предпринимательства, а также и оседания на землях самовольных переселенцев из России.

3. О ст. 270 Положения 1886 года

Почему же при всем военно-феодальном характере Положения 1886 года в нем не оказалось статьи, аналогичной примечанию к ст. 120 Степного положения, позволявшей прекращать право землепользования кочевников? Позднее главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин отсутствие такого примечания в Положении 1886 года назвал «случайным пробелом»[34]. Факты, однако, говорят, что это произошло далеко не случайно. Еще в проект 1871 года Кауфман включил статью, по которой «в случае государственных или земских надобностей, предоставленное государством право пользования может быть прекращено административным порядком с вознаграждением обществ или лиц в размере и порядком, сим Положением определенным»[35]. Кауфман в эту статью вкладывал даже более широкий смысл, чем тот, который был вложен потом правительством в ст. 120 Степного положения: административные права на прекращение землепользования, по Кауфману, распространялись не только на кочевья, но и на земли оседлого крестьянства. В процессе разработки закона эта статья, как и многие другие, не была принята.

В 1891 году, после утверждения Степного положения, Туркестанский генерал-губернатор барон Вревский вошел с ходатайством в правительство о включении в Положение 1886 года примечания к ст. 270, дающего право генерал-губернатору ограничивать или совершенно прекращать право землепользования кочевников на те или иные угодья «по соглашению с министром государственных имуществ»[36]. С 1894 по 1900 год работала комиссия Кобеко по пересмотру Положения 1886 года в части, касающейся порядка проведения поземельно-податных работ. Комиссия высказалась за включение в Положение названного примечания. Но в обоих случаях оно было отвергнуто. Главные воз-

---

[34] Кривошеин. О дополнении ст. 270 Положения об управлении Туркестанского края. 21 апреля 1909 г. ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 963, стр. док. 6.

[35] «Проект Положения 1871 года», ЦГИАЛ, ф. 229, оп. 2, д. 591, стр. док. 57.

[36] ЦГИАЛ, ф. 1152, оп. X, д. 156, л. 9.

ражения против внесения в закон этого пункта поступили от Министерства юстиции. Они сводились по существу к тому, что не следует для Туркестана допускать в этом отношении отступлений от общих законов империи[37]. К этой мотивировке присоединилось Министерство финансов, и примечание, как и в 1886 году, в результате обсуждения было исключено из проекта.

Эти факты опровергают версию о случайных «недомолвках» или «упущениях» законодателей. Здесь совершалось приведение закона в соответствие с интересами господствующих классов России.

Возвратимся к характеристике общей обстановки 80—90-х годов. Буржуазия расширяла скупку сельскохозяйственного сырья в Туркестане, главным образом хлопка. Возрастал вывоз изделий русской промышленности в Среднюю Азию. При этом о казахах Сыр-Дарьинской области Туркестанского края в административных кругах России утвердилось мнение, что они быстро переходят от кочевого животноводства к оседлому земледелию. В этих условиях для буржуазии было крайне невыгодно узаконить право туркестанской администрации на произвольное обезземеливание не только оседлого крестьянства, но и казахов, превращающихся в оседлых крестьян-земледельцев.

В то же время крепостники-помещики еще не были заинтересованы в выселении излишнего крестьянского населения из России в Сибирь и Среднюю Азию. Боясь потерять выгодных арендаторов и дешевую рабочую силу, помещики сопротивлялись массовому переселению крестьян на окраины России. В этот период крестьянская колонизация окраин представлялась правительству мероприятием, направленным исключительно на умножение русского населения в Средней Азии для закрепления там господства царизма. О другой стороне этого процесса — смягчении малоземелья в России — правительство не помышляло. Вследствие этого полагали, что для колонизации будет вполне достаточно свободных, подлинно излишних земель Туркестана и Казахстана.

Высказываясь за «самое полное административное содействие к развитию и широкому распространению русской колонизации в крае»[38], Колпаковский в 1881 году полагал, что под русские поселки пойдут «земли, оставшиеся за наделением населения..., кои в надел не войдут»[39]. Отчуждение земель на различные государственные надобности (колонизация не упоминается) Колпаковский проектировал производить «на общем основании с землями, состоящими за владельцами на праве полной собственности»[40]. Такую же линию заняла и комиссия Игнатьева. «По внимательном рассмотрении и всестороннем обсуждении этого вопроса» комиссия высказалась за устройство «русских поселений из сельских обывателей империи..., на свободных государственных землях без стеснения туземного населения». И далее Игнатьев поясняет: «Оговорка, что русские поселения устраиваются без стеснения туземцев, признается необходимою главным образом для ограждения кочевого населения, которому по обширности скотоводства необходимы места для пастьбы скота, для сенокошения, а также для прогона стад с зимовок к кочевкам»[41].

---

[37] Министерство финансов. 19 июня 1899 г. «По проекту об изменении некоторых статей Положения 12 июня 1886 года об управлении Туркестанским краем». ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 269, стр. док. 111.

[38] Цит. «Объяснительная записка к проекту Положения 1881 г.», стр. 16.

[39] Проект 1881 года. ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 267, стр. док. 31.

[40] Там же, стр. 34.

[41] Граф Игнатьев. Объяснительная записка... ЦГИАЛ, ф. 565, оп. 5, д. 18765, стр. док. 95—96.

Как видим, ни у Колпаковского, ни у Игнатьева, ни, тем более, у Гирса не проектировалась колонизация за счет насильственного прекращения землепользования кочевников. Это обусловливалось тем, что в это время и буржуазия была заинтересована в сохранении и расширении казахстанского животноводства, поставлявшего на российский рынок скот и продукты животноводства, и для помещиков еще не возникла необходимость выселять крестьян из России на земли кочевников. И группа чиновников-крепостников во главе с графом Игнатьевым, и группа Гирса, склонная идти навстречу интересам буржуазии, по этим причинам в вопросе о колонизации края сошлись на одном — колонизовать необходимо и полезно для государства, но колонизовать нужно «без стеснения туземного населения».

Обращаем внимание на то, что примечание к ст. 120 Степного положения также узаконено не из соображений изъятия казахских земель под русские поселки: в Положении указаний на это не содержится. В нем имелись в виду другие «государственные надобности», в то же время буржуазия рассчитывала на облегчение доступа к разработке горных богатств края. Но с нарастанием необходимости отвода земель под русские поселения этот закон был широко использован и для этой надобности. При этом продолжали занимать очень большое место до конца изучаемого периода и другие изъятия. С 1906 по 1915 год, по данным В. Трехсвятского, в Семиреченской области (в полных границах) было изъято всего 3204,7 тыс. десятин земли, из которых на надобности, не связанные с крестьянской колонизацией, обращено 1723,1 тыс. десятин, отведено переселенцам и казакам — 1481,6 тыс. десятин[42]. Так выглядело примечание к ст. 120 Степного положения в действии. Такое расхищение земель в оседлом Туркестане встречало серьезное сопротивление со стороны русской буржуазии. В 70-е и 90-е годы не имели в этом настоятельной необходимости и крепостники-помещики.

Обрисованные обстоятельства и являлись причиной того, что как в 1886 году, так и в 90-х годах в Положение об управлении Туркестанским краем не было включено право местной администрации прекращать в административном порядке землепользование казахов. Этот факт не являлся случайным, он вытекал из конкретных интересов российских крепостников-помещиков и буржуазии.

Решения комиссии Кобеко, из числа которых было исключено названное примечание к ст. 270 Туркестанского положения, были утверждены царем в 1901 году. Но уже в 1903 году тогдашний министр земледелия Ермолов разработал новое представление в Государственный совет, в котором настаивал на внесении в Положение 1886 года только что отвергнутой статьи.

Что случилось за два года, прошедшие со времени утверждения результатов работы комиссии Кобеко, почему министру земледелия потребовалось вновь поставить этот вопрос?

В России, как известно, в 1902 и 1903 годах был подъем крестьянского движения. Помещики в этом движении увидели серьезную опасность для себя, для самого существования системы крепостнического землевладения. В результате этого произошли изменения политики правительства в переселенческом вопросе.

10 июня 1903 года были утверждены «Правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области: Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую». По этим

---

[42] В. Трехсвятский. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 г. «Вопросы колонизации», № 20, 1917, стр. 74.

правилам переселение в Туркестан из внутренней России «допускалось с разрешения местных губернских властей при согласии министра внутренних дел»[43], иначе говоря, условия переселения по закону 1889 года (с согласия двух министров) были отменены. По закону же 6 июня 1904 года было разрешено свободное переселение крестьян за Урал с предварительной посылкой ходоков для выбора земельных участков. От политики сдерживания переселенческого движения на окраины правительство переходило к политике поощрения выселения из России излишнего крестьянского населения с целью ослабить малоземелье. Теперь помещики были заинтересованы в том, чтобы за счет изъятия земель у азиатских народностей выселять крестьян из России. Но для широкого водворения крестьян-переселенцев в Туркестане в непосредственном распоряжении правительства не было земельных фондов. «Крайне медленный ход русской колонизации Туркестана,— пишет Ермолов,— обусловливается, главным образом, отсутствием в непосредственном распоряжении казны земельного фонда, который мог бы быть предназначен для планомерного заселения русскими людьми при полной невыясненности землевладений туземного населения».

По идее законодателей 80-х годов такой фонд должен был сложиться в результате учета фактического землепользования местного населения и определения действительно не занятых земель, могущих пойти под русские поселки. Но возможностей произвести такой учет не оказалось, в результате «с самого присоединения края» администрация «не располагала данными относительно количества и мест нахождения тех земель, которые, без существенного ущерба для туземного населения, могли бы быть отведены русским поселенцам». И Ермолов предлагает: «В разъяснение ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем постановить, что земли, излишние для кочевников, поступают в распоряжение правительства»[44]. Это означало, и так было понято в Государственном совете, что Ермолов добивался для администрации права по своему произволу определять «излишние для кочевников» земли и прекращать пользование ими со стороны кочевников в пользу крестьян-переселенцев, подобно тому, как это осуществлялось в Степном генерал-губернаторстве и в Семиреченской области.

В 1903 году записка Ермолова обсуждалась генерал-губернатором и военными губернаторами Туркестанского края. В 1904 году она была внесена в Государственный совет и 6 марта 1904 года рассмотрена в «Соединенных департаментах законов». Казалось бы, изменившаяся обстановка в русской деревне больше, чем когда бы то ни было до этого, благоприятствовала принятию закона. Однако Соединенные департаменты законов и на этот раз сочли предложение Ермолова несвоевременным. «Инородческое население Туркестанского края,— записано в журнале заседания Соединенных департаментов,— в отношении прав на землю не может быть безусловно приравнено к такому же населению степных областей». В Туркестане преобладает оседлое население. «Весьма вероятно, что в ближайшем будущем случаи оседания кочевников еще умножатся вследствие построения Оренбурго-Ташкентской железной дороги». Изъятия же земель, предлагаемые Ермоловым, «даже при условии принятия всех мер к ограждению их (кочевников.— *П. Г.*) законных интересов, знаменует собою крупный

---

[43] Е. Е. Яшнов. Колонизация Туркестана. Рукопись на машинке. ЦГА УзССР, ф. 269, оп. 1, д. 522б, л. 11.

[44] Министерство земледелия и государственных имуществ. Апрель 1903 г. Печатная записка без заглавия. ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 12, д. 445, стр. док. 1, 26.

переворот в экономике кочевого населения. Такой переворот легко может возбудить волнение в среде малокультурных кочевников»[45].

Здесь два опасения: 1) опасение нарушить землепользование именно *оседлого* населения, против чего восставала буржуазия; 2) опасение крестьянских волнений. После крестьянских выступлений 1902—1903 годов в России эти опасения были совершенно естественны.

Но, пожалуй, решающим фактором, послужившим причиной отклонения проекта Ермолова, явилось начало русско-японской войны. Царское правительство готовилось к тому, что если в войну на стороне Японии вступит Китай, то придется начинать военные действия на границах Туркестана. Опасались волнений в тылу туркестанских войск точно так же, как опасались их в 80-х годах. Соединенные департаменты продолжают: «В настоящее время ввиду происходящих на Дальнем Востоке исключительных событий всякое народное волнение в Туркестане было бы особенно нежелательным. При современных условиях необходимо всячески озаботиться принятием мер для сохранения спокойствия в среде местного инородческого населения»[46].

Что это «спокойствие среди местного инородческого населения» было необходимо именно потому, что допускали распространение военных действий на границы Туркестана, об этом свидетельствует автор проекта Ермолов, присутствовавший на заседании. Через неделю после заседания Соединенных департаментов, именно 13 марта 1904 года, Ермолов писал туркестанскому генерал-губернатору: «... Соединенные департаменты остановились на вопросе, вообще, о своевременности, при переживаемых в настоящее время империею событиях, *могущих найти себе непосредственное отражение и на нашей туркестанской границе* (курсив наш.— *П. Г.*), приступа к каким-либо рекогносцировкам и исследованиям, имеющим своею конечной целью изъятия из пользования туземного кочевого населения известной части, состоящих в его пользовании, хотя бы и излишних, земель»[47]. Таким образом, не вообще боялись крестьянских волнений против земельных изъятий, а именно волнений, которые могла бы вызвать война на туркестанских границах.

Аргументация оказалась убедительной и для автора «представления». Ермолов «в присутствии департаментов объявил, что к высказанным соображениям... он всецело присоединяется». Представление было возвращено Министерству земледелия и государственных имуществ, закон не был принят[48].

Отклонение проекта Ермолова отразилось не только на Сыр-Дарьинской области, к которой он относился непосредственно, но и на Семиреченской, где уже действовала ст. 120 Степного положения, позволявшая изымать земли у кочевников для русских переселенцев. Цитированное письмо Ермолова туркестанскому генерал-губернатору было посвящено вопросу «о возможности приступа к работам по устройству переселенцев в Семиреченской области». Ермолов из суждений Соединенных департаментов законов сделал соответствующий вывод и для Семиречья: «Если даже производство предварительных рекогносцировок и исследований, имеющих лишь своею конечной целью изъятие излишних земель из пользования кочевого населения, признано, по политическим видам, несвоевременным, то тем большую опасность в указанном направлении должно бы представлять устройство живущих

---

[45] «О разъяснении ст. 270 Положения об управлении Туркестанского края...» Государственный совет в соединенных департаментах законов... 6 марта 1904 г. ЦГИАЛ, ф. 1149, оп. XIII, д. 53, стр. док. 5.

[46] Там же, стр. док. 5.

[47] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 125, л. 277.

[48] Цит. журнал «О разъяснении ст. 270...», стр. 7—8.

в пограничной области переселенцев, каковое устройство будет, конечно, непосредственно связано с изъятием из пользования»[49].

В результате этого письма, по согласованию с Туркестанским генерал-губернатором, водворение переселенцев в Семиречье было приостановлено. Таким образом, в годы русско-японской войны (1904—1905) ни в Семиречье, ни в Сыр-Дарьинской области переселенцы не получали земли.

Но закончилась русско-японская война. Воевать на границах Туркестана не довелось. Революция 1905—1907 годов и последовавшее в эпоху реакции столыпинское законодательство окончательно изменили отношение к переселенческому вопросу — царизм начал всячески поощрять движение крестьян-переселенцев в Сибирь и Среднюю Азию. С 1906 года на основании утвержденных царем правил о переселении на казенные земли, «в которые включены и специальные для Туркестана положения»[50], начали свою работу переселенческие организации в центре и на местах. Русско-английский договор 1907 года исключал возникновение войны на границах Туркестана. Крестьянские волнения в Средней Азии стали не так вероятны. В этой обстановке главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин вновь ставит тот же вопрос — о ст. 270 Положения 1886 года.

С 1906 года начаты обследования Сыр-Дарьинской области с целью обнаружения «излишков» земли у казахов. Обследования велись в расчете на то, что будет принят закон о праве административного прекращения землепользования казахов, который даст возможность использовать казахские земли, признанные «излишними», под русскую колонизацию. В 1908 году вопрос о дополнении ст. 270 Туркестанского положения обсуждался в Комитете министров, а 28 апреля 1909 года по поручению Комитета министров и с согласия Военного министерства главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин внес соответствующий законопроект в Государственную думу.

Как записка Кривошеина в обоснование проекта, так и сам принятый закон являлись дальнейшим расширением крепостнической власти царизма над землей кочевников. Если в XIX веке администрация еще рассчитывала что свободные земельные фонды обнаружатся в степях и перейдут в распоряжение администрации в результате естественного процесса оседания кочевников, то теперь этот расчет Кривошеин решительно отбрасывает. Нельзя отлагать такого «государственного дела», как колонизация, «до тех пор, когда кочевое население Туркестана перейдет к оседлому быту, что, по силе ст. 279 действующего в крае Положения, сопряжено с закреплением за этим населением только обрабатываемых земель и утратой остальных угодий». Такой переход к оседлости, при котором изымались все пастбища и оставлялись за крестьянством «только обрабатываемые земли», был равносилен полному подрыву самой основы земледельческо-скотоводческого хозяйства. И Кривошеин ясно понимал это. Он писал: «...Такая угроза сокращения размеров землепользования при переходе к оседлости служит несомненно для кочевников лишь побуждением как можно дольше оставаться при настоящем способе хозяйства...»[51].

В свете этой аргументации проектированное Кривошеиным дополнение к ст. 270 означало введение принудительного изъятия у казахов таких земель, на уступку которых они не давали и не могли дать своего

---

[49] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 125, л. 282.

[50] Е. Е. Яшнов, Цит. рукопись, л. 12.

[51] Кривошеин. О дополнении статьи 270 Положения об управлении Туркестанского края. 21 апреля 1909 г. ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 963, стр. док. 3.

согласия. Больше того, проект Кривошеина углублял, усиливал и без того тяжелую ст. 279. Если по этой статье при оседании казахов не дозволялось изымать у них обрабатываемые земли, то примечание Кривошеина об «излишках» распространялось и на эти земли, позволяло и пашни причислять к «излишним», подлежащим экспроприации. «Предлагаемое дополнение ст. 270 Туркестанского положения явилось бы последовательным шагом законодательства, согласным с общим направлением действующих в отношении кочевников киргизской степи узаконений»[52],— продолжает Кривошеин. Власть помечищье-крепостнического государства над землями кочевников Туркестана в результате принятия проекта Кривошеина усиливалась. Это было действительно «дальнейшим шагом законодательства» в направлении военно-феодального разграбления земель местного крестьянства.

Принятию закона сопротивлялись даже кадеты. Выступая от фракции кадетов, Волков II говорил в Государственной думе: «Пока колонизация является не колонизацией, а выселением бедноты, нет надежды на целесообразное использование этих земель». Он не заявил принципиального протеста против земельных изъятий, но отстаивал такое изъятие, которое «давало бы широкий простор для свободного предпринимательства»[53] и содействовало развитию ценных культур в Туркестане, прежде всего хлопка. Между тем, по утверждению Волкова II, русские переселенцы занимаются в Туркестане «только разведением зерновых хлебов, хищническими приемами эксплуатируют местную плодородную почву, быстро понижают ее производительность и не могут поэтому извлечь из этих ценных земель даже ничтожной доли той пользы, какую можно бы из них извлечь при сколько-нибудь правильном их использовании»[54].

При обсуждении этого закона отчетливо проявилось расхождение интересов военно-феодального (помещичьего) и новейшего капиталистического империализма. Военно-феодальный грабеж земель во имя спасения крепостнического землевладения в России вступил в противоречие с интересами империалистической буржуазии, стремившейся максимально использовать Туркестан как источник ценного сельскохозяйственного сырья. Кадеты требовали такой колонизации края, при которой были бы открыты просторы для капиталистического предпринимательства, а также развития посевов хлопка и других технических культур. Возражая против кривошеинского проекта, они по сути возражали против военно-феодальной эксплуатации Туркестана-колонии, отстаивали интересы капиталистического империализма, отвергали водворение русских крестьян на ценных экспроприированных у местного крестьянства землях не во имя интересов казахского, узбекского и прочего крестьянства, а во имя интересов российского капиталистического империализма.

Против принятия закона выступили социал-демократы, трудовики, прогрессисты и беспартийные. Октябристы внесли свою поправку, которая была принята. Закон в целом был принят голосами правых и октябристов (109 голосов — за, 93— против) 7 апреля 1910 года и утвержден царем 19 декабря 1910 года.

Первый пункт его гласил:

«В дополнение к ст. 270 Положения об управлении Туркестанского края постановить:

---

[52] Там же, стр. 5—6.

[53] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1910 года, сессия III, ч. III. СПб., 1910, стр. 3007.

[54] Там же, стр. 3010.

1. Земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение главного управления землеустройства и земледелия».

Второй пункт закона представлял поправку октябристов, в которой иезуитски оговаривалось, что туркестанской администрацией, «по соглашению с Министерством внутренних дел и Военным», будут приняты меры «в видах наилучшего обеспечения интересов кочевого населения»[55].

«Мы даем вам, господа помещики, широкий простор для расхищения земель кочевников,— но будьте немножко осторожнее, чуть погибче»,— сказали октябристы помещикам своей поправкой. «Смотрите, крестьяне-кочевники, мы даже позаботились о наилучшем обеспечении ваших интересов»,— бросили октябристы свое фарисейское слово в сторону казахского и киргизского крестьянства Туркестана.

Закон от 19 декабря 1910 года немедленно отразился на Сыр-Дарьинской области — изъятие земель быстро возросло. В то же время продолжались изъятия земель и по Семиреченской области по ст. 120 Степного положения. Изъятия для крестьянской колонизации по двум изучаемым областям (со включением Северной Киргизии и Ташкентского уезда) сгруппированы в таблице 15.

Таблица 15

Изъятия земель для казачьей и крестьянской колонизации Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей (в полных границах)[56]

Области	Изъято земли, дес.				
	всего	до 1906 г.		1906—1915 гг.	
		абс.	% к итогу	абс.	% к итогу
Семиреченская	2320053	838495	36,1	1481558	63,9
Сыр-Дарьинская	872955	159561	18,3	713390	81,7
Итого	3192008	998056	31,3	2194948	68,7

Таблица 15 показательна в том отношении, что до 1906 года изъятия земель для поселения русских казаков и крестьян коснулись главным образом Семиречья и очень слабо—Сыр-Дарьинской области. Это показательно. Отсутствие закона, допускающего прекращение землепользования казахов в Сыр-Дарьинской области, являлось серьезным препятствием для насильственного перераспределения удобных земель в пользу русских крестьян-переселенцев. Со снятием этого препятствия и Сыр-Дарьинская область стала районом массовых изъятий земель из пользования казахов и передачи их русским переселенцам. Этим был нанесен серьезный удар казахскому земледелию. Его результаты были рассмотрены в главе III.

Тот же кадет Волков II предупреждал: «Изъятия уже вызвали и вызовут в дальнейшем еще больше недовольства местного населения, приведут к осложнениям...»[57]. Второй пункт закона 19 декабря 1910 года, внесенный октябристами, был как бы ответом на это предупрежде-

[55] ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 177, лл. 5—6. Цит. по тексту, утвержденному царем.

[56] Составлена по данным: «Обзор Семиреченской области за 1906 г.», стр. 10, 14; Приложение к отчету по ревизии Палена. «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане», ч. II, отд. I, 32—33; В. Трехсвятский. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1915 год.—«Вопросы колонизации», № 20, 1917, стр. 74. Из данных Трехсвятского по Сыр-Дарьинско-Ферганскому району нами выделены изъятия по Сыр-Дарьинской области пропорционально количеству водворенных на наделы мужских душ.

[57] Цит. «Стенографический отчет», стр. 3007.

ние. Но их фразерство не помогло. Через несколько лет после принятия закона «осложнения» приняли такую форму, какую не могли предвидеть самые «дальновидные» представители помещиков и буржуазии. Мы имеем в виду восстание 1916 года, явившееся ответом крестьянства на всю систему колониальной эксплуатации Казахстана и Туркестана.

* * *

Три основных вывода вытекают из сказанного об аграрном законодательстве царского правительства в его колониях — Казахстане и Туркестане: 1) все законодательство от начала до конца было крепостническим по своему содержанию. Основной его целью было — установить и закрепить крепостническую, военно-феодальную власть царского помещичьего государственного аппарата над землями оседлого и кочевого крестьянства в Туркестане и Казахстане; 2) с течением времени крепостнические права Российского государства на крестьянские земли Средней Азии все более расширялись. Вследствие этого противоречие между всей государственной и социальной феодально-крепостнической системой России, с одной стороны, и интересами колониального крестьянства — с другой, прогрессивно возрастали; 3) вмешательство царской власти в аграрные отношения края вело к насильственной передвижке земельных площадей из рук местного крестьянства в руки русского казачества и крестьян-переселенцев. Это тормозило прогрессивный процесс преобразования казахского кочевого животноводческого хозяйства в оседлое животноводческо-земледельческое.

Но с передачей казахских земель в руки русского крестьянства отнюдь не изменялся характер землепользования. Русские крестьяне также получали землю не в собственность, а в бессрочное пользование без права продажи. Верховная феодальная власть русских помещиков-крепостников над землями Казахстана и Туркестана довлела также и над русским крестьянством[58].

---

[58] Рукопись уже была подготовлена к печати, когда вышли книги: А. П. Савицкий. Поземельный вопрос в Туркестане. Ташкент, 1963; С. И. Ильясов. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX— начале XX вв. Фрунзе, 1963. В книге А. П. Савицкого по первичным документам рассматривается история разработки Положения 1886 г., в книге С. И. Ильясова рассматривается аграрное законодательство по Степному краю и Туркестану, главным образом по тексту «Ревизии» К. К. Палена. Использовать фактический материал этих книг для нашей работы не удалось. Отмечаю только, что мои оценки во многом совпадают с оценками названных авторов, но в то же время расходятся с ними главным образом в оценках социально-экономического значения этих законов.

VI. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ С РОССИЕЙ. РАЗВИТИЕ ТОВАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В главе II уже отмечено, что многие из имеющихся в нашем распоряжении данных о торговле недостаточно точны, как правило, преуменьшены. Будем пользоваться ими для анализа развития товарных связей, в нужных случаях оговаривая их неточность.

1. Торговля скотом и продуктами животноводства. Ввоз промышленных товаров

Известный путешественник Т. В. Аткинзон, еще во время своего путешествия по Азии в 1848—1849 годах, «на своем пути из Семипалатинска в Капал... встретил среди стад, других киргизских (казахских.— *П. Г.*) торговцев скотом, одно прогоняемое стадо в 3000 лошадей, 7000 штук рогатого скота и более 20 000 овец. Это стадо скота представляло собою стоимость более 100 000 талеров[1]. Плата производилась через товарообмен, и торговцы при этом получали прибыли самое меньшее 100 процентов»[2]. Таким образом, уже в первые годы занятия русскими восточной части Семиречья торговля скотом здесь быстро развивалась, давая торговцам высокие прибыли. Однако статистические данные о развитии торговли России в изучаемом крае в печати появляются значительно позже.

Наиболее ранние статистические данные о торговых связях Сыр-Дарьинской области с Россией относятся к 1862—1864 годам, т. е. ко времени, когда еще шел процесс завоевания этого района и Сыр-Дарьинская область как административная единица еще не существовала. Воспользуемся публикацией М. А. Терентьева о торговых оборотах в фортах № 1 и Перовский[3] (см. табл. 16).

Приведя эти цифры, автор оговаривается, что они «менее действительных, так как с 1863 года многие промышленники не ждут базаров,

---

[1] Автор, очевидно, имеет в виду прусский серебряный талер того времени, который с 1873 года был приравнен к 3 золотым маркам.

[2] Anton von Etzel und Herman Wagner. Reisen in den Steppen und Hochgebirgen Sibiriens und der angrenzenden Länden Central-Asiens. Leipzig, 1864, S. 306.

[3] М. А. Терентьев. Статистические очерки Среднеазиатской России. Записки отделения статистики, т. IV, стр. 13, «До занятия Туркестана и Чимкента, т. е. до 1864 года, Сыр-Дарьинская линия состояла из 4-х фортов: № 1, или Казалы; № 2, или Кармакчи; форты Перовского и Джулака». Справка М. А. Терентьева, стр. 4.

а закупают скот и хлеб в аулах, куда стало уже безопасно ездить. Почти весь этот привоз распродавался на базарах»[4].

Мы видим, что русские купцы буквально следовали за войсками. Еще шла война, русские войска продвигались к Аулие-Ате, Чимкенту и Ташкенту, а в этих районах уже скупался скот и продавались русские товары, причем ввоз возрастал очень быстро. Очевидно, если учесть оговорку автора цифр, возрастала и скупка скота.

Таблица 16

Торговые обороты фортов № 1 и Перовский

Годы	Привезено товаров из России		Привезено товаров из Азии	
	тыс. руб.	% к 1862 г.	тыс. руб.	% к 1862 г.
1862	72,7	100,0	173 4	100,0
1863	127,9	175,9	173,5	100,0
1864	194,7	267,8	149,0	85,6

Но все же торговля в эти годы не приняла широких размеров. Л. Костенко характеризует ее следующим образом: «Больших капиталов в Средней Азии нет. Торговля по большей части производится в кредит. В кредит товар набирается у более крупных торговцев большими партиями (рублей на 200); товар берется в разное время и притом разнообразный: торговец надеется, что если понесет убыток на одном предмете, то наверстает на другом, что в действительности и происходит». По словам Л. Костенко, торговля в те годы производилась «исключительно на ярмарках в известные дни... В базарные дни стечение народа в городах громадное; в обыкновенные же на улицах пусто, хотя большая часть лавчонок и открыта. Это лучше всего доказывает, как малы средства торговцев и как незначительны требования потребителей, если им достаточно торга, открытого всего раз или два в неделю»[5].

Две особенности необходимо отметить в торговле 60-х годов. Первая, что торговля была развита очень слабо, хозяйство казахов еще не было втянуто в товарные отношения; вторая, что низовая агентура русских купцов еще не проникла глубоко в степь. Торговля концентрировалась главным образом в военных укреплениях. Военные укрепления стали ее основной базой.

Вместе с тем из слов Костенко видно, что уже в этот период оформлялась торговая иерархия — крупные купцы-оптовики доводили свои товары до покупателя через сеть мелких торговцев, оказывая им кредит. Эта мелкая агентура торгового капитала начала проникать и в степь.

В 60-х годах и в Семиречье, несмотря на давнишние его торговые связи с Семипалатинском, торговля также носила зачаточный характер. В Сергиополе В. Радлов в 1862 году нашел только одного русского купца, хотя, впрочем, по его свидетельству, торговлей довольно широко занимались татары. «Жители татарской части города,— пишет он,— занимались только торговлей». В городе Капале он нашел «довольно большой» базар, уже туда проникали и русские промышленные товары. «Европейские товары для жителей Капала и необходимые съестные припасы и колониальные товары привозят сюда почти исключительно русские купцы»[6]. Таким образом, в 60-х годах уже было положено начало рус-

[4] Там же, стр. 13—14.

[5] Л. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности СПб., 1870, стр. 250—251.

[6] Wilhelm Radloff. Aus Sibirien, B. I. Leipzig, 1893, S. 109 und 114.

ской торговле в названных городах, но еще нет указаний на то, что русские товары проникали в аул.

Постепенно торговля расширялась. В 1872 году по Капальскому уезду, по сведениям уездного начальника, уже насчитывалось: купцов первой гильдии —6, с капиталом 285 тыс. руб.; второй гильдии —22, с капиталом 440 тыс. руб.; всего — 28 купцов, с капиталом 725 тыс. руб., что в среднем составляло около 26 тыс. руб. на одного купца[7]. Это была купеческая верхушка, заправлявшая торговлей в уезде, но капиталы ее были еще незначительны. В Верненском уезде в 1871 году выбрали годовые купеческие свидетельства 8 купцов первой гильдии и 144— второй[8], а полугодовые — первой гильдии —1 и второй —17; в Сергиопольском уезде в 1872 году купеческих свидетельств первой гильдии не взято ни одного, свидетельств второй гильдии выбрано 28[9].

Приведенные данные говорят о том, что крупного купеческого капитала в эти годы в Семиречье еще не было. Тем не менее и на Семиречье безусловно распространяется характеристика торговли того времени, данная Л. Костенко: несмотря на незначительность капиталов купеческой верхушки, она уже обзаводилась разветвленной низовой агентурой. По трем названным уездам в 1871 году (Сергиопольскому — в 1872 году) было выбрано свидетельств: на мелочной торг —572, на развозной и разносной —172, на приказчиков 1-го и 2-го класса —199[10]. Размеры оборотов этой низовой агентуры торгового капитала были небольшими. Например, свидетельства на мелочную торговлю давали право на оборот от 1 до 8 рублей. Фактически он, конечно, был больше, но никак нельзя сказать, что он был крупным Даже размеры капиталов купеческой верхушки, кредитовавшей свою агентуру, не позволяли увеличить обороты на каждого торговца и приказчика до сотен рублей.

Но торговля быстро возрастала. В 1885 году через Казалинск из России было провезено товаров на 3880 тыс. руб., в том числе в Сыр-Дарьинскую и Ферганскую области и Зеравшанский округ — на 1413,7 тыс. руб.[11]. Вывоз из Казалинска «сырья, рыбы и отправку живого скота» для 1882 года А. И. Добросмыслов оценивает в 15 млн руб.[12]. Сравнивая эти цифры с приведенными выше данными за 60-е годы, видим, что провоз товаров через Казалинск за прошедшее двадцатилетие возрос в 10—20 раз.

В архиве удалось обнаружить сведения уездных начальников о продаже скота казахами в 1887 году по Верненскому и Сергиопольскому уездам и Джаркентскому участку. По этим данным, казахами продано всего 188,5 тыс. голов[13]. Очень важно установить, какой процент стада был продан за год. Но данных об общем количестве скота у казахов за этот год в печати нет. Однако в 1885 году по Семиречью проходила перепись кибиток. При переписи учитывалось также и наличие скота. Результаты переписи опубликованы в «Обзоре области за 1885 год». По ним в тех же уездах и участке зарегистрировано 2270,8 тыс. голов скота[14]. К этому количеству проданный в 1887 году скот составляет 8,3 процента. Из этого следует, что в 80-х годах в Семиречье ежегодно поступало в оборот во всяком случае не больше 8—8,5 процента стада.

---

[7] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 4, л. 101.
[8] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 3, л. 74.
[9] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 4, л. 123.
[10] Цит. дела 3 и 4, лл. 74, 123, 105.
[11] Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887, стр. 212—213.
[12] А. И. Добросмыслов. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912, стр. 42.
[13] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 28, лл. 150—151, 595—596, 628—629.
[14] «Обзор Семиреченской области за 1885 г.». Таблицы.

Очень показательно, что и в Сыр-Дарьинской области, по официальным данным, в казахских уездах в 1886 году было продано 8,4 процента стада (см. табл. 17), т. е. практически столько же, сколько и в Семиреченской. Таким образом, цифры 8—8,5 процента можно считать для Юга Казахстана общим показателем степени вовлечения казахского животноводства в товарные отношения в 80-х годах XIX века.

Но в дальнейшем этот показатель из года в год повышался. В таблице 17 дан подсчет официальных данных по Сыр-Дарьинской области за период с 1886 по 1913 год (см. табл. 17).

Таблица 17

Продажа скота в казахских уездах Сыр-Дарьинской области[15]

Годы	Всего скота, тыс. голов		% проданного к наличному	Продано на сумму, тыс. руб.	% к 1886 г.
	наличного	продано			
1886	2456,2	206,8	8,4	1407,4	100,0
1893	4988 6	615,6	12,3	4142,5	294,3
1894	5094,7	846,8	16,6	4105,9	291,8
1895	5185,2	1645,0	31,7	4968,5	353,0
1906	4606,0	771,0	16 7	6678,6	474,6
1910	6463,9	1572,0	24,3	13746,6	976,6
1911	6043,1	1318.3	21,8	?	—
1912	6418,8	1090,4	16,0	?	—
1913	6501,5	1033,2	17,4	?	—

Ветеринарный врач С. С. Здзеницкий, обследовавший животноводство Сыр-Дарьинской области в 1914 году, приводя в своем отчете цифры «Обзоров области» по поголовью скота, заявляет, что «в действительности количество животных гораздо больше показанного»[16]. Но в таком случае гораздо больше показанного и продажа. Все цифры таблицы отклоняются от действительности в одну и ту же сторону — в сторону преуменьшения. Из этого следует, что для установления общих тенденций и процентных соотношений таблицу 17 можно считать достаточно достоверной. Какие же выводы следуют из ее данных?

Продажа скота быстро возрастает. В 1910 году против 1886 года продано в 7,6 раза больше, в 1913 году — в 5 раз больше. Вместе с тем с некоторыми колебаниями конъюнктурного порядка возрастает и процент проданного скота ко всему стаду. Совершенно очевидно, что казахское животноводческое хозяйство быстро втягивается в товарные отношения.

По Семиреченской области имеются данные о продаже скота только за 1906 год. По этим данным, в казахских уездах продано: лошадей — 25,0 тыс., рогатого скота —25,6, верблюдов —1,7, баранов —375,8, всего —428,1 тыс. голов. Напомним, что в 1887 году по трем (из четырех) уездам области было продано 188,5 тыс. голов скота. В 1906 году по тем же уездам продано 304,9 тыс. голов — за 19 лет продажа скота возросла на 61,8 процента. В 1906 году у казахов насчитывалось 3091,9 тыс. голов скота. По отношению к этому числу продано 13,8 процента[17].

---

[15] Данные «Обзоров Сыр-Дарьинской области» за соответствующие годы.

[16] С. С. Здзеницкий. Животноводство в Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1915, стр. 1.

[17] «Обзор Семиреченской области за 1906 г.» Верный, 1907, стр. 55 и таблицы.

Вспомним, что в 1887 году было продано только 8,3 процента. Продажа скота в Семиречье возросла не только количественно, но и по отношению к наличному поголовью. Семиреченское скотоводческое хозяйство все более и более втягивалось в товарооборот.

Но если сравнивать в этом отношении Семиречье с Сыр-Дарьинской областью, то обнаруживается, что отдаленное Семиречье втягивалось в товарные отношения несравненно медленнее, чем близкая к железной дороге Сыр-Дарьинская область. В 1906 году против 1886 года в Сыр-Дарьинской области было продано скота в 3,7 раза больше, в Семиречье к этому времени продажа скота против 1887 года возросла только в 1,62 раза. В Сыр-Дарьинской области в 1895 году продано скота 31,7 процента, в 1906—16,7, в 1910—24,3 процента по отношению к наличному, в Семиреченской области в 1906 году — только 13,8 процента. И показатель степени вовлечения животноводческого хозяйства в товарные отношения в Семиречье значительно ниже.

К сожалению, статистика настолько беспорядочна и бедна, что за последующие (после 1906) годы абсолютно нет сколько-нибудь полных цифр о размерах торговли скотом в Семиречье. Можно назвать только данные ветеринарных пунктов по регистрации прогона скота из Семиречья за весну, лето и осень 1914 года. По этим далеко не полным данным, из Семиречья прошло[18]:

Таблица 18

	голов	на *тыс. руб.*
Лошадей	8180	359 9
Рогатого скота	30758	1015,0
Овец и коз	400947	2004,8
Всего	439785	3379,7

Это данные не за весь год, и, кроме того, нет никакой уверенности, что даже за названное время был зарегистрирован весь перегон, какой совершился в действительности[19]. Во всяком случае эта справка показывает, что продажа скота в Семиречье после 1906 года продолжала возрастать и к концу изучаемого периода исчислялась многими миллионами рублей.

В 1913 году князь Н. И. Масальский в своей книге «Туркестанский край»[20] называет «весьма приблизительные данные» о торговых оборотах Туркестанского края. По этим данным вывоз Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей расценивается в 40 млн руб. (по 20 млн на область), ввоз — в 70 млн руб. (55 в Сыр-Дарьинской и 15 млн в Семиреченской). Общий торговый оборот двух областей оценивается в 110 млн руб. Эти цифры можно рассматривать как «наблюдение современника». Они не могут быть приняты как абсолютные, но они отражают впечатление добросовестного наблюдателя о том, что товарные отношения с течением времени быстро возрастали. В частности о Семиреченской области, отмечает В. И. Масальский, известно и из других источников, что она тяготела экономически не только к Туркестану, но и к Сибирской железной дороге, а также имела торговые связи с Китаем. Вывоз скота в сторону Туркестана и Ташкентской железной дороги являлся далеко не единственным направлением внешних торговых связей области.

[18] «Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1914 г.», ч. I. Верный, 1915, стр. 100—101.

[19] Всего контрольных пунктов было 17. Места их расположения источник не называет.

[20] В. И. Масальский. Туркестанский край. СПб., 1913, стр. 550.

В какой степени проданный скот и животноводческое сырье вывозились в Россию, в какой распределялись по местным, среднеазиатским рынкам — можно характеризовать данными о железнодорожных перевозках по Ташкентской железной дороге, приведенными в таблице 19.

Таблица 19

1914 год. Вывоз скота и продуктов животноводства со станций Ташкентской железной дороги, находящихся в пределах Сыр-Дарьинской области[21]

Наименование	Вывезено			% вывоза в Россию к общему количеству
	всего	на местные рынки	в Европейскую Россию	
Скот, голов	30979	30652	327	8,6
Животные, перевозимые по весу, пуд.	1791	1366	425	23,7
Птица живая, пуд.	184	68	116	63,0
Сало, пуд.	13877	13097	780	5,6
Кожи и шкуры, пуд.	450394	84117	366277	81,3
Мясо, пуд.	29273,9	22533,8	6740,1	23,0
Шерсть овечья и верблюжья, пуд.	516672	46609	470063	91,0

Нельзя эти данные принимать за абсолютные цифры вывоза скота и скотоводческого сырья за пределы изучаемого района. Особенно это относится к закупкам скота. По одной только Сыр-Дарьинской области, как можно видеть из таблицы 17, в 1913 году закуплено больше миллиона голов, а по железной дороге перевезено только около 31 тысячи. Это говорит о том, что главная масса проданного скота либо потреблялась внутри областей, либо перегонялась гуртами в Туркестан, минуя железную дорогу. Но приведенная таблица 19 очень выпукло показывает характер вывоза в Россию. Скот вывозился в Россию в самых минимальных размерах. Даже те гурты, которые погружались в вагоны, в большей своей части шли не в Россию, а на юг — в Ташкент, Фергану, Самаркандскую и Закаспийскую области, а также в Бухару и Хиву (не говоря уже о скоте, который перегонялся своим ходом по тракту в Ташкент и через горные перевалы в Ферганскую долину). Причины этого объясняет обследователь животноводства Сыр-Дарьинской области С. С. Здзеницкий. В 1914 году он писал: «В последние годы были попытки вывоза местного скота из Аулие-Атинского и Чимкентского уездов в столицы, но отсутствие скотопрогонных дорог, дороговизна корма и очень высокий тариф по железной дороге, около 48 руб. с головы, в самом начале на развитие этого рода промышленности повлияли отрицательно, и эти попытки были ликвидированы с большим убытком»[22].

Это свидетельство человека, который специально обследовал животноводство Сыр-Дарьинской области. Из него видно, что неблагоприятные условия доставки скота в Россию, в том числе и высокий железнодорожный тариф, почти закрывали поток скота в этом направлении, и скот направлялся в Туркестан.

Главными продуктами животноводства, шедшими в Россию, а через нее частично даже в Западную Европу, были кожи и шерсть. Эти продукты по Ташкентской железной дороге почти целиком шли на север,

[21] «Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 г.» Ташкент, 1916. Приложения, стр. 24—25.

[22] С. С. Здзеницкий. Цит. работа, стр. 5.

притом в больших количествах. Причем вывоз очень быстро возрастал. По всей Оренбургско-Ташкентской дороге, по данным Г. Благовещенского, было вывезено шерсти, в 1908 году —838,4 тыс. пуд., в 1909—984,2 тыс. пуд., в 1910—10791,1 тыс. пуд.[23]. Как видно из таблицы 19, со станций Сыр-Дарьинской области вывезено в 1914 году всего 516 тыс. пудов, в том числе в Россию —470 тыс. пудов. Видимо, вывоз со станций Сыр-Дарьинской области (т. е. с Юга Казахстана) составлял ежегодно не менее $^2/_5$ всего вывоза шерсти по этой дороге. Какую-то долю перевозок по Сибирской железной дороге (определению не поддается) составляло сырье восточной части Семиреченской области. Значение сырья Юга Казахстана в общем балансе сырья, вывозимого из Казахстана, было довольно большим. «Шерсть (верблюжья и овечья) после первичной обработки большею частью доставлялась в Россию. Только небольшая часть оставлялась в стране, чтобы служить для удовлетворения потребностей населения и перерабатывалась женщинами»,— говорит Г. Благовещенский[24]. Действительно, животноводческое хозяйство изучаемого края стало сырьевым придатком промышленности России.

Нет возможности выразить объем вывоза в деньгах. Но в качестве примера приведем один небольшой подсчет. Шерсть овечья в Сыр-Дарьинской области, по данным текущей статистики, в 1914 году продавалась от 4,5 до 19,0 руб. за пуд. Приняв среднюю цену 1 пуда за 11,75 руб., получаем, что одной только шерсти в 1913 году вывезено более чем на 6 млн рублей. Но кроме шерсти и кож по железной дороге перевозились и многие другие продукты животноводства, показанные в отчетах о перевозках под рубрикой «прочие товары». С. С. Здзеницкий свидетельствует: «Продукты животноводства: кожи, шерсть, рога, копыта, конский волос доставляются на ближайшие станции железной дороги для отправки в Европейскую Россию. Кроме того, из области отправлялись большие транспорты кишок в сухом и мокросоленом виде в Германию»[25]. Вывоз в Россию, очевидно, выражался в десятках миллионов рублей.

Следует отметить, что кожи из Казахстана большей частью вывозились невыделанные и частично возвращались из России уже выделанными. В 1913 году вывезено с железнодорожных станций Сыр-Дарьинской области 314 557 пудов невыделанных кож и привезено 41 258 пудов выделанных[26].

Таким образом, в части развития торговли скотом и продуктами животноводства мы приходим к следующим выводам.

1. В 60-х—70-х годах торговля скотом и продуктами животноводства еще не получила широкого развития. Но с течением времени она быстро расширяется. Особенно широкие размеры приняла скупка скота и животноводческого сырья с середины 90-х годов и в начале XX века, со вступлением России в эпоху империализма.

2. Главными предметами вывоза в Россию были продукты животноводства. Вывоз по изучаемому району достигал десятков миллионов рублей.

3. Вывоз живого скота в Россию, даже с проведением Ташкентско-Оренбургской железной дороги, остался незначительным в силу трудностей доставки его к станциям железной дороги и высоких железнодорожных тарифов. Главная масса скота из Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей направлялась в Туркестан, Бухару и Хиву своим ходом

---

[23] Georg Blagowiestschensky. Die Wirtschaftliche Entwicklung Turkestans. Berlin, 1913, S. 115.

[24] Ibid, S. 114.

[25] С. С. Здзеницкий. Цит. работа, стр. 22.

[26] «Обзор Сыр-Дарьинской области за 1913 г.» Ташкент, 1916, стр. 97—98.

через горные перевалы и по Ташкентско-Верненскому тракту. Таким образом, через торговлю скотом и продуктами животноводства развивались экономические связи Юга Казахстана не только с Россией но и с коренными областями Туркестана.

4. Внешняя торговля скотом и продуктами животноводства явилась основной предпосылкой развития товарных отношений в сельском хозяйстве Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей.

2. Торговля хлебом. Характер товарообмена с Россией

Торговля хлебом, в отличие от торговли скотом, имела свои коренные особенности.

Если торговцы скотом на рынках Средней Азии совершенно не встречали конкуренции со стороны привоза из России, если, во-вторых, животноводческое сырье находило спрос на российском рынке и даже шло за пределы России, то семиреченский и сыр-дарьинский хлеб испытывал серьезную конкуренцию со стороны привозного российского хлеба, поступавшего в Сыр-Дарьинскую область.

Вывоз хлебных грузов с железнодорожных станций Ташкентской железной дороги, расположенных в Сыр-Дарьинской области, в Среднюю Азию составлял в 1910 году—597,7 тыс. пудов, в 1913 году—937,0 тыс. пудов, в то же время в Сыр-Дарьинскую область поступило в 1910 году 169,5 тыс. пудов, в 1913 году—433,9 тыс. пудов. Часть этого хлеба шла через Туркестан по Среднеазиатской железной дороге, это, надо полагать, хлеб с Нижнего Поволжья и Кубани, транспортированный через Каспийское море. Другая часть шла со стороны Оренбурга по Ташкентской железной дороге. В Европейскую Россию в 1910 году было вывезено из Сыр-Дарьинской области 66,4 тыс. пудов, в 1913 только 41 пуд, т. е. фактически ничего[27]. Эта справка показывает, что хлеб Юга Казахстана, за весьма редкими исключениями, поступая на железную дорогу, шел в Среднюю Азию.

Общий объем хлебных грузов, по данным статистики железнодорожных перевозок по станциям Сыр-Дарьинской области, выражается в следующих цифрах (тыс. пудов)[28]:

	1912 г.	1913 г.	1914 г.
Отправлено	2859	2156	1665
Прибыло	5680	4631	4027

Направляясь в Туркестан, хлеб Юга Казахстана встречал там конкуренцию хлеба, привозимого из России. Но российский хлеб не только наводнил Туркестанский рынок, куда вывозился и хлеб Юга Казахстана, но также поступал в казахские уезды Сыр-Дарьинской области. По подсчету «Сельскохозяйственного обзора Туркестанского края за 1915 год», в 1914 году по железным дорогам было привезено в Казалинский уезд—756,0 тыс. пудов, в Перовский—471,2 тыс. пудов, в Чимкентский—415,6 тыс. пудов хлебных грузов. При этом перевозки были учтены не полностью, так как общая цифра прибытия хлеба в Сыр-Дарьинскую область в «Обзоре» показана на 425 тыс. пудов меньше, чем по приведенным выше данным статистики железнодорожных перевозок[29].

---

[27] «Обзоры Сыр-Дарьинской области» за соответствующие годы.

[28] «Статистические данные об отправлении и прибытии продовольственных грузов по русским железным дорогам с распределением по губерниям и областям за 1912, 1913 и 1914 гг.». Пг., 1916, стр. 25, 45, 65—109.

[29] «Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 год». Приложение, стр. 18—19.

Хлебный дефицит в казахских уездах Сыр-Дарьинской области достигал довольно высоких размеров. В 1910 году, по подсчетам автора «Обзора Сыр-Дарьинской области», при официальной норме потребления 22 пуда на душу в год, было произведено хлеба: в Чимкентском уезде —20,9, в Аулие-Атинском —20,3, в Казалинском —12,3 в Перовском — 12,3 пуда на душу[30]. Если же принять во внимание установленный выше факт, что данные администрации о количестве казахского населения области были преуменьшены более чем на 30 процентов, то на деле хлеба приходилось на душу значительно меньше, чем показано по приведенному подсчету. Это значит, что область действительно нуждалась в привозном хлебе. Но названный дефицит покрывался хлебом, поступавшим из России. Семиреченский хлеб, шедший в Сыр-Дарьинскую область гужевым транспортом, не выдерживал конкуренции российского хлеба даже в ближайших к Семиречью крупных пунктах его потребления — в городах Аулие-Ата и Чимкент, не говоря уже о городах, расположенных на железной дороге,— Казалинск, Перовск, Туркестан, Ташкент.

Какое влияние оказывали изложенные обстоятельства на развитие земледелия изучаемого района, можно видеть из следующего свидетельства авторов «Обзора Семиреченской области за 1913 год».

«Причины, побуждающие местных земледельцев усиливать продуктивность своих хозяйств скотоводством, кроются в неудовлетворительности условий сообщения области с рынками Туркестана и Сибири. От ближайшей железнодорожной станции Кабулсай в Туркестане[31] область отделена 743-верстным расстоянием колесного пути, от ближайшей пароходной пристани на Иртыше (Семипалатинск) — 996-верстным. По обоим направлениям перевозка грузов вполне возможна и удобна только в летние и зимние месяцы; весною же и осенью вследствие распутицы перевозка грузов по колесным дорогам сопряжена с большими трудностями, требует много времени и обходится очень дорого. Вследствие этого продукты земледелия вывозятся за пределы области в очень ограниченном количестве, а невозможность их вывоза вследствие высокого фрахта влечет за собой переполнение ими местных рынков и обесценивает их на месте, почему труд земледельца окупается только в такие годы, когда к продуктам земледелия предъявляется особый спрос на месте, т. е. в годы недорода. В годы же обильных урожаев цены на продукты падают так низко, что большинство хозяев находят совершенно невозможным без значительного убытка сбывать их: выжидают лучших цен и, будучи вынуждены хранить запасы, сокращают площади запашек.

В совершенно иных условиях находится в области сбыт скота и продуктов скотоводства. Последние вывозятся почти исключительно в летние месяцы, когда стоимость провоза понижается до минимума и особенного влияния на местные цены не имеет. Живой скот прогоняется в Туркестан и Сибирь по прямейшим направлениям самопасом. Стоимость прогона сравнительно невелика и на местные цены на скот также мало влияет»[32].

В приведенной выдержке не только раскрываются трудности сбыта продуктов земледелия, но и причины вскрытого выше процесса превращения земледельческого хозяйства оседлого русского и местного крестьянства в земледельческо-скотоводческое. И русские крестьяне, и уйгуры, и дунгане, и узбеки, приспособляясь к условиям рынка, все боль-

[30] «Обзор Сыр-Дарьинской области за 1910 год». Ташкент, 1912, стр. 39.
[31] На Ташкентской железной дороге, южнее Арыси.
[32] «Обзор Семиреченской области за 1913 год». Верный, 1915, стр. 44—45.

ше и больше разводили скот, поскольку сбыт скота и продуктов скотоводства был менее затруднен, чем сбыт хлеба.

В XIX веке еще наблюдалось резко выраженное экономическое разделение труда между кочевым скотоводческим хозяйством и оседлым земледельческим. Первые на рынке продавали скот и животноводческое сырье, покупаемые земледельцами, вторые продавали для кочевников хлеб. Но с развитием казахского земледелия этот фактор постепенно терял свое значение. В таблице 20 приведен интересный подсчет, сделанный авторами «Сельскохозяйственных обзоров Семиреченской области за 1914 и 1915 годы».

Таблица 20

Обеспеченность хлебом сельского населения Семиреченской области[33]

Категория населения	Избыток (+), недостаток (—) хлеба в пудах на душу, при норме для оседлых крестьян 22 пуда, для кочевников—18 пудов в год	
	1914 г.	1915 г.
Казахи и киргизы (кочевники)	—0,2	+4,3
Уйгуры и дунгане	+26,0	+13,3
Оседлые киргизы (и казахи)		+19,1
Русские крестьяне-новоселы	+9,5	+10,9
Русские крестьяне-старожилы	+36,3	+11,6
Казаки	+50,8	+40,7

В результате развития земледелия у казахов и киргизов, в Семиреченской области сузились для оседлых крестьян-земледельцев возможности продажи хлеба скотоводам. Даже, если принять за норму потребления для кочевников-скотоводов те же 22 пуда на душу в год, как и у оседлых крестьян, то и тогда у них только для 1914 года будет недостаток 4,2 пуда на душу, а в 1915 году тоже недостатка не будет. Из этого следует, что к концу изучаемого периода расширение рынка сбыта хлеба происходило главным образом не за счет спроса скотоводов-кочевников, а за счет роста городов, с одной стороны, за счет развития классовой дифференциации в аулах и деревнях — с другой. Это был спрос, создаваемый капитализмом. Крестьянская беднота, терявшая или сокращавшая свои запашки в деревне, терявшая скот в ауле и жившая заработками, предъявляла спрос на хлеб и тогда, когда уходила в города, и когда оставалась в деревнях и аулах. Но этого спроса для «процветания» капиталистического земледелия в условиях слабого развития промышленности было далеко не достаточно. Рынок для хлеба был крайне узок.

Остается вопрос — почему же при таком неблагоприятном состоянии рынков для сбыта продуктов земледельческого хозяйства все же в обеих изучаемых областях кочевники казахи все больше и больше пере-

[33] «Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1914 г.» Верный, 1915, стр. 56; т о ж е за 1915 г. Верный, 1916, стр. 47.

ходили к земледелию, шел процесс перестройки кочевого скотоводческого хозяйства в скотоводческо-земледельческое?

К этому вопросу нам еще предстоит вернуться в дальнейшем изложении, здесь дадим на него только общий ответ, основанный на данных о развитии скотоводства по всему Семиречью, включая и северную Киргизию (см. табл. 21).

Таблица 21

Влияние степени развития земледелия на скотоводство Семиреченской области[34]

Уезды	Посевы на 1 хоз-во в 1909—1913 гг., дес.	1900 г.		1903 г.		1906 г.		1909 г.		1912 г.	
		Поголовье скота									
		абс., тыс.	% к 1900 г.	абс., тыс.	% к 1900 г.	абс., тыс.	% к 1900 г.	абс., тыс.	% к 1900	абс., тыс.	% к 1900
Верненский	2,8	1635,4	100,0	1643,0	100,5	2028,8	124,1	2190,2	133,9	2362,8	144,5
Пишпекский	2,7										
Пржевальский	1,6	2592,9	100,0	2426,3	93,6	1970,6	76,0	2270,6	87,6	2159,0	83,3
Лепсинский	1,4										

Таблица 21 раскрывает прямую взаимозависимость между развитием земледелия и сохранностью поголовья скота. В Верненском и Пишпекском уездах, по данным П. П. Румянцева, среднее количество посевов на одно хозяйство было примерно в 1,8 раза больше, чем в Пржевальском и Лепсинском уездах. И скотоводство в них, не обнаруживая резких колебаний в своем развитии, за 12 лет возросло на 44,4 процента. Совершенно иначе обстоит дело с поголовьем скота в Пржевальском и Лепсинском уездах, где земледелие развивалось слабо. Здесь линия развития животноводства дает резкие колебания, а общая его тенденция — снижение поголовья. За 12 лет поголовье скота снизилось на 16,7 процента. Таким образом, развитие земледелия для кочевников-скотоводов как бы открывало выход из кризиса кочевого животноводства, в который оно вступило с конца XIX века.

Борьба за развитие земледелия в аулах означала борьбу за развитие животноводства, как в то же время для оседлого крестьянства борьба за развитие животноводства означала также борьбу за развитие земледелия.

До сих пор, говоря об экономических связях изучаемого района с Россией, мы почти не выходили за рамки вопроса о вывозе сырья, мало затронули вопрос о ввозе в край русских товаров. Рассмотрим эту сторону явления.

Товары, провезенные в 1885 году через Казалинск из России в Туркестан, имели следующую номенклатуру[35]:

	тыс. руб.
Ситцы и другие мануфактурные товары	1045,3
Галантерейный товар	175,0
Чай	11,8
Сахар, сахарный песок	10,2
Кожи	5,4
Машины	23,0
Разные товары	143,0
Итого	1413,7

[34] Данные о посевах на 1 хозяйство — из «Материалов по обследованию...» П. П. Румянцева, остальные — наш подсчет по «Обзорам Семиреченской области» за соответствующие годы.

[35] Е. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. СПб., 1887, стр. 212—213.

Таким образом уже в ранний период развития товарных связей России и Туркестана ввоз из России носил ярко выраженный колониальный характер: вывозя из края животноводческое сырье, русская буржуазия ввозила в край изделия русской промышленности. Такой характер ввоза сохранился до конца изучаемого периода.

В 1913 году по Ташкентской железной дороге на станции, расположенные в Сыр-Дарьинской области, было ввезено[36]:

	тыс. пуд.
Мануфактурных товаров	540,9
Железа, стали, меди, изделий из них	1035,4
Леса, деревянных изделий	353,6
Керосина	596,7

Общий оборот перевозок составил по вывозу 18 164,8 тыс. пудов, по ввозу —21 442,7 тыс. пудов.

Не все названные изделия промышленности Европейской России шли именно в южную часть Казахстана — Семиречье и Сыр-Дарьинскую область. Часть их оседала в Ташкенте и развозилась по оседлым районам Сыр-Дарьинской области и за ее пределы, другая шла в Северную Киргизию. Определить точно, сколько именно промышленных товаров распространялось по изучаемому району, нет возможности. Но для наших выводов это и не столько необходимо. Важно отметить характер обмена: изучаемый район, как и вся Средняя Азия, для России был источником сырья и рынком сбыта промышленных товаров.

Географическое разделение труда, которое установилось в результате роста товарообмена между Россией — с одной стороны, и изучаемым районом (как и всей Средней Азией и Казахстаном) — с другой, было неравноправным: для России это означало накопления, идущие главным образом в промышленность, для Средней Азии — выкачку огромных богатств из сельского хозяйства края, задержку роста промышленности городов и капитализма в сельском хозяйстве. Изучаемый край являлся колонией царской России, Россия — его метрополией.

3. Организация торговли. Торгово-ростовщическая эксплуатация края

Как была организована торговля?

Ознакомимся со следующим подсчетом авторов «Ревизии» К. К. Палена, основанным на данных податных инспекторов Туркестанской казенной палаты (см. табл. 22).

«Ревизией» взяты на учет все торговые предприятия, облагаемые государственным налогом. Это единственный в своем роде, достаточно точный учет стационарной торговли за весь изучаемый период. Он показывает, что ко времени ревизии изучаемый край был покрыт широкой сетью торговых предприятий: в большей степени — Сыр-Дарьинская область, в меньшей — Семиреченская. Общий торговый оборот по двум областям к 1904—1907 годам достигал 64,8 млн. руб., что выразительно свидетельствует о большом росте товарооборота в XX веке против второй половины XIX века.

Но по областям обороты распределялись неравномерно —72 процента их приходилось на Сыр-Дарьинскую область, и только 28 процентов — на Семиреченскую. При этом и на душу населения в Сыр-Дарьин-

[36] «Обзор Сыр-Дарьинской области за 1913 год».

Таблица 22

Развитие торговли к 1904—1907 годам[37]

Области	Число торговых предприятий	Общий оборот, тыс. руб.	Средний оборот, руб.	
			на 1 предприятие	на 1 жителя*
Сыр-Дарьинская (1904—1906 гг.))	13004	46688	3590	28,0
Семиреченская (1907 г.)	5511	18098	3284	16,98

* Пересчитав эту графу на установленную нами более точную цифру населения, получаем соответственно 20 и 18 руб. на душу.

ской области оборот был значительно больше[38], чем в Семиреченской. Даже пересчитав графу «на одного жителя» на уточненные нами данные о количестве населения, обнаруживаем, что товарные отношения в Сыр-Дарьинской области были более развиты, чем в Семиреченской. Это подтверждается и уже приведенными выше показаниями других источников. То обстоятельство, что по территории Сыр-Дарьинской области проходила железная дорога и областным ее центром являлся экономический и политический центр Туркестана — город Ташкент, сильно ускоряло проникновение товарных отношений в экономику области.

Во главе всей названной разветвленной сети торговых предприятий стояли крупные купцы и торговые фирмы, ворочавшие многомиллионными капиталами. Назовем наиболее колоритные из них.

Вот фирма купца Н. И. Иванова. Основателя этой фирмы Николая Ивановича Иванова чиновники величали «первым пионером русской торговли и промышленности» в только что завоеванном тогда (в 60-годах) крае (Туркестане)[39].

По сообщению А. И. Добросмыслова, Н. И. Иванов появился в Казалинске в 1865 году «с микроскопическим капиталом в 3—4 тыс. рублей». Деньги эти были накоплены им в Енисейской губернии, где он служил у купца Зотева «в должности надсмотрщика за рабочими и заведывающего материальной частью». В Казалинске «дела его пошли сразу на отлично». Он скупал хлеб, торговал водкой, спаивал чиновников и русских поселенцев и поставлял продовольствие для местного гарнизона и проходящих войск. «К 1873 году Иванов уже имел капитал в 100 тыс. рублей». В 1879 году он переехал в Семиречье[40].

Из архивных данных видно, что из Семиречья Иванов распространил свою предпринимательскую деятельность на многие города Юга Казахстана и Туркестана. Первоначальное накопление Иванова, как сообщает И. Ф. Гиндин, осуществлялось при мощной поддержке Государст-

---

[37] «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Приложение к отчету о ревизии... К. К. Палена», ч. I, отд. II, стр. 298 и 299.

[38] Из показанного выше факта, что в XX веке официальные данные о казахском населении по Семиречью были преувеличены, а по Сыр-Дарьинской области — преуменьшены, вытекает, что товарооборот на душу населения был по Семиреченской области несколько выше, по Сыр-Дарьинской несколько ниже показанного в «Ревизии». Но это уточнение не снимает разницы в степени развития товарных отношений в пользу Сыр-Дарьинской области против Семиречья.

[39] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 12, д. 1772, л. 34.

[40] А. И. Добросмыслов. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912, стр. 40.

венного банка. По его подсчету, «с 1883 по 1900 год Иванов получил свыше 3 млн руб. внутригодовых беспроцентных казначейских ссуд, 1600 тыс. руб. долгосрочных казначейских ссуд и свыше 700 тыс. руб. долгосрочных кредитов в Государственном банке»[41]. После своей смерти Иванов оставил наследникам многомиллионное состояние. Основанная им фирма стала называться: «Наследники коммерции советника Н. И. Иванова».

По данным 1913 года, фирма имела следующие предприятия: в Ташкенте и Самарканде заводы виноградных вин и при них крупные виноградники; в селении Тургень (Верненского уезда) — крупный спиртной завод, «выкуривавший до $3^1/_2$ млн градусов спирта»; во многих городах — пивоваренные заводы: в Ташкенте «паровой, вырабатывающий до 200 тыс. ведер пива, с электрическим устройством и заводом искусственного льда»; в Казалинске пивной завод, вырабатывающий до 15 тыс., в Перовске — до 25 тыс., в Аулие-Ате — до 25 тыс., в Пишпеке — до 50 тыс., в Верном — до 70 тыс., в Тургени — до 10 тыс. ведер пива. Таким образом, начав с торговли спиртными напитками, давшими Иванову первые накопления, его фирма не оставляла этого «промысла» до конца своего существования.

Наряду с этим фирма имела в Ташкенте табачную фабрику и мастерскую папирос. Для снабжения всех этих предприятий топливом фирма открыла в г. Ходженте угольные копи с выработкой до 100 000 пуд. угля в год. Этот уголь фирма употребляла «исключительно для своих заводов».

Все названные предприятия по сути дела были организованы для переработки скупаемого фирмой сельскохозяйственного сырья: зерна, винограда, табака и проч. При этом сырье скупалось по баснословно дешевым ценам. В 1889 году, например, Сыр-Дарьинский областной статистический комитет сообщал, что Иванов скупал виноград «на винокурение по 40 коп. за пуд, а на виноделие — по 59 коп. за пуд»[42], иначе говоря, дешевле, чем в это время стояли цены на зерно в России. При этом вино Иванов продавал от 40 коп. до 1 руб. за бутылку, что приносило ему огромные прибыли.

Наряду с широкими скупочными операциями фирма и сама занималась сельскохозяйственным производством, являлась как бы крупнейшим помещиком в Туркестане. Кроме упомянутых выше виноградников в Ташкенте и Самарканде, фирма имела в окрестностях Ташкента фруктовый сад промышленного значения, площадью в 50 десятин, в Ташкентском уезде производила посевы зерна на богарных землях и приступила к посевам на поливных землях. В Аулие-Ате фирмой был открыт крупный конный завод, выращивавший «выездных, а также ремонтных в казну лошадей». Впоследствии этот завод был переведен в Тургень. В г. Ташкенте была устроена молочная ферма с сыроваренным заводом и питомником племенного скота, а также плантация хмеля.

Не удалось найти ни в печати, ни в архивах справки о размерах капиталов фирмы, но что фирма, безусловно, ворочала многими миллионами рублей, можно заключить из того факта, что только одного «казенного акциза за хлебное вино, специальные водки и табачные изделия» фирма уплачивала 900 тыс. рублей. Такой налог могла платить только фирма, владеющая многими миллионами.

Очень характерно для фирмы Н. И. Иванова было то, что при всей обширности ее заводов главным все же в ее операциях являлась скупка

---

[41] И. Ф. Гиндин. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960, стр. 306.

[42] ЦГА УзССР, ф. 269, оп. 1, д. 12, лл. 170—171.

сельскохозяйственного сырья — хлеба, винограда, табака и проч. и переработка его (в данном случае в вино и табачные изделия). У фирмы было: «постоянное число рабочих, занятых при производстве, до 450 человек с годовым содержанием до 99 000 руб. в год, служащих администрации до 110 человек, с содержанием 127 000 руб. в год, помимо поденных, среднее число которых — до 100 человек в месяц»[43]. При самой высокой норме эксплуатации фирма не могла получать свои миллионные доходы за счет эксплуатации названного количества рабочих. Главные накопления фирмы вытекали не из эксплуатации рабочих на ее заводах, а из реализации через заводы прибавочной стоимости производителей сырья — крестьянства. Даже открыв угольные копи, фирма использовала добытый уголь не для продажи на рынке, а только для своих заводов. Казалось бы, конный завод в Тургени и молочная ферма в Пишпеке являлись чисто капиталистическими предприятиями, построенными на найме рабочих, но и они базировали свое производство на скупке кормов у местного крестьянства, т. е. на доходах, получаемых главным образом за счет выгодной скупки сельскохозяйственного сырья.

Фирма Иванова и его наследников была типичным представителем торгово-ростовщического капитала, организовавшего самую беспощадную эксплуатацию крестьянства. Ее связи с правительством, местной туркестанской администрацией и государственным банком являются яркой иллюстрацией того, как царское правительство содействовало расширению деятельности русских «героев первоначального накопления» в Туркестане-колонии. Ее промышленные предприятия являлись только первыми шагами развития промышленности в крае. Эти предприятия непосредственно вырастали из торговых операций и организовывались для их расширения. Стремления фирмы заниматься скотоводством и обзаводиться землей, садами и пашнями отражало общую тенденцию сближения торгового и ростовщического капитала, приходившего в аул из города, с местными феодалами — скотоводами-землевладельцами, также развивавшими торговые и ростовщические операции.

Но все перечисленное составляло только одну сторону, может быть, даже меньшую половину деятельности фирмы. Другую половину (сторону) ее операций составляла продажа в Туркестане и Казахстане изделий русской промышленности. «Почти во всех городах края фирма имеет солидно поставленные первоклассные магазины»,— сообщается в том же источнике[44]. Иванов являлся одним из «посредников» между местным крестьянством — поставщиком сырья и потребителем промышленных товаров — и русской промышленностью.

Торговлей изделиями русской промышленности, в первую очередь мануфактурой и галантереей, занимались все крупнейшие купцы Туркестана: «Давыдовы, Боруховы, Машеевы, Муллачев, Аминов, Хаитовы и другие»,— свидетельствует А. И. Добросмыслов[45]. В числе этих крупных торговцев мануфактурой была и фирма Иванова. Но мануфактура распространялась в аулах и деревнях методами ростовщичества и неэквивалентного обмена. И с этой стороны описываемая фирма являлась представителем торгово-ростовщического капитала.

Фирма Иванова и его наследников была не единственной в своем роде. Назовем еще фирму трех братьев Хусаиновых. Они начали торговлю в 1862 году в форте № 1 с капиталом в 15 тыс. руб. «Эти предприимчивые люди и в высшей степени способные в делах торговли, ... появившись на Сыр-Дарье, быстро не только нажили крупный капи-

[43] Факты за 1913 г. ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 12, д. 1772, лл. 34—35 и 53.
[44] Там же, л. 35.
[45] А. И. Добросмыслов. Цит. работа, стр. 156.

тал..., но и совершенно вытеснили крупных русских купцов, забрав в свои руки в семидесятых и восьмидесятых годах прошлого столетия всю меновую торговлю с киргизами (казахами.— *П. Г.*) в Казалинском и Перовском уездах и отчасти в Иргизском, Тургайской области. В первый год своей торговли Хусаиновы заработали 45 000 руб., в следующий — свыше 100 тыс. руб. и т. д. Через 6—7 лет они уже имели наличный капитал в 1 млн руб.». Ко времени же написания цитируемой нами книги (1912 год) капитал братьев Хусаиновых «достиг 8 млн руб., а обороты ведут на несколько десятков млн руб.»[46].

Главными источниками колоссальных доходов братьев Хусаиновых являлись как вывоз сельскохозяйственного сырья, так и торговля изделиями русской промышленности. Уже в 80-х годах они вывозили кож и немытой шерсти на 1 млн руб.[47]. В то же время они в Перовске явились пионерами развития торговли мануфактурными товарами. «Способ торговли — главным образом мена с окрестным киргизским населением и нажива от 100 процентов до 300 процентов на капитал в год»[48].

Кроме названных наиболее выдающихся купцов-миллионеров, было в том же районе много купцов помельче. «Русские торговцы появились в форте Перовском одновременно с его занятием нашими войсками (1853 год.— *П. Г.*). Первыми русскими торговцами были здесь братья Деевы, Лебедевы, Кириллов, братья Панфиловы, Баныкин, братья Путаловы и другие»[49]. Они вели торговлю самым хищническим образом, связывая торговые операции с ростовщичеством.

И. В. Аничков так характеризует торговлю в Казалинске в 1896 году. Кучка купцов города Казалинска «явилась посредником между московскими фабрикантами и киргизами (казахами.— *П. Г.*), завладела всем рынком, ведя меновую торговлю в кредит, снабжая степь самыми низшими сортами всякого товара и получая взамен его сырье. Ссужая киргиз деньгами, торговцы пожинают при этом обильную жатву: выходит обыкновенно, что киргиз, взяв 50 руб., вынужден отдать 200 руб., а то и больше, не имея возможности выпутаться из долгов»[50]. Это были купцы-ростовщики.

В Семиречье наряду с охарактеризованным выше Н. И. Ивановым действовал купец-феодал Вали-Ахун Юлдашев.

Подобно Иванову, Юлдашев также начал с ничего. Первые накопления он сделал в связи с переселением в 1882—1883 годах из Кульджи в Семиречье уйгурского и дунганского крестьянства. Начал Юлдашев с военных перевозок. Это произошло следующим образом.

«Когда вывозились из Кульджи русские войска, подряд на перевозку их взял (купец.— *П. Г.*) Джалилов ... У Джалилова служил тогда ловкий, красивый и энергичный юноша Вали-Ахун». Это и был будущий купец Вали-Ахун Юлдашев. «Так как Джалилов не мог выдержать подряда, то Вали-Ахун вошел в переговоры с интендантами и перевел подряд на себя. В Семиречье и Туркестане очень популярен рассказ, как двадцать подвод превращались в несколько сотен, когда интенданты, сидя на крыльце, считали проезжавшие мимо телеги, а те, обогнув квартал, снова и снова проезжали мимо контролировавших чинов. Вали-Ахун сообразил, что пока будет известен день выезда войск, можно будет получать по нескольку рублей за сотни несуществующих подвод

---

[46] Там же, стр. 40—41.
[47] Там же, стр. 41.
[48] Там же, стр. 79.
[49] Там же, стр. 103.
[50] И. В. Аничков. Забытый край. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». Ташкент, 1896. стр. 201.

и делиться с интендантами». В результате этой «операции» ко времени перевоза войск «у Вали-Ахуна оказалось достаточное количество денег не только для того, чтобы выполнить подряд, но и для того, чтобы сразу же начать крупные дела в Джаркенте»[51]. И не только в Джаркенте, добавим мы от себя.

Таким образом, первые «накопления» Юлдашев совершил за счет русской казны благодаря продажности русских чиновников. Эти накопления дали ему возможность широко развернуть спекуляции в связи с переселением.

Пользуясь тяжелым положением переселенцев, он покупал у них на правом берегу Или хлеб за бесценок и продавал его на левом и в Семиречье по взвинченным ценам. 20 марта 1882 года генерал Фридэ, бывший тогда полномочным комиссаром по передаче Кульджи Китаю и переселению уйгуров и дунган в Семиречье, писал: «Юлдашев заявил мне желание купить до 500 000 пудов хлеба с уплатой по 40 коп. с пуда, если сами таранчи перевезут хлеб в Кульджу на склад Вали-Ахуна, и по 25 коп., если хлеб будет сдаваться в кентах на местах»[52]. Это желание Юлдашева было удовлетворено. Уйгуры Кашской волости «везли ему, Вали-Ахуну, хлеб в г. Кульджу», а сами, переправившись через Или, «из складов Вали-Ахуна Юлдашева взяли до 10 000 пудов». Такую же операцию совершили уйгуры Нилкинской волости на 4000 пудов[53]. Скупленный же хлеб Юлдашев потом поставлял китайцам на продовольствование их войск и чиновного аппарата. При этом «цены на все поднялись страшно. Так сотня (снопов.— *П. Г.*) клевера стоит 12 руб., пуд ячменя —60 коп., мука —80 коп. за пуд»[54]. Иначе говоря, покупая хлеб по 25—40 коп. за пуд, Юлдашев продавал его потом по двойной и более цене.

Наряду с Юлдашевым подобные операции с хлебом во время переселения проводил также купец Чанышев. «Выходцы из Кашской волости приобрели в южном участке покупкою из складов купца Чанышева пшеницы 200 пуд. и из Бартухайской волости 2100 пудов»[55]. Конечно, приведенные факты покупки хлеба по заниженным и продажи по взвинченным ценам — это только отдельные примеры того, как совершались подобные спекулятивные операции.

Юлдашев совершал и другие сделки: «Дзин решительно намерен остановиться в Суйдуне, ибо китайцы через посредство Вали-Ахуна скупали в казну почти все дома уходящих дунган... Знаю, что посредство Вали-Ахуна в скупке домов им обошлось в 200 тыс. металлических рублей»[56],— так сообщал Фридэ в своем письме от 7 марта 1882 года.

В связи с переселением в 1882 году был основан Джаркент. Юлдашев явился «активным строителем» этого города. «Он построил в Джаркенте несколько десятков домов для правительственных учреждений и квартир чиновников, открыл колониальный магазин, роздал лишенным всяких средств таранчам (уйгурам.— *П. Г.*) и дунганам деньги для обзаведения хозяйством и стал быстро увеличивать свои капиталы... Постепенно вся экономическая жизнь северной части уезда сосредоточилась в его руках. Таранчи обучились, многие из них разбогатели, но Юлдашев оставался главенствовать над ними. Они все его должники, редко кто из них сознает, что земля принадлежит не Юлдашеву, а им. Повсюду

---

[51] Г. К. Гинс. Таранчи и дунгане. (Очерки из поездки по Семиречью). «Исторический вестник». 1911, август, т. CXXV, стр. 706.
[52] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4861, лл. 239—240.
[53] Там же, лл. 129—132.
[54] Там же. л. 151
[55] Там же, лл. 129—132.
[56] Там же, лл. 149—151.

построены магазины-амбары, куда каждый таранчинец должен свезти половину урожая. В разных местах крутятся мельницы-жирмены (водяные мельницы), перемалывая для Юлдашева доставленное ему зерно, и затем мука идет на поставку джаркентскому гарнизону и в Китай. Благодаря монополии Юлдашев повышает цены на 20—25 процентов и полученные доходы сейчас же пускает в оборот». И далее: «Он многим помогает, организует крупные хозяйства, проводит оросительные каналы. Он построил мечеть, которая вместе с его дворцом в 40 комнат составляет действительно достопримечательность Джаркента. Правда, злые языки говорят, что, построив мечеть, он собрал с таранчей около 10000 руб. и покрыл свои расходы»[57].

В 1896 году возникло дело о крупных подлогах, совершенных в пользу Юлдашева одним из его служащих в денежных расчетах Юлдашева с «Джаркентской конторой Российского общества транспортировки кладей» (его членом состоял Юлдашев). В связи с этим делом военный губернатор Семиреченской области в 1896 году дал следующую оценку состояния Юлдашева: «Имущественное положение Юлдашева выражается в следующем виде: он имеет до 50 домов, находящихся в городе Джаркенте и занятых частными квартирами и войсками, имеет несколько мельниц и кожевенных и кирпичных заводов; в течение 30 лет занимался торговлею, подрядами и хлебопашеством, и годовой оборот по этим и другим операциям простирается за последнее время около одного миллиона рублей»[58]. Таков был Вали-Ахун Юлдашев, «хозяин» северной части Джаркентского уезда. Он, как и купец Иванов, как братья Хусаиновы и другие, являлся крупным представителем торгово-ростовщического капитала: крупные торговые операции, «помощь» ростовщическим кредитом обращавшимся к нему крестьянам и мелким торговцам, постройка мельниц и проч. в интересах расширения торговых операций — вот «сфера» его деятельности как купца и ростовщика.

Захватив в свои руки ведущие экономические позиции в Джаркентском уезде, он пользовался также огромным политическим влиянием. После того, когда в 1896 году он побывал во время коронации Николая II в Петербурге и был принят во дворце, «упрочилось положение Юлдашева как человека, близкого к администрации. У него стал бывать весь чиновный персонал Джаркента ... Юлдашев стал пользоваться громадной популярностью не только в Семиречье, но и Кульдже»[59]. Он также пользовался большой поддержкой со стороны правительства.

Спор Юлдашева с китайской администрацией по расчетам за поставки хлеба в 1892—1898 годах превратился в крупный «пограничный конфликт», которым занимались не только военный губернатор Семиреченской области и степной генерал-губернатор, но и Министерство иностранных дел, даже сам царь Николай II, на имя которого подавал прошение Юлдашев. При этом оказалось, что Юлдашев представил китайской администрации счет на 570 тыс. ланей серебром (1 140 тыс. руб.) за поставку 601 350 пудов хлеба и другие «услуги». Значительное количество квитанций китайцы не признали, заявляя, что они были выданы «вперед», а хлеб фактически не поступал. Этот факт явно изобличает аферу, подобную случаю с 20-ю подводами. С присущей Юлдашеву ловкостью в данном случае он использовал продажность китайских чиновников. Однако даже за минусом названных фиктивных квитанций, видимо полученных с помощью взяток, обороты Юлдашева на поставке хлеба Китаю были очень обширны. По спорному делу из 570 тыс. ланей

---

[57] Г. К. Гинс. Цит. работа, стр. 706—708.
[58] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 2042, л. 11.
[59] Г. К. Гинс. Цит. работа, стр. 706.

первоначального счета он в конце концов получил около 400 тыс. ланей (800 тыс. руб.)[60].

В обстановке Семиречья того времени закономерно, что и Юлдашев, и зависевшие от него его компаньоны и агенты были не только купцами-предпринимателями и ростовщиками. Они захватывали в свои руки также земли и воду и эксплуатировали крестьянство феодальными методами.

«...Юлдашев, к которому обратились таранчи, не справившиеся с оброчной податью, принял на себя несение всех податей, лежавших на таранчах, и обязался держать в исправности все оросительные каналы на их землях. За это таранчи должны были отдавать Юлдашеву $^1/_2$ часть урожая, снятого с орошенной им земли»[61]. Так говорится у П. П. Румянцева относительно джаркентских городских уйгуров. «Всего горожанам по разверстке досталось земли 734 надела. Из них сдано Юлдашеву 622, т. е. 80 процентов, или четыре пятых всей земли»[62]. «Самое крупное его предприятие — это работы по орошению земель ... В его руках находятся почти все таранчинские наделы бассейна рек Тышкан и Чанжин. ... За пользование арыками он берет от $^1/_3$ до $^1/_2$ сбора с орошенной им земли. В урожайные годы в его житницы стекается до 200 тыс. пудов зернового хлеба»[63].

В руки Юлдашева в результате захвата земель попали вся Джаркентская, Аккентская, и Аксу-Чарынская волости, населенные уйгурами и дунганами. Почти вся беднота этих волостей оказалась в полукрепостной зависимости от Юлдашева. «В каждом из обществ, сдающих Юлдашеву наделы», только «по два по три сильных хозяина» отказывались «за подать (4 и 5 руб.) отдавать «баю» треть своего урожая»[64].

Юлдашев был самый крупный купец-феодал Джаркентского уезда, но не единственный. Общества «Мамаляр» и «Хоргос» «первые годы... весь надел сдавали в аренду богатому таранчинцу Мамет-Чокуру на тех же условиях, на каких сдают теперь Юлдашеву»[65]. В Чарыне операции с землей, подобные юлдашевским, производил дунганин Хасанде. Его крестьяне прозвали «байсемиз», что значит — толстый богач. «Сам он не сеет, а только разделывает землю под рис и сдает ее из доли (из $^1/_5$, а при его семенах из $^1/_2$) чарынским дунганам и таранчам». Он арендовал за низкую плату землю как наделами, так и отдельными участками, и, подготовив ее для посева риса, предлагал дунганам. Всего на указанных условиях этим «байсемизом» «дунганам передано 152,41 десятины и из них большая часть (80,9) наделами (66 наделов). Они под рисом»[66].

Собственно вся низовая агентура Юлдашева, состоявшая из зависимых от него богачей, вербовалась из такого рода «байсемизов», закрепощавших уйгурско-дунганское крестьянство. А их глава — Юлдашев чувствовал себя в Джаркентском уезде настоящим царьком: «Вот он сидит в парчевой отороченной мехом шапке, в орденах и звездах, а по обе стороны стоят его родичи и друзья ... Вы видите типичного царька с психологией повелителя, спокойно принимающего визиты губернаторов, спокойно говорящего о том, что он уедет по делам ночью, так как иначе народ узнает и будет провожать. И действительно, встречают и

---

[60] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4892, л. 281.
[61] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. V, ч. I, стр. 23.
[62] Там же, стр. 26.
[63] Там же, стр. 34.
[64] Там же, стр. 46.
[65] Там же.
[66] Там же, стр. 103.

провожают Юлдашева толпы народа, все таранчи и дунгане из окрестных сел и из города Джаркента»[67]. На поверку оказывалось, что эти «встречи» организовывались его же, Юлдашева, агентурой, но картина выразительная.

«Для того, чтобы держать в руках свое сложное хозяйство, Юлдашев имеет штат приближенных доверенных лиц, которых у него больше сотни, называются эти доверенные кокбашами. В каждом селении шныряют эти кокбаши, высматривая, кто и где нарушает интересы могущественного их хозяина. Когда собранный хлеб сваливается в кучу, кокбаш ударяет по куче особой деревянной доской с выпуклыми инициалами Юлдашева и кучу никто уже не может тронуть, так как иначе кокбаш, увидев стертую, вернее рассыпавшуюся печать, заберет зерна по усмотрению»[68].

Если в деятельности купца Иванова и его наследников обнаруживалась только тенденция к захвату больших земельных площадей и воды и организации феодальной эксплуатации крестьянства, то Юлдашев и его агентура в широких масштабах объединяли торгово-ростовщические операции с захватом земель и воды. Их эксплуатация крестьянства была не только торгово-ростовщической, но и феодальной. Это октябристский капитал в колонии, не только уживающийся, но и сращивающийся с феодализмом.

Такова была та верхушка купечества, которая возглавляла торговлю в изучаемом крае. Мы описали три наиболее крупные «фирмы» и частично их окружение и агентуру. Их история типична для характеристики и истоков зарождения таких фирм и условий их головокружительного роста. Ивановы, потеляховы, давыдовы, хусаиновы, юлдашевы, хасандэ и другие — это были яркие представители «октябристского капитала», «герои первоначального накопления». Они принадлежали к разным национальностям, но их роль в экономике края была одна и та же, и судьбы удивительно схожи. Начав с «ничего», они за счет грабежа местного населения быстро накопляли огромные капиталы. Капиталы их носили торгово-ростовщический характер. Будучи купцами и ростовщиками, они становились посредниками между колониальным крестьянством и российской промышленной буржуазией: из Казахстана и Туркестана они вывозили сельскохозяйственное сырье, сюда же привозили и распродавали изделия русской промышленности. Многие из них (Иванов, Юлдашев, Хасандэ и др.) захватывали землю и воду, становились землевладельцами или арендаторами земли и вдобавок ко всему эксплуатировали крестьянство как феодалы-помещики. Октябристский капитал не только уживался, но и тесно переплетался с феодализмом.

Как проникали крупные торговые фирмы в аулы, кишлаки и деревни, можно видеть по описаниям системы их торговли. Вот сведения об организации степной торговли в Перовском уезде.

«Промышленники, занятые торговлей, их 1191 человек (на уезд.— *П. Г.*)..., работают большей частью на базарах в Перовске, Яны-Кургане, Джулеке, Скобелеве и Ала-Месеке. Большие базары устраиваются осенью, во время наибольшего пригона скота и привоза хлеба. Кроме базарных торговцев, наезжающих один раз в неделю в названные населенные пункты, существуют еще кочующие по степи торговцы. Забирая в городе партию ходкого товара (дешевый ситец, галантерейный товар, чай, сахар, муку, посуду и проч.) торговец въючит верблюдов и углубляется со своим маленьким караваном в степь. Останавливаясь

[67] Г. К. Гинс. Цит. работа, стр. 706.
[68] Там же, стр. 707.

в каком-нибудь ауле, являющемся центром размещения киргиз (казахов.— *П. Г.*) на джайляу (летнее пастбище.—*П. Г.*), торговец некоторое время (от двух недель до одного месяца) сидит на одном месте, удовлетворяя спрос киргизов данного района, затем передвигается дальше. Торговля проходит почти исключительно меновая. Платят мелким скотом, шерстью, кожей, хлебом. Углубляясь в степь, торговец обыкновенно оставляет полученный скот у своих покупателей, забирая его при возвращении в город, на обратном пути. Расценка продаваемых товаров и поступающих в плату продуктов производится на деньги, причем цены на товары очень повышены, раза в 2—3 против рыночных, цены же на поступающие от покупателей в плату продукты принимаются рыночные. В уезде существуют довольно крупные торговцы, рассылающие в разные стороны приказчиков с товарами»[69].

Мы имеем выразительную картину. Торговля в оседлых поселениях производится на базарах. В кочевые же районы крупные купцы и фирмы засылают своих приказчиков и мелких торговцев с промышленными товарами и выменивают эти товары, в порядке неэквивалентного обмена, на скот, шерсть, кожи и прочее. Товары, завозимые в степь, ценятся так дорого, что такая торговля граничит с прямым грабежом. «Те цены, по которым они продают в долг и покупают без денег различные товары, превосходят всякое вероятие. Мне лично встретился однажды в Кара-Кумах купец-сарт, который продавал фунт сахару за 90 коп.», что давало «верных 200 процентов чистой прибыли», не считая ростовщической прибыли, которую получал купец, отпуская товар в кредит[70].

Таких свидетельств современников, раскрывающих торговлю в Казахстане как самую беззастенчивую эксплуатацию местного населения через неэквивалентный обмен, ростовщичество, обман, обсчет, обвес и проч., можно привести немало. Все они показывают картину широкого грабежа и истощения не только кочевого, но и оседлого крестьянского хозяйства.

При этом система организации торговли была следующая. Во главе стоят крупные торговые фирмы. Они непосредственно связаны с российской промышленной буржуазией (в XX веке — с империалистическими объединениями и банками), ниже — купцы помельче, зависящие от крупнейших торговых фирм, а еще ниже — разветвленная сеть мелких торговцев и приказчиков. «Оптовики отпускают товары мелким торговцам обыкновенно в кредит, причем условия последнего повсеместно в Туркестане очень тяжелы, составляя обыкновенно 10—20 процентов, а при мелких ссудах иногда до 50 процентов и даже более»[71]. Мелкие торговцы проникали во все уголки края, выкачивая из трудового крестьянства не только непомерно высокий процент на капитал оптовиков, но и большие прибыли для себя. Таким образом, наряду с царской и местной администрацией, осуществлявшей жестокую полицейскую власть в деревнях и аулах и «промышлявшей» всякого рода феодальными поборами и взятками, разветвленная сеть торгово-ростовщического капитала являлась как бы «второй державой», подчинявшей себе сельское хозяйство края и высасывавшей из него последние соки. Если эксплуатация через аппарат власти, грабеж земель и налоги была проявлением военно-феодального империализма, то через торгово-ростовщический капитал в край проникала власть промышленного капитала, империализма «новейшего типа», капиталистического империализма.

[69] «Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область. Перовский уезд». Ташкент, 1912, стр. 98—99.

[70] О. Шкапский. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса. «Русская мысль», 1897, июль, стр. 37.

[71] В. И. Масальский. Цит. работа, стр. 545.

Между тем и другим не существовало каменной стены, наоборот, они взаимопроникали и дополняли друг друга. «Мелкому производителю... в первую очередь нужны деньги для платежа». «Превращение натуральных повинностей и оброков ... в денежную ренту и денежные налоги играет здесь крупную роль»[72]. От крестьянина казаха уплата налогов, чигинов, поднесение взяток и проч. постоянно требовали денег, и он вынужден был предлагать скупщику свой скот, шерсть, кожи, пользовался ростовщическим кредитом. Военно-феодальная эксплуатация стимулировала торгово-ростовщическую, переплеталась с нею, эта же последняя смыкалась с местным феодализмом.

В 1876 году уездный начальник Верненского уезда полковник Кушакевич писал, что ростовщичество и скупка скота и хлеба за бесценок в его уезде особенно процветали именно в связи со сбором податей. Чтобы достать деньги на подать, казахи «отдают ростовщикам сартам и татарам баранов и лошадей... Ростовщики находят выгодным выдавать под баранов деньги, считая по 1 руб. за голову нынегоднешнего приплода, а отогнав в Ходжент, продают его там не дешевле 3 руб. и 3 руб. 50 коп».

На местном базаре в городе Верном, говорит Кушакевич, цена барана «в общем не была ниже 1 руб. 50 коп». Но скупщики-ростовщики и спекулянты «никогда не давали да и теперь не дали бы более 1 руб. за барана нынегоднешнего приплода, да и то может быть, с добавкой мерлушки (в 15 или 20 коп.), следовательно, собственно говоря, они более не давали как 85 или 80 (коп.— *П. Г.*) за барана».

Все, кто имел хотя бы небольшой «капитал», пользовались прежде всего затруднениями казахов в уплате податей, причем русские часто действовали через узбеков и татар. Прибыль скупщика-ростовщика, судя по приведенным Кушакевичем фактам, представляется огромной — на одном обороте капитала она достигала 75—90 процентов при продаже на месте и была еще большей, когда скот перегонялся для продажи за пределы области.

Если казах крестьянин хотел уплатить подать за счет продажи хлеба, то он тоже попадал в руки ростовщику, получая «обыкновенно деньги вперед, в долг в виде задатков» под будущую поставку хлеба[73].

Военный губернатор Семиреченской области в 1879 году также признавал, что ростовщичество крайне отягчало взнос податей.

«Перед взносом податей аулы или несколько родичей занимают деньги у ростовщиков, преимущественно сартов, при этом обыкновенно ростовщики берут за ссуду по 10 процентов в месяц, иногда и более — за каждый рубль займа и процент киргизы обязаны уплатить по одному барану, но зиму и большую часть весны бараны остаются на прокормлении у киргизов, а затем по требованию заимодавцев отдаются такие, которые продаются на рынке не менее двух рублей серебром. Таким образом, ценность имущества, отдаваемого киргизами за подать, превышает ее в три раза»[74].

Так смыкаются ростовщики-купцы и феодальное русское государство в эксплуатации мелкого производителя крестьянина: государство получает свою долю — подать, а купцы-ростовщики, по случаю уплаты податей, присваивают в свою пользу сумму, равную двум таким же податям.

Такую же картину в 80-х годах описывает А. Н. Краснов. По его свидетельству, во время сбора податей налогоплательщики берут деньги

---

[72] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1954, стр. 612.
[73] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9, д. 463, лл. 19—27.
[74] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 353, лл. 37—38.

с обязательством «через известный срок возвратить за каждый взятый рубль по барану, стоящему, положим, 3—4 рубля, причем бараны обязательно должны быть самого хорошего качества. В случае же неустойки должник обязан уплатить штраф значительной суммой денег или другим скотом... Во время уплаты податей я видел, как через Каракол гнали бесконечными вереницами стада баранов, лошадей и коров, забранные подобными кредиторами. В это время стоимость животных сильно падает, так как и киргизы и кредиторы спешат продать скот, превратить его в наличные деньги»[75]. По этому и другим свидетельствам видно, что с каждым годом ростовщические операции по скупке скота расширялись и принимали все более и более разнообразные формы. С течением времени, с развитием товарных отношений ростовщичество приняло формы повсеместного, всеохватывающего обыденного промысла.

Вот что писал барон Дельвиг в 1909 году: «... Нигде, может быть на всем пространстве Российской империи, ростовщичество не свило себе столь прочного гнезда, как в степи... Ростовщичеством занимаются все более или менее состоятельные киргизы, не исключая и должностных лиц..., занимаются ростовщичеством втихомолку и их соседи русские и казаки, и *не одна семья местных миллионеров обязана началом своего денежного могущества самому злостному ростовщичеству* (курсив наш.—*П. Г.*)[76]. Это очень важное свидетельство современника. Оно показывает, что в XX веке, в эпоху империализма, ростовщичество получило самый широкий размах, на ростовщических операциях накоплялись миллионы.

Некоторое представление о том, какие огромные суммы высасывались описанными методами из хозяйства трудового крестьянства, можно составить по данным таблицы 23.

Таблица 23

1870 год. Кибиточная подать. Сергиопольский и Капальский уезды[77]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число хоз-в	Число юрт	Сумма кибиточной подати по раскладке			
			всего	% к итогу	на 1 хоз-во	на 1 юрту
I. Без скота	680	670	1437,15		2,11	2,14
II. Без лошадей	2422	2404	6014,91	48,6	2,48	2,50
III. С 1 лошадью	3416	3304	9447 69		2,76	2,86
IV. С 2—3 лошадьми	2332	2358	7869,42		3,37	3 33
V. „ 4—5 „	935	987	3570 26	39,5	3,81	3,61
VI. „ 6—8 „	490	533	2299 86		4 69	4,31
VII. „ 9—13 „	329	379	1741 95	11,9	5 29	4.59
VIII. „ 14 и более	332	396	2400,38		7,23	6,06
Итого	10936	11031	34781,62	100,0	3,18	1,63

В покибиточных списках только по Капальскому и Сергиопольскому уездам, и то только за 1870 год, наряду с другими данными показана также сумма кибиточной подати, причитающейся с каждого хозяйства по раскладке, т. е. тот платеж, исходя из которого начислялись все остальные платежи. Наш подсчет обнаруживает, что зажиточные и бай-

[75] А. Н. Краснов. Очерк быта семиреченских киргиз. «Известия РГО», т. XXIII, 1887, СПб., 1888, стр. 475.

[76] Б. Н. Дельвиг. Киргизский народный суд, стр. 8.

[77] Выборочный подсчет данных покибиточных списков по 14 волостям Капальского и 10 волостям Лепсинского уездов. Списки: ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9, д. 199 и 139.

ство (VII и VIII группы) вносили только около 12 процентов платежей в казну, 88 процентов уплачивало крестьянство. Царский чиновничий и полицейский аппарат власти содержался главным образом за счет труда крестьянства, непосредственно изымаемого из его хозяйства.

Опираясь на все сказанное выше, можно также приблизительно взвесить, какие огромные богатства изымались из хозяйства крестьян-скотоводов. Платежи сверх кибиточной подати, по цитированному выше определению ревизора области генерала Свистунова, превышали кибиточную примерно втрое, ростовщические проценты и прибыли скупщиков скота в свою очередь, особенно для бедноты, увеличивали сумму податей в 2—3 раза. Это значит, что для определения того, что отбиралось у крестьян только через одни подати, показанную сумму податей для бедноты надо помножить на 8 или 9, возможно, что примерно такой же коэффициент надо применить и к платежам среднего трудового крестьянства. Дорого оплачивало крестьянство существование угнетавшего и каравшего его чиновно-полицейского аппарата власти.

Сказанное говорит о том, что государственные налоги, поборы, взяточничество сильно способствовали вовлечению сельского хозяйства изучаемого края в товарные отношения. Военно-феодальная эксплуатация расчищала путь для эксплуатации капиталистической, капиталистическая, в свою очередь, усиливала военно-феодальную.

Можно ли эти выводы распространить на весь изучаемый край?

Особенностью Капальского и Лепсинского уездов по сравнению с остальными изучаемыми уездами являлось то, что до введения по Положению 1867 года кибиточной подати они платили ясачный сбор, взимавшийся, как известно, пропорционально количеству скота в хозяйстве. Традиции, выработанные в этот период, сказались и на порядке взимания кибиточной подати — она при раскладке исчислялась с некоторым учетом обеспеченности хозяйств скотом. Из таблицы 23 видно, что байство платило по самым высоким ставкам, среднее крестьянство — по средним и бедное — по самым низким. Некоторое влияние на раскладку подати оказывала неясность юридического понятия «кибитка»: в одних случаях это понималось в буквальном смысле — подать с войлочной кибитки, юрты или заменяющего их жилого помещения, в других под кибиткой подразумевалась семья, хозяйство. Таблица показывает, что, по крайней мере в данных уездах, количество скота оказывало большее влияние на размер подати, чем число жилых помещений.

В остальных уездах края, никогда не плативших ясачного сбора, такой резкой дифференциации в оплате кибиточной подати не наблюдалось. По закону полагалось раскладку подати внутри общин производить в соответствии с достатком каждого хозяйства, на деле же этот принцип почти не соблюдался. Это означало, что здесь на бедноту и среднее крестьянство подати ложились еще большей тяжестью. А отсюда и все вытекавшие из оплаты податей бедствия в этих уездах были выражены не менее (скорее всего более) выпукло, чем в Капальском и Лепсинском.

Совершенно очевидно, что выводы, сделанные по этим уездам, не только целиком, но даже в особо подчеркнутом виде можно распространить на все остальные уезды изучаемого края.

В тех же кибиточных списках по Капальскому и Сергиопольскому уездам имеются сведения о наличии и о продаже скота каждым хозяйством. По этим данным можно судить, как втягивались в товарные отношения различные социальные группы аула (см. табл. 24).

При нормальном ходе развития товарных отношений прежде всего должны были выйти на рынок многоскотные хозяйства, организующие

Таблица 24

1870 год. Продажа скота в Сергиопольском и Капальском уездах[78]

Социальные группы	Сергиопольский уезд, 10 волостей (выборочно)				Капальский уезд, 13 волостей (выборочно)			
	кол-во хоз-в подвергнут. подсчету	продано единиц скота		% проданного скота к наличному	кол-во хоз-в подвергнут. подсчету	продано единиц скота		% проданного скота к наличному
		всего	% к итогу			всего	% к итогу	
Бедняки (без скота, без лошади, с 1 лошадью)	2539	607,4	23,4	7,55	3939	1996,5	27,4	10,49
Среднее крестьянство (от 2 до 8 лошадей)	1500	1245,0	47,8	7,13	2246	3433,2	47,2	9,97
Зажиточные и байство (9 и более лошадей)	233	749,7	28,8	7,37	428	1846,7	25,4	8,97
Итого	4272	2602,1	100,0	7,29	6613	7276,4	100,0	9,83

товарное производство, и воздерживаться от продажи скота малоскотные хозяйства, скотоводство которых носит потребительский характер. В наших же данных мы наблюдаем, что беднота выходит со скотом на рынок либо в такой же мере, как байство (Сергиопольский уезд), либо даже опережает байство по проценту проданного скота ко всему стаду (Капальский уезд). Впереди байства в части продажи скота по Капальскому уезду стоит и среднее крестьянство. Это можно объяснить только описанными выше условиями втягивания крестьянства в товарные отношения. Трудовое крестьянство предлагает свой скот к продаже не столько для того, чтобы удовлетворить свои потребительские нужды или купить орудия производства, а прежде всего, чтобы внести налоги, дать денежную взятку, выплатить все феодальные поборы. Военно-феодальная, грабительская царская власть в крае насильственным путем разрушает натуральное крестьянское хозяйство, действуя плечом к плечу с агентурой российского промышленного капитала — торгово-ростовщическим капиталом.

Такими методами, по преимуществу методами внеэкономического принуждения, в сферу товарооборота вовлекаются огромные массы скота и продуктов животноводства. Из таблицы 25 видно, что 70—75 процентов проданного скота — это скот крестьянский. Он, как сказано, продан по преимуществу для оплаты феодальных податей и поборов. 88 процентов выколачиваемых из кочевого населения налогов покрывалось тем, что крестьяне продавали основные средства своего существования.

Так обстояло дело в 70-х годах, до вступления российского капитализма в период империализма. Составленный нами подсчет содержит цифровое выражение тех же явлений для 1906 года (см. табл. 25).

---

[78] Списки: ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9, д. 199 и 139. Перевод скота в единицы крупного произведен по коэффициентам: лошадь —1,0, верблюд —2,0; рогатый скот —0,833; бараны и козы — 0,167, примененным для Семиреченской области П. П. Румянцевым.

Таблица 25

1906 год. Юго-восточная часть Чимкентского уезда[79]

Социальные группы	Бюджеты 59 казахских хозяйств		Сплошное обследование		
	% проданного скота к наличному	% купленного скота к наличному	единиц скота в тех же социальных группах	предполагаемая продажа скота, исходя из % продажи по бюджетам	% проданного скота к итогу
Бедняки (засевающие от 2,0 до 5,0 десятин)	11,73	1,41	7627,7	894,7	12,8
Среднее крестьянство (засевающие от 5,01 до 14,0 дес.)	9,60	8,27	45666,9	4384,0	62,6
Зажиточные и байство (засевающие от 14,01 до 30,0 десятин)	5,05	9,94	34179,9	1726,1	24,6
	8,21	8,57	87474,3	7004,8	100,0

Бюджетами не охвачены первая и восьмая социальные группы общего обследования Чимкентского уезда, т. е. хозяйства с посевами менее двух и свыше тридцати десятин. Ориентируясь на бюджеты, мы и наличие скота взяли из сплошного обследования, без названных групп. Это делает наш подсчет более точным в части охваченных бюджетами групп, но как бы укороченным в части раскрытия полной картины продажи скота — не видна степень товарности животноводческого хозяйства на крайних по зажиточности полюсах аула. Тем не менее и этот подсчет показывает, что байские хозяйства на этот раз продают еще меньшую часть своего стада, чем в 1870 году в Семиречье (см. табл. 24). Крестьянство же, особенно беднота, — относительно бóльшую.

Уже отмечено выше, что и налоги, и военно-феодальные грабежи царских властей в аулах, и сливающиеся с ними торгово-ростовщические операции купеческого капитала с течением времени, особенно в начале XX века, в период империализма, возрастали. В приведенных данных о продаже скота беднотой и средним крестьянством отражается этот процесс усиления феодальной и торгово-ростовщической эксплуатации. Остается только повторить, что развитие именно *такого типа* товарных отношений сильнейшим образом тормозило развитие промышленно-капиталистических отношений в сельском хозяйстве. «Торговый и ростовщический *капитал* подчиняет себе труд...— не обращая производителя в наемного рабочего — отнимает у него не меньше прибавочной стоимости, чем капитал индустриальный берет у работника»[80]. Крестьянство разорялось, пауперизировалось, но не превращалось в пролетариев, работающих по вольному найму.

[79] Составлена по данным: 1) «Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области. Данные бюджетного обследования», т. I. Ташкент, 1910; 2) «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Сыр-Дарьинской статистической партией. Сыр-Дарьинская область. Чимкентский уезд», т. I. Ташкент, 1908.

[80] В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 429.

Представление о том, какие прибыли выкачивались из сельского хозяйства изучаемого края торгово-ростовщическим капиталом и какою тяжестью ложилась торгово-ростовщическая эксплуатация на крестьянство, можно приблизительно составить по данным таблицы 26.

Таблица 26

Обороты и прибыли торговых и промышленных предприятий (1904—1907 гг.)[81]

Наименование областей	Торговые предприятия					Промышленные предприятия				
	число предприятий	средний оборот на 1 предприятие, руб.	средняя прибыль на 1 предприятие, руб.	% прибыли к обороту	средняя прибыль на 1 жителя, руб.	число предприятий	средний оборот на 1 предприятие, руб.	средняя прибыль на 1 предприятие, руб.	% прибыли к обороту	средняя прибыль на 1 жителя, руб.
Сыр-Дарьинская	13004	3590,26	453,74	12,6	3,54	725	2890,34	504,83	17.5	0,22
Семиреченская	5511	3284,16	384,40	11,7	1,99	364	7334,45	1049,1	13,9	0,35

В таблице 26 мы вновь пользуемся подсчетом авторов «Ревизии» К. К. Палена, произведенным по данным податных инспекторов Туркестанской казенной палаты.

Сведения торговцев и промышленников об оборотах и прибылях, когда они даются податным инспектором, всегда преуменьшены. Но даже будучи преуменьшенными, они очень показательны. Не считая ростовщических процентов и других видов прибылей, ускользавших от учета податных инспекторов, одни только вполне легальные, объявленные прибыли торговых и промышленных предприятий в расчете на душу населения исчислялись от 2,35 руб. по Семиречью до 3,75 руб. по Сыр-Дарьинской области[82]. Считая в одной семье в среднем по шесть человек, получаем, что каждая семья в крае приносила в карманы купцов и ростовщиков только объявленной прибыли от 13,1 до 22,6 руб., но это в среднем на семью. Совершенно ясно, что каждая трудовая крестьянская семья, подвергавшаяся торгово-ростовщической эксплуатации, отдавала торговцам и скупщикам значительно больше названной средней цифры, плюс к тому немалую сумму неучтенных прибылей ростовщиков, мелких скупщиков, приказчиков и прочее.

Купцы, промышленники, ростовщики настолько основательно присосались к производителю сырья и потребителю изделий русской промышленности — трудовому крестьянству, что выкачивали из крестьянского хозяйства во много раз больше ценностей, чем это делало военно-феодальное государство, взимая налоги, и, очевидно, больше того, что выкачивалось всей системой военно-феодальной эксплуатации. Эксплуатация действительно была крайне жестокой. Такая эксплуатация была возможна только в условиях того вопиющего бесправия и политического угнетения, в котором находилось крестьянство края при царизме. Не

[81] «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане», ч. I, отд. II, стр. 298—299 и 339.

[82] С учетом подсчетов населения, данных в главе II по Сыр-Дарьинской области, надо считать эту цифру немного преувеличенной, по Семиреченской — немного преуменьшенной, так как в первом случае цифра населения была преуменьшена, во втором — преувеличена.

только царские налоги и поборы помогали купцу и ростовщику в развитии их хищнических операций — сама по себе царская власть, бесправие населения, невиданный полицейский гнет были также наруку всей описанной системе выжимания соков из крестьянского хозяйства. Политика царизма способствовала получению огромных прибылей купцами и промышленниками.

Прибыли торговых и промышленных предприятий, как показывает таблица 26, были действительно огромны. По России, в среднем по всем торговым предприятиям, облагавшимся дополнительным промысловым налогом, прибыль на 1912 год составляла 6,4 процента суммы оборота[83]. По данным таблицы 26, облагаемые государственным налогом торговые предприятия изучаемого края имели прибыль на оборот почти вдвое больше — 11,7 и 12,6 процента. Торгово-ростовщический капитал в Средней Азии давил на крестьянство вдвое сильнее, чем в России.

Прибыль «на оборот» — это не средняя прибыль на капитал. Последняя, как известно, во столько раз выше прибыли на оборот, сколько оборотов делает капитал купца, промышленника в год. Если бы мы имели возможность вычислить подлинную среднюю прибыль на капитал, она бы достигла, видимо, нескольких десятков, если не всей сотни процентов. Вспомним приведенную выше оценку капиталов братьев Хусаиновых, данную А. И. Добросмысловым. Там сказано: капитал «достиг 8 миллионов, а обороты ведут на несколько десятков миллионов рублей». Иначе говоря, капитал Хусаиновых оборачивался за год не один, а много раз, следовательно, прибыль при, скажем, указанных в таблице 12 процентах на оборот должна на капитал составить примерно 80—100 процентов годовых. Такие прибыли типичны для самостоятельно существующего купеческого капитала, когда прибыль определяется степенью эксплуатации мелкого производителя, а не средней прибылью промышленного капитала. Иначе говоря, прибыли торгово-ростовщического капитала в изучаемом крае типичны для такого строя отношений эксплуатации, когда торгово-ростовщический капитал является посредником между развитым промышленным капиталом и мелким производителем, поставщиком сырья — крестьянством колонии, в отличие от такого положения, когда купеческий капитал обслуживает сферу обращения промышленного капитала и получает среднюю прибыль, сложившуюся в промышленности. Здесь, в изучаемом крае, как видно из нашей таблицы, не средней прибылью промышленности определялась прибыль купеческого капитала, а, наоборот, прибыли промышленности равнялись по прибыли купцов и ростовщиков. Иначе говоря, экономическое развитие края еще стояло на той первоначальной ступени, когда «торговая прибыль определяет промышленную прибыль»[84]. По нашей таблице прибыли промышленных заведений «на оборот» даже несколько выше, чем в торговых предприятиях. Это означает только то, что оборот капитала в промышленности совершался медленней, чем в торговле, этим уравнивалась их средняя прибыль.

Разобранные сведения о прибылях раскрывают характер существовавшей в крае промышленности, ее подсобной роли в торгово-ростовщических операциях по скупке сельскохозяйственного сырья, характеризуют тип развивавшегося в крае капитализма как «октябристский капитализм».

Вся система торгово-ростовщической эксплуатации тормозила развитие производительных сил края, задерживала развитие промышленно-

---

[83] Г. А. Дихтяр. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960, стр. 95. Подсчет по данным «Статистики прямых налогов и пошлин».

[84] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1954, стр. 298.

капиталистических отношений как в городе, так и в ауле, кишлаке, деревне. Такого рода эксплуатация, как писал В. И. Ленин, «ведет только к более грубым, крепостническим формам эксплуатации, ведет к тому, что капитал, не будучи еще в состоянии прямо подчинить себе рабочего простой покупкой его рабочей силы по ее стоимости, опутывает трудящегося целой сетью ростовщических прижимок, привязывает его к себе кулаческими приемами, и в результате грабит у него не только сверхстоимость, а и громадные части заработной платы...»[85]. Не столько промышленно-капиталистические, сколько феодально-крепостнические формы эксплуатации культивировались в крае в результате развития всей описанной системы.

4. Роль банковского капитала. Особенности эксплуатации края в период империализма

Со вступлением российского капитализма в период империализма быстро возросла роль банковского капитала в эксплуатации царских колоний — Сибири, Казахстана, Туркестана.

«Впервые банковский капитал проник в Среднюю Азию в 1875 году, когда в Ташкенте было открыто отделение Государственного банка для казначейских операций. С конца XIX века в Туркестан начал проникать капитал частных банков. В 1898 году в Ташкенте было открыто отделение Волжско-Камского банка»[86]. В дальнейшие годы Сибирь, Казахстан, Туркестан быстро покрывались целой сетью банковских контор, комиссионерств и агентур. На 1 января 1912 года во всей Азиатской России насчитывалось 154 банковских отделений, комиссионерств и агентур, в том числе в Туркестане 50 отделений и агентур[87]. Рост банковских операций можно видеть из таблицы 27 об учете векселей.

Таблица 27

Банковские операции по учету векселей в Средней Азии и Сибири[88]

Годы	В Средней Азии		В Сибири	
	млн руб.	% к 1898—1900 гг.	млн руб.	% к 1898—1900 гг.
1898—1900	15,0	100,0	23,5	100,0
1901—1903	24,7	164,6	30,5	129,0
1904—1906	32,6	217,3	22,2	94,5
1907—1909	53,2	354,6	49,7	211,5

По данным таблицы 27 мы наблюдаем очень интенсивный рост банковских операций, причем в Средней Азии банки наращивали свои операции значительно быстрее, чем в Сибири.

Когда речь идет о банковском капитале, о степени его проникновения в тот или иной район, то не только нет возможности выделить банковские операции только по данной узкой территории, но и было бы ошибкой судить о степени проникновения капитала только по операциям, совершенным на этой территории. По Государственному банку, напри-

[85] В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 200.
[86] В. П. Вяткин. Монополистический капитал в Средней Азии. Фрунзе, 1962, стр. 43—44
[87] «Азиатская Россия», т. II. Земля и хозяйство. СПб., 1914, стр. 441.
[88] В. И. Масальский. Туркестанский край, стр. 547.

мер, до 1909 года на территории Средней Азии было предъявлено векселей к учету на сумму 4,8 млн руб., куплено же их: в Средней Азии на 3 млн, в Сибири — на 0,6 млн, на Кавказе — на 0,2 млн, в России, в том числе в Петербурге и Москве,— на 1,0 млн. В то же время в самой Средней Азии куплено векселей всего на 7,6 млн руб.[89], в том числе у среднеазиатских продавцов — только названные 3,0 млн руб., остальные у продавцов из других областей и краев, в том числе из Петербурга и Москвы 1,5 млн руб. Банковская система России конца XIX— начала XX века — это всероссийский денежный рынок. Эксплуатация банками изучаемого района протекала не только, а может быть даже не столько, в операциях на данной территории, но и в операциях далеко за ее пределами, в том числе в ведущих экономических центрах России — Петербурге и Москве.

По этим соображениям приведенные цифры учета векселей по Средней Азии и Сибири надо считать одновременно более точным показателем проникновения банковского капитала в изучаемый район, чем возможное выделение операций только по данному району, и неполным. Они свидетельствуют, что банковский капитал, быстро наращивая свои операции в Сибири и всей Средней Азии, несомненно, охватывал и Юг Казахстана. Что это было так, можно видеть из следующей справки. Оборот Верненского отделения Государственного банка в 1912 году составил 7,5 млн руб., в 1913—8,64, в 1914—8,89 млн руб.[90] Обороты русско-китайского банка в Верном составляли в 1908 году до 20 млн руб., Сибирского — до 10 млн руб.[91]. Оборот Ташкентского отделения Государственного банка, к которому тяготела Сыр-Дарьинская область, в 1901 году достиг 133,9 млн руб., в 1909—322, в 1914—146 млн руб.[92] Всем этим подтверждается, что в смысле проникновения банковского капитала Юг Казахстана стоял в одном ряду со всеми остальными районами Средней Азии и Сибири.

Совершенно бесспорно, что в описанных выше условиях — при полном отсутствии промышленности, имевшей сколько-нибудь самостоятельное от торгово-ростовщического капитала значение, деятельность банков в изучаемом районе распространялась главным образом на финансирование торгово-ростовщических операций.

У. И. Ф. Гиндина находим следующую характеристику торгово-ростовщических операций русских коммерческих банков: «Фабрики продавали товары крупным фирмам под векселя на длительные сроки, те от себя оказывали коммерческий кредит розничной торговле часто без выдачи векселей. В области торговли сырьем... кредиты также имели широкое распространение в форме всякого рода авансов и задатков, имеющих в конечном счете источником банковский кредит, который таким образом переплетался также со старыми формами ростовщического кредита»[93].

Так банковский капитал смыкался с торгово-ростовщическим по всей России, в особенности в Средней Азии[94]. В Туркестане к концу изучаемого периода банки захватили торговлю хлопком. В то же время

---

[89] Государственный банк. Краткий очерк деятельности за 1860—1910 годы. Под ред. директора Государственного банка Е. Н. Сланского. СПб., 1910, стр. 40.

[90] Государственный банк. Данные по конторам и отделениям, т. V. СПб., 1915. стр. 497.

[91] В. И. Масальский. Цит. работа, стр. 442.

[92] Государственный банк. Данные по конторам и отделениям, т. I. СПб., 1912, стр. 422; т. V. СПб., 1915, стр. 431.

[93] И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. М., 1948, стр. 264.

[94] Вынужденно здесь вслед за источником под Средней Азией мы разумеем Туркестан и «степное пространство», т. е. Казахстан.

«многие банки усиленно овладевали мясным и другими сельскохозяйственными рынками»[95]. Эти последние операции распространились на Казахстан, в частности на изучаемый район.

Одной из форм деятельности банков в XX веке являлась организация учреждений мелкого кредита. «К 1 января 1914 года в Семиреченской области... функционировало 30 кредитных товариществ и 4 ссудно-сберегательных ..., на 1 января 1914 года числилось выданных ссуд 6393, на 1 же октября 1914 года, т. е. за 9 месяцев операций,—9022. Увеличение ровно на 41 процент»[96]. В Сыр-Дарьинской области существовало кредитных товариществ: в 1911 году —2, на 1 октября 1913 года —102. «Всех разрешенных к открытию товариществ в конце 1913 года было 409 (222 кредитных и 187 ссудо-сберегательных)»[97].

Если брать официальные сведения о предназначении получаемых ссуд, то в них прочтем, что ссуды отпускались на разнообразные производственные и потребительские нужды. На деле же подавляющее большинство ссуд пускалось в рост за ростовщические проценты. Экономически в организации как банковского кредита вообще, так и кредитной кооперации безусловно выражалась тенденция банков изъять «из рук капиталистов и ростовщиков распределение капитала, как особое предприятие, как экономическую функцию»[98]. Но эта тенденция если и давала некоторые результаты по отношению к крупному торговому капиталу, то по отношению к крестьянству она обращалась тем же ростовщическим процентом. Организация кредитных товариществ для банков на деле являлась не чем иным, как распространением своих кредитных операций на мелких ростовщиков. В этой части банковский кредит не ослаблял, а усиливал ростовщика.

В результате проникновения в край финансового капитала система эксплуатации края стала в полном смысле этого слова *империалистической*. И тем жесточе и гибельней была эта система для колониального крестьянства, что наряду с нею существовала и развивалась другая система — система военно-феодальной эксплуатации со стороны царизма, военно-феодального империализма. Обе системы, как уже отмечено, переплетались между собой, друг друга дополняли, но все рассказанное убеждает, что они *не сливались*. Не один военно-феодальный империализм хозяйничал в крае, а *империализм военно-феодальный, дополненный империализмом капиталистическим*.

* * *

Период империализма в России — начало XX века — внес следующие особенности в колониальную эксплуатацию района: а) появилась Ташкентская железная дорога, что дало значительный толчок дальнейшему втягиванию сельского хозяйства в товарные отношения; б) невиданно быстрыми темпами расширялись торговые операции по вывозу сырья и ввозу промышленных товаров; в) в край проник финансовый капитал, все больше и больше подчинявший себе денежный рынок и торговлю и эксплуатировавший местное крестьянство наряду с торговым и ростовщическим капиталом. Однако, кроме постройки железной дороги, других форм вывоза капитала из России в районы Юга Казахстана в промышленной форме не наблюдалось.

---

[95] Г. А. Дихтяр. Цит. работа, стр. 196.

[96] «Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области за 1914 г.» Верный, 1915, стр. 104 и 107.

[97] «Азиатская Россия», т. II, стр. 470.

[98] К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1954, стр. 621.

VII. ИМУЩЕСТВЕННАЯ И КЛАССОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АУЛА

В результате описанной эксплуатации крестьянства шел интенсивный процесс обнищания, имущественного и классового расслоения в аулах, кишлаках, поселках, станицах. В настоящей главе проследим расслоение казахского аула.

1. Расслоение аула по количеству скота

Какой степени достигло социальное расслоение аула к периоду утверждения царского господства в изучаемом крае?

Наиболее ранние данные по этому вопросу удалось получить путем подсчета найденных в архивах покибиточных списков по трем волостям Сергиопольского уезда Семиреченской области за 1867 год и по двум волостям Казалинского уезда Сыр-Дарьинской области за 1872 год. Результаты этого подсчета приведены в таблице 28.

Прежде всего рассмотрим различие в показателях таблицы 28, которое обнаруживается при сравнении данных по двум уездам. Группа II (хозяйства, не имеющие лошадей) насчитывает: в Сергиопольском уезде —3,3 единицы скота на хозяйство, в Казалинском —6,1; группа III (имеющие одну лошадь на хозяйство) соответственно —6,3 и 11,7 единицы. Иначе говоря, в обеих названных группах по Казалинскому уезду общее количество скота почти вдвое больше, чем по Сергиопольскому. В то же время на противоположном полюсе, в группе X (имеющие 51 и более лошадей) в Сергиопольском уезде — около 203 единиц скота на хозяйство, в Казалинском же только 119, т. е. почти в два раза меньше.

Разница этих показателей наблюдается с известными колебаниями и по остальным социальным группам. Это означает, что значимость примененного критерия отнесения хозяйств к соответствующим группам — по количеству лошадей в хозяйстве — резко отличается по сравниваемым отдаленным друг от друга территориям. Объясняется это различными условиями ведения и типами хозяйств.

В Сергиопольском уезде к концу 60-х годов было распространено земледелие. Волости Казалинского уезда оставались почти полностью кочевыми, животноводческими, с очень слабо развитым земледелием. Совершенно ясно, что в стаде бедняцких хозяйств Сергиопольского уезда лошадь, нужная хозяйству как тягловая сила, заняла значительно большее место, чем в Казалинском. Что касается байских хозяйств, то

Таблица 28

Расслоение казахских аулов Юга Казахстана в начальный период царского господства
(по количеству скота)[1]

Группы хозяйств по количеству лошадей	1867 г. Сергиопольский уезд. Табуклинская, Байгубек-Саванская и Джангубек-Саванская волости					1872 г. Казалинский уезд. Колымбасовская и Зонгарская волости				
	Количество хозяйств		Единиц скота в переводе на взрослую лошадь			Количество хозяйств		Единиц скота в переводе на взрослую лошадь		
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во
I. Не имеют скота	37	1,4	—	—	—	14	0,4	—	—	—
II. Не имеют лошадей	219	8,4	714,3	0,9	3,3	597	18,4	3633,2	6,6	6,1
III. Имеют 1 лошадь	234	9,0	1481,4	18,4	6,3	1577	49,4	18377,7	33,7	11,7
IV. „ 2—3 лошади	550	21,1	5336,2	6,6	9,7	449	14,2	9543,3	17,5	21,3
V. „ 4—5 лошадей	344	13,2	5128,4	6,4	14,9	171	5,4	3749,0	6,9	21,9
VI. „ 6—8 „	388	14,9	8353,5	10,5	21,5	78	2,5	1988,3	3,6	25,5
VII. „ 9—13 „	272	10,4	7676,7	9,6	28,2	97	3,0	3499,3	6,4	36,1
VIII. „ 14—22 „	234	9,0	11278,3	14,0	47,8	84	2,6	3754,9	6,9	44,7
IX. „ 23—50 „	190	7,3	12300,9	15,3	64,7	80	2,5	5069,4	9,2	63,4
X. „ 51 и более	138	5,3	28078,9	34,9	202,9	42	1,3	5011,7	9,2	119,3
Итого	2606	100,0	80348,6	100,0	30,8	3189	100,0	54626,8	100,0	17,4

[1] Списки: 1) по Сергиопольскому уезду — ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9, д. 199 л; 2) по Казалинскому уезду — ЦГА КазССР, ф. 267, оп. 1. д. 52 и 53. Перевод поголовья в единицы произведен по нормам, принятым П. П. Румянцевым в его обследовании Семиреченской области: лошадь=1, верблюд=2; рогатый скот=0,833, бараны и козы=0,167. Возраст животных в наших подсчетах, в отличие от подсчетов П. П. Румянцева, не учтен за отсутствием данных.

по чисто пастбищным условиям в Казалинском уезде лошадь играла в стаде большую роль, чем в Сергиопольском, как вид скота, дававший молоко (кумыс) и мясо.

Отсюда следует, что механическое определение удельного веса разных социальных групп в составе хозяйств по тому и другому уездам, только по количеству имеющихся у них лошадей, приведет к ошибкам. Если в Сергиопольском уезде можно считать бесспорно бедняцкими три первых группы нашей таблицы — до однолошадных включительно, то по Казалинскому уезду к явным беднякам можно причислить только две первые группы хозяйств (не имеющие скота и не имеющие лошадей). В первом случае у однолошадных имелось 6,3 единицы скота на хозяйство, во втором, у безлошадных —6,1 единицы. Байские эксплуататорские хозяйства, видимо по обоим уездам, начинаются с IX группы — 23 и более лошадей. Остальные хозяйства — до VI группы — в обоих уездах можно причислить к середняцким, группы VII и VIII— к зажиточным. Сделав такую, правда довольно условную, группировку, можем теперь выразить соотношение основных социальных групп по обоим уездам (см. табл. 29).

Таблица 29

Расслоение казахского аула Сергиопольского и Казалинского уездов (по количеству скота)

Социальные группы	Сергиопольский уезд—1867 г.		Казалинский уезд—1872 г.	
	% хоз-в к итогу	единиц скота на 1 хоз-во	% хоз-в к итогу	единиц скота на 1 хоз-во
Бедняки	18,8	4,5	19,2	5,9
Среднее крестьянство	49,2	14,7	71,4	14,8
Зажиточные	19,4	37,5	5,6	40,1
Байство	12,6	123,2	3,8	82,6
Итого	100,0	30,8	100,0	17,4

Мы видим, что удельный вес бедноты и ее обеспеченность скотом в обоих уездах примерно одинаковы, но группы зажиточных и байство в Казалинском уезде значительно слабее, чем в Сергиопольском. Если эту характеристику перенести целиком на области (каждый уезд против своей области), то мы приходим к выводу, что в конце 60-х — начале 70-х годов в обеих областях степень обнищания крестьянства была примерно одинаковой, вместе с тем экономическая мощь байства и зажиточной верхушки в Семиречье стояла несколько выше, социальная дифференциация крестьянства Семиреченской области была несколько более глубокой, чем Сыр-Дарьинской.

Очень важно определить, какое место среди феодальной верхушки аула ко времени разработки Положения 1867 года занимала старая ханская знать — белая кость (аксуэк), какое заняли новые феодалы — кара-баи, выросшие в процессе дифференциации аула по количеству скота в хозяйстве и вытеснившие султанов из волостных управлений. Нами сделан небольшой подсчет, который удалось произвести по тем же трем волостям Сергиопольского уезда (см. табл. 30).

Со времени «Устава о сибирских киргизах» 1822 года до разработки Положения 1867 года в среде казахской феодальной верхушки произошли важные изменения. Знать, принадлежавшая к «белой кости»,—

султаны, по своей экономической мощи оказалась слабее феодалов нового типа, выросших из числа «черных» баев (кара-баев). Таблица 30 наглядно показывает, что отстранив султанов от власти в волостях и аулах, царская администрация оперлась на самую мощную верхушку аула. Новые волостные управители не имели султанских титулов, но по количеству скота они были почти вдвое богаче отстраненных от власти султанов. И в аулах в качестве аульных старшин к власти пришло крупное байство. Не из султанских семей, а из богачей-феодалов нового типа вырастали те «герои первоначального накопления», которые, обладая властью в волостях и аулах, грабили крестьянство описанными выше методами поборов, взяток, всяческих злоупотреблений.

Таблица 30

Обеспеченность скотом султанов и вновь избранной по Положению 1867 года низовой администрации
(по трем волостям Сергиопольского уезда)

Скотовладельцы	Группы хозяйств, имевшие лошадей	Всего хоз-в	У них скота, голов						Единиц скота в переводе на взрослую лошадь, на 1 хоз-во
			лошадей		рогатого скота		верблюдов		
			всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	
Султаны, не получившие выборных должностей	До 14	—	—	—	—	—	—	—	—
	15 и более	5	318	63,3	16	3,2	1055	211,0	686,3
Волостные управители, избранные по Положению 1867 г.	До 14	—	—	—	—	—	—	—	—
	15 и более	3	340	113,3	31	10,3	1710	570	1261,9
Аульные старшины, избранные по Положению 1867 г.	До 14	13	122	9,4	66	5,1	688	52,9	119,5
	15 и более	14	747	53,3	69	4,9	4029	287,8	633,0
Итого		35	1527	43,6	182	5,2	7482	213,7	475,4

Новый тип феодала, приходившего к власти в волостях и аулах, принес в аулы и новый тип борьбы за власть. Султаны после 1822 года держались у власти не только с помощью своего экономического влияния в ауле, но и в силу старых феодальных традиций, при которых титул играл немаловажную роль. Новые феодалы завоевывали власть рублем, и только рублем — через подкупы избирателей и царской администрации. И в характер эксплуатации крестьянства они вносили новые черты — это поборы, не столько натуральные (как у султанов), сколько денежные. Как всегда, так и в данном, случае, с развитием в недрах феодального общества денежных отношений, феодальная эксплуатация усиливалась.

Но в 70-х—80-х годах эксплуатация крестьянства и местными феодалами, и царской администрацией, и торгово-ростовщическим капиталом еще не достигла той остроты, при которой начиналась деградация крестьянского хозяйства. За неимением более обширных данных по этому вопросу проиллюстрируем высказанное положение подсчетами по отдельным волостям (см. табл. 31).

Аягузская волость протянулась полосой вдоль реки Аягуз и тракта Верный — Семипалатинск. Вильгельм Радлов проехал по этому тракту через Сергиополь в 1862 году В описании своего путешествия он отме-

чает, что весь этот район «сильно заселен киргизами» (казахами), что казахи в летние месяцы откочевывали в горы, зато «зимой многие аулы

Таблица 31

Расслоение казахских хозяйств Аягузской волости Сергиопольского уезда (по количеству скота)[2]

Группы хозяйств по количеству лошадей	1870 г.			1877 г.		
	количество хоз-в, % к итогу	единиц скота в переводе на взрослую лошадь		количество хоз-в, % к итогу	единиц скота в переводе на взрослую лошадь	
		% к итогу	на 1 хоз-во		% к итогу	на 1 хоз-во
I. Не имеющие скота	3,5	—	—	4,3	—	—
II. Не имеющие лошадей	11,1	3,4	3,5	12,9	2,3	3,6
III. Имеющие 1—3 лошади	55,8	28,3	5,8	49,1	16,6	7,2
IV. Имеющие 4—8 лошадей	20,8	31,9	17,7	14,4	12,9	19,0
V. Имеющие 9—13 лошадей	3,7	10,6	33,1	6,8	11,3	34,8
VI. Имеющие 14 и более	5,1	25,8	58,3	12,5	56,9	96,1
Итого	100,0	100,0	11,5	100,0	100,0	21,1

должны были находиться у почтового тракта»[3]. Иначе говоря, казахи этого района вплотную соприкасались с основной тогда торговой магистралью Сергиопольского уезда. Это делало Аягузскую волость более передовой в экономическом отношении, чем другие волости уезда, отдаленные от реки и тракта. Что же наблюдается в этой волости по данным таблицы 31?

Мы видим, что деградации животноводческого хозяйства в волости за семь лет не произошло — количество скота на одно хозяйство возросло и в общем итоге, и по каждой социальной группе в отдельности. Однако расслоение в аулах совершалось интенсивно. На полюсе бедноты возросло количество бесскотных и безлошадных хозяйств. Одновременно увеличились численно и окрепли экономически две высшие социальные группы (V и VI). Если в 1870 году VI, байская, группа обладала 25,8 процента стада и имела на хозяйство в среднем 58,3 единицы скота, то через 7 лет она уже обладает 56,9 процента стада и имеет на хозяйство 96,1 единицы скота. Совершенно очевидно, что процесс обогащения байства за счет крестьянства происходил с большой интенсивностью, но тем не менее крестьянское хозяйство еще имело некоторые возможности для расширенного воспроизводства своего стада.

Рассмотрим теперь расслоение казахских хозяйств по количеству скота в Капальском уезде за 1870—1882 годы (см. табл. 32).

В отличие от Аягузской волости Сергиопольского уезда, здесь, в Капальском уезде, мы наблюдаем снижение количества скота за 12 лет как в среднем итоге на одно хозяйство, так и по всем социальным груп-

[2] Списки: 1) за 1870 г.: ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9, д. 199— волость подсчитана целиком; 2) за 1877 г.: ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 10а. Подсчет выборочный.

[3] Wilhelm Radloff. Aus Sibirien, B. I, S. 108.

Таблица 32

Расслоение казахских хозяйств Капальского уезда
(по количеству скота)[4]

Группы хозяйств по количеству лошадей	1870 г., 13 волостей						1882 г., 8 волостей					
	количество хоз-во		единиц скота в переводе на взрослую лошадь			единиц скота на 1 хоз-во по укрупн. соц группам	количество хоз-в		единиц скота в переводе на взрослую лошадь			единиц скота на 1 хоз-во по укрупн. соц. группам
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во		всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во	
I. Не имеют скота	248		—		—		799		—			
II. Не имеют лошадей	1449	59,5	5044,3	25,7	3,5	4,8	1867	76,6	3909,9	42,7	2,09	2,7
III. Имеют 1 лошадь	2233		13980,8		6,3		3596		12763,2		3,53	
IV. Имеют 2—3 лошадей	1423		16209,8		11,4		1278		10283,4		8,1	
V. Имеют 4—5 лошадей	533	34,0	11196,6	46,5	21,0	15,3	366	21,8	5541,8	47,9	15,1	10,5
VI. Имеют 6—8 лошадей	290		7015,5		24,2		139		2899,5		20,8	
VII. Имеют 9—13 лошадей	208	6,5	7504,9	27,8	36,0	47,8	92	1,6	2396,5	9,4	26,1	29,7
VIII. Имеют 14 и более	220		13078,8		59,4		33		1760,9		38,2	
Итого	6604	100,0	74030,7	100,0	11,2	11,2	8170	100,0	39555,2	100,0	4,8	4,8

[4] Списки: 1870 г.— ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9, д. 139, волости: Алтын-Эмельская, Кучуковская, Горно-Джаланировская, Нижне-Каратальская, Байгали-Конгалинская, Южно-Прибалхашская, Нижне-Аксуйская, Верхне-Каратальская, Балхаш-Лепсинская, Баскан-Саркандская, Биен-Куюнджакская, Борохудзирская, Арасанская; 1882 г.— т а м ж е, оп. 8, д. 882б, волости: Алтын-Эмельская, Кучуковская, Горно-Джаланировская, Нижне-Каратальская, Байгалы-Конгалинская, Южно-Прибалхашская, Нижне-Аксуйская. Подсчет наш.

Расслоение казахских хозяйств Ргайтинской волости Верненского уезда (по количеству скота)[5] *Таблица* 33

Группы хозяйств по количеству лошадей	1882 г.						1886 г.					
	число хозяйств		единиц скота в переводе на взрослую лошадь			единиц скота на 1 хоз-во по укрупн. соц. группам	число хозяйств		единиц скота в переводе на взрослую лошадь			единиц скота на 1 хоз-во по укрупн. соц. группам
	всего	% к итогу	всего	% к итоку	на 1 хоз-во		всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во	
I. Не имеют скота	129		—		—		102		—		—	
II. Не имеют лошадей	261	46,8	1563,6	17,67	5,99	6,53	143	57,6	741,7	26,12	5,19	5,32
III. Имеют 1 лошадь	451		3931,1		8,72		437		2883,9		6,60	
IV. Имеют 2—3 лошади	442		5838,6		13,21		235		2606,6		11,09	
V. Имеют 4—5 лошадей	218	41,8	4543,5	40,38	20,84	16,76	116	33,6	1943,5	40,03	16,75	13,96
VI. Имеют 6—8 лошадей	90		2176,9		24,19		47		1005,3		21,58	
VII. Имеют 9—13 лошадей	84		2596,3		30,91		55		1468,3		26,70	
VIII. Имеют 14 и более	120	11,4	10452,8	41,95	87,11	63,96	50	8,8	3230,1	33,85	64,62	44,75
Итого	1795	100	31102,8	100,0	17,33	17,33	1185	100,0	13879,4	100,0	11,71	11,71

[5] Списки: ЦГА КазССР, ф. 41, оп. 1, за 1874 г., д. 347; за 1882 г. — д. 330. Подсчет наш. По Семиреченской области перевод поголовья скота в крупный везде производим по названным выше нормам П. П. Румянцева.

пам. Причиной этого явился прежде всего небывалый падеж скота (от джута в 1879/1880 году). От этого падежа с трудом оправлялись даже байские и зажиточные хозяйства — VII и VIII группы. Наряду с этим на состоянии крестьянского животноводства сказывалась и описанная выше эксплуатация. В результате наблюдается резкое увеличение числа бедняцких хозяйств и уменьшение количества хозяйств среднего крестьянства. Имущественное и классовое расслоение аула ускорялось как усилением эксплуатации, так и стихийными бедствиями, периодически повторяющимися джутами.

Такая же закономерность наблюдается и в Верненском уезде. Имеем возможность показать это на подсчете покибиточных списков по Ргайтинской волости (см. табл. 33).

Ргайтинская волость была расположена к западу от гор. Верного (Алма-Ата), в культурной полосе предгорий, в районе нынешней железнодорожной станции Отар, по почтовому тракту Ташкент — Верный. Это была волость, средняя по своему экономическому развитию — более передовая, чем, скажем, отдаленные прибалхашские волости, и относительно отсталая по сравнению с пригородными волостями Верненского уезда. Как и в волостях Капальского уезда, и в Ргайтинской волости, также пережившей джут 1879—1880 годов, мы наблюдаем снижение поголовья скота на хозяйство как в общем итоге, так и по всем социальным группам. За 8 лет возросло количество бедноты и уменьшилось количество среднего крестьянства. После джута и байские хозяйства еще не успели восстановить свое стадо. Однако все говорит о том, что классовая дифференциация в ауле за это время стала более глубокой.

Несколько иную закономерность в имущественном и классовом расслоении наблюдаем в том же уезде за последующие четыре года, в течение которых джута не было. Проиллюстрируем это на подсчете покибиточных списков по восьми волостям Верненского уезда (см. табл. 34).

Вошедшими в наш подсчет волостями (8 из 20 имевшихся в уезде) достаточно полно представлен Верненский уезд. Что наблюдается в приведенной таблице 34?

После того как животноводство волостей оправилось от джута 1879—1880 годов, процесс расслоения аула по количеству скота совершается примерно в таком же виде, как это наблюдалось в Аягузской волости Сергиопольского уезда: возрастает не только среднее количество скота на хозяйство в общем итоге, но также и в среднем на одно крестьянское (бедняцкое и середняцкое) хозяйство, при этом уменьшилось количество бедноты, увеличилось количество середняцких хозяйств. Это означает, что совершалось расширенное воспроизводство не только байского, но и крестьянского стада.

Но байское стадо возрастало быстрее, чем крестьянское: зажиточным и байству в 1882 году принадлежало 32,7 процента учтенного скота, в 1886 году —37,7 процента. Процент общего поголовья в руках крестьянства соответственно снизился. Мы имеем такой тип расслоения, когда совершается относительное (по отношению к байству) обнищание крестьянства, но еще не наблюдается абсолютного. Поскольку такое явление мы обнаруживаем и в Сергиопольском и в Верненском уездах, надо полагать, что оно распространялось на всю область. Вспомним, что 80-е годы, на основании общих данных, были отмечены выше как период подъема животноводческого хозяйства. В это время товарные отношения и торгово-ростовщическая эксплуатация уже развивались, но проникли в аул еще не столь глубоко: средний процент ежегодно продаваемого поголовья составлял по стоимости 8—8,5. Феодальная и торгово-ростовщическая эксплуатация аула еще не достигла такой остроты, чтобы ввергнуть животноводство в полосу хронического кризиса.

Таблица 34

Расслоение казахских хозяйств в восьми волостях Верненского уезда (по количеству скота)[6]

Группы хозяйств по количеству лошадей	1882 г.						1886 г.					
	число хозяйств		единиц скота в переводе на взрослую лошадь			единиц скота на 1 хоз-во по укрупн. соц группам	число хозяйств		единиц скота в переводе на взрослую лошадь			единиц скота на 1 хоз-во по укрупн. соц. группам
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во		всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во	
I. Не имеют скота	409	48,3	—	22,6	—	5,0	389	46,9	—	21,9	—	5,5
II. Не имеют лошадей	479		2060,5		4,4		636		2717,1		4,3	
III. Имеют 1 лошадь	2877		16762,3		5,8		3757		23722,7		6,3	
IV. Имеют 2—3 лошади	2094	40,5	20763,3	44,7	9,9	11,8	2731	42,1	27135,1	43,0	9,9	12,1
V. Имеют 4—5 лошадей	768		10659,9		13,9		1060		15151,0		14,3	
VI. Имеют 6—8 лошадей	288		5683,5		19,7		510		9544,5		18,7	
VII. Имеют 9—13 лошадей	369	11,2	8505,0	32,7	25,9	31,0	565	11,0	14504,3	35,1	25,7	37,7
VIII. Имеют 14 и более	547		18651,9		34,1		556		27753,3		49,9	
Итого	7791	100,0	83086,4	100,0	100,0	10,7	10204	100,0	120528,0	100,0	11,8	11,8

[6] Списки: ЦГА КазССР, ф. 41, оп. 1: за 1882 г.— д. 330, за 1886 г.— д. 1116,1112, 1132; Подсчитаны волости: Большая Алматинская, Малая Алматинская, Ргайтинская, Талгарская, Джаланкубовская, Тургеньская, Калгутинская, Каскеленская. Подсчет выборочный.

Таблица 35

Расслоение казахских хозяйств Каскеленской волости Верненского уезда (по количеству скота)[7]

Группы хозяйств по количеству лошадей	1886 г. По подсчету покибиточных списков					Единиц скота на 1 хоз-во по укрупн. соц. группам
	Число хозяйств		Единиц скота в переводе на взрослую лошадь			
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во	
I. Не имеют скота	108		—		—	
II. Не имеют лошадей	65	37,4	377,1	14,3	5,80	4,7
III. Имеют 1 лошадь	630		3360,2		5,33	
IV. Имеют 2—3 лошади	694		6731,0		9,70	
V. Имеют 4—5 лошадей	290	52,2	4294,2	52,3	14,81	12,2
VI. Имеют 6—8 лошадей	138		2649,4		19,20	
VII. Имеют 9—13 лошадей	166		2849,5		24,56	
VIII. Имеют 14 и более	108	10,4	5878,5	33,4	54,43	39,0
Итого	2199	100,0	26139,9	100,0	11,91	11,9

Группы хозяйств по количеству скота	1906 г. По обследованию переселенческого района					Единиц скота на 1 хоз-во по укрупн. соц. группам
	Число хозяйств		Единиц скота в переводе на взрослую лошадь			
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во	
I. Не имеют скота	23		—		—	
II. Имеют менее 1 ед. скота	26	31,3	32,4	7,0	1,25	2,6
III. Имеют от 1 до 3 ед. скота	677		1830,4		2,70	
IV. Имеют от 3 до 10 ед. скота	985		7184,5		7,26	
V. Имеют 10—20 ед. скота	362	62,5	3813,3	52,7	10,53	9,7
VI. Имеют 20—30 ед. скота	105		3020,6		28,77	
VII. Имеют 30—50 ед. скота	82		3580,0		43,66	
VIII. Имеют 50—100 ед. скота	46	6,2	3786,3	40,3	82,31	74,5
IX. Имеют свыше 100 ед. скота	16		3354,9		209,68	
Всего наличных	2322	100,0	26602,4	100,0	11,46	11,46
Отсутствующих	345				9,97	9,97
Итого	2667					

Но такой тип расслоения аула, который совершался в условиях расширенного воспроизводства стада во всех социальных группах, в последний раз обнаруживается по источникам только в 80-х годах. Все последующие данные показывают новый тип расслоения — такой, который совершается в условиях кризиса животноводческого хозяйства. Продолжение подсчета за последующие годы по одной из волостей, учтенных в предыдущем подсчете, дано в таблице 35.

Каскеленская волость входит в число восьми волостей Верненского уезда, проанализированных в таблице 34. Она была расположена к северо-западу от гор. Верного, в культурный полосе предгорий. Сравнивая ее данные за 1886 год со средними данными по 8 волостям, обнаруживаем, что классовое расслоение в ней мало чем отличалось от общих данных. В ней несколько меньший процент бедноты, и она чуть меньше была обеспечена скотом, несколько богаче скотом две высшие группы — зажиточные и байство, а также среднее крестьянство. Эти отклонения только убеждают, что ее можно рассматривать как среднюю по своему экономическому развитию, и процессы, происходившие в ней за последние 20 лет, примерно типичными для всего уезда.

В таблице 35 сравниваются данные нашего подсчета по покибиточным спискам Каскеленской волости 1886 года с результатами обследования той же волости переселенческим районом в 1906 году[8]. По методу сбора данных и группировки хозяйств подсчеты таблиц не совсем сравнимы. Но мы пересчитали поголовье скота из данных обследования в крупный по тем же нормам, по каким подсчитаны наши данные за 70-е—80-е годы. В то же время группировка по укрупненным социальным группам произведена с максимально возможным сближением обеих таблиц в оценке принадлежности хозяйств к данной группе[9]. В результате сопоставление данных нашего подсчета с данными обследования становится достаточно правомочным, чтобы на нем базировать соответствующие выводы. Что же мы видим в таблице?

Количество наличных хозяйств в волости за 20 лет возросло на 5,8 процента. Но обследователи отметили, кроме того, 345 хозяйств «отсутствующих», иначе говоря, числившихся по последней переписи кибиток, но ушедших из аулов после переписи. С учетом отсутствующих рост числа хозяйств за 20 лет достигал 12,2 процента.

Надо полагать, однако, что утечка бедняцких хозяйств из волости за эти два десятилетия не исчерпывалась зарегистрированными «отсутствующими». Бедняки, потерявшие средства существования, уходили из аулов в города и русские поселения, а также за пределы области в поисках работы. На 1 января 1907 года царская администрация насчитывала в городах и русских селениях области 7,3 тысячи казахов и киргизов[10]. Но, конечно, были учтены не все. Бездомные, «кочующие» в поисках работы и пропитания бедняцкие семьи и одиночки, учету не подда-

---

[7] Списки за 1886 г.— ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9, д. 1132; подсчет наш. Данные за 1906 г.: т а м ж е, ф. 19, оп. 19, д. 1128. Обследование произведено статистиком В. Воронковым. Группировка обследователя в соответствии с его переводом скота в крупный. Перевод скота в единицы наш по тем же нормам, что и за 1886 г. По нему скота в единицах получено больше, чем у В. Воронкова, так как в нашем переводе не учтен возраст животных.

[8] В 1886 году Каскеленская волость была разделена на две волости — Чемолганскую и Джаилмышевскую. Но и наш подсчет и обследование охватывают территорию этих двух волостей в неизменных границах.

[9] Чтобы привести нашу группировку хозяйств в полное соответствие с группировкой В. Воронкова (во всех случаях аналогичных сравнений, которые последуют в дальнейшем изложении,— с группировкой П. П. Румянцева) необходимо было поголовье скота каждого подсчитанного нами хозяйства перевести в крупное, но у нас не имелось таких возможностей.

[10] Наш подсчет по данным «Обзора области за 1906 г.»

вались. Не учетены и ушедшие за пределы области, а между тем некоторые данные убеждают, что такие уходы были обычным явлением.

По подсчету чиновников, с 1883 по 1894 год из Семиречья за его пределы ушли на постоянное жительство 1019 кибиток, или 3675 душ обоего пола[11]. В 1901 году решением Областного присутствия Семиреченской области, с последующего утверждения туркестанского генерал-губернатора исключено из покибиточных списков области и снято с обложения кибиточной податью 739 кибиток[12], 12 июня 1908 года в таком же порядке исключены из числа жителей Семиречья 911 кибиток, о которых даже не установлено, где, в каких волостях они числились[13]. Даже эти отрывочные данные, далеко не исчерпывающие всех уходов, убеждают, что уходы казахов за пределы области на постоянное жительство принимали ощутительные размеры. Названные факты приблизительно раскрывают те каналы, куда растекались казахские и киргизские семьи, не имевшие средств существования в аулах.

В свете сказанного необходимо оценивать и состояние животноводства. Количество скота на наличное хозяйство за 20 лет сократилось на 9,6 процента, а с учетом отсутствующих — на 16,3 процента. Но так как уход бедноты из аула далеко не исчерпывался зарегистрированными «отсутствующими», то фактически снижение поголовья на хозяйство было значительно большим. Такие острые формы принял отмеченный выше кризис животноводства. Процесс расслоения казахских хозяйств по количеству скота за изучаемый период, в отличие от 70-х—80-х годов, проходил в условиях острого кризиса кочевого животноводства.

Какие же особенности в имущественном и классовом расслоении аула обнаруживаются данными таблицы 35?

Прежде всего видно, что за 20 изучаемых лет байство укрепило свою экономическую мощь. Байские хозяйства, составлявшие 10,4 процента от общего числа хозяйств, в 1886 году имели в своем распоряжении 33,4 процента стада. Через 20 лет число байских хозяйств сократилось до 6,2, а удельный вес их стада поднялся до 40,3 процента. У бедноты же поголовье скота сокращается. В 1886 году в волости насчитывалось 37,3 процента бедняцких хозяйств, они имели 14,3 процента стада. В 1906 году на 31,3 процента хозяйств, составивших бедняцкие группы, приходилось только 7 процентов стада. Особенно интенсивным представляется обеднение («обесскочивание») низших социальных групп, если учесть указанное «исчезновение» кибиток, т. е. уход бедноты из аулов. Среднее крестьянство также экономически ослабевает, как по удельному весу стада против количества хозяйств, так и по количеству скота на одно хозяйство (1886 год —12, 19, 1906 год —9,65 единицы на хозяйство).

Процесс расслоения крестьянства за изучаемые 20 лет проходил значительно интенсивнее, чем до 1886 года. Общий упадок животноводства прежде всего ударил по бедноте и значительно ослабил середняков. В то же время продолжался процесс усиления байства. Показанный в нашей таблице процесс обнищания крестьянства можно отнести только за счет описанного выше многообразия, размаха, силы, а главное — все большего и большего нарастания эксплуатации крестьянства как со стороны военно-феодального, так и со стороны капиталистического империализма. Царское господство завело животноводческое хозяйство в пучину кризиса, трудовое крестьянство — в полосу нарастающей с каждым годом нищеты.

В Сыр-Дарьинской области, по сравнению с Семиреченской, как по-

[11] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 13, д. 981, т. I, л. 149.
[12] Там же, л. 256.
[13] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 13, д. 163, т. II, л. 96.

казано выше, кризис животноводства, по крайней мере в начале XX века, был значительно глубже. Имеющиеся в нашем распоряжении данные о ходе имущественного и классового расслоения аула показывают, что оно и здесь проходило в основе своей в таком же виде, как в конце XIX— начале XX века в Семиречье. Сравним подсчет покибиточных списков за 1872 год с результатами обследования района этих волостей экспедицией И. Рылова в 1911 году (см. табл. 36).

Таблица 36

Расслоение казахских хозяйств Казалинского уезда (по количеству скота)[14]

Группы хозяйств по количеству лошадей	1872 г. Колымбасовская и Зонгарская волости. Наш подсчет			1911 г. II район обследования И. Рылова. Тугайная полоса по р. Сыр-Дарье				
	Количество хоз-в в % к итогу по соц. группам	Единиц скота в переводе на взрослую лошадь		Количество хоз-в по соц. группам		Единиц скота в переводе на взрослую лошадь		
		% к итогу	на 1 хоз-во	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во
I. Бедняки (без скота, без лошадей, с 1 лошадью)	68,2	40,3	10,0	6718	74,1	56435,7	47,0	8,4
II. Среднее крестьянство (от 2 до 8 лошадей)	22,4	28,0	21,8	2007	22,2	40757,7	34,0	20,3
III. Зажиточное крестьянство (от 9 до 22 лошадей)	5,6	13,3	40,1	239	2,7	11531,8	9,6	48,3
IV. Байство (23—50 лошадей)	2,5	9,2	63,4	71	0,8	6608,1	5,5	93,1
V. Крупное байство — феодалы (51 и более лошадей)	1,3	9.2	119.3	20	0.2	4672,4	3,9	233,6
Итого	100,0	100,0	17,4	9035	100,0	120005,7	100,0	13,2

Данные И. Рылова по тугайной полосе охватывают более обширную территорию, чем наш подсчет, но это один и тот же район. В этом отношении наш подсчет вполне сравним с обследованием И. Рылова по относительным показателям. Кроме того, нами внесена поправка в пересчет скота на крупный по обследованию И. Рылова, чтобы сделать его сравнимым с нашим подсчетом[15]. В результате получена таблица, достаточно точно отражающая процесс расслоения аула за 39 лет.

Район этот «Ревизией» К. К. Палена и И. Рыловым причислялся к районам «со слабым развитием земледелия». Выше отмечалось, что в районах слабо развитого земледелия кризис животноводства проявлялся острее, чем там, где земледелие было развито больше. Это подтверждается данными таблицы 36. Из нее видно, что в 1872 году в среднем на хозяйство приходилось 17,4 единицы скота, в 1911 году —13,2 единицы —

[14] За 1872 г.— см. табл. 28; за 1911 г.—«Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская обл. Казалинский уезд», Ташкент, 1913, стр. 205—206.

[15] По нормам перевода И. Рылова верблюд приравнивался к одной взрослой лошади, в нашем подсчете — к двум лошадям. Чтобы сделать данные обследования сравнимыми с нашими, мы внесли поправку только в пересчет верблюдов. Остальное оставлено, как в обследовании.

на 24,2 процента меньше[16]. Это означает, что животноводство района переживало глубокий кризис.

В 1908—1909 годах волости Зонгарская и Колымбасовская были обследованы К. К. Паленом, ревизовавшим край. По его данным о скоте, пересчитанном нами в крупный, оказалось, на одно хозяйство приходится 14,4 единицы скота, т. е. против 1872 года поголовье уменьшилось на 19 процентов. Но это снижение еще не достигло того уровня, какой был обнаружен спустя три года И. Рыловым.

Таким образом, приведенная таблица свидетельствует, а данные обследования К. К. Палена подтверждают, что имущественное и классовое расслоение и в данном случае, в конце XIX— начале XX века, совершалось в обстановке общего кризиса кочевого животноводческого хозяйства. Есть ли это случайное явление, относящееся, скажем, только к узкому району, представленному в наших таблицах, или в этом отражается общий для всей области процесс?

По состоянию статистики мы не располагаем цифровыми данными о развитии животноводства в Сыр-Дарьинской области в XIX веке, но кризисное состояние животноводства было очевидно для современников. Н. И. Гродеков в 1889 году, отмечая уменьшение размеров калыма и куна[17], рассматривает это как показатель упадка крупного животноводства. Н. Васильев в 1890 году путем ряда косвенных вычислений показывает наличие общего кризиса животноводства области. Знаменательно, что причиной кризиса, по мнению Н. Васильева, являлась многочисленная армия «разного рода хищников, присосавшихся к народу..., паразиты, быстро размножившиеся на народном теле»[18]. Внимательный наблюдатель, он уловил подлинную причину упадка кочевого скотоводства. При этом упадок отмечается им уже в 80-х годах, т. е. на целое десятилетие раньше установленного нами времени начала кризиса животноводства в Семиречье. Из этих свидетельств следует, что общий кризис кочевого животноводческого хозяйства безусловно имел место в Сыр-Дарьинской области уже в конце XIX века и, как показано выше, продолжался в XX веке. Как же происходил процесс расслоения в этой обстановке?

Таблица 36 показывает, что за 39 лет число бедноты возросло с 68,2 процента к общему количеству хозяйств в 1872 году до 74,1 процента в 1911 году, в то же время сократилась численность среднего крестьянства. Но механически нельзя принимать эти показатели за абсолютные. Уже показано выше, как с изменением структуры стада менялась значимость лошади в хозяйстве как показателя степени обеспеченности хозяйства скотом. Это явление рельефно обнаруживается и по разбираемой таблице. В I (бедняцкой) группе мы имеем снижение количества скота на хозяйство на 16 процентов, снизилось количество скота на хозяйство и во II (середняцкой) группе. Это означает, что если брать за показатель степени обеспеченности хозяйств не наличие или отсутствие лошади, а обеспеченность хозяйства скотом всех видов, то степень обнищания крестьянства будет выглядеть значительно рельефнее: в 1872 году бедняцких хозяйств будет насчитываться около 57,3 процента (а не 68,2, как в таблице). В 1911 году таких же хозяйств уже насчитывается 74,1 процента[19]. Удельный вес бедняцких хозяйств в ауле

---

[16] «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане», ч. II. Таблицы.

[17] Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889.

[18] Н. Васильев. Кочевники Туркестана. Самарканд, 1890, стр. 131.

[19] В таблице 29 к числу бедняков причислены хозяйства со значительно меньшим количеством скота на хозяйство, поэтому данные ее с показателями И. Рылова несравнимы.

за 39 лет возрос в 1,3 раза. Таким образом, по данным таблицы обнаруживается, что общий кризис животноводства крайне усилил обнищание крестьянства.

Надо при этом учитывать, что и в Сыр-Дарьинской области, должно быть, еще в больших размерах, чем в Семиречье, наблюдалось «исчезновение кибиток»— бегство бедноты из аулов. Это отмечено еще Н. Васильевым. Проанализировав официальную статистику, он пришел к выводу, что «число отдельных хозяйств прямо убывает». По его подсчетам, за 10 лет — с 1878/79 до 1887/88 года по Казалинскому, Перовскому, Чимкентскому, Туркестанскому и Ташкентскому уездам число кибиток (хозяйств) убыло на 6 процентов, по Аулие-Атинскому уезду прибыло на 3 процента. Особенно большая убыль отмечена Н. Васильевым в Ташкентском уезде. Там она достигла 16 процентов[20]. Это было только начало бегства бедняцких хозяйств из аулов. В дальнейшем оно, несомненно, возрастало, вместе с ростом нищеты в ауле. А это означает, что в цифрах обследования И. Рылова действительное положение бедноты приукрашено. Если бы мы получили возможность учесть все количество бежавших из аулов хозяйств за эти 39 лет, то возрастание удельного веса бедноты выразилось бы еще более высокой цифрой. Совершенно ясно, что кризис кочевого животноводческого хозяйства и в Сыр-Дарьинской области приводил к самому глубокому обнищанию крестьянства.

Иные процессы совершаются на противоположном полюсе аула.

Приведенное выше свидетельство Гродекова об уменьшении размеров калыма и куна относится к крупнейшим феодальным животноводческим хозяйствам. Здесь наблюдается процесс уменьшения количества хозяйств в высших группах. Если в 70-х годах, по нашему подсчету, в двух волостях еще было 122 хозяйства, обладавших крупным стадом — 23 и более лошадей, то в обследовании Рылова таких хозяйств на весь район зарегистрировано 91, причем крупнейших байско-феодальных было только 20 хозяйств.

Напомним также данные таблицы 30 о размерах стада, принадлежавшего султанам и волостным управителям Сергиопольского уезда в конце 60-х годов. Там только крупный скот — верблюды, лошади, коровы и быки — исчислялся многими сотнями голов. За последующее время и нашими подсчетами, и обследованиями Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей такого рода хозяйств зарегистрировано весьма небольшое количество. Все это говорит о том, что период ослабления экономического могущества титулованной знати отмечается упадком крупного феодального животноводства как в Семиречье, так и в Сыр-Дарьинской области.

Таким образом, становится совершенно ясно, что в приведенной таблице 36 в основном отразились те же процессы, происходившие в ауле, какие наблюдались и в Семиречье, с тою только разницей, что в Сыр-Дарьинской области, где товарные отношения были более развиты, они выражены четче и выпуклей, чем в Семиреченской.

Проследим те же явления по данным военно-конских переписей. Ознакомимся с нашими подсчетами архивных данных опытной переписи 1901 года по волостям, где она была проведена вполне доброкачественно (см. табл. 37).

Напомним уже сказанное во II главе, что при проведении военно-конской переписи в 1901 году в подавляющем большинстве волостей в нарушение инструкции безлошадные хозяйства учтены не были. В данной таблице произведен подсчет только тех волостей, где перепись проводилась с соблюдением инструкции, по которой требовался учет всех

[20] Там же, стр. 43.

хозяйств, а не только имеющих лошадей. Это делает показатели таблицы вполне точными.

Таблица 37

1901 год. Опытная военно-конская перепись[21]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Кожмамбетовская волость Джаркентского уезда		Восточно-Талгарская волость Верненского уезда		Карабуринская волость Аулие-Атинского уезда		Бугунская и Майликенская волость Чимкентского уезда		Всего по пяти волостям	
	кол-во хоз-в	% к итогу	кол-во хоз-в	% к итогу	кол-во хоз-в	% к итогу	кол-во хоз-в	% к итогу	кол-во хоз-в	% к итогу
I. Без лошадей	277	27,8	161	19,9	635	36,1	510	23,3	1583	27,5
II. С 1 лошадью	277	27,8	261	32,4	431	24,3	974	44,4	1943	33,7
III. С 2—3 лошадьми	143	14,4	193	23,9	293	16,6	299	13,6	928	16,1
IV. С 4—5 лошадьми	47	4,7	46	5,7	131	7,3	117	5,3	341	5,9
V. С 6—8 лошадьми	56	5,6	43	5,4	105	5,8	105	4,4	309	5,4
VI. С 9—13 лошадьми	63	6,3	55	6,8	74	4,2	88	4,1	280	4,9
VII. С 14—22 лошадьми	66	6,6	23	2,8	45	2,3	62	3,3	196	3,4
VIII. С 23—50 лошадьми	45	4,5	22	2,8	37	3,0	32	1,4	136 34	2,42
IX. С 50—100 лошадьми	19	1,9	2	0,2	8	0,4	5	0,2	5	0,6
X. Свыше 100 лошадей	4	0,4	1	0,1						0,08
Итого	997	100,0	807	100,0	1759	100,0	2192	100,0	5755	100,0

Сравнивая данные таблицы 37 с данными за 70-е и 80-е годы (табл. 28, 31, 32, 33, 34), устанавливаем, что по подсчетам по этим периодам не обнаруживается такого высокого процента бедноты, как в изучаемом случае. Безлошадные и однолошадные бедняцкие хозяйства в 1901 году в общем итоге по пяти волостям составляли 61,2 процента к общему количеству хозяйств, по Кожмамбетовской волости Джаркентского уезда —55,6 процента, по Восточно-Талгарской волости Верненского уезда —52,3 процента и т. д. В Семиреченской области, по рассмотренным данным 60-х, 70-х, 80-х годов, такого высокого процента безлошадных и однолошадных бедняцких хозяйств, как правило, не наблюдалось. В 1867 году по волостям Сергиопольского уезда таких хозяйств насчитывалось 18,8 процента, в 1870 году по Аягузской волости того же уезда — 17,2 процента, в 1874 году по Ргайтинской волости Верненского уезда — 46,8 процента, в 1882 году по восьми волостям Капальского уезда —42,7 процента и по восьми волостям Верненского уезда —48,3 процента, в 1886 году по тому же уезду —46,9 процента. Исключение представляют собою только 13 волостей Капальского уезда за 1870 год, в которых насчитывалось бесскотных, однолошадных и безлошадных хозяйств 59,5

[21] Списки: ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 8, дд. 37, 38, 40, 47, 48. Данные по волостям, где учтены не только хозяйства, имевшие лошадей, но и безлошадные. Подсчет наш.

процента, но это особенно бедные волости, пастбища и пашни которых были расхищены казаками.

То же и по Сыр-Дарьинской области: в 1872 году в Казалинском уезде бедноты, имевшей в среднем на хозяйство около 6 единиц скота[22], насчитывалось 18,8 процента. В 1901 году по Аулие-Атинскому уезду — 60,4 процента, по Чимкентскому —67,7 процента. Совершенно бесспорно, что приведенный подсчет данных военно-конской переписи по пяти волостям (табл. 36) свидетельствует о дальнейшем обнищании крестьянства к концу XIX века.

Вместе с тем на другом полюсе вырастает байство. Но все же баев, имевших сотни голов крупного скота (как это наблюдалось в Сергиопольском уезде в 60-х годах), по военно-конской переписи обнаруживается единицы. Процесс упадка старого многоскотного феодального хозяйства продолжался. Вместе с тем нарастал процесс образования нового типа многоскотных хозяйств — баев «черной кости». Уже в конце XIX века, как говорят приведенные данные, рост этого нового типа феодалов и полуфеодального-полукапиталистического байства протекал в ином виде, чем это совершалось в XVIII и первой половине XIX века. Он осуществлялся за счет интенсивного обнищания крестьянства — крестьянское стадо уменьшалось не только относительно байского, но и абсолютно. Подрывалась сама основа феодального строя, база благополучия феодалов — мелкое крестьянское скотоводческое хозяйство. Кризис животноводства был кризисом казахского феодализма.

В XX веке этот кризис продолжался в той же форме, а отсюда следует, что и классовое расслоение в ауле совершалось в условиях относительного и абсолютного обнищания крестьянства. Это можно проиллюстрировать на данных военно-конских переписей 1901 и 1912 годов в сопоставлении с нашими подсчетами покибиточных списков за 70-е и 80-е годы. Возьмем данные по Семиреченской области (см. табл. 38).

Предварительно необходимо сообщить, что указанное выше нарушение инструкции при переписи 1901 года — недоучет хозяйств, не имевших лошадей, в подсчетах Центрального статистического комитета (они разысканы в архиве) — привело к явно нелепым цифрам по этой социальной группе. Там показано: по Верненскому уезду —6,8 процента, по Капальскому —8,9 процента, по Лепсинскому уезду —6,3 процента безлошадных. По Джаркентскому уезду не учтено ни одного безлошадного хозяйства, а по области в целом в числе учтенных хозяйств оказалось только 3 процента безлошадных. Чтобы в какой-то степени восполнить этот пробел переписи и сделать ее данные сравнимыми с данными за 1912 год, мы приняли для 1901 года тот процент безлошадных, который получен нами в результате приведенного выше подсчета списков коневладельцев по двум волостям Семиреченской области, где инструкция по переписи не нарушалась. Это тоже, конечно, дает цифру, только приближенную к действительности, но, во всяком случае, она гораздо точнее, чем названные цифры Центрального статистического комитета.

Необходимо также сообщить, что в таблицах военно-конской переписи представлено все коневодство области, за исключением коневодства русского казачества. В нашем подсчете берется только коневодство казахских кочевых волостей. Тем не менее все же данные за 70-е—80-е годы являются сравнимыми с данными переписи, ибо в эти годы коневодство казахов по-существу представляло все коневодство области: уйгуров и дунган тогда в области не было, а коневодство русских в об-

[22] Однолошадные в их число не включены, так как они имели 11,7 единицы на хозяйство, таким образом, скорее принадлежали к среднему крестьянству, чем к беднякам.

щей системе коневодства занимало столь ничтожное место, что его своеобразные черты не могли оказать сколько-нибудь существенного влияния на данные нашего, и без того выборочного, подсчета. Для решения же вопроса о том, как протекал процесс имущественного и классового расслоения деревни в условиях кризиса животноводческого хозяйства, рассмотрение скотоводства у всего крестьянства в целом более показательно, чем рассмотрение коневодства только одного вида крестьянства — казахского.

Таблица 38

Расслоение крестьянства в казахских уездах Семиреченской области в конце XIX— начале XX века
(по количеству лошадей)[23]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Подсчет покибиточных списков по области за 1870 и 1882 гг.*		Военно-конские переписи**			
			1901 г.***		1912 г.	
	число хоз-в	% к итогу	число хоз-в	% к итогу	число хоз-в	% к итогу
I. Без лошадей	3990	54,9	12472	50,0	30890	66,1
II. С 1 лошадью	6294		13150		34176	
III. С 2—3 лошадьми	4426	36,9	10142	33,3	16337	26,3
IV. С 4—5 лошадьми	1693		4010		5372	
V. С 6—8 лошадьми	777		2951		4229	
VI. С 9—13 лошадьми	658	8,2	—		—	
VII. С 14 и более лошадьми	879		—		—	
VIII. С 9—20 лошадьми	—		5218	16,7	5289	7,7
IX. С 21—50 лошадьми	—		2443		1692	
X. С 51 и более лошадьми	—		928		477	
Итого	18717	100,0	51314	100,0	98462	100,0

* Капальский уезд —13 волостей и Сергиопольский —10 волостей за 1870 год.; Верненский —8 волостей за 1882 г. Подсчет выборочный.
** Без казачества, но включая русское, уйгурское и дунганское крестьянство.
*** Верненский уезд охвачен не полностью.

Какие выводы вытекают из таблицы 38?

За период с 1901 по 1912 год мы наблюдаем типичное для эпохи развитого товарного хозяйства расслоение крестьянства: быстро возрастает число бедняков, уменьшается количество середняков. Процесс расслоения протекает в условиях абсолютного и относительного обнищания крестьянства. Феодальное и полуфеодальное байство в аулах, кулаки — в русских поселках вырастают за счет экспроприации среднего и беднейшего крестьянства. Так, повторяем, было в начале XX века, в усло-

[23] Покибиточные списки: за 1870 г.— ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9, д. 139, л. 199; за 1882 г.— там же, д. 330; «Материалы опытной военно-конской переписи за 1901 г.»— ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 8, д. д. 37—48; «Военно-конская перепись 1912 г.» «Статистика Российской империи», LXXXIII. Пг., 1914, стр. 178—181.

виях общего кризиса животноводческого хозяйства, когда не могло быть и речи о расширенном воспроизводстве стада в крестьянском (бедняцком и середняцком) хозяйстве.

Но конец XIX века дает несколько иную картину процесса расслоения. Здесь наряду с уменьшением количества среднего крестьянства наблюдается также увеличение числа зажиточных хозяйств (VIII группа) и уменьшение числа бедняцких хозяйств. Это означает, что часть среднего крестьянства перешла в зажиточные, часть бедняков — в середняки. Такой процесс мог происходить только в условиях расширенного воспроизводства крестьянского хозяйства. Из приведенных выше данных видно, что такое положение сохранялось в Семиречье еще в 80-х годах. Кризис же животноводства начался, как уже отмечалось, примерно с середины 90-х годов. Видимо, приблизительно с этого времени началась и деградация крестьянского животноводства. Результаты же всего 20—30-летнего периода конца XIX века в целом отразились в переписи 1901 года, по которой, по сравнению с данными 1870—1882 годов, наблюдается наряду с ростом зажиточных и байских хозяйств также уменьшение удельного веса бедняцких хозяйств.

Надо, однако, не упускать из виду и другую сторону явления — изменение структуры стада. Вот справка по этому вопросу. По Верненскому уезду в 1882 году (наш подсчет) мелкий скот по стоимости в составе стада составлял 45,5 процента, в 1911 (по Румянцеву) —42,8 процента, по Сергиопольскому (Лепсинскому) уезду в 1870 году —45,5, в 1909—33 процента. С разной интенсивностью, но тенденция обнаруживается одна и та же: с течением времени мелкий скот в стаде животноводов занимает все меньшее и меньшее место. При этом по различным социальным группам этот процесс проявляется по-разному. В Верненском уезде за тот же период удельный вес мелкого скота в бедняцком стаде снизился с 47 до 7 процентов, у середняков — с 49,2 до 43,8 процента, а у зажиточных и баев — увеличился с 39,2 до 43,6 процента. В Сергиопольском уезде наблюдается та же тенденция, с тою, однако, разницей, что там и по группе зажиточных и баев доля мелкого скота сократилась с 41,9 процента (1870 год) до 33,9 процента (1909 год). Это отличие Сергиопольского уезда от Верненского объясняется более интенсивным процессом оседания кочевников в нем. В 1909 году в Сергиопольском уезде насчитывалось 28 процентов оседлых хозяйств против 15,9 процента в Верненском уезде в 1911 году[24].

Под влиянием развития земледелия основные виды крупного скота (лошади, коровы) приобретают все большее и большее значение в хозяйстве. При таком положении бедняки или середняки, продавшие своих баранов и купившие лошадей, даже имея фактическое уменьшение своего стада, могли из безлошадных или малолошадных при подсчете переходить в число однолошадных и многолошадных. Это говорит о том, что в снижении удельного веса безлошадных и уменьшении численности среднего (по количеству лошадей) крестьянства в 1901 году против 70-х—80-х годов играет роль не только еще продолжавшееся в этот период расширенное воспроизводство крестьянского животноводства, но и изменение структуры стада. Переход крестьянства от обладания мелким скотом к обладанию крупным в используемой нами статистике затемняет подлинный процесс обнищания крестьянства. На деле он был более глубоким, чем показывает наша таблица.

---

[24] Источники: 1) Списки: ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9, д. 199, 199в, 199к; оп. 1, д. 330; 2) «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. I— Лепсинский уезд. СПб., 1911; т. IV— Верненский уезд. СПб., 1913. В дальнейшем: П. П. Румянцев. Материалы по обследованию...

Противоречив также и кризис животноводства. Это был кризис кочевого животноводческого хозяйства. По мере перехода кочевников к земледелию, они выводили свое скотоводство из состояния кризиса. Земледельческое оседлое хозяйство также, развивая животноводство, вносило такой вклад в животноводческое хозяйство области, который ослаблял кризисные явления. Это означает, что в данных за 1912 год результат расслоения отражается в несколько смягченном виде, против того, каким он был в отдельно взятом кочевом животноводческом хозяйстве. Но об этом — в дальнейшем изложении.

Результаты военно-конских переписей по Сыр-Дарьинской области отображены в таблице 39.

Таблица 39

Военно-конская перепись Сыр-Дарьинской области. Казахские уезды[25]

Группы хозяйств по количеству лошадей	1901 г.		1912 г.	
	количество хоз-в	% к итогу	количество хоз-в	% к итогу
I. Без лошадей	29040	65,3	70111	75,6
II. С 1 лошадью	27842		54292	
III. С 2—3 лошадьми	15569		17879	
IV. С 4—5 лошадьми	3834	25,5	6411	17,6
V. С 6—8 лошадьми	2799		4652	
VI. С 9—20 лошадьми	4912		7575	
VII. С 21—50 лошадьми	2484	9,2	2892	6,8
VIII. С 51 и более лошадьми	660		712	
Итого	87140	100,0	164524	100,0

Как уже было сказано относительно военно-конской переписи по Семиреченской области, так и в данном случае необходимо иметь в виду, что, в силу нарушения инструкции учетчиками в 1901 году, безлошадные хозяйства недоучтены по Аулие-Атинскому и совершенно не введены в итоговый подсчет по Чимкентскому уезду. В Аулие-Атинском уезде, по подсчету Центрального статистического комитета, значится всего 8,2 процента безлошадных. По приведенному же выше нашему подсчету Карабуринской волости этого уезда, где инструкция по переписи не была нарушена, число безлошадных составило 36,1 процента от общего количества хозяйств. Две волости Чимкентского уезда также учтены без нарушения инструкции. Наш подсчет, как видно из таблицы 36, обнаружил в этих волостях 23,3 процента безлошадных, в сводной же таблице Центрального статистического комитета безлошадных по Чимкентскому уезду не показано ни одного хозяйства. В Казалинском уезде, по подсчету статистического комитета, безлошадные составили 47,5 процента, в Перовском — 30,3 процента: видимо, в этих двух уездах перепись проведена правильно. Уточняя подсчет безлошадных, мы оставили в нашей таблице по Перовскому и Казалинскому уездам данные статистического комитета, по Чимкентскому и Аулие-Атинскому уездам приняли процент безлошадных, определенный нашим подсчетом по названным волостям этих уездов: для Аулие-Атинского —36,1 процента, для Чимкентско-

[25] Источники те же, что и по Семиреченской области.

10—23,3 процента. Данные 1901 года, таким образом, стали сравнимыми с данными 1912 года.

Вместе с этим при чтении таблицы надо учитывать, что и в данном случае перепись охватывает и кочевое и оседлое коневодство.

Какие можно сделать выводы из таблицы 39?

Не будем сравнивать абсолютных данных, так как цифры показывают, что переписью 1901 года явно охвачены не все волости. Рассмотрим относительные показатели.

Сравнивая таблицу 39 с данными конской переписи по Семиречью, сразу обнаруживаем, что дифференциации сыр-дарьинской деревни (аул плюс оседлые поселения) шла значительно интенсивнее и была в XX веке более глубокой, чем в Семиреченской области. Это видно из таблицы 36, это подтверждается и в данном случае. Мы наблюдаем ярко выраженную (более ярко, чем в Семиречье) закономерность классового расслоения деревни, типичную для развитого товарного хозяйства: быстро растет количество бедноты, уменьшается количество среднего крестьянства. При этом, если в Семиречье хозяйства бедноты составляли в 1901 году 50 процентов, в 1912 году —66,1 процента всех хозяйств, то в Сыр-Дарьинской — соответственно 65,3 и 75,6 процента. Нищета деревни достигла огромных размеров, причем в Сыр-Дарьинской области еще больших, чем в Семиреченской.

Напоминаем, что цифры за 60-е—70-е годы показывали более глубокую классовую дифференциацию в Семиречье, чем в Сыр-Дарьинской области. Теперь же, через 45—50 лет, наблюдается обратная картина — дифференциация и степень обнищания деревни более глубоки в Сыр-Дарьинской области.

Все сказанное достаточно полно объясняет это явление. Мы видели, что товарные отношения в Сыр-Дарьинской области проникли в народное хозяйство значительно глубже, чем в Семиреченской, торговля скотом была развита шире, торгово-ростовщическая эксплуатация острее. А из этого вытекает, что и феодальная эксплуатация крестьянства здесь также была тяжелее, чем в Семиречье, ибо известна закономерность, что проникновение товарных отношений в поры феодального строя непременно усиливает феодальную эксплуатацию.

Рост байства нового типа в Сыр-Дарьинской области, еще в большей степени, чем в Семиреченской, совершался за счет истощения крестьянского хозяйства. О расширенном воспроизводстве крестьянского животноводства в XX веке не могло быть и речи. Упадок животноводства в Сыр-Дарьинской области, показанный выше на общих данных, был результатом упадка крестьянского животноводства. Остается повторить, что этим здесь, как и в Семиречье, подрывалась основа существования феодальных отношений: истощался мелкий производитель — крестьянин, база роста благополучия феодалов.

Переходим к вопросу о земледелии и расслоении аула по количеству посевов.

2. Расслоение аула по размерам посева

Казахское крестьянство Семиреченской области начало заниматься земледелием задолго до ее присоединения к России. «Русские нашли в Семиречье обширные оросительные системы и распаханные поля»,— писал в 1911 году известный обследователь Семиречья П. П. Румянцев[26].

[26] П. Румянцев. Условия колонизации Семиречья. «Вопросы колонизации», № 9, 1911, стр. 218.

Опрос казахских общин Капальского уезда экспедицией П. П. Румянцева (с каких пор они наряду со скотоводством занимаются также и хлебопашеством) показал, что из 156 опрошенных общин начали заниматься хлебопашеством давно, очень давно и свыше 100 лет назад, т. е. до 1810 года,—48 общин, или 31 процент; с 1810 по 1859 год —35 общин, или 22 процента; с 1860 и позже —73 общины, или 47 процентов[27]. По Верненскому уезду из 127 общин, показавших, с каких пор они занимаются земледелием, 43 общины, или 33,8 процента, занимались земледелием до присоединения к России[28]. Напомним, что Семиречье было присоединено к России в течение 1831—1863 годов.

То же самое необходимо сказать и о Сыр-Дарьинской области. О юго-восточной части Чимкентского уезда у Г. Логинова читаем: «Земледелием в обследованном районе начали заниматься очень давно. Есть указания, что посевы производились еще 100 лет назад, но, разумеется, в очень небольших размерах»[29]. Бывший начальник Казалинского уезда И. В. Аничков пишет о казахах Сыр-Дарьинской области: «Большая ошибка представлять себе киргизов (казахов.— *П. Г.*) исключительно скотоводами и кочевниками. Может быть, это было бы верно лет 50 тому назад (статья опубликована в 1896 году.— *П. Г.*), да и то нет, потому, что уже тогда, т. е. еще до прихода русских, киргизы на Сыре занимались земледелием, частью пользуясь заброшенными каракалпакскими арыками, частью проводя свои»[30]. А. К. Гейнс в 1886 году, проезжая в районе г. Перовска, наблюдал широко раскинувшиеся посевы. «Направо и налево тянулись зеленые пашни и бахчи...»,— сообщает он[31].

Отметим также сообщение такого очевидца, как дипломат-путешественник Евгений Скайлер (Eugene Schuyler). О своей книге «Туркестан» он говорит, что пытался дать в ней «свои впечатления о том, что я сам видел и что я узнал из моего общения как с русскими, так и с туземцами (natives)». Он проехал в начале 70-х годов через Казалинск, Перовск, Туркестан, а впоследствии через Аулие-Ату и Семиречье, побывал в Капале и Верном. Скайлер пишет: «Когда было установлено, что выращивать пшеницу — прибыльное занятие, киргизские султаны, а за ними и низшие слои населения с усердием принялись за земледелие»[32]. Это сообщение особенно важно. Впоследствии возникла официальная, но глубоко ошибочная версия, что земледелием в Казахстане занималась только беднота, потерявшая скот и поэтому вынужденная оседать на земле. Со слов живших в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях русских, а также представителей местных национальностей, Е. Скайлер сообщает, что уже с самого начала развития земледелия им занималась также и знать, богачи, «а за ними и низшие слои». Таков отмеченный им факт. Ниже увидим, что версия о земледельцах-бедняках как первых и единственных хлебопашцах совершенно не соответствует действительности.

Мы привели все эти свидетельства потому, что статистических данных о земледелии за время до завоевания края русскими абсолютно нет, а за период царского господства они появляются позднее. Но не только приведенные сообщения, а также и многие другие факты, в том числе

---

[27] «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», т. II. СПб., 1913, стр. 207. Пересчет на даты наш.

[28] Там же, том IV. СПб., 1913, стр. 188.

[29] Г. Логинов. Россия в Средней Азии. «Вопросы колонизации», № 4, 1909, стр. 31.

[30] И. В. Аничков. Забытый край. «Материалы для статистики Сыр-Дарьинской области». Ташкент, 1896, стр. 188.

[31] А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. II. СПб., 1898, стр. 222.

[32] Eugene Schuyler. Turkistan. Notes of a Joyrney in Russian Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja. London, 1876, v. I, p. VI and 37.

исследования некоторых советских историков, говорят о том, что казахи изучаемого края имели земледелие в системе своего скотоводческого хозяйства с давних времен. Однако представить степень развития земледелия до завоевания края Россией в ощутимых цифровых величинах пока не представляется возможным. Особые трудности встречаются при исследовании классовой принадлежности хозяйств, занимавшихся хлебопашеством. Обратимся к имеющимся статистическим данным.

Наиболее ранние статистические данные о степени проникновения земледелия в казахские аулы Семиреченской области относятся к 70-м годам. П. Хомутов, автор «Проекта отчета Кауфмана», широко использовал не только опубликованную, но и архивную статистику. Он приводит данные о земледелии за 1877 год (оговаривая, что по Капальскому уезду использованы сведения за 1872 год). По этим данным, по казахским уездам Семиреченской области было посеяно 256,6 тыс. пудов зерна и собрано 3045,1 тыс. пудов. В его распоряжении данные о количестве хозяйств, занимавшихся земледелием, были только по Сергиопольскому уезду. В этом уезде в 1877 году насчитывалось игинчей (земледельцев) 2563 кибитки при общем количестве кибиток 18068. Хозяйства занимавшиеся земледелием, таким образом, составляли 14,2 процента[33] всех казахских хозяйств.

Изучая ту же архивную статистику, какой пользовался П. Хомутов, мы обнаружили, что за 1878 год данные Семиреченской областной администрации о посевах сильно отличаются от данных П. Хомутова. По этим данным, в тех же уездах было посеяно 176,2 тыс. пудов зерна и собрано 2233,9 тыс. пудов, т. е. меньше, чем по данным П. Хомутова, на 31,7 процента по посеву и на 26,6 процента по сбору. Количество игинчей также названо только по Сергиопольскому уезду, но цифра тоже иная: общее количество кибиток по уезду показано 24515, а количество игинчей — 4188, т. е. 17,1 процента к общему количеству[34]. И в части количества кибиток, и в части количества игинчей данные областной администрации значительно выше данных П. Хомутова.

Из этой справки следует, что получить сколько-нибудь точные данные о том, какой процент хозяйств казахского крестьянства Семиречен-

Таблица 40

Земледелие в аулах Сыр-Дарьинской области в 70-х годах[35]

Уезды	1872 г.			1877 г.		
	число кибиток	в том числе игинчей	% игинчей к числу кибиток	число кибиток	в том числе игинчей	% игинчей к числу кибиток
Чимкентский	22581	8238	36,5	24005	8966	37,4
Туркестанский	13029	?	—	13033	4948	38,0
Аулие-Атинский	25333	14987	59,2	29316	20029	68 3
Перовский	20914	7021	25,6	20495	7115	34,7
Казалинский	13497	4340	32,2	19585	5981	30,5
Итого	95354	34586	36,3	106434	47039	44,2

[33] «Проект всеподданнейшего отчета... Кауфмана», стр. 292.
[34] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 9, лл. 56—87.
[35] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 564, лл. 197—288. Выборка из таблиц областного статистического комитета.

ской области занимался земледелием в 60-х—70-х годах, пока нет возможности. Будем считать показатель 14—17 процентов приближенным показателем степени вовлечения крестьян-животноводов в земледелие.

По Сыр-Дарьинской области мы располагаем более полными данными о количестве земледельцев среди казахского крестьянства (см. табл. 40).

Аничков был прав: уже в 70-х годах (а он писал 20 годами позднее) нельзя было представлять себе казахов Сыр-Дарьинской области исключительно кочевниками-скотоводами. Хлебопашцев среди них в 1877 году насчитывалось от 30 до 68 процентов, причем их количество против 1872 года и абсолютно, и по удельному весу в общем количестве хозяйств быстро возрастало.

Как возрастало количество хлебопашцев в дальнейшем, можно представить по следующей справке. По обследованиям чинов переселенческого района в Чимкентском уезде в 1906—1908 годах сеющие хозяйства составляли 60,6 процента, в Аулие-Атинском уезде в 1907—1909 годах —84,8 процента, в Перовском в 1910 году —74,8 процента, в Казалинском в 1911 году — 44,2 процента. Сыр-Дарьинская область быстро шла по пути перестройки своего хозяйства из животноводческого в животноводческо-земледельческое.

П. Хомутов, не имея материалов для определения степени развития земледелия в Семиречье, сделал обобщение, что в Семиречье земледельцев среди казахов «пропорционально не меньше, чем в Сыр-Дарьинской области»[36]. Не можем сказать, насколько он был прав для 70-х годов. Что касается позднейшего времени, то его утверждение оказывается близким к истине: по обследованию Румянцева, сеющих хозяйств было: в Верненском уезде в 1911 году 68,2 процента, в Капальском в 1910 году —75,4, в Лепсинском в 1909 году —76,6, в Джаркентском в 1910 году —68,5 процента. Иначе говоря, показатели примерно те же, что и по уездам Сыр-Дарьинской области. Процесс перестройки скотоводческого хозяйства казахов в скотоводческо-земледельческое достиг в XX веке примерно одного и того же уровня по обеим областям, но варьировался по разным уездам.

Но что представляли собою игинчи в классовом отношении?

У П. Хомутова читаем, что «половина, а может быть и более, всего числа игинчей экономически не составляют хозяев самостоятельных и работают на положении батраков и половинщиков, за счет более богатых кочевников, от которых они получают продовольствие, плату, орудия, семена для посева и рабочий скот»[37]. Это означает, что запашки примерно половины общего количества игинчей были не их запашками, а байскими. Беднейшая часть пахарей-игинчей была байскими батраками и издольщиками. Земледелие было не бедняцким, а байским...

То же подтверждает Аристов в 1871 году в официальной (неопубликованной) записке «О поземельном устройстве Семиреченской области». Он пишет: «... Теперь редкий киргиз (и казах.— *П. Г.*) не имеет пашни. Из этого, однако, не следует, чтобы все киргизы лично занимались земледелием. Пашут и производят все земельные работы игинчи — особый класс народа, земледельцы. Богатые, родовитые киргизы, вообще лучшая часть народа не любит жизни земледельца, вынужденного целое лето не покидать своей пашни... На пашнях остаются одни бедные игинчи... Люди среднего достатка или небогатые всегда ведут пашню через членов своих семей. Богачи же, естественно, нанимают работников. Игинчи — работнику хозяин (дает) земледельческое орудие, рабочий скот и семе-

[36] «Проект отчета...», стр. 295.
[37] Там же, стр. 295.

на. Вознаграждение за труд игинчи различно (в зависимости) от его собственных средств к обработке земли: если он имеет свой скот или орудия, то получает большую условную плату, если не имеет, то меньшую...»[38]. Вновь мы видим, что аульная беднота работала не на своих пашнях, а на байских на положении полузакрепощенного крестьянина.

После этого утверждать, как делают некоторые историки, что земледелие — это хозяйство потерявших скот бедняков, а богачи, имевшие скот, занимались только кочевым скотоводством,— значит не понимать социальных отношений в ауле.

Земледелие было переходом байства к новым формам эксплуатации крестьянства. Потеря скота для бедняка означала переход к кабальному труду на пашнях бая. Скайлер был прав: выгодность земледелия привела богачей к организации запашек. Они сажали на пашни зависимую от них бедноту. Вместе с тем и крестьянство организовывало запашки самостоятельно, но это была не беднота, а среднее крестьянство, имевшее рабочий скот. Не все игинчи были бедняками. Обратимся к нашему подсчету покибиточных списков (см. табл. 41).

Таблица 41

1870 год. Сбор зерновых казахами Сергиопольского и Капальского уездов (в капах)[39]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Сергиопольский уезд, 7 волостей, выборочно			Капальский уезд, 7 волостей, выборочно		
	число хоз-в	собрано зерновых, в капах*		число хоз-в	собрано зерновых, в капах	
		всего	на 1 хоз-во		всего	на 1 хоз-во
I. Без скота	362	504	1,1	109	602	5 4
II. Без лошадей	789	3617	4,7	697	5031	7,2
III. С 1 лошадью	853	5189	6,1	1105	9761	8,8
IV. С 2—3 лошадьми	628	4824	7,6	753	6671	8,7
V. С 4—5 лошадьми	246	1901	7,7	304	2617	8,5
VI. С 6—8 лошадьми	124	1015	8,1	186	1966	10,3
VII. С 9—13 лошадьми	59	489	8 1	107	973	9,9
VIII. С 14 и более	58	797	13.5	137	1132	8,2
Итого	3119	18336	5,8	3398	28753	6,7

* Кап — мешок (7—9 пудов). Не везде размер капа одинаков, а вес содержимого для разных культур разный. Перевести в пуды или другую точную меру не представляется возможным.

Для подсчета взяты только те волости, по которым в списках имелись сведения о посевах. Посевы были и в остальных волостях, но в списках они не учтены. Что же показывает наш подсчет?

По нему совершенно бесспорно, что чем выше социальная группа, тем в ней больше посева на хозяйство. Но возникает также вопрос, действительно ли посевы, которые в таблице 41 показаны как посевы бес-

[38] ЦГА УзССР, ф. 1, оп 14, д. 56, л. 37.

[39] Списки: ЦГА КазССР. ф. 44. оп. 9, д. 119, 199 в, 199 к и 139, волости Сергиопольского уезда: Чербактинская, Арганатинская, Алакульская, Эмильская, Маканчи-Кадыровская, Каракольская, Урджарская; по Капальскому уезду: Алтын-Эмельская, Байгалы-Канчилинская, Нижне-Каратальская, Южно-Прибалхашская, Борохудзирская, Биень-Кунджинская, Арасанская. Подсчет наш.

скотных и безлошадных хозяйств, являлись именно их посевами? Скорее всего эти участки засевали бедняки с помощью байского скота и инвентаря, и потому на деле это были посевы байские, с которых игинчи за свой труд получали лишь какую-то долю, а весь основной урожай принадлежал баю. Подтверждением этому является то, что как раз по Кагальскому уезду, где сбор зерна в первых двух социальных группах значительно выше, чем по Сергиопольскому, по высшим социальным группам (VII и VIII) сбор зерна на хозяйство меньше, чем по VI группе. Ясно, что при учете байские посевы, выполняемые бедняками издольно, могли быть занесены в покибиточные списки как пашни издольщиков.

Надо помнить, что в эти годы в изучаемом крае еще не сложилось индивидуальное землевладение. «В настоящее время,— писал Аристов в 1871 году,— каждый киргиз, желающий заняться земледелием, имеет возможность получить себе землю из общей родовой земли бесплатно»[40]. Земельная рента на пахотные земли еще не существовала. Для бедняка, начинающего пахать землю, главная трудность заключалась не в получении земли, а в получении рабочего скота и мертвого инвентаря, что он и получал от бая. Пашня становилась байской только потому, что она обрабатывалась байским скотом и инвентарем. В 1868 году полковник Николаев, которому Кауфманом было поручено разработать предложения по колонизации края, даже затруднялся определить, кому у казахов принадлежит распаханная земля —«бедному ли, берущему у богатого для обработки земли рабочий скот и семена и платящему за это две трети и три четверти урожая, или богатому, который, давая рабочий скот и семена, платит за труд рабочего одну четвертую урожая и редко более»[41]. Это говорит о том, насколько «необычны» с точки зрения «европейских» понятий были в изучаемом крае отношения земельной собственности в процессе возникновения и развития земледелия.

Частное землевладение на пахотные земли складывалось в крае в условиях вполне сложившейся собственности на скот и сельскохозяйственный инвентарь. В аулах с развитием земледелия развивалась борьба за землю — кому принадлежит запаханная земля. По адату и шариату, иначе говоря, по обычному праву, которым руководствовался низовой судебный аппарат при разрешении земельных споров, земля принадлежала тому, кто ее «оживил», и до тех пор, пока он ее обрабатывал. Ясно, что бедняк, севший на землю по велению бая, и бай, посадивший зависимого от него бедняка на землю и снабдивший его орудиями и средствами производства, каждый со своей точки зрения, считали пашню своей. И действительно, на той стадии формирования права собственности на землю трудно было понять, кому принадлежала земля, обрабатываемая издольщиком. Вопрос решался соотношением сил в борьбе за землю. Ясно, что если пахарь из средних слоев крестьянства, еще обладавший скотом, во многих случаях мог закрепить за собой «оживленную» им землю, то бедняку это не удавалось. Собственником участков, которые по велению бая запахивались «посаженными» на них зависимыми от бая бедняками с помощью взятого у него скота и инвентаря, становился бай.

В свете сказанного еще раз приходится отметить, что именно байство, в случаях перехода потерявшей скот бедноты к земледелию, организовало земледелие, привлекая для работы на пашнях бедноту.

Интересной иллюстрацией к этому положению является также таблица 42.

Расслоение аулов Аягузской волости по количеству скота мы уже

---

[40] Аристов. Цит. записка, л. 37.
[41] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 9а, л. 31.

рассмотрели выше. По таблице 42 рассмотрим процесс расслоения по посевам.

Таблица 42

Посевы Аягузской волости Сергиопольского уезда (в канах)[42]

Группы хозяйств по количеству лошадей	1873 г.					1877 г.				
	число хоз-в	посеяно		убрано		число хоз-в	посеяно		убрано	
		всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во		всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во
I. Без скота	—	—	—	—	—	37	6	0,2	32	0,9
II. Без лошадей	39	29	0,7	353	9,1	109	84	0,8	749	6,9
III. С 1 лошадью	54	53	0,9	892	16,5	198	205	1,0	2018	10,2
IV. С 2—3 лошадьми	150	180	1,2	2993	19,9	218	113	0,5	2360	10,8
V. С 4—5 лошадьми	213	230	1,1	3095	14,5	86	127	1,5	1094	12,7
VI. С 6—8 лошадьми	141	135	0,9	2014	14,3	36	43	1,2	362	10,0
VII. С 9—13 лошадьми	87	60	0,7	756	8,7	58	83	1,4	687	11,8
VIII. С 14—22 лошадьми	65	32	0,5	343	5,2	42	43	1,0	363	8,6
IX. С 23—50 лошадьми	21	4	0,2	51	2,4	40	71	1,8	485	12,1
X. С 51 и более	7	—	—	—	—	21	51	2,4	468	22,3
Итого	777	723	0,9	10497	13,5	845	826	0,9	8618	9,1

Обратим внимание, не столько на саму закономерность — вообще она примерно та же, что и по двум уездам,— сколько на нарушение закономерности. За 1873 год 7 хозяйств крупнейших скотоводов не показали своих запашек, а в 1877 году эта социальная группа имела наивысший посев и сбор на хозяйство. В то же время в 1873 году имеют посевы безлошадные и однолошадные хозяйства, т. е. хозяйства, которые без кредита скотом и инвентарем не имели возможности обрабатывать землю. Возможно, байство, кредитовавшее бедноту, еще не считало (и не настаивало, чтобы считать) их пашни своими, но от этого суть отношений эксплуатации не менялась. Через четыре года — в 1877 году появляется группа хозяйств, не имеющих скота, но и она имеет запашки и тоже, конечно, пользуется скотом и инвентарем, полученным в кредит от баев. Явно возросло количество закабаленных байству игинчей — издольщиков. В то же время байство бо́льшую (чем в 1873 году) долю пашен прямо объявило своею.

Несмотря на кажущееся различие между данными нашей таблицы и данными по двум уездам за 1870 год (табл. 41), по ней обнаруживаем те же явления в экономической жизни аула: рост земледелия, совершавшийся в условиях обеднения крестьянства, являлся так же ростом закабаления бедноты на пашнях.

Расслоение хозяйств по размерам посевов в середине 80-х годов в Верненском уезде отображено в таблице 43.

Наименьшие посевы у бесскотных и безлошадных хозяйств, наибольшие — в высших социальных группах. А так как большинство

[42] Списки: ЦГА КазССР, д. 44, оп. 3, д. 8 и 10а. Подсчет наш. Выборочно.

бедняцких хозяйств пахали также на бая, то и их посевы по существу являлись байскими. Важно отметить, что на этот раз многоскотные хозяйства еще большую долю запашек объявили своими, хотя они обрабатывались беднотой на кабальных условиях.

Таблица 43

1886 год. Расслоение казахских хозяйств восьми волостей Верненского уезда (по размерам посева)[43]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Количество хозяйств		Посеяно зерновых, четвертей			Собрано зерновых, четвертей		
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во	всего	% к итогу	на 1 хоз-во
I. Не имеющие скота	400	4,1	92		0,23	740		1,85
II. Не имеющие лошадей	578	5,9	765	34,9	1,32	4987	39,4	8,66
III. С 1 лошадью	3476	35,4	3994		1,14	28393		8,17
IV. С 2—3 лошадьми	2666	27,2	4637		1,73	24542		9,21
V. С 4—5 лошадьми	1055	10,7	1431	49,6	1,35	9275	44,6	8,79
VI. С 6—8 лошадьми	512	5,2	810		1,58	4763		9,3
VII. С 9—13 лошадьми	574	5,8	874	15,5	1,52	6204	16,0	10,81
VIII. С 14 и более	556	5,7	1277		2,29	7624		13,71
Итого	9817	100,0	13880	100,0	1,41	86528	100,0	8,81

По состоянию данных нет возможности проследить детально, как из года в год, из десятилетия в десятилетие байство сосредоточивало в своих руках не только скот, но и запашки. Проиллюстрируем этот процесс на общем сравнении нашего подсчета по Верненскому уезду с данными обследования того же уезда П. П. Румянцевым в 1911 году (см. табл. 44).

Сосредоточивая в своих руках поголовье скота, группа зажиточных и байских хозяйств одновременно сосредоточивала и посевные площади. За 20 лет по Верненскому уезду беднота снизила удельный вес своих посевов почти втрое, в то же время байская группа увеличила их более чем вдвое.

Возможно, что в этой передвижке сказалось также и то, что ко времени обследования Румянцева уже не было затруднений в том, как определить принадлежность запашек — байские они или нет, если на ней работает издольщик (как это было в 60-х годах). Но это общей картины все же не меняет. Несомненно, байство шло по пути перестройки своего хозяйства из скотоводческого в скотоводческо-земледельческое. Вместе с развитием земледелия оно расширяло свою эксплуататорскую деятельность, распространяя ее и на крестьян-земледельцев.

Посмотрим, как шло расслоение хозяйств по размерам посева по Сыр-Дарьинской области.

---

[43] Списки: ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9, дд. 115, 1132, 1105, 1116. Волости: Большеалматинская, Каскеленская, Чужинская, Чемолганская, Джалакузевская, Талгарская, Ргайтинская, Тургеньская. Подсчет наш.

Как уже сообщено, покибиточные списки в Сыр-Дарьинской области в XIX веке не составлялись. В архиве удалось обнаружить списки хозяйств Казалинского уезда, составлявшиеся в связи с голодом 1891 года с целью определить хлебный баланс. Воспользуемся подсчетом этих списков для показа расслоения хозяйств по размерам посева (см. табл. 45).

В таблице 45 подвергнуты подсчету только аулы с хозяйствами, имевшими посевы. Сеющих хозяйств по 11 волостям насчитывалось 9485, но так как по некоторым аулам списки оказались недоброкачественными, в подсчет вошли только 8678 хозяйств — 91,5 процента от общего количества сеющих хозяйств.

Подсчитанными хозяйствами, однако, не исчерпывалось все сельское хозяйство этих волостей. Его структуру можно видеть по последующей справке. Авторы списков в названных волостях во время учета в 1891 году насчитывали 13 688 хозяйств. Из них имели запашки 9483 хозяйства.

Таблица 44

Верненский уезд. Распределение посевов по социальным группам*

Социальные группы	Распределение посевов, % к итогу	
	1886 г., 8 волостей. Наш подсчет покибиточных списков	1911 г. Обследование экспедиции П. П. Румянцева
I. Бедняки	34,9	12,2
II. Среднее крестьянство	49,6	53,8
III. Зажиточные и байство	15,5	34,0
Итого	100,0	100,0

* Признаки отнесения хозяйств к группам см. в таблицах 13 и 14.

Таблица 45

1891 год. Расслоение хозяйств 11 волостей Казалинского уезда (по размерам посева)[44]

Группы хозяйств по размерам посева	Количество хозяйств		Площадь посева, дес.		
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во
I. Не сеют	206	2,30	—	—	—
II. Засевают до 1 дес.	3462	39,90	2578,2	16,80	0,74
III. Засевают от 1,01 до 2,0	3043	35,10	5525,3	35,90	1,82
IV. Засевают от 2,01 до 3,0	1251	14,40	3557,5	23,20	2,84
V. Засевают от 3,01 до 5,0	550	6,40	2580,7	16,80	4,72
VI. Засевают от 5,01 до 9,0	151	1,72	971	6,30	6,43
VII. Засевают от 9,01 до 14,0	14	0,17	152	0,91	10,8
VIII. Засевают от 14,01 и более	1	0,01	15	0,09	15,00
Итого	8678	100,00	15379,7	100,00	1,77

[44] Списки: ЦГА КазССР, ф. 267, оп. 1, д. 271, волости: Ак-Тугайская, Каратюбинская, Актюбинская, Каракульская, Сарытугайская, Костамская, Кугербаевская, Карабас-Тугайская, Ак-Кырская, Куан-Дарьинская, Макбельская. Подсчет наш.

(69,8 процента). Остальные 4203 хозяйства (30,2 процента) запашек не имели, вели исключительно кочевой образ жизни. Некоторые хозяйства из числа имевших запашки также кочевали. Таких хозяйств насчитывалось 3785, т. е. 39,9 процента хозяйств, имевших запашки. Хозяйств, занимавшихся только земледелием, было 5700. К общему количеству хозяйств это составляло 41.6 процента.

Выше, из таблицы 40, можно видеть, что в 1877 году в Казалинском уезде игинчи составляли только 30,5 процента к общему количеству хозяйств. Для 1911 года, по данным обследования Рылова, мы определили, что число хозяйств, имевших запашки в уезде, достигло 49,2 процента. В 1891 году в волостях, вошедших в наш подсчет (табл. 45) как наиболее земледельческие в уезде, насчитывалось земледельцев 69,8 процента. Несомненно, количество хозяйств, имевших запашки, возрастало, но не по всем районам равномерно.

Природные условия низовьев Сыр-Дарьи были своеобразны. Здесь сложилось разделение труда между кочевниками, пасшими скот в степи, и земледельцами обрабатывавшими землю у берегов Сыр-Дарьи. Кочевники-скотоводы, прибывая на зимовки на Сыр-Дарью, выменивали у хлебопашцев хлеб на скот, хлебопашцы у кочевников — скот на хлеб.

В архиве обнаружена интересная записка без подписи, описывающая присырдарьинскую Караузекскую волость Перовского уезда[45]. По ней можно судить о земельных отношениях в присырдарьинской части области.

Здесь было очень сильно родовое начало. Власть родовой общины над отдельным юртовладельцем была очень велика. «Перед выступлением на весенние пастбища,— говорится в записке,— киргизы сообща определяют места для посевов и кочевок, а затем выходят на кочевки все сразу» (л. 2). Собственность на пашни еще не сложилась. «Кто копал арык, тот и имеет право пользоваться им...», далее: «...Если арык выкопан давно, при дедах или прадедах — это не меняет положения вещей: «наши деды работали на нем,— говорят сплошь и рядом киргизы,— значит наш арык» (л. 6). «... В пользовании отдельного хозяина находятся лишь их усадьбы и клеверники. Все остальное — общее. Пашнями и сенокосами пользуются сообща или целый род, или отдельная ветвь его, а пастбищами — все киргизы, живущие вблизи данного угодья... Пашни почти всегда находятся в общинно-родовом пользовании. Земля сама по себе, собственно, не ценится — ценятся арыки, проведенные для орошения этой земли. Здесь род и трудовое начало стоят во главе угла» (л. 12).

В таких условиях совершалось отраженное в нашей таблице 45 расслоение хозяйств по размерам посевов. Совершенно ясно, что размер пашни в каждом отдельном случае зависел от обеспеченности земледельца рабочим скотом и инвентарем. Как в Семиречье, так и здесь — в Казалинском уезде,— главная трудность для бедняка заключалась не в получении земли, а в получении скота и инвентаря. Имеющий скот получал и право пользования водой. Власть феодала над пахарем обусловливалась его властью над водой и скотом.

В 1898 году Л. Чермак обследовал земледелие в соседнем с Казалинским уездом районе — в низовьях реки Чу. Он сообщает, как разлагалось охарактеризованное выше родовое начало пользования водою и землей. «Так, например, пришедшие сюда богачи аргынцы,— говорит Л. Чермак,— ввели неизвестный до них посев исполу». Чермак приписывает введение издольной обработки земли одному богатому торговцу

[45] ЦГА КазССР, ф. 232, оп. 1, д. 506. По всем признакам записка принадлежит начальнику Перовского уезда. Датирована 11 мая 1910 года. Ссылки на листы дела в тексте.

казаху, который «захватил в свои руки один из лучших таганов (головной арык)... и предложил беднякам брать у него семена на посев, в которых они так нуждались, а ему отдавать, кроме семян, еще половину урожая. И вот теперь испольный посев привился на Чу и, говорят, очень распространен, хотя нам и не удалось зарегистрировать этого явления, так как киргизы (казахи.— *П. Г.*) почему-то скрывали испольщину»[46].

Именно «испольный посев» и был «очень распространен». Беднота вела свои запашки, пользуясь ростовщическим кредитом байства.

Трудно, конечно, определить, какая доля запашек, отраженных в таблице 45, обрабатывалась испольно, а какая принадлежала среднему крестьянству, имевшему свой скот и инвентарь, но несомненно, что значительный процент пахавших хозяйств были издольщики. Об этом говорят также и незначительные размеры запашек: более 5 десятин посева имели только 1,9 процента хозяйств, остальное — это мелкие запашки до 5 десятин.

Издольщина в это время не была изолированным явлением, скажем, только одного присырдарьинского района, она царила по всей области.

В 1868 году А. К. Гейнс отметил, что общинники «игинчи сеют для себя, а не для своего рода. Посевом делятся с богатыми родственниками, которые летом забирают скотину игинчей и кочуют с нею по степи»[47]. Здесь издольщина, видимо, была выражена не столь ярко, что А. К. Гейнс изображает ее как сотрудничество. Но в 80-х годах Н. И. Гродеков сообщает совершенно определенно: «У земледельцев существует вид найма рабочих на паях: состоятельные дают работнику пропитание и семена и одолжают свой скот, землю и орудия на время полевых работ. Рабочий получает вознаграждение из урожая, смотря по условию, от $^1/_4$ до $^1/_2$ его. Нет урожая, нет и вознаграждения»[48].

Несомненно, что по всей Сыр-Дарьинской области земледелие развивалось не только крестьянством, производившим запашки как подспорье к скотоводству, но и байством, сажавшим на землю зависимую от него бедноту. Е. Т. Смирнов, говоря о земледелии на Сыр-Дарье, сообщает, что игинчи там появились «еще до нашего занятия». Из его слов следует, что сначала земледелие еще не было связано с кабальной издольщиной. Но скоро, «видя приносимую ими (игинчами.— *П. Г.*) пользу, их начали поддерживать богатые и влиятельные кочевники, не упускавшие, однако, случаев эксплуатировать в свою пользу труд этих степных париев. Еще с того времени (т. е. до завоевания края царской Россией.— *П. Г.*) на севере повелся у киргизов обычай ссужать игинчей деньгами и рабочим скотом с условием дележа урожая, разумеется с львиною долею для богача-кочевника»[49].

На цитированной работе Е. Т. Смирнова явно сказалась уже существовавшая в это время чиновничья версия о том, что казахи, по своей природе — номады, всегда предпочитали кочевой образ жизни оседлому земледельческому, приступали к распашке земли только в силу вынужденной потери скота. Тем не менее и из его свидетельства видно, что и на Сыре баи организовали феодальное земледельческое хозяйство, сажая на пашни бедноту, снабжая ее скотом и всем необходимым для выполнения сельскохозяйственных работ с тем, чтобы присвоить себе

---

[46] Л. Чермак. Оседлые киргизы-земледельцы на р. Чу. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. XXVII. Омск, 1900, стр. 9—10.

[47] А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. II, стр. 375.

[48] Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1889, стр. 118.

[49] Е. Т. Смирнов. Задичавшая страна. «Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области». Ташкент, 1895, стр. 7—8.

урожай, а с работником расплатиться натурой из урожая. Решала вопрос не «природа» номада, а естественные экономические процессы, происходившие в самом строе животноводческого хозяйства. С неотвратимой силой кочевое скотоводство шло по пути перестройки в скотоводческо-земледельческое хозяйство. Но это совершалось в условиях феодальных отношений и развития новых форм феодальной кабалы.

В таблице 46 проиллюстрировано, как в тех же волостях с течением времени перераспределялись посевы между основными социальными группами аула (см. табл. 46).

Таблица 46

Расслоение казахских хозяйств в волостях Казалинского уезда (по размерам посева)[50]

Группы хозяйств по размерам посева	1891 г. Актугайская волость. Наш подсчет по покибиточным спискам					1908/09 г. Актугайская и Джамансырская волости. Обследование К. К. Палена				
	Число хозяйств		Площади посевов, дес.			Число хозяйств		Площади посевов, дес.		
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во
I. Не сеющие	—	—	—	—	—	47	8,1	—	—	—
II. Сеющие до 2 дес.	562	90,1	693,5	75,1	1,23	390	68,4	466,29	51,1	1,19
III. Сеющие от 2,01 до 5 дес.	57	9,5	206	22,3	4,47	129	22,1	385,60	42,1	3,00
IV. Сеющие свыше 5 дес.	3	0,4	24	2,6	6,0	14	2,4	59,98	6,7	4,28
Итого	622	100,0	923	100,0	1,48	580	100,0	911,87	100,0	1,57

Актугайская и Джамансырская волости в «Ревизии» К. К. Палена характеризуются как «волости с развитым земледелием». Так как в числе подсчитанных нами волостей оказалась одна из них — Актугайская,— мы делаем сравнение нашего подсчета по этой волости с данными «Ревизии». Сравнение показывает, что при общем увеличении среднего количества посевов на одно хозяйство в волостях, с одной стороны, появляются беспосевные, с другой стороны, возрастает процент хозяйств, имеющих посевы свыше двух десятин. И в данном случае мы наблюдаем процесс перераспределения посевов в сторону зажиточных и байства.

Как распределялись посевы в 1908/09 году в двух волостях, обследованных Паленом, между группами хозяйств, имеющих различное количество лошадей, можно видеть по таблице 47.

По данным этой таблицы мы наблюдаем буквально такую же картину, как и по Семиреченской области: сеют в большинстве безлошадные и однолошадные хозяйства. Несомненно, они сеют с «помощью» баев, ссужающих им рабочий скот и прочее. В то же время хозяйства из V—байской группы больше 5 десятин не засевают: бедняцкие запашки — это байские запашки, с которых бан получают за ссуженный скот и инвентарь львиную долю урожая.

---

[50] Списки: ЦГА КазССР, ф. 267, оп. 1, д. 271, лл. 232—247. Данные К. К. Палена.— «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане», ч. II, таблицы.

Таблица 47

Распределение посевов Актугайской и Джамансырской волостей между группами хозяйств
(по количеству лошадей)[51]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число хозяйств				
	всего	не сеющих	сеющих до 2 дес.	сеющих от 2,01 до 5 дес.	сеющие свыше 5 дес.
I. Без лошадей	126	17	98	11	—
II. С 1 лошадью	333	19	251	61	2
III. С 2—5 лошадьми	99	7	35	48	9
IV. С 6—13 лошадьми	15	4	4	4	3
V. С 14 и более	7	—	2	5	—
Итого	580	47	390	129	14

Таким образом, мы устанавливаем по всему Югу Казахстана, что процесс перестройки животноводческого хозяйства в животноводческо-земледельческое, происходивший в условиях обнищания (обесскочивания) крестьянства был процессом феодального закабаления бедноты на пашнях. Перестраиваясь по своему типу, сельское хозяйство тем не менее оставалось по преимуществу феодальным.

3. Общие итоги имущественного и классового расслоения аула

В таблице 48 подведен общий итог имущественного и классового расслоения аула по данным обследований экспедициями Переселенческого управления, которые производились за время с 1906 по 1913 год.

Наша сводка (табл. 48) показывает, что в общей сложности по двум областям была обследована 231 тысяча казахских хозяйств, из них 100 тысяч хозяйств, т. е. около 43 процентов,— бедняцкие хозяйства, почти не имеющие средств существования в ауле, непременно нуждающиеся в сторонних заработках для своего пропитания. Но и хозяйства, вошедшие в группу II как средне-крестьянские, также в значительной своей части нуждались в сторонних заработках. Особенно это относится к Семиречью, где при сведении данных Румянцева в укрупненные группы мы были вынуждены хозяйства с количеством скота от 3 до 8 единиц причислить к середняцким, хотя многие из них были также бедняцкими, не могущими жить без сторонних доходов. Если в этой части внести поправку в таблицу, то по Семиречью число наличных бедняцких хозяйств, очевидно, достигнет 30—40 тысяч. Тогда общее количество бедноты по двум областям составит 110—120 тысяч хозяйств, т. е. более 50 процентов общего их количества. Эта цифра скорее преуменьшена, чем преувеличена, так как, по данным военно-конских переписей (таблицы 38 и 39), она в 1912 году была еще выше — по Семиреченской области 61,1 процента, по Сыр-Дарьинской —75,6 процента. Данными обследований подтверждаются уже сделанные выше выводы о том, что в результате всех описанных выше видов эксплуатации крестьянства шел интенсивный процесс его относительного и абсолютного обнищания, достигший в XX

[51] Там же. Таблицы.

Таблица 48

Общий итог классового расслоения в казахских аулах по данным обследований Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей[52]

1906—1913 гг. Сыр-Дарьинская обл. Чимкентский, Аулие-Атинский, Казалинский и Перовский уезды			1909—1911 гг.. Семиреченская обл. Верненский, Капальский, Лепсинский, Джаркентский уезды.		
Группы хозяйств по количеству лошадей	Число наличных хозяйств	% к итогу	Группы хозяйств по количеству скота	Число наличных хозяйств	% к итогу
I. Без скота, без лошадей, имеющие одну лошадь	81173	61,7	I. Без скота, имеющие до 3 ед. скота	18851	18,9
II. Имеющие от 2 до 8 лошадей	37439	28,4	II. Имеющие от 3 до 25 ед. скота	65720	66,0
III. Имеющие от 9 до 22 лошадей	9300	7,1	III. Имеющие от 25 до 100 ед. скота	13789	13,8
IV. Имеющие 22 и более лошади	3756	2,8	IV. Имеющие более 100 ед. скота	1260	1,3
Итого	131666	100,0	Итого	99620	100,0

Таблица 49

Степень развития земледелия по уездам Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей[53]

Области и уезды	Общее кол-во наличн. хоз-в	Общее кол-во сеющих хоз-в	% сеющих хоз-в к наличн. хоз-вам	Посева на 1 сеющее хоз-во, дес.	Год обследования
Семиреченская область					
Верненский уезд	26794	21238	79,3	5,2	1911
Капальский „	33931	25580	75,4	2,4	1910
Лепсинский „	26301	20450	77,7	1,8	1909
Джаркентский „	14594	10003	68,5	1,1	1910
Сыр-Дарьинская область					
Чимкентский уезд	53327	32312	60,6	8,8	1906—1908
Аулие-Атинский „	44947	38105	84,8	4,2	1907—1909
Перовский	23689	17722	74,8	1,8	1910
Казалинский „	24223	12088	49,9	1,9	1911

[52] Источники: 1) «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области»: Чимкентский уезд, т. I. Ташкент, 1908; Чимкентский уезд, т. II, вып. 1, Ташкент, 1910; Чимкентский уезд, т. II, вып. 2. Ташкент, 1910; Аулие-Атинский уезд. Ташкент, 1911; Перовский уезд, Ташкент. 1912: Казалинский уезд, Ташкент, 1913; район реки Чу и низовье реки Таласа. Ташкент, 1915; 2) «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области»: т. I — Лепсинский уезд. СПб., 1911; т. II — Капальский уезд. СПб., 1913; т. III — Джаркентский уезд. СПб., 1912; т. IV — Верненский уезд. СПб., 1913.

[53] Источники те же.

веке поистине невиданных размеров. Вместе с тем подтверждается также и вывод о том, что обнищание крестьянства в Сыр-Дарьинской области, более передовой по степени развития товарных отношений, достигло и более высокой степени, чем в Семиреченской.

Как влияло на имущественную и классовую дифференциацию аулов развитие земледелия?

Из таблицы 49 видно, что земледелие не во всех уездах развивалось в одинаковой степени.

Наибольшее количество запашек на одно сеющее хозяйство было в Чимкентском и Верненском уездах. Развитию земледелия здесь содействовали не только благоприятные природные условия, но и близость к крупнейшим городам края: Чимкентский уезд — к экономическому центру Туркестана — Ташкенту, Верненский — к областному центру Семиречья — Верному. Эти города представляли собою не только скотоводческий рынок, но и хлебный.

Вместе с тем обращаем внимание на то, что в Чимкентском уезде при относительно малом проценте сеющих хозяйств (60,6) обнаруживается самый высокий размер запашек на одно хозяйство. Это вызвано тем обстоятельством, что в уезде к тому времени сложилось разделение труда между горным районом, по преимуществу скотоводческим, с одной стороны, и долинным, где развивалось земледелие, с другой. Долинные земледельцы в лице горных скотоводов имели покупателей хлеба. Это также давало стимул развитию крупного производства хлеба для продажи.

Аулие-Атинский и Капальский уезды принадлежат к средним по размерам посевов на сеющее хозяйство, однако число земледельцев и здесь очень высоко, особенно в Аулие-Атинском,— в обоих уездах значительно выше, чем в Чимкентском, почти столько, как в Верненском уезде.

Остальные уезды можно причислить к потребляющим хлеб животноводческим уездам: Лепсинский и Джаркентский обеспечивались семиреченским хлебом, Перовский и Казалинский — по преимуществу привозным из России.

В результате развития казахского земледелия постепенно сглаживалось разделение труда между казахским скотоводческим и оседлым земледельческим хозяйством, но сглаживалось неравномерно — в более отсталых уездах медленнее, чем в более передовых, развивавших земледелие быстрее.

Общий вывод из таблицы 49 сводится к тому, что казахское хозяйство изучаемого края в XX веке уже нельзя считать только скотоводческим. Земледелие у казахов было развито настолько широко, что их хозяйство уже приближалось к типу животноводческо-земледельческого.

Как этот процесс проявился в хозяйствах различных социальных групп? Данные по Семиречью приведены в таблице 50.

Данные таблицы 50 окончательно опровергают версию о том, что земледелием по преимуществу занималась беднота.

Среди бедноты и среднего крестьянства процент не сеющих меньше, чем среди полуфеодального и феодального байства; но наиболее крупные посевные площади принадлежат высшим группам хозяйств (по количеству скота) — многоскотным байским хозяйствам.

Изучая таблицы, убеждаемся, что если принять во внимание не только расслоение хозяйств по количеству скота, но и идущее параллельно с ним расслоение по площади посева, то классовая дифференциация аула будет выглядеть значительно выпуклей: высшие эксплуататорские группы — III и IV— являются не только обладателями крупнейших стад, но и собственниками обширных посевных площадей.

Таблица 50

Дифференциация размеров посевов между группами хозяйств (по количеству скота) в казахских уездах Семиреченской области[54]

Группы хозяйств по количеству скота	Всего наличных хозяйств	Без посева		Имеющих посева, дес.					
				до 7		от 7 до 15		15 и более	
		всего хоз-в	% к наличным	всего хоз-в	% к наличным	всего хоз-в	% к наличным	всего хоз-в	% к наличным
I. Без скота и имеющие до 3 ед. скота	18850	4655	24.7	13799	73,2	384	2,0	12	0,1
II. От 3 до 25	65420	13075	19.9	48850	74,8	3247	4,9	248	0,4
III. От 25 до 100	14669	4057	27,7	8844	60.3	1416	9.6	352	2,4
IV. Свыше 100	380	110	28,9	166	43,7	45	11,8	59	15,6
Итого	99319	21897	22,0	71659	72,1	5092	5,1	671	0,7

Та же картина повторяется и в Сыр-Дарьинской области. Возьмем наиболее передовой в отношении развития земледелия Чимкентский уезд. В таблице 51 показано, как распределялись в нем посевы между различными группами хозяйств аула по количеству имеющихся у них лошадей

Таблица 51

Дифференциация размеров посевов между группами хозяйств (по количеству лошадей) в Чимкентском уезде (1906—1908)[55]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Всего наличных хоз-в	Без посева		Имеющих посевы, дес.					
				до 9		от 9 до 20		Более 20	
		всего хоз-в	% к наличным	всего хоз-в	% к наличным	всего хоз-в	% к наличным	всего хоз-в	% к наличным
I. Без лошадей и с 1 лошадью	25636	4428	17,2	17385	67,8	3606	14,1	217	0,8
II. От 2 до 13 лошадей	11528	1603	13,9	6095	52,8	3276	28,4	554	4,8
III. От 14 до 50 лошадей	952	85	8,9	331	34,7	348	36,5	188	19,7
IV. От 51 и более	84	17	20,2	17	20,2	19	22,6	31	36,9
Итого	38200	6133	16,0	23828	62,3	7249	18,9	990	2,6

Если сравнивать эти данные с данными по Семиреченской области, то обнаружится, что крупное казахское земледелие здесь было развито значительно шире, чем в Семиречье. В высшей социальной группе —50 и более лошадей — почти 37 процентов хозяйств имели посевы более 20

[54] «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева»: т. I— Лепсинский уезд. СПб., 1911; т. II— Капальский уезд. СПб., 1913; т. III — Джаркентский уезд. СПб., 1913; т. IV — Верненский уезд. СПб., 1913. Выборка из таблиц.

[55] «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные чинами Сыр-Дарьинского переселенческого района. Сыр-Дарьинская обл.», т. I. Ташкент, 1908; т. II, вып. 2. Ташкент, 1910. Выборка из таблиц. Подсчет наш.

десятин на хозяйство. В группе III—14—50 лошадей — такими же размерами посевов обладало около 20 процентов хозяйств. Вообще же 18,9 процента казахских хозяйств засевали от 9 до 20 десятин и 2,6 процента — свыше 20 десятин.

Это означает, что развитие земледелия в казахских аулах шло в направлении все большего и большего роста таких крупных феодальных хозяйств, которые, будучи крупными скотоводами, являлись и крупными посевщиками. Вырастал новый тип феодала. Если в XVIII— первой половине XIX века феодальная власть байства над крестьянством базировалась главным образом на обладании крупными стадами скота, то теперь — в конце XIX— начале XX века — она базируется также и на обладании крупными посевными площадями. И чем дальше в своем развитии продвигалось земледелие, тем это явление проявлялось рельефнее и рельефнее.

В более отсталых районах Сыр-Дарьинской области развитие крупных байских запашек, однако, еще не достигло такой степени, как в Чимкентском уезде. Подсчет по этим районам приведен в таблице 52.

Таблица 52

Дифференциация размеров посева между группами хозяйств (по количеству лошадей) в уездах Перовском, Казалинском и районе р. Чу и низовьев р. Таласа Аулие-Атинского и Чимкентского уездов[56]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Всего наличных хоз-в	Без посева		Имеющих посевы, дес.			
				до 9		9 и более	
		всего хоз-в	% к наличным	всего хоз-в	% к наличным	всего хоз-в	% к наличным
I. Без лошадей и с 1 лошадью	39145	13758	35,1	25357	64,8	30	0,08
II. От 2 до 13 лошадей	15465	6385	41,3	8913	57,6	167	1,1
III. От 14 до 50 лошадей	2585	1839	67,3	807	31,2	39	1,5
IV. От 51 и более	381	286	75,0	80	21,0	15	3,9
Итого	57576	22168	38,5	35157	61,0	251	0,4

Здесь и хозяйств с посевами меньше (16,0 процента), чем в Чимкентском уезде (38,5), и крупных земледельческих хозяйств было значительно меньше. Однако общая тенденция та же — наиболее крупные посевные площади принадлежали многоскотным хозяйствам.

В условиях упадка животноводства борьба за развитие земледелия являлась для крестьянства борьбой за укрепление своего индивидуального хозяйства против эксплуататорских поползновений байства. По своему объективному содержанию она была борьбой против феодализма и торгово-ростовщического капитала, за демократический путь развития капитализма в сельском хозяйстве.

Байское земледелие означало расширение феодальной власти бая над крестьянством, закабаление бедноты на издольной обработке земли. Именно потому, что 70—80 процентов хозяйств из числа бедняков стали

[56] «Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область»: Казалинский уезд.— Ташкент, 1913; Перовский уезд.— Ташкент, 1912; район р. Чу и низовьев р. Таласа Черняевского и Аулие-Атинского уездов.— Ташкент, 1915. Выборка из таблиц. Чимкентский уезд с 1914 по 1918 год носил название Черняевского.

мелкими хлебопашцами, байство становилось эксплуататором не столько мелких животноводов, сколько мелких земледельцев. Характер феодализма менялся: складывался как новый тип крестьянства (больше земледельцы, чем скотоводы), так и новый тип байства (не только скотовод, но и землевладелец). Менялись и формы феодальной эксплуатации: наряду со старыми формами получения ростовщического процента на ссуженный скотоводу скот появились новые формы — издольщина на пашне. В долю урожая, получаемого баем, входил как ростовщический процент на ссуженный рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, семена и проч., так и рента за байскую землю. В условиях недоразвитости капиталистических отношений такое расчленение можно представить себе только теоретически. Вообще же платежи издольщика в своей совокупности выглядят как единая «рента продуктами».

Своеобразие классового расслоения в ауле заключалось в том, что здесь почти не дифференцировалось крупное байство — феодалы, «помещики», от байства кулацкого типа, применявшего вольнонаемный труд. Это отразилось и в практике революционной борьбы: социалистическая реконструкция сельского хозяйства в период строительства социализма совершилась минуя этап борьбы с капитализмом кулацкого типа, непосредственно через борьбу с феодализмом.

Возвращаясь к общей картине эксплуатации казаха крестьянина (налоги, феодальные поборы, торгово-ростовщические прибыли, наконец непосредственная феодальная эксплуатация в процессе производства), уместно напомнить слова Маркса, что кризис, подобный описанному кризису казахского сельского хозяйства, обыкновенно наблюдается в колониях. Он вытекает из того, что феодальная рента «может достигать таких размеров, при которых она является серьезной угрозой воспроизводства условий труда, самих средств производства... Так бывает в особенности в том случае, когда эту форму (феодальную ренту — *П. Г.*) находит готовой и начинает эксплуатировать торговая нация завоевателей...»[57] Вместо названной в этом месте Марксом Англии по отношению к Индии назовем Россию по отношению к изучаемому району — вскрытое явление абсолютного обнищания казахского крестьянства, процесс растраты крестьянством «условий труда, самих средств производства» становится теоретически вполне объяснимым. Это первоначальное накопление.

---

[57] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1954, стр. 809.

VIII. КАЗАЧЬЯ КОЛОНИЗАЦИЯ. КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ СЕМИРЕЧЕНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Казачья колонизация Семиречья имеет 70-летнюю историю. Ее начало относится к 1847 году (основание станицы Сергиопольской), ее концом явилась революция 1917 года.

1. Основные этапы формирования и развития Семиреченского казачьего войска

Первые 20 лет истории казачьей колонизации до образования Туркестанского генерал-губернаторства были периодом формирования Семиреченского казачьего войска. Оно отпочковалось от Сибирского в процессе наступательного движения царизма на семиреченские казахские и киргизские земли.

Цитированный выше историк Семиреченского казачьего войска Н. З. Леденев справедливо замечает: «Сибирское казачье войско не было, подобно Донскому, Яицкому, Запорожскому и части других казачьих войск, теперь уже не существующих, продуктом вольной колонизации окраин Московского государства всякими недовольными тогдашними порядками людьми. Оно образовалось всецело почином самого русского правительства, заселявшего новую обширную страну воинскими людьми принудительно»[1].

Сибирское и отпочковавшееся от него Семиреченское казачье войско образовалось по воле правительства уже тогда, когда казачья вольница окраин России была подчинена царизму, поставлена на службу российскому военно-феодальному империализму. Это была подлинная военно-феодальная колонизация, с первых и до последних своих дней всецело подчиненная интересам российского военно-феодального, помещичьего империализма.

Методами принуждения и поощрения царские власти за время с 1847 по 1867 год сумели переселить в Семиречье значительное количество казачьих семей из Сибирского казачьего войска и образовать четырнадцать казачьих станиц и выселков с общим количеством населения (на 1 января 1868 года) 14 648 душ, в том числе 7832 мужчины и 6816 женщин[2].

[1] Н. З. Леденев. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1908, стр. 85.

[2] Там же, стр. 202.

Уже в это время возник вопрос о крестьянской колонизации вновь занятых земель Семиречья. В 1964 году генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель представил проект «О необходимости водворения русских поселений во вновь занятом Зачуйском крае...». По проекту предполагалось поселить в этих местах русских крестьян, изъявивших на это согласие. Но «военный министр, рассматривая проект, не согласился с ним и со своей стороны предложил селить здесь исключительно казаков Сибирского войска, в крайнем же случае Оренбургского, но только не по жребию или назначению, а охотников...»[3].

Таким образом, с первых шагов колонизации Семиречья более прогрессивная ее форма — крестьянская колонизация — была решительно зажата. На долю Семиречья досталась самая крепостническая, феодальная ее форма — колонизация казачья. Это повело к тому, что переселенцы-крестьяне, начавшие прибывать в Семиречье уже в 60-х годах, вынуждены были зачисляться в казаки, хотя крепостнический дух казачьего быта ничего привлекательного для них не представлял. По исчислению автора «Проекта отчета... фон Кауфмана», в 1867 году на 15 тысяч душ (по Леденеву —14 648) казачьего населения Семиречья 1610 душ составляли причисленные к казачьему сословию крестьяне. За недостатком переселенцев-казаков из Сибири в казаки зачисляли бессрочно отпускных солдат (их в 1867 году в числе казаков числилось 324 души), калмыков (в том же году их насчитывалось 205 душ) и значительное количество мещан[4]. По данным полковника Хорошхина, в Семиреченском казачьем войске числилсс душ обоего пола[5]:

	1871 г.	1880 г.
Православных	16674	23409
Нехристиан	407	809
Всего	17111	24398
Процент нехристиан к общему количеству	2,4	3,3

Эта справка также подтверждает, что в период формирования казачества зачисляли в казаки не только русских, но и выходцев из азиатских национальностей, хотя эти последние в общем составе населения казачьих станиц занимали незначительное место.

Что касается методов переселения казаков из Сибирского казачьего войска, то, несмотря на благие пожелания военного министра, за отсутствием охотников бросить насиженные места, на деле казаки переселялись по жребию и назначению. В качестве поощрительной меры выдавалось продовольствие и денежное пособие, что могло привлечь только людей, окончательно разорившихся, обедневших, бездомных.

Ход и итоги казачьей колонизации по состоянию на 1867 год представлены в таблице 53 (поселения указаны в хронологическом порядке по времени начала их заселения казаками).

Из этих поселений в 1867 году образовано Семиреченское казачье войско в составе двух казачьих полков.

---

[3] Там же, стр. 125

[4] «Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. Ф. фон Кауфмана I» СПб., 1885, стр. 178. Автор П. Хомутов.

[5] Полковник Хорошхин. Казачьи войска, опыт военно-статистического описания, СПб., 1881, стр. 151.

Таблица 53

1867 год. Итоги казачьей колонизации Семиречья ко дню образования области и Семиреченского казачьего войска[6]

Название станиц и выселков	Годы начала заселения казаками	Количество душ мужского пола на 1 января 1868 г.	Примечания
Станица Сергиопольская	1847	387	
„ Капальская	1848	843	
Выселок Илийский	1854	70	
Станица Большая Алматинская	1855	947	
» Урджарская	1855	488	
» Лепсинская	1855	1291	
Выселок Коксуйский	1855	143	
Станица Софийская	1858	1018	
Выселок Сарканский	1858	159	С 1875 г. переименован в станицу
„ Арасанский	1858	112	
„ Карабулакский	1858	114	
„ Надеждинский	1858	789	3 июня 1897 г. переименован в станицу
„ Каскеленский	1860	309	
Станица Малая Алматинская	1861	809	Выделена из станицы Большой Алматинской
Всего		7484	

В конце 60-х годов вновь встал вопрос о крестьянской колонизации Семиречья. Генерал Колпаковский разработал план колонизации и приступил к его осуществлению. Наступил период, когда колонизация казачья сочеталась с крестьянской. Казачья колонизация продолжалась. Но переселилось казаков из Сибири в новые станицы и выселки за это время очень мало. Новые поселения образовались главным образом за счет перераспределения контингентов внутри Семиреченского казачьего войска и в отдельных случаях путем зачисления в казаки крестьян.

По существу этот период казачьей колонизации закончился в конце 70-х годов. На 1 января 1880 года в Семиреченской области, по данным Областного статистического комитета, казачьего сословия насчитывалось 19 791 душа: мужчин —10 548, женщин —9243. (Н. З. Леденев для 1880 года показывает цифру 20 206 душ обоего пола). Вся политика царского правительства по колонизации Семиречья за время с 1847 по 1880 год целиком подчинялась его агрессивным стратегическим планам в Средней Азии, где еще шла война, царские войска продвигались в глубь Туркестана.

После 1880 года до конца XIX века казачья колонизация была незначительной. За эти 20 лет были основаны: в 1882 году — выселок Хоргосский, насчитывавший в год основания 162 души, в 1889 году — выселок Николаевский. Официально в год основания в нем числилось восемь душ, фактически было значительно больше, так как в нем обосновалась партия сибирских казаков, переселившихся в Семиречье самовольно. В 1895 году основан выселок Каркаралинский, имевший в год основания 202 души.

[6] По данным Н. З. Леденева. Цит. работа, приложение.

Количественный итог хода казачьей колонизации в XIX веке подведен в таблице 54.

Таблица 54

Итог казачьей колонизации Семиречья в XIX веке[7]

Периоды	Количество основанных поселений	Всего казачьего населения в области на конец периода			% прироста населения по отношению к 1867 г.
		мужчин	женщин	обоего пола	
Первый — 1847—1867 гг.	14	7832	6816	14648	—
Второй — 1868—1880 гг.	12	10548	9243	19791	34,6
Третий — 1881—1899 гг.	3	14789	14005	28791	96,1

Таким образом, за 53 года колонизации было основано 29 казачьих поселений. В первый и, в меньшей мере, второй периоды рост казачьего населения складывался как из переселявшихся в область казаков и крестьян, так и за счет естественного роста населения. Последние 20 лет XIX века дали рост казачьего населения за счет естественного прироста и частично за счет перечисления в казаки из других сословий. За 20 лет — с 1880 по 1900 год включительно в казаки из других сословий было перечислено: мужчин —559 и женщин —1088, всего 1647 человек. (Женщин, естественно, больше, потому что казаки часто женились на женщинах из других сословий).

Распределение казачих поселений, по уездам показано в таблице 55.

Таблица 55

Распределение казачьих поселений Семиречья по уездам (1881—1900 годы)[8]

Уезды	На 1 января 1881 г.		На 1 января 1886 г.		На 1 января 1891 г.		На 1 января 1896 г.		На 1 января 1900 г.	
	число поселений	в них душ обоего пола	число поселений	в них душ обоего пола	число поселений	в них душ обоего пола	число поселений	в них душ обоего пола	число поселений	в них душ обоего пола
Верненский	6	9713	6	9897	6	10897	6	12302	6	13614
Капальский	12	4886	13	5597	12	6094	12	6473	12	7219
Лепсинский	4	4890	4	5153	4	5508	5	5938	5	6385
Джаркентский	4	717	5	1170	6	1292	6	1481	6	1573
Пржевальский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Пишпекский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	26	20206	28	21817	28	23791	29	26194	29	28791

Не игравшие большой стратегической роли Пржевальский и Пишпекский уезды, т. е. вся нынешняя Северная Киргизия, казачьих поселений не имели. Все они были сосредоточены в Верненском, Джаркентском и Капальском уездах, на стратегических коммуникациях между Сибирским и Туркестанским военными округами.

[7] Составлена по данным Н. З. Леденева. Цит. работа, приложение.
[8] Данные Н. З. Леденева. Цит. работа, приложение.

Причем, если в первый период казачьей колонизации станицами и выселками были заняты основные стратегические пункты, то во второй период, кроме того, выселки основывали на путях сообщения между этими пунктами.

Тем же военно-политическим (а позднее, как еще будет сказано, военно-полицейским) задачам стремились подчинить и крестьянскую колонизацию.

Когда в 1864 году военный министр не утвердил план сибирского генерал-губернатора Дюгамеля о заселении Зачуйского края переселенцами-крестьянами, началась разработка плана еще более широкой казачьей колонизации Семиречья. «В 1864 г. возникло предложение распространить линию уже основанных казачьих оседлостей далее от верхнего Иртыша... до бассейна Иссык-Кульского озера. Политические события того времени, именно дунганское восстание и занятие Восточного Туркестана Якуб-Беком, сообщали особую важность военно-стратегической постановке задуманного предприятия... План заселения пограничной линии задумывался широко: дело шло о создании *новой передовой линии станиц и выселков на пограничном пространстве от реки Бухтармы и до Нарынского края* (курсив наш.—*П. Г.*)...» Но в 1868 году запрошенный по этому вопросу Туркестанский генерал-губернатор Кауфман «нашел для себя вынужденным отклонить» это предложение сибирского генерал-губернатора.

По мнению Кауфмана, эта новая линия передовых пограничных поселений потребовала бы переселения «не менее 1500 казачьих семейств, что равносильно было бы созданию на границе области двух новых казачьих полков»[9], т. е.— добавим от себя — удвоению численности уже образованного Семиреченского казачьего войска.

Кауфман и Колпаковский в связи с этим подвергают критике «недостатки военно-казачьей колонизации Семиречья». К этой критике необходимо присмотреться, чтобы понять, почему в конце 60-х годов обозначился, а в 70-х годах особенно усилился поворот от колонизации казачьей к колонизации крестьянской. Обратимся к записке степного генерал-губернатора Колпаковского, поданной в 1884 году ревизующему Сибирское и Семиреченское казачьи войска генералу Свистунову.

Колпаковский доказывает, что роль казачества после окончания присоединения казахов к России, т. е. с середины 60-х годов, изменилась. Казачество было годно и полезно, когда нужно было ограждать военную линию от кочевников, «от барантачей и шаек грабителей», словом от враждебных партизанских действий казахов и киргизов... Иначе говоря, в период, когда шел процесс присоединения Семиречья к России и казахи в той или другой степени этому сопротивлялись, казачьи поселения, по мнению Колпаковского, играли роль решающей военной силы против казахов, способной парализовать любые формы сопротивления продвижению русских в степь. Но вот завоевание казахских районов закончилось. Все опорные пункты Кокандского ханства на юге Казахстана: Узун-Агач, Ак-Мечеть, Туркестан, Аулие-Ата, Чимкент, Ташкент — взяты русскими отрядами. Сопротивление казахов (то бишь, по терминологии Колпаковского, «нападения кочевников на линейные и залинейные местности») прекратилось. С точки зрения стратегической казачество как реальная военная сила потеряло свое значение. По мнению Колпаковского, этот род войск «по своей слабости против всякого врага, кроме безоружных кочевников», ни к каким серьезным военным действиям не

---

[9] Проект отчета фон Кауфмана, стр. 161 и 168.

был пригоден. Расширять казачью колонизацию, с этой точки зрения, уже не было смысла[10].

Но и с других точек зрения казачья колонизация не удовлетворяла ни туркестанского генерал-губернатора Кауфмана, ни степного генерал-губернатора Колпаковского. На двух основных моментах сосредоточил свою критику казачества Кауфман — на методах эксплуатации со стороны богачей-казаков местного казахского населения и на том, что казаки — плохие хлебопашцы, они не создают, а разрушают в области земледелие.

«... Казакам отведены лучшие в хозяйственном отношении земли, без всякого внимания к правам и нуждам киргиз (т. е. казахов.— *Л. Г.*)», для них были отведены «не только пашни с готовыми, стоившими громадных трудов и расходов арыками, но были отняты и лучшие зимовые кочевки, казакам совершенно не нужные», причем «... казаки захватили в свои руки речки и стали располагать орошением края в такой мере, что пуская и запирая воду в киргизских арыках, идущих на земли, расположенные ниже казачьих, они могли или допустить, или уничтожить урожай на киргизских посевах». Далее: «...В обеих жизненных отраслях своего хозяйства, и в скотоводстве и в хлебопашестве, киргизы поставлены были в прямую зависимость от казаков — в зависимость, в руках сих последних обратившуюся с того времени в орудие легкого обогащения и наживы на счет туземного населения...» Это все привело к весьма нездоровым отношениям между русскими казаками и казахами. «... Поземельные столкновения между киргизами и казаками, при таких обстоятельствах стали в области обыкновенным явлением». Кауфман на случай военных действий в Туркестане предпочел бы иметь спокойный тыл, а казачья колонизация, не принося необходимой пользы в стратегическом отношении, порождала недовольство и столкновения с казахским населением.

Не оправдала казачья колонизация и других расчетов Кауфмана и всей стоявшей за его спиной генеральской клики, хозяйничавшей в Туркестане. Кауфман продолжает: «... Нельзя не заметить, что успех, достигнутый на деле заселения казачьих станиц Семиреченской области с 1847 по 1867 г. ..., обошелся весьма дорогой ценою туземным кочевникам. Столь же дорого он обошелся и правительству, затратившему на это дело значительные суммы и, наконец, самому колонизуемому краю, естественные богатства которого серьезно и значительно пострадали, будучи отданными на жертвы неразумному хищничеству казаков-переселенцев», не сумевших использовать даже дорого стоящие орошенные земли. Казаки Капальской станицы, например,— говорит Кауфман,— получив огромные наделы —22 376 десятин пахотных угодий, «спустя 8 лет, засевали на этом обширном пространстве всего лишь 1526 дес., т. е. меньше чем $^1/_5$ долю прежних киргизских посевов»[11].

Цели казачьей колонизации Кауфман понимал следующим образом: во-первых, основывая казачьи станицы, «правительство приобретало дисциплинированную готовую..., военную силу»; во-вторых, «поселения могли облегчить правительственные расходы на содержание в степи регулярного войска», казаки должны были «поставлять провиант» по более низким ценам, чем привозной из Сибири. Однако казачество не оправдало надежд ни как поставщик хлеба, ни как военная сила, пригодная для действий в новой обстановке. Естественно, что Кауфман и Колпаковский искали новый тип колонизации, более выгодный с точки зрения интересов военно-феодального империализма, закреплявшегося в Средней Азии

[10] ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, д. 239, л. 32.
[11] Проект отчета фон Кауфмана, стр. 151—159.

и строившего новые планы агрессивных действий на границах Туркестана.

Более выгодной казалась крестьянская колонизация. Колпаковский писал: «Вследствие недостатка земель для оседлых поселений, весьма важно, в видах обрусения края и прикрепления его к империи путем русской колонизации, чтобы колонисты наши принадлежали к сословиям, наиболее способным к успешной сельскохозяйственной, промышленной и торговой деятельности». Если оторванное от плуга и промыслов в молодые годы казачье население «нигде не блистает успехами земледелия и промыслов»[12], то этим условиям должно было соответствовать крестьянство.

К тому же, по соображениям Колпаковского, крестьянская колонизация не вызывает денежных затрат со стороны государства и «требует несравненно меньшего, чем казачья, земельного надела, и потому дозволяет водворение вдвое и втрое большего населения на одинаковом пространстве»[13]. В случае же войны и мобилизации крестьянские поселки смогут дать в армию значительно больший контингент рекрутов, чем расположенные на той же территории казачьи станицы конных казаков.

Словом, и с военной, и с экономической, и с политической точек зрения, по мнению Кауфмана и Колпаковского, после завершения завоевания края, крестьянская колонизация заслуживала предпочтение перед казачьей. В своей практической деятельности, начиная с конца 60-х годов, они взяли довольно четко определившийся курс на всемерное развертывание крестьянской колонизации Семиреченской области, в ущерб казачьей.

Общим фоном для приведенных высказываний Кауфмана и Колпаковского против казачьей колонизации являлось то обстоятельство, что и в Петербурге в это время также серьезно задумывались над тем, подлежит ли казачество дальнейшему сохранению, как воинская сила. «С пятидесятых годов настоящего столетия, особенно после Крымской кампании, сложилось о казачестве мнение, будто оно утратило все свои прежние боевые качества, а потому на него стали смотреть как [на] войско отсталое...»[14]. Ф. Энгельс в это время писал, что казакам «свойственны операции более мелкого масштаба, успех которых обычно выражается в захвате какой-либо добычи». В качестве же регулярного войска казаки «... теперь одинаково неспособны и к службе на аванпостах или в отдельных отрядах, и к атаке неприятеля в строю»[15]. Это видели и многие тогдашние царские генералы: пока война шла против безоружных и неорганизованных кочевников казахов, где каждый набег для казаков выражался «в захвате какой-либо добычи», это «войско» было пригодно для своей роли. Когда же с середины 60-х годов войны в Средней Азии приняли правильный, организованный характер, генералы склонялись к тому, что казаки как род войск отошли в прошлое и в войнах на границах Туркестана не смогут играть большой роли.

Но к середине 80-х годов, ко времени написания цитированной работы Ф. М. Старикова, этот вопрос в Петербурге был решен в пользу сохранения казачества. При этом были проведены некоторые реформы. Появилось и в Туркестане течение, которое в противовес мнению Кауфмана и Колпаковского отстаивало идею о непременном сохранении казачества, как воинской силы. Пожалуй, ведущее место в этом вопросе

---

[12] ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, д. 239, л. 36.

[13] Там же, л. 38.

[14] Ф. М. Стариков. Откуда взялись казаки (исторический очерк). СПб, 1884, стр. 307.

[15] Ф. Энгельс. Кампания в Крыму. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, М., 1958, стр. 543—544.

занял преемник Колпаковского на посту Семиреченского военного губернатора генерал Фридэ. 11 марта 1887 года, возражая Колпаковскому, он писал «о казачестве вообще и о Семиреченском войске в частности»: «... Казаки представляют своеобразный, но незаменимый и чрезвычайно ценный военный элемент..., как легкая кавалерия вообще при разведках...» Далее: «... казачество, как войско относительно более дорогое, должно развиваться только в таких пределах, чтобы оно соответствовало развитию общих военных сил и их потребностям в легкой кавалерии, разведочной службе, охране и действиях партизанских...» В этом высказывании Фридэ отражены не только локальные туркестанские интересы, но и общевоинские соображения.

Но Фридэ отмечал и полицейскую роль казачества: «... В казаках следует по возможности пока поддерживать их воинственность, боевые традиции и сознание, что они составляют отменную военную общину, готовую всегда и во всякое время идти в бой за царя и родину...»[16]. Именно эта полицейская сторона роли казачества в Средней Азии была особенно поддержана в Петербурге. Войсковой старшина Ф. М. Стариков писал: «В случае одновременной войны с Европою и восстания в Туркестане и на границе Сибири, Россия не может уделить достаточного количества войск своим азиатским владениям для подавления общего восстания». Да и трудно перебросить эти войска через степь при отсутствии железной дороги, а еще и потому, «что в случае восстания Азия не даст своих подвижных и вьючных средств». В то же время «Оренбургское, Уральское, Сибирское и Семиреченское войска» со своими боевыми и транспортными средствами «могут во всякое время года перешагнуть через степь» [17].

Полицейская роль казачества в Средней Азии в конце XIX, особенно в начале XX века, отмечается царской администрацией во множестве документов. Вместе с нарастанием классового расслоения среди местного населения и недовольства обездоленного крестьянства, усиливались и поиски царской администрацией тех реальных сил, какие можно было бы противопоставить этому недовольству. Казачество было признано такой силой в первую очередь, а за ним проектировали опереться и на кулацкую часть русских крестьянских поселений — готовили для них винтовки и частично вооружали ими поселенцев.

С точки зрения стратегической Фридэ также ставил перед Семиреченским казачьим войском большие задачи. По его плану семиреченское казачье войско должно было составить широкий фронт. «... Центр этого фронта должен быть в Илийской долине, левый фланг должен простираться до Зайсана и Алтайских гор, а правый — до верховьев Сыр-Дарьи...» К этому Фридэ еще добавляет: «На Семиреченских казаков, кроме этого, следует еще смотреть и как на кадры для будущих сформированных полков из туземцев, так как казаки наши знакомы и с языком, и с характером, и с обычаями местного мусульманского населения»[18]. Имелось в виду в будущем формирование полков из казахов и киргизов, но с непременным условием, что командный состав этих полков будет набираться из казачества.

Такой широкий план развернул Фридэ в связи с возникшим в 1887 году вопросом об объединении Сибирского и Семиреченского казачьего войска. Не в том главное, что эти планы в конечном итоге не осуществились, а в том, что тогда с Фридэ согласились в Петербурге: в интересах агрессивной политики царизма в Средней Азии Семиреченское казачье

[16] ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, д. 259, лл. 39—40.
[17] Ф. М. Стариков. Цит. работа, стр. 322.
[18] ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, д. 259, лл. 39—43.

войско было сохранено как самостоятельная сила. Несмотря на весь совершенно очевидный вред от казачьей колонизации для экономики края, несмотря на совершенно понятную всем мотивировку, что казачество как военная организация уже не может иметь в случае войны большого значения, а его существование в Семиречье ослабляет и политические позиции царизма,— несмотря на все это, в Петербурге восторжествовала линия Фридэ. Казачество сохранили и стремились всячески его развивать. К концу XIX века, особенно в начале XX века, почти умолкли голоса о том, что Семиречье выгоднее колонизовать крестьянством, чем казачеством.

Как стоял этот вопрос в XX веке, можно видеть из доклада царю туркестанского генерал-губернатора Самсонова за 1909 год. Этот доклад был по существу широкой программой вновь назначенного генерал-губернатора по претворению в жизнь колониальной политики царизма. «В виду малочисленности Семиреченского казачьего войска,— пишет Самсонов,— ... было бы желательно увеличить его состав посредством переселения казаков из привыкших к горам Кубанского и Терского и малоземельного Донского войска... В дальнейшем необходимо развить Семиреченское казачье войско до размеров, по крайней мере, Сибирского войска.., поэтому надлежащее устройство Семиреченского казачьего войска должно быть поставлено в первую очередь»[19].

И точно так же, как и Фридэ в 80 -х годах, Самсонов проектирует формирование воинских частей из казахов и киргизов под командованием русских казаков. «На очередь ставится вопрос о привлечении к отбытию воинской повинности киргиз, осевших и оседающих на землю... Конечно, кадр милиционных сотен должно составить из русских вахмистров и урядников, а джигиты-киргизы должны приниматься лишь по особому выбору и по удостоению местного начальства...»[20].

Линия Самсонова остается такой же, какой она была сформулирована генералом Фридэ в 1887 году: всемерно расширять Семиреченское казачье войско, вести подготовку к образованию воинских частей из киргизов и казахов, под командованием казачьих вахмистров и урядников.

По всем изложенным мотивам казачья колонизация Семиреченской области продолжалась, однако не такими темпами, какими хотелось бы царским генералам (см. табл. 56).

Итоги казачьей колонизации начала XX века[21] *Таблица 56*

Уезды	1901 г.		На 1 января 1914 г.		
	число поселений	число душ обоего пола русского населения	число поселений	число душ обоего пола русского населения	% по отношению к 1901 г.
Верненский	6	16863	6	24147	143,1
Капальский	12	8035	13	12243	153,7
Лепсинский	5	8073	5	12238	151,6
Джаркентский	6	2611	7	3870	148,2
Пржевальский	—	—	2	938	—
Пишпекский	—	—	1	904	—
Итого	29	35582	34	54340	152,1

[19] «Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г.» Официальное издание без даты и места. Хранится в б-ке им. Навои, гор. Ташкент, стр. 35.

[20] Там же.

[21] Данные «Обзоров Семиреченской области» за соответствующие годы.

Рост казачества шел во много раз медленнее, чем прилив в область русского крестьянства. Если крестьянское население области за 12 лет выросло в 3,9 раза, то русское население казачьих станиц увеличилось только в 1,5 раза. За это время были основаны: станица Никольская и выселок Занарынский в Пржевальском уезде, станица Самсоновская в Пишпекском уезде, станица Джаланашская в Джаркентском уезде и выселок Каратальский в Капальском уезде. Прилив казаков из других казачьих войск практически не осуществился. Обещание Самсонова в этом вопросе повисло в воздухе. Станицы росли за счет естественного прироста населения и оседания в них некоторого количества крестьян. Попытались переселять в Семиречье ссыльных уральских казаков, проживавших в Сыр-Дарьинской области, но и это мероприятие не удалось довести до конца... Таковы в общих чертах этапы формирования и развития Семиреченского казачьего войска.

2. Формирование и развитие казачьего землепользования

Основным вопросом в деле казачьей колонизации был вопрос о земле. Как была получена земля для казачьих станиц и выселков?

В период формирования Семиреченского казачьего войска (1847—1867 годы) были совершены самые беззастенчивые военно-феодальные захваты орошенных и обработанных земель местного населения. Никакими законами захваты не регламентировались. Право сильного было единственным «законом». В распоряжение станиц поступали земли в тех границах, какие были угодны казакам.

Очень показательна в этом отношении практика работы сибирских землемеров в 1862—1866 годах, проводивших отмежевание земель казачьим станицам Семиречья. На словах это была попытка командования Сибирского казачьего войска спроектировать для семиреченских казаков наделы в размере 30 десятин на мужскую душу и 15 десятин в запас. На деле же это было организованное разграбление всех тех удобных земельных площадей, которые прилегали к станицам. «В проекты наделов были, сверх прежде находившихся в пользовании казачьих поселений, включены землемерами значительные количества киргизских земель по усмотрению землемеров и по желанию казаков...»[22] К самовольным захватам казаков-переселенцев, таким образом, «волею начальства» прирезывались еще новые обширные земельные площади без всякой нормы. В результате работ этих землемеров были засняты на проектные планы земли всех 14 существовавших тогда станиц. К концу 1867 года «всего по этим станицам и выселкам Семиреченского казачьего войска числилось земли 658 316 десятин»[23].

В связи с тем, что в 1867 году образовалось Семиреченское казачье войско, эти земельные планы, составленные сибирскими землемерами, никем утверждены не были. Однако они послужили исходным трамплином для новых земельных захватов. Казаки «начали распространять свои владения на все пространство вошедших в проекты сибирских землемеров земель и даже захватывая — за границами проектов — прилегающие к этим проектам киргизские территории...»[24].

Отмеченная выше позиция Кауфмана и Колпаковского в вопросе о казачьей колонизации привела к приостановке дальнейшего расширения казачьих владений. Кауфман, обнаружив, как были стеснены перекочевки казахов расположенными на путях перекочевок казачьими землями, и

[22] ЦГА КазССР, ф. 19, оп. 1, д. 2647, л. 31.
[23] ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, д. 2476, л. 2.
[24] ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, д. 2647, л. 32.

стремясь разрядить политическую обстановку в Семиречье, с 1875 года разрешил казахам пасти скот на казачьих землях после уборки урожая. В то же время с 1874 года областная администрация с санкции Кауфмана начала возвращать некоторые казачьи земли казахам и частично передавать городам. Целым рядом постановлений областного правления за период с 1874 по 1890 год «из владения Семиреченского войска было отрезано 214 511 дес. земли, из них 7528 дес. в пользу городов области и 206 983 дес. в пользу киргизов» (казахов,— *П. Г.*)[25]. Сколько земли осталось после этого у казачества, не было известно до конца 80-х годов, так как до этого времени никаких точных планов казачьего землепользования не существовало. К 1888 году в результате обмера и подсчета установлено, что в распоряжении казачьего войска находилось 574 087 десятин земли. В 1890 году после дальнейшего уточнения в годовом отчете по войску названа новая цифра казачьих земель: 555 944 десятины.

В 1902 году комиссией по разработке штатов ирригационного управления области произведен учет орошенных земель. По этому учету по области насчитывалось всего 703 879 десятин орошенных земель, из них у казачества —186 241 десятина, или 26,4 процента орошенной площади. Все эти земли в свое время были орошены казахами и насильственно отняты под казачьи станицы. Этим был нанесен огромный ущерб земледелию казахского крестьянства.

Огромный ущерб был нанесен этим земледелию области вообще. Если по тем же данным, в том же 1902 году, казахи засевали 58,5 процента находившихся в их пользовании орошенных земель, уйгуры и дунгане —77,6 процента, русские крестьяне —46,6 процента, то казачество засевало только 18,9 процента[26]. Слабее, чем казахи, уйгуры и дунгане использовали орошенные земли русские крестьяне, но особенно слабо — казачество. Таким образом, в результате насильственной передвижки орошенных земель из рук казахского крестьянства в руки казачества эти ценнейшие земли приходили в запустение —80 процентов из них превращалось в залежь. Так разрушала казачья колонизация культуру земледелия в области.

В дальнейшем, несмотря на стремление правительства расширить казачьи поселения, не только не находилось контингентов для пополнения казачьего войска, но и земельные фонды казачества расширялись очень медленно (см. табл. 57).

При всех стремлениях усиливать казачество в Семиречье, ни местная администрация, ни даже ведомство земледелия в Петербурге не находили возможностей для расширения казачьего землепользования до масштабов, предлагавшихся программой Самсонова — довести Семиреченское войско до размеров Сибирского. Было признано, что названное выше сокращение землепользования казачества по воле Кауфмана и Колпаковского было «незаконным». Переселенческому району было предложено замежевать казачеству 213 тыс. десятин земель, изъятых из его пользования и возвращенных в 70-х—80-х годах казахам. Но дальше этого пойти не сумели. Увеличение казачьего землепользования, показываемое таблицей 57, шло за счет этого возвращения, подыскание новых земельных фондов для казачества почти не продвигалось вперед. Посетивший Семиречье в 1908 году представитель Главного управления землеустройства и земледелия, ревизор землеустройства Г. Ф. Чиркин высказался за преимущественное поощрение крестьянской колонизации.

---

[25] ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 2, д. 2482, л. 123. Справка казачьего отдела Главного штаба.

[26] По данным «Отчета по ревизии Туркестанского края... К. К. Паленом». «Орошение в Туркестане». СПб., 1910, стр. 217—245.

Таблица 57

Землепользование Семиреченского казачьего войска, в десятинах[27]

Годы	Юртовой надел*		Войсковой запас	Надел казачьих офицеров и чиновников	Всего
	всего	на душу муж. пола			
1899	522356	35,3	33515	5051	561002
1903	542626	33,0	33685	5065	581376
1905	545530	32,1	59924	5065	610519
1908	561186	30,5	6255	5065	572506
1910	607565	31,5	6255	5065	618885
1912	661105	31,4	6255	3506	670866
1913	665221	31,4	6255	1988	673464
1914	636951	29,0	42940	1685	681549
1915	637073	28,3	42940	991	681549

*Н. З. Леденев полагает: «Есть киргиз-казахское слово «джюрт», обозначающее — народ. Вероятно от этого киргизского слова произошло и название земель общественных — юртами, т. е. народными, в отличие от войсковых, запасных» (Цит. работа, стр. 289).

Показав на цифрах отсталость, кризисное состояние казачьего сельского хозяйства, он заявил: «Крестьянская колонизация должна быть поставлена выше казачьей, тем более, что ее можно развить гораздо шире»[28]. Кривошеин, один из реакционнейших царских министров, самым последовательным образом защищавший интересы крепостников-помещиков, также относился к казачьей колонизации Семиречья довольно прохладно. В начале XX века крестьянская колонизация Семиречья действительно стояла выше казачьей. План Самсонова — довести контингент Семиреченского казачьего войска до размеров Сибирского — выполнен не был.

В чем заключалась причина такого положения?

Конечно, не только в том, что казачество плохо вело свое земледельческое хозяйство. Главное было в том, что помещики предпочитали выселение русского крестьянства на окраины во имя спасения их крепостнического землевладения в России. Казачья же колонизация, требовавшая огромных земельных фондов, расширялась прежде всего во имя агрессивных намерений царизма в Средней Азии, в чем больше была заинтересована российская империалистическая буржуазия и в меньшей мере крепостники-помещики. Для помещиков было выгоднее заготовленные переселенческими организациями земельные фонды передавать крестьянам, чем казакам.

В этом отношении очень показателен ход обсуждения в 1913 году в Четвертой государственной думе закона о землеустройстве Семиреченского казачьего войска. Докладчиком от земельной комиссии по этому вопросу был кадет Харламов. Он напомнил комиссии, что семиреченское казачество в свое время было «обижено» тем, что «значительная часть земель, свыше 200 000 десятин была отрезана для надобностей городов и местного кочевого населения...»[29], и целиком и полностью отстаивал проект, внесенный ведомством земледелия.

[27] По данным «Отчетов о состоянии Семиреченского казачьего войска» за соответствующие годы. Официальное издание. ЦВИА, ф. 4л, оп. 92. Отчеты изданы типографски, но в библиотеки не поступали.

[28] Г. Ф. Чиркин. Положение переселенческого дела в Семиречье. б/г., стр. 103.

[29] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографический отчет. Сессия I, ч. III. СПб., 1913, стр. 2329.

Проект был принят Думой без прений. По нему предполагалось наделить каждую мужскую душу Семиреченского казачьего войска наделом в 30 десятин, плюс дополнительное наделение (в запас) —10 десятин, итого 40 десятин.

Но когда закон поступил в Государственный совет, там возникло предложение: кроме названных 10 десятин запаса «еще новые 10 десятин отвести в особый воинский запас»[30], сделать, таким образом, надел на мужскую душу —50 десятин.

В Думе по докладу согласительной комиссии развернулись прения. Докладчик, тот же кадет Харламов, немедленно высказался за 50-десятинный надел. При этом он мотивировал внешнеполитическими соображениями. Семиреченское казачество, по его мнению, имело большое военное значение. «Если в центре империи теперь войско казачье потеряло былое значение, то на окраинах, на Амуре и в Семиречье, где они постоянно должны быть конны, оружны и готовы к выступлению, там еще они свое значение имеют и будут долго иметь, и там... широкое, я бы сказал, удовлетворение землею этого войска имеет гораздо большее значение...»[31]

Но правые на этот раз оказались «левее» «левых» кадетов. Выступая от имени правых, Трегуб заявил: «Если Государственная дума примет редакцию Государственного совета, то я должен заявить, что Семиреченская область, которая была закрыта для переселения до 1910 года, со дня приступа к землеустройству Семиреченского казачьего войска, опять будет закрыта»[32]. Именно опасения чрезмерной растраты «переселенческих фондов» в ущерб выселению излишнего крестьянского населения из России заставляли крепостников-помещиков настороженно относиться к казачьей колонизации. Кадетская же, империалистическая буржуазия ставила во главу угла свои агрессивные интересы в Средней Азии, игнорируя интересы помещиков. Даже по этому, казалось бы, не столь большому вопросу обнаруживалось расхождение интересов военно-феодального и капиталистического империализма.

В описанном отношении помещиков к казачьей колонизации заключалась причина того, что казачья колонизация, несмотря на широкие планы, в XX веке в Семиречье не получила большого размаха.

Вместе с тем закон о землеустройстве Семиреченского казачьего войска, принятый Государственной думой и утвержденный царем, если бы его успели провести в жизнь, сулил для Семиречья новый невиданный размах грабежа земель казахского крестьянства, орошенных и обработанных площадей. Вот что пишет по этому вопросу заведующий Семиреченским переселенческим районом С. Н. Велецкий. В порядке осуществления этого закона «всего по области требуется прирезать казакам 340 477 десятин удобной земли, в том числе половина пахотной, а в случае недостатка последней и зачета ее выгонной —550 947 десятин». Иначе говоря, даже не увеличивая казачье население, а только удовлетворяя казачество землею по нормам, требовалось землепользование казаков почти удвоить. В Верненском уезде из этого количества требовалось прирезать «221 447 десятин удобной земли, а с засчетом выгонных и лесных угодий —312 947 десятин. Чтобы изъять такое огромное количество удобной земли по смежности с надельными землями казаков Верненского уезда, необходимо затронуть работами все 12 прилежащих киргизских волостей». По предположению С. Н. Велецкого, в южной части Илийской долины пришлось бы затронуть местности, которые «густо заселены кир-

---

[30] Там же, сессия II, ч. V, СПб., 1914, стр. 788.
[31] Там же, стр. 792.
[32] Там же, стр. 790.

гизами-кочевниками, имеющими там клеверники, сады и разного рода хозяйственные постройки..., остальное количество недостающих земель пополнить из нижележащих северных равнинных земель в виде широкой полосы от 10 до 5 верст на протяжении 150 верст». Как бы повторялась известная 10-верстная полоса Прииртышья.

По остальным уездам «встретится меньше затруднений», однако и там «при отводе недостающей земли некоторым станицам также придется произвести сплошное землеустройство киргизского населения прилегающих волостей»[33]. Это тоже означало массовое изгнание казахского и киргизского крестьянства с их насиженных мест.

Такая грандиозная экспроприация казахских и киргизских земель предстояла в порядке землеустройства семиреченского казачества. К счастью, она не осуществилась: помешали война и революция.

Политика царизма по отношению к казачьей колонизации была со всех сторон феодальной. Она была феодальной в отношении казахского крестьянства — его земли насильственно отнимались как объявленные собственностью феодального государства и находящиеся во «временном пользовании» кочевников. Она была феодальной и по отношению к казачеству: земля передавалась казакам не в собственность, а в пользование. По определению В. И. Ленина, в казачьих войсках осуществлялась своеобразная феодальная «муниципализация» земель. «Казачьи земли сейчас представляют из себя настоящую муниципализацию. Большие области принадлежат отдельному казачьему войску...,— писал В. И. Ленин. ... На почве этой «муниципализации» развиваются чисто феодальные отношения. Эта, фактически существующая, муниципализация означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных различиями в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д.»[34]

Относясь ко всем казачьим землям России, эта характеристика охватывает и Семиречье. Землю брали с помощью вооруженной силы казаков, но она не становилась их собственностью. Царизм объявил нагребленные земли собственностью войска в целом, в конечном счете русского помещичьего крепостнического государства. Войсковое правление Семиреченского казачьего войска целиком и полностью распоряжалось казачьими землями через станичных атаманов и станичные общественные сборы, действовавшие под руководством атаманов и Войскового правления в интересах обеспечения царской военной службы.

При образовании Семиреченского казачьего войска, в конце 60-х годов XIX века, правовые нормы землепользования казаков в «мнении Государственного совета» от 21 апреля 1869 года были определены следующим образом.

«Ст. 7. Земли, отведенные станицам, состоят в общинном владении общества казачьей станицы. Никакая часть земли и никакое угодие, в черте станичного юрта заключающееся, не могут выходить из владения станичного общества в чью либо личную собственность»[35]. Так были ограждены интересы крепостнического государства, верховного владетеля казачьих земель, и ограничены права казаков-землепользователей, получивших землю в пользование (а не в собственность), за их военную службу.

Это основное положение в дальнейшем неоднократно подтверждалось рядом законодательных актов, в том числе и Степным положением

---

[33] С. Н. Велецкий. Семиреченская область и ее колонизация. б/м, 1916, стр. 37—38.

[34] В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 306–307.

[35] ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, д. 2482, л. 77.

1891 года. В 1893 году Правительствующий сенат специальным указом от 15 июня разъяснил: «Ни купчие крепости, ни дарения, ни другие способы укрепления недвижимости в пределах станичных юрт не могут давать права собственности на находящуюся под недвижимым имуществом землю»[36]. Крепостническое государство ревниво оберегало свои феодальные права на землю, ставя рогатки против капиталистической мобилизации земельной собственности казачьих войск.

Рогатки были настолько прочны, что даже столыпинская реформа их не коснулась.

Когда в 1911 году в Государственной думе был поднят вопрос «о необходимости Военному министерству принять меры к изменению существующего положения о землепользовании в казачьих войсках», военное ведомство заявило против этого решительный протест. Казачий отдел Главного штаба писал: «Вследствие особенностей в отбывании казаками воинской повинности, в силу коих каждый казак должен являться на службу с собственным обмундированием и снаряжением и на собственном коне, необходимо, чтобы казак имел для этого постоянные средства, совершенно независимые от всякого рода случайностей: этими средствами является лишь общинная земля, на которую каждый общинник имеет равное право. Раздел этой земли в собственность неминуемо создаст в более или менее близком будущем значительное неравенство в земельном обеспечении казаков и даже контингент безземельных казаков, которые вследствие малоземельности или безземелья не будут в состоянии нести службу по казачьему положению. Кроме того, в случае отсутствия необходимых средств у казака, его на службу должно снарядить станичное общество, но для этого представляется совершенно необходимым, чтобы станица обладала общинным имуществом, каковым и является станичная земля». По всем указанным причинам, продолжает Казачий отдел, «переход от общинного к единоличному пользованию землей на правах собственности в казачьих войсках должен признаваться нежелательным»[37].

Отношение было разослано во все Войсковые правления с предложением дать свое заключение по этому вопросу. Войсковое правление Семиреченского казачьего войска своим решением от 27 июля 1911 года целиком поддержало точку зрения Казачьего отдела.

Как русский крепостник-помещик до крестьянской реформы 1861 года предоставлял «свою» землю в пользование крестьянских общин с целью обеспечения исправного отправления крестьянином барщины на помещичьей земле, так теперь тот же крепостник-помещик, организованный в крепостническое государство, продолжает через общину обеспечивать казака «государственной» (читай награбленной у колониального крестьянства) землей и получать за это своеобразный вид казачьей «барщины»— его военную службу на пользу русского военно-феодального империализма. В этом суть отмеченных Лениным «чисто феодальных отношений» казачества с царизмом. И эти отношения сохранились до февральской революции 1917 года. Приоткрывая столыпинскими реформами люки для развития капитализма во всей России, царизм, однако, в интересах сохранения казачества, как верной ему реакционной воинской силы, плотно захлопывал эти люки в казачьих войсках. Делалось все это для того, чтобы сохранить «сословную и областную замкнутость» казаков, оградить казачьи станицы от проникновения в них капиталистических отношений.

«Основная черта нашей общины... есть уравнительность землепольз-

---

[36] Там же, л. 79.
[37] Там же, д. 2000, лл. 251—252.

зования»[38],— говорит В. И. Ленин. Как видно из документов, царские чиновники цеплялись за эту уравнительность. Царское правительство стремилось к тому, чтобы каждый казак имел равное право на землю, как «постоянное средство» для приобретения обмундирования, снаряжения и строевого коня (у Ленина: «безземельный, безлошадный, бесхозяйный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации»[39]. Здесь: безземельный, безлошадный, необмундированный казак — не слуга военно-феодальному империализму). Но все меры царизма, направленные на установление уравнительного землепользования, не явились абсолютной преградой расслоению казачества. Прежде всего оно обнаруживается в имущественном неравенстве: обладании скотом, постройками, инвентарем.

3. Расслоение казачества по количеству лошадей

В архиве сохранились учетные карточки переписи домовладельцев станицы Алматинской с выселком Мало-Алматинским, относящиеся к концу 70-х годов[40]. Подсчет по этим карточкам приведен в таблице 58.

Из 19 560 душ казачьего населения, числившихся в Семиреченском войске в 1877 году, учтенное в таблице 58 население составляло всего 1,9 процента. Возможно, что таблица отражает расслоение казачьих станиц с недостаточной точностью. Однако, даже учитывая это, мы ясно видим, что уже в конце 70-х годов никакой речи о «равенстве» в казачьей среде быть не могло.

Не показательны данные о постройках, садоводстве и огородничестве: не указана стоимость построек и площадь садов и огородов. Однако и здесь явно выражается лучшая обеспеченность домами, службами, садами и огородами высших по зажиточности групп. Когда же мы обращаемся к учету скота, то экономическое неравенство выступает очень рельефно. С одной стороны, выделились 26 процентов хозяйств явных бедняков, не имеющих лошадей, чтобы исполнять военную службу, с другой —9,6 процента кулаков, не только имеющих достаточно лошадей для своих сыновей, строевых казаков, но и могущих продавать лошадей, а также благодаря своей обеспеченности — эксплуатировать вольнонаемный труд.

Среднюю группу —64,4 процента хозяйств — условно причисляем к казакам, могущим выполнить воинскую повинность без значительного ущерба для своего хозяйства, но и в этой группе больше трети хозяйств (с 2—3 лошадьми) такие, которые стоят на грани разорения. Выставить в полк «исправного» казака означало для них крайне ослабить свое хозяйство. Правда, эти хозяйства малосемейные, в среднем по 3,5 души на семью, в то время как остальные середняцкие хозяйства имели около 6 душ на семью. Им, как правило, не приходилось выставлять по 2 казака из семьи, но тем не менее экипировать даже одного члена семьи на службу им было тяжело.

По официальным подсчетам, полная экипировка казака с конем и обмундированием стоила от 175 до 200 рублей. Если кулацкая часть казачества (VII и VIII группы) получала эти средства за счет эксплуатации чужого труда, то середняцкая, а тем более бедняцкая часть должна была добывать их собственным трудом. Снаряжение казака для них яв-

---

[38] В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 75.

[39] В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 66.

[40] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, дела: 846, 846а, 846б, 846в. Карточки не имеют даты. Время обследования установлено по косвенным данным.

Таблица 58

Расслоение казаков станицы Алматинской с выселком Мало-Алматинским
(по количеству скота и недвижимому имуществу)

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число хоз-в		Душ обоего пола	У них скота, голов								Домов		Надворных служб		При доме зарегистрированы (число показаний)		
				лошадей		рогатого скота		овец		свиней								
	всего	% к итогу		всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	огороды	сады	заимки
I. Не имеют скота	6		20	—	—	—	—	—	—	—	—	6	1,0	—	—	5	3	—
II. „ лошадей	4	26,0	14	—	—	8	2	—	—	—	—	5	1,25	2	0,5	3	2	—
III. Имеют 1 лошадь	9		31	9	1,0	14	1,6	4	0,5	3	0,3	8	0,9	1	0,1	8	7	—
IV. „ 2—3 лошадей	20		73	52	2,6	57	2,9	25	1,3	—	—	20	1,0	14	0,7	15	10	1
V. „ 4—5 „	18	64,4	107	77	4,8	86	4,8	6	0,3	6	0,3	17	0,9	10	0,5	13	13	1
VI. „ 6—8 „	9		54	59	6,6	44	4,9	—	—	9	1,0	9	1,0	3	0,3	6	6	—
VII. „ 9—13 „	5	9,6	44	46	9,2	31	6,2	2	0,4	4	0,8	5	1,0	11	2,2	5	4	1
VIII. „ 14 и более	2		21	40	20,0	11	5,5	33	16,5	15	7,5	2	1,0	—	—	2	1	—
Итого	73	100,0	364	283	3,9	251	3,5	70	1,0	37	0,5	72	1,0	41	0,6	57	46	3

Таблица 59

1885 год. Расслоение казачьего населения 4-го городского участка города Верного
(по количеству скота)

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число хоз-в		Число членов семьи	Количество скота, голов									
				лошадей		рогатого скота		баранов		прочего скота		птицы	
	всего	% к итогу		всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во
I. Не имеют скота	4		15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
II. „ лошадей	1	39,1	4	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—
III. Имеют 1 лошадь	4		24	4	1	4	1	—	—	—	—	—	—
IV. „ 2—3 лошадей	11	47,8	86	37	3,4	30	2,9	—	—	1	0,1	40	3,8
V. „ 9 и более	3	13,1	25	39	13,0	49	16,3	40	13,3	2	0,7	—	—
Итого	23	100,0	154	80	3,4	85	3,7	40	1,7	3	0,1	40	1,7

лялось тяжелым вычетом прибавочного труда в пользу помещичьего государства, наделившего их землей «за службу».

В подтверждение этих выводов приводим еще один подсчет данных за 1885 год о расслоении казаков той же Алматинской станицы (см. табл. 59)[41].

Очень небольшое количество хозяйств охвачено этим подсчетом, однако, по таблице 59 еще более рельефно, чем по таблице 58, обнаруживается процесс расслоения казачества в той же станице Алматинской. Если там в конце 70-х годов бедняцкая группа охватила 26 процентов хозяйств, а кулацкая—9,6 процента, то здесь в 1885 году мы имеем соответственно 39,1 и 13,1. За 7—8 лет расслоение углубилось, середняк «вымывается». Растет кулачество, с одной стороны, беднота — с другой. Не забудем, что на этот промежуток времени падает также неурожайный 1879/80 год, который гибельно отразился как на сельском хозяйстве области в целом, так и, в частности, на казачьем хозяйстве.

Так говорят данные по станице Алматинской.

Но мы имеем подобные показатели и по другим станицам.

Удалось обнаружить в архиве «Ведомость учета конского состава у нижних чинов запасного разряда (т. е. не состоящих на действительной службе.— *П. Г.*) Семиреченского войска»[42], составленную в 1894 году.

Часть рукописи утеряна. Подсчету поддались 93 фамилии казаков. В их числе оказались:

	чел.	%
Не имеющие строевых лошадей	33	44,1
Имеющие лошадей, не удовлетворяющих требованиям строевой службы	8	
Имеющие лошадей, годных для строевой службы	52	65,9
Всего	93	100

Сопоставим с этой справкой следующий факт.

В 1900 году на запрос о казаках, «у коих можно приобрести покупкою лошадей на случай мобилизации для 2-й конной батареи», были названы: по станицам Большой и Малой Алматинской 43 хозяйства с 86 продажными лошадьми, по станице Надеждинской и выселку Любовинскому —21 хозяйство с 40 продажными лошадьми, в том числе в Большой Алматинской станице оказалось одно хозяйство, могущее продать 15 лошадей[43].

Вновь подтверждается, что на одном полюсе выделяются безлошадные казаки, на другом — казаки, продающие лошадей.

Таким образом, через 9 лет количество хозяйств, не имеющих возможности снарядить казака на военную службу на годной для этого лошади, поднялось с 39,1 до 44,1 процента. В последующие годы этот процесс продолжается.

Подсчет лошадей и телег по станицам Каскеленской и Софийской Верненского уезда, зарегистрированных администрацией в 1906 году, приведен в таблице 60.

Хозяйства, не имеющие ни лошадей, ни телег, в списках, по которым произведен наш подсчет, не регистрировались. Из другого источника

---

[41] Там же, д. 26в, лл. 5—62. Подсчет произведен по документу: «Сведения о домах и проживающих в них лицах по 4-му городскому участку гор. Верного».

[42] Там же, ф. 39, оп. 1, д. 1372, лл. 94—106 и 69—70.

[43] Там же, ф. 41, оп. 1, д. 118, лл. 9, 11, 16, 18.

Таблица 60

1906 год. Расслоение казаков Каскеленской и Софийской станиц Верненского уезда (по количеству лошадей)[44]

Группы хозяйств по количеству зарегистрированных лошадей	Число хоз-в		У них зарегистрировано		Кол-во лошадей на 1 хоз-во	Кол-во телег по отношению к лошадям, %
	всего	% к итогу	лошадей	телег		
I. Лошадей не зарегистрир.	359	49,2	—	5	—	—
II. Зарегистрир. 1 лошадь	176		176	182	1,0	103,4
III. Зарегистрир. 2—3 лошади	332		797	520	2,4	65,2
IV. Зарегистрир. 4—5 лошадей	153	49,0	669	393	4,4	58,7
V. Зарегистрир. 6—8 лошадей	47		302	155	6,4	51,3
VI. Зарегистрир. 9—10 лошадей	18	1,8	181	77	10,0	42,5
VII. Зарегистрир. 14 и более	1		20	9	20,0	45,0
Итого зарегистрировано	731		2145	1341	2,9	62,5
Всего хозяйств по данным описания станиц в 1906 г.	1086	100	—	—	1,9	—

установлены точные данные о числе хозяйств в названных станицах в том же, 1906 году[45]. Нет сомнения в том, что в списки внесены все хозяйства станиц, имеющие лошадей и телеги. Это дало нам возможность путем вычитания хозяйств с лошадьми из общего количества хозяйств в станицах установить I группу таблицы 60—«Лошадей не зарегистрировано». В результате получена картина, еще более разительная, чем все, что приведено выше. Бедняцкая группа на этот раз уже составляет 49,2 процента (против 44,1 процента в 1894 году). Удельный вес кулацкой группы значительно меньше, чем наблюдался в станице Алматинской в конце 70-х и в 1885 году, что можно отнести не только за счет более позднего происхождения данных, но и за счет того, что на этот раз рассматриваются более «бедные» станицы, чем пригородная Большая Алматинская.

Напомним, что приведенные данные обнаружили: для конца 70-х годов —26 процентов, середины 80-х—39,1 процента, середины 90-х годов — 44,1 процента, 1906 года —49,2 процента казаков-кавалеристов, не имеющих в своем хозяйстве лошадей.

Какие бы ни возникли оговорки насчет недостаточной точности и полноты приведенных данных, основной наш вывод останется неизменным: обеднение значительной части казачества нарастало. Все большее и большее количество казачьих семейств становилось в такое положение, при котором снаряжение на службу казака вконец подрывало экономические ресурсы их хозяйства. Уходя на службу, казак забирает из хозяй-

[44] Там же, ф. 41, оп. 1, д. 248, лл. 79—82 и 165—172. «В военных целях в 1906 г. областная администрация составляла список жителей с указанием, у кого из них и сколько имеется лошадей, верблюдов, телег и арб». В таблице подсчитаны данные этих списков. Верблюдов и арб у казахов не зарегистрировано.

[45] Там же, ф. 39, оп. 1, д. 2509. «Описание наделов, станиц и выселков Семиреченского казачьего войска».

ства последнюю лошадь, а при отсутствии годной тратит деньги на покупку строевой или обмен негодной лошади на строевую, приобретает обмундирование и снаряжение. Для покрытия этих расходов часто продается скот и другое имущество. В результате хозяйство казака остается без лошади и работника, семья в нужде. Царская служба явилась одним из главнейших источников обнищания трудового казачества, классового расслоения в станицах. На эксплуатации местного и пришлого русского крестьянства, а также казачьей бедноты наживалась кулацкая верхушка казачества, основная же масса казачества разорялась.

Станицы Каскеленская и Софийская не принадлежали к числу богатых станиц Семиречья. В описании станиц 1906 года отмечено, что в них не было ни одного плуга — пахали сохами. Из 1294 хозяйств только 200 хозяйств, т. е. 15,5 процента, продавали хлеб весною, остальные — осенью, т. е. из-за нужды, так как цены на хлеб осенью были значительно ниже, чем весною. Это значит, что кулацкая группа хозяйств в этих станицах скорее всего была слабее, чем по войску в целом.

В таблице 61 сравнены данные по Каскеленской и Софийской станицам с данными военно-конской переписи казачества за 1912 год.

Таблица 61

Расслоение казачества по данным военно-конской переписи 1912 года в сравнении с данными по двум станицам за 1906 год[46]

Группы хозяйств по количеству лошадей	1906 г. Станицы Каскеленская и Софийская Верненского уезда				1912 г. Станицы и выселки Капальского и Лепсинского уездов			
	Число хозяйств		Число лошадей		Число хозяйств		Число лошадей	
	всего	% к итогу	всего	на 1 хоз-во	всего	% к итогу	всего	на 1 хоз-во
I. Лошадей не зарегистрир.	359	33,0	—	—	1025	28,5	—	—
II. Зарегистрир. 1 лошадь	176	16,4	176	1,0	323	9,0	323	1,0
III. Зарегистрир. 2—3 лошади	332	30,5	797	2,4	621	17,2	1557	2,9
IV. Зарегистрир. 4—5 лошадей	153	14,0	669	4,4	541	15,0	2397	4,4
V. Зарегистрир. 6—8 лошадей	47	4,3	302	6,4	496	13,8	3402	6,9
VI. Зарегистрир. 9 и более	19	1,8	201	10,5	595	16,5	8987	15,1
Итого	1086	100,0	1341	1,23	3601	100,0	16666	4,6

Военно-конской переписью 1912 года в Семиречье не охвачены станицы Верненского уезда. Опубликованы данные только по Капальскому и Лепсинскому уездам. Из них мы прежде всего видим, что, конечно, кулацкая группа среди казачества была значительно сильнее, чем об этом можно было судить по данным двух станиц Верненского уезда за 1906 год. Видимо, и бедняцкая группа была менее многочисленна. По двум уездам в 1912 году и общая обеспеченность казачества лошадьми значительно выше, чем по двум волостям в 1906 году. Однако и данные пере-

[46] «Статистика Российской империи и LXXXIII военно-конская перепись 1912 года». Пг., 1914, стр. 310—311. За 1906 г. см. табл. 60.

писи 1912 года рельефно обнаруживают, насколько глубоко проникло классовое расслоение в станицы и выселки. Безлошадных и однолошадных хозяйств, т. е. явной бедноты, насчитывается около 38 процентов. Казаков в V и VI группах, таких, которые могут нести расходы по царской службе за счет эксплуатации чужого труда,— около 30 процентов. Остальные — это среднее трудовое казачество. В общем около 70 процентов казаков подвергались эксплуатации со стороны казачьего войска на военной службе. Своим трудом они покрывали расходы по снаряжению казаков на службу, свой же труд вкладывали в отбывание и воинской, и земской и прочих повинностей.

Мощь кулацкой верхушки в станицах можно также проиллюстрировать данными о торговом коневодстве.

В сентябре 1906 года Войсковое правление области затребовало от станичных атаманов сведения о казачьем коневодстве. Запрос был разослан во все станицы области. Ответы поступили из 13 станиц. Из них семь станиц сообщили, что есть подворное торговое коневодство, шесть станиц показали, что коневодства у них нет. В числе последних значится и станица Софийская. По станице Каскеленской числилось пять коневодческих хозяйств, а всего в семи станицах —48.

Подсчет названных сведений о коневодах по 7 станицам[47] сведен в таблицу 62.

Таблица 62

1906 год. Подворное коневодство по станицам: Карабулакская, Каскеленская, Мало-Алматинская, Сергиопольская, Капальская, Надеждинская, Урджарская

Группы коневодческих хозяйств по количеству маток	Число коневодческих хоз-в	В них					
		маток	жеребцов	жеребят до 3-х лет	лошадей 4 лет и старше	всего лошадей	на 1 хоз-во
I. Имеющие от 1 до 5 маток	18	66	20	144	52	282	15,7
II. Имеющие 6—10 маток	15	101	15	198	107	421	28,1
III. Имеющие 11—15 маток	7	92	25	191	63	271	53,0
IV. Имеющие 16—25 маток	4	95	13	144	77	329	82,3
V. Имеющие 26 и более	4	195	25	243	62	525	131,3
Итого	48	549	101	920	361	1928	40,2

Всего по области в 1906 году числилось 5257 казачьих хозяйств, в них насчитывалось 33 290 лошадей, или в среднем 6,3 головы на 1 хозяйство. Коневодческие хозяйства, учтенные в таблице 62, к общему количеству казачьих хозяйств составляют только 0,91 процента, у них же лошадей от общего поголовья —5,6 процента, а среднее количество лошадей на хозяйство —40,2. В таблице только одна I группа по числу лошадей приближается к высшей, кулацкой группе, показанной в таблице 61. Все остальные группы — это крупные предприниматели-скотоводы. Таких кулаков выделяло казачество наряду с увеличением числа хозяйств, вынужденных покупать у них строевых лошадей.

[47] Документы, подвергнутые подсчету, см.: ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, д. 296.

Этот факт вновь подтверждает, что в среднем по Семиречью кулацкая группа, разводившая лошадей для продажи, была значительно сильнее, чем это следует из данных по Каскеленской и Софийской станицам. Совершенно очевидно, что данные военно-конской переписи за 1912 год по двум уездам приблизительно верно отражают факт наличия среди казачества области мощной прослойки многолошадных кулаков — больше 16 процентов, которой противостояла беднота — около 38 процентов общего количества хозяйств.

Данные за 1912 год можно еще подтвердить следующими материалами (см. табл. 63), позволяющими косвенно заключить, что процесс обезлошадения казаков и после 1906 года продолжался с большой интенсивностью.

Таблица 63

Обеспеченность конным составом 1-го (строевого) Семиреченского полка[48]

Даты данных	Состояло на службе		Обеспеченность казаков лошадьми, %	Необходимый % обеспеченности лошадьми по штату
	нижних чинов	лошадей		
1 января 1904 г.	696	670	96,3	99,1
1 января 1906 г.	694	607	87,5	99,1
1 января 1907 г.	708	626	88,4	99,1
1 января 1908 г.	717	630	87,9	99,1
1 мая 1910 г.	700	585	83,6	99,1
1 сентября 1910 г.	680	557	81,1	99,1

Являясь результатом проанализированного выше обезлошадения казаков, показатели таблицы 63 дают также возможность уточнить выводы из таблиц 60, 61, 62. Некомплект лошадей непрерывно возрастает. Он ощущался уже в XIX веке. В 1904 году полк был укомплектован лошадьми на 96,3 процента против положенных 99,1. В 1906 году, когда число безлошадных и однолошадных казаков достигло в некоторых станицах 49 процентов, недокомплект лошадей в полку против нижних чинов уже выражен цифрой 87,5 процента. А к сентябрю 1910 года обеспеченность полка конским составом снизилась до 81,1 процента, иначе говоря, 18,9 процента казаков отбывали действительную военную службу не имея верховых лошадей. Вспомним, что в 1912 году по двум уездам количество безлошадных и однолошадных хозяйств в станицах достигало 37,5 процента.

Из этих фактов нельзя не сделать вывода, что трудности комплектования казачьих полков конским составом возрастали параллельно с обезлошадением казачества. Это все больше и больше привлекало внимание администрации. В 1885 году в записке ревизовавшего Семиреченское казачье войско генерала Свистунова отмечено, что «молодые казаки» на свое снаряжение и лошадь «требуют средства из скудного достатка своей семьи», подрывая этим «и без того плохое хозяйство»[49]. Этот же факт отмечается в отчетах о состоянии войска в конце 90-х годов. В отчете за 1897 год сообщается об «упадке благосостояния» казачьего населения и указывается, что этот упадок «в особенности тяжело переживается теми казаками, которые, выкомандировывая своих сыновей на служ-

[48] Составлена по строевым рапортам о состоянии Семиреченского казачьего войска. ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, дд. 254, 276, 297, 314, 492.

[49] Там же, д. 235, л. 29.

бу в первоочередной полк, должны заводить им на собственный счет все обмундирование и снаряжение, каковое обходится для казака не менее 200 руб. Причем, сумма эта добывается родителями отовсюду, откуда только можно: продаются предметы хозяйства, скот, делаются займы и т. д.»[50].

Все это заставило казачью администрацию организовать выдачу пособий неимущим казакам на приобретение всего необходимого для военной службы (об этом еще будем говорить ниже), а в 1912 году стал вопрос об установлении таких пособий в законодательном порядке. По предложению мобилизационного отдела Главного штаба, 20 января 1913 года этот вопрос обсуждался в Общем присутствии Войскового правления Семиреченского казачьего войска. Присутствие также констатировало печальную картину: казак является на службу в некомплектном обмундировании, лошадь казака — рабочая, не годна для военной службы, требует замены. «Казак, уходя на службу, и, тем самым, оставляя семью, состоящую в большинстве случаев из жены и нескольких малолетних детей, а иногда и престарелых родителей, к труду совершенно не способных, лишает семью и хозяйство помимо собственной своей рабочей силы, еще и рабочей лошади, да кроме этого уносит из дому, можно сказать, и все наличные свои сбережения, а если таковых сбережений, необходимых на обновление обмундирования и снаряжения, не оказывается, то отдает за бесценок тот же необходимый в хозяйстве рабочий скот. Таким образом, семейство такого казака оказывается в самом печальном положении, ибо матери нет возможности, благодаря малолетним детям, не только вести хозяйство, но даже сколько-нибудь за ним присматривать, а престарелые и беспомощные родители оказать ей помощь в этом также не могут, так как сами требуют за собой ухода. Надежного в таком положении постороннего человека приискать и трудно, и необходимы для этого средства, но, к сожалению, их-то в данном случае у семьи и нет»[51].

Никто не заподозрит генерала Свистунова, а также высших чиновников области, составлявших отчет и заседавших в Общем присутствии Войскового правления, в преувеличенно мрачном изображении той феодальной эксплуатации, какая осуществлялась крепостническим государством по отношению к трудовому казачеству. Картина эксплуатации с фактической стороны ими изображена довольно правильно. Но как расценить эту картину с экономической точки зрения?

Обратим внимание на некоторые особенности данных, приведенных в таблицах 60, 61 и 63. Если в таблице 60 безлошадных казачьих семей насчитывается 32,1 процента, то в таблице 63 безлошадных казаков, состоящих на военной службе, в том же 1906 году было только 12,6 процента, в конце 1910 года их количество достигает 18,9 процента, тогда как в станицах в 1912 году (табл. 61) безлошадных насчитывалось 28,5 процента. Процент казаков-пехотинцев ниже, чем процент безлошадных казачьих семей. С другой стороны, в таблице 60 обнаруживается явное несоответствие количества зарегистрированных телег количеству лошадей. У казаков применялись пароконные упряжки. Кроме того, казак должен был содержать верховых неупряжных лошадей по числу мужчин в семье старше 17 лет. Отсюда следует, что «нормальное» казачье хозяйство, вполне способное выполнить военную службу, должно было во всяком случае иметь лошадей вдвое больше, чем телег. К такому положению по таблице 60 приближается только V группа —6—8 лошадей. Данные групп ниже V свидетельствуют о том, что были лошади при телегах, но

[50] ЦВИА СССР, ф. 1396, оп. 2, д. 526, л. 152.
[51] ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, д. 1867, л. 9.

теперь их нет, в телеги запрягать некого. Лошади взяты на военную службу.

Более низкий процент безлошадных в полку, чем в станице, получает свое объяснение. Телеги остались дома, стоят недвижимы, кони — на царской службе. Утверждение чиновников, что «казаки, уходя на службу, ... лишают семью и хозяйство помимо собственной своей рабочей силы еще и рабочей лошади», подтверждается приведенными цифрами. Казак-крестьянин, бросая свое хозяйство, в котором он трудился как крепостной, нес свой прибавочный труд в полк, на алтарь крепостнического государства, военно-феодального империализма. Подобно тому же крепостному крестьянину, пахавшему помещичью землю своею сохою и лошадью, казак являлся на службу на собственной лошади, в своем обмундировании, снаряжении и даже со своим холодным оружием. За это он получал от государства феодальный «надел».

Вот экономическая сущность тех «феодальных отношений» в казачьих станицах, которые сложились в XIX веке и усиленно консервировались царской администрацией до революции 1917 года.

Уже с начала 90-х годов администрация забила тревогу по поводу трудностей с обеспечением казаков лошадьми, обмундированием и снаряжением. Во второй половине 90-х годов стали вносить в сметы Войскового правления 2000 руб. ежегодно для выдачи кредита неимущим казакам на приобретение лошадей и недостающего снаряжения. Но скоро обнаружилось, что этой суммы мало. В 1897 году у казаков 2-го и 3-го льготных полков недостача лошадей, снаряжения и обмундирования достигла 9726 руб.[52] Станичные управления для покрытия этих недостач вынуждены были из года в год увеличивать кредитование разорившихся казаков. Начальник мобилизационного отдела главного управления Генерального штаба генерал Лукомский сообщает: «При мобилизации в 1904—1905 годах были выданы всем льготным казакам, призванным для службы в империи и на театре войны, 100—150 рублей пособия.

В 1911 году вызванным со льготы на действительную службу казакам Семиреченского казачьего войска также были выданы пособия в размере 175 рублей каждому»[53].

Задолженность бедноты за обмундирование росла (см. табл. 64).

Таблица 64

Задолженность казаков по кредитам из станичных сумм[54]

Даты данных	Долги, числившиеся за лицами войскового сословия, руб.	
	по хозяйственным нуждам	по обмундированию и снаряжению
Ноябрь 1907 г. (по 12 станицам)	6121	18741
На 1 января 1909 г. (по войску)	80	25616
На 1 января 1912 г.	8302	28822
На 1 января 1913 г.	12936	32143

[52] Там же, д. 1370, лл. 22—23.

[53] ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, д. 1867, л. 2.

[54] За 1907 г.— выборка из д. 2243, ф. 39, оп. 1, ведомости по станицам. Остальное: «Отчеты о состоянии Семиреченского казачьего войска за 1908, 1911 и 1913 гг». Официальное издание.

Как некомплект лошадей в 1-м полку, показанный выше, так и эти сведения о росте задолженности за обмундирование и снаряжение подтверждают приведенные выше прямые данные о процессе обеднения значительной части казачества. Еще раз убеждаемся, что в XX веке интенсивно увеличивалось количество бедноты среди казаков.

Что же представляли из себя эти кредиты в экономическом отношении? Задолженность по хозяйственным нуждам — это кредит казакам-предпринимателям, кулацкой части казачества. В этом деле администрация проявляет специальную озабоченность. В документах не проскальзывает даже мысль о возможности хозяйственного кредита бедноте из станичных сумм. Кредит же по обмундированию и снаряжению — это потребительский кредит бедноте, целиком подчиненный интересам помещичьего государства, стремившегося иметь в лице казака исправного воина. Когда помещику нужно поддержать своего крепостного, чтобы он исправно выполнял работы на барщине, «помещик выступает... в качестве ростовщика»[55], снабжает крестьянина орудиями производства на ростовщических началах. Когда нужно помещичьему государству поддержать казака, чтобы он был исправным воином, оно прибегает к кредиту, чем обеспечивается «исправная» служба казака.

Изложенная характеристика кредитов на снаряжение и обмундирование казаков особенно подчеркивается тем, что обеспечением кредита неизменно считался надел казака. Если казак или его семья оказывались неплатежеспособными, то станичный общественный сбор сдавал его надел в аренду и арендную плату вносил на возмещение задолженности.

Совершенно ясно, что такая «помощь» казачьей бедноте была помощью веревки, поддерживающей повешенного. Будучи отражением роста казачьей бедноты, она заводила бедноту в еще более глубокий тупик, усиливала классовую дифференциацию казачества.

Казаки были «привилегированным крестьянством»[56]. Их привилегии давали возможность казакам-кулакам в разных формах эксплуатировать как русских крестьян-переселенцев, так и местное крестьянство. Но это вовсе не меняет крепостнической, средневековой сущности отношений казачества с его коллективным «барином»— крепостническим государством. Привилегии казака базировались на грабеже земель местного населения, но отнюдь не на уступках трудовому казачеству со стороны крепостнического государства. От них выигрывала материально обеспеченная часть казачества. На долю же казачьей бедноты выпадало крепостническое прикрепление к наделу, разорение, задолженность по ссудам на обмундирование и лошадь, как государству, так и ростовщику. Все приведенные данные — и по отдельным станицам и по области — показали, что придавленная феодальной и ростовщической эксплуатацией часть казачества с каждым днем возрастала.

Для казака лошадь имела исключительное значение. Она нужна в хозяйстве, она же необходима и для военной службы. Всем сказанным о расслоении казачества по количеству лошадей и некоторым видам другого имущества (постройки, телеги) уже многое выяснено. Однако это только часть проблемы. Переходим к вопросу о расслоении казачества по землепользованию и объему земледельческого хозяйства.

4. Расслоение казачества по землепользованию и размерам посева

Земельная община в Семиреченском казачьем войске сложилась не сразу. В 1909 году областной статистический комитет Семиреченской

[55] В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 67.
[56] В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 393.

области распространил по станицам и выселкам «Вопросный лист для выяснения землевладения по обычаю в станицах Семиреченского войска». Наш подсчет[57] ответов на первые два вопроса анкеты приведен в таблице 65.

Таблица 65

Порядок отвода земель казакам из станичного юрта

Вопросы	Типы ответов	Кол-во станиц и выселков, давших ответы	Предельные годы основания станиц и выселков, давших ответы	Число станиц и выселков, указавших даты сохранения данного порядка раздела земель	Предельные даты сохранения данного порядка раздела земель	Кол-во удобной земли в станицах и выселках, давших ответ, на 1906 г.	% земли к итогу
1. Порядок отвода юртовых наделов при образовании станиц и выселков	Захват «по силе возможности»	15	1847—1873	6	1883 – 1886, выселок Попутный до 1903 г.	246998	70,9
	Отвод по распоряжению администрации	1	1872	—	—	5820	1,7
	Раздел по решению общества	12	1848—1904	—	—	93443	26,8
	Не известно	1	1868	1	1884	2135	0,6
	Всего	29	1847—1904	7	1883 – 1903	348396	100,0
2. Порядок отвода юртовых наделов молодым казакам в настоящее время	Захват «по силе возможности»	1	1847	—	—	40098	11,6
	Распоряжением станичной администрации	2	1872—1887	—	—	8835	2,4
	По приговорам общественных сборов	26	1848 – 1904	—	—	299463	86,0
	Всего	29	1847 – 1904	—	—	348396	100,0
	Сведений не поступало	1				30976	

До середины 80-х годов, как показывает таблица 65, преобладали распашки по захватному праву. 15 станиц и выселков (из 29), обладавших 80,9 процента удобных юртовых земель, ответили, что никаких разделов земли в станицах не происходило, каждый казак распахивал «по силе возможности». Община осуществляла право распределения земель

[57] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 81. В подсчет вошли следующие два вопроса: 1. Каким порядком при образовании станицы и ее выселков, если таковые существуют, производился отвод юртовых наделов отдельным членам общества. 2. Каким порядком производится отвод юртовых наделов молодым казакам в настоящее время? Данные о количествах земли взяты из описания станиц, ф. 39, оп. 1, д. 2509.

в 12 станицах, обладавших 26,8 процента земли. В одной станице (Голубевской) землю распределила администрация. Один выселок (Кугалинский, станицы Коксуйской), сообщил, что порядок раздела земли до 1884 года не известен. В 1884 году надел определен поземельной комиссией. После этого земля отводится по общественным приговорам. По одной станице (Урджарской) анкета не обнаружена.

Власть общины над землей вполне установилась только в 80-х годах. К 1909 году, когда заполнялась анкета, общественный сбор целиком и полностью распоряжался землей уже в 26 станицах и выселках, обладавших 86 процентами земли. Только в одной станице (Сергиопольской) сохранилось захватное право, да в станице Голубевской и ее выселке Николаевском землю распределяла администрация.

Власть царской администрации над казачьей землей через феодальную земельную общину прочно закрепилась.

Основные законы, утверждавшие эту власть.

В 1869 году состоялось цитированное выше «мнение Государственного совета» о том, что «земли, отведенные станицам, состоят в общинном владении общества каждой станицы». В 1879 году в Семиречье открыло свои действия Войсковое правление. Главное его назначение — ведать экономической стороной жизни казачьего войска, следовательно, проводить в жизнь указанное мнение Государственного совета. С 1 января 1892 года вступило в действие Положение 1891 года «Об общественном управлении станиц казачьих войск», распространенное и на Семиречье. По нему «станичное управление в каждом станичном обществе составляют: 1) станичный сбор; 2) станичный атаман; 3) станичное правление и станичный суд»[58]. Эту структуру в области возглавляет Войсковое правление, к которому на утверждение поступали все приговоры станичных сборов. В руках помещиков была власть, в их же руках оказалась и казачья земля. Казачья земельная община по своей сути выполняла роль низового органа государственной власти, через который крепостническое помещичье государство наделяло казаков землей «за службу».

22 марта 1903 года военный губернатор области приказал: «Чтобы положить конец неосновательным просьбам и жалобам казаков на распределение земель и угодий между членами общества, ... *жалоб не допускать* (курсив наш.— *П. Г.*)[59]. Так закреплялась «самодержавная» власть общественного сбора в общинах в ответ на массовое поступление жалоб на решения станичных сборов.

Военное министерство, «грудью» отстаивая феодальные устои в казачьих станицах, не допускало, как уже говорилось выше, распространения на казачье землевладение столыпинских реформ. Так «на почве» казачьей «муниципализации» развиваются чисто феодальные отношения (повторяем слова В. И. Ленина).

Как осуществлялись переделы земли?

Это проиллюстрировано таблицей подсчетов по той же анкете 1909 года (см. табл. 66).

Общие переделы земли, как и следовало ожидать, не занимали решающего места в станицах. Главная забота администрации направлялась на то, чтобы обеспечить казака наделом в 30 десятин. Но после сказанного выше о господстве до середины 80-х годов захватного права на землю при стремлении царизма к уравнению казачьего землепользования, переделы были неизбежны. На 30-ти процентах казачьих земель они действительно имели место. В числе же 13 казачьих поселений, не

---

[58] «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск». Оренбург, 1896, стр. 7.

[59] ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, д. 1640, л. 48.

Уравнительные переделы казачьих земельных

Группы станиц и выселков по переделам	Периодические переделы			Уравнение землепользования производилось вообще		
	число станиц и выселков	у них удобной земли	% земли к итогу	число станиц и выселков	у них удобной земли	% земли к итогу
I. Не имевшие переделов со дня основания	13	238935	69,2	6	110561	46,4
II. Имевшие переделы в сроки в среднем до 5 лет	1	2493	0,7	—	—	—
III. Имевшие переделы в сроки больше 5, до 10 лет	4	23272	6,7	2	16452	70,7
IV. Имевшие переделы в сроки более 10 лет	11	83696	23,4	2	16055	19,2
Итого	29	348396	100,0	10	143068	41,1
Сведения не поступили	1	30976				

практиковавших общие переделы, значится 8 станиц и выселков (с землевладением более 70 процентов), в которых уравнение землепользования осуществлялось путем отрезки излишков сверх земельной нормы. Сверх этого, по другим группам имелись 4 станицы, где уравнение происходило через переделы и через отрезки излишков. Закрепление и развитие общинного землевладения у казаков, как в любых общинах такого рода, имело своим следствием уравнительное землепользование.

Но равный надел на душу никогда не приводил к равенству в объемах земледельческого хозяйства.

Отметим сразу же, что в XX веке появились безземельные казаки. За невозможностью выделить ни из земельного запаса, ни из других источников наделы молодым казакам, станичные управления часто надолго оставляли молодых без надела. 8 августа 1906 года Войсковое правление запросило станичную администрацию: сколько «имеющих право на земельный надел не имеют его в настоящее время?» Наш подсчет, сделанный по последовавшим ответам, дал по войску 321 надельную душу казаков, не имевших наделов[60]. Из 10 800 наличных на эту дату надельных душ по области это составило около 3 процентов. Кроме того, в ряде случаев молодых казаков за недостатком земель наделяли в половинном размере против нормы.

Но и казаки, получившие «равный» надельный пай, фактически не имели равного землепользования.

В 1905—1906 годах, в связи с обсуждением вопроса о норме надела для казаков, под руководством Войскового правления было произведено описание наделов станиц и выселков Семиреченского казачьего войска[61]. К описанию приложены анкеты по всем станицам и выселкам области. Для руководства составителям ответов было сказано, что «све-

[60] Там же, д. 2450.
[61] Там же, д. 2509.

Таблица 66

общин Семиреченского казачьего войска

путем отрезки излишков сверх земельной нормы

производилось 1 раз			не производилось			Всего земли	%
число станиц и выселков	у них удобной земли	% земли к итогу по группам	число станиц и выселков	у них удобной земли	% земли к итогу по группам		
2	49956	20,6	5	78418	32,7	238935	100,0
—	—	—	1	2493	100,0	2493	100,0
—	—	—	2	6820	29,3	23272	100,0
—	—	—	9	67641	80,8	83696	100,0
2	49956	14,3	17	155572	44,6	348396	100,0

дения должны быть собраны по возможности за последние 10 лет». Не в пример другим источникам в анкетах прямо указывается на то, что среди казаков в станицах и выселках (разумеется за последние 10 лет) имеются бедные, средние и богатые. Ни в описании, ни тем более в анкетах никаких подсчетов количества бедняков, середняков и кулаков, их иму-

Таблица 67

1906 год. Расслоение казаков по размерам посева

Уезды	Кол-во станиц и выселков, давших сведения	Среднее количество запашек на одно хозяйство, дес.						Сведения о несеющих хозяйствах
		у богатых		у средних		у бедных		
		максимум	минимум	максимум	минимум	максимум	минимум	
Верненский	3	45	20	10	5	5	2	В выселке Илийском бедняки не сеют
Капальский	7	100	15	20	4	5	1	В станице Капальской 1/3 хоз-в почти не пашет, многие сдают землю в аренду. В станице Карабулакской 10—15 хоз-в не пашут по бедности
Лепсинский	5	100	15	20	4	3	0,2	В станице Урджарской 30 хоз-в не пашут по бедности
Джаркентский	5	30	10	15	6	5	1	
По войску	20	100	10	20	4	5	0,2	

щества нет. Удалось выбрать из этих анкет сведения по 20 станицам о средних количествах запашек по каждой из указанных групп в отдельности (в остальных анкетах таких данных нет). Эти данные сведены в таблицу 67.

При всей своей «приблизительности» и «усредненности» сведения таблицы 67 все же дают представление о расслоении казаков по количеству запашек, сложившемся в конце XIX— начале XX века. Наделы в принципе равны, а запашки у богатых достигают от 10 до 100 десятин, в средних хозяйствах — от 4 до 20 десятин, у бедняков — от 0,2 до 5 десятин. При этом в ряде станиц зарегистрировано большое количество хозяйств, не сеющих по бедности.

Источники не позволяют установить точное соотношение количества хозяйств разных групп по размерам посева. Отрывочные данные позволяют только убедиться, что их соотношение было примерно таким же, как и среди групп хозяйств по количеству лошадей. По поселку Чунджинскому в анкете, использованной для таблицы 67, записано: бедняков, сеющих 1—3 десятины,—27 хозяйств; средних, сеющих 10 десятин,—10 хозяйств; богатых, сеющих 10—30 десятин,— 3 хозяйства. В 1916 году атаман станицы Голубевской дал сведения о 41 хозяйстве выселка Хоргосского, посевы которых были уничтожены саранчой. Среди них оказалось с посевом:

десятин	*хозяйств*	%
до 5	13	31,7
от 6 до 20	24	58,5
от 21 и более	4	9,8

В том числе были два хозяйства с посевом по 100 десятин[62].

И та, и другая справки убеждают, что расслоение по размерам посева шло одновременно и параллельно с расслоением по количеству лошадей. В подтверждение этого приводим выборку из той же анкеты о максимальном и минимальном количестве лошадей по тем же трем социальным группам (см. табл. 68).

Таблица 68

1906 год. Сведения о количестве лошадей в хозяйствах казаков по социальным группам (от — до)

Уезды	Кол-во станиц и выселков, давших сведения	Количество лошадей в хозяйствах						Не имеют лошадей
		богатых		средних		бедных		
		максимум	минимум	максимум	минимум	максимум	минимум	
Верненский	3	27	12	10	5	3	1	В выселке Илийском — некоторые
Капальский	6	200	20	15	4	5	1	В станице Капальской — многие, в Саркандской —20 хоз-в, в выселке Абакумовском —2 хоз-ва
Лепсинский	5	200	10	20	3	5	1	В станице Сергиопольской — некоторые, в Урджарской —3 хоз-ва
Джаркентский	2	120	3	10	2	1	1	
По войску	16	200	3	20	2	5	1	

[62] Там же, д. 2029а.

Соответственно количеству посевов богатые имели от 3 до 200, средние хозяйства — от 2 до 20 и беднота — от 1 до 5 лошадей. Тот, у кого было больше лошадей, сосредоточивал в своих руках и бо́льшие площади посевов.

Совершенно ясно, что уравнительность в наделах не привела к уравнительности в размерах хозяйства. С одной стороны, выделялись кулаки, размеры посевов которых далеко превысили предельные. Наличие крупных табунов лошадей в этих хозяйствах свидетельствует о том, что размеры их производства относительно велики. С другой стороны, бедняки, не имеющие лошадей и инвентаря, довольствовались ничтожными запашками или совершенно отказывались от ведения земледельческого хозяйства на своих наделах.

Многолошадные хозяйства имели большое количество и других видов скота. Приводим сведения из той же анкеты (см. табл. 69).

Таблица 69

Расслоение казаков по количеству рогатого и мелкого скота

Станицы и выселки, давшие сведения	Коров в среднем на 1 хозяйство			Баранов
	у богатых	у средних	у бедных	
Ст. Надеждинская	20	2—4	1—2	Имеются у 1/3, всего 1228 голов
Выс. Хоргосский	8	3	1	У 1/3 хоз-в от 10 до 200 голов
Ст. Лепсинская	до 10	3—4	1, у некоторых вовсе нет	1/20 часть хоз-в имеет 5—50 голов, некоторые до 100 голов
Ст. Урджарская	10—15	3—5	1	У нескольких хоз-в не более 1500 голов
Ст. Сергиопольская	15	2—4	1	У 10 хоз-в 20—100 голов

Из анкет выбраны только те станицы, где показаны названные виды скота. Дополняя сведения о расслоении по количеству лошадей, эти данные еще более подчеркивают экономическую мощь кулацкой части казаков и экономическую слабость бедняков. В ряде случаев в анкетах указано также наличие рабочих быков. В станице Сергиопольской 9 хозяйств имели от 1 до 25 пар быков, в выселке Тополевском —1/10 часть хозяйств имела 303 быка, в станице Карабулакской в одном хозяйстве было 32 быка, в выселке Николаевском шесть хозяйств имели 53 быка, в Царицынском пять хозяйств имели 33 быка, в станице Коксуйской — в одном хозяйстве было восемь быков.

Таким образом, установлено, что расслоение казачества по землепользованию шло одновременно с расслоением по количеству скота.

Из подсчета, сделанного по соответствующему пункту той же анкеты, видно, за счет чего расширялись посевы казаков-кулаков (см. табл. 70).

Прежде всего обратим внимание на последние четыре сообщения — «в аренду не сдают». Они из следующих поселений: станицы Сергиопольской и выселков Басканского, Царицынского и Кугалинского. Из них только по выселку Кугалинскому (2135 десятин удобной земли) в анкете даются сведения, что там имели место переделы и отрезки излишков земли для наделения новых казаков. В Царицынском (920 десятин удобной земли) никаких переделов не было, а в станице Сергиопольской (40 098 десятин) и выселке Басканском (1000 десятин) община никогда землю не распределяла. В станице Сергиопольской каждый казак запахивал зем-

лю «по силе возможности», а в выселке Басканском за новыми казаками участки закреплялись по их выбору. Совершенно ясно, что не сдают в аренду наделы там, где казаки не испытывают недостатка земли.

Таблица 70

1906 год. Сообщения о сдаче казаками наделов в аренду

Характер сдачи в аренду	Число сообщений	Арендные цены
Сдают наделы бедняки и сироты, не занимающиеся хлебопашеством	13	От 15—20 коп. до 2,5 руб. за десятину, от 2 до 10 руб. за пай в год
Сдают наделы казаки, откомандированные на службу	6	От 20 коп. до 1,2 руб. за десятину, от 2 до 3,5 руб. за пай
Сдают земельные паи за натуральную плату	1	4 пуда с десятины
Отдельные казаки продают воду	1	15—30 руб. в сутки
Землю никто в станице (выселке) в аренду не сдает	4	

Из четырех поселений наиболее показательна землеобильная станица Сергиопольская, где надел достигал в среднем 229,1 десятины. Положение с обеспеченностью землей в этой станице дает возможность объяснить, почему в ней, как сообщается в той же анкете, вдруг оказалось на 134 казачьих двора, имеющих дома, 26 бездомных казачьих семей и 24 бесскотных хозяйства.

Казак страдает от недостатка и от изобилия земли. В станице Сергиопольской, обеднев, казак даже не мог свою землю сдать в аренду. Но он привязан к этой земле. Военными и прочими обязанностями он связан тяжелыми путами со станицей. Это еще больше углубляло его нищету. Землеобильная Сергиопольская станица оказалась поэтому станицей с самым большим количеством совершенно пролетаризированных (точнее пауперизированных) казаков —17,5 процента к общему количеству хозяйств.

Таким образом, на примере одной станицы раскрывается самая темная сторона положения трудового казачества. А между тем это было общим явлением не только для четырех названных поселений, но и для всего войска. Генерал Свистунов в 1885 году эту сторону жизни казачества характеризовал так: «Расстройство казачьего хозяйства от неурожая, скотского падежа, снаряжения на службу одного за другим нескольких членов семейства и тому подобных обстоятельств составляет явление нередкое. Единственным способом поправиться, или приобрести средства для обновления хозяйства представляется в этом случае вольный заработок на стороне, или отхожий промысел. Но этот-то именно способ... оказывается трудно доступным или даже совершенно недосягаемым для казака»[63], ибо казак был привязан к станице военной и земской повинностями.

Так было в середине 80-х годов. То же продолжалось и в XX веке, причем в еще более подчеркнутом виде.

Н. З. Леденев в 1908 году также отмечает, что казак был стеснен не только военной службой, но и «правом станичных атаманов разрешить или не разрешить отлучку на заработки»[64].

---

[63] Там же, ф. 39, оп. 1, д. 235, л. 24. В подтверждение этого Свистунов приводит пример по соседней с Семиречьем Кокпектинской станице Сибирского казачьего войска, где «случается платить в обществе по 400 руб. за то лишь, чтобы избавиться от внутренних по селению повинностей».

[64] Н. З. Леденев. История Семиреченского казачьего войска, стр. 756.

Органический порок всех высказываний царских генералов, офицеров и чиновников, в том числе и Н. З. Леденева, по этому вопросу состоит в том, что все беды казачества они стремились объяснить тяжестью военной службы. По существу же дело заключалось во всей системе феодальных отношений в казачьих станицах. Феодальное прикрепление казаков к станицам, войску и их феодальному наделу прежде всего било по бедняцкой и пролетаризирующейся части казачества, углубляло классовое расслоение в станицах, не давая возможности казаку улучшить свое положение работой по вольному найму.

Рассмотрим теперь остальные показания из поселений, где беднота сдавала свои земельные паи в аренду. Среди них 13 показаний о том, что землю сдавали «бедняки и сироты» и шесть — о казаках, вынужденных прекратить землепашество в связи с уходом на службу. Арендная плата была крайне низка: от 15 копеек до 2 рублей за десятину, от 2 до 10 рублей за пай. Казак, задолжавший за коня и обмундирование, с крайним напряжением мог выползти из долга, отдавая всю арендную плату обществу. В большинстве случаев выплата продолжалась по возвращении казака «на льготу». Когда же в дело вмешивался кулак-ростовщик, положение ухудшалось во много раз.

Казачье кулачество пользовалось большими привилегиями в арендных сделках с казаками. Посторонний (разночинец) землю брал неохотно. Его не устраивал срок аренды (больше, чем на 1 год землю сдавать не разрешалось). Но главное было в том, что за возведение любой постройки на арендованной казачьей земле он был обязан платить обществу высокую посаженную плату — от 60 до 96 руб. за десятину в год[65], не считая единовременного взноса при вынесении приговора, разрешающего постройку. Общество при этом сохраняло за собой право снести постройку в любой день и час. Это сбивало арендные цены. Казаки-кулаки получали землю за бесценок.

Арендуя наделы у бедняков, казачье кулачество расширяло свои запашки. Несмотря на уравнительное распределение наделов, кулаки находили достаточно возможностей для мобилизации земельных площадей и там, где община не мешала захватам, и там, где землю приходилось арендовать. Кроме того, кулачество бесплатно выпасало скот на так называемых общинных землях, т. е. неудобных для земледелия. Эти земли не делились, считались общинными и использовались только как пастбища. Так развивалось неравенство в землепользовании внутри станиц.

Но кулацкая часть казачества арендовала также землю у казахов. Таких случаев в анкете названо 12. Арендная плата за десятину пахотной земли или сенокоса была от 50 коп. до 1 руб. В выселке Хоргосском отмечено, что 5 хозяйств «берут землю у казахов за $^1/_3$ урожая». Это единственный случай трудовой аренды. В выселке Арасанском $^4/_5$ хозяйств (из 81) арендовали землю у казахов. При этом сказано, что $^2/_3$ их посева приходится на свою землю и $^1/_3$ на арендованную.

Такими путями кулацкие запашки казачьих станиц выходили за рамки их наделов.

5. Отношения эксплуатации в казачьих станицах

После всего сказанного, естественно, возникает вопрос: какие отношения эксплуатации складывались в казачьих станицах в процессе обрисованного классового расслоения казачества? Прежде всего — о распространенности вольного найма рабочей силы.

[65] От 2 $^1/_2$ до 4 коп. за квадратную сажень.

По той же анкете получено 21 сообщение о наличии в станицах и выселках найма годовых и сроковых рабочих. Из них в 12 случаях сообщалось, что нанимают все, почти все, большая часть, $^2/_3$ хозяйств; в семи случаях сообщалось, что нанимают от $^1/_4$ до $^1/_2$ хозяйств, в двух случаях —$^1/_6$ и мало хозяйств. Из этого следует, что наем годовых и сроковых рабочих в станицах в первые годы XX века был развит довольно широко. Не было ни одной станицы и выселка, где бы не нанимали работников, но в разных станицах наймом рабочей силы пользовалось разное количество хозяйств.

О количестве нанятых рабочих в анкетах имеется 23 сообщения (см. табл. 71).

Таблица 71

Применение наемного труда в станицах и выселках
(количество сообщений)

Содержание сообщений	Распределение сообщений по числу нанимающих хозяйств							Общее к-во сообщений
	одно и два хозва	некоторые хозва	1/4 часть хоз-в	от 1/3 до 1/2 части хоз-в	2/3 и большая часть хоз-в	все и почти все хозва	не указано, сколько хоз-в	
Нанимают мало, больше сроковых и поденных	—	2	—	—	—	1	1	4
Нанимают 1 работника	—	—	1	—	3	2	—	6
Нанимают 2 работников	2	3	—	1	—	—	—	6
Нанимают 3 работников	—	2	—	—	—	—	—	2
Нанимают 4—5 работников	—	3	—	—	—	—	—	3
Нанимают 6—8 работников	—	1	—	—	—	—	—	1
Нанято 20 рабочих	1*	—	—	—	—	—	—	1
Итого	3	11	1	1	3	3	1	23

* Один случай.

Из анкет выбраны все станицы и выселки, в которых сообщаются данные о наемном труде. Напоминаем, что у авторов ответов требовали сведения «по возможности за последние 10 лет». Они так и давали. Это не фиксация за 1905—1906 годы, в которые заполнялись анкеты. Это оценка положения вещей за ряд лет. Она приблизительна, но при всем том обрисовывается общая картина распространения вольнонаемного труда. К чему она сводится?

Из таблицы 71 мы видим, что в 16 сообщениях из 23 говорится о найме 2-х работников и меньше. Остальные 7 сообщений говорят о найме 3-х работников и больше. В одном случае нанято 20 работников (это станичным атаманом). Но очень показательно, что 3-х работников и больше нанимают только отдельные, или некоторые хозяйства. Крупных капиталистических хозяйств в станицах обнаруживается ничтожно мало. Исключение представляет только хозяйство атамана станицы Саркан-ской, имевшее 20 человек нанятых рабочих.

Все это говорит о том, что капиталистический наем в станицах был

развит не так широко, как можно было ожидать при очень высокой обеспеченности казаков землею. Тем не менее совершенно ясно, что «несмотря на всю уравнительность надельной земли, несмотря на переделы и т. п.» (Ленин), в станицах вырастала сельская буржуазия, пользующаяся вольнонаемным трудом. Казачья беднота часто шла внаймы к казаку-кулаку.

Кулаки в XIX веке применяли также наем бедняков для отбывания военной службы за своих детей. По свидетельству Н. З. Леденева для многих разорившихся казаков этот промысел «был обращен в профессию»[66]. Но в XX веке этот вид найма был запрещен, поскольку «в наемшики редко поступают казаки добропорядочного поведения»[67]. Командование предпочитало на службе иметь «степенного» кулака, чем недовольного своей судьбой бедняка.

Наряду с капиталистическим наймом в казачьих станицах процветали методы феодальной эксплуатации. В станице Сергиопольской, в которой наблюдалось особенно глубокое расслоение казачества, широко применялась наряду с вольным наймом полукрепостническая издольная аренда. То же отмечается в ряде других случаев.

В отчете по войску за 1870 год сказано: «Для обработки хлебопахотных полей казаки пользовались в последнее отчетное время прибытием в область значительного числа крестьян-переселенцев. Уступая им часть своих для посева хлебов земель, они получали за то половинною долею вспаханной крестьянами земли и засевали хлеб...»[68] Здесь, как видим, казаки Верненского уезда пользовались безземелием самовольцев-крестьян и получали с них своеобразную отработочную ренту за переданную им землю.

Наличие подобных форм эксплуатации подтверждается и в докладе генерала Свистунова (1885 год). «Вообще, по всем собранным сведениям, казаки весьма мало занимаются лично полезными работами. Работы эти преимущественно производят для них, *за какое-либо земельное вознаграждение* (курсив наш. — *П. Г.*) киргизы (казахи. — *П. Г.*), из числа коих джатаки (пролетарии, не имеющие средств к перекочевке и вообще какого-либо собственного хозяйства), живущие во многих казачьих селениях батраками в огромном количестве, находятся в положении значительно худшем по сравнению с бывшими в России крепостными»[69].

Мы помним, что уже в 80-х годах, по бесспорным данным, классовое расслоение среди казаков зашло далеко. Поэтому нельзя принять свидетельство Свистунова в адрес *всех* казаков. Такого рода эксплуатацию применяла кулацкая часть казачества. Формы же эксплуатации совершенно определенные — это крепостнические отработки «за какое-либо земельное вознаграждение».

К числу феодальных форм эксплуатации относится также и так называемый покопытный сбор со стад, принадлежавших местному населению. Стесненные в пастбищах казахи скотоводы были вынуждены пользоваться пастбищами на казачьих землях. Во многих случаях казачьи земли лежали на путях перекочевок. За пользование пастбищами и за любой прогон скота через казачьи земли в пользу казачьих общин взималась высокая плата.

Начальник Верненского уезда 4 сентября 1885 года сообщал, что казаки станицы Мало-Алматинской взимают «за право кочевания на казачьих землях с юрты 50 копеек, с головы крупного рогатого скота — по

---

[66] Н. З. Леденев. История Семиреченского казачьего войска, стр. 398.
[67] Там же, стр. 399.
[68] ЦГА КазССР, ф. 39, оп. 1, д. 236, л. 21.
[69] Там же, д. 235, л. 18.

10 копеек, мелкого — по 5 копеек в год или, вернее сказать, за 4 (зимние.— *Л. Г.*) месяца»[70]. Станица Урджарская 21 января 1896 г. сдала сбор покопытной платы на откуп казаку Степану Карлыханову, причем определила «производить сбор по нижеследующему: с юрты 50 копеек, верблюдов, лошадей и коров — по 10 копеек, а с мелкого скота — баранов, козлов, телят и жеребят до $1^1/_2$-летнего возраста — по 5 копеек, за что Карлыханов обязан внести в доход станицы сумму в размере *двести двадцать пять* рублей (225 руб.)»[71]. 22 октября 1917 года общественный сбор станицы Подгорненской постановил: «Обложить покопытным сбором скот, принадлежащий лицам невойскового сословия и нерусской национальности, 4 рубля с головы крупного рогатого скота и 2 рубля с мелкого — с лиц, не имеющих оседлости; 2 рубля с головы крупного и 1 рубль с мелкого с лиц, имеющих оседлость в Подгорном, и 4 рубля с каждой кибитки проживающего в Подгорном киргиза»[72]. К этому времени курс рубля упал. Этим объясняются такие неимоверно высокие ставки.

Покопытный сбор применялся везде, где только казаки или русские из невойсковых сословий выпасали скот на казачьей земле. Это была феодальная денежная рента за пастбища. Но ренту получали не отдельные казаки, а станичные управления. Сборы поступали в станичные суммы и в конечном счете расходовались на военные нужды казачьего войска. Так, через станичные управления и казачьи земельные общины русское помещичье крепостническое государство подвергало феодальной эксплуатации семиреченских скотоводов — казахов и русских крестьян.

Понятно, что нельзя изобразить в цифрах, тем более показать, динамику распространенности феодальных форм эксплуатации. Одно ясно, что они имели место наряду с ростом чисто капиталистических отношений. В качестве эксплуататоров в этих случаях выступали не только казаки-кулаки, но и казачье войско в целом, в конечном счете царизм, русское помещичье самодержавное государство.

До реформы 1861 года «казачье население являлось совершенно замкнутым военным сословием» без права выхода из казачьего сословия. После реформы, с 1869 года, с известными ограничениями казакам было предоставлено право выхода из казачьего сословия и «лицам невойскового сословия... предоставлено право селиться на казачьих землях и иметь недвижимую собственность»[73].

В станицы Семиреченского казачьего войска начали проникать посторонние. По отношению к войсковому сословию они составляли в 1878 году —23,1 процента, в 1890—24,5, в 1900—24,8, в 1906—34,9 и в 1912 году —44,7 процента[74].

Рост постороннего населения станиц в XX веке, с подразделением на интересующие нас категории, виден из таблицы 72.

Приведенные сведения собирались Областным статистическим комитетом со всех казачьих поселений по специально рассылаемым формам. На формах давалось такое указание: «Разночинцами, оседло проживающими, считаются такие, которые имеют в селении собственный дом и хозяйство или же какое-либо промышленное предприятие, например мельницу, лавку и т. п. Все же остальные разночинцы, как, например,

---

[70] Там же, д. 232, л. 70.

[71] Там же, д. 1543, л. 111.

[72] Там же, д. 2000, л. 62.

[73] М. Хорошхин. Военно-статистический обзор казачьих войск. «Военный сборник», 1831, № 6, стр. 309 и 321.

[74] До 1900 г. «Статистический обзор современного положения казачьих войск с приложением картограммы и многих диаграмм». СПб., 1903, стр. 22—26. Остальное — «Отчеты о состоянии Семиреченского казачьего войска» за 1906 и 1912 гг.

Таблица 72

Количество посторонних в казачьих станицах в 1906—1913 годах[75]

Наименование показателей	На 1 января 1907 г.		На 1 января 1910 г.		На 1 января 1913 г.	
	количество	% к 1906 г.	количество	% к 1906 г.	количество	% к 1906 г.
Число посторонних, оседло проживающих в казачьих поселениях семей русских	998	100,0	1278	138,1	715	71,5
В них душ обоего пола	4542	100,0	5628	123,9	5025	110,4
Число посторонних, временно проживающих семей русских	472	100,0	712	150,8	794	168,2
В них душ обоего пола	3121	100,0	4212	134,6	3954	126,7
Число посторонних, оседло проживающих семей местных национальностей	792	100,0	992	126,6	1099	137,5
В них душ обоего пола	3283	100,0	3751	114,2	6829	223,2
Число посторонних временно проживающих семей местных национальностей	616	100,0	601	97,6	1148	186,3
В них душ обоего пола	2549	100,0	2977	116,8	4031	158,1

проживающие на квартирах, в услужении, в караульщиках и т. п., считаются временно проживающими»[76].

Нас прежде всего интересует именно вторая категория — временно проживающие, т. е. явно пролетаризированная часть пришлого населения станиц. Здесь мы видим интересное явление: число бездомных пролетариев быстро растет, причем главным образом за счет местного населения. Это и есть те «джатаки», о которых говорил генерал Свистунов в 1885 году. Теперь, в XX веке, их количество в станицах стало значительно больше, чем было во время ревизии Свистунова, а за 6 лет (1906—1912) оно возросло на 58 процентов.

Были наряду с джатаками и бездомные русские — это крестьяне-переселенцы. Но в последние перед войной годы число русских несколько уменьшилось, должно быть в связи с деятельностью переселенческой организации, водворявшей крестьян на землю.

Все это позволяет сделать вывод о том, что количество вольнонаемных рабочих за счет «посторонних» в станицах возросло, при этом на полях казаков бок о бок работали люди как местных национальностей, так и русские, в том числе и казачья беднота. Вместе с усилением кулацкой части казачества, на другом полюсе станиц создавался многонациональный отряд сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты, происходил процесс интернационального сближения трудящихся всех национальностей (казахи, русские, уйгуры и т. д.). Капитализм, при всей недостаточности своего развития, врывался в замкнутые казачьи общины, разрушая феодальные устои.

Сложнее обстоит решение вопроса с другой категорией посторонних,— имеющих дома, промышленные и торговые предприятия и т. д. Каково их социальное лицо?

В архиве найден «Посемейный список разночинцев, проживающих в станице Мало-Алматинской», за 1870 год. В нем оказалось: не имеющих особых занятий —24 семьи, находящихся на службе — одна семья, за-

---

[75] Составлена на основании данных «Обзоров Семиреченской области за 1906, 1907 и 1912 гг.»

[76] ЦГА КазССР, ф. 44, оп, 12, д. 7672.

нимающихся торговлей — четыре, ремесленников —24 семьи[77]. Данные эти случайны, распространять на все войско их нельзя. Важно только отметить, что в пригородной станице среди разночинцев большое место занимали ремесленники.

Среди использованных выше архивных материалов опытной военно-конской переписи за 1901 год обнаружено некоторое количество списков разночинцев-коневладельцев, проживавших в станицах и выселках Верненского уезда. По этим спискам удалось подсчитать сведения о 152 хозяйствах (см. табл. 73).

Таблица 73

1901 год. Военно-конская перепись разночинцев, проживающих в станицах и выселках Верненского уезда[78]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число хоз-в		У них лошадей	
	всего	% к итогу	всего	% к итогу
I. Без лошадей	3	1,9	—	—
II. С 1 лошадью	70	46,0	70	17,5
III. С 2—3 лошадьми	50	32,9	111	27,7
IV. С 4—5 лошадьми	13	8,7	57	14,3
V. С 6—8 лошадьми	7	4,7	47	11,8
VI. С 9—13 лошадьми	6	3,9	58	14,4
VII. С 14 и более	3	1,9	59	17,3
Итого	152	100,0	402	100,0

Трудно сказать, чем занимались эти разночинцы, но, судя по количеству лошадей, можно заключить, что среди них, кроме имевших торговые и промышленные предприятия, были также арендаторы казачьих земель. Во всяком случае эти люди имели свое хозяйство, а последние три группы из них имели возможность эксплуатировать чужой труд.

Такой вывод подтверждается также и следующей справкой. По использованным выше «опросным листам» 1909 года в станицах и выселках посторонним принадлежало: заимок, пасек и садов, основанных на казачьих землях —436, мельниц —74, шесть заводов по обработке продуктов животноводства и семь маслозаводов[79]. Состав разночинцев, имевших самостоятельные хозяйства, таким образом, разнообразен — это и земледельцы, и садоводы, и промышленники.

В использованной анкете не учтены торговцы, но из отчетов по войску видно, что подавляющая часть торговли в станицах принадлежала также посторонним (см. табл. 74).

Все это говорит о том, что в станицах вырастали не только кулаки-казаки, но также мелкие предприниматели из посторонних. Они перекупали у казаков мельницы, организовывали свои мелкие заводы, захватывали в свои руки почти всю торговлю.

Были среди них также и арендаторы войсковых земель. В таблице

---

[77] Там же, оп. 9, д. 4.

[78] Списки: ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 8, д. 37. Подсчет наш.

[79] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 81. Подсчет ответов на вопрос: «Существуют ли в пределах станичных земель заимки, сады, рощи, а также мельницы, принадлежащие разночинцам».

75 дан подсчет по документу: «Ведомость войсковым землям, от отдачи коих в аренду ожидаются доходы в 1900 году».

Из 40 человек, арендовавших землю войскового запаса, 30 принадлежали к «разночинцам». Все аренды были денежными, довольно крупными, большинство предпринимательскими. Несомненно, это были арендаторы-капиталисты кулацкого типа, которые могли обрабатывать арендованную землю и вольным наймом, и издольно.

Таблица 74

Число торговцев в станицах по сословиям[80]

Годы	Число торговавших в станицах лиц	
	войскового сословия	невойскового сословия
1885	28	134
1892	18	155
1900	27	294
1905	53	396
1908	77	431
1912	84	479

Таким образом, большая часть группы разночинцев, оседло проживающих в станицах и выселках, может быть охарактеризована как группа предпринимателей, приносивших в станицы промышленные и торговые предприятия, арендовавших землю на капиталистических началах, разводивших сады и пасеки Это были капиталисты, выросшие на базе развития в казачьих общинах денежных отношений. Они организовали то-

Таблица 75

1900 год. Аренда земель войскового запаса Семиреченского казачьего войска[81]

Группы арендаторов по размерам аренды	Число арендаторов	Число арендованных участков	Общее количество заарендованной земли, дес.	Общая сумма арендной платы, руб.	Категории арендаторов					
					купцы	казахи и киргизы	мещане	крестьяне	казачьи унтер-офицеры и казаки	чиновники и казачьи офицеры
I. Арендующие до 10 дес.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
II. Арендующие от 10,0 до 50,0	24	24	1009	447,9	1	12	3	3	5	—
III. Арендующие от 50,0 до 100,0	10	14	734	218,7	—	3	1	3	3	—
IV. Арендующие от 100,0 и более	6	62	4377,5	860,2	—	1	—	3	—	2
Итого	40	100	6120,5	1526,8	1	16	4	9	8	2

варное производство. Некоторая часть из этой категории разночинцев, очевидно, занималась ремеслами. Частное предпринимательство в станицах встречало большие препятствия со стороны существовавших там феодальных порядков. Посаженная плата за казачью землю в пользу общин с построек и предприятий посторонних была очень высока. С 1893 по 1898 г. она взималась в размере до 3 коп. с квадратной сажени. С 1899 до 1907 года по разрядам станиц —$3^1/_2$, $2^1/_2$ и 2 коп. с квадратной сажени, с 1907 года —4; 3 и $2^1/_2$ коп. с квадратной сажени в год. На предпринимателей падали также единовременные взносы при заключении

[80] Отчеты о состоянии Семиреченского казачьего войска за соответствующие годы.
[81] Ведомость: ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 10, д. 54, лл. 11—16. Подсчет наш.

договоров на постройки. Одно время в станицах Верненского уезда практиковались даже взыскания феодального налога в общинные суммы с любого ремонта построек и предприятий, находящихся на казачьей земле. Предприниматели по этому вопросу подали жалобу ревизовавшему край графу Палену, после чего этот вид феодальных поборов был отменен. Станичные общественные сборы имели право в любой момент потребовать сноса любой постройки или предприятия. Никакие договоры здесь не имели силы. Над всем довлело «мнение» Государственного совета 1869 года.

Всем этим и объясняется, что число посторонних по рубрике «постоянные жители» в станицах росло медленнее, чем число бездомных.

При всех своих привилегиях от феодальных порядков страдали и казаки-кулаки, вводившие улучшения на своих землях. В тех же анкетах 1909 года стоял вопрос: «Если заимки, сад, роща или пасека заведены самовольно, то могут ли они подлежать сносу при уравнении наделов путем переделов или отобрания излишка?» Ответы на этот вопрос были получены следующие: «могут»—10 ответов, «не могут»—шесть, три ответа сообщали, что практики сноса не было.

Насколько это был существенный вопрос для казачьего кулачества, можно судить по тому, что по данным той же анкеты в 1909 г. насчитывалось 972 заимки с огородами, садами, пасеками. Кроме того, по выселку Илийскому названо 465 десятин под садами (точнее — лесонасаждениями), в числе которых были и заимки. Заводов и мельниц у казаков было очень мало, а заимки с садами, огородами, пасеками и лесонасаждениями насчитывались сотнями. Но так как земля считалась войсковою, распоряжалась ею община, то казак-предприниматель не имел уверенности, что его улучшения не будут когда-либо отняты общиной в пользу другого казака. Все это тормозило развитие капиталистического предпринимательства в казачьих станицах.

Капитализм в станицах развивался, но сравнительно медленно. Одним из доказательств этого является то, что технический прогресс в сельском хозяйстве был выражен очень слабо. Во всех станицах и выселках господствовала переложная система хозяйства без применения удобрений. Использованная нами анкета 1906 года только в 8-ми случаях указывает, что земля частично обновляется посевом клевера (люцерны), в 6-ти случаях указано, что посев клевера применяется иногда в небольшом количестве, но в севооборот не входит, 16 показаний (из 30), что клевер не засевают. Железные плуги применяли далеко не все хозяйства. По той же анкете 1906 года имеются ответы: пахали сохами все —5 показаний, пахали сохами большинство —11, пахали сохами наполовину —2, пахали сохами меньшинство —3.

Из сложных сельскохозяйственных машин в анкете зарегистрированы только 7 жнеек. В смысле применения сельскохозяйственных машин казаки далеко отставали от крестьян-переселенцев. Так тяжелы были путы феодализма для сельскохозяйственного производства в казачьих станицах.

После сказанного возникает вопрос: в каких условиях совершался процесс классового расслоения Семиреченского казачьего войска — в обстановке упадка сельского хозяйства, как это происходило в казахских аулах с животноводством, или в обстановке его подъема?

В таблице 76 приведены показатели развития земледельческого хозяйства.

По данным таблицы 76 обнаруживается, что запашки станиц возрастали абсолютно и до 1909 года они росли относительно массива удобных земель, находившихся в распоряжении казачества. Однако цифры

Таблица 76

Земледелие станиц и выселков Семиреченского казачьего войска[82]

Годы	Население всех сословий, душ	Всего удобной земли, дес.	В том числе распаханной, дес.	% распаханной к удобной	На 100 душ населения		
					распахано, дес.	посеяно, четвертей	снято, четвертей
1888	27969	384847				150,0	960,0
1900	36688	347405	31577	9,1	80,0	110,0	670,0
1903	39431	410276	37173	9,0	90,0	120,0	1150,0
1906	45260	428809	45994	10,7	100,0	130,0	860,0
1909	51513	400557	63890	15,9	120,0	120,0	890,0
1912	57344	488900	62975	12,9	110,0	110,0	920,0
1915	62334	484965	64760	13,4	100,0	100,0	970,0

запашек, посевов и сбора на единицу населения говорят о кризисном состоянии земледелия: с некоторыми колебаниями земледелие имеет общую тенденцию к упадку, к концу изучаемого периода снижаются как посевные площади, так и количество посеянного зерна. Упадок казачьего земледелия происходит на общем фоне подъема земледельческого хозяйства области, показанного выше.

Обращаясь к животноводству, обнаруживаем еще более выразительную картину кризиса казачьего сельского хозяйства (см. табл. 77).

Таблица 77

Скотоводство станиц и выселков Семиреченского казачьего войска[83]

Годы	Душ обоего пола всех сословий	Ед. скота (без свиней) в переводе на взрослую лошадь		Кроме того, свиней	
		всего	на 100 душ населения	всего	на 100 душ населения
1891	29612	44841,4	151,4	—	—
1894	32772	52055,2	158,8	—	—
1897	34055	52438,7	154,0	1928	5,4
1900	36003	52780,9	146,6	1940	5,3
1903	39431	50362,6	127,7	2859	7,3
1906	45260	62497,4	138,0	2577	5,7
1909	51513	69749,4	133,4	3102	6,0
1912	57344	79123,9	137,9	4504	7,9
1915	62334	73107,9	133,3	2521	4,0

Начиная с 1894 года количество скота на единицу населения неуклонно снижается, хотя общее поголовье возрастает. Таким образом, и по состоянию земледельческого хозяйства и по развитию животноводства в сельском хозяйстве казачества обнаруживается глубокий кризис. Классовое расслоение в станицах и выселках и общее обнищание трудового казачества совершалось в условиях упадка сельского хозяйства. Еще в 1895 году В. Остафьев итоги своих наблюдений над казачеством сформулировал следующим образом: «Заселение киргизской (казахской.—*П. Г.*) степи приняло характер искусственно-принудительный. Большие земле-

[82] Отчеты о состоянии Семиреченского казачьего войска за соответствующие годы.
[83] Там же.

дельческие колонии, вполне удовлетворявшие военным целям, не могли развиваться в экономическом отношении. Естественное последствие последнего — постепенный упадок наших степных колоний»[84]. Именно военно-феодальные интересы царизма вступили в острое противоречие с экономическим развитием казачьих поселений. Так было в XIX веке, так продолжалось и в XX веке. Это замечали царские чиновники, это бросалось в глаза и посторонним наблюдателям.

После всего сказанного, единственной причиной кризиса сельского хозяйства войска можно назвать только те феодальные отношения, какими опутывалось казачье население. Размеры производства растущего казачьего кулачества не перекрывали того большого урона, какой несли бедняцкие и середняцкие хозяйства.

Изучаемой группе крестьянства — казачеству — не противостоял непосредственно крепостник-помещик, но на казачье сельское хозяйство давила феодальная община и царская администрация. «Остатками крепостничества является не только помещичья собственность, но и нынешняя надельная собственность» (Ленин). Эта феодальная надельная собственность и являлась главным тормозом развития производительных сил сельского хозяйства казаков. Как перед всем российским крестьянством стояла задача революционным путем вымести начисто пережитки феодализма в сельском хозяйстве, так и перед трудовым казачеством во весь рост стояла эта задача. В разрушении феодальной общины прежде всего были заинтересованы казачья беднота и средние по достатку казаки. Объективный ход общественного развития с неизбежностью включал их в борьбу за демократический (американский) путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Только кулацкая верхушка казачества цеплялась за феодальные методы эксплуатации.

---

[84] В. Остафьев. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. «Записки Западно-Сибирского отдела РГО», кн. XVIII. Омск, 1895, стр. 7—8.

IX. КРЕСТЬЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ИЗ РОССИИ. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА

Колонизация Юга Казахстана крестьянством из России — русским, украинским, белорусским—началась с Семиречья. Позднее, в несколько отличной от Семиречья форме, она распространилась и на Сыр-Дарьинскую область. Переселенческая политика конца XIX века — периода промышленного капитализма — отличалась от политики начала XX века — периода империализма[1].

1. Переселенческая политика конца XIX века

Как уже показано выше, с конца 60-х годов генерал-губернатор Туркестанского края Кауфман и военный губернатор Семиреченской области Колпаковский держались того взгляда, что в новой обстановке для русского царизма выгоднее колонизировать край крестьянами-переселенцами, чем казачеством. В связи с этим в 1869 году Колпаковским, по указаниям Кауфмана, был разработан план колонизации Семиреченской области, по которому было намечено образовать в 5 уездах области 33 поселка с общим количеством семей 1345 и, кроме того, по 47 пикетам на трактах поселки по 10 семей — 470 семей. Всего основать 80 точек, заселенных русскими крестьянами, с общим количеством 1815 семей переселенцев[2], вместо 1500 казачьих семей, предположенных к переселению в Семиречье по плану сибирского генерал-губернатора, о котором говорилось выше.

Этот план возник в период, когда еще продолжалось завоевание Туркестанского края. Он был составлен в противовес плану сибирского генерал-губернатора, стоявшего за всемерное расширение казачьей колонизации области, и носил на себе печать военных соображений. Стремились, «чтобы в соединении с казачьими поселениями и городами» вновь образуемые крестьянские поселения «могли составить непрерывную по возможности сеть оседлых поселений, расположенных по главным путям сообщения и плодороднейшим местностям»[3].

В объяснительной записке к проекту Колпаковский мотивирует свои

[1] В целом по Казахстану этот вопрос разработан в кн.: А. Б. Турсунбаев. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950.

[2] «Материалы для статистики Туркестанского края», под ред. Маева, вып. I, 1872, стр. 196—198.

[3] Проект отчета Кауфмана, стр. 175.

предложения главным образом изменением обстановки: «В настоящее время, когда политическое положение края с 1864 года так изменилось..., нет уже надобности в заселении казачьими поселениями», которые стоят государству очень дорого и требуют обширных земельных площадей. К тому же «русское казачье население недалеко продвинуло культуру страны по малой способности сибирского казачества к трудовой жизни хлебопашца...» Далее: «...На основании всех этих соображений устраиваемые сельские поселения в Семиреченской области предположены в представляемом проекте крестьянскими. Исключение приходится сделать только для поселений, предполагаемых при укреплении Нарынском и близ развалин укрепления Куртка...»[4].

Иначе говоря, Кауфман и Колпаковский считали возможным и необходимым продолжить линию казачьих поселений вдоль китайской границы на юг, но коммуникации между станицами и «тыл» казачьей военной линии они предпочитали заселить крестьянами, как хорошими (по сравнению с казачеством) хлебопашцами.

Предполагалось намеченное количество крестьянских семей переселить в Семиречье по наряду губернаторов из России и Украины. Но русское и украинское крестьянство, гонимое малоземельем и нищетой, после реформы 1861 года стихийно шло на окраины. Помещики всячески сопротивлялись этому движению, стремясь сохранить за собой крестьянскую рабочую силу и выгодных арендаторов их земель. Но тяжесть положения крестьянства в России была настолько велика, что прекратить начавшийся процесс крестьянских переселений не было возможности. Кауфман и Колпаковский, отражавшие военную сторону интересов российского военно-феодального империализма, вместо того, чтобы возвращать крестьян из края на родину, чего требовали царские законы, воспользовались этим процессом для колонизации Семиречья. Но откуда и как было взять землю для переселенцев?

Колпаковский признает: «Все предполагаемые для устройства поселений местности в настоящее время заняты киргизскими (казахскими. — *П. Г.*) пашнями или зимовками и покрыты обширными системами арыков (ирригационных каналов)...» Где же «юридические» основания для того, чтобы согнать казахское крестьянство с их пашен и зимовок?

Мы помним, что в это время Семиречье управлялось по Положению 1867 года, по которому земельные отношения не регламентировались. Не имея прямых юридических оснований для изъятия земель, Колпаковский ссылается на общий принцип, зафиксированный еще Уставом о сибирских киргизах 1822 года «относительно земель большой Семипалатинской области», по которому казахские земли объявлены государственными, и настаивает, чтобы этот принцип был применен и к Семиречью. «Если же все земли Семиреченской области, — пишет он, — составляют собственность государственную, то без всякого сомнения государство имеет полное право в видах государственной пользы и блага для самого края изъять часть этих земель из пользования киргизов (и казахов. — *П. Г.*) и предоставить их вновь устраиваемым сельским оседлым поселениям»[5].

Право феодального захвата казахских земель российским помещичьим государством, зафиксированное как в уставе 1822 года, так и в Положении 1868 года,— вот «юридическая» основа для изъятия земель у казахов, хотя в строгом смысле слова эти законы на Семиречье не распространялись.

Однако, как уже сообщено выше, Кауфман и Колпаковский в эти

---

[4] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 2257, лл. 4—6.
[5] Там же, лл. 8—9.

годы проявляли по отношению к казахскому населению и некоторую осторожность, опасаясь, что растущее недовольство казахов захватами их земель может создать крайне неблагоприятную политическую обстановку в области в случае военных осложнений на среднеазиатских границах. Поэтому Колпаковский и в цитированной записке, и в проекте представленного им «Положения об устройстве в Семиреченской области сельских поселений» проявляет некоторую осторожность. Он записывает требование, чтобы в случаях изъятия казахских обработанных и орошенных земель «вознаграждать» казахов «за отведенные для поселений земли отводом других смежных по возможности мест, распределяя равномерно между всеми смежными волостями остающиеся за наделом поселений земли».[6]

При всей невозможности на практике обеспечить такого рода «компенсацию», даже эти высказывания Колпаковского нашли в Ташкенте со стороны начальника штаба Туркестанского военного округа резкое осуждение, как слишком либеральные. В замечаниях на записку и «Проект Положения» он осуждает «разглагольствования» Колпаковского насчет «вообще благоденствия и благополучия» и откровенно заявляет: «Надобно же когда-нибудь откровенно себе признаться, что наше дело — интерес прежде всего русский, национально-русский..., земля занятая киргизами не есть их собственность, а государственная. Заведение русских поселений есть такая же государственная необходимость, как постройка укреплений, которые в Оренбургской степи возведены на лучших кочевых местах, или зимовках... Русский оседлый элемент должен их (казахов и киргизов. — *П. Г.*) вытеснить из края, или перевести вовсе. ...заботиться об особенном развитии хлебопашества у киргизов нет и надобности... Говоря прямо, все-таки будет то, что с лучших мест, удобных для оседлой жизни и земледелия, киргизы будут оттесняться в худшие — что совершенно необходимо при развитии русского переселения»[7].

Таковы «либеральные» «фразы и разглагольствования» Колпаковского, с одной стороны, и откровенное выражение самой сути военно-феодальной колониальной политики царизма начальником штаба Туркестанского военного округа — с другой. «Худших» ли хлебопашцев — казачество, или «лучших» хлебопашцев — крестьянство — водворяли царские генералы в казахских степях, в обоих случаях это была оголтелая, глубоко шовинистическая военно-феодальная политика, направленная на образование в степи «опоры» для царизма, чего-то вроде «крепостей», за счет грабежа казахских земель, изгнания казахов в степи и горы. В этом заключалась суть царского законодательства по аграрному вопросу, в этом же направлении шла и практика царской администрации в деле осуществления этих законов.

«План» Кауфмана — Колпаковского к 1882 году был перевыполнен в части поселения крестьян в отдельных поселках, хотя и недовыполнен в части поселения по пикетам на трактах. За время с 1868 года, т. е. со времени начала разработки плана, к 1 января 1882 года — «вместо 1375 семей... причислено в крестьянские поселения области уже 1718 семей крестьян, в том числе 7398 душ мужского пола и 6219 — женского, всего 13 617 душ обоего пола, не считая 152 семейств отставных или запасных нижних чинов»[8]. Насколько был значителен этот успех, можно судить по тому, что к началу 1882 года в Семиречье числилось казачьего насе-

---

[6] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 8, л. 15.

[7] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 2257, лл. 91—93. Подпись автора этих строк расшифровать не удалось.

[8] «Обзор Семиреченской области за 1882 год», б/г и места, стр. 73.

ления 20 411 душ[9]. Крестьяне-переселенцы и осевшие в области «запасные нижние чины» уже составили по отношению к казачьему населению около 70 процентов. Кауфман торжествовал. В своем отчете он писал, что Семиреченская область теперь «русская», что «русскими оседлостями она уже связана по всем и главным, и второстепенным своим сообщениям», что «среди самих русских оседлостей наконец здесь на первом плане выступают в настоящее время не одни мелкие городки, населенные наполовину татарами, и не одни редкие казачьи станицы с их сибирским полубродячим населением, а зажиточно на степном приволье благодатного края разрастающиеся крестьянские деревни и общины»[10]. Кауфман считал своим крупным успехом осуществленный им поворот от казачьей к крестьянской колонизации, ошибочно полагая, что каждый «русский» в крае будет непременно опорой господства российского военно-феодального империализма.

Но и после выполнения плана Колпаковского колонизация продолжалась. В таблице 78 представлены итоги роста крестьянских поселений в XIX в.

Таблица 78

Итоги крестьянской колонизации Семиреченской области к 1895 году[11]

Уезды	1884 г.		1895 г.			Кол-во душ казачьего сословия в области на 1. I 1896 г.	% переселенцев крестьян к казакам в 1895 г.
	число крестьянских селений	душ обоего пола	число крестьянских селений	душ обоего пола	% общего кол-ва населения по отношен к 1884 г.		
1. Казахские:							
Верненский	6	3092	6	5042	163 1	12302	41,0
Капальский	2	1277	2	3128	244,9	6473	48,3
Сергиопольский (Лепсинский)	9	6494	8*	10084	155,3	5938	68,1
Джаркентский						1481	—
Итого	17	10863	16	18254	168,0	26194	69,7
2. Киргизские:							
Токмакский (Пишпекский)	8	4176	10	9397	225,5	—	—
Иссык-Кульский (Пржевальский)	6	4118	6	7918	192,3	—	—
Итого	14	8294	16	17315	208 7	—	—
Всего по области	31	19157	32	35569	185,7	26194	135.8

* Из 9 селений, показанных в 1884 году, селение Лепсинское вошло в состав города.

Таблица 78 охватывает период до закрытия Семиречья для приема текущих из России переселенцев в 1896 году.

Если брать всю область в целом, то мы видим, что количество населения в крестьянских поселках на 35,8 процента превысило численность «казачьего сословия». Крестьянская колонизация явно вышла к концу XIX века на первый план. Основные стратегические районы —

[9] Н. З. Леденев. Цит. работа, табл. Б.

[10] Проект отчета ..., стр. 186.

[11] По данным «Обзоров области за 1884 и 1895 гг.» и по работе Леденева «История Семиреченского казачьего войска», приложения.

Верненский и Капальский казахские уезды — еще сохранили ведущее место за казачьей колонизацией. Но Сергиопольский казахский уезд и вся Северная Киргизия колонизировались крестьянством. Из 32 крестьянских поселений области Северная Киргизия получила 16 крестьянских поселков, 17 315 душ населения. Создалась цепь русско-украинских поселений по Ташкентско-Верненскому тракту, которая на р. Чу через пос. Кара-Балты сомкнулась с продолжением этой цепи по Сыр-Дарьинской области.

Однако, выполнив план Колпаковского в начале 80-х годов, администрация к образованию новых поселений охладела. С 1883 по 1893 год ни одного нового крестьянского поселка в области образовано не было. Но в начале 90-х годов по причине голода в России прилив переселенцев-самовольцев в область усилился. Из этих переселенцев в 1893 году в Пишпекском уезде были образованы селения Георгиевское и Ивановское. До этого вновь прибывающие в область крестьяне оседали где угодно, но только не во вновь образуемых поселениях. «После того как на Семиреченскую область распространен закон о переселении 1889 года, начинается новый период в истории крестьянского переселения в Семиреченскую область. Последний характеризуется главным образом борьбой администрации с прибывшими переселенцами-самовольцами. В этом случае местная администрация руководствовалась господствовавшим в то время взглядом на переселение, допускавшим переселение лишь с разрешения правительства, и распоряжением министра внутренних дел о прекращении переселения в степные области впредь до приискания свободных земель»[12], — так характеризуется этот период в одной из записок управления Семиреченского переселенческого района, образованного в 1906 году.

Переселенцев-самовольцев и в этот период из области, правда, не выселяли, как это требовалось по закону 1889 года, но и особенного содействия их устройству не оказывали. В конце концов добились, что Семиреченская область в 1896 году для приема переселенцев была совершенно закрыта.

Тем не менее население крестьянских поселков возросло за 12 лет на 78 процентов. При замедленном росте казачьих станиц значительно быстрее разрастались крестьянские поселки.

Почти одновременно с вопросом о крестьянской колонизации Семиречья возник вопрос и о колонизации Сыр-Дарьинской области.

Еще в 1866 году 12 июня, т. е. до образования Туркестанского генерал-губернаторства, начальник правого фланга Туркестанской области, командовавший районом, прилегающим к Сыр-Дарье, по предписанию из Ташкента разослал запрос комендантам фортов, чтобы те сообщили свое мнение о возможности поселения русских людей на укрепленной линии.

На этот запрос только один начальник укрепления Джулек ответил, что «свободной земли в окрестностях Джулека будет совершенно достаточно для водворения ста семейств русских поселян»[13]. Остальные коменданты фортов отнеслись к идее колонизации отрицательно. Очень показательна их мотивировка. Комендант форта № 1 пишет, что увеличение числа русских поселков у форта, по его мнению, является «совершенно бесполезным, но если же увеличить их, то необходимо будет отнять удобные земли от кочевников киргизов в районе форта № 1, что я полагаю невозможным». Он считает, что «трудолюбивые хлебопаш-

[12] ЦГА КазССР, ф. 19, оп. 1, д. 1138, л. 4. Предположительно автором документа был Велецкий.

[13] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 8, л. 7.

цы» — казахи «более приносят существенной пользы для края», чем русские поселяне, «мало занимающиеся хлебопашеством, а большею частью занятые незначительною торговлею с киргизами»[14].

Комендант форта Перовский заявил, что колонизация вообще не нужна, ибо «скотоводством с успехом занимаются киргизы», хлебопашество же «у киргизов также хорошо идет и развивается, и хлеба здесь столько, что может быть достаточно как для содержания местных войск, так для пропитания киргиз кочевников». Если же поселить русских поселенцев, то они «не займутся хлебопашеством, а будут сдавать свои земли киргизам и, давая им семена, станут получать с них за то половину урожая, т. е. весь труд достанется на долю киргиза и последний сделается только работником...»[15].

На аналогичный запрос «управляющий левым флангом Туркестанской области» из Аулие-Аты ответил: «Свободных земель на левом фланге Туркестанской области нет, так как кочевое население, кочуя по всей Чуйской долине, считает земли эти своею собственностью». Вместе с тем он признавал возможным «без стеснения кочевого населения водворить поселян на следующих пунктах в следующем количестве: в Токмаке — 100 семейств, на Пишпеке — 100 семейств, на Аксу 100 семейств, на Чалдаваре и Мерке — 100 семейств»[16]. В том же духе, хотя и без указания конкретных пунктов поселения, ответили из Чимкента.

Обращаем внимание на то, как глубоко отличается дух приведенных документов от того, что происходило в это время в Семиречье. Здесь, на Сыр-Дарье и Чу, еще не было той практики грабежа земель казахов, какая с 1847 года наблюдалась в Семиречье. Офицеры регулярной армии подходят к вопросу совершенно реально: в стоне казахов с их пашен они видят только вред, если же и высказываются за водворение русских поселенцев, то исключительно при том условии, что под русские поселения будут пущены только подлинно свободные земли. Такие мнения шли от низовых звеньев управления Туркестанской областью.

Но с 1867 года, со вступления Кауфмана на пост туркестанского генерал-губернатора, планы колонизации края начали разрабатываться в ином направлении. В июле этого года поручик Маев подал Кауфману записку о колонизации края. Записка не содержала в себе конкретной разработки вопроса, но по основной своей мысли она ставила переселенческий вопрос в новую плоскость. Маев предложил дело колонизации края подчинить военно-политическим целям. Он считал необходимым колонизировать край отставными солдатами, а затем и крестьянами. Селить их он предлагал в первую очередь «между Орском и Ташкентом», а затем по дорогам в направлении к Чимкенту и другим городам. «Из этих солдатских поселений, — говорил Маев, — образуется по реке Сыр-Дарье непрерывный ряд слобод наподобие казачьих станиц, которые могут принести большую пользу в случае, если бы в Туркестане возникли какие-либо беспорядки».

Этим предложением Маев сближает характер колонизации Сыр-Дарьинской области с Семиреченской. Там основной военной силой было казачество. Коммуникации и тылы казачьих станиц заселялись крестьянами. Здесь, при отсутствии казачества, предлагалось образовать поселки из отставных солдат и крестьянства, создать «непрерывный ряд слобод, наподобие казачьих станиц». Если еще в 1866 году на колонизацию Туркестанской области пытались смотреть только с эко-

[14] Там же, л. 6.
[15] Там же, л. 16.
[16] Там же, л. 24

номической точки зрения, то теперь начинают на нее смотреть с точки зрения военно-политической или, точнее, — военно-полицейской.

Поселки, по идее Маева, должны стать вооруженными опорными пунктами: это крестьяне, действующие под командой солдат. «В случае же, если бы означенным русским поселениям угрожала какая-либо опасность, то находящиеся в станицах (именно *в станицах,* а не в поселках! — *П. Г.*) отставные нижние чины всегда могут быть руководителями поселенцев, ободрить их и указать, как отбить нападение»[17].

Что план Маева не являлся только частным мнением его автора, видно из того, что в 1871 году в объяснительной записке Кауфмана к проекту Положения об управлении Туркестанским краем говорилось также, что русские поселки в крае должны располагаться «от Оренбурга к низовьям Сыр-Дарьи и по этой реке до Ташкента и от Семипалатинска до Верного и далее вдоль подошвы Александровского хребта до Ташкента»[18]. Стратегические соображения Маева стали для туркестанской администрации программой в переселенческом вопросе.

В 1867 году Кауфман, однако, еще не принял решения по существу. 3 января 1868 года он поручил «члену военноокружного совета полковнику Николаеву ... заняться разрешением этого вопроса». Николаев вскоре умер, не представив результатов своего труда. После смерти Николаева, в апреле 1869 года, вопрос для разработки был передан капитану Комарову, но и он умер, не доведя разработку до конца.[19] Посмотрим, какие трудности возникли перед царской администрацией в разрешении этого вопроса.

Главное здесь, как и в Семиречье, заключалось в том, как и откуда взять землю для переселенцев. Поручение Кауфмана Николаеву именно и мотивировалось тем, что «поземельные права не определены и не выяснены» и это обстоятельство «не позволяет распространять и устраивать русские поселения»[20]. О поземельных правах, как уже говорилось, в Положении 1867 года не было ни строки. Сам же Кауфман еще только начинал разработку Положения об управлении Туркестанским краем.

После смерти Николаева в его делах найдена незаконченная записка по аграрным отношениям в Туркестане.[21] Изучив аграрное законодательство того времени по отношению к кочевникам и ознакомившись с аграрными отношениями кочевников, Николаев пришел к выводу, что назрела необходимость в таком законодательстве, которое отразило бы действительные процессы, происходившие в ауле, в частности процесс перехода кочевников к оседлому земледелию. Ни юридических, ни тем более экономических оснований для изъятия удобных для хлебопашества земель у кочевников и передачи их русским поселенцам Николаев не нашел. Никаких мер к организации и расширению крестьянской колонизации он предложить не сумел.

Между тем шла описанная выше разработка Положения об управлении Туркестанским краем. Результат нам известен. Н. Гаврилов излагает его следующим образом: «В пределах кочевых волостей по Туркестанскому положению (ст. 270) все земли оказались в пользовании кочевников, и законом совершенно не было предусмотрено способов установления в пределах киргизских кочевий неиспользуемых кочевниками, не нужных им свободных земель»[22]. И таких земель действительно не было. А если и было возможно «без ущерба для кочевников» получить

---

[17] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 16, д. 15, л. 4 и 8.
[18] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 21, д. 230, л. 146, стр. док. 100.
[19] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 9 и 21.
[20] Там же, оп. 14, д. 9, л. 1.
[21] Там же, д. 9а, лл. 19—33.
[22] Н. Гаврилов. Переселенческое дело в Туркестанском крае. СПб., 1911, стр. 6.

удобные для заселения земли, то для этого требовалось произвести дорогостоящие работы по их орошению и мелиорации. Но для выполнения этих работ у царизма не было средств. Оставался один путь — насильственно изъять земли у казахов. По стечению же описанных выше обстоятельств туркестанская администрация не получила в свои руки юридических оснований для осуществления этой операции, к тому же, заметим, она не всегда проявляла особое рвение в этом деле: связанная с орудовавшим в крае торгово-ростовщическим капиталом, местная администрация во многих случаях больше стремилась к тому, чтобы в «спокойной обстановке» развивать в крае торговлю сельскохозяйственным сырьем и эксплуатировать местное население путем поборов, взяток, чем во имя «общегосударственных» стратегических и полицейских целей возбуждать недовольство казахов грабежом их земель. Колонизацию Сыр-Дарьинской области до принятия закона об изменении ст. 270 Положения 1886 года пришлось проводить на иных основаниях, чем в Семиречье.

Землю для переселенцев брали путем сделок с казахским населением, действуя через социальную верхушку аула — баев-феодалов. «Для устройства каждого русского поселка,— свидетельствует Н. Гаврилов,— входили в соглашение с кочевниками об уступке ими земли под поселок, при этом иногда за денежное вознаграждение»[23].

В 1906 году по ходатайству чимкентского уездного начальника было отпущено «по смете Переселенческого управления...120 тыс. руб. ... для вознаграждения казахов за уступаемые ими оросительные сооружения». Из этих сумм оплачивались изымаемые у казахов земли по расценкам, в которые по закону входила только стоимость арыков, насаждений и расходы по сносу построек. Уплаченные суммы зачислялись в ссуду переселенцам «в рассрочку на три года из 5 процентов по круговой поруке»[24]. На деле же переселенцы несли также дополнительные «темные» расходы, чтобы склонить казахских старшин и управителей на вынесение соответствующих приговоров. Покупки земель казахов юридически воспрещались. На деле же сами чиновники вынуждены были поощрять своеобразную форму капиталистической мобилизации земельной собственности. Еще феодальная собственность на землю в области не вполне оформилась, а уже земля стала поступать в продажу, складывалась цена на землю. Чиновники в своих донесениях обычно представляли дело так, будто русские поселки в области устраивались их заботами, фактически же администрация шла по следам переселенцев, сделки крестьян с казахскими общинами чиновники оформляли своими решениями.

Главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин в 1912 году в своей записке о поездке в Туркестан отметил: «За исключением первых поселков, почти все, что было сделано для колонизации (Туркестана.— *П. Г.*), сделано самими самовольными переселенцами. Это они проникли в северные уезды Сыр-Дарьинской области... Это они расположились здесь..., сумев войти в «незаконные» соглашения с киргизами об аренде и покупке у них земель»[25]. Именно *они,* переселенцы, а не чиновники, обеспечивали себя землею в период колонизации до закона 19 декабря 1910 года. Конечно, здесь имел значение и административный нажим чиновников, но в основном это была капиталистическая мобилизация земельной собственности.

---

[23] Там же, стр. 6.

[24] «Отчет по ревизии Туркестанского края... графом К. К. Паленом». «Переселенческое дело в Туркестане». СПб., 1910, стр 213.

[25] «Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году» Приложение ко всеподданнейшему докладу. СПб., 1912, стр. 46.

Естественно, что при таком способе приобретения земли крестьянами она с самого начала распределялась между поселенцами неравномерно. Вот характерный пример. В 1906 году в Аулие-Атинском уезде образовался поселок Благовещенский. О нем в отчете военного губернатора Сыр-Дарьинской области за этот год читаем: «Хотя официально земля под поселок отведена безвозмездно, но на самом деле для того, чтобы добиться приговоров от киргизов (казахов.— *П. Г.*) об отдаче им, переселенцам, земли, последним приходилось подкупать влиятельных киргизов, платя кому 5, 10, а иным и по 100 рублей. Поселяне считают, что на этом они затратили до 5000 руб. При таких условиях богатые захватили по нескольку паев, а бедные по одному»[26].

Таким способом Благовещенский поселок получил на 42 двора 1450 десятин земли, но в образовавшейся в поселке общине уравнительности землепользования с самого основания поселка не было. И такое явление по существу было всеобщим. В «Ревизии» К. К. Палена читаем, что при заведующем Сыр-Дарьинским переселенческим районом Арцышевском (он был сня с работы за злоупотребления) «образованные в Чимкентском уезде участки не были использованы для устройства безземельных переселенцев, а поступили главным образом во владение хорошо обеспеченного землей старожилого населения»[27]. В данном случае земли получали с помощью названной выше правительственной ссуды, и все же земля попадала не в руки вконец разорившихся переселенцев-самовольцев, а в руки кулаков-старожилов.

В условиях, когда в получении земли от казахов решающую роль играло не административное отчуждение, а денежные затраты самих поселенцев, иначе и быть не могло. Характер изъятия земель в Сыр-Дарьинской области способствовал ускоренной классовой дифференциации в крестьянских поселках.

Таблица 79

Прямое и обратное движение переселенцев по Семиреченской и Сыр-Дарьинской областям[28]

Годы	Прямое движение переселенцев			Обратное движение переселенцев			
	в Семиреченскую область	в Сыр-Дарьинскую область	всего	из Семиреченской области		из Сыр-Дарьинской области	
				всего	% к прямому	всего	% к прямому
1896—1909	17911	9824	27735	2284	12,8	1859	18,9
1910	6575	1559	8134	906	13,8	491	31,5
1911	4842	995	5837	1539	31,8	420	42,2
1912	11298	1166	12464	834	7,4	412	36,5
1913	14321	2454	16775	1233	8 7	391	15,9
1914	10574	1345	11919	763	7,2	127	9,4
1910—1914	47610	7519	55129	5275	11,1	1841	24,5
Всего	65521	17343	82864	7559	11,5	3700	21,3

При всем военно-феодальном характере Положения 1886 года, отсутствие пункта о предоставлении туркестанским властям права насиль-

[26] ЦГА УзССР, ф. 269, оп. 1, д. 344, ч. I, л. 159—«Всеподданнейший отчет военного губернатора Сыр-Дарьинской области за 1906 г.»

[27] Цит. «Переселенческое дело в Туркестане», стр. 218—219.

[28] Н. Турчанинов и А. Домрачев. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. (включительно) Пг., 1916, стр. 50—51.

ственно изымать казахские земли для нужд колонизации делало этот закон в какой-то степени более «буржуазным» по сравнению с Положением 1891 года. Недаром империалистическая буржуазия (Милюков, кадеты) в Государственной думе резко возражала против приведения ст. 270 Положения 1886 года в соответствие со ст. 120 Степного положения 1891 года. Принятый против воли империалистической буржуазии закон 19 декабря 1910 года ликвидировал этот единственный элемент «буржуазности» закона 1886 года. Его ликвидация явилась большой победой военно-феодального империализма над империализмом капиталистическим.

Менее благоприятные условия для русского крестьянства в Сыр-Дарьинской области по сравнению с Семиреченской сдерживали наплыв неимущей крестьянской бедноты. Поток переселенцев в Сыр-Дарьинскую область был значительно слабее, чем в Семиреченскую. Зарегистрированное правительственной статистикой прямое и обратное движение переселенцев в изучаемые области можно видеть из таблицы 79.

Стихийное движение переселенцев, по совершенно правильному замечанию И. Гейера, направлялось «в ту сторону, где по слухам и земли много и урожай надежнее»[29]. Это отражено в таблице 79. Большие надежды на получение земли были в Семиреченской области, и мы видим, что переселенцев прошло туда почти в четыре раза больше, чем в Сыр-Дарьинскую. В то же время обратное движение переселенцев, из Семиречья за 19 лет составило только 11,5 процента, тогда как по Сыр-Дарьинской области —21,3 процента. Характерно, что обратный уход переселенцев в обеих областях начал снижаться после 1911 года. Это объясняется тем, что именно с 1911 года и там и здесь началось широкое водворение переселенцев на землю: по Семиречью — потому, что до 1910 года область официально была закрыта для переселения, на землю водворяли только накопившихся в области с прежних лет самовольцев, и только с 1911 года начали наделять вновь прибывших; по Сыр-Дарьинской — потому, что только с 1911 года здесь начались изъятия земель у казахов по закону 19 декабря 1910 года.

И. А. Гурвич еще в 1888 году предсказывал, что «чем интенсивнее будет ход переселения в ближайшие годы», тем скорее «это неизбежно приведет к увеличению шансов неудачного переселения и к умножению случаев возвращения переселенцев на родину»[30]. Интенсивный наплыв переселенцев в изучаемый край при невозможности получить землю вызвал в первое десятилетие XX века широкое обратное движение. Когда же после 1910 года появилась надежда на получение наделов, обратное движение начало спадать.

Среди шансов на удачное устройство на земле для бедноты И. А. Гурвич совершенно правильно называет возможность накопить деньги на домообзаводство, работая по найму. Когда есть спрос на рабочие руки, писал он, «мало по малу, при помощи упорного труда и строгой воздержанности, в течение нескольких лет переселенцу удается снова сделаться вполне самостоятельным хозяином»[31]. Когда же возможности заработать деньги на домообзаводство не было, бедняки были вынуждены или оставаться в крае на положении батраков, или возвращаться в Россию. Из сказанного выше об особенно интенсивном обнищании казахского крестьянства в Сыр-Дарьинской области вытекает, что предложе-

[29] И. Гейер. Крестьянская колонизация Сыр-Дарьинской области. Ташкент. 1892, стр. 203.

[30] И. А. Гурвич. Переселение крестьян в Сибирь. М., 1889, стр. 89. Работа получила положительную оценку В. И. Ленина.

[31] Там же, стр. 80.

ние рабочих рук здесь было очень высокое, обнищавший переселенец-самоволец не так легко находил заработок, чтобы поднакопить средства для домообзаводства, тем более на аренду земли. Возвращение крестьян-переселенцев обратно в Россию из Сыр-Дарьинской области поэтому было особенно интенсивным.

Между тем, хотя и медленнее, чем в Семиреченской области, крестьянская колонизация здесь все же совершалась. Ее итог на 1906 год представлен в таблице 80.

Таблица 80

1906 год. Итоги крестьянской колонизации казахских уездов Сыр-Дарьинской области[32]

Уезды	Число поселков	Число дворов	Население			Земли в наделах, дес.
			мужчин	женщин	обоего пола	
Чимкентский	18	1190	4332	3997	8329	57067
Аулие-Атинский	27	2204	7726	7160	14886	66035
Перовский	4	174	382	346	728	12038
Казалинский	—	—	—	—	—	—
Всего	49	3568	12440	11503	23943	135140

Первый русский поселок на территории Сыр-Дарьинской области — Кара-Балты — был основан в 1874 году. Впоследствии он был перечислен в Пишпекский уезд Семиреченской области. За ним последовало основание других поселков: с 1874 по 1882 год основано 6 поселков; с 1884 по 1890 год —14 поселков. Голод 1891 года в России вызвал особенно большой прилив переселенцев в область. «В течение двух следовавших за голодным (1891) лет, рядом с существовавшими дотоле в Сыр-Дарьинской области 20 селениями, образовались еще 17 новых поселков, так в 1892 году число водворенных в Сыр-Дарьинской области семей составило 2560»[33]. Дальнейший ход колонизации виден из таблицы 80: в 1906 году по области уже насчитывалось 49 поселков с 3568 хозяйствами. Рост за 13 лет составил 39,4 процента.

Колонизовалась область не такими темпами, как бы хотелось царскому правительству, и, кстати сказать, не совсем в том направлении, как это планировал Маев и как этого хотел туркестанский генерал-губернатор. Из таблицы видим, что линии слобод по Оренбургско-Ташкентскому тракту вдоль р. Сыр-Дарьи не получилось — Казалинский уезд совсем не имел поселков, а в Перовском уезде поселилось только 174 семьи в четырех очень маленьких поселениях. Само переселенческое крестьянство вносило поправку в планы генералов, управлявших краем: оно не находило для себя удобным оседать в степных уездах, устремлялось в уезды, где были достаточно удобные для земледелия климатические и почвенные условия.

Царизм был не способен к созданию оросительных сооружений, чтобы направить колонизацию в желательном для администрации направлении. Недостаточно было сил и возможностей, чтобы стихийное крестьянское движение в поисках земель целиком подчинить военно-полицейским планам царских генералов. Но в той степени, насколько это

[32] По данным «Обзора Сыр-Дарьинской области за 1906 год». Ташкент, 1907, стр. 158—160.

[33] «Отчет по ревизии Туркестанского края... К. К. Паленом». «Переселенческое дело в Туркестане». СПб., 1910, стр. 177—178.

удавалось, поселки действительно основывались на стратегических дорогах. Уже в отчете за 1891 год военный губернатор Сыр-Дарьинской области писал: «В настоящее время весь почтовый тракт от Сибири до Ташкента пролегает через русские селения и только от города Чимкента на протяжении 84 верст нет русских селений»[34]. Добавим, что к концу XIX— началу XX века и этот промежуток был заполнен: по тракту Ташкент — Чимкент расположилось 9 крестьянских поселков, а считая стоящее чуть в стороне селение Кауфманское —10 поселков[35]. Цель, поставленная русской колонизацией еще в 1867 году, преследовалась неуклонно. Не удалось заселить Оренбургско-Ташкентский тракт вдоль р. Сыр-Дарьи, зато заселили тракт Ташкент — Верный: Сыр-Дарьинская область по своей территории, Семиреченская — по своей.

Вместе с тем в полном соответствии с «планом» Маева — Кауфмана русские поселки рассматривались как военно-полицейские опорные пункты. Тот же военный губернатор писал в 1890 году: «Каждое русское селение, возникшее среди туземных кишлаков, ... может иметь в будущем больше значение в случае каких-либо внешних военных предприятий. Вообще было бы полезно окружить кольцом русских селений важнейшие населенные туземцами пункты. В этом отношении на первом плане должен стоять Ташкент, для которого наличность свободных земель позволяет выполнить подобный план...»[36]. В нашу тему не входит рассмотрение истории колонизации Ташкентского уезда. Заметим только, что и названный губернатором план окружения города Ташкента русскими поселками постепенно осуществлялся[37].

От изложенного понимания роли русских поселков в крае оставался один шаг до вооружения крестьян-переселенцев, прежде всего кулацкой их части, винтовками. Уже в 1889 году в отчете сыр-дарьинского военного губернатора писалось: «Было бы весьма полезным снабдить жителей русских селений ружьями для того, чтобы приучить их к обращению с огнестрельным оружием ... Вообще же здесь, в Средней Азии, русский человек должен быть грамотным и умеющим владеть оружием»[38]. Вооружение переселенцев винтовками фактически осуществилось и в Семиречье и в Сыр-Дарьинской области, однако объем настоящей работы не позволяет автору подвергнуть этот вопрос специальному рассмотрению[39].

Так стихийное переселенческое движение крестьян-самовольцев в Среднюю Азию царская администрация стремилась подчинить интересам военно-агрессивной внешней и военно-феодальной внутренней политики самодержавия.

2. Переселенческая политика начала XX века

В XX веке переселенческая политика царизма вступила в новый этап. Если в XIX веке и для Семиречья, и для Сыр-Дарьинской области главной задачей царизма в этом вопросе являлось заселение края рус-

---

[34] ЦГА УзССР, ф. 269, оп. 1, д. 8, л. 35.

[35] Н. Гаврилов к цитированной выше работе «Переселенческое дело в Туркестанском крае» приложил карту русских поселений Сыр-Дарьинской области, по которой легко убедиться в том, как заселялись пути сообщения.

[36] Там же, д. 18, л. 7.

[37] Вокруг Ташкента были расположены селения: Никольское, Черняевское, Капламбек, Троицкое, Чиназ, Константиновское, Кауфманское, Мищенково-Казанское.

[38] ЦГА УзССР, ф. 269, оп. 1, д. 8, л. 25.

[39] По Сыр-Дарьинской области этот вопрос рассмотрен автором в работе «Вооружение русских переселенцев в Средней Азии» (Исторический очерк). Ташкент, 1926. Имеющийся богатый материал по этому вопросу по Семиреченской области пока опубликовать не удалось.

скими крестьянами по стратегическим и военно-полицейским соображениям, то в начале XX века эта задача отошла на задний план. На первый план выдвинулась новая задача — выселение из России возможно большего количества бедного и среднего крестьянства, чтобы ослабить борьбу крестьянства за землю. Крепостники-помещики рассчитывали с помощью грабежа земель в Казахстане, Туркестане, Сибири сохранить свои крепостнические латифундии в России.

Достойно внимания то обстоятельство, что речь шла *не о расширении на новые территории* крепостнического землевладения и вытекавшем из этого развития «вширь» крепостнической эксплуатации крестьянства помещиками-крепостниками по российскому образцу, а *только о спасении крепостнического землевладения в России*. Однако тенденция распространения царивших тогда в России отношений между крестьянами и помещиками на новые территории имела свое место.

А. А. Кауфман сообщает, что при обсуждении закона 6 июня 1904 года возникла также идея переселять крестьян вместе с помещиками. Автором этого проекта был саратовский дворянин Н. А. Павлов. Идея же эта нашла себе отклик и «в среде дворянства некоторых других губерний»[40].

«Сущность этих проектов,— говорит А. А. Кауфман,— очень проста: дворянин-землевладелец берет на себя заботы о приискании земли для подобранной им группы переселенцев из ближайших к его имению деревень, руководит разведками их ходоков, сопровождает переселенческую партию во время ее передвижения на выбранное ею место, содействует ее хозяйственному устройству, и за это ... получает на льготных условиях участок земли, примерно, в 2000 десятин, по смежности с наделом опекаемых им крестьян». И далее: «Были сделаны даже попытки к проведению в жизнь этого проекта, которые, впрочем, пока не имели, по-видимому, практических результатов»[41].

Таким образом, некоторая часть русских помещиков явно стремилась перенести на азиатскую почву те отношения, какие царили в России: основывать на отнятых у местного населения землях одновременно и крупные помещичьи имения и их придаток — крестьянские поселения, которые бы поставляли помещикам и дешевую рабочую силу, и выгодных арендаторов их земель.

Но ни закон 8 июня 1901 года, по которому разрешалось наделять землею в Азиатской России дворян, занимающихся земледелием, ни названный проект дворянина Павлова не дали результатов. В Средней Азии и Сибири после реформы 1861 года основывались только крестьянские поселки, помещичье землевладение не получило распространения. В чем причины этого?

Главнейшей причиной была, несомненно, общая экономическая обстановка того времени. Крупное помещичье хозяйство и в своем полукрепостническом виде, и как капиталистическое предприятие было крайне невыгодным в тогдашней Азиатской России. Землевладелец-помещик должен был на продаже хлеба в новых местах поселения получить и ренту и среднюю прибыль, продавать хлеб по крайней мере по его цене производства. В Казахстане же и Сибири наблюдалось отмеченное Марксом типичное для «колоний и вообще молодых стран» явление, при котором хлеб продавался «не только ниже его стоимости, но и ниже его цены производства... ниже цены производства, определяемой средней нормой прибыли в более старых странах»[42] (будем подразумевать здесь

---

[40] А. А. Кауфман. Переселение и колонизация, ч. I. СПб., 1905, стр. 152 и 153.
[41] Там же, ч. I, стр. 131—132.
[42] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1954, стр. 683.

Россию). Об этом свидетельствовали баснословно низкие цены на сибирский, семиреченский и сыр-дарьинский хлеб. Россия защищала «отечественных» помещиков от конкуренции сибирского хлеба железнодорожным тарифом (Челябинский перелом)[43]. Вновь организуемые помещичьи хозяйства в Азии явно не могли рассчитывать на успешную конкуренцию и с русским помещичьим хлебом, и с сибирским хлебом переселенцев.

Не лучше обстояло дело и с разведением технических культур. «В 1888 году стоимость обработки десятины русским плантаторам обходилась от 85 до 100 руб., а туземцам (мелким производителям-крестьянам.— *П. Г.*) от 35 до 40 руб.»[44],— свидетельствует статистика того времени. Уже тогда — в 80-х годах — русское плантаторство потерпело крах под ударами «конкуренции» крестьян-хлопководов, отдававших эксплуататорам все, кроме своей минимальной «заработной платы»[45]. Не возникли плантации и позже, вплоть до революции 1917 года. Словом, экономически для помещиков было невозможно, захватив землю в колониях, организовать там сельскохозяйственное производство с надеждой получить прибыль[46].

С другой стороны, помещичья колонизация как по закону 8 июля 1901 года, так и по проекту Павлова не вполне соответствовала интересам помещиков-крепостников, стоявших у власти. Она в какой-то степени отвечала интересам мелких и средних помещиков, но шла вразрез с интересами крупного помещичьего землевладения. Каждая тысяча десятин земли из «колонизационного фонда», переданная безземельному или малоземельному дворянству, сужала возможности для устройства переселенцев-крестьян, выселяемых из России. Крупные крепостники-помещики согласиться на это не могли. Поэтому Государственный совет «затруднялся одобрить» предложение Павлова «как требующее еще дальнейшей предварительной разработки»[47]. Словом, проект был «дипломатично» потоплен в бюрократической писанине.

Показателен и следующий факт. В 1907 году Туркестанский генерал-губернатор обратился к военному министру с предложением, чтобы право дворян переселяться в Сибирь «на казенные земли ... признано было и за отставными офицерами не из потомственных дворян, чиновниками, личными дворянами, потомственными и почетными гражданами». Это ходатайство было переслано в Главное управление землеустройства и земледелия. 16 марта 1907 года князь Васильчиков ответил, что «образование переселенческих участков в Туркестане вызывает серьезные затруднения из-за недостатка пригодных для устройства поселков земель...», в то же время «в крае находится большое количество неустроенных переселенцев из сельских обывателей и мещан». И Васильчиков «заботится» о них: «Во внимание к их тяжелому положению должны быть

---

[43] В 1897 году был установлен такой порядок оплаты перевозок хлеба из Сибири в Россию, при котором перевозка тарифицировалась только до Челябинска. С Челябинска же хлеб принимался как новый груз и тарифицировался до пункта назначения в России. Этим стоимость перевозок повышалась, так как пропадали льготы на дальность и поэтому затруднялось поступление сибирского хлеба на российский рынок. Такой порядок тарифицирования в литературе получил название — Челябинский перелом в тарифах.

[44] ЦГА УзССР, ф. 269, оп. 1, д. 12, л. 170.

[45] П. Г. Галузо. Туркестан — колония. Ташкент, 1935, стр. 54—56.

[46] Новейшее исследование М. Ю. Юнусходжаевой, вышедшее после написания настоящей работы, показало, что в Туркестане сохранилось только несколько хозяйств такого типа — имения князя Н. К Романова и предприятие Большой Ярославской мануфактуры «Андреевский хутор», построенные на полукрепостном труде издольщиков (чайрикеров). Все прочие «плантаторские хозяйства потерпели крах» (М. Ю. Юнусходжаева. Из истории землевладения в Туркестане. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1964, стр. 11—12).

[47] А. А. Кауфман. Цит. работа, стр. 154.

приложены в первую очередь все усилия к отводу земель означенной категории переселенцев. Водворение же дворян и указываемых вами лиц других, не принадлежащих к податным, сословий вполне возможно отсрочить»[48].

«Отсрочить», точнее отказывать в земле всем, за исключением переселенцев из крестьян и мещан,— вот линия царского правительства в начале XX века. Это была борьба царизма за сохранение своей социальной базы в России — крепостнического землевладения. Ни мелкое безземельное и малоземельное дворянство, несмотря на существующие царские законы о наделении его землей за Уралом, ни чиновники не смели претендовать на получение земли, она теперь была нужна крупным землевладельцам — крепостникам.

Помещичья колонизация не осуществилась. Однако производимая крепостническим государством в интересах крепостников-помещиков крестьянская колонизация носила военно-феодальные формы. Интересы местного крестьянства, нарушаемые насильственным изъятием их земель, сталкивались не непосредственно с интересами русских помещиков, а с помещичьим крепостническим государством. В самом своем зародыше борьба казахского крестьянства против разграбления его земель принимала политические формы.

При этом прогрессивные процессы, происходившие в самом строе казахского сельского хозяйства, вступали в острое противоречие с интересами царизма. Именно крепостническая переселенческая политика царизма тормозила показанный выше процесс перестройки казахского сельского хозяйства из кочевого животноводческого в животноводческо-земледельческое. По Положению 1868 года «было установлено правило, по которому киргизы (казахи.— *П. Г.*), вступающие в другие податные сословия, пользовались пятилетней льготою от податей и пожизненною свободою от рекрутства». В Положение 1891 года «означенное правило не было включено по тем соображениям, что переход киргизов в оседлое состояние совершается вообще естественным путем, под влиянием экономических причин»[49]. Это был период, когда, как сообщено выше, рассчитывали, что в результате оседания казахов будут естественным образом освобождаться земли под русские поселки. От предоставления льгот оседающим казахам отказались. Но в XX веке наступил новый этап, когда царизм перешел к поощрению такого типа оседания, при котором казахи насильственно наделялись только пашнями «по душевой переселенческой норме», а все пастбища и возможные излишки пахотных земель отбирались в казну. Более того, в начале 900-х годов при разработке в специальной комиссии временных правил об устройстве быта кочевников фигурировал пункт об отводе оседающим казахам «по 15 десятин на наличную мужскую душу в общественную собственность *с правом выкупа* (курсив наш.— *П. Г.*)»[50]. Российские крепостники казахскую землю пытались «продать» казахам же и получить за это солидную ренту.

Этот проект, как и известное нам предложение Колпаковского о выкупных платежах оседлого населения, не получил силу закона, но самый факт его возникновения в начале XX века с особой силой подчеркивает, что с обострением противоречий в сельском хозяйстве России в XX веке из года в год все более и более усиливался крепостнический нажим со стороны царизма и на казахское крестьянство.

---

[48] ЦГИАЛ, ф. 396, оп. 1, д. 624, л. 193.

[49] ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 6. Типографски отпечатанная «Записка о содействии кочевникам киргизам к переходу в оседлое состояние». Автор не известен. Составлена в Министерстве внутренних дел, стр. 7.

[50] Там же, л. 122.

И без официального введения выкупных платежей оседание (точнее, осаживание) на землю на условиях изъятия из пользования казахов всех пастбищ и урезания их фактического пользования распаханными и орошенными землями, при одновременном увеличении податей, вызывало сопротивление казахского крестьянства. Выкупные платежи не назывались своим именем, но фактически, как показано выше, они входили в подати. В официальном документе читаем, что оседание «обыкновенно не доводилось до конца потому, что сами киргизы от него отказывались, как только узнавали, что с отводом душевого надела должно прекратиться кочевание»[51]. Но это далеко не точно. Все условия оседания ухудшали положение казахского крестьянства и усиливали его закабаление царизму через повышенные налоги. В этом причины отказов от оседания.

В связи с разработкой вопроса о дополнении ст. 255 Положения 1886 года, в 1909 году в официальной записке степной генерал-губернатор отмечал, что казахи «обычно просят больше земли, чем определено для крестьянских наделов, выговаривают себе право и при оседлости пасти свой скот на летовках, состоящих в общем пользовании кочевников»[52]. Эти требования казахов действительно соответствовали интересам развития и животноводства и земледелия, обеспечивали рациональное сочетание пастбищного животноводства с оседлым земледелием. Но именно против этого противостояли интересы колонизации в крепостническом ее виде. Совершенно ясно, что осуществить свою политику в этом вопросе царизм мог только насильственным образом: «не столько поощрительные, сколько принудительные меры могут содействовать переходу киргизов в оседлость»[53] на тех основаниях, какие предлагал царизм. Так говорится в цитированной записке Министерства внутренних дел.

И эти принудительные меры осуществлялись в процессе изъятий земель в «колонизационный фонд». Естественно, что такая политика замедляла переход казахов к оседлости. Это видно из данных по уездам Семиреченской области, заимствованным из обследования П. П. Румянцева (см. табл. 81).

Таблица 81

Влияние изъятий земель у казахов и киргизов на процесс их оседания[54]

Уезды	% площади земли, отобранной администрацией под русские поселения и другие нужды, по отношению к общей земельной площади уезда	% кочующих хозяйств в аулах	% оседлых хозяйств в аулах	Годы обследования
Пишпекский	11,0	84,9	15,1	1912—1913
Верненский	6,7	84,7	15,3	1911
Пржевальский	6,5*	80 6	19,4	1913
Лепсинский	5,5	72,0	28,0	1909
Капальский	2,9	71,8	28,2	1910

* Наш подсчет.

Уезды в таблице 81 расположены в нисходящем порядке по количеству кочующих и в восходящем по количеству оседлых хозяйств. Полу-

[51] Там же, стр. 13.
[52] ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 4, д. 63, л. 17.
[53] Цит. записка Министерства внутренних дел, стр. 13.
[54] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. VII, стр. 26 и 386.

чаем правильные статистические ряды. Чем выше процент изъятия земель к общей земельной площади, тем ниже процент оседлых земледельческих хозяйств в казахско-киргизских аулах[55]. По теории царских чиновников должно бы происходить так: чем больше изымается земель, тем больше казахских хозяйств «землеустраивается» на оседлом положении. Данные же статистики показывают, что «содействие» оседанию по-крепостнически приводило на деле к торможению как развития казахского земледелия, так и перехода кочевников в оседлое состояние. Земледелие казахского населения, как показано выше, развивалось, оседание шло, но все это совершалось *несмотря на все препятствия,* какие ставились царизмом на пути их развития. Конфликт между царизмом и казахским крестьянством — его коренными интересами — нарастал.

У крепостников-помещиков, осуществлявших военно-феодальную колониальную политику, и у кадетско-октябристской империалистической буржуазии не было единства по вопросу о переселенческой политике. Продолжая рассмотрение вопроса об оседлом землеустройстве казахского крестьянства, приведем следующий факт.

В 1908 году, 14 июня, 60 членов Государственной думы, в числе которых были кадеты и часть октябристов, подали записку в Думу «Об учреждении землеустроительных комиссий в Акмолинской, Тургайской, Семипалатинской, Уральской, Семиреченской и Закаспийской областях». В записке указывалось на массовое расхищение казахских земель, такое расхищение, при котором «в колонизационных целях отбираются правительством у киргизов усадебные, пахотные, пастбищные, сенокосные и леговочные места, пресекая в ближайшем будущем всякие возможности сколько-нибудь сносного существования киргизов как в скотоводческом, так и в земледельческом отношении, так как оставляемые киргизам в пользование пески, солонцы и безводные пустыни, несмотря на обширность занимаемого ими пространства, не могут удовлетворить нуждам, даже кочевого населения». Авторы записки вносили законопроект об образовании в названных областях комиссий с участием в их составе представителей казахского населения с той целью, что вместе с водворением русских переселенцев производилось одновременно и удовлетворительное землеустройство казахов[56].

Записку составили октябристы и кадеты. К ним присоединились прогрессисты и некоторые трудовики, а также мусульманская фракция. Подписавшие записку проявляли беспокойство в связи с тем, что царизм обездоливает поставщиков сельскохозяйственного сырья, разрушает и животноводство и земледелие в казахской степи. Кривошеин ответил на записку резко отрицательно: «Передавать в постоянное время и почти всецело в руки киргизского населения ... государственные земли под видом «определения земельных нужд» я считаю совершенно недопустимым и крайне опасным». Он, конечно, был за то, чтобы устраивать казахов на оседлом положении, но так, чтобы отводить оседающим «наделы» для земледелия и «ни пяди государственных земель для кочевания»: «Для кочевья же киргиз должны быть сохранены... только пространства, наименее пригодные для обработки...»[57]. Члены Думы указывали, что эта политика изгнания кочевников в пески заведет сельское хозяйство Казахстана в тупик. Кривошеин же, фактически, ответил:— изгоняли в пески и будем изгонять.

Так крепостники-помещики объявляли казахские земли своей вотчи-

---

[55] Джаркентский уезд в таблицу не включен, так как ко времени обследования он не был задет крестьянской колонизацией. Но после 1910 г., с началом изъятия земель в «колонизационный фонд» и там повторилось то же самое.

[56] ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 163, лл. 1—2.

[57] Там же, лл. 5, 6, 8.

ной и стремились распоряжаться в казахских степях, как дома: хотим — «уступим» землю казахам «за выкуп», хотим отнимем все, что можно отнять в наших интересах.

Политика Кривошеина и всей армии чиновников, фактически управлявших тогда Россией, задевала интересы широких слоев населения — не только трудового крестьянства, но и байства. Вместе с развитием земледелия в степи шел процесс образования индивидуальной земельной собственности. Байство захватывало в свои руки все большее и большее количество пашен. Царская переселенческая политика являлась как бы «встречным» захватом земель против байских. При этом Кривошеин не считал возможным признавать байские захваты: «Действительно, фактический захват известного количества государственных земель общинного пользования едва ли создает юридическое право на их закрепление, в особенности, когда он не освящен исторической давностью...» Тем более, что эти нарождающиеся крупные байские землевладения «не соединяются ни с родовым старшинством, ни с каким-либо превосходством личных качеств». И поэтому «установление особого порядка и норм земельного обеспечения государственными землями этого разряда киргиз не оправдывается и какими-либо соображениями о поддержании в этой среде исторически сложившегося поместного сословия». Словом, Кривошеин не только не шел в этом вопросе навстречу российской буржуазии, но не считался и с требованиями мусульманской фракции, отражавшей интересы растущего байства.

У кадетско-октябристской буржуазии были иные расчеты. Они иначе, чем Кривошеин, расценивали экономические процессы, происходившие в сельском хозяйстве Казахстана. Борясь за ограждение крестьянства, главного поставщика сельскохозяйственного сырья, от прямого феодального разграбления, буржуазия в то же время стремилась развивать и укреплять свои связи с растущим байством, своей низовой агентурой в степи. В Кривошеине говорил *помещик-шовинист,* вступающий в конфликт с новыми «помещиками» из казахов по вопросу о том, кто распорядится землею. Кадеты и октябристы предлагали отдать казахские земли в собственность местному байству, растущему классу землевладельцев. Кадеты записали в вариант своей программы, специально изданной в 1906 году для казахов, требование установления в Казахстане собственности на землю[58]. Вместе с октябристами они защищали эту идею в Думе. В противоположность этому помещики-крепостники никак не могли пойти на то, чтобы «свои», то бишь «государственные» земли, переуступать вновь нарождающемуся помещичьему классу из казахов. Вопрос о земле перерастал в вопрос об отношении не только к крестьянству, но и к байству. Сказанным объясняется тот факт, что в восстании 1916 года против царизма в Семиречье, Сыр-Дарьинской области и в других областях Казахстана принимали участие волостные управители и байство и что партия казахского байства — «Алаш-орда»— состояла в оппозиции к царизму, но пошла на самый тесный союз с империализмом.

Такие формы принимала борьба российского военно-феодального и капиталистического империализма вокруг вопроса о землеустройстве казахов.

Но и в отношении переселения российского крестьянства в Казахстан и Туркестан между крепостниками и буржуазией также имелись разногласия. В данном случае шла борьба вокруг вопроса о задачах переселенческой политики: должна ли она быть политикой *выселения* избыточного крестьянского населения из России, или политикой *заселения* Казахстана и Туркестана крепкими крестьянами-кулаками. Помещики-

[58] Т. Седельников. Борьба за землю в киргизской степи. СПб., 1907, стр. 61.

крепостники хотя и говорили о заселении края «русским элементом», но в XX веке на деле все же осуществляли политику *выселения*. Буржуазия же продолжала настаивать на политике *заселения* азиатских колоний крепкими хозяевами, надежными поставщиками сельскохозяйственного сырья, а вместе с тем и надежной классовой опорой господства России в ее колониях. Кадет Виноградов в III Государственной думе обвинял правительство, что у него в официальных докладах «подчеркиваются обе цели: и цель выселения, и цель правильной и необходимой колонизации окраин», в то время как «в обстановке обыденной жизни подчеркивается главным образом цель борьбы с аграрным движением посредством переселенческого движения»[59].

Виноградов, как и все кадеты в III и IV Думах, вообще был не против переселения. Он считал, что оно совершенно необходимо, но требовал «самого основательного изменения курса этой политики»[60] в том направлении, чтобы переселенец стал на окраинах «крепким», «культурным» хозяином, иначе говоря — предпринимателем-кулаком.

Буржуазию особенно беспокоило расхищение орошаемых земель в Туркестане и на Юге Казахстана, на которых разводились технические культуры на вывоз (хлопок, виноград, фрукты и др.). Кадет по своим взглядам, теоретик кадетской буржуазной переселенческой политики, А. А. Кауфман давал следующую оценку русским переселенцам.

В Сыр-Дарьинской области, где переселенцы-старожилы землю по существу получали за деньги, подобрался контингент поселенцев из наиболее зажиточных. Кауфман отмечает, что «такого всеобщего благосостояния и такого довольства своим положением, как в поселках Сыр-Дарьинской области», он нигде не видел за все время своих «многолетних экскурсий по переселенческим районам». Однако и здесь, по его словам, «крестьяне ведут на своих ценных поливных землях то самое чисто зерновое, по преимуществу пшеничное хозяйство, без всякого удобрения полей...» Он пишет: «Крестьяне не только не расширили культурной площади в границах отведенных им наделов, но наоборот — они запустили немало таких земель, которые прежде обрабатывались туземцами»[61]. Словом, русские крестьяне, по мнению А. А. Кауфмана,— плохие производители сельскохозяйственного сырья: там, где можно бы разводить технические культуры для продажи, они разводят пшеницу, которая русскую империалистическую буржуазию не интересует.

Спор между буржуазией и помещиками по вопросу об оценке крестьян-переселенцев из России как «колонизационного элемента» по сути своей являлся спором о линии колониальной политики: станут ли колонии целиком и полностью служить интересам капиталистического империализма, будут в максимальной мере использовать ценные земли для производства сельскохозяйственного сырья на вывоз, или же земельные площади Туркестана и Казахстана явятся как бы продолжением крепостнических латифундий России, тем земельным резервом, за счет которого должен наделяться землей русский крестьянин, чтобы не наделять его за счет землевладения помещиков. В IV Государственной думе кадет Некрасов (из Томской губернии) категорически заявлял: «Мы возражаем и будем возражать всегда против переселения в том виде, как оно ведется в настоящее время, против переселения..., которое совершенно не считается с нуждами сибирского населения: крестьянского, инородческого, казачьего, а преследует узкие интересы помещиков Центральной Рос-

---

[59] Государственная дума, III созыв. Стенографический отчет. Сессия I, ч. 2, СПб., 1908, стр. 1251.

[60] Там же, стр. 1262.

[61] А. А. Кауфман. Переселение. Мечты и действительность. М., стр. 32.

сии»[62]. Когда Некрасов ратует за нужды «сибирского населения», хозяйство которого разрушалось хищничеством царизма в интересах помещиков, он на деле так же, как и в вопросе о землеустройстве, заботится о рынках сырья и сбыта изделий русской промышленности. В такие формы выливался конфликт между двумя империализмами — военно-феодальным, помещичьим, и новейшим, капиталистическим, по переселенческому вопросу.

Важно отметить, что этот конфликт перебросился и в сферу бюрократии, в первую очередь туркестанской, а затем и высшей, петербургской.

Оценка переселенцев как негодного «колонизационного элемента» то и дело появлялась в официальных правительственных органах и в отчетах чиновников. В «Туркестанских ведомостях» еще в 1895 году писалось: «... Наши переселенцы, исполняя самым лучшим образом великое дело усиления русского элемента в крае, в то же время недостаточно подготовлены для улучшения местного земледелия и распространения новых сельскохозяйственных культур»[63]. В газете «Туркестанский курьер» (1908 год) читаем: «Наш русский крестьянин до сих пор полагал, что только одно хлебопашество может служить краеугольным камнем его благосостояния. На все прочие отрасли сельского хозяйства, как-то: садоводство, огородничество и другие им подобные статьи он смотрел и смотрит только лишь как на занятие, позволительное в досужее время...»[64] Эти и другие многочисленные высказывания в этом духе в тогдашней официальной прессе Туркестана вполне совпадают с кадетской критикой русского крестьянства. Многие авторы на все лады доказывали, что русский крестьянин не приспособлен к разведению хлопка, фруктов и т. п. А правительство в свою очередь обращало внимание на факты успеха переселенцев в этих отраслях сельского хозяйства, чтобы парировать мотивы против переселения их в Среднюю Азию.

Но самое главное, что туркестанская администрация с 1906 года начала и практически резко возражать против расхищения казахских и киргизских земель в пользу переселенцев.

В 1906 году были образованы переселенческие партии в Семиречье — Семиреченская и в Туркестане — Сыр-Дарьинская. С образованием партий, ставивших своей целью широкую экспроприацию казахских земель в пользу переселенцев, между туркестанской администрацией и переселенческими чиновниками возник конфликт.

Военный губернатор Семиреченской области генерал Ионов в 1906 году заявил: «Как ни желательна русская колонизация, но благополучие одних русских подданных нельзя основывать на насильственном захвате земель у других подданных». Он просил туркестанского генерал-губернатора Гродекова «похлопотать о том, чтобы переселенческая партия была упразднена возможно скорее», а деньги, «кои предназначены на содержание переселенческой партии», были пущены «для скорейшего устройства переселенцев, проживающих в области, путем скупки киргизских орошенных земель»[65]. Ионова поддержали генерал-губернатор Гродеков и его заместитель генерал Кондратович. Они, правда, не стали требовать упразднения переселенческой партии, но решительно высказались за то, чтобы переселенцам отводились только подлинно излишние

---

[62] Государственная дума, IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия I, ч. 1, СПб., 1913, стр. 635.

[63] «Туркестанские ведомости», 1895, № 9. Цит. по работе: А. Е. Алекторов. Указатель книг, журнальных статей и заметок о киргизах. Казань, 1900, стр. 885.

[64] «Туркестанский курьер», 1908, 19 октября. А. Виноградов. Вечные младенцы.

[65] ЦГА УзССР, ф. 7, оп. 1, д. 5020, лл. 111 и 114.

земли или орошенные за счет русской казны. Разразился острый конфликт между начальником Семиреченской переселенческой партии Велецким и туркестанской администрацией. Гродеков послал в Петербург рапорт с требованием убрать из Семиречья Велецкого. Он писал, что Велецкий «вместо того, чтобы искать земли действительно излишние для кочевников и выбирать из числа таких земель те, которые могли бы быть при наименьших затратах обращены в пригодное для земледелия состояние, ... занимается тем, что старается... выдворить киргизов с искусственно орошенных ими (земель) в давно насиженных местах, которые ни в коем случае для них не являются излишними»[66]. 16 ноября 1907 года вдогонку своему рапорту с требованием убрать Велецкого Гродеков телеграфировал главноуправляющему землеустроительством и земледелием: «Велецкий не может быть далее терпим на службе в Туркестанском крае»[67].

Но для Петербурга не Велецкий оказался «нетерпимым» в Туркестане, а сам Гродеков, которого немедленно из Туркестана убрали. Еще раньше уволили в отставку генерала Ионова, а вместе с Гродековым убрали его заместителя генерала Кондратовича и начальника управления земледелия и государственных имуществ в Туркестанском крае статского советника Лазаревского. Через год та же история повторилась с генерал-губернатором Мищенко и новым начальником Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ Пильцем, которых также убрали из Туркестана за косвенное сопротивление насильственному изъятию у казахов и киргизов освоенных ими земель. За одного коллежского советника Велецкого пожертвовали четырьмя генералами и двумя статскими советниками... Велецкий же остался в Семиречье, чтобы с полным усердием грабить военно-феодальными методами казахские и киргизские земли во имя интересов русских крепостников-помещиков. Не отдельные лица, а классовые интересы решали вопрос.

О позиции туркестанской администрации в вопросе об изъятиях земель для переселенцев черносотенная газета «Земщина» 7 октября 1910 года писала: «Туркестанский чиновник всегда стоит за киргиза или сарта и всегда же идет против русского потому, что безгласный инородец есть идеальнейшая «стригомая овца». Русского остричь не так удобно и легко, а потому: «долой русских и да здравствуют туземцы!» Лозунг этот проповедывается с тем большим бесстыдством, что его поддерживает «из высших политических соображений» вся наша оппозиционно-космополитическая (читай: кадетская.— *П. Г.*) печать.

В конечном итоге великолепное зрелище — союз недобросовестного и наживающегося чиновничества с космополитами-революционерами»[68].

При всей шовинистической демагогии выступления «Земщины» в цитированном отрывке отразилась и доля правды: туркестанская администрация, тесно связанная с орудовавшими в Туркестане торговыми фирмами и банками, сама участвовала в эксплуатации местного населения через феодальные поборы. Не получив, как сообщено выше, права приобретения земель в Туркестане, в переселенческом вопросе она стояла против насильственных изъятий земель, вконец разорявших местное крестьянство и задевавших интересы байства. Как российская буржуазия, так и туркестанские чиновники предпочитали эксплуатировать местное крестьянство своими методами, в своих корыстных интересах, чем приносить свою «стригомую овцу» в жертву крепостникам-помещикам, жившим далеко за пределами Туркестана. И на этой почве чиновники

---

[66] ЦГА УзССР, ф. 7, оп. 1, д. 670, л. 4.
[67] Там же, л. 101.
[68] Н. Дмитриев. И в Туркестане гонят русских. «Земщина», 1910, 7 октября.

действительно сближались в своих настроениях с империалистической (кадетской) буржуазией. Полагая и в данном случае «высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа» (В. И. Ленин), туркестанские чиновники все же, во многих случаях, даже исходя из своих собственных интересов и настроений, склонялись к защите капиталистических методов эксплуатации края.

Должно быть, значительную роль играло и то обстоятельство, что генералы, офицеры и чиновники, управляющие Туркестаном, во многих случаях не были связаны непосредственно с крепостническим землевладением в России. Например, генерал Ионов, так резко выступивший против Велецкого и насильственных изъятий земель у киргизов и казахов, сам не являлся землевладельцем-помещиком. После отставки он долго жил в городе Верном, а в 1913 году подал просьбу Кривошеину, чтобы ему отвели участок удобной земли в Семиреченской области для занятия земледелием. Переписка по этому поводу, как обычно, велась много лет, пока, наконец, в феврале 1917 года ему действительно был предложен небольшой участок (100 десятин) в урочище Аксай близ города Верного[69]. Спрашивается, сколько людей из числа туркестанских чиновников, подобно Ионову, не были связаны экономическими узами с правящими Россией крепостниками-помещиками? Надо полагать, это было одной из предпосылок тех явлений, которые так «изобличает» «Земщина».

«Недоразумения» с Туркестанской администрацией улеглись только с назначением в 1909 году на пост генерал-губернатора реакционнейшего генерала Самсонова, а в Семиреченскую область вместо Ионова — генерала Фальбаума.

Генерал Самсонов, вступив в управление Туркестаном, сделал попытку установить твердую, раз навсегда определенную линию колониальной политики царизма, но и он не избежал поисков компромисса между помещиками и буржуазией. В докладе царю о своей деятельности за 1909 год, являвшемся для него как бы программным документом, он твердо заявил, что «усиленная колонизация края русскими людьми явилась бы разрешением столь назревшего, вследствие малоземелья, аграрного вопроса в Европейской России»[70]. В этом отношении он не делал никаких уступок буржуазии. Но вместе с тем в своем докладе он усиленно подчеркивает военно-стратегическое значение как колонизации, так и целой системы других мероприятий царизма в Туркестане. Агрессивно настроенная империалистическая буржуазия как бы получала от Самсонова утешение в бо́льшем укреплении царской военной машины, обслуживающей и ее интересы.

Другим жестом в сторону империалистической буржуазии были уже отмеченные выше обещания Самсонова всячески укреплять и развивать казачество, как военную силу на границах Туркестана. Уже сообщено, как относились кадеты в Государственной думе к изъятию огромного количества земель в пользу Семиреченского казачьего войска: на этот раз они забыли свои «крокодиловы слезы» насчет «забвения интересов местного населения» и настойчиво отстаивали «интересы казачества». Мероприятия по укреплению и расширению Семиреченского казачьего войска были серьезным «обещанием» (они не были выполнены) буржуазии.

Несмотря на жесты в пользу интересов империалистической буржуазии, общее направление политики Самсонова и после 1910 года оставалось помещичьим, военно-феодальным.

---

[69] ЦГА УзССР, ф. 7, оп. 1, д. 5206, л. 14—49.

[70] «Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 г.». Официальное издание, стр. 28. Хранится в б-ке им. Навои. Ташкент.

Ниже мы еще вернемся к описанию попыток царизма внести в Туркестан и Казахстан некоторые элементы столыпинских реформ. Отметим только позицию Кривошеина в вопросе о «выселении» и «заселении» после 1910 года.

С 1910 года, как уже сообщено, приток переселенцев в край начал ослабевать. Появились некоторые возможности «отбора» из числа переселяющихся экономически крепких крестьян, как более «благонадежного» элемента для колонизации. Правительство в связи с этим прокламирует поворот от политики «выселения» к политике «заселения». Кривошеин в 1912 году посетил Туркестан. В своей записке[71] о результатах поездки он объявляет, что многолетний спор вокруг ст. 270 происходил «по случайной недомолвке закона». Но «закон, наконец,— говорит он,— издан после многих лет колебаний, после настойчивой борьбы за его проведение даже в наше время в новых законодательных учреждениях». А спорить, по его мнению, по существу и не было оснований, ибо «интересы хлопководства (о чем прежде всего беспокоилась буржуазия.— *П. Г.*) и переселения совпадают. Между ними не приходится выбирать: это — две стороны одной и той же задачи». Туркестаном можно управлять только с помощью «сильной, вооруженной средствами и энергией власти... Здесь еще место русскому военному лагерю». А опорой этого военного лагеря — губернатора в эполетах — должен стать русский переселенец — кулак. «Переселенческие поселки должны быть не беднее, а богаче туземных кишлаков».

По возможности сблизить, сгладить расхождения между помещиками и буржуазией,— такую цель ставит себе Кривошеин, всемерно подчеркивая то, что для тех и других составляло общий интерес,— сохранение и закрепление господства в колонии, связанное с колонизацией. В то же время он обращает внимание на некоторое расширение возможностей буржуазии в части получения сырья и прочего, на то, что курс правительства отныне — насаждать богатые, кулацкие поселки.

Развитие земледелия, как показано выше, для казахского крестьянства было выходом из кризиса животноводческого хозяйства. Крестьянство упорно боролось за развитие земледелия, как средство поднятия производительных сил сельского хозяйства. Теперь мы видим, каким препятствием на этом пути стоял царизм, интересы российского помещичьего военно-феодального империализма. Только полностью ликвидировав царизм и крепостническое землевладение в России, можно было вывести сельское хозяйство на путь экономического прогресса. В этом отношении интересы казахского крестьянства целиком и полностью совпадали с интересами всего российского крестьянства. Проект же 60 членов Государственной думы о землеустройстве казахов, как и вся оппозиция кадетов политике царского правительства в деле колонизации Средней Азии, по существу являлся попыткой «подправить» политику царизма, не меняя ее в принципе.

Вместе с тем приходится отметить, что как и рассмотренный кадетско-октябристский проект землеустройства казахов, так и вся линия борьбы империалистической буржуазии против царизма по колониальному вопросу по существу имели основным своим содержанием борьбу за расширение капиталистических методов эксплуатации Казахстана и Туркестана — колоний против военно-феодальных методов прямого грабежа, применявшихся царизмом.

---

[71] «Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г.». Приложение ко всеподданнейшему докладу. СПб., 1912, стр. 49, 50, 62, 67, 78.

3. Итоги крестьянской колонизации к 1915 году

Итоги водворения переселенцев в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях в XX веке можно видеть из таблицы 82.

Таблица 82

Водворение переселенцев в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях в начале XX века
(в полных границах)[72]

Годы	Число душ мужского пола, водворенных на переселенческие участки			Рост водворения, %
	в Семиреченской области	в Сыр-Дарьинской области	всего	
1907	2332	—	2332	100,0
1908	650	2400	3050	130,8
1909	4755	1053	5808	249,1
1910	11005	107	11112	476,5
1911	13732	1542	15274	655,0
1912	12637	10374	23011	986,7
1913	7729	5818	13547	580,9
1914	8629	2931	11560	495,7
1915	5977	1635	7612	326,4
Итого за 9 лет	67446	25860	93306	—

В Семиреченской области водворение переселенцев после образования переселенческого района началось с 1907 года, в Сыр-Дарьинской области — с 1908 года. За 9 лет было роздано крестьянам, переселившимся из России, 93306 душевых долей земли на «мужскую душу», причем эти раздачи до 1912 года быстро возрастают, а за последние три года — снижаются. Из всего изложенного следует, что наибольшее количество переселенцев водворено в Семиреченской области, где с 1891 года действовало примечание к ст. 120 Степного положения об изъятиях земель у казахов. В $2^1/_2$ раза меньше водворено переселенцев в Сыр-Дарьинской области. В 1908 и 1909 годах здесь продолжали водворять переселенцев на землях, фактически заарендованных переселенцами у казахов. Когда такого типа земли истощались, водворение (в 1910 году) почти прекратилось. С 1911 года развернулись насильственные изъятия земель на основании закона 19 декабря 1910 года. Из 25 860 земельных долей были взяты по этому закону 22 800 долей, или 86,2 процента. И Сыр-Дарьинская область с 1911 года самым острым образом ощутила на себе военно-феодальные методы крестьянской колонизации.

Распределение крестьянских поселков по уездам Семиреченской области представлено в таблице 83.

Ход колонизации Семиреченской области (см. табл. 82 и 83) следующий. В 1902 году было образовано два поселка в Пишпекском уезде. После этого никакого водворения и изъятия земель до 1907 года не происходило. С 1907 года начинается образование новых поселков переселенческим районом. До 1909 года включительно «водворяют» крестьян на

[72] В. Трехсвятский. Итоги переселенческого дела за Уралом за десятилетие с 1906 по 1916 г. «Вопросы колонизации», № 20, 1917, стр. 54, 55.

переселенческие участки в условиях, когда область официально еще закрыта для переселенцев. В 1910 году область открывается для переселения крестьян из России. С этого года начинается особенно интенсивный процесс изъятия земель и образования новых переселенческих поселков. Он заканчивается спадом притока переселенцев и, в связи с этим, уменьшением земельных изъятий в 1913—1915 годах. В распределении поселков по уездам обнаруживается, что в XX веке крестьянская колонизация распространилась и на Джаркентский пограничный уезд, который до 1910 года не имел ни одного крестьянского поселка, а колонизировался только казачеством. Русские поселки, таким образом, не только заняли «тылы» казачьей линии, но и вплотную придвинулись к китайской границе. Наряду с казахскими уездами, где сосредоточивались до этого казачьи станицы, широко развернулась также колонизация Северной Киргизии.

Таблица 83

Крестьянская колонизация Семиреченской области в начале XX века (по уездам)[73]

Уезды	1901 г.		1906 г.		На 1 января 1914 г.						
					старожильческие поселки		новосельческие поселки		всего		
	число поселков	в них душ русского населения обоего пола	число поселков	в них душ русского населения обоего пола	число поселков	в них душ русского населения обоего пола	число поселков	в них душ русского населения обоего пола	число поселков	в них душ русского населения обоего пола	% населения к 1901 г.
1. Казахские:											
Верненский	6	6057	6	7074	6	9326	16	11097	22	20423	338,0
Капальский	2	4259	2	4481	2	4775	32	10838	34	15613	367,0
Лепсинский	8	12542	8	14881	8	20420	33	28674	41	49094	392,0
Джаркентский	—	—	—	—	—	—	15	3409	15	3409	—
Итого	16	22858	16	26436	16	34421	96	54018	112	88599	387,6
2. Киргизские:											
Пржевальский	6	9410	6	10746	6	13957	31	16836	37	30793	327,0
Пишпекский	12	11027	12	15257	14	26802	28	23188	42	49990	448,0
Всего по области	34	43295	34	52439	36	75280	155	94042	191	169322	391,0

Как насильственное перераспределение пахотных, орошенных и удобных для земледелия земель в пользу крестьянских поселков отразилось на состоянии сельского хозяйства казахов и киргизов области, можно видеть из таблицы 84, составленной соответственно отмеченным этапам деятельности переселенческого района.

Ознакомившись с таблицей 84, легко убедиться, что изъятие земель в «колонизационный фонд» задерживающим образом влияло на развитие земледельческого хозяйства казахов и киргизов. Если в 1902—

[73] Данные обзоров области за соответствующие годы.

1906 годах, когда изъятий земель не было, земледелие развивается в общем спокойно, то в период 1907—1909 и особенно 1910—1914 годов земледельческое хозяйство сильно лихорадит, обнаруживается четко выраженная тенденция упадка, сокращение посевных площадей. Менее болезненно, если не считать 1913 год, год большого джута, реагирует на изъятие земель скотоводческое хозяйство, однако и здесь обнаруживается тенденция сокращения поголовья.

Таблица 84

Влияние изъятий земель под русские крестьянские поселки на сельское хозяйство казахов и киргизов Семиреченской области[74]

Периоды колонизации	Среднегодовое количество водворенных переселенцев за период	Годы	Казахские и киргизские волости	
			рост посевных площадей по периодам, %	рост поголовья скота по периодам, %
1903—1906	—	1903	100,0	100,0
		1904	145,6	111,7
		1905	140,7	101,1
		1906	140,6	100,6
1907—1909	2579	1907	100,0	100,0
		1908	81,3	98,7
		1909	96,2	100,5
1910—1913	11276	1910	100,0	100,0
		1911	86,9	106,9
		1912	89,2	96,8
		1913	92,1	43,3
1914—1915	7300	1914	84,1	?
		1915	?	?

Распределение русских поселков по уездам Сыр-Дарьинской области представлено в таблице 85.

Таблица 85

1915 год. Итоги крестьянской колонизации Сыр-Дарьинской области (по казахским уездам)[75]

Уезды	Число поселков	В них дворов	Население		
			мужчин	женщин	всего
Чимкентский	69	3750	11221	10776	21997
Аулие-Атинский	86	7078	22131	22476	44607
Перовский	7	294	820	795	1615
Казалинский	—	—	—	—	—
Итого	162	10828	34172	34047	68219

Из таблицы 85 видно, что тенденция крестьянства поселяться в культурной полосе Чимкентского и Аулие-Атинского уездов продолжалась и в XX веке: Казалинский уезд не получил ни одного поселка, в Перовском уезде колонизация выразилась крайне слабо; главная масса

[74] По данным обзоров области за соответствующие годы.

[75] По данным заведующего переселенческим делом в Сыр-Дарьинской области. ЦГА КазССР, ф. 33, оп. 1, д. 61.

переселенцев обосновалась на территории удобных для развития земледелия Чимкентского и Аулие-Атинского уездов.

Уже в другой связи было показано, что и в Сыр-Дарьинской области насильственным перераспределением земель в пользу переселенцев наносился большой ущерб развитию казахского земледелия. Здесь обратим внимание на то, что устройство переселенческих поселков на путях традиционных перекочевок казахов из гор в степи вносило также серьезные затруднения для развития животноводства. Расскажем об этом словами официальной записки Министерства внутренних дел, составленной в 1909 году в связи с пересмотром Положения 1886 года.

В этой записке, «чтобы яснее стало положение киргизов, как результат русской колонизации в Туркестане», рассказывается о влиянии на казахское скотоводство заселения «важнейшей в крае переселенческой полосы Ташкент — Верный».

Авторы записки рассказывают: «Главнейшая и наибольшая часть этой полосы легла вдоль Александровского хребта, к северу от него. Эта полоса, соответствуя историческому торговому пути, была вместе с тем центральным нервом кочевой жизни. К северу от нее шли бесконечные степи до Чуйской долины и песков, служившие кочевникам превосходными весенними пастбищами. По мере выгорания степи, которая здесь сплошь неорошенная и безнадежная в этом отношении поныне, киргизы подвигали свой скот на юг, постепенно приближаясь к Александровскому хребту и несколько поднимаясь кверху, где они, входя в «заветную полосу», находили, во-первых, свежие, сочные пастбища, весьма хорошо орошенные и большим количеством атмосферных осадков и водой из горных речек Александровского хребта, и, во-вторых, попадали в бойкий торговый центр, где могли выгодно сбывать откормившийся скот и продукты скотоводческого хозяйства.

Затем, передвинув скот еще более на юг, в самый массив горного хребта, киргизы успевали в предгорьях снять на сенокосах траву и на орошенных участках засеять хлеб. После чего для них наступал период чисто пастушеской жизни в глуби гор, где скот и табуны откармливались на тучных альпийских лугах. К августу они появлялись снова в предгорьях, где скот поедал вновь поднявшуюся траву, а киргизы тем временем внизу снимали жатву. Затем передвижение дальше на север, и в глубокую осень киргизы опять кочевали в далекой степи, оживившейся после осенних дождей. На зиму опять — поближе к горам, где и зимовали. На этом было построено все их благосостояние, которое уже ушло теперь безвозвратно.

Полоса Ташкент — Верный с непрерывным рядом русских селений отрезала киргизскую степь от гор и лишила их важнейшего для них промежутка между степью и горами. Здесь у них было большинство зимовок, здесь только и были пахотные поля, здесь были сенокосы, и здесь же был главный рынок скотоводства. При современных условиях зимовки пришлось главной массой отнести на север, в степь, и на юг, в горные ущелья, сенокосы искать в степи и землю вспахивать у болот и ключей. Лучшие места отданы крестьянам.

Удар скотоводству уже нанесен и оправиться ему нельзя хотя бы уже потому, что неизбежно должны последовать еще новые подобные удары».

Но при упадке скотоводства как обстояло дело с возможностью развивать земледелие? Авторы записки так отвечают на этот вопрос: «Несомненно, оно за последние 10 лет сильно возросло и вряд ли возможно теперь найти где-либо участок пригодной для вспашки земли, оставленной втуне...

Других свободных земель в этом районе едва ли найдется... Пред-

горья заняты уже русским поселенцем и лучшее устройство орошения, увеличив количество орошаемой земли, лишь послужит для того же русского поселенца, естественный прирост которого требует уже привезок...»[76].

Словом, сами творцы колониальной политики царизма подробным образом излагают следствия этой политики. В результате заселения русскими крестьянами предгорной полосы Ташкент — Верный в экономическую жизнь казахов и Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей внесены такие потрясения, что продолжать старый порядок кочевой жизни уже не было возможности. Нужно было искать новых форм хозяйства. Эти формы уже зарождались в процессе естественного развития казахского сельского хозяйства — это перестройка его из скотоводческого в скотоводческо-земледельческое. Но русская крестьянская, а в Семиречье и казачья колонизация принесла такое перераспределение земельных угодий, что и кочевое — скотоводческое, и оседлое — земледельческое хозяйства казахов вступили в полосу глубокого кризиса. Процессы перестройки теперь, естественно, приняли новые, мучительные формы, сопряженные с огромным разрушением производительных сил. Показанное выше на статистических данных исключительно глубокое обнищание крестьянства, особенно в Сыр-Дарьинской области,— яркий показатель тех разрушений, которые вносились в изучаемый район всей системой его колониальной эксплуатации, в том числе и крепостнической переселенческой политикой царизма.

---

[76] ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 63, лл. 35—37.

X. КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Цитированный выше экономист И. А. Гурвич в результате опроса большого количества переселенцев, шедших за Урал, установил, что «преобладающим элементом в современном переселенческом движении (работа написана в 1888 году.—*П. Г.*) следует считать крестьян среднего достатка; беднейшие крестьяне составляют среди переселенцев меньшинство; еще слабее участие богатых крестьян деревенских, что объясняется, с одной стороны, их малочисленностью в деревне, с другой — более благоприятными для них условиями быта на родине»[1].

От нужды бежали переселенцы из России за Урал, надеясь найти там землю и лучшую жизнь. На вопросы автора о причинах переселения крестьяне отвечали: «тесно стало», «жить никак нельзя», или «есть хочется», «нам хоть хлеба наесться» и т. п.[2] Зажиточные, которые шли в надежде стать еще зажиточнее на сибирских просторах, среди переселенцев, по свидетельству И. А. Гурвича, встречались редко. Шло главным образом, среднее крестьянство, еще рассчитывавшее на восстановление и расширение своего хозяйства.

1. Имущественное состояние крестьян — переселенцев из России до водворения на Юге Казахстана

Обращаясь к печатным статистическим данным, имеющимся в нашем распоряжении, и используя некоторые собственные подсчеты по обнаруженным в архивах сведениям, убеждаемся, что основные выводы Гурвича были, несомненно, правильными как по отношению к общей массе переселенцев XIX века, так и по отношению к большинству переселенцев, приливавших на Юг Казахстана. Относительно же переселенцев XX века факты свидетельствуют, что среди них бедноты было значительно больше, чем наблюдал Гурвич. Отдельные группы переселенцев, дошедшие до изучаемого района, и в XIX веке были также в своем большинстве бедняцкими. Вот сведения о 15 семействах переселенцев 1884 года, проживавших в селениях Михайловской волости Верненского уезда, но еще не причисленных к волости и не получивших землю. Они имели следующее количество скота: три семейства — по две лошади и

[1] И. А. Гурвич. Цит. работа, стр. 76.
[2] Там же, стр. 7.

больше никакого скота, пять семейств — по одной лошади и, кроме того, по одному быку, и семь семейств не имели никакого скота. На все 15 семейств к моменту составления их посемейного списка имелось всего два дома[3]. Как видим, в составе переселенцев этой группы преобладала беднота. При выходе с родины они, конечно, были обеспеченнее. За время скитаний, не получив земли, они растратили свое имущество.

Рассмотрим данные о небольшой группе крестьян, изъявивших в 1886 году желание переселиться в Семиречье (см. табл. 86).

Список, подсчитанный нами для таблицы 86, попал в дела Министерства внутренних дел в связи с тем, что крестьяне просили разрешения переселиться в Семиречье. По подсчету обнаруживается, что среди переселенцев не было ни одной зажиточной семьи (имевшей более трех лошадей). Три четверти переселенцев имели кое-какое весьма небольшое имущество — скот, постройки; 25 процентов хозяйств не имели никакого скота. Все переселяющиеся семьи принадлежали к числу малоземельных. Таким образом, и в этой группе переселенцев преобладала беднота.

Таблица 87 характеризует уровень благосостояния крестьян, переселявшихся в 1891/92 году в Сыр-Дарьинскую область.

Указанные переселенцы направлялись: в Чимкент —71 семья, в Аулие-Ату — 26 семей, в Ташкент —50 семей. Это были крестьяне, бежавшие из России вследствие голода 1891 года и не сумевшие до наступления зимы 1891/92 года доехать до мест, где они рассчитывали получить землю. Подсчет показывает, что среди них 51 процент составляли бедняцкие хозяйства, не имевшие скота. Остальные имели кое-какой скот: по группам II—VII — не больше единицы на душу, по группе VIII— 1,6 единицы скота на душу в переводе на взрослую лошадь. Таким образом, только пять хозяйств (из 147) можно считать обеспеченными скотом в такой степени, чтобы немедленно по прибытии на место начать распахивать землю, остальные либо не имели никакого скота, либо имели его очень мало. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что более трети хозяйств этой партии направлялись в Ташкент, видимо больше рассчитывая на городские заработки, чем на получение земли.

Вместе с тем по таблице 87 легко убедиться, что уже во время переезда происходил процесс имущественного расслоения переселенцев: I группа (бедняки, не имеющие скота) еще имеют телеги. Это означает, что из России многие из них, если не большинство, выехали на своих лошадях или быках, дорогой, или уже на месте стоянки, в голодавшем тогда Перовском уезде, они потеряли скот. Не следует ли из этого, что группа VIII (имеющие более 10 голов скота на семью), обладая деньгами, усилила свое стадо за счет беднеющей части переселенцев?

Во всяком случае и разбираемый подсчет убеждает, что не зажиточные или кулаки шли из России в Казахстан и Туркестан, а средне обеспеченное крестьянство и беднота. Крестьяне, покидая Россию, бежали от такой обстановки, в которой они или уже окончательно разорились, или стояли на пути к полному разорению.

При всей недостаточности приведенных подсчетов они особенно ценны тем, что иллюстрируют степень обеспеченности переселенцев, еще не осевших на землю, тогда как имеющиеся в распоряжении исследователя опубликованные статистические данные говорят о благосостоянии тех переселенцев на родине, которые *уже водворились на наделы*. Из предыдущего изложения видно, что это *не одно и то же:* в процессе водворения происходил отсев, главным образом бедноты.

Обследование хозяйств поселенцев 18 старожильческих поселков

[3] ЦГА КазССР, ф. 41, оп. 1, д. 428, лл. 12—18. «Посемейный список крестьян, не причисленных к селениям Михайловской волости и проживающих в оных». Подсчет наш.

Таблица 86

1886 год. Уровень благосостояния крестьян Курского уезда Муравлевской волости, ходатайствовавших о переселении их в Семиреченскую область[4]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число хозяйств		Число членов семьи		Скота, единиц*		Земли, дес.		Число изб	Число хоз-в, имевших надворные постройки
	всего	% к итогу	всего	на 1 семью	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во		
I. Без скота	5	25,0	24	4,8	—	—	17,5	3,5	3	3
II. Без лошадей	3	15,0	17	5,6	4,0	1,3	4,1	1,4	3	3
III. С 1 лошадью	2	10,0	10	5,0	2,0	1,0	6,2	3,1	2	2
IV. „ 2 лошадьми	7	35,0	34	4,8	23,0	3,3	26,3	3,9	7	7
V. „ 3 „	3	15,0	18	6,0	15,0	5,0	19,0	6,3	3	3
VI. „ 4 и более лошадьми	Не было		—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	20	100,0	103	5,2	44,0	2,2	56,0	2,8	18	18

* Перевод по нормам П. Румянцева: лошадь = 1,0, рогатый скот = 0,833; овцы = 0,167.

Таблица 87

1892 год. Уровень благосостояния переселенцев, зимовавших в Перовском уезде[5]

Группы хозяйств по количеству скота	Число хозяйств		Число душ		Скота, единиц		Телег	
	всего	% к итогу	всего	на 1 семью	всего	на 1 душу	всего	на 1 хоз-во
I Без скота	75	51,0	340	4,5	—	—	18	0,2
II Имеют 1 голову скота	16	10,9	84	5,3	25,8	0,3	15	0,9
III „ 2 „	11	7,5	68	6,2	19,5	0,3	13	1,2
IV „ 3—4 „	18	12,2	116	6,4	61,0	0,5	34	1,5
V „ 5—6 „	15	10,2	104	6,9	74,5	0,7	38	2,5
VI. „ 7—8 „	5	3,4	48	9,6	32,0	0,7	18	3,2
VII „ 9—10 „	2	1,4	26	13,0	16,3	0,6	8	4,0
VIII „ более 10	5	3,4	41	8,2	64,3	1,6	19	3,8
Итого	147	100,0	827	5,6	293,4	0,4	163	1,1

[4] Список: ЦГИАЛ, ф 1291, оп. 82, д. 15. Подсчет наш.
[5] Список: ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 11, д. 708. Подсчет наш.

Чимкентского уезда, проведенное П. А. Скрыплевым, показало, что эти хозяйства по площади посевов на родине распределялись следующим образом.

	%
Не сеявших	1,3
Засевавших, дес.:	
до 1	3.4
1—3	26.0
3—5	18.6
5—10	19,2
10—15	5,4
более 15	6,2

Автор сообщает, что из всех обследованных им хозяйств 81,2 процента прибыли в поселки до 1889 года включительно, т. е. еще в XIX веке; 11,5 процента — в 1900—1906 годах и 7,3 процента — неизвестно когда. 57,2 процента хозяйств из общего количества обследованных прибыли в 1891—1893 годах, т. е. в результате голода 1891 года. Таким образом, приведенные данные о посевах на родине относятся к переселенцам, осевшим в Сыр-Дарьинской области в конце XIX — начале XX века. Состав этих поселенцев отличается от крестьянских семей, учтенных в таблицах 86 и 87, тем, что они явно принадлежали к более обеспеченным на родине, чем хозяйства, подсчитанные нами в названных таблицах. Кулаков среди них, конечно, нет. Но и бедноты несколько меньше, чем среди еще не устроившихся переселенцев. Это означает, что далеко не каждый бедняк оседал на землю, особенно в Сыр-Дарьинской области, где в это время для получения земли были нужны деньги. Известное количество бедноты, не имея скота и сельскохозяйственных орудий, либо уходило обратно, либо обосновывалось в городах, или промышляло батрачеством, надела не получало. Главную массу крестьян, получивших землю, составляло среднеобеспеченное крестьянство.

Обратимся к таблице 88, данные которой относятся к тем же чимкентским поселенцам.

Таблица 88 показывает, что устраивались на земле прежде всего переселенцы, привезшие с собою скот и некоторое другое имущество, а также и деньги. Но при сравнении количества скота, привезенного переселенцами и имевшегося у них на родине, видно, что самый процесс переселения вызывал потерю скота. Возможно, что частью он переводился в деньги. Но несомненно также, что расходы на переселение вызывали обеднение переселенцев.

Вместе с тем наличие скота, денег и имущества ускоряло и облегчало устройство на новом месте жительства. Чем большим имуществом обладал переселенец при водворении, тем скорее он расширял запашки и из середняка перерастал в зажиточного и, частично, в кулака.

Так обстояло дело с переселенцами второй половины XIX и первых лет XX века. По обследованию Е. Яшнова можно проследить те же явления и среди переселенцев в Сыр-Дарьинской области, водворенных в 1910—1913 годах, т. е. получавших земли, отнятые у казахов по закону 19 декабря 1910 года.

Е. Яшнов в 1913 году обследовал 119 новосельческих поселков Туркестана, в том числе все новосельческие поселки казахских уездов Сыр-Дарьинской области. Все обследованные им хозяйства были из числа водворенных в поселки в течение 1910—1913 годов (см. табл. 89).

В отличие от данных за XIX и первые годы XX века мы здесь наблюдаем, что среди водворенных поселенцев насчитывалось 13,5 процента хозяйств, не имевших на родине посевов. Главная масса из этой группы (около 62 процентов) занималась на родине «разными промыслами», по

Таблица 88

Материальная обеспеченность поселенцев 18 поселков Чимкентского уезда при водворении на землю[6]

Группы хозяйств по размерам посева в период обследования	Скота на 1 хозяйство, голов		% семей, пришедших с деньгами	Привезено денег на хоз-во, руб.	Привезено на 1 хозяйство		
	на родине	привезено с собой			орудий обработки земли	земледельческих машин	домашнего имущества, пуд.
I. Не сеющие	2,8	1,3	31,3	241,5	—	—	6,1
II. Засевающие до 4 дес.	5,0	1,4	39,7	144,2	0,04	—	6,1
III. Засевающие от 4 до 8 дес.	4,2	2,2	40,6	118,1	0,17	—	5,3
IV. Засевающие 8—12 дес.	4,2	2,3	37,5	143,1	0,14	—	8,2
V. Засевающие 12—16 дес.	5,6	2,2	39,5	128,2	0,11	0,03	8,1
VI. Засевающие 16—20 дес.	5,3	2,2	47,8	106,4	0,09	0,06	8,1
VII. Засевающие 20—30 дес.	5,7	2,7	40,9	182,0	0,16	0,06	9,5
VIII. Засевающие свыше 30 дес.	6,9	3,8	52,4	110,3	0,09	—	10,2
Итого	5,6	2,3			0,12	0,02	7,7

Таблица 89

Распределение переселенцев по количеству запашек и роду занятий на родине[7]

Уезды	Всего хозяйств	В том числе на родине							Из числа несеявших занимались на родине			
		несеявших	засевавших до 1 дес.	от 1 до 2 дес.	от 2 до 5 дес.	от 5 до 10 дес.	свыше 10 дес.	сведений нет	скотоводством	службой	разными промыслами	неизвестно чем
Чимкентский	1439	289	61	201	532	272	118	26	2	13	161	113
Аулие-Атинский	1585	125	43	183	648	337	207	42	—	2	94	29
Перовский	30	3	2	3	2	4	6	10	—	—	3	—
Всего	3114	417	106	387	1182	613	331	78	2	15	258	142
Проценты	100	13,5	3,4	12,4	37,9	19,7	10,6	2,5	0,5	3,5	61,9	34,1

[6] П. А. Скрыплев. Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Туркестане. Русские селения в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1909, стр. 18, 19, 20.

[7] Е. Яшнов. Колонизация Туркестана за последние годы. «Вопросы колонизации», № 18, 1915, стр. 111.

свидетельству автора обследования, «главным образом сельскохозяйственным наймом». Это означает, что после 1910 года, когда земельные наделы в Сыр-Дарьинской области можно было получить без денежных затрат, часть наделов получили даже бывшие батраки. Вообще же среди обследованных хозяйств 41,7 процента — это прибывшие в поселок без всякого имущества, 57,8 процента — прибывшие с каким-либо имуществом и только 39,1 процента — прибывшие с деньгами[8]. Многие из них после получения надела не в первый год приступали к запашкам. Землю свою они сдавали в аренду, а сами работали по найму, чтобы накопить средства для домообзаводства. В год обследования среди переселенцев 11,3 процента всех хозяйств не имели посевов и 13,9 процента сдавали свою пахотную землю в аренду[9].

С другой стороны, среди поселенцев не обнаружено хозяйств, которые можно было бы причислить по достатку на родине к зажиточным, или, тем более, к кулацким. Главная масса переселенцев и в данном случае принадлежала к среднеобеспеченным середняцким хозяйствам. Вместе с тем даже после отсева бедняков, вернувшихся обратно на родину и осевших в городах, бедняцких хозяйств среди водворенных переселенцев оказалось значительно больше, чем это наблюдалось в поселках, основанных до 1906 года.

Из всех приведенных фактов следует общий вывод — кулаки в Туркестан не переселялись. В край приезжало среднее крестьянство и беднота, причем в XX веке бедноты заметно больше, чем в XIX. На землю оседали по преимуществу средние крестьяне и в меньшей степени — бедняки.

Обследуя переселенческие поселки Семиреченской области, П. П. Румянцев не опрашивал переселенцев о их благосостоянии на родине. Нет возможности привести общие данные по этому вопросу о переселенцах всей области. Воспользуемся нашим подсчетом небольшого количества хозяйств, водворявшихся в 1910 году в Верненском уезде (см. табл. 90).

Таблица 90

1910 год. Верненский уезд. Имущество переселенцев-самовольцев ко времени водворения[10]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Кол-во хоз-в	% к итогу	Единиц скота на 1 хоз-во	Свиней на 1 хоз-во	Домов (всего)	Телег		Среднее кол-во лет, прошедших со времени прибытия в область
						всего	на 1 хоз-во	
I. Без скота	50	32,5	—	—	2	11	0,2	6,0
II. Без лошадей	9	5,8	1,4	—	2	4	0,4	8,1
III. С 1 лошадью	36	23,4	1,7	0,5	10	42	1,1	7,9
IV. С 2—3 лошадьми	49	31,8	2,5	0,6	5	85	1,7	7,5
V. С 4 и более	10	6,5	5,4	0,2	2	26	2,6	9,9
Итого	154	100,0	1,6	0,3	21	168	1,1	7,2

[8] Там же, стр. 115.
[9] Там же, стр. 130, 134.
[10] Списки: ЦГА КазССР, ф. 19, оп. 1, д. 1149, лл. 6—13. Подсчет наш по 3 спискам водворявшихся на наделы.

Как видно из последней графы таблицы 90, это поселенцы, прожившие много лет в Семиречье до получения наделов. Некоторые из них, возможно, сумели нажить кое-какое имущество до водворения, другие — потерять. Считать представленные в таблице данные показателем обеспеченности переселенцев к моменту прихода в область нельзя, но таблица показывает, кто водворялся на землю. Среди поселенцев только 10 хозяйств были более или менее обеспечены скотом. Но и их нельзя причислить к зажиточным. Зато более 38 процентов хозяйств — это заведомо бедняцкие: без скота и без лошадей. Вновь обнаруживаем, что водворялись на наделы среднеобеспеченные крестьяне и значительное количество бедноты.

2. Имущественная и классовая дифференциация поселенцев после водворения

Как развивалось хозяйство поселенцев после водворения?

Сведения о развитии хозяйства переселенцев Семиреченской области, водворенных в 70-х — начале 80-х годов по уже известному нам плану Кауфмана — Колпаковского, даны в таблице 91.

Таблица 91

1884 год. Развитие земледелия и скотоводства в 10 крестьянских селениях Семиреченской области[11]

Семьи, работавшие	Кол-во семей	Засеяли, дес.		Собрали хлеба, пуд.		Единиц скота в переводе на взрослую лошадь	
		всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во
I. 1 год	19	60,3	3,2	6298,0	250,5	83,8	4,4
II. 2 года	57	268,0	4,7	36173,0	435,0	511,3	8,9
III. 3 года	133	760,0	5,7	93770,0	451,0	1357,3	10,2
IV. 4 года	147	852,5	5,8	105417,0	490,6	1800,6	12,3
V. 5 лет	254	1630,0	6,4	196843,0	485	3793	14,9
Итого	610	3570,8	5,8	438501,0	467	7546	12,4

Уже тогда, в 80-х годах, не все переселенцы, прибывшие в край, устраивались на земле. Какое-то количество семейств возвращалось обратно. А. Розанов сообщал на страницах «Туркестанских ведомостей» о случаях обратного движения. Ему было известно о трех украинских семьях, возвращавшихся на родину из Семиречья. Хотя они «в продолжение двух лет приобрели до 50 голов рогатого скота и лошадей-иноходцев, однако, повстречавшись с казаками, заявили, что *здесь жить погано* (курсив наш.— *П. Г.*)»[12]. В 80-х годах возвращались из Семиречья не только неустроившиеся бедняки, но и крестьяне, полагавшие, что в других местах можно устроиться лучше. Те же семьи, которые закрепились на семиреченских землях, с каждым годом расширяли свое хозяйство.

Напомним, что 80-е годы и для местного казахского сельского хозяйства были годами расширенного воспроизводства не только байских, эксплуататорских, но и крестьянских хозяйств. Таблица 91 свидетельст-

[11] «Русские поселения в Семиречье». «Туркестанские ведомости», 1884, № 51. Репортерская заметка (без подписи) о докладе М. А. Шестакова на эту тему.

[12] А. Розанов. На пути. «Туркестанские ведомости», 1884, № 38.

вует, что и крестьяне-переселенцы с каждым годом богатели: и по площади посева, и по сбору хлеба, и по количеству скота переселенцы тем обеспеченней, чем больше лет они жили в Семиречье.

К этому же периоду относятся данные о крестьянах поселка Кара-Балты, пограничного между Сыр-Дарьинской и Семиреченской областями (см. табл. 92).

В данных по поселку Кара-Балты наблюдается та же закономерность, что и по данным 1884 года о десяти крестьянских селениях Семиреченской области (табл. 91): чем раньше водворились переселенцы, тем больший процент хозяйств принадлежит к многопосевным. Но 16,5 процента хозяйств поселка — это хозяйства, купившие землю. При этом процент купивших землю закономерно повышается в сторону малопосевных хозяйств. Таким образом, мы наблюдаем новое явление: вновь пришедшие переселенцы, не имея возможности получить надел бесплатно, покупают себе участки земли. В большинстве случаев это малопосевные хозяйства. Они купили землю для того, чтобы «зацепиться» за поселок в надежде в дальнейшем получить надел. Такое явление в Сыр-Дарьинской области было распространено довольно широко; оно также имело место и в Семиреченской области. Не всегда удавалось получить такой надел. В то же время бедняки, купившие какую-нибудь одну сотую десятины на хозяйство (таких хозяйств в поселке было 10 процентов), чтобы на ней построить какое-то подобие жилья, превращались в объект эксплуатации со стороны старожилов.

В Сыр-Дарьинской области в конце XIX— первые годы XX века наблюдалось то же явление (см. табл. 93).

Изучая данные таблицы 93, обнаруживаем, что и здесь чем позже пришли переселенцы в поселок, тем больше среди них бедноты — объект эксплуататорских поползновений зажиточных старожилов. С другой стороны, если многопосевные хозяйства среди пришедших в 1900 году и позже составляли только 8,8 процента от общего количества хозяйств, то среди пришедших в 1893 году и ранее таких хозяйств было 23,4 процента. Совершенно ясно, что и в данном случае мы наблюдаем процесс такого типа развития переселенческого хозяйства, когда с каждым годом как бы становились богаче не только хозяйства, перераставшие в зажиточные и кулацкие, но и все трудовое крестьянство; количество бедноты относительно уменьшалось, количество среднеобеспеченных и богатых хозяйств возрастало.

Как обстояло дело в этом отношении в старожильческих поселках Семиреченской области, видно из данных таблицы 94.

Данные таблицы 94 показывают, что и в старожильческих поселках Семиреченской области наблюдается та же тенденция, что и в поселках Чимкентского уезда: чем позже водворены переселенцы, тем больше среди них бедноты и меньше зажиточных и кулацких хозяйств. Среди поселившихся в течение последних 5-ти лет число бедняков достигало 72,5 процента, а многопосевных хозяйств — только 0,4 процента от общего количества хозяйств. В то же время среди поселившихся 40—20 лет тому назад, соответственно, 28,3 и 6,7 процента.

В то же время, сравнивая данные по Семиречью с данными по Сыр-Дарьинской области, обнаруживаем, что бедноты в Семиреченских поселках значительно больше, чем в поселках Чимкентского уезда. В этом безусловно сказалось разобранное выше отличие условий наделения землей переселенцев той и другой области: в Сыр-Дарьинской области бедноте устроиться на земле было значительно труднее, чем в Семиреченской. На данных таблицы 94 сказывается также и то обстоятельство, что обследование поселенцев Семиреченской области относится к такому периоду, когда обстановка в корне изменилась. Если для последнего де-

Таблица 92

1909 год. Землепользование поселка Кара-Балты
(год основания 1874)[13]

Имеют землю подворно-участкового пользования	Число хозяйств		У них десятин		Распределение хозяйств по времени водворения, %				% хозяйств, получивших землю	
	всего	% к итогу	всего	на 1 хоз-во	до 1885 г.	с 1886 по 1900 г.	с 1901 и позже	неизвестно	наделом	купили
I. Без земли	2	1,1	2	1	—	50,0	50,0	—	—	—
II. До 1 дес.	19	10,4	0,12	0,01	—	10,5	89,5	—	—	100,0
III. От 1 до 3 „	16	8,8	32	2	25,0	50,0	25,0	—	75,0	25,0
IV. „ 3 до 5 „	19	10,4	76	4	21,0	42,1	36,8	—	89,5	10,5
V. „ 5 до 10 „	41	22,5	282	6,9	53,7	36,3	10,0	—	97,5	2,5
VI. „ 10 до 15 „	40	22,0	393	9,8	47,5	50,0	2,5	—	97,5	2,5
VII. Свыше 15 „	45	24,8	1492	33,2	64,4	28,8	—	6,8	97,7	2,3
Итого	182	100,0	2277,12	12,5	42,8	37,8	17,8	1,6	83,5	16,5

[13] Список: ЦГА УзССР, ф. 87, оп. 1, д. 27841, лл. 19—21. Подсчет наш.

Таблица 93

1906 год. Развитие хозяйства крестьян-переселенцев 18 поселков Чимкентского уезда[14]

Группы хозяйств по размерам посева	Число хозяйств		В том числе хозяйств									
			пришедших в 1893 г. и ранее		пришедших в 1894—1899 гг.		пришедших в 1900 г. и позднее		год прибытия неизвестен		итого	
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	всего	% к итогу	всего	% к итогу	всего	% к итогу	всего	% к итогу
I. Не сеют, засевают до 4 дес.	195	16,6	46	7,9	9	15,0	20	21,9	11	18,0	86	10,8
II. Засевают от 4 до 12 дес.	511	43,5	221	38,0	39	65,0	45	49,5	25	41,0	330	41,5
III. Засевают от 12 до 20	282	24,0	179	30,7	11	18,3	18	19,8	13	21,3	221	27,8
IV. Засевают от 20 и выше.	188	15,9	136	23,4	1	1,7	8	8,8	12	19,7	157	19,9
Итого	1176	100,0	582	100,0	60	100,0	91	100,0	61	100,0	794	100,0

[14] П. А. Скрыплев. Русские селения в Чимкентском уезде... Таблицы.

Таблица 94

1910—1913 годы. Развитие хозяйства старожильческих русских поселков Семиреченской области (в полных границах)[15]

Группы хозяйств по размерам посева	Число хозяйств				В том числе хозяйств, поселившихся тому назад:									
	приписных		посторонних		40—20 лет		20—5 лет		5—1 год		неизвестно		итого	
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	всего	% к итогу	всего	% к итогу	всего	% к итогу	всего	% к итогу	всего	% к итогу
I Без посева и имеющие до 3 дес.	1297	16,6	3501	84,8	2049	28,3	1358	49,0	1186	72,5	205	65,7	4798	40,1
II Сеющие от 3 до 10 дес.	3059	30,0	505	12,2	2452	33,8	710	25,6	327	20,0	75	24,0	3564	29,8
III „ от 10 до 25	2868	36,6	98	2,4	2259	31,2	560	20,5	116	7,1	31	10,0	2966	24,8
IV „ от 25 и свыше	608	7,8	23	0,6	489	6,7	135	4,9	6	0,4	1	0,3	631	5,3
Итого	7832	100,0	4127	100,0	7249	100,0	2763	100,0	1635	100,0	312	100,0	11959	100,0

[15] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования Семиреченской области, т. VI. Русские старожильческие селения Лепсинского, Капальского, Верненского, Пишпекского и Пржевальского уездов. Пг., 1915. Таблицы.

Таблица 95

Развитие хозяйств новосельческих поселков Сыр-Дарьинской области и Андижанского уезда в 1910—1913 годах[16]

Группы хозяйств по времени проживания в поселках (с какого года)	Число хозяйств		Скота на 1 хоз-во, голов	% хозяйств					
	всего	% к итогу		не сеющих	сеющих до 4 дес.	сеющих от 4 до 16 дес	сеющих от 16 до 30 дес.	свыше 30 дес.	сдающих пахотную землю в аренду	арендующих пахотную землю
I. С 1913	1781	42.6	4.02	17 9	42 9	34.6	3 5	1,1	18.0	10.9
II. С 1912	436	10.4	6.80	16 3	38.1	37.6	6 2	1.8	18.8	21.1
III. С 1911	680	16.3	11 33	6 6	25.5	53,9	10,9	3,1	6 5	35.6
IV. С 1910	1286	30 7	14,31	3.1	14.2	51,1	22,7	9,6	10,6	54,1

[16] Е. Яшнов. Колонизация Туркестана за последние годы. «Вопросы колонизации», № 18, 1915, стр. 153, 154, 156.

сятилетия XIX века еще можно было допустить, что количество бедноты в поселках относительно уменьшилось, то теперь, в XX веке, этого уже утверждать нельзя, ибо беднота в поселках накоплялась из двух источников: и из числа разорявшихся старожилов, и из приливавших в поселки переселенцев-самовольцев.

Рассмотрим теперь данные Яшнова по новосельческим поселкам Чимкентского, Аулие-Атинского, Перовского, Ташкентского и Андижанского уездов (см. табл. 95).

И здесь (табл. 95) наблюдается рост благосостояния поселенцев в зависимости от количества лет проживания в поселке: вместе с увеличением количества лет проживания закономерно возрастает количество скота на хозяйство и увеличивается процент многопосевных хозяйств.

Таким образом, все приведенные данные как бы подводят к выводу, что в изучаемый период в крае наблюдалось расширенное воспроизводство хозяйств переселенцев на новых местах жительства. Между тем это далеко не так.

Отметим, прежде всего решающее изменение в общей экономической обстановке изучаемого района в части спроса и предложения свободных рабочих рук (см. табл. 96).

По данным таблицы 96 видно, что еще в 1910 году заработная плата сельскохозяйственных рабочих в Средней Азии в целом, в том числе в изучаемых областях, стояла выше, чем в России. Должно быть, ее снижение в Средней Азии, в частности и на Юге Казахстана, началось задолго до 1910 года, но в 1915 году она уже стала значительно ниже, чем в России.

Две основные причины вызвали этот процесс: во-первых, нарастающее обнищание местного крестьянства, во-вторых, прилив

все большего и большего количества крестьянской бедноты из России. Предложение рабочих рук возрастало, спрос на труд был недостаточным, и уровень заработной платы начал стремительно снижаться. А это означало, что бедняку-переселенцу, так или иначе потерявшему орудия производства, становилось все труднее и труднее скопить из заработка по вольному найму средства для домообзаводства, или, если он старожил, для восстановления расстроенного хозяйства. Это не могло не вести к обнищанию крестьянства, к прогрессирующему разорению крестьян-середняков, к росту количества бедняцких хозяйств. А меж тем все приведенные данные о росте благосостояния поселков как будто говорят об обратном — и в XIX, и в XX веках бедняки становились середняками, из середняков вырастали зажиточные и кулаки.

Таблица 96

Сравнение уровня средней заработной платы сельскохозяйственных рабочих в России, Средней Азии и на Юге Казахстана
(в процентах)[17]

Области и губернии	Головые рабочие				Поденные рабочие			
	на своих харчах		на хозяйских		на своих харчах		на хозяйских	
	1910 г.	1915 г.	1910 г.	1915 г.	1910 г.	1915 г.	1910 г.	1915 г.
Европейская часть России (1910 г.— 5 губ., 1915 г.— 48 губ.)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
8 областей Средней Азии	119,2	87,2	107,8	82,2	116,2	91,0	112,2	86,6
Сыр-Дарьинская область	110,3	72,3	97,7	73,0	120,3	81,2	121,0	87,6
Семиреченская область	107,5	53,3	86,5	57,2	93,2	75,2	91,2	66,6

Понять это кажущееся противоречие можно только, если учесть условия, при которых развивались русские поселки. Обратим внимание на следующие данные.

Выше, в главе о семиреченском казачестве уже сообщалось, что царской администрацией время от времени по специальной анкете собирались сведения о жителях населенных пунктов. В этой анкете наряду с другими сведениями запрашивались данные о числе «посторонних, временно проживающих хозяйств». Под этой рубрикой, как требовала инструкция, при учете разумелись семьи «проживающие на квартирах, в услужении, в караульщиках и т. п.» Словом, это бесспорно бедняцкие хозяйства, живущие постоянным или случайным заработком на стороне. В таблице 97 приведены данные о такого рода «посторонних» русских хозяйствах городов и казачьих станиц области.

По таблице 97 наблюдается быстрое нарастание числа «посторонних», окончательно обедневших русских семейств как в городах, так и в станицах области: за 6 лет в 2,3 раза.

Откуда эти семьи?

Несомненно, что эта категория жителей городов и станиц складывалась из числа русских переселенцев, не сумевших основать свое хозяйство или разорившихся уже после получения земли. Своеобразие имущест-

[17] Статистика Российской империи: за 1910 г.—XXX. СПб., 1913, стр. XII и XV; за 1915 г.—XCIV. Пг., 1917, стр. XI и XVII.

венного и классового расслоения крестьянства в русских поселках заключалось в том, что беднота в них не задерживалась. Не закрепившись на земле и потеряв возможность улучшить свое положение заработками в деревне, беднейшие крестьянские семьи уходили либо в Россию, либо в другие места, где рассчитывали найти средства для существования. Отражением этого процесса и является таблица 97. Количество бедноты среди русских переселенцев определяется не только количеством оставшихся в поселках бедняцких хозяйств, но и количеством ушедших в города, казачьи станицы и, наконец, в Россию.

Таблица 97

«Посторонние, временно проживающие» в городах и станицах Семиреченской области русские семьи[18]

Места проживания	Семьи или души	На 1 января 1907 г.	На 1 января 1910 г.		На 1 января 1913 г.	
			всего	% к 1907 г.	всего	% к 1907 г.
6 городов области	Семейств	986	2022	204,0	2559	259,5
	Душ обоего пола	7413	11192	151,1	10786	145,5
Станицы	Семейств	472	712	150,8	794	168,2
	Душ обоего пола	3121	4212	134,6	3954	126,7
Всего	Семейств	1456	2734	187,8	3344	229,6
	Душ обоего пола	10534	15404	166,2	14740	139,9

То же явление, еще более ярко выраженное, наблюдалось и в Сыр-Дарьинской области. Рост количества русских крестьян в городах области можно видеть из таблицы 98.

Таблица 98

Русские крестьяне в городах Сыр-Дарьинской области[19]

Годы	По области		В том числе в городах казахских уездов	
	всего душ обоего пола	рост, %	всего душ обоего пола	рост, %
1906	12447	100,0	1710	100,0
1910	35249	283,2	5989	350,2
1913	49435	396,8	12799	748,5

Если в городах Семиреченской области количество бедняцких семейств крестьян-переселенцев с 1906 по 1913 год возросло в 2,6 раза, то в Сыр-Дарьинской области за то же время количество крестьян, осевших в городах, возросло в 4 раза, а в городах казахских уездов — в 7,5 раза. Здесь процесс ухода крестьян-переселенцев из поселков в города был много интенсивнее, чем в Семиреченской области, их число в городах росло быстрее, чем в поселках. Совершенно понятными теперь становятся данные о том, что чем дольше живут крестьяне в поселке, тем боль-

[18] «Обзоры Семиреченской области» за соответствующие годы.
[19] «Обзоры Сыр-Дарьинской области» за соответствующие годы.

ше среди них зажиточных и кулаков. Беднели и разорялись, конечно, в первую очередь новоселы, которые подвергались эксплуатации также и со стороны старожилов. Крепли и подымали свое хозяйство сторожилы также и за счет эксплуатации новоселов.

В этом отношении очень показательны данные таблицы 99.

Таблица 99

1910—1911 годы. Состав русских переселенцев в поселках казахских уездов Семиреченской области[20]

Группы хозяйств по размерам посева	Число хозяйств				% отношения посторонних к приписным хоз-вам
	приписных		посторонних		
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	
I. Без посева	130	3,7	1460	76,1	1123,0
II. Сеющие до 5 дес.	805	23,1	350	18,2	43,4
III. Сеющие от 5 до 15	1702	48,9	96	5,0	5,6
IV. Сеющие от 15 до 25	614	17,7	11	0,6	1,8
V. Сеющие свыше 25	227	6,6	2	0,1	0,9
Итого	3478	100,0	1919	100,0	55,1
Отсутствующих	191	5,2			
Всего	3669	100,0	1919	—	52,3

Приписные — это хозяйства, получившие надел, посторонние — хозяйства самовольцев, живущих в поселках в ожидании наделов. При этом мы видим, что из числа приписных хозяйств к I и II бедняцким группам принадлежало 26,8 процента. В то же время среди посторонних бедняцких хозяйств насчитывалось 94,3 процента. Помещики, как говорилось выше, предпринимали попытки образовать свои имения с дополнением к ним крестьянских поселков с выгодными для них батраками и арендаторами. Но эта попытка провалилась. Получилось же, как видим, другое: выросшие в поселках старожилы-кулаки, получили из числа переселенцев-самовольцев достаточное количество бедноты, предлагавшей свои рабочие руки. Только 5,7 процента самовольцев, оставшихся в поселках, сумели удовлетворительно обзавестись пашнями, остальные пополнили собою группы бедняков и без того складывавшиеся в старожильческих поселках.

Шел процесс расслоения и среди старожилов. Ко времени обследования из среды старожилов выделилось, как уже отмечено, 26,8 процента бедноты. В то же время 191 хозяйство, т. е. 5,2 процента к общему количеству приписных, оставили свои наделы, ушли в другие места искать средства существования. Если эти хозяйства прибавить к числу оставшихся в поселках бедняков, то получается, что 32 процента хозяйств старожилов в 1910—1911 годах были хозяйствами бедняцкими. На другом полюсе — около 7 процентов хозяйств были кулацкими, остальные — середняцкие.

Менее рельефно то же самое явление наблюдается и в старожильческих поселках Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области (см. табл. 100).

И в данном случае (табл. 100) 68,4 процента посторонних хозяйств — это бедняцкие хозяйства, тогда как среди старожилов таких хозяйств

[20] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. VI. Таблицы.

только 15,7 процента. Небольшое количество хозяйств зарегистрировано как отсутствующие.

При оценке этих данных необходимо учитывать два обстоятельства: во-первых, особенности комплектования поселков в Сыр-Дарьинской области, где оседали в целом более обеспеченные хозяйства, чем в Семиречье, и, во-вторых, что эти данные получены на 5 лет раньше, чем по Семиречью. По этим двум причинам тенденции в характере классового расслоения здесь выражены не так четко, как в данных по Семиречью, но тем не менее закономерность та же.

Таблица 100

1906 год. Состав русских поселенцев в поселках Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области[21]

Группы хозяйств по размерам посева	Число хозяйств				% отношения посторонних к пришлым хоз-вам
	приписных		посторонних		
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	
I. Без посева	39	3,4	4	21,0	10,3
II. Сеющие до 4 дес.	143	12,3	9	47,4	6,3
III. Сеющие от 4 до 12	5.6	43,7	5	26,3	0,9
IV. Сеющие от 12 до 20	281	24,3	1	5,3	0,4
V. Сеющие от 20 до 30 и свыше	188	16,3	—	—	—
Итого	1157	100 0	19	100,0	1,6
Отсутствующих	13	1,1	—	—	—
Всего	1170	100,0	19	—	1,6

Общий вывод из приведенных фактов сводится к тому, что нет никаких оснований полагать, будто русское переселенческое крестьянство дифференцировалось по каким-то особым законам. В XX веке процессы классовой дифференциации и среди них проходили в обычном для периода развития капитализма порядке: росло количество бедноты, с каждым годом укрепляли свое хозяйство кулаки, «вымывалось» среднее крестьянство. Но тем обстоятельством, что значительная часть бедноты не задерживалась в поселках, уходила в города и другие места в поисках средств для существования, как бы затушевывалась общая картина. Принимая кажущееся за действительность, и царские чиновники, и статистики, исследовавшие вопрос, стремились принять за общий закон то, о чем в 1882 году записано в «Проекте отчета...» Кауфмана, что в Туркестане «на степном приволье» «зажиточно росли крестьянские деревни и общины». Такое явление еще можно было наблюдать в XIX веке. Но в XX веке крестьянская колонизация края в конце концов привела не столько к росту зажиточных и кулаков, сколько к быстрому накоплению недовольной своей судьбой городской и сельской бедноты, формировавшейся из разорившихся переселенцев.

Расслоение русских переселенцев, конечно, шло и в XIX веке. Но интенсивного процесса вымывания середняков в 80-х годах там еще не наблюдалось. Середняки скорее переходили в группу зажиточных и кулаков, чем в число бедняков. В XX же веке законы капиталистического разложения переселенческого крестьянства вступили в свою полную силу.

[21] П. А. Скрыпцев. Русские селения в Чимкентском уезде... Таблицы.

Несомненно, обнищание беднейшей части осевших на землю переселенцев в XX веке шло во много раз интенсивнее, чем в XIX.

Крестьяне-самовольцы, придя в край, обычно всеми силами «цеплялись за землю». Они старались за любую цену заарендовать кусочек земли и, таким образом, «пристроиться» к поселку. В таблице 101 приведены сведения о небольшом количестве самовольцев поселка «Свиняча выселка», самовольно образованного возле селения Кара-Балты.

Таблица 101

1901 год. Аренда земель крестьянами-самовольцами селения «Свиняча выселка», самовольно образовавшегося возле поселка Кара-Балты[22]

Группы хозяйств по размерам аренды пахотной земли	Количество хозяйств		Пахотной земли			Сенокоса		
	всего	% к итогу	всего, дес.	на сумму в год, руб.	средняя стоимость аренды 1 дес., руб.	всего, дес.	на сумму в год, руб.	средняя стоимость аренды 1 дес., руб.
I. Не арендующих	2	4,7	—	—	—	—	—	—
II. Не арендующих пахотную землю	9	20,9	—	—	—	13,5	24,2	1,8
III. Арендующих 1 дес. и менее	2	4,7	2	5	2,5	1	1,5	1,5
IV. Арендующих от 1 до 3	13	30,2	33	51,85	1,6	18	23,81	1,3
V. Арендующих от 3 до 5	6	13,9	28,0	66,5	2,4	14,5	22,25	1,5
VI. Арендующих более 5	11	25,6	104,0	179,75	1,7	37,5	53,35	1,4
Итого	43	100,0	167,5	303,1	1,8	84,5	125,11	1,5

Хозяйства, образовавшие этот поселок, в конце концов добились, что в 1902 году их признали и наделили землей. Выселку, получившему от ближайших соседей—крестьян-украинцев (должно быть, за особую бесцеремонность в борьбе за землю) название «Свиняча выселка», чиновниками в честь царя было присвоено имя «Николаевский» (тоже невольная ирония), и он получил все права нового русского поселка. Пока переселенцы добились признания поселка, они провели упорную борьбу с администрацией, пытавшейся их выселить «за самовольство» в захвате земель под усадьбы и пашни. Одним из средств борьбы за получение наделов для переселенцев являлась отраженная в нашей таблице 101 аренда земли. Чтобы «зацепиться за землю», они обосновывались на ничтожных клочках, пробавляясь сторонними заработками. Только 11 хозяйств (25,6 процента) сумели заарендовать участки в 5 и более десятин. Остальные арендовали земли значительно меньше, причем за повышенную, по сравнению с существовавшей тогда в области, арендную плату.

Вместе с развитием товарных отношений земля получала цену, а с ростом спроса на землю со стороны переселенцев арендные цены быстро росли. Вот интересный факт.

В архиве обнаружены «Сведения о продажах и арендах киргизских земель, не утвержденных правительством, в Меркинском участке Аулие-

[22] Список: ЦГА КазССР, ф. 33, оп. 1, д. 2416, лл. 8—23.

Атинского уезда», составленные участковым приставом в 1909 году[23]. В этом списке названо 64 случая аренды земли, из них 35 случаев аренды на максимально-допускавшийся по закону срок —29 лет. Фактически это были продажи-покупки. Среди них 16 человек покупали до 20 квадратных саженей под постройку жилья. За 134 квадратных сажени эти мелкие покупатели заплатили 350,5 руб., т. е. по 2,6 руб. за квадратную сажень. Это составляет более 10 тыс. руб. за хозяйственную десятину (4000 квадратных саженей).

Покупки более крупных участков обходились дешевле. Так участки свыше 20 квадратных саженей, до 1 десятины, обошлись в среднем 1079,2 руб. за десятину, участки от 1 до 2 десятин —1216,0 руб. за десятину. Цены на более крупные участки спускались до 75—43 руб. за десятину. Средняя цена покупок, по нашему подсчету, составила 63,3 руб. за десятину.

Словом, цены на землю настолько возросли, что не только в таком поселении полугородского типа, как Мерке, но и в оседлых поселениях деревенского типа бедняку-переселенцу добыть участок земли под жилье становилось все труднее и труднее. На аренду участка живущий заработками бедняк-переселенец затрачивал значительную часть своей заработной платы. Одновременно с этим упала и заработная плата сельскохозяйственных рабочих. Заработать деньги на домообзаводство было все труднее и труднее. Совершенно ясно, что в XX веке создалась такая обстановка, при которой «зацепиться за землю» самовольцу, не получившему надела, становилось все труднее и труднее.

Таблица 102 поможет проанализировать, как устраивались поселенцы на землю в Сыр-Дарьинской области после 1906 года, когда образовался переселенческий район.

Таблица 102

1910 год. Экономическое положение новоселов Беловодческого участка Чимкентского уезда[24]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Количество хоз-в	Из них прибывших		У них ед. скота в переводе на взр. лошадь		Свиней	Построек			Сельскохозяйственные орудия		
		1907—1908 гг.	1909—1910 гг.	всего	на 1 хоз-во		домов	надворных построек	домов и надворных построек на 1 хоз-во	телег	орудий обработки земли	сложных сельскохозяйственных машин
I. Без скота	7		7	—		—	4	4	1,1	—	—	—
II. Без лошадей	3		3	5,0	1,6	1	2	2	1,3	1	—	—
III. С 1 лошадью	4	2	2	13,1	3,3	—	3	3	1,5	1	—	—
IV. С 2—3 лошадьми	11	2	9	57,3	5,2	1	9	9	1,6	9	5	—
V. С 4 и более	4	1	3	30,3	7,6	—	4	4	2,0	3	3	3
Итого	29	5	24	105,7	3,6	2	22	22	1,5	14	8	3

[23] ЦГА КазССР, ф. 41, оп. 1, д. 428, лл. 12—18.
[24] Список: ЦГА УзССР, ф. 87, оп. 1, д. 25330, лл. 34—41. Подсчет наш.

На участке поселилось много бедноты —14 хозяйств из 29, т. е. около 50 процентов. Остальные — среднеобеспеченные крестьяне. Почти все бедняцкие хозяйства поселились здесь в последние два года. Поселенцы получили землю в следующем порядке: по приговору общества — семь хозяйств, по соглашению с прежними владельцами, т. е., проще говоря, купили,— три хозяйства, по разрешению переселенческой организации — 16 хозяйств. И еще три хозяйства не имели даже усадьбы, это абсолютно нищие, не имевшие никакого имущества.

Имущественное расслоение среди поселенцев начинается буквально с первого дня их поселения. Но особенно важно отметить, что контингент закрепляющихся в поселке по существу складывается в процессе отбора. Документ свидетельствует, что 24 семьи за три года существования поселка из него ушли, 29, подсчитанных для таблицы, пока остались. Трудно стало в это время беднякам устраиваться на земле.

Таким образом, на подсчитанных для таблицы данных мы вновь убеждаемся, что и в годы существования переселенческой организации далеко не каждая семья, даже уже приписанная к поселку, закреплялась на земле. Многим приходилось землю покупать, что беднякам было не под силу; да и получив землю, без скота нечего на ней было делать, тем более что зачастую участки отводились неплодородные.

По всем этим причинам самовольцы бежали в города, жили там на чужих квартирах и пробавлялись постоянными или временными заработками. С какой стороны ни подходи к вопросу,— все факты говорят о том, что в XX веке трудовые крестьяне русских поселков изучаемого района вступили в полосу обнищания; одновременно росло кулачество. В этом ярко выразилось не только относительное, как это наблюдалось в XIX веке, но и абсолютное обнищание трудовой части русских переселенцев.

По состоянию источников нет возможности достаточно полно показать динамику имущественного и классового расслоения переселенче-

Таблица 103

Расслоение в русских поселках Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области
(по количеству лошадей)[25]

Группы хозяйств по количеству лошадей	1901 г. Русские поселения Аулие-Атинского уезда			1910 г. поселок Джергиталь Аулие-Атинского уезда		
	Число хоз-в			Число хоз-в		
	всего	% к итогу		всего	% к итогу	
I. Без лошадей	11	1,1	25,4	8	5,0	10,0
II. С 1 лошадью	254	24,3		8	5,0	
III. „ 2—3 лошадьми	431	41,1	59,3	78	48,7	77,5
IV. „ 4—5 „	190	18,2		46	28,8	
V. „ 6—8 „	115	10,8	15,3	16	10,0	12,5
VI. „ 9 и более	47	4,5		4	2,5	
Итого	1048	100,0		160	100,0	

[25] За 1901 г.— подсчет списков коневладельцев опытной военно-конской переписи 1901 года по поселкам: Николаевское, Орловское, Мерке, Карабастинское, Луговое, Подгорное, Степное, Чалдавар, Ключевое, Покровское, Кузьминка, Грозное, Александровское. ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 8, д. 40; за 1910 г.— подсчет списка: ЦГА КазССР, ф. 146, оп. 1, д. 53, лл. 7—56.

ских поселков. Попытаемся сделать это на подсчетах по отрывочным сведениям. В таблице 103 приведены данные, по которым можно составить приближенное представление по этому вопросу о поселках Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области.

Строго говоря, данные подсчета, приведенного в таблице 103, несравнимы. За 1901 год — в левой части таблицы — взяты 13 поселков, за 1910 год — в правой части — всего только один поселок, причем не входивший в число поселков в левой части. Однако нельзя считать случайным, что общие тенденции от левой части таблицы к правой совпадают со сказанным выше. По поселку Джергиталь больше процент безлошадных. Это люди, у которых уже не было надежды найти лучшие условия жизни на стороне, и они остались в поселке. Зато процент однолошадных резко уменьшился. Это крестьяне, стоявшие накануне полного разорения. Они из поселков уходят в поисках лучшей жизни. Средняя часть крестьянства явно пополняется пришельцами среднего достатка, так или иначе закрепляющимися на земле. Процент зажиточных и кулаков по отношению к общему количеству хозяйств явно снижается, что указывает на обеднение поселка в целом.

Таким образом, не принимая нашу таблицу за точный показатель динамики расслоения в крестьянских поселках Аулие-Атинского уезда, мы тем не менее убеждаемся, что она в общем подтверждает другие наши данные о характере и ходе расслоения в среде переселенцев.

Несколько более точным показателем тех же процессов может явиться таблица 104, показывающая расслоение русских поселков Лепсинского уезда Семиреченской области.

Таблица 104

Расслоение в русских поселках Лепсинского уезда Семиреченской области
(по количеству лошадей и рабочего скота)[26]

1901 г. Опытная военно-конская перепись. Наш подсчет			1910 г. Обследование П. П. Румянцева		
Группы хозяйств по количеству лошадей	Число хоз-в		Группы хозяйств по количеству рабочего скота	Число хоз-в	
	всего	% к итогу		всего	% к итогу
I. Без скота	не выделены из группы безлошадных		Без скота	205	7,6 } 11,8
II. Без лошадей	70	5,6	Без рабочего скота	112	4,2 }
III. С 1 лошадью	267	22,4	1 голова рабочего скота	546	20,3
IV. „ 2—5 лошадьми	732	61,0	2—5 „	1224	45,6
V. „ 6—8 „	92	7,7	6—10 „	446	16,6
VI. „ 9 и более	37	3,3	11 и более	152	5,7
Итого	1198	100,0	Итого	2685	100,0
			Отсутствующих	75	2,7
			Всего	2760	100,0

Данные таблицы 104 вполне сравнимы в том отношении, что и наш подсчет и обследование Румянцева относятся к одним и тем же поселкам. Однако группировка хозяйств у нас произведена по количеству лоша-

[26] За 1901 г.— наш подсчет списков коневладельцев. ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 8, д. 40: за 1910 г.— П. П. Румянцев. «Материалы по обследованию...», т. VI. Таблицы по Лепсинскому уезду.

дей, у Румянцева — по количеству рабочего скота, к которому принадлежат и быки. Отсюда некоторая неточность сравнения количества хозяйств по отдельным группам. Число зажиточных и кулацких хозяйств (V и VI группы) у Румянцева против нашего подсчета, конечно, преувеличено: из-за наличия в хозяйствах, кроме лошадей, также и быков, у Румянцева в эти группы попала часть таких хозяйств, которые в нашем подсчете в них не попадали. Вместе с тем у Румянцева против наших показателей преуменьшено количество бедноты, так как в ее число при его подсчете не попадали безлошадные хозяйства или имеющие только одну лошадь, но имеющие быков; такие хозяйства у него переходили в более высокую группу.

Обращаясь теперь к сравнению приведенных данных, обнаруживаем, что даже без учета названных оговорок по данным Румянцева за 1910 год процент бедноты (I, II и III группы) значительно выше, а процент середняков — ниже, чем по нашему подсчету за 1901 год. Если же учесть сделанные выше оговорки, то эта тенденция выразится еще более выпукло. При этом и в данном случае надо помнить, что часть бедноты из числа старожилов за эти годы из поселков ушла, число отсутствующих к общему количеству хозяйств составило 2,7 процента.

Количество хозяйств в поселках Лепсинского уезда за девять лет возросло в 2,24 раза. Это увеличение произошло не только за счет разделов старожильческих семей, но и за счет прилива новоселов. Посторонних (неприписных) хозяйств в поселках в 1910 году зарегистрировано 747, т. е. 27,8 процента. Из них 427 хозяйств (66,0 процента) пришли в поселки за последние два года. Это были новоселы-самовольцы. По социальным группам посторонние распределялись следующим образом: в I, II и III бедняцких группах их насчитывалось 502 хозяйства, или 58,2 процента к количеству приписных, в IV середняцкой —227 хозяйств, или 18,5 процента, и среди зажиточных и кулаков — только 18 хозяйств, или 3 процента. Таким образом, процесс классовой дифференциации, несомненно, усиливается за счет прилива «посторонних». Но существа вопроса это не меняет. Данными таблицы 104 подтверждается тот факт, что и поселки Семиречья в XX веке вступили в такой период классового расслоения, при котором рост экономической мощи кулачества совершается за счет относительного и абсолютного обнищания крестьянства. Беднота в 1901 году (I, II и III группы) составляла 28 процентов общего количества хозяйств, в 1910 году процент ее достигает 32,1, а с учетом отсутствующих —34,8 процента, причем эту цифру при сравнении с нашими показателями, как сказано, надо считать преуменьшенной.

Так подтверждается все сказанное выше о расслоении крестьян-переселенцев. Общий закон классового расслоения в период развитого товарного хозяйства в конце XIX— начале XX века вступил в силу и в русских крестьянских поселках изучаемого края: росла беднота, уменьшалось в своем количестве среднее крестьянство. За счет обнищания трудового крестьяства росло кулачество.

Как сочеталось расслоение переселенческого крестьянства по землепользованию и посевам с расслоением по количеству скота?

В таблице 105 приведены данные П. А. Скрыплева по поселкам Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области.

Несмотря на стремление правительства создавать в русских поселениях земледельческие общины с уравнительным землепользованием, земля в поселках распределилась далеко не равномерно. Крепкие хозяйства уже при самом основании поселков захватывали в свои руки больше земельных паев, чем бедняцкие, и потому, что в их семьях, как правило, оказывалось больше мужских душ, наделяемых землей, и потому, что они могли вкладывать больше денег, когда требовались денежные

Таблица 105

1906 год. Расслоение поселенцев 18 русских старожильческих поселков Чимкентского уезда по землепользованию и количеству скота[27]

Группы хозяйств по размерам посева	Число хозяйств		Удобной земли в пользовании		Посевы		Отношение площади посевов к общему землепользованию, %	Единиц скота в переводе на взрослую лошадь		
	всего	% к итогу	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во		на 1 наличное хоз-во	на 1 хоз-во, имеющее скот	на 1 дес. посева
I. Без посева	56—13*	4,7	1248,1	22,2	—	—	—	3,0	3,9	—
II. С посевом до 4 дес.	152—4	12,8	6305	41,5	469,3	3,1	7,4	6,7	6,9	2,2
III. „ от 4 до 8 „	287—6	24,2	13317,7	46,4	1776,2	6,2	13,3	9,2	9,4	1,5
IV. „ от 8 до 12 „	224—2	18,8	10007,8	44,7	2310,2	10,3	23,1	12,4	12,5	1,2
V. „ от 12 до 16 „	163	13,7	8778,1	53,8	2335,9	14,3	26,6	15,7	15,7	1,1
VI. „ от 16 до 20 „	119	10,0	6178,4	51,9	2178,7	18,3	35,3	17,4	17,4	0,9
VII. „ от 20 до 30 „	114	9,6	6536,7	57,3	2778,7	24,3	42,5	20,6	20,6	0,8
VIII. „ свыше 30 „	74	6,2	5834,4	78,8	3074,5	41,5	52,7	27,2	27,2	0,6
Итого	1189—25	100,0	58206,2	49,0	14923,5	12,6	25,6	13,1	13,4	1,0

* Через тире — посторонние.

[27] П. А. Скрыплев. Русские селения в Чимкентском уезде... Таблицы. Пересчет скота в крупный произведен по нормам Румянцева, но без учета возраста животных. Этим несколько завышено количество единиц скота, но зато достигнута сравнимость данных с данными следующей таблицы 106, где также перевод сделан без учета возраста животных за исключением повозрастных данных.

затраты при получении земли. Но это было только одной из причин образования неравенства в землепользовании. Другой причиной была сдача земли в аренду и аренды. По закону воспрещалась продажа — покупка как казахских земель, так и наделов переселенцев, так как и те и другие считались государственной собственностью. Относительно крестьянских наделов воспрещалась даже сдача в аренду: в случаях невозможности пользоваться наделом крестьянин должен был сдать его властям для передачи другим переселенцам. Однако аренды практиковались довольно широко, и власти не только не имели возможности их приостановить, но фактически и не принимали против них достаточно эффективных мер. В такой обстановке, не оформляя через администрацию договорных документов, беднота сдавала свои наделы в аренду, когда не имела возможности их обрабатывать. Крепкие крестьяне, особенно зажиточные и кулаки, арендовали землю как у казахов, так и у русских поселенцев. По тому же обследованию Скрыплева арендующие хозяйства в I группе составляли 9,3 процента, во II—36,8 процента. В остальных группах этот показатель закономерно повышается и достигает: в VI группе —95,8, в VII—98,2, VIII—100,0 процента[28]. В результате и складывалось отраженное в таблице неравенство в землепользовании. Оно, как видим, довольно велико: высшая, VIII группа имеет земли на хозяйство в $3^1/_2$ раза больше, чем I, бедняцкая группа.

В то же время именно «наделение» землей (а не приобретение в порядке, скажем, покупки) и отсутствие права продать землю, если получивший надел не в состоянии его обработать, приводили к тому, что значительная часть бедняцких земель лежала впусте, не обрабатывалась. Имели землю даже беспосевные; очень небольшую часть своих земель обрабатывали посевщики II и III групп. Вообще же степень использования земельных площадей под пашни вполне закономерно повышается к высшим социальным группам. Препятствия, поставленные правительством на путях капиталистической мобилизации земельной собственности, приводили значительную часть земель в запустение: из общей площади землепользования только 25,6 процента земли занималось посевами, остальная шла под залежь и пастбища. Вместе с тем совершенно очевидно, что преодолевая правительственные рогатки, стоящие на пути капиталистической мобилизации земельной собственности, зажиточная часть крестьянства и кулачество расширяли размеры своего земледельческого хозяйства как за счет расширения землепользования, так и за счет более интенсивного использования земельных площадей, чем это было доступно бедноте и среднему крестьянству.

3. Тип хозяйства поселенцев

В. И. Юферов в 1906 году произвел расчеты условий эксплуатации пашни в Чимкентском уезде: «При наемном труде,— пишет он,— вся обработка и уборка урожая пшеницы обходится 24,7 руб.; между тем десятина собственной культуры на поливной земле дает возможность хозяину получить за свою работу только 22,13 руб., а богарной — даже 14,63 руб. Но работа в данном случае своя. Она не так ценится, как наемный труд, а кроме того, принятая нами сумма процентов на капитал и ремонт ирригационных сооружений также не принимается в расчет хозяином, так как скот пополняется приплодом из своего стада, постройки и инвентарь в большей своей части делаются собственными руками и, наконец, поддерживание в исправности арычной системы производится на-

[28] Там же, стр. 48.

турой».[29] Словом, при обработке пашни крестьянином затрачивается большое количество неучитываемого труда, и крестьянин уже и не помышляет о какой-либо прибыли на вложенный капитал, а только заботится о минимальном вознаграждении за его труд. В. И. Юферов обобщает: «Выгода здесь заключается только в том, что землепашец, вместо того, чтобы выносить свою рабочую силу на рынок, где расценка ее подвержена значительным колебаниям, прилагает ее в собственном хозяйстве. Таким образом, хозяин является по существу уже не предпринимателем, а только рабочим, который получает вознаграждение за свой труд от собственного хозяйства, причем это вознаграждение по сравнению с средними рыночными ценами (разумеется уровень заработной платы.— *П. Г.*) значительно ниже»[30].

Таковы были условия ведения земледельческого хозяйства трудового крестьянства. Они создавались всей системой колониальной эксплуатации края, прежде всего теми крайне низкими ценами на хлеб, о которых говорено выше. Крестьянин-переселенец, если он не кулак, превращался в простого работника на своей земле, не вырабатывавшего на ней даже среднюю заработную плату батрака. Этим и вызывались и общее обнищание трудового крестьянства, и бегство бедноты от земли. С другой стороны, показанное выше падение заработной платы сельскохозяйственных рабочих в какой-то степени «пригвождало» крестьянскую бедноту к их наделам, так как уход от земли все более и более затруднялся. Невидимыми экономическими нитями связывались в единый клубок интересы и основных масс крестьянства и батраков, и промышленных рабочих — все были заинтересованы и в повышении «рыночных цен» на труд и в улучшении положения еще не пролетаризированного крестьянства. Но рост спроса на труд, развитие капитализма и в городе и в деревне тормозились господством в крае российского военно-феодального и капиталистического империализма — коренные интересы трудящихся крестьян-переселенцев, как и рабочих, требовали ликвидации колониального состояния края, вытеснения октябристского капитала и замену его демократическим капиталом. Интересы и местных трудящихся и русских в этом отношении вполне совпадали.

Переходя к вопросу о сочетании развития земледелия и животноводства, вновь обратимся к подсчетам В. И. Юферова. Из подсчетов семи бюджетов крестьянских хозяйств В. И. Юферов делает вывод, что в этих хозяйствах продуктивный скот (без учета «расхода по ремонту») дал крестьянам следующую прибыль: коровы — 12,2 руб., овцы — 3,02, свиньи — 4,26 рубля в год на одну голову[31]. При очень низкой эффективности земледелия, приносящего крестьянину доход ниже среднего уровня заработной платы батрака, скотоводство оказывается более эффективной отраслью сельского хозяйства. Только этим можно объяснить, что даже беспосевные хозяйства имели скот, хотя имеющуюся у них землю не пашут. Низшие группы хозяйств по размерам посева в среднем имеют на единицу посевной площади скота больше, чем высшие. Это означает, что было выгоднее, особенно при мелких запашках, иметь лишнюю голову продуктивного скота, чем какую-то площадь маловыгодной запашки.

В. И. Юферов указывает, что как в русских поселках, так и у казахов рабочий скот — лошади, быки, верблюды — приносил земледельцам

---

[29] «Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области. Данные бюджетного исследования» т. I. Ташкент, 1910, стр. 48. Обследованием руководил В. И. Юферов.

[30] Там же, стр. 41.

[31] В. И. Юферов. Опыт определения нормы надела переселенцев по данным исследования селений Черняевского, Кауфманского и Константиновского Ташкентского уезда. Ташкент, 1907, стр. 29.

убытки. Тут расчет Юферова методически неверен. Он исчисляет прибыль от скота только по стоимости получаемых продуктов животноводства и совершенно не в состоянии исчислить «доход» от рабочего скота как тягловой силы в земледельческом хозяйстве. По его расчетам нельзя заключить, убыточна ли, скажем, лошадь у земледельца или нет. Но что лошади и быки приносили меньший доход бедняку, чем зажиточным и кулакам, это бесспорно. У крестьян, засевавших до 5 десятин, засевалось на одну голову рабочего скота 3,5 десятины, у кулаков же, засевавших более 30 десятин,—7,1 десятины, т. е. в два раза больше[32]. Во всех хозяйствах вместе с укрупнением запашек возрастали средние их площади на одну голову рабочего скота. Это было дополнительным стимулом для бедняков, чтобы, отказавшись от запашек, вместо маловыгодных лошадей и быков держать коров или баранов.

Общий же вывод из этого тот, что в показанном выше процессе перестройки хозяйства переселенцев из земледельческого в земледельческо-скотоводческое основные массы крестьянства не стояли в стороне — они также были заинтересованы в разведении продуктивного скота, во всемерном расширении животноводства, как более выгодной отрасли хозяйства, чем земледелие. Как для казахского крестьянства борьба за развитие земледелия являлась борьбой за улучшение своего положения, так у русского крестьянства ту же роль играла борьба за всемерное развитие животноводства, за превращение хозяйства в земледельческо-скотоводческое.

Каких успехов достигли в этом направлении русские крестьяне Чимкентского уезда ко времени обследования их хозяйства (1906 год), можно видеть из данных таблицы 106.

К 1906 году обследованные хозяйства (табл. 106) еще не стали в полном смысле земледельческо-скотоводческими, но трудовое крестьянство в этом направлении ушло дальше зажиточных и кулаков по количеству скота на десятину посева и почти не отстало в доле дохода от животноводства в общем балансе доходов своего хозяйства. Для кулаков развитие животноводства означало расширение производства на рынок. Но и трудовое крестьянство в смысле связи его скотоводства с рынком скорее опережало, чем отставало от кулачества: было выгоднее приобретать изделия русской промышленности за счет продажи продуктов животноводства, чем за счет продажи хлеба.

Так проходило расслоение русского крестьянства Чимкентского уезда в условиях постепенной перестройки земледельческого хозяйства в земледельческо-животноводческое.

Как совершались эти процессы в Семиреченской области, видно из данных П. П. Румянцева (см. табл. 107).

В общей картине тенденции, вскрытые по данным Чимкентского уезда, здесь, в Семиречье, повторяются. Однако земельные площади в Семиречье беднотой используются лучше, чем в Чимкентском уезде. Бюджетных обследований по Семиречью никогда не производилось, проанализировать детально причины этого не представляется возможным. Сравнивая же данные двух таблиц (105 и 107), убеждаемся, что животноводство относительно земледелия в хозяйстве семиреченских русских поселенцев заняло еще большее место, чем в Чимкентском уезде. После всего сказанного объяснение этому можно найти только в уже показанной выше еще большей, чем в Сыр-Дарьинской, невыгодности хлебных цен в отдаленной Семиреченской области. Это заставляло все группы хозяйств в Семиречье расширять разведение продуктивного скота и стремиться вместо хлеба вывозить на рынок продукты животноводства.

---

[32] Там же, стр. 23.

Таблица 106

1906 год. Доходы и расходы по бюджетам русских крестьян Чимкентского уезда[33]

Группы хозяйств по размерам посева	Число опрошенных хозяйств	На хозяйство		Единиц скота на 1 дес. посева	Соотношение денежных и натуральных доходов, %		Отношение доходов по источникам, %			
		посева, дес.	единиц скота в переводе на взрослую лошадь		денежных	натуральных	от земли	от скота	от промыслов	случайные поступления
I. Засевающие до 8 дес.	4	6,9	8,8	1,3	52,3	47,7	62,2	15,2	14,0	8,6
II. Засевающие от 8,01 до 16 дес.	9	10,1	13,6	1,4	50,2	49,8	65,4	17,7	12,2	4,7
III. Засевающие от 16,01 до 30 дес.	6	22,7	17,7	0,8	46,8	53,2	67,7	15,7	4,7	11,9
IV. Засевающие свыше 30 дес.	3	32,9	24,2	0,7	46,8	53,2	67,4	18,1	0,7	13,8
Итого	22	16,1	15,2	0,9	48,4	51,6	66,3	17,0	6,9	9,8

[33] «Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской обл. Данные бюджетного исследования», т. I, стр. 120, 122, 128, 143.

Таблица 107

1910—1911 год. Расслоение хозяйств русских переселенцев-старожилов Верненского, Капальского и Лепсинского уездов по землепользованию и количеству скота[34]

Группы хозяйств по размерам посева	Число хоз-в		Удобной земли в пользовании		Посевы		% площади посева к общему землепользованию	Единиц скота в переводе на взрослую лошадь		
	всего	% к итогу	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во		на 1 наличное хоз-во	на 1 хоз-во, имеющее скот	на 1 дес. посева
I. Не сеющие	1590	29,4	1734	1,1	—	—	—	2,5	3,6	—
II. Сеющие до 3 дес.	626	11,6	4260	6,8	1086,01	1,7	25,4	3,5	4,0	2,0
III. „ от 3 до 5 „	529	9,8	6805	12,9	2116,16	4,0	31,0	5,6	5,8	1,4
IV. „ от 5 до 10 „	1121	20,7	24375	21,7	8241,91	7,4	33,8	10,3	10,3	1,4
V. „ от 10 до 15 „	677	12,6	21883	32,3	8275,06	12,2	37,8	16,2	16,2	1,3
VI. „ от 15 до 25 „	625	11,6	29100	46,6	11751,08	18,8	40,4	24,3	24,3	1,2
VII. „ от 25 до 50 „	215	4,0	15802	73,5	7025,47	32,6	44,5	37,4	37,4	1,1
VIII. „ свыше 50 „	14	0,3	1590	113,5	932,2	66,5	58,6	54,9	54,9	0,8
Итого	5397	100,0	105549	19,6	39427,89	7,3	37,3	10,3	11,6	1,4

[34] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. VI. Таблицы, сводные по 3-м уездам.

4. Отношения эксплуатации в переселенческих поселках

Какие отношения эксплуатации вырастали на базе описанного расслоения поселенцев?

В таблице 108 приведены данные о развитии вольного найма в старожильческих поселках Чимкентского уезда.

Таблица 108

1906 г. Наем рабочей силы в русских старожильческих поселках Чимкентского уезда*

Социальные группы	Число наличных хоз-в	Число хоз-в, нанимающих рабочих	В том числе хоз-в, нанимающих для промыслов	% нанимающих хоз-в	Нанято рабочих в переводе на годовых*		Сдельно на 1 нанимающее хоз-во, руб.
					всего	на 1 нанимающее хоз-во	
I. Беднота (без посева, с посевом до 4 дес.)	182	78	—	42,9	10,7	0,14	16,4
II. Среднее крестьянство (от 4 до 12 дес. посева)	506	418	2	82,6	154,3	0,37	37,0
III. Зажиточные (от 12 до 20 дес. посева)	281	255	2	90,7	181,3	0,71	73,4
IV. Кулачество (20 и более дес. посева)	188	184	1	97,8	235,0	1,28	130,1
Итого	1157	935	5	80,8	581,0	0,62	63,5**

* Норма перевода: 2 сроковых = 1 годовой; 300 поденщиков = 1 годовой.
** Кроме того, 79 случаев найма за неизвестную плату.

Таблица 108 свидетельствует, что в переселенческих поселках развивался капитализм. Но, присматриваясь к показателям таблицы, обнаруживаем своеобразие развития вольного найма. Нанимают работников 80,8 процента хозяйств. Даже среднее крестьянство и бедняки нанимают, в небольшом, правда, количестве, рабочую силу для сельскохозяйственных работ. Причем промышленного найма зарегистрировано только пять случаев, а среди беспосевных и малопосевных хозяйств — ни одного. Это явление необходимо объяснить. Обратимся к фактам, характеризующим рынок рабочей силы в Сыр-Дарьинской области.

Как видно из главы VII, в аулах Сыр-Дарьинской области количество бедноты было особенно велико. По данным обследований Переселенческого управления, 81,2 тысячи хозяйств казахских аулов (из 131,7 тыс.) искали заработок на стороне. По данным военно-конской переписи 1912 года, эта цифра была еще выше. Именно на такой почве в это время в Чимкентском уезде наблюдалось следующее явление: «Не имея своего хлеба все бедные и даже часть средних (казахских.— *П. Г.*) хозяйств принуждены целиком или частично отправляться за ним (из кочевых районов.— *П. Г.*) в земледельческие местности уезда... Таких бродячих жнецов называют здесь «науканчи» (вероятно, искаженное арабское

[35] П. А. Скрыплев. Русские селения в Чимкентском уезде. Таблицы.

«аукат» — средства к жизни). Ежегодно в середине июня все перевозы через Сыр-Дарью южной части уезда бывают переполнены ими. Большая часть забирает с собою свой немногочисленный скот...»[36]

Такие же наблюдения записаны и по другим уездам области с некоторыми, однако, вариациями. Например, обследователи Казалинского уезда сообщают, что там «на «наукан» очень редко идут целые семьи. Обыкновенно жнецами являются, за исключением редких случаев, мужчины и подростки мужского пола...»[37] Это, однако, не меняло того положения, что предложение рабочих рук далеко превышало спрос, плата за выполнение сельскохозяйственных работ была очень низкой.

Такой тип «промысла», видимо, был характерен главным образом для Сыр-Дарьинской области. А это означало, что в страдную пору (да и в другие времена года) за самую дешевую плату, причем натурой (т. е. не находившим удобного сбыта хлебом), можно было нанять сколько угодно рабочих рук. Нанимали таких бродячих «искателей пропитания» главным образом сдельно. Именно поэтому сдельный наем здесь, в Чимкентском уезде, занимает особенно большое место. Если принять заработную плату годового рабочего за 40—45 руб., то в средних показателях сдельный наем окажется примерно в 2—2,5 раза больше повременного.

Известно, что труд русских рабочих в Казахстане и Туркестане оплачивался дороже, чем местных. Сельскохозяйственные же работы оплачивались дешевле, чем работа в местной промышленности. В результате создавалась такая обстановка, что русскому крестьянину часто было выгоднее уйти самому на «промыслы», даже в страдную пору, а дома вместо себя «поднанять» казаха или киргиза. В переселенческих поселках Сыр-Дарьинской области занимались «промыслами» 35,2 процента хозяйств. При большой дешевизне труда бродячих «науканчи» было во многих случаях выгоднее заняться ремеслом, пойти в извоз или на сезонные работы на маслобойных или хлопкоочистительных заводах, чем выполнять дома очень изнурительные и невыгодные сельскохозяйственные работы.

Сказанное приводит к выводу, что наем, зарегистрированный в первых двух социальных группах таблицы 108 по Сыр-Дарьинским поселкам, не являлся наймом капиталистическим. Последовательно капиталистическим сельскохозяйственным наймом был наем IV, кулацкой группы. Возможно, что по несовершенству использованной статистики и в показателях по III группе — зажиточных — отразилась некоторая доля трудового найма, но подавляющая его часть, конечно, также — наем капиталистический.

Что касается кулацкой группы, то они нанимали не только бедняков казахов, но также и русских. В 1915 году от корреспондентов текущей статистики по Сыр-Дарьинской области на вопрос — кого чаще нанимали,— получены ответы: русских —34 процента, туземцев —60 процентов, военнопленных —6 процентов[38].

Наряду с капиталистическими методами эксплуатации применялись также и полуфеодальные (см. табл. 109).

Малопосевные крестьянские хозяйства, среди которых были и хозяйства, совершенно не имевшие скота, не только вынуждены были обращаться к сторонним заработкам в дополнение к труду в своем хозяйстве, но также пользоваться наемным скотом для обработки своей пашни. Если для многопосевных хозяйств наем скота (по терминологии обследо-

---

[36] «Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области. Чимкентский уезд», т. II, вып. I. Ташкент, 1910, стр. 133.

[37] «Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область, Казалинский уезд». Ташкент, 1913, стр. 73.

[38] «Сельскохозяйственный обзор Туркестанского края за 1915 год», стр. 58.

вателей) был наймом работника со скотом, то для трудового крестьянства он являлся получением ростовщического кредита скотом от кулаков, иначе говоря,— ростовщической кабалой.

Таблица 109

1906 год. Кредит рабочим скотом в поселках Чимкентского уезда[39]

Группы хозяйств по размерам посева	Число хозяйств			% хозяйств, пользующихся наемным скотом для обработки пашни
	обрабатывающих пашню своим скотом		обрабатывающих всю пашню наемным скотом	
	всю	часть		
I. Засевающие до 4 дес.	81	19	52	34,2
II. „ от 4 до 8 „	227	28	32	11,1
III. „ от 8 до 12 „	199	17	8	3,6
IV. „ от 12 до 16 „	157	4	2	1,2
V. „ свыше 16 „	303	3	1	0,3
Итого	967	71	95	8,4

Другим видом некапиталистической эксплуатации была издольная аренда земель (см. табл. 110).

Издольная аренда земли, как и наем скота, также бывает разная. Одно дело, когда кулак арендует участок земли, скажем, у казахов и платит за это какой-то (обычно незначительной) долею урожая; другое дело, когда трудовой крестьянин берет землю у бая или кулака, вместе с тем иногда также пользуется кулацким скотом, и отдает за это половину или более урожая. В первом случае это, несмотря на натуральные формы, фактически капиталистическая аренда. При ней кулак платит землевладельцу ренту, сам же, в свою очередь, от эксплуатации земли получает прибыль. Во втором же случае, на земле, отданной в аренду крестьянину, кулак эксплуатирует, по существу, крестьянина как полубатрака. Работник (арендатор) в результате своего труда получает такую долю урожая, которая еле вознаграждает его труд. Остальное поступает в распоряжение землевладельца: тут и рента, тут и прибыль на капитал, а за скот, если он ссужен, и ростовщический процент. В таблице 110 и отразились названные два вида издольщины. В I, II и III группах это безусловно кабальная издольщина. Это один из видов эксплуатации трудового крестьянства поселков кулаками. С VI группы и выше, конечно, осуществляется издольщина капиталистического типа.

Нет возможности по состоянию источников во всей полноте изобразить все виды процветавшей полукапиталистической и некапиталистической эксплуатации трудового крестьянства в русских поселках. Одно ясно, что они, наряду с капиталистическим наймом, имели широкое распространение. В частности, как уже показано выше, широкое распространение имело ростовщичество.

Как складывались отношения эксплуатации среди русских поселенцев в Семиреченской области? Ознакомимся с таблицей 111.

Здесь, в Семиречье (табл. 111), процент нанимающих хозяйств много ниже, чем в Сыр-Дарьинской области, значительно меньше нанималось и работников на одно нанимающее хозяйство. Однако нанимали, как и в Сыр-Дарьинской области, не только зажиточные и кулаки, но и среднее крестьянство, а также 19,8 процента хозяйств из I (бедняцкой) группы.

[39] П. А. Скрыплев. Цит. обследование. Таблицы.

Таблица 110

1906 год. Характер аренды земли в поселках Чимкентского уезда[40]

Группы хозяйств по размерам посева	Кол-во арендующих хоз-в	% арендующих хоз-в к общему кол-ву хоз-в	Ими заарендовано, дес.									
			пашни					покоса				
			всего	в том числе			% издольной аренды к общему кол-ву аренды	всего	в том числе				% издольной аренды к общему кол-ву аренды
				за деньги	из доли	за натуральную оплату и подати			за деньги	из доли и за отработки	за подати	за смешанную оплату	
I. Не сеющие	4	7,1	5,3	5,3			—	7,5	7,5				—
II. Сеющие до 8 дес.	189	43,1	452,5	358,3	68,1	8	15,0	156,9	148,4	0,5	0,5	7,5	0,3
III. „ от 8 до 16 „	309	79,8	1618,2	1406,0	197,6	5	12,2	417,9	338,6	79,3	—	—	19,0
IV. „ от 16 до 20 „	119	100,0	974,9	859,1	114,3	1,5	11,7	164,1	136,1	28,0	—	—	17,0
V. „ 20 и свыше	188	100,0	3738,1	3515,9	185,4	29,8	5,0	594,0	533,2	60,8	—	—	10,2
Итого	809	68,0	6789,0	6144,6	565,4	44,3	8,3	1340,4	1163,8	168,6	0,5	7,5	12,3

[40] Там же, таблицы.

Таблица 111

1910—1911 годы. Наем рабочей силы в русских старожильческих поселках Лепсинского, Капальского и Верненского уездов Семиреченской области[41]

Социальные группы	Число наличных хоз-в	Число хоз-в, нанимающих рабочих	% нанимающих хоз-в	Нанято рабочих в переводе на годовых		Сдельно на 1 нанимающее хоз-во, дес.	Хозяйств, имеющих промышленные заведения	
				всего	на 1 нанимающее хоз-во, дес.		всего	% к общему кол-ву
I. Беднота без посева, с посевом до 3 десятин	2216	439	19,8	79,1	0,18	2,4	600	27,1
II. Среднее крестьянство (от 3 до 10 дес. посева)	1650	1188	72,0	279,1	0,24	5,6	110	6,7
III. Зажиточные (от 10 до 25 дес. посева)	1302	1220	93,7	782,0	0,64	14,1	123	9,4
IV. Кулачество (25 и более дес. посева)	229	227	99,1	271,0	1,19	29,5	32	13,9
Итого	5397	3074	56,9	1411,2	0,46	10,3	863	16,0

[41] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. VI. Таблицы, сводные по трем уездам.

И в Семиречье рабочие руки были дешевы. В Лепсинском уезде Семиреченской области, по свидетельству А. А. Половцева, «самая высокая цена на годового рабочего (казаха или киргиза.— *П. Г.*) доходит до 25—30 рублей при хозяйской одежде и при выдаче хлеба, равного урожаю с 1/2 десятины; за 8 (летних.— *П. Г.*) месяцев платят от 10—15 рублей и 1/2 десятины хлеба»[42]. По другим уездам области А. Половцев называет примерно такие же цифры заработной платы. Так было уже в конце XIX века. В XX веке заработная плата работников-казахов спустилась еще ниже. Это говорит о том, что и здесь, как и в Чимкентском уезде, ввиду дешевизны рабочих рук, по тем же причинам распространялся и трудовой наем.

По логике таблицы наем в I группе надо в главной своей части отнести к найму в хозяйствах, имеющих промышленные заведения. Такие хозяйства в этой группе составляли 27,1 процента. Здесь явно переплетается капиталистический наем с трудовым, но точно дифференцировать его по типам не представляется возможным. Во II (середняцкой) группе, где прибегают к найму 72 процента хозяйств, явно преобладает трудовой наем на сельскохозяйственные работы. Наем у кулаков — это капиталистический наем как на сельскохозяйственные работы, так и для промышленных заведений. Некоторая часть найма в группе зажиточных, очевидно, носила также трудовой характер. Вообще же совершенно очевидно, что в Семиреченской области трудовой наем был развит слабее, чем в Сыр-Дарьинской.

Что наем даже в III группе во многих случаях имел тот же характер, как в Чимкентском уезде,—поднанимали работников вместо членов семьи, в свою очередь ушедших на заработки или занятых ремеслом, можно видеть из следующей справки.

Среди поселенцев, насчитывалось:

	в III группе, *чел*	в IV группе, *чел*
Промышленных рабочих	42	11
Кустарей и ремесленников	488	488
Служащих и свободных профессий	35	29
Всего	565	528

Большинству этих людей было выгодно заниматься своим, посторонним по отношению к их сельскому хозяйству, делом, а вместо себя в страду нанять дешевого работника со стороны. Естественно предположить, что кустари и ремесленники, а также служащие, в своей наиболее зажиточной части, уже прибегали к капиталистическому найму, но промышленные рабочие имели только трудовой наем. Нанимали главным образом сдельно, но и сдельный наем в Семиречье имел явно меньшую распространенность, чем в Чимкентском уезде.

О национальном составе нанимаемых работников можно судить по данным таблицы 112.

Цифры рельефно показывают источник наемной рабочей силы: в первую очередь это казахи, киргизы и уйгуры, затем и русские. При этом меньшая часть русских — из старожилов, большинство — из новоселов и пришлых, еще не устроившихся переселенцев.

Общий вывод о Семиречье, в сравнении с Сыр-Дарьинской областью, следующий: в русских поселках наем рабочей силы был развит значительно слабее. Это объясняется тем, что и обнищание местного крестьян-

[42] А. А. Половцев. Отчет чиновника особых поручений при Министерстве внутренних дел. СПб., 1898, стр. 29—30.

ства здесь было выражено слабее, и состояние хлебного рынка было хуже, чем в Сыр-Дарьинской области. Семиреченский кулак-переселенец, за невозможностью выгодно сбывать на рынке продукцию своего хозяйства — хлеб, больше, чем кулак сыр-дарьинский, применял полуфеодальные методы эксплуатации трудового крестьянства и ростовщичество наряду с эксплуатацией наемного труда.

Таблица 112

Национальный состав нанимаемых рабочих в Семиреченской области по данным текущей статистики[43], %

Годы	Местное население (казахи, киргизы, уйгуры)	Русские крестьяне-новоселы	Пришлые русские	Крестьяне-старожилы	Пришлые кашкаряки (дунгане)
1914	66	19	11	3	1
1915	69	29			2

Издольная аренда земель здесь была развита слабее, чем в Чимкентском уезде. В изучаемых поселках в числе арендованной пашни из доли и за натуральную оплату было арендовано всего 4,9 процента, в том числе сеющими до 5 десятин — 5,6 процента, сеющими от 5 до 15 десятин — 5,2 процента, сеющими от 15 до 25 десятин —5,7 процента.[44]. В Чимкентском уезде такой тип кабальной аренды был развит значительно шире. Но другие виды кулацких «прижимок» здесь, в Семиречье, были развиты широко. Они отражены в данных таблицы 113.

Таблица 113

1910—1911 годы. Способы обработки пашни и уборки урожая переселенцами Лепсинского, Капальского и Верненского уездов Семиреченской области[45]

Группы хозяйств по размерам посева	Количество хозяйств, %							
	обрабатывающих пашню				убиравших урожай			
	своим трудом	наймом	супрягой	смешанно	своим трудом	наймом	супрягой	смешанно
I. Не сеющие	—	—	—	—	—	—	—	—
II. Сеющие до 5 дес.	33,5	38,7	22,3	5,5	61,1	13,0	1,4	24,5
III. „ от 5 до 15 „	85,3	3,4	4,8	6,5	24,8	8,0	0,5	66,7
VI. „ от 15 до 25 „	86,5	1,5	0,6	11,4	7,2	14,1	0,5	78,2
V. „ от 25 и свыше	78,6	1,8	0,4	19,2	2,7	13,5	—	83,8
Итого	69,1	13,3	9,0	8,6	31,2	10,8	0,8	57,2

Высокий процент супряги и смешанной обработки земли — это то, за чем кроется наем скота у кулаков Исключаем из II группы хозяйства,

[43] «Сельскохозяйственный обзор Семиреченской области»: за 1914 г.— Верный, 1915, стр. 80; за 1915 г.— Верный, 1916, стр. 94.

[44] Наш подсчет данных П. П. Румянцева.

[45] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. VI. Таблицы. Подсчет наш.

обрабатывающие землю наймом: их характеристика уже дана. Тогда почти половина остальных хозяйств под видом «супряги» так или иначе пользуется «помощью» кулака на ростовщических началах. Вместе с тем, как следует из данного выше описания действий ростовщического капитала в области, кулак прибегал к ростовщичеству при любых экономических затруднениях трудового крестьянства.

Все сказанное дает возможность определить тип семиреченского кулака. 78,6 процента кулацких хозяйств показали, что они обрабатывают пашню своим трудом; по таблице 111 видно, что в среднем на однонанимающее кулацкое хозяйство приходится только 1,19 человеко-года наемных работников. Тем не менее все же это кулачество — эксплуататоры, присваивающие большое количество прибавочного труда и русского, и местного крестьянства. Семиреченско-сыр-дарьинский кулак — *это не фермер-капиталист*. Он не столько эксплуатирует вольнонаемный труд в своем хозяйстве, сколько высасывает соки из самостоятельного трудового крестьянства. Нельзя рассматривать его изолированно. Такой тип кулака вырос в уже описанной выше общей обстановке колониальной эксплуатации края, господства феодальных поборов и торгово ростовщической эксплуатации. В системе «октябристского капитализма» кулак не становится фермером. Он кулак-мироед — низовое звено торгового и ростовщического капитала. Таким он был в Сибири, таким — в Туркестане, таким он являлся и в изучаемом районе, как и во всем Казахстане.

Пожалуй, наилучшим показателем особой реакционности кулака изучаемого края являются сведения о распространенности здесь сельскохозяйственных машин. В таблице 114 приведены данные по этому вопросу в сравнении с данными по России.

Таблица 114

1910 год. Распространенность усовершенствованных сельскохозяйственных орудий на Юге Казахстана в сравнении с Россией[46]

Области и губернии	На 100 орудий для подъема почвы приходится		На 100 орудий для рыхления почвы приходится	
	неусовершенствованных	усовершенствованных	неусовершенствованных	усовершенствованных
У крестьян				
Семиреченская	67,8	32,2	98,7	1,3
Сыр-Дарьинская	93,1	6,9	98,8	1,2
50 губерний центральной европейской части России	67,9	32,1	96,5	3,5
У всех землевладельцев				
Семиреченская	67,5	32,5	98,6	1,4
Сыр-Дарьинская	93,1	6,9	98,8	1,2
50 губерний центральной европейской части России	65,7	34,3	94,6	5,4

По сообщению авторов использованной нами текущей статистики, для сбора сведений «была разослана программа уездной полиции для отобрания показаний от владельцев и волостным правлениям — для опроса крестьян»[47]. Так как крестьянами и владельцами в изучаемом районе

[46] «Статистика Российской империи», LXXIX. СПб., 1913.
[47] Там же, стр. II.

признавались только русские крестьяне-переселенцы, и только в Семиречье, кроме того, казачество, то сведения таблицы 114 по Сыр-Дарьинской области относятся только к крестьянам-переселенцам, по Семиреченской — в данных о всех землевладельцах — также и к казачеству. Что же наблюдается в этих данных?

Мы видим, что по сравнению с крестьянами в России, крестьяне-переселенцы обеих областей, особенно Сыр-Дарьинской, крайно отстали в части употребления усовершенствованных сельскохозяйственных орудий (см. таблицу 115).

Таблица 115

1910 год. Применение сложных сельскохозяйственных машин на Юге Казахстана в сравнении с Россией[48]

Области и губернии	Приходится десятин пахотной земли на одну:							
	сеялку		жатвен. машину		молотилку		веялку	
	всего	% к центр. губерн. России	всего	% к центр. губерн. России	всего	% к центр. губерн. России	всего	% к центр. губерн. России
У крестьян								
Семиреченской	2867	663,6	2333	1458.1	195	96.1	619	1213,7
Сыр-Дарьинской	15429	3571,1	1113	695,6	1216	599,0	535	1049,9
50 губерний центральной европейской части России	432	100,0	160	100,0	203	100,0	51	100,0
У всех землевладельцев								
Семиреченской	27258	7154,3	2177	1176,7	196	82,4	599	921,5
Сыр-Дарьинской	15605	4095,8	1124	607,5	1229	516,4	539	829,2
50 губерний центральной европейской части России	381	100,0	185	100,0	238	100,0	65	100,0

По данным таблицы 115 убеждаемся, что сложные сельскохозяйственные машины в обеих областях были по существу редким явлением. Если плуги, по сравнению с сохой и тез-агачем, еще находили в Семиречье, на тяжелых семиреченских почвах довольно широкое применение (таблица 114), то сложные сельскохозяйственные машины почти не применялись в обеих областях. Чем это объяснить?

Граница применения машин, как читаем у К. Маркса «определяется тем, что труд, которого стоит их производство, должен быть меньше того труда, который замещается их применением. Однако для капитала эта граница определяется более узко»[49].

Практически она может сужаться и высокими ценами на машины и низкой ценой рабочих рук. Так было и в изучаемом районе. В порядке

[48] Там же, таблицы.

[49] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. М., 1960, стр. 404.

царившего в крае неэквивалентного обмена машины продавались выше их цены производства. Кроме того, к их цене прибавлялась стоимость перевозки из России железнодорожным и гужевым транспортом. Машины были непомерно дороги при крайней дешевизне хлеба. В то же время описанная выше низкая заработная плата сельскохозяйственных рабочих сужала границу выгодности машин. Создавалась обстановка, при которой капиталист-кулак был крайне слабо заинтересован в том, чтобы заменять дорогой машиной дешевую рабочую силу. В этом объяснение слабой распространенности сельскохозяйственных машин в крае. В конечном счете технический прогресс в сельском хозяйстве тормозился всей системой колониальной эксплуатации, порождавшей названное сужение возможностей употребления машин.

Крайне низкой была также и система ведения земледелия — это была переложная (залежная) система. П. П. Румянцев, обследовавший Семиречье, говорит о переселенцах, что они «ни в смысле разнообразия культур, ни в смысле приемов обработки почвы... не превзошли оседлых туземцев — тюрков, сартов и китайцев-дунган; наоборот, последние возделывают рис, вырабатывают прекрасные разнообразные овощи, виноград, персики и другие фрукты, т. е. заняты культурами, которые требуют гораздо более интенсивного хозяйства, чем обычное крестьянское залежное полеводство. Более того, можно сказать, что в смысле приспособления к природным условиям даже хозяйство «кочевников» — киргизов по своей системе, а не технике, конечно, рациональнее хозяйства русских крестьян»[50].

Такая же переложная система земледелия применялась и в Сыр-Дарьинской области. Зажиточные, по свидетельству П. А. Скрыплева, «запускают свою пашню потому, что она, вследствие однообразных посевов пшеницы, перестает давать хорошие урожаи. Взамен ее эти хозяйства арендуют землю у киргизов и, таким образом, посев с одного места переносится на другое»[51]. Иначе говоря, переселенцы избегали вкладывать капиталы в усовершенствованные сельскохозяйственные машины и совершенно не тратили капиталов на удобрение и прочие мероприятия, повышающие плодородие почвы.

Возникает опасность скатиться на почву споров о том, кто оказался лучшим хлебопашцем в изучаемом районе—пришлые русские, или местные крестьяне, в том числе казахи. Но это негодная почва. «Всякая нация может и должна учиться у других»,— писал К. Маркс[52]. Нас может интересовать только конкретное проявление процесса взаимообогащения достижений крестьянства различных соприкоснувшихся национальностей, в данном случае, почему более грамотное, казалось бы, русское крестьянство так медленно воспринимало столетиями накопленный опыт земледелия, садоводства, бахчеводства у местных крестьян?

Ответ получаем у К. Маркса. Переселенцы из России оказались в условиях, когда сама земля «или ничего не стоит возделывателю, или по сравнению со старыми странами (поставим на это место Россию.—*П. Г.*) стоит чрезвычайно дешево». А между тем, являясь впервые распаханной целиной, она «долгое время дает урожай, не требуя удобрения, да еще при самой поверхностной обработке»[53].

Так всегда было на вновь осваиваемых землях колоний. «В колониях колонистам приходится затрачивать лишь незначительный капитал;

---

[50] П. П. Румянцев. Условия колонизации Семиречья. «Вопросы колонизации», № 9, 1911, стр. 218.

[51] П. А. Скрыплев. Русские селения в Чимкентском уезде, стр. 56.

[52] К. Маркс. Капитал, т. I. Предисловие к первому изданию. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. М., 1960, стр. 10.

[53] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1954, стр. 684.

главными агентами производства являются труд и земля»[54]. Это же наблюдалось и в изучаемом районе. Вложения новых капиталов в землю с целью повышения урожаев для кулаков-переселенцев были менее выгодны, чем экстенсивное расширение запашек за счет аренд или простых захватов и распашек новых земель. С другой стороны, стеснение в земельных площадях уйгуров и дунган вызывали интенсификацию их земледелия на ряде участков. При этом байство тоже не находило выгоды во вложении капиталов в землю. Интенсификация земледелия совершалась за счет интенсификация труда земледельца, иначе говоря,— за счет удешевления труда уйгурско-дунганского крестьянства.

Проанализированная выше насильственная передвижка земель в руки переселенцев из России, осуществлявшаяся царизмом, привилегии переселенческого кулачества в части получения, покупок и аренд земли — вот что являлось причиной застойности уровня культуры земледелия в русских поселках. Больше того, это была не только застойность, это был также откат переселенцев назад от русского трехполья к переложной системе земледелия: не переселенцы из России научили местных крестьян трехполью, а местные крестьяне научили переселенцев применять залежь, как наиболее выгодную систему полеводства в данных условиях, при данном уровне техники обработки почвы, при данных земельных просторах.

Таким образом, мы наблюдаем явления технического застоя сельского хозяйства переселенцев и в части использования усовершенствованных сельскохозяйственных машин, и в части системы полеводства. И то и другое, как мы убедились, своей первопричиной имело всю систему колониальной эксплуатации края со стороны царизма и капиталистического империализма. В этих условиях оказались весьма живучими и насаждавшиеся царизмом общинные порядки в поселках в части землепользования. Попытки администрации в последние годы перед войной вводить хутора в отруба не увенчались успехом. К ним не стремилось кулачество, не была заинтересована в их введении и основная масса крестьянства.

Переселенцы не обогнали местное крестьянство, в частности казахов, в части техники земледелия. Не обогнали они его и в части развития капитализма, зарождения индустриальных форм капитала в сельском хозяйстве (см. табл. 116).

Таблица 116

Капиталистический наем в русских поселках в сравнении с наймом в казахских аулах[55]

	% нанимающих хозяйств	Среднее количество нанятых рабочих на 1 нанимающее хозяйство (человеко-годы)	
		в общем итоге	в кулацко-байских группах
В 18 старожильческих поселках Чимкентского уезда (1906 г.)	80,8	0,62	1,28
В старожильческих крестьянских поселках казахских уездов Семиреченской области (1910—1911 гг.)	56,9	0,46	1,19
В аулах казахских уездов Сыр-Дарьинской области (1906—1913 гг.)	18,1	1,09	2,03
В аулах казахских уездов Семиреченской области (1909—1911 гг.)	15,4	1,29	3,62

[54] Там же, стр. 689.

[55] Наша сводка по цит. «Материалам обследования...» переселенческих районов.

Существует в литературе такое предвзятое мнение, что основными ведущими очагами развития капитализма в Казахстане вообще, в изучаемом районе — в частности, были русские переселенческие поселки. По нашему убеждению, такое утверждение носит на себе печать субъективной оценки фактов. Приведенные в таблице 116 объективные данные показывают, что в казахских аулах капитализм в сельском хозяйстве был более развит, чем в русских поселках: и в общем итоге на нанимающее хозяйство, и отдельно — на кулацко-байское хозяйство в аулах эксплуатировалось вольнонаемного труда значительно больше, чем в крестьянских поселках.

При всей неожиданности (с точки зрения современной литературы вопроса) такого сообщения, оно, однако, логически вытекает из всего нашего анализа аграрных отношений изучаемого района и его подтверждает. Нельзя рассматривать ни аул, ни русские поселки, ни прочие оседлые сельские поселения края изолированно друг от друга, как и от общей экономической обстановки Все они развивались в условиях колониального состояния края, господства российского военно-феодального и капиталистического империализма.

Общая обстановка феодальной и торгово-ростовщической эксплуатации края при известных, как показано, вариациях в одинаковой мере тормозила развитие капитализма в среде всех категорий крестьянства изучаемого края. Описанные вариации по сути, в своей основе, вытекали из особенностей рынка сбыта сельскохозяйственных продуктов по отношению к двум основным отраслям сельского хозяйства — земледелию и животноводству. Бóльшие затруднения со сбытом хлеба, в сравнении с возможностями для сбыта скота, сильнее тормозили развитие капитализма в зерновом хозяйстве переселенцев. Более благоприятные условия сбыта продуктов животноводства не могли не вызвать более интенсивное развитие в казахских аулах капиталистического производства. Это и отразилось в приведенной таблице 116.

Более того, особенности положения областей тоже сказываются в наших данных. В Сыр-Дарьинской области сбыт хлеба был лучшим, и мы наблюдаем, что даже по более ранним данным (1906 год) здесь капиталистический наем в поселках был развит сильнее, чем в Семиреченских поселках (к 1910—1911 годам), где сбыт хлеба был более затруднен.

Имеют влияние здесь, конечно, и другие факторы, например степень обнищания крестьянства и развивавшейся на этой почве феодальной кабалы. Это, в частности, отразилось в показателях о вольном найме в аулах двух областей. Но этот вопрос нам еще предстоит рассмотреть в одной из последующих глав.

XI. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ УЙГУРСКОГО И ДУНГАНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В СЕМИРЕЧЬЕ. КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ

Уйгурское и дунганское крестьянство переселилось в Семиречье в течение 1881—1883 годов в связи с возвращением Китаю Кульджинского края по договору, заключенному между царским и китайским правительствами в Петербурге 12 февраля 1881 года. Вопрос об обстоятельствах заключения Петербургского договора и о мотивах, по которым царское правительство пошло навстречу стремлению уйгурского и дунганского крестьянства переселиться из Кульджи в Семиречье, в литературе достаточно изучен[1]. Ограничим свою задачу рассмотрением причин, почему уйгурское и дунганское крестьянство в 1881—1883 годах устремилось в Семиречье, и проследим судьбы их в Семиречье за изучаемый период.

1. Причины переселения уйгурского и дунганского крестьянства из Кульджи в Семиречье

Переселение уйгурского и дунганского крестьянства из Кульджи в Семиречье было обычным бегством крестьянства от своих феодалов, имевшим место в истории крестьянства многих стран (в том числе и России) периода феодализма, и являвшимся одной из форм классовой борьбы крестьянства против феодальной эксплуатации. В данном случае бегство совершилось в необычных условиях — не в пределах одного государства, а из одного государства в другое, в условиях сложных международных отношений, когда русский царизм (военно-феодальный империализм) стремился использовать революционный протест крестьянства против феодалов в своих реакционных, агрессивных целях. Но от этого сама суть перехода уйгурского и дунганского крестьянства в новые места жительства, как проявление их классовой борьбы против китайских и «своих»— уйгурских и дунганских — феодалов, не менялась.

Документы свидетельствуют, что царское правительство предполагало использовать уйгурское и дунганское крестьянство как контингент

[1] С этими вопросами читатель имеет возможность ознакомиться по следующим работам: А. Л. Нарочницкий. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М., 1956, гл. III; М. Н. Кабиров. Переселение илийских уйгуров в Семиречье. Алма-Ата 1961; П. Г. Галузо. Уйгурское и дунганское крестьянство в дореволюционном Семиречье («Труды института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР», т. 11, Алма-Ата, 1961, стр. 75—125). Настоящая глава является сокращенным изложением названной работы.

людей для пополнения своей армии на случай войны с Китаем и в то же время стремилось из военных соображений экономически укрепить Семиречье и соответственно ослабить Кульджу, как провинцию своего возможного военного противника[2]. Но у крестьянства были свои стремления и надежды.

Основной, определяющей причиной ухода уйгурского и дунганского крестьянства из Кульджи была тяжелая, все время усиливавшаяся феодальная эксплуатация, исключительная жестокость китайских феодалов, не останавливавшихся перед уничтожением многих тысяч крестьян, чтобы оставшихся в живых сделать покорным объектом своей эксплуатации. Все это заставило крестьянство искать более благоприятных условий и для сохранения своей жизни, и для ведения своего индивидуального сельского хозяйства. Проиллюстрируем положение уйгурского крестьянства в Кульдже ко времени переселения на некоторых статистических подсчетах.

Вот подсчет «покибиточных» (посемейных) списков по двум уйгурским волостям Кульджинского района. Он иллюстрирует положение уйгурского крестьянства до переселения (см табл. 117).

Таблица 117

1876 год. Уйгуры Ханахойской и Кайнакской волостей Южного участка Кульджинского района[3]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число хозяйств			Число душ		Единиц скота в переводе на взрослую лошадь*		Число домов (саклей)	
	всего	% к итогу		всего	на 1 семью	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во
I. Не имеют скота	541	23.3	52.7	2261	4,18	—	—	504	0,93
II. Не имеют лошадей	144	6.2		666	4,63	375.94	2,61	143	1,00
III. С 1 лошадью	539	23.3		3289	6 10	1354 93	2 51	577	1,07
IV. „ 2 лошадьми	767	33,1	44.8	4362	5.56	3778.45	4.93	812	1,06
V. „ 3 „	213	9.2		1391	6.53	2465.02	11.57	222	1,04
VI. „ 4 „	59	2,6		443	7 51	993.15	16.83	64	1,08
VII. „ 5 „	19	0,8	2,4	167	8.79	561,70	29 56	20	1,05
VIII. „ 6—8 „	24	1,0		174	7 5	951.74	39.66	26	1,08
IX. „ 9 и более	14	0,6		134	9,57	1413,96	101.00	17	1,21
Итого	2320	100.0		12787	5,51	11894,89	5,13	2385	1,03

*Пересчет везде произведен по коэффициентам: рогатый скот —0,833, бараны — 0,167, лошаки —0,5, ишаки взрослые — 0,25, ишаки без указания возраста —0,20, верблюды —2,0, лошадь везде —1,0, хотя возможно, что в число показанных лошадей входили и жеребята, как равно в число рогатого скота и верблюдов — молодняк.

[2] См. отчет военного губернатора Семиреченской области генерала Фридэ, подписанный им 10 июня 1884 года. С незначительными сокращениями отчет опубликован в «Обзоре Семиреченской области за 1883 г.», гл. «Переселение Кульджинских оседлых мусульман в Семиреченскую область». Копии полного текста отчета хранятся: а) в Государственной публичной б-ке им. Пушкина, г. Алма-Ата (дефектный экз.); б) в ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 4805. Отчет, точнее записка, о переселении составлен Н. Н. Пантусовым.

[3] Списки: ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 3, д. 4а, лл. 3—38, Подсчет наш. По другим волостям списки за период до 1881 г. разыскать не удалось.

Таблица 117 обнаруживает глубокое расслоение в уйгурских волостях. Число хозяйств, совершенно не имевших скота, достигало 23,3 процента. Это разоренное феодализмом полупролетаризированное крестьянство, не имевшее возможности за неразвитостью капитализма превратиться в пролетариев. Семь процентов из них не имели даже своей сакли, жили в чужих домах. За ними следуют безлошадные и однолошадные бедняки — II и III группы —29,4 процента. Таким образом, окончательно разорившиеся и стоявшие накануне полного разорения группы крестьянства составляли 52,7 процента. К группам среднего крестьянства (IV, V, VI) принадлежало 44,9 процента хозяйств. Остальные три группы (VII, VIII и IX), 2,4 процента хозяйств, явно составляли эксплуататорскую верхушку уйгурской деревни. Среди них особенно рельефно выделяются 14 хозяйств наиболее крупных скотовладельцев-феодалов, обладающих крупными стадами, скота —101 единица на хозяйство в переводе на взрослую лошадь.

Столь же рельефная картина расслоения уйгурской деревни обнаруживается на примере Кетменской волости Джаркентского участка, перешедшей в подданство России вместе с занимаемой ею территорией (см. табл. 118).

Таблица 118

1888 год. Кетменская волость Джаркентского уезда[4]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число хозяйств			Число душ		Единиц скота в переводе на взрослую лошадь	
	всего	% к итогу		всего	на 1 семью	всего	на 1 хоз-во
I. Не имеют скота	64	10,0	61,0	219	3,42	—	—
II. Не имеют лошадей	30	4,7		141	4,70	20 33	0,68
III. Имеют 1 лошадь	296	46,3		1412	4,77	264,73	3,26
IV. „ 2 лошади	204	31,9	36,9	1243	6,09	1948,32	9,55
V. „ 3 „	32	5,0		231	7,22	556,02	17,38
VI. „ 4 „	10	1,6	2,1	61	6,10	425,41	42,54
VII. „ 5 и более	3	0,5		25	8,33	669,11	223,04
Итого	639	100,0	100,0	3332	5,21	4583,97	7,17
Числилось в 1884 г.	760	118,9		3787	4,98	?	?
Уменьшение за время с 1884 по 1888 г.	121	18,9		445	3,68	?	?

В данном случае группа окончательно разорившихся и стоявших на пути к полному разорению крестьян (I, II, III) достигает 61 процента от общего числа хозяйств (против 52,7 в предыдущем примере), среднее крестьянство включает в свой состав 36,9 процента хозяйств (против 44,9 процента) и эксплуататорская верхушка насчитывает 13 хозяйств (2,1 процента), из которых три хозяйства — крупные феодалы, обладавшие огромными стадами —223 единицы скота в переводе на взрослую лошадь. Но за время с 1884 года по 1888 год число хозяйств в волости уменьшилось на 18,9 процента. Это хозяйства, которые в связи с переселением ушли в другие волости. Судя по среднему количеству членов семьи (сравнить с данными 1876 года — табл. 117), они принадлежали к низшим по достатку группам. Это означает, что к моменту перечисле-

[4] Списки: ЦГА КазССР, ф. 120, оп. 1, д. 22, лл. 292—359. Подсчет наш. За 1884 год — данные Пантусова. Цит. приложение к записке, по архивному экземпляру, л. 61.

ния волости в российское подданство в ориентировочном подсчете из 760 хозяйств волости к низшим трем социальным группам принадлежали 511 хозяйств, или 67,2 процента, к средним — те же 236 хозяйств, или 31,1 процента, и к зажиточным и крупным —13 хозяйств, или 1,7 процента.

Приведенный подсчет основан на данных, зафиксированных через 12 лет после составления списков по Ханахойской и Кайнакской волостям, а поправка к нему — по данным 1884 года, через восемь лет, в первый год после перечисления в Семиречье. Если условно принять, что в 1876 году имущественное расслоение Кетменской волости было приблизительно таким же, как в соседних Ханахойской и Кайнакской (табл. 117), то данные таблицы 118, в сравнении с данными таблицы 117, можно рассматривать как результат дальнейшего имущественного расслоения уйгурского крестьянства за последние восемь лет его пребывания в Кульдже. И мы видим, что если в 1876 году Ханахойская и Кайнакская волости в первых трех социальных группах насчитывали 52,7 процента хозяйств, а среднего крестьянства —44,8 процента, то Кетменская волость через восемь лет имеет соответственно 67,2 и 31,1 процента. В это же время количество зажиточных и феодальных хозяйств снижается с 2,4 до 1,7 процента, но обе высшие социальные группы к 1888 году увеличили среднее количество единиц скота на хозяйство: по VIII группе — на 7,3 процента, по IX— на 120,8 процента. Крестьянство быстро разорялось. Богатели зажиточные, и особенно крупные, феодальные хозяйства. Классовые противоречия между крестьянством и укреплявшими свое имущественное положение феодалами обострялись. Никаких возможностей для крестьянства улучшить свое положение в условиях феодальных отношений не было. В то же время возврат в Кульджу китайских феодалов, жестокий гнет которых был крестьянству хорошо известен по опыту прошлых лет, сулил не только новое резкое ухудшение его положения, но и усиливал угрозу самой жизни наиболее активной его части.

В таких условиях уйгурское и дунганское крестьянство воспользовалось возможностями, предоставленными им Петербургским договором, устремилось в Семиречье в наивном расчете, что под властью русского военно-феодального империализма они найдут более вольготные условия существования. Со стороны крестьянства это была действительно своеобразная форма классовой борьбы. Своим бегством из Кульджи в Семиречье они нанесли чувствительный удар феодалам. Не от крестьянства зависело, что его переселение царское правительство стремилось использовать в своих реакционных целях.

Мотивы, которыми руководствовалось царское правительство, переселяя уйгуров и дунган, сводятся к следующему. Оно стремилось переселением хлебопашцев ослабить экономические позиции Китая в Кульдже и, с другой стороны, усилить свои позиции на границах Китая. Оно рассчитывало также на использование уйгурско-дунганского крестьянства, в случае военных осложнений на китайской границе, как военную силу, способную действовать против Китая. Революционный протест уйгурского и дунганского крестьянства против усиливавшейся феодальной эксплуатации в Кульдже царское правительство стремилось использовать в своих реакционных, агрессивных целях. Этим и вызваны соответствующие статьи в Петербургском договоре от 12 февраля 1881 года и все последующие мероприятия царизма по переселению.

Пользуясь данными цитированной выше записки Фридэ — Пантусова[5], приводим количество уйгурско-дунганских переселенцев из Кульджинского района (см. табл. 119).

---

[5] Приложение к названной записке Фридэ — Пантусова: «Сведения о числе кульджинских переселенцев в Семиреченской области к 1 июня 1884 г. ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 4805, л. 61. То же: приложение к «Обзору Семиреченской области за 1883 год».

Названные в таблице 50 тыс. переселенцев составили высокий процент из общего количества уйгурско-дунганского населения Кульджинского района. Исходя из сведений о числе семейств, обложенных податями в Кульджинском районе в 1880 году, Фридэ и Пантусов полагают, что в Кульдже осталось 2565 семей уйгуров и 344 семьи дунган[6]. Из этих цифр следует, что переселилось уйгуров 79,2 процента, дунган —76,9 процента от общего количества семейств, живших в Кульдже.

Таблица 119

Итоги переселения уйгуров и дунган из Кульджи в Семиреченскую область

	Переселилось семей к 1884 г.	В них душ		
		мужчин	женщин	обоего пола
Дунган	1147	2439	2243	4682
Уйгуров	9752	24628	20746	45373
Всего	10899	27067	22988	50055

По данным Н. Н. Пантусова, в 1876 году все население Кульджинского района, без пришлого русского, составляло 129 558 душ обоего пола[7]. Среднегодовой прирост населения, по нашему подсчету, выражался в цифре около 1,9 процента. Это означает, что к 1881 году местное население района должно было составить 141—142 тыс. человек. 50 тыс. человек, перешедших в Семиречье, составляли более 35 процентов к этому числу. А если учесть переселившихся одновременно около 25 тыс. кочевников казахов, то общее число переселившихся составит 54 процента. Ущерб народному хозяйству Кульджинского района, его экономической и военной мощи действительно был нанесен большой.

В казахской части Семиречья переселенцы распределялись по уездам следующим образом: в Верненском —26 164 уйгура и 1126 дунган. Всего —27 290 душ обоего пола. В Джаркентском участке, впоследствии уезде,—19 209 уйгуров и 1347 дунган. Всего —20 556 душ обоего пола. В обоих уездах вместе —47 846 душ обоего пола[8]. Как шел процесс переселения?

В свете сказанного естественно ожидать, что бежало из Кульджи именно крестьянство, уйгурские и дунганские феодалы остались на месте. Но и крестьянство, как уже показано на приведенных данных, было неоднородным. Проследим на фактах, какие социальные слои уйгурских и дунганских поселений Кульджинского района в 1881—1883 годах предпочли остаться на месте, а какие устремились в Семиречье.

Косвенным ответом на этот вопрос может послужить подсчет численного состава семей уйгурских и дунганских крестьян до и после переселения.

В 1876 году у уйгуров Кайнакской и Ханахойской волостей семья в среднем состояла из 5,51 человека. В 1888 году в Кетменской волости, не пережившей переселения, но имевшей значительно более высокий процент бедняцких хозяйств, семья состояла из 5,21 человека. В 1884 году уйгуры Семиречья, перенесшие процесс переселения, имели средний состав семьи 4,63 человека. Иначе говоря, наблюдается уменьшение разме-

[6] Та же записка, «Обзор Семиреченской области за 1883 г.» стр. 82.

[7] Н. Н. Пантусов. Сведения о Кульджинском районе за 1871—1877 гг. Казань, 1881, стр. 108—109.

[8] Цит. записка Фридэ — Пантусова. Приложение.

ров семьи переселенцев в сравнении с данными до переселения и данными об уйгурах, не переживших переселения.

Иная картина у дунган. В Кульдже в 1878 году они имели в среднем 3,73 человека на семью, в 1884 году, после переселения в Семиречье,— 4,08 человека. Здесь тенденция обратная — увеличение среднего размера семьи.

По уже приведенным данным об уйгурах и по данным о дунганах (будут приведены ниже) видно, что у них, как и у крестьянства России и всех видов крестьянства Средней Азии, проявлялась закономерность: к зажиточным группам среднее количество членов семьи возрастает, к бедняцким — уменьшается. С учетом этой закономерности из наших данных можно сделать следующий вывод: из числа уйгуров от переселения воздерживались зажиточные и феодальные элементы, из числа дунган переселилась и некоторая часть зажиточных; воздерживалась от переселения беднота, скорее всего — малосемейные городские ремесленники. Действительно, факты говорят, что из среды уйгурского крестьянства в первую очередь в Семиречье устремилась беднота.

В таблице 120 приведены сведения о благосостоянии 119 уйгурских семейств, прибывших осенью 1881 года на реки Чилик и Чарын.

Таблица 120

1881 год. Обеспеченность скотом и имуществом первой партии переселенцев уйгуров[9]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число семей		Душ обоего пола		Скота в переводе на взрослую лошадь		Имущество, руб.	
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	всего	% к итогу	всего	% к итогу
I. Не имели скота	8	6,7	25	3,11	—	—	163	20,37
II. Не имели лошадей	17	14,4	48	2,83	12,66	0 74	320	18 82
III. Имели 1 лошадь	65	54,6	221	3,40	97,82	1,50	1286	19,78
IV. „ 2 лошади	23	19,3	99	4 30	69,49	3,02	770	33,48
V. „ 3 „	6	5,0	23	3,83	23 42	3 90	140	23,33
Итого	119	100,0	416	3,50	203,39	1,71	2679	22,51

По среднему количеству единиц скота на семью переселенцы не подымаются выше III группы (однолошадные) из уже известных нам групп до переселения, причем каждое четвертое-пятое хозяйство не имело лошадей.

Таким образом, наша таблица показывает, что первая партия переселенцев уйгуров состояла по преимуществу из бедняков, почти не имевших никаких возможностей для обоснования на новых местах самостоятельного земледельческого хозяйства.

Но за первыми партиями последовали более обеспеченные переселенцы. О 3147 семьях переселенцев трех волостей Верненского уезда (Карамской, Малыбаевской и Карасуйской) имеются данные, приведенные в таблице 121.

Сравнивая показатели этой таблицы с данными о первой партии переселенцев (на Чилик и Чарын — табл. 120), мы видим, что основная

[9] Список: ЦГА КазССР, ф. 21, оп. 1, д. 696, лл. 169—176. Подсчет наш.

Таблица 121

Подсчет имущества переселенцев уйгуров, прибывших в Верненский уезд[10]

Имущество, привезенное переселенцами	Всего	На хоз-во
Лошадей	3548	1,13
Крупного рогатого скота	7877	2,50
Баранов	7389	2,35
Верблюдов	23	—
Ишаков	84	—
Всего скота (в переводе на взрослую лошадь)	11477,0	3,65
Арб	2401	0,76
Хлеба, пуд.	61234	19,46

масса второй партии значительно обеспеченнее первой. Они пригнали с собой по 3,65 единицы скота на семью, тогда как в первой группе —1,71 единицы. Однако и среди них не было многоскотных хозяйств, это видно из подсчета привезенного имущества (по спискам от 20 марта 1882 года). (см. табл. 122).

Таблица 122

Уйгуры, пришедшие на Чилик (сел. Зайцевское) в феврале — марте 1882 года. Привезено имущества[11]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число семей		Душ обоего пола		Скота в переводе на взрослую лошадь		Хлеба в переводе на муку простого размола, пуд.*		Арб	
	всего	% к итогу	всего	на 1 семью	всего	на 1 семью	всего	на 1 семью	всего	на 1 семью
I. Не имеют скота	15	16,7	33	2,20	—	—	47,2**	3,15	—	—
II. Не имеют лошадей	25	27,8	71	2,84	53,73	2,15	594,7	23,79	18	0,72
III. Имеют 1 лошадь	33	36,7	95	2,88	80,48	2,44	843,0	25,55	21	0,64
IV. „ 2 лошади	11	12.2	40	3,64	65,57	5,96	384,4	34,95	15	1,36
V. „ 3 и более	6	6,6	30	5,00	46,32	7,72	289,3	48,22	12	2,0
Итого	90	100,0	269	3,00	246,10	2,73	2158,6	23,98	66	0,73

* Коэффициент перевода 0,9. Пуд риса и клевера (семена) принят за 4 пуда пшеницы.

** Сверх того одна семья имела хлеба и имущества на 600 руб.

В этой группе переселенцев в сравнении с первой, пришедшей на Чилик и Чарын (табл. 120), обнаруживаем значительно больше хозяйств, не имевших скота и безлошадных, чем в предыдущем случае (44,5 процента против 21,1 процента). Но многие хозяйства этой партии имели быков и коров. Поэтому среднее количество скота на семью здесь значительно выше. Однако и на этот раз многоскотных хозяйств в партии нет.

[10] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4869, лл. 266—267. Подсчет наш.

[11] Список: ЦГА КазССР, ф. 21, оп. 1, д. 695, лл. 345—358. Подсчет наш.

Выше V социальной группы, из показанных в данных 1876 года (табл. 117), в рассматриваемой партии нет ни одного хозяйства, причем даже V группа нашей таблицы имеет только 7,72 единицы скота на семью против 11,57 в 1876 году. Этот факт вновь убеждает, что зажиточные группы и феодальная верхушка уйгуров от переселения воздерживались.

Несколько иная картина раскрывается по данным о дунганах. Это можно видеть из подсчета имущества, привезенного 97 дунганскими семействами, переселившимися в первой половине 1882 года из Суйдуна в г. Верный (см. табл. 123).

Таблица 123

Переселенцы дунгане, пришедшие из Суйдуна в гор. Верный в первой половине 1882 года. Привезено имущества[12]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число семейств		Душ обоего пола		Скота в переводе на взрослую лошадь		Арб и телег	
	всего	% к итогу	всего	на 1 семью	всего	на 1 семью	о	на 1 семью
I. Не имели скота	29	29,9	127	4,38	—	—	—	—
II. Не имели лошадей	15	15,5	75	5,00	18,91	1,26	21	1,40
III. Имели 1 лошадь	23	23,7	113	4,91	33,66	1,46	31	1,35
IV. „ 2 лошади	19	19,6	97	5,10	46,25	2,43	34	1,79
V. „ 3—4 „	9	9,3	42	4,67	41,15	4,57	24	2,67
VI. „ 6 и более	2	2,0	16	8,0	71,33	35,66	13	6,50
Итого	97	100,0	470	4,85	290,30	2,99	123	1,27

Об этой партии дунган 17 сентября 1881 года полномочный комиссар Фридэ сообщал: «В партии этой идут преимущественно члены семейств самых богатых, влиятельных жителей Суйдуна и уносят с собой все свое достояние и деньги»[13].

И действительно, состав группы отличается от группы уйгуров: на одном полюсе мы и здесь имеем высокий процент бесскотных и безлошадных семей (45,9 процента), но на другом —9 хозяйств зажиточных и двух богачей, имевших в среднем по 35,68 единицы скота. Если же принять во внимание, что с ними были деньги и другое имущество, то имущественная дифференциация группы будет еще рельефнее.

Однако средняя обеспеченность скотом этой группы значительно ниже, чем обеспеченность уйгуров Верненского уезда. Это происходит за счет высокого процента бедноты.

Так выглядела группа, пришедшая из селения городского типа (Суйдуна), которая предпочла поселиться в городе.

Все приведенные факты убеждают в следующем: в Семиречье в первую очередь устремилась беднота. За ней последовало среднее крестьянство. Переселенцы из числа зажиточных встречались преимущественно среди дунган. Феодальная верхушка целиком осталась в Кульдже. То обстоятельство, что среди переселенцев из г. Суйдуна бесскотных и безлошадных оказалось относительно меньше, чем среди других партий переселенцев, подтверждает, что некоторое количество дунган-ремесленников от переселения воздержались.

[12] Список: ЦГА КазССР, ф. 21, оп. 1, д. 752, лл. 6—12. Подсчет наш.
[13] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 4861, л. 17.

Царские генералы еще в конце 1881 года обнаружили, что среди переселенцев преобладает беднота. Это их обеспокоило.

В начале ноября 1881 года и. о. семиреченского военного губернатора Аристов посетил чиликских переселенцев. Там в это время находилась 101 семья переселенцев (из 119, о которых выше приведены данные). Он немедленно написал о них в Ташкент Колпаковскому: «Народ все бедный и малосемейный. Не все даже имеют по одной лошади или быка. Некоторые прибыли только на одном ишаке»[14]. С этого письма Аристова началось «уточнение» отношения царской администрации к переселенцам.

Колпаковский запросил доклад о мерах по устройству переселенцев. По предварительным данным ожидалось, что в Семиречье движется до 100 тыс. человек. Доклад дал Колпаковскому материал, убеждавший, что принять и удовлетворительно благоустроить такую массу крестьянства Семиречье не в состоянии. Он запросил западносибирского генерал-губернатора о возможности переселения части уйгуров на территорию его губернаторства, но получил отказ. Такой же отказ последовал от сырдарьинского и ферганского военных губернаторов и из Зеравшанского округа. Нависла угроза со стороны приливавшей в край уйгурской и дунганской бедноты, что они, не получив должного обеспечения землей, могут занять по отношению к царизму позицию более враждебную, чем к китайскому феодализму. В то же время, как полагал Колпаковский, поголовное переселение могло излишне обострить отношения с Китаем и тем помешать расширению русско-китайской торговли, к чему особенно стремился царизм, заключая Петербургский договор. Были немедленно приняты меры. 10 января 1882 года полномочному комиссару по передаче Кульджи генералу Фридэ из Ташкента были направлены три условия переселения.

Первый пункт условий гласил: «Никакой материальной помощи переселению от правительства выходцы просить не должны»[15]. Он был явно рассчитан на то, чтобы отпугнуть от переселения бедноту.

Удержать некоторую, по преимуществу беднейшую, часть уйгур и дунган от переселения — вот основной смысл позиции Колпаковского. Колпаковский, выполняя волю правительства, стремился к наилучшему разрешению двуединой задачи, вытекавшей из Петербургского договора,— усилить военно-политическое положение России на китайской границе и всемерно расширить возможности для развития русско-китайской торговли. Поскольку поголовное переселение уйгурско-дунганского крестьянства Кульджинского района в Семиречье угрожало срывом этих задач, Колпаковский 14 февраля 1882 года внес предложение в Военное министерство «воздержать по возможности жителей Илийского края от необдуманного переселения»[16]. Военное министерство целиком согласилось с мотивировкой Колпаковского.

С согласия министерства 24 апреля 1882 года Колпаковский предложил полномочному комиссару «объяснить китайским властям, что они не должны стесняться, а могут совершенно свободно отговаривать жителей Илийского края от переселения в наши пределы»[17].

Описанные меры действительно повлияли на некоторую часть уйгурской бедноты. Потеряв надежду на материальную помощь со стороны России, они решили воздержаться от переселения. Но основная масса уйгуров перед переселением не остановилась.

---

[14] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4861, л. 22.

[15] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9а, д. 464, л. 11. Второй пункт этих условий цитирован выше, стр. 484.

[16] ЦГА СССР, ф. 447, д. 14, л. 195.

[17] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4861, л. 208.

Китайский цзян-цзюн (губернатор) обещал оставшимся земледельцам выдать на семью 25 руб., 2 быков и пшеницы[18]. Но голодные войска цзян-цзюна занимались грабежами, а у резиденции комиссара по приемке Кульджи адбаня Исентая были выставлены «для устрашения» орудия пытки. Эти зловещие явления не могли не повлиять на настроения крестьянства. В то же время по соображениям своей коммерческой выгоды в агитацию за переселение включился купец Вали-Ахун Юлдашев, наживавший огромные капиталы на скупке бросаемого переселенцами имущества и зерна и поставках зерна китайской армии. Крестьянская масса устремилась в Семиречье, теряя при этом значительную часть своего достояния.

2. Влияние переселения на имущественное благосостояние переселенцев

Как отразилось на благосостоянии переселявшегося крестьянства само переселение, можно видеть из данных таблицы 124.

Таблица 124

Сравнительная таблица обеспеченности скотом уйгуров в Кульдже и их же в Верненском уезде[19]

Волости	Имелось в Кульдже в 1877 г.			Привезено в Верненский уезд		
	кол-во хоз-в	скота, голов*		кол-во переселившихся хоз-в	скота, голов*	
		всего	на 1 хоз-во		всего	на 1 хоз-во
Татустанская	670	9750	14,55	482	1562	3,45
Арустанская	1309	11656	8,59	457	2243	4,91
Арабозская	457	8164	17,86	101	280	2,77
Кашская	554	14312	25,83	218	3891	17,85
Кайнакская	1248	18921	15,16	306	2306	7,56
Бартокайская	738	9100	12,33	425	4175	9,82
Бородогусанская	552	10249	18,57	187	1313	7,02
Тогузторауская	700	2578	5,68	454	1519	3,35
10 подгорных сотен	1961	11122	5,67	205	582	2,86
Кульджинская	3301	38934	11,79	312	1020	3,26
Итого	11490	134786	11,73	3147	18891	6,00

* Переводу в крупный не поддаются: в подлиннике лошади и ишаки показаны одной графой.

В таблице 124 сопоставлены данные обеспеченности скотом переселенцев десяти кульджинских волостей, поселившихся в Верненском уезде, со сведениями царской администрации об обеспеченности этих же волостей скотом в Кульдже в 1877 году. Сопоставление обнаруживает, что по всем волостям привезено скота в Верненский уезд значительно меньше, чем его имелось в Кульджинском районе. В среднем поголовье скота на новом месте поселения на одно хозяйство почти в два раза меньше, чем его было в Кульдже. В этом факте в первую очередь отразилось то обстоятельство, что зажиточные многоскотные хозяйства воздерживались от переселения. Но в нем же отразились и потери скота основной массой переселенцев как за последние годы пребывания в Кульджинском районе, так и в процессе переселения.

[18] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 4861, л. 135.

[19] Данные за 1877 г.— ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 6, лл. 2—7; по Верненскому уезду — ф. 64, оп. 1, д. 4869, лл. 266—267.

Если допустить, что все зажиточные хозяйства, имевшие по пять и более лошадей и владевшие, согласно подсчету по Ханахойской и Кайнакской волостям (табл. 117), 24,6 процента скота, остались в Кульдже, то и тогда поголовье скота у переселенцев должно было составлять 9,44 головы на хозяйство, а с учетом того, что от переселения воздерживалась и часть бедноты — и того больше. В наших же данных средняя обеспеченность переселенцев скотом составляет 6,0 головы на хозяйство. Совершенно ясно, что за 1877—1882 годы уйгурско-дунганское крестьянство потеряло не менее 36—40 процентов своего стада. Вскрытый выше на примере трех уйгурских волостей интенсивный процесс обеднения крестьянства в течение последних лет его пребывания в Кульджинском районе в связи с переселением усилился. Несомненно, процесс переселения внес большие потрясения в хозяйство основной массы переселенцев. Они потеряли не только возделанные земли, сады, огороды, дома и службы, но и некоторое количество своего скота, пришли в Семиречье в своем большинстве потерявшими возможность основания своего сельского хозяйства в необходимых для обеспечения себя размерах.

Как отразилось переселение на классовом составе уйгурского крестьянства, можно видеть из таблицы 125, в которой приведено сопоставление данных по уйгурским волостям в Кульдже до переселения (1876 год) и в Семиречье через шесть лет после переселения (1888 год).

Отмеченное выше экономическое потрясение, перенесенное уйгурско-дунганским крестьянством в связи с переселением, не могло не внести значительных социальных изменений в уйгурско-дунганскую деревню.

В Кульдже в 1876 году однолошадные, безлошадные и бесскотные хозяйства (I, II, III группы) составляли 52,7 процента всех хозяйств, в Семиречье их удельный вес поднялся до 86,4 процента. Одновременно на другом полюсе в данных по Семиречью отсутствует группа (IX) крупных феодальных хозяйств, хозяйства трех высших по достатку групп —VII, VIII, IX— в Кульдже составляли 2,4 процента, в 1888 году в Семиречье их насчитывается только 0,9 процента. При этом, если в Кульдже в руках этих трех социальных групп в 1876 году было 24,6 процента скота, то теперь в Семиречье — только 9,6 процента. Группа среднего крестьянства также уменьшилась и количественно (12,7 процента хозяйств против 44,9), и ослабела экономически (41,5 процента скота против 60,8).

Уже было отмечено при сравнении данных 1876 года с данными Кетменской волости 1884 года, что в Кульдже перед переселением совершался интенсивный процесс разорения крестьянства — росла беднота, уменьшалось количество середняков. Но в приведенной таблице обнаруживается нечто новое: вместо роста экономической мощи феодалов и зажиточных, наблюдаемого в Кетменской волости, здесь к 1888 году мы обнаруживаем полное исчезновение феодальной группы и ослабление экономической мощи зажиточных групп. Совершенно бесспорно, что уйгурское крестьянство сбежало от своих собственных феодалов и кулаков, оставив их на прежнем месте жительства. Чем быстрее возрастала экономическая мощь феодалов в Кульдже, чем многообразнее и интенсивней проявлялась эксплуатация ими трудового крестьянства, тем настоятельнее было стремление уйгурского крестьянства избавиться от этой эксплуатации. Крестьянство правильно поняло свой классовый интерес. Его бегство было своеобразной формой борьбы против феодалов. 1882 год был как бы своеобразным «юрьевым днем» для уйгуров и дунган. Но уход от одного помещика не избавлял крестьянина от необходимости работать на кабальных условиях у другого. Самый процесс переселения так подорвал их хозяйство, что создались новые невиданно тяжелые условия кабалы и угнетения под властью новых эксплуататоров феодального и полуфеодального типа.

Таблица 125

Расслоение кульджинских уйгуров до переселения и в первые годы после переселения (по количеству скота)[20]

Группы хозяйств по количеству лошадей	1876 г. Ханахойская и Кайнакская уйгурские волости Кульджинского района					1888 г. Джаркентская, Аккентская и Аксу-Чарынская уйгурские волости Джаркентского участка				
	число хозяйств		единиц скота в переводе на взрослую лошадь			число хозяйств		единиц скота в переводе на взрослую лошадь		
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хозяйство	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хозяйство
I. Не имеют скота	541		—		—	923		—		—
II. Не имеют лошадей	144	52,8	375,94	14,6	2,61	401	86,4	604,83	48,9	1,51
III. Имеют 1 лошадь	539		1354,93		2,51	1285		3282,33		2,55
IV. Имеют 2 лошади	767		3778,45		4,93	335		2456,81		7,33
V. Имеют 3 лошади	213	44,8	2465,02	60,8	11,57	41	12,7	641,33	41,5	15,64
VI. Имеют 4 лошади	59		993,15		16,83	7		201,50		28,79
VII. Имеют 5 лошадей	19		561,70		29,56	17		326,85		19,23
VIII. Имеют 6—8 лошадей	24	2,4	951,74	24,6	39,66	11	0,9	442,35	9,6	40,21
IX. Имеют 9 и более	14		1413,96		101,00	—		—		
Итого	2320	100,0	11894,89	100,0	5,13	3020	100,0	7956,00	100,0	2,63

[20] Списки — ЦГА КазССР: 1876 г. — ф. 44, оп. 3, д. 4а, лл. 3—38; 1888 г. — ф. 120, оп. 1, д. 22, лл. 71—291. Подсчет наш.

Таблица 126

Классовое расслоение дунган гор. Джаркента[21]

Группы хозяйств по количеству лошадей	1885 г.							1888 г.						
	число хозяйств		единиц скота в переводе на взрослую лошадь			домов		число хозяйств		единиц скота в переводе на взрослую лошадь			домов	
	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	всего	% к итогу	всего	% к итогу	на 1 хоз-о	всего	на 1 хо-во
I. Не имели скота	231	75,7	—	12,8	—	111	0,48	247	76,5	—	9,1	—	128	0,52
II. Не имели лошадей	24		29,99		1,25	18	0,75	13		19,99		1,54	8	0,62
III. Имели 1 лошадь	59	22,8	99,45	62,2	1,68	48	0,81	59	21,8	92,40	60,5	1,57	58	0,98
IV. „ 2 лошади	18		46,83		2,60	15	1,20	15		40,00		2,67	14	0,35
V. „ 3 „	3	1,5	35,93	25,0	11,98	3	1,00	3	1,7	37,60	30,4	12,53	3	1,0
VI. „ 6 и более	2		22,83		11,42	2	1,00	3		28,83		9,61	3	1,0
Итого	337	100,0	235,03	100,0	0,70	197	0,58	340	100,0	218,82	100,0	0,64	214	0,63

[21] Списки — ЦГА КазССР: 1885 г. — ф. 44, оп. 12, д. 20б, лл. 79—106; 1888 г. — ф. 120, оп. 1, д. 22, лл. 1—26. Подсчет наш.

О дунганах не найдено данных, позволяющих наглядно сопоставить их экономическое положение в Кульдже и Семиречье. Но и в среде дунганского крестьянства в результате переселения произошли те же социальные изменения, что и среди уйгуров (см. табл. 126).

Обеспеченность скотом чрезвычайно низка. Три четверти переселенческих хозяйств — бесскотные и безлошадные. Остальные можно подразделить на две группы: обеспеченные скотом в количестве, недостаточном для того, чтобы прочно обосноваться на новом месте (IV и V группы) —22,8 процента от общего числа хозяйств, и более или менее обеспеченные скотом (V и VI группы). Таких было только 1,5 процента. Вместе с тем уже за первые три года на новом месте обнаружилась тенденция к дальнейшему расслоению: беднота и средняя группа экономически слабеют, группа зажиточных увеличивает свое стадо (25,0 процента скота в 1885 году и 30,4 процента в 1888 году). Таблица 126 подтверждает, что и хозяйство дунган, как и у уйгуров, перенесло серьезное потрясение в связи с переселением, вследствие чего социальное лицо дунганских поселений изменилось.

3. Классовое расслоение уйгурского и дунганского крестьянства после переселения

Из сказанного видно, что по своему характеру классовое расслоение уйгурского и дунганского крестьянства совершалось на основе не только относительного, но и абсолютного обнищания крестьянства. В смысле темпов и глубины расслоения уйгурско-дунганское крестьянство опередило не только русские поселки, но и казахские аулы.

Расчеты правительства получить в лице уйгуров и дунган благонадежную силу в борьбе против Китая провалились. Чем дальше шло обнищание подавляющей части уйгурско-дунганского крестьянства, тем неблагонадежнее становилось оно для самодержавия, тем рельефнее проявлялась классовая борьба трудового уйгурско-дунганского крестьянства за улучшение своего экономического положения как борьба антифеодальная и антиимпериалистическая, национально-освободительная.

Проанализированные процессы приводили к тому, что уйгурско-дунганское крестьянство «раскрестьянивалось» в том смысле этого слова, что, разоряясь, оно порывало с сельским хозяйством. По данным переписи 1897 года, по Семиреченской области занимались[22]:

	уйгуры, %	дунгане, %
Земледелием	68,5	46,9
Скотоводством	0,8	0,6
Прочими занятиями	30,7	52,5
Итого	100,0	100,0

Через 15 лет после переселения 30,7 процента уйгуров и 52,5 процента дунган уже порвали с сельским хозяйством — ни земледелием, ни животноводством они не занимались. Переселялось главным образом крестьянство. Только среди дунган было некоторое количество ремесленников. Через 15 лет оказалось, что «в крестьянстве» среди уйгуров осталось около 2/3, а среди дунган — меньше половины. Ниже мы покажем, куда направлялись эти «раскрестьяненные» крестьяне.

В диссертации М. К. Тургунова хорошо рассмотрен вопрос, как были

[22] «Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г.» LXXXV. Семиреченская область. 1905 г., стр. IX.

наделены переселенцы землею. По его данным, поселившимся в районе рек Коргас и Усек, Большой и Малый Аксу, Баинказах и Чарын, т. е. в Джаркентском участке, на мужскую душу (эркак) отводилось по пять десятин удобной земли. Тот же принцип был соблюден в 1885—1887 годах при закреплении земли за жителями Кетменской волости Джаркентского уезда, перешедшей в русское подданство вместе с занимаемой ею территорией. Здесь также нарезали наделы по пять десятин удобной земли на эркак, только в селениях Актам и Кош-Ягаш наделы были определены в семь десятин. Во всех остальных случаях наделяли по 10 десятин удобной земли на семью (тютюн). Это создало некоторую разницу в размерах наделов. В таблице 127 приведена обеспеченность переселенцев землей, если взять все земли — удобные и неудобные (по определению царской администрации).

Таблица 127

Обеспечение уйгуров и дунган Джаркентского участка и Верненского уезда землею во время переселения[23]

Районы между рек	Количество семей	Душ обоего пола	Им отведено земли, дес.		
			всего	на 1 семейство	на 1 человека
Каргас — Усек	2479	9889	51097	20,6	5,3
Аксу — Чарын	1238	5933	19332	15,6	3,2
Правый берег Чилика	1442	7262	31357	21,7	4,3
Чилик — Киикбай	2285	13304	54092	23,7	4,1
Киикбай — Талгар	1548	5598	19711	11,4	3,5
Кетменская вол. (отвод 1885–1887 гг.)	639	3332	13583,6	21,3	4,1
Итого	9431	45318	181172	19,2	4,0

С точки зрения казенного благополучия картина получилась неплохая. На деле, однако, крестьяне не могли использовать не только земли, официально числившиеся неудобными, но и земли, оцененные чиновниками, как удобные. В 1901 году посев зерновых в уйгурских и дунганских поселениях, по официальным данным, составил 42 230 десятин, иначе говоря, было засеяно, даже с учетом аренды земли на стороне, всего 23,4 процента к площади закрепленных за ними земель. На душу всего уйгурско-дунганского населения области это составило 0,62 десятины, т. е. в 6,45 раза меньше, чем отведено земли на душу во время переселения[24]. В тяжелых условиях развивалось уйгурско-дунганское земледелие. Основная черта крестьянских хозяйств уйгурско-дунганских поселений — их крайняя раздробленность, парцеллярность — являлась благодатной почвой для развития всякого рода феодальной и полуфеодальной кабалы.

П. И. Шрейдер рассказывает, что «высшая администрация края ходатайствовала об ассигновании в пособие» переселенцам 450000 руб., из 9 млн контрибуции, полученной с Китая. Деньги предполагалось пустить «на покупку зерна для первоначального посева и муки для продовольствия, устройство ирригации, постройку усадеб администрацию и проч.»

---

[23] М. К. Тургунов. Переселение уйгуров-таранчей из Китая в Семиречье и последующее их землеустройство. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук, 1950. Рукопись хранится в б-ке им. В. И. Ленина (Москва), стр. 194 и 201. По Кетменской волости число семейств и душ — наш подсчет посемейных списков за 1888 год.

[24] «Обзор Семиреченской области за 1901 год».

Но в Петербурге отказали. «Разрешено же было только 50 000 руб.»[25] Но и эти деньги во время переселения на пособие израсходованы не были. В апреле 1882 года Аристов докладывал Колпаковскому: «Из 50 000, ассигнованных по водворению переселенцев, употреблены по прямому назначению до сих пор до 11 000 руб. Остальные 39 000 заимообразно обращены ... на пополнение капитала Илийского моста, употребленного на плату за добавленные пары почтосодержателям»[26]. Только в 1882 году по случаю неурожая в Верненском уезде начали выдавать пособия переселенцам деньгами и натурой. «Израсходовано на пособия переселенцам менее 100 000 руб. Из этой суммы большая часть (71 315 руб.) выдана в виде ссуд»[27]. Пособия были крайне ничтожны, в среднем меньше 2 руб. на душу, но и они обернулись в будущем против бедноты тяжелыми для нее платежами в возврат ссуды. Тем более что значительная часть этих денег, как уже отмечено выше, только была зачислена в задолженность переселенцев, фактически же «пристала к рукам» чиновников и волостных управителей.

Трудно было обосновать уйгурско-дунганскому крестьянству свое хозяйство на новой земле. Даже та земля, которая была нарезана в наделы, не имела для бедноты цены за отсутствием орудий и скота для ее обработки. Но земля была отведена в общинное пользование. Крепостническая община легла большой тяжестью на плечи бедняцкой части крестьянства. Община требовала возврата ссуд, а с 1891 года — и подати за землю, независимо от того, обрабатывалась она или нет.

Кульджинские переселенцы «уже в первый год обложения их податью оказались не в состоянии внести ее полностью, и к 1 января 1893 года за ними оказалось недоимки 6148 руб. 89 коп., а в 1898 году сумма недоимки возросла до 15 с лишком тысяч рублей»[28]. Приходилось принимать крутые административные меры по взысканию недоимок. В 1893 году для выколачивания земельных податей и взносов в счет погашения ссуд в уйгурские волости Верненского уезда был специально послан младший чиновник особых поручений Малиновский. Он организовал в волостях распродажу имущества недоимщиков, сажал некоторых в тюрьму. Только такими крутыми мерами Малиновский добился внесения платежей сполна[29]. Сколько бедняков в результате этой «операции» попали в безысходную кабалу к ростовщикам, об этом документы умалчивают.

Беднота во многих случаях от земли отказывалась, так как она ею не пользовалась. Подать за землю ложилась на бедноту тяжелой феодальной повинностью. Когда же плательщик убегал из поселка и администрация не могла его вернуть «к месту водворения», платежи перекладывались на общину.

По всем этим причинам разорившееся крестьянство из селений действительно разбегалось. Чиновники ловили «беглецов» возвращали их «к месту водворения» этапным порядком, но приостановить процесс бегства не могли.

Прежде всего бежали в города, казачьи станицы и русские поселки

---

[25] П. И. Шрейдер. Цит. работа, стр. 99. В попавшем в наши руки экземпляре, по которому прогулялся красный карандаш цензуры, это место было вычеркнуто. Настолько самодержавие этим фактом было шокировано. Оно всегда и всюду изображало себя «благодетелем» уйгурского народа, так требовалось с точки зрения интересов царской внешней политики, а тут вдруг... отказ в пособии. Названный экземпляр хранится в б-ке им. Салтыкова-Щедрина, гор. Ленинград.

[26] ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 4861, л. 183.

[27] Цит. записка Фридэ — Пантусова, стр. 95.

[28] «Обзор Семиреченской области за 1882—1899 гг.» Верный, 1900, стр. 54.

[29] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 9а, д. 536.

области — во все места, где обнаруживались хоть какие-либо надежды найти работу (см. табл. 128).

Таблица 128

Распределение уйгуров и дунган по городам и русским селениям области (в полных границах)[30]

	Поселилось к 1883 г.	В 1894 г.		В 1901 г.	
		всего	% к 1883 г.	всего	% к 1883 г.
Всего уйгурско-дунганского населения в области	54509	63730	116,9	78211	143,5
В том числе:					
а) в городах	2818	5732	203,4	6864	243,6
б) в русских казачьих и крестьянских селениях	—	—	—	5109	—
Всего в городах и русских селениях	2818	—	—	11973	424,9
% к общему количеству уйгурско-дунганского населения области	5,2	—	—	15 3	—

В процессе переселения к 1883 году администрация поселила в городах 5,2 процента переселенцев. Через 19 лет при общем росте числа уйгуров и дунган в 1,4 раза, городское уйгурско-дунганское население увеличилось в 2,4 раза. Вообще же в городах и русских поселениях в 1901 году их оказалось 15,3 процента. Так разбегалась «раскрестьяненная» беднота со своих «мест водворения», превращаясь в городах и русских селениях в ремесленников, вольнонаемных рабочих и батраков. Под давлением этого необратимого процесса администрация была вынуждена зачислять дунган и частично уйгуров в мещане.

Одновременно с этим уже с 1883 года началось бегство в Кульджу на прежние места жительства. Уйгурское и дунганское крестьянство скоро разочаровалось в царизме. Как ни тяжелы были условия жизни в Кульдже, некоторая часть кульджинских переселенцев уже с 1883 года начала выражать протест против царских порядков своим возвращением на прежние места жительства. С 1882 по 1894 год по официальному подсчету перебежали в Кульджу 1102 человека уйгуров и 177 человек дунган, всего 1279 человек, что к числу переселившихся составило 2,5 процента[31]. Эту цифру надо считать преуменьшенной, так как автор «Обзора Семиреченской области за 1882—1898 гг.» сообщает, что число перебежчиков «по данным, собранным в первой половине 1899 года, достигло 8 процентов всего таранчинского (уйгурского.— *П. Г.*) населения»[32].

Бежали обратно в Кульджу большей частью уйгуры. Это легко объясняется всеми приведенными выше данными — уйгуры в своей массе больше пострадали от переселения и с бо́льшими трудностями, чем дунгане, устраивались на новой земле. Кроме того, если среди дунган значительная часть бедноты являлась городскими ремесленниками, находила себе средства существования в Семиречье, занимаясь ремеслом, то уйгуры, как только-что разорившиеся земледельцы, еще не имевшие опыта в ремесле, не могли приложить свой труд в ремесленном производстве. Именно уйгуры прежде всего бежали из Семиречья.

[30] Записка Фридэ — Пантусова и «Обзоры Семиреченской области» за соответствующие годы

[31] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 13, д. 981, т. I, л. 149.

[32] «Обзор Семиреченской области во время состояния ее в составе Степного генерал-губернаторства (1882—1899)» Верный, 1900, стр. 55.

Семиреченский военный губернатор 12 августа 1891 года писал степному генерал-губернатору: «Таранчи, поселенные в восточной части Верненского уезда, разбегаются во все стороны целыми семьями как от недостатка земельных наделов и скудной производительности почвы, так и от взысканий в погашение выданного им в 1882—1883 годах казенного пособия при водворении их в наших пределах; бегут преимущественно в Кульджу, на прежние места, где у них имеются родственники, и где злачных земель в изобилии»[33].

При крайне тяжелом положении в Семиречье, для уйгурской бедноты даже ростовщический кредит китайских феодалов скотом, деньгами и семенами, который они начали применять в это время, казался выходом из положения. В другом документе тот же военный губернатор сообщает: «Вообще бегут в Или бедняки, преимущественно бездомные, склоняемые к переселению известиями, что китайцы дают переселенцам семян для посева и даже деньги на первое обзаведение»[34]. При этом губернатор признает, что это бегство вызывалось тяжелым положением уйгуров в Семиречье и отсутствием «возможности заработать деньги на погашение выданного ему в 1882—1883 годах казенного пособия при водворении в наши пределы»[35].

Таким образом, совершенно ясно, что и бегство уйгуров обратно в Кульджу (как и уход на заработки внутри области) было вызвано стремлением бедноты найти для себя средства существования и избавиться от платежей, на которые они не имели средств.

Против бегства переселенцев на родину, принимались административные меры внутри области и меры по возвращению беглецов из Кульджи. Но с середины 90-х годов начали приходить к заключению — не препятствовать уходу. Вопрос поставил степной генерал-губернатор Таубе. 12 мая 1894 года он отправил министру внутренних дел Дурново пространный рапорт по этому вопросу. В нем, по-своему объясняя причины бегства переселенцев на родину, Таубе дает также свою оценку переселению 1882 года: «... Я пришел к тому убеждению, что бывший наш комиссар генерал-майор Фридэ сделал большую ошибку принятием в 1882—1883 годах более 50 тысяч новых подданных при ощутившемся уже тогда недостатке свободных земель в Семиреченской области... Вследствие сего и принимая во внимание затруднения, с которыми сопряжено насильственное возвращение русскоподданных переселенцев-перебежчиков из Китая в места причисления.., я пришел к заключению, что в настоящее время было бы наиболее рациональным не препятствовать недовольным наделами переходить на китайскую территорию и во всяком случае не возбуждать несовместимую с достоинством русской державной власти бесполезную, ни к чему не приводящую переписку об обратном выдворении беглецов... Я остаюсь при том убеждении, что для России выгоднее иметь на соседней китайской территории преданных нам туземцев, чем недовольных наделами и бедствующих на русской территории»[36].

---

[33] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 13, д. 981, т. I, л. 21.

[34] Ю. Баранова сообщает, что «только в 1884 г. бедняки уйгуры для увеличения количества обрабатываемой ими земли получили от цинской казны зерно для посева и 1300 быков для производства пахоты и прочих сельскохозяйственных работ». («К вопросу о переселении мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881—1882 гг.» «Труды сектора востоковедения Академии наук Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1959, стр. 51). Это, несомненно, был ростовщический кредит цинской монархии приносивший тяжелую кабалу крестьянству. Но не такое уже большое количество уйгурского крестьянства бежало из Семиречья и попадало в эту кабалу. В наши задачи не входит рассмотрение судеб обратных переселенцев в Кульдже.

[35] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 13, д. 981, т. I, л. 23.

[36] Там же, л. 115.

Как видим, мнение местной администрации по этому вопросу к середине 90-х годов изменилось. Таубе понял, что уйгурско-дунганская беднота, обездоленная переселением, не имеющая средств существования в области, не могла служить царизму опорой в случае войны на китайской границе. За ним, правда, не сразу, поняли это в Петербурге.

Для установления новой точки зрения на уйгурско-дунганское переселение в министерствах военном и иностранных дел потребовалось предпринять новую военную разведку в Кульджу. Эту задачу выполнил полковник генерального штаба Дюгаев. В 1900 году в связи с Ихетуанским восстанием он прошел через Кульджу с отрядом в 750 человек. В результате появилась в издании штаба Туркестанского военного округа его работа «Военно-статистические сведения об Илийском крае». В ней он констатировал большие перемены, происшедшие в Кульдже со времени памятного 1882 года.

Он писал: «Вместо ушедших в наши пределы дунган и таранчей были переселены (в Кульджу.— П. Г.) таранчи из Кашгарии и коренные китайцы из застенного Китая. . ». Далее: «. . . Продолжительная борьба племен, вызывая постоянное перемещение населения из опустошенных местностей в другие, настолько перемешала его, что трудно определить точные границы расселения по территории той или другой народности... Подобно китайцам по всей территории округа рассеяны и таранчи...». В настоящее время, продолжает он, «население Илийского округа по своему племенному составу слагается из четырех различных групп: тюркской, монгольской, китайской и тунгузской.., но, разрозненные взаимной враждой, все они (некитайские народности.— *П. Г.*) одинаково сходятся в ненависти к Китаю и китайскому режиму. Особенно в этом отношении выделяются дунгане... они представляют тлеющий очаг будущих восстаний... К дунганам, конечно, присоединятся таранчи и киргизы (казахи.— *П. Г.*)...». И вывод: «... При столкновении нашем с китайцами в Илийской долине она сделается ареной междоусобий и борьбы народностей против китайской власти, а русские войска встретят в большей части ее населения сочувствие и поддержку»[37].

При такой информации со стороны военного разведчика, в Петербурге сразу склонились к тому, чтобы принять точку зрения Таубе, что и для России «выгоднее иметь на соседней китайской территории преданных нам туземцев, чем недовольных наделами и бедствующих на русской территории». Теперь для правительства возвращение уйгуров и дунган в Кульджу означало разрядку напряженного состояния в Семиречье и подливание масла в огонь за китайской границей, где все некитайские народности «одинаково сходятся в ненависти к Китаю и китайскому режиму». Вновь проявляется со стороны царизма стремление использовать революционный протест угнетенных под властью Цинской монархии народностей в своих реакционных целях.

Именно описанными обстоятельствами вызвано то, что с 1901 года начали передавать беглецов из Семиречья — уйгуров, дунган и казахов— китайским властям в Кульдже, исключая их из числа русских подданных и слагая с общин числящиеся за беглецами платежи.

Журналом общего присутствия Семиреченского областного правления от 1 сентября 1901 года было исключено из «податного сословия» Джаркентского и Верненского уездов 4098 душ уйгуров и 203 души дунган, всего —4301 душа обоего пола, что составляло 5,5 процента всего уйгурско-дунганского населения области за этот год. Слагали и недоимки Рассмотрев вопрос о недоимках 1223 уйгуров из общего количества бе-

[37] Дюгаев. Военно-статистические сведения об Илийском крае. Ташкент, 1901. Напечатаны в издании: «Сведения, касающиеся стран сопредельных с Туркестанским военным округом», вып. XXVIII, апрель — май 1901, стр. 12, 13, 17, 20, 22.

жавших до 1894 года, Министерство финансов исчислило к сложению 7475 руб. податей[38]. За этим последовали меры по снятию с оклада части неудобных земель, числившихся за общинами. В 1904 году в селениях джаркентских уйгуров снято с оклада 3973 десятины земли, что уменьшило оброчную подать на 1193 руб.[39], в 1905 году в Малибаевской волости Верненского уезда снято с оклада 2689 десятин, в том числе 1700,5 десятин удобной земли[40]. Власти явно шли на то, чтобы «приоткрыть клапаны», ослабить причины, вызывавшие бегство уйгуров и дунган в Китай. Тем не менее уйгурско-дунганское крестьянство в Семиречье все больше и больше превращалось во враждебную царизму силу. Основная причина тому — их растущее обнищание. Царский колониальный режим, воскрешенные царизмом в уйгурских и дунганских поселениях крепостнические общины, подрыв хозяйства налогами, разнообразные формы эксплуатации крестьянства феодалами, ростовщиками и администрацией — вот основные препятствия, стоявшие на пути развития уйгурско-дунганского земледелия. Классовая борьба уйгурско-дунганского крестьянства чем дальше, тем больше становилась не только антифеодальной, но и антиимпериалистической, национально-освободительной.

По размерам посева и сбору хлебов на душу населения к концу XIX века уйгуры и дунгане далеко отстали от других категорий оседлых крестьян Семиречья (см. табл. 129).

Таблица 129

Посев и сбор хлебов на душу населения по категориям посевщиков, в четвертях[41]

	1882 г.		1898 г.	
	посев	урожай	посев	урожай
У казаков	2,28	21,49	1,52	8,4
У крестьян	1,25	10,08	1,15	6,7
У мещан	0,18	0,83	0,19	1,13
У киргизов и казахов	0,13	0,99	0,27	1,72
У уйгуров и дунган	0,14	1,38	0,39	1,93

Уйгуры и дунгане в 1898 году производили хлеба на душу населения в 3,5 раза меньше, чем русские крестьяне, и в 4,3 раза меньше, чем казаки. По размерам производства хлеба они приближались к кочевникам казахам и киргизам.

По данным царской администрации, в трех уйгурских волостях Южного участка Кульджинского района (Кайнакской, Ханахойской и Кетменской) в 1878 году было посеяно хлеба 0,70 четверти на душу, а собрано 9,47 четверти на душу населения[42], т. е. в 2,03 раза по размерам посева и в 4,72 раза по сбору больше, чем у уйгуров и дунган в Семиречье в 1898 году. Относительно спокойное развитие хозяйства в годы царской оккупации Кульджи могло быть одной из причин переселения уйгуров в Семиречье в 1882 году, но бедственное положение их в Семиречье не могло не вызвать у уйгурско-дунганского крестьянства противоположных настроений. Они устремились обратно в Кульджу, они же вступили в острый конфликт с царизмом в Семиречье, все более и более сливая свою борьбу против царизма с борьбой всех других категорий крестьянства области. С конца 80-х годов уйгурско-дунганское крестьянство в доку-

[38] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 13, д. 981, т. I, лл. 175 и 256.
[39] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 13, д. 163, т. II, л. 61.
[40] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. V, ч. I, стр. 207.
[41] «Обзор Семиреченской области за 1882—1899 гг.», стр. 131.
[42] ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 12, д. 14, лл. 26—27.

Таблица 130

Уйгурско-дунганское крестьянство Джаркентского уезда[43]

1888 г. Подсчет посемейных списков Джаркентской, Аккентской, Аксу-Чарынской и Кетменской волостей				1910 г. Обследование П. П. Румянцева по тем же волостям				Наш пересчет данных П. П. Румянцева с учетом бежавших из уйгурско-дунганских волостей за время с 1883 по 1910 г.		
	Число хозяйств				Число хозяйств			Число хозяйств		
Группы хозяйств по количеству лошадей	всего	% к итогу	% по укрупненным группам	Группы хозяйств по количеству рабочего скота	всего	% к итогу	% по укрупненным социальным группам	всего	% к итогу	% по укрупненным социальным группам
0.				Бежавшие из селений с 1883 по 1910 г.	Не учтены		—	2773	31,1	
I.				Отсутствующие	1333	21,7		1333	14,9	
II. Не имеющие скота	156	34,2	45,3	Не имеющие скота	815	13,3	44,6	815	9,1	61,8
III. Не имеющие лошадей	507	11,1		Не имеющие рабочего скота	593	9,6	9,6	593	6,7	
IV. Имеющие 1 лошадь	1785	39,0	51,9	Имеющие 1 голову рабочего скота	1544	25,1		1544	17,3	29,1
V. „ 2 „	589	12,9		Имеющие 2 головы рабочего скота	1050	17,1	42,2	1050	11,8	
VI. „ 3—5 „	114	2,4	2,4	Имеющие 3—5 голов рабочего скота	645	10,5	10,5	645	7,3	7,3
VII. „ 6 и более	18	0,4	0,4	Имеющие 6—10 голов рабочего скота	129	2,1		129	1,4	1,9
				Имеющие более 10 голов рабочего скота	35	0,6	2,7	35	0,5	
Итого	4579	100,0	100,0		6144	100,0	100,0	8917	100,0	100,0

[43] Наш подсчет по спискам. ЦГА КазССР, ф. 44, оп. 1, д. 22; данные Румянцева: «Материалы по обследованию...», т. V, ч. II. Таблицы, стр. 611—612, 606.

ментах уже не называется как возможная сила против Китая, даже всеобщая воинская повинность на них не была распространена.

Как шло, дальнейшее расслоение уйгурско-дунганского крестьянства, проиллюстрируем таблицей, отражающей состояние уйгурско-дунганского сельского хозяйства в 1910 году в сравнении с приведенными выше данными за 1888 год. За неимением сводных данных за 1888 год по Верненскому уезду, берем в обоих случаях только Джаркентский уезд. Несколько различен признак отнесения хозяйств к социальным группам в нашем подсчете и у Румянцева, но таблица 130 все же позволяет оценить изменения в соотношении четырех социальных групп.

Из нашего изложения уже известно, что 5,5 процента уйгурско-дунганского населения в 1901 году были исключены из посемейных списков вследствие их бегства в Китай. Кроме того, согласно данных «Обзора» области за 1913 год, на 1 января 1914 года в городах, казачьих станицах, русских крестьянских поселениях, в казахских и киргизских волостях[44] уже числилось 32 706 душ уйгуров и дунган. При общем количестве уйгурско- дунганского населения области на эту дату 106 085 душ обоего пола, это составляет 30,8 процента. За вычетом 5,2 процента живших в городах с 1877 по 1883 год, получаем 25,5 процента всего уйгурско-дунганского населения области. Это означает, что за период с 1883 по 1913 год из сельских уйгурских и дунганских волостей в пределах области переселилось 25,6 процента, а с прибавлением названных выше 5,5 процента отчисленных администрацией, в Китай всего ушло из селений —31,1 процента населения. Названная цифра указывает на массовое бегство уйгурско-дунганского крестьянства от своих «наделов» в поисках мест, где можно было получить какой-либо заработок или другие средства существования. При этом размеры этого бегства в нашей цифре скорее преуменьшены, чем преувеличены, так как в ней не учтен уход уйгуров и дунган в другие области края, в частности в Фергану.

В. И. Ленин указывает, что «сплошь да рядом буржуазные и мелкобуржуазные экономисты не хотят даже замечать очевидной связи между бегством населения из деревень и разорением мелких производителей»[45]. Это относится и к обследованию П П. Румянцева. Он учел отсутствующие хозяйства — их, по его данным, 21,7 процента. Это какая-то часть крестьян, бежавших из своих поселений. Но он не замечает ни того, что уход был намного больше этой цифры, ни связи этого явления с разорением крестьянства. Стремясь устранить из данных Румянцева этот недостаток, мы ввели в таблицу наш пересчет его показателей с учетом названного числа бежавших крестьян.

По практике административной деятельности чиновников известно, что пришедшие из сельских волостей уйгуры и дунгане не учитывались в других поселениях до тех пор, пока они как податные единицы не были исключены из посемейных списков своих волостей. Это означает, что количество уйгурско-дунганских хозяйств, порвавших со своими селениями, за 22 года, показанные в таблице 130, равняется сумме ушедших из селений и учтенных в местах нового жительства плюс «отсутствующие», т. е. фактически ушедшие из селений, но еще никуда не перечисленные. Принимая, что и в волостях Джаркентского уезда ушли из сельских местностей те же 31,1 процента хозяйств, как и по области в целом, устанавливаем, что вместе с ушедшими в изучаемых волостях было бы 8917 хозяйств. От этого количества число бежавших со своих наделов составляет 46,0 процента. Принимая во внимание, что 92,1 процента «отсутствующих», по данным Румянцева, уже не пользовались землей, устанавли-

[44] Основная масса в городах и русских поселениях. В казахских и киргизских волостях только 93 человека.

[45] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 73.

ваем, что к 1910 году с сельским хозяйством порвало 44,8 процента уйгурско-дунганского населения Джаркентского уезда. Вспомним, что по переписи 1897 года мужское самодеятельное население, не занимающееся сельским хозяйством, составляло среди уйгуров 30,7 процента. Процесс «раскрестьянивания» в смысле разрыва с мелкокрестьянским самостоятельным производством продолжался.

Но если, по указанию В. И. Ленина, учесть связь этого бегства с разорением мелких производителей, тогда будет ясно, что данные Румянцева не отражают действительного положения в уйгурско-дунганских поселениях. Процент потерявших скот к 1910 году определится из окончательно порвавших со своими деревнями, плюс «отсутствующие», плюс не имеющие скота. Из названных 8917 хозяйств это составит 55,1 процента. Только с этой поправкой данные Румянцева делаются сравнимыми с нашими подсчетами за 1888 год: за 22 года процент окончательно разорившегося уйгурско-дунганского крестьянства Джаркентского уезда поднялся с 34,2 до 55,1.

Переходя к оценке передвижки в соотношении социальных групп с 1888 по 1910 год, обнаруживаем, что удельный вес бедноты поднялся с 45,3 процента в 1888 году до 61,8 процента в 1910 году, количество среднего крестьянства за это время уменьшилось соответственно с 51,9 до 29,1 процента, группа зажиточных увеличилась с 2,4 до 7,3 процента, эксплуататорские группы — с 0,4 до 1,9 процента. Данные не позволяют выделить из числа бесскотных и малоскотных хозяйств торговцев и предпринимателей, которые могли быть зачислены Румянцевым в эти, равно как и в другие, социальные группы, но их количество было не столь велико, чтобы существенно изменить приведенное соотношение. Во всяком случае мы убеждаемся, что за изучаемые 22 года совершался интенсивный процесс классового расслоения уйгурско-дунганского крестьянства, невероятно быстро росла беднота, «вымывалось» среднее крестьянство, выросли количественно и окрепли экономически группы зажиточных и эксплуататорских хозяйств.

Рассмотренные сведения по Джаркентскому уезду относятся к уйгурам и дунганам этого района. В число хозяйств, подсчитанных нами и Румянцевым, вошли и хозяйства дунган Джаркентской дунганской волости — в 1888 году их было 340, в 1913 году —487, а также дунганские хозяйства селения Чарын Верненского уезда, которых в 1888 году было 47.

Для более ясного понимания того, какое решающее влияние на процесс расслоения уйгурско-дунганского крестьянства имело именно его переселение, выделим из приведенных выше данных одну Кетменскую волость Джаркентского уезда, которая перешла в русское подданство вместе с занимаемой ею территорией (см. табл. 131).

Кетменская уйгурская волость, как показывает таблица 131, составляла участок с наименее интенсивным расслоением. Здесь мы наблюдаем рост бедноты (I, II и III группы —27,2 процента в 1910 году, против 14,7 процента в 1888 году), уменьшение удельного веса среднего крестьянства (IV и V группы, соответственно —55,1 процента, против 78,2), рост и усиление зажиточной и богатой эксплуататорской группы (VI и VII— 17,6 процента, против 7,1). Процессы идут в том же направлении, как и у всей массы переселенцев, однако выражены они не так выпукло. Здесь сравнительно низок процент ухода крестьян со своих наделов (5,5 процента отсутствующих, против 21,7 процента по всему Джаркентскому уезду), здесь в то же время бедняцкая группа имеет значительно меньший удельный вес в общем количестве хозяйств (27,2 процента против 44,6 процента по уезду). Нет возможности определить, сколько бедняков окончательно бежали из волости. Но если допустить, по аналогии с при-

веденным выше подсчетом в масштабе области, что окончательно порвавших с деревней в 2,1 раза больше, чем «отсутствующих», тогда их будет около 11 процентов, удельный вес бедноты, с прибавлением этой величины, возрастет до 37 процентов. При аналогичном подсчете по всему Джаркентскому уезду эта цифра достигла, как помним, 61,8 процента. Все это означает, что обнищание крестьянства в Кетменской волости, где крестьяне не оторвались от своих насиженных мест, не достигло таких колоссальных размеров, какие наблюдались у переселившихся крестьян. Имущественное расслоение здесь было выражено менее ярко, обнищание же переселившихся резко усиливалось в связи с переселением.

Таблица 131

Расслоение уйгуров Кетменской волости Джаркентского уезда

1888 г. Подсчет посемейных списков			1910 г. Обследование П. П. Румянцева		
Группы хозяйств по количеству лошадей	Число хозяйств		Группы хозяйств по количеству рабочего скота	Число хозяйств	
	всего	% к итогу		всего	% к итогу
I.			Отсутствующие	69	5,5
II. Не имеющие скота	64	10,0	Не имеющие скота	136	10,9
III. Не имеющие лошадей	30	4,7	Не имеющие рабочего скота	136	10,9
IV. Имеющие 1 лошадь	296	46,3	Имеющие 1 голову рабочего скота	392	31,3
V. Имеющие 2 лошади	204	31,9	Имеющие 2 головы рабочего скота	298	23,8
VI. Имеющие 3—5 лошадей	44	6,9	Имеющие 3—5 голов рабочего скота	186	14,9
VII. Имеющие 6 и более лошадей	1	0,2	Имеющие 6—10 голов рабочего скота	30	2,7
			Имеющие более 10 голов рабочего скота	5	
Итого	639	100,0		1252	100,0

Так протекали процессы расслоения уйгурской и дунганской деревни после переселения в Семиречье. В таблице 132 показан общий итог расслоения уйгурско-дунганского крестьянства по всей территории его водворения, т. е. по Верненскому и Джаркентскому уездам.

В таблице 132 отдельной строкой показаны «отсутствующие». Их насчитывалось 25 процентов ко всему количеству хозяйств, 92,1 процента из них уже не пользовались землею, т. е. экономически порвали с деревней, хотя на них еще давила крепостническая община, требовавшая уплаты податей за «наделы». Только 7,9 процента их еще имели небольшие запашки. Среди еще остающихся в поселениях крестьян насчитывается 23,5 процента не имеющих посевов и 43,1 процента бедноты с посевами до трех десятин, т. е. с таким хозяйством, которое не может обеспечить семью пропитанием без посторонних заработков. Из них, как еще увидим, около 5,5 процента имели мельницы и другие промышленные заведения. Остальные хозяйства, около 60 процентов всех хозяйств уйгурско-дунганской деревни, влачили самое жалкое существование, вынуждены были для сохранения своей жизни либо идти в батраки, либо искать заработка на мелких промышленных предприятиях, либо залезать в безысходную кабалу. Только VI и VII группы (с посевами от 3 до 7 десятин) можно причислить к более или менее самостоятельным серед-

Таблица 132

1910—1911 годы. Расслоение уйгурско-дунганского крестьянства Джаркентского и Верненского уездов
(по размерам посева)

Группы хозяйств	Количество хозяйств		В пользовании надельной и арендованной земли, дес.		Посеяно десятин		Площади посева ко всему землепользованию, %	Количество хозяйств, не пользующихся землей	
	всего	% к итогу	всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во		всего	% к общему количеству
I. Без посева	2436	23,6	8907,08	3,66	—	—	—	2436	100
II. С посевом до 0,5 дес.	346	3,3	1914,35	3,53	146,83	0,42	7,67		
III. „ 1,0 „	750	7,2	5036,22	6,71	681,56	0,91	13,53		
IV. „ 2,0 „	1833	17,8	15120,10	8,25	2992 81	1.63	19 80		
V. „ 3,0 „	1535	14,8	13831,80	9,01	4001,34	2,61	34,57		
VI. „ 5,0 „	1746	16,9	16456,93	9,43	7076,30	4,05	43,00		
VII. „ 7,0 „	708	6,8	8495,65	12,00	4319,20	6,10	50,84		
VIII. „ 10,0 „	592	5,8	7837,34	13,24	5076,19	8,57	64,77		
IX. „ свыше 10,0	407	3,9	8672,52	21,31	6394,38	15,71	73,73		
Итого наличные	10353	100,0	86385,32	8,34	30689,61	2,96	35,53		
Отсутствующие	3450	25.0	15121,44	4,39	885,81	0,26	5,86	3178	92.1
Всего	13803	100,0	101506,76	7,35	31575,42		31,11	5614	40,7
% землепользования и посевов отсутствующих к общему количеству			14,9		2,8				

някам. Их количество—23,7 процента. Группа VIII—зажиточные хозяйства, их всего 5,8 процента, группа IX—эксплуататорские хозяйства—составляли 3,9 процента.

Таким образом, обнаруживаем, что среди оседлых крестьян области (к ним еще относились русские казаки и крестьяне-переселенцы), уйгурско-дунганское крестьянство было самой бедной, самой обездоленной группой.

4. Отношения эксплуатации в уйгурских и дунганских поселениях

Если брать изолированно процесс обнищания уйгурского и дунганского крестьянства, то напрашивается вывод, что их переселение дало могучий толчок развитию капитализма в сельском хозяйстве Семиречья. Однако этот вывод будет поспешным. Говоря об обезземелении русского крестьянства в результате реформы 1861 года, В. И. Ленин пишет: «В корне ошибочен тот взгляд, что стремление обезземелить крестьян в 1861 году было капиталистическим стремлением, а стремление наделить их землей — антикапиталистическим... Такой взгляд грешит вопиющей антиисторичностью, перенесением «готовой» формулы Маркса («формулы», применимой лишь к высокоразвитому товарному производству) на *крепостническую* почву. В действительности, обезземеление крестьян в 1861 году означало в большинстве случаев создание не свободного рабочего в капиталистическом производстве, а *кабального* (т. е. фактически полукрепостного или даже почти крепостного) *арендатора* той же «барской» помещичьей земли»[46].

Так стоял вопрос в России. Такие выводы делал В. И. Ленин, подвергая конкретно-историческому анализу аграрные отношения в русско-украинско-белорусской деревне. Только конкретно-исторический анализ отношений эксплуатации, складывавшихся в уйгурско-дунганской деревне, как и во всем сельском хозяйстве изучаемого района, может показать, в какой степени проанализированный процесс имущественной дифференциации был источником для дальнейшего усиления всяческой кабалы, феодализма, крепостничества, в какой степени он порождал капиталистическое производство.

Уже показано, что система колониальной эксплуатации края вела не столько к развитию промышленно-капиталистических отношений, сколько к росту и усилению торговой и ростовщической эксплуатации крестьянства. Самостоятельное существование торгового и ростовщического капитала вступало в противоречие с развитием капитализма в промышленной форме. Это сильно сказалось на темпах развития капиталистического найма в казахских аулах, о чем еще будет рассказано ниже. Распространенность торгово-ростовщической эксплуатации тормозила развитие вольного найма и в русских крестьянских поселках, и в казачьих станицах. Теперь посмотрим, как совершались эти процессы в уйгурских и дунганских поселениях.

Возвращаясь к таблице 132, прежде всего обращаем внимание на то, что чем беднее было хозяйство, тем меньшую часть своего «надела» оно засевало. Зажиточные группы не только засевали свою надельную землю, но и расширяли запашки за счет аренды, имея под посевом 64,8 процента (VIII группа) и 73,7 процента (IX группа) своего землепользования. Во всех остальных группах процент пашни в общем объеме землепользования с последовательной закономерностью снижается к малопосевным группам. В самой низшей, II посевной группе под пашней

[46] В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 86.

было занято только 7,67 процента всей площади земли. В этом заключалась основная экономическая предпосылка для острого конфликта между крепостническим самодержавием, с одной стороны, и получившими от него землю бедняками уйгурами и дунганами — с другой.

В 1891 году кончился льготный десятилетний срок по взысканию поземельных податей с уйгуров и дунган. Было произведено их землеустройство и наложены оброчные поземельные подати. Как были высоки эти подати, можно видеть из следующей справки по данным П. П. Румянцева. В трех волостях Джаркентского уезда (Джаркентско-таранчинская, Аккентская и Чарын-Аксуйская) общий размер платежей на надел составлял 4,1 руб., на наличное хозяйство —4,5 руб.; в двух волостях Верненского уезда (Малыбаевской и Карамской)—5,8 руб. на надел[47].

Платили за надел. В тех случаях, когда за нерозыском разбежавшихся «податных единиц» наделов в селении было больше, чем хозяйств, на наличные хозяйства падало дополнительное обложение в порядке круговой поруки. Но сопоставим эти данные о налогах с данными таблицы 132. Получаем, что и бедняк, использовавший под пашню только 7,67 процента надела, и богач, использовавший 73,7 процента своего землепользования, платят одни и те же 4—6 руб. за надел. Если для богача Верненского уезда при налогах 5,8 руб. на десятидесятинный надел падает платежей 80 коп. с запаханной десятины, то для бедняка из II посевной группы он составляет 7,56 руб., а для крестьян из IV—VI посевных групп — от 1,5 до 3,0 руб. с запаханной десятины. При стоимости хлеба 30—50 коп. за пуд это означало, что бедняк отдавал за налог до 15—25 пудов хлеба с десятины, т. е. около половины урожая. Такой же расчет легко провести по Джаркентскому уезду, где надел, как видели выше, определялся в пять десятин на мужскую душу. Ставки налога на запаханную десятину там окажутся еще выше.

Пожалуй, единственным исключением из всех поселений в этом отношении будет Кетменская волость Джаркентского уезда. Там, по свидетельству экспедиции Румянцева, «все мирские сборы и подати раскладываются на души, фактически владеющие надельной землей, но не по количеству надела, а по зажиточности хозяйства в каждом обществе отдельно... Подати и мирские сборы в среднем дают 2 руб. 71 коп. с небольшим на надельную единицу в 5 десятин»[48]. Зато на Кетменскую волость падает наименьший процент бедноты, бежавшей от своих наделов, и крепостническая кабала, как увидим ниже, здесь была выражена слабее, капиталистические отношения развивались интенсивнее.

Даже аренда земли в названных районах стоила в несколько раз дешевле, чем размеры государственных налогов. В условиях, когда в области еще только складывалось индивидуальное землевладение, рента была крайне низкой. Особенно она была низкой в скотоводческом хозяйстве, где «органический состав капитала» по условиям производства был высок, количество живого человеческого труда применялось относительно меньше. С развитием земледелия рента возрастала. Однако и в земледельческом хозяйстве она стояла во много раз ниже налагаемых русской государственной властью налогов (читай: податей).

Уйгуры Аксуйской волости Джаркентского уезда арендовали у казахов на один год под пашню 685 десятин земли за 117 руб. (или хлебом 420 пудов), это обходилось по 17 коп. за десятину. В Малыбаевской волости Верненского уезда аренда земли у казахов на 10—15 лет обходилась уйгурам по 3,5 руб. за десятину, иначе говоря, 20—35 коп. в год.

---

[47] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. V, ч. V, стр. 15—16, 97—98, 156, 204, 260. Подсчет наш.

[48] Там же, стр. 125.

Самые максимальные арендные ставки за десятину экспедицией Румянцева зафиксированы в Кетменской волости. Там селение Кульджат арендовало у казахов 447 десятин по 47 коп. за десятину, селение Тегермен — 264 десятины за хлеб и деньги в приблизительной оценке 1 руб. 30 коп. за десятину. Причем цена хлеба экспедицией принята 70 коп. за пуд. Расчет явно преувеличен[49].

Все это означает, что налоги на уйгурско-дунганские земли даже для зажиточных превышали арендные ставки в 2—3 раза, для середняков — в 5—10 раз, а для бедняков — в 20—30 и более раз. Вспомним сказанное выше об аграрном законодательстве, о том, как русский крепостник-помещик, осуществлявший военно-феодальную политику в Казахстане и Туркестане, «уступая» «свои», «казенные» земли местному крестьянству, стремился получить за это возможно более высокие выкупные платежи, т. е. феодальную земельную ренту в пользу государства. На примере наделения землей уйгурского и дунганского крестьянства мы наблюдаем, каких высоких размеров достигала эта рента.

При переходе от феодальной ренты продуктами к денежной, т. е. на той ступени экономического развития, на какой в это время стояли уйгуры и дунгане, «вместо продукта непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будь то государство или частное лицо) цену продукта»[50]. Уйгурская беднота ее платила прежде всего царизму, подчас, оторвавшись от земли, платила из своего заработка на стороне. Главный получатель ренты — русское крепостническое государство — стал главным врагом уйгурского и дунганского крестьянства. Но феодальную ренту — как в натуральной, так и в денежной форме — получали и местные эксплуататоры.

Выше были описаны действия купца-феодала Вали-Ахуна Юлдашева, закабалившего уйгуров Джаркентского уезда на издольщине. Вспомним также, что Юлдашев был не один, он опирался на значительное количество *байсемизов* («толстых богачей»), эксплуатировавших уйгурское крестьянство. Они обычно овладевали землей уйгуров «за налоги». Иначе говоря, они брали на себя уплату ренты государству за уйгурскую землю, но за это заставляли уйгурское крестьянство обрабатывать землю на издольных началах и получали на этом свою долю натуральной ренты. Одно звено феодальной эксплуатации (налоги за землю российскому военно-феодальному империализму) влекло за собой другое звено — феодальную эксплуатацию со стороны быстро народившихся и растущих купцов-феодалов из среды самих уйгуров и дунган.

Из этого следует, что уйгурское крестьянство, оставив своих феодалов в Кульдже, нашло в Семиречье феодалов другого типа — российский военно-феодальный империализм и местных феодалов-купцов. Юлдашев и вся его опора, состоявшая из разбогатевших и зависимых от него уйгуров, представляли собой иной тип эксплуататоров, чем феодалы Кульджинского края. Это по преимуществу купцы-феодалы, выросшие в условиях развития в области товарных отношений и роста торговой и ростовщической эксплуатации крестьянства. Вся система колониальной эксплуатации края содействовала их росту и процветанию.

Положение, подобное описанному, создавалось и в Верненском уезде, хотя такой «централизующей» фигуры, как Юлдашев, там не было.

Верненский уездный начальник в своем отчетном «обзоре» уезда за 1885 год писал, что в станице Софийской русские казаки «отдают землю из половины» на что особенно идут таранчи, которые, не имея средств на аренду, исключительно берутся работать за $^1/_3$ до $^1/_2$ урожая. Для каза-

[49] Там же, стр. 78—164 и 131.
[50] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1954, стр. 810.

Таблица 133

1910—1911 годы. Обеспеченность уйгурско-дунганского крестьянства Джаркентского и Верненского уездов скотом и сельскохозяйственными орудиями[53]

Группы хозяйств по размерам посева	Кол-во хоз-в в % к итогу	Единиц скота в переводе на взрослую лошадь		Число сельхозорудий		Число хозяйств									
						без всякого скота		без рабочего скота		без всякого инвентаря		без сельхозорудий		имеющих промышленные заведения	
		всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	всего	% к общему кол-ву	всего	% к общему кол-ву	всего	% к общему кол-ву	всего	% к общему кол-ву	всего	% к общему кол-ву
I. Без посева	23,5	3265,18	1,34	447	0,2	1090	44,7	207	8,5	1839	75,4	397	16,3	128	5,3
II. С посевом до 0,5 дес.	3,3	566,90	1,64	105	0,3	94	27,2	18	5,2	197	56,9	60	17,3	19	5,5
III. С посевом до 1,0 дес.	7,2	1507,36	2,01	226	0,3	150	20,2	19	2,5	330	44,0	91	12,1	27	3,6
IV. С посевом до 2,0 дес.	17,8	5914,52	3,23	1016	0,6	198	10,8	69	3,8	433	23,6	129	7,0	51	2,8
V. С посевом до 3,0 дес.	14,8	7812,99	5,09	1756	1,1	92	6,0	44	2,9	192	12,5	79	5,1	78	5,1
VI. С посевом до 5,0 дес.	16,9	10757,19	6,15	3162	1,8	67	3,8	49	2,8	139	8,0	69	4,0	92	5,3
VII. С посевом до 7,0 дес.	6,8	6071,75	8,58	1773	2,5	10	1,4	6	0,8	17	2,4	20	2,8	52	7,3
VIII. С посевом до 10,0 дес.	5,8	6258.80	10,57	1762	3,0	3	0,5	5	0,9	12	2,1	4	0,7	52	8,8
IX. С посевом свыше 10,0 дес.	3,9	8604,09	21,14	1511	5,7	2	0,5	—	—	1	0,3	—	—	37	9,1
Итого	100,0	50739,62	4,90	11758	1,1	1706	16,5	417	4,0	3160	30,5	849	8,2	536	5,2

[53] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. V, ч. II, таблицы, стр. 953, 954.

Таблица 133

1910—1911 годы. Обеспеченность уйгурско-дунганского крестьянства Джаркентского и Верненского уездов скотом и сельскохозяйственными орудиями[53]

Группы хозяйств по размерам посева	Кол-во хоз-в в % к итогу	Единиц скота в переводе на взрослую лошадь		Число сельхозорудий		Число хозяйств									
						без всякого скота		без рабочего скота		без всякого инвентаря		без сельхозорудий		имеющих промышленные заведения	
		всего	на 1 хоз-во	всего	на 1 хоз-во	всего	% к общему кол-ву	всего	% к общему кол-ву	всего	% к общему кол-ву	всего	% к общему кол-ву	всего	% к общему кол-ву
I. Без посева	23,5	3265,18	1,34	447	0,2	1090	44,7	207	8,5	1839	75,4	397	16,3	128	5,3
II. С посевом до 0,5 дес.	3,3	566,90	1,64	105	0,3	94	27,2	18	5,2	197	56,9	60	17,3	19	5,5
III. С посевом до 1,0 дес.	7,2	1507,36	2,01	226	0,3	150	20,2	19	2,5	330	44,0	91	12,1	27	3,6
IV. С посевом до 2,0 дес.	17,8	5914,52	3,23	1016	0,6	198	10,8	69	3,8	433	23,6	129	7,0	51	2,8
V. С посевом до 3,0 дес.	14,8	7812,99	5,09	1756	1,1	92	6,0	44	2,9	192	12,5	79	5,1	78	5,1
VI. С посевом до 5,0 дес.	16,9	10757,19	6,15	3162	1,8	67	3,8	49	2,8	139	8,0	69	4,0	92	5,3
VII. С посевом до 7,0 дес.	6,8	6071,75	8,58	1773	2,5	10	1,4	6	0,8	17	2,4	20	2,8	52	7,3
VIII. С посевом до 10,0 дес.	5,8	6258,80	10,57	1762	3,0	3	0,5	5	0,9	12	2,1	4	0,7	52	8,8
IX. С посевом свыше 10,0 дес.	3,9	8604,09	21,14	1511	5,7	2	0,5	—	—	1	0,3	—	—	37	9,1
Итого	100,0	50739,62	4,90	11758	1,1	1706	16,5	417	4,0	3160	30,5	849	8,2	536	5,2

[53] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. V, ч. II, таблицы, стр. 953, 954.

заведения. В этих группах насчитывалось 157 промышленников, 29,3 процента из их общего количества. Их предприятия обособлены от сельского хозяйства, поскольку владельцы их не имеют запашек.

Однако необходимо оговориться, что переоценивать это явление, в свете всего сказанного выше, нельзя. Если по этому показателю оценивать степень развития капитализма, тогда охарактеризованный выше Юлдашев в первую очередь будет причислен к крупным промышленникам, так как все его предприятия «отделены» от сельского хозяйства. Сам он запашек не имел. Между тем и Юлдашев, и вся плеяда зависевших от него богатеев и купцов, как и эксплуататорская верхушка уйгуров и дунган Верненского, Пишпекского и Пржевальского уездов, были не только купцами, но и феодалами. В их руках были перечисленные промышленные и торговые предприятия капиталистического типа, но они в то же время эксплуатировали крестьянство описаннымн выше феодальными методами. Это типично для той стадии развития капитализма, которую В. И. Ленин назвал «октябристским капитализмом».

Знакомясь далее с графами таблицы о бесскотных и безынвентарных хозяйствах, обнаруживаем, что рабочий скот и инвентарь имелся и в первых двух группах, которые совсем или почти совсем не имели запашек. С другой стороны, и в многопосевных группах имелись отдельные хозяйства, не владевшие ни рабочим скотом, ни инвентарем. Этим раскрывается наличие феодальных отношений между беднотой и зажиточной верхушкой. Первые работали со своим скотом и инвентарем на чужих запашках за натуральную оплату, вторые свои обширные запашки выполняли силами бедноты, приходившей к ним со своим скотом и инвентарем. Этому способствовало также то обстоятельство, что для ведения самостоятельного хозяйства нужно было владеть не только землей, но и водой. Феодал, обладатель воды (например, Юлдашев), становился и хозяином земли, хотя земля юридически являлась «наделом» крестьянина. Мы имеем дело с феодальными отношениями. Таким образом, подтверждается все сказанное выше о распространенности издольной обработки земли. Нельзя на основании данных таблицы 133 точно себе представить степень распространенности отношений эксплуатации феодального типа, ибо издольной арендой могли пользоваться и совершенно «отделенные» от орудий производства крестьяне, получая от феодала не только землю, но и скот с инвентарем в виде ростовщической ссуды. Наша таблица обнаруживает только общий фон, ту основу, на базе которой выросли самые разнообразные формы феодальной кабалы.

Проследим теперь степень распространенности капиталистического найма рабочей силы (см. табл. 134).

Как и следовало ожидать, вольнонаемным трудом пользуется тем большее количество хозяйств, чем выше социальная группа. Но подлинных капиталистов-кулаков мы находим только в двух высших —VIII и IX группах, имеющих от 1 до 2 и более батраков на хозяйство и, кроме того, сравнительно широко пользующихся поденным и сдельным наймом. Остальные группы нанимают очень мало. Надо полагать, что наемный труд в этих группах применялся по преимуществу хозяйствами, имеющими «промышленные заведения» распределившиеся, как видели из таблицы 133, по всем социальным группам.

Из таблицы 134 также видно, что кроме капиталистического найма в поселениях имели место феодальные методы эксплуатации. Не все хозяйства из высших социальных групп пользовались наемным трудом, 55 процентов хозяйств VIII группы и 30 процентов IX группы к вольному найму не прибегали. Это явно происходит за счет применения этими хозяйствами кабального труда.

В этой связи показательно, что в Кетменской волости (о которой

Таблица 134

Наем рабочей силы в уйгурско-дунганских селениях Джаркентского и Верненского уездов

Группы хозяйств по размерам посева	Число хозяйств, нанимающих рабочих		Нанято годовых, сроковых и поденных рабочих в переводе на человеко-год		Сдельный наем, дес.	
	всего	% к общему кол-ву хоз-в в группе	всего	на 1 нанимающее хоз-во	всего	на 1 нанимающее хоз-во
I. Без посева	128	5,3	132,5	1,03	39,59	0,3
II. С посевом до 0,5 дес.	37	10,7	8,4	0,23	13,55	0,4
III. С посевом до 1 дес.	83	11,1	19,7	0,24	41,73	0,5
IV. С посевом до 2,0 дес.	261	14,2	104,2	0,40	213,38	0,8
V. С посевом до 3,0 дес.	301	19,6	164,7	0,55	254,06	0,8
VI. С посевом до 5,0 дес.	420	24,1	287,4	0,68	525,20	1,3
VII. С посевом до 7,0 дес.	255	36,0	197,1	0,77	319,98	1,3
VIII. С посевом до 10 дес.	265	44,8	225,0	0,85	550,50	2,1
IX. С посевом свыше 10,0 дес.	283	69,5	459,2	1,62	1273,77	4.5
Итого	2033	19,6	1598,2	0,79	3231,26	1,6

мы уже знаем, что она не пережила ломки своего хозяйства в процессе перехода в подданство России и в которой процесс обнищания крестьянства был выражен значительно слабее, даже налоги распределялись не по наделам, а по фактически пользующимся землею «душам»), наблюдалось более широкое распространение вольного найма, чем в остальных волостях (см. табл. 135).

Здесь и средний процент хозяйств, пользующихся наемным трудом, выше (21,5 против 19,6 по двум уездам) и, главное,— распространенность найма свидетельствует о значительно большем проникновении капитализма. В высших группах —VIII и IX— все хозяйства пользуются наемным трудом, причем в VIII группе на хозяйство приходится 8,52 человеко-года нанятых рабочих. Это подлинные капиталисты-предприниматели. IX группа, отмеченная нами выше как группа феодального типа, применяет вольнонаемный труд и здесь значительно меньше, чем группа VIII.

Из этого вытекает единственный вывод: обнищание уйгурско-дунганского крестьянства, усиленное переселением, на царившей в то время в области феодальной основе, вело не столько к ускорению развития капитализма в сельском хозяйстве, сколько к еще более широкому распространению всяческой кабалы, феодальных методов эксплуатации, к закреплению и развитию докапиталистических зависимых отношений обездоленного крестьянства от купцов-феодалов. Русское крепостническое государство — верховный получатель феодальной ренты, действуя в своих интересах, здесь сыграло исключительно реакционную роль. При-

крепление уйгурского, дунганского крестьянства к «наделам», административные меры против бегства разорившихся крестьян из своих волостей явились могучей государственной поддержкой развивающимся крепостническим отношениям.

Таблица 135

Капиталистический наем в Кетменской уйгурской волости[54]

Группы хозяйств по размерам посева	Число хозяйств, нанимающих рабочих		Нанято годовых, срочных и поденных рабочих в переводе на человеко-год		Сдельный наем, дес.	
	всего	% к общему кол-ву хозяйств в группе	всего	на 1 нанимающее хоз-во	всего	на 1 нанимающее хоз-во
I. Без посева	10	10,1	11,53	1,15	—	—
II. С посевом до 0,5 дес.	6	16,5	2,05	0,34	0,25	0,04
III. С посевом до 1,0 дес.	6	5,2	3,04	0,51	1,00	0,17
IV. С посевом до 2,0 дес.	54	11,8	41,33	0,77	7,75	0,14
V. С посевом до 3,0 дес.	95	30,2	75,46	0,79	4,18	0,04
VI. С посевом до 5,0 дес.	64	47,7	64,65	1,01	4,75	0,07
VII. С посевом до 7,0 дес.	11	57,8	19,20	1,75	—	—
VIII. С посевом до 10,0 дес.	2	100,0	17,03	8,52	—	—
IV. С посевом свыше 10,0 дес.	3	100,0	9,0	3,00	13,0	4,33
Итого	251	21,5	234,56	0,93	30,93	0,12

Сравним степень распространенности вольного найма в русских поселках Семиреченской области и в уйгурско-дунганских поселениях (см. табл. 136).

По степени развития капиталистического найма трудно судить, где капитализм глубже проник в сельское хозяйство — в русских ли поселках, или в уйгурских и дунганских поселениях: повременный наем шире развит у уйгуров и дунган, сдельный наем — у русских. Можно, примерно, сказать, что ростки промышленно-капиталистических отношений и там и здесь развиты в одинаковой степени. Но зато совершенно очевидно, что феодальная кабала в уйгурских и дунганских поселениях занимала более широкое место, чем среди русских крестьян-переселенцев.

При огромном количестве бедноты среди уйгуров и дунган, спрос на рабочие руки в их поселениях был крайне низок, более 30 процентов эксплуататорских хозяйств пользовались только кабальным трудом При всей распространенности полуфеодальных «прижимок» со стороны русского кулака, такой тип кулаков-феодалов, какой наблюдается в уйгурских и дунганских поселениях, в русских поселках найти очень трудно. Это еще раз доказывает, что интенсивное обнищание крестьянства, в условиях колониального господства в крае российских помещи-

[54] Там же, стр. 577, 578.

Таблица 136

Сравнительные данные о распространенности капиталистического найма в русских поселках Семиреченской области и в уйгурско-дунганских поселениях (1910—1911 гг.)[55]

Группы хозяйств по размерам посева	% нанимающих хозяйств		Нанято годовых, сроковых и поденных рабочих в переводе на человеко-год на 1 нанимающее хозяйство		Сдельный наем на 1 нанимающее хозяйство, дес.	
	в русских поселках	в уйгурско-дунганских поселениях	в русских поселках	в уйгурско-дунганских поселениях	в русских поселках	в уйгурско-дунганских поселениях
I. Без посева и с посевом до 3 дес.	20,7	11,0	0.34	0,57	2,0	0,7
II. С посевом от 3 до 10 дес.	65,5	14,4	0,27	1,61	5,3	3,2
III. С посевом свыше 10 дес.	87,8	69,5	0,72	1,62	14,8	4,5
Итого	54,2	19,6	0,50	0,79	9,4	1,6

ков и империалистической буржуазии, являлось предпосылкой не столько развития капитализма, сколько феодальных отношений эксплуатации.

Пользуясь тем, что в уйгурских и дунганских поселениях почти не появлялась беднота из казахских и киргизских аулов, тем более из русских поселений, с предложением рабочих рук, сделаем попытку подсчитать, какая часть уйгурского и дунганского крестьянства подвергалась феодальной эксплуатации (см. табл. 137).

Таблица 137

Промыслы в уйгурско-дунганском хозяйстве Верненского и Джаркентского уездов[56]

Группы хозяйств по размерам посева	Душ обоего пола	Сельскохозяйственных рабочих	Промышленных рабочих	Кустарей и ремесленников	Служащих и лиц свободных профессий	Предпринимателей и торговцев
1	2	3	4	5	6	7
I. Без посева	9263	1383	60	692	137	585
II. С посевом до 0,5 дес.	1331	170	4	66	13	57
III. С посевом до 1,0 дес.	3096	297	7	129	16	69
IV. С посевом до 2,0 дес.	8473	421	7	261	53	174
V. С посевом до 3,0 дес.	7997	218	11	239	36	164
VI. С посевом до 5,0 дес.	8388	205	9	322	44	169

[55] По цитированному обследованию П. П. Румянцева.
[56] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. V, ч. II, стр. 949, 950.

Продолжение таблицы 137

1	2	3	4	5	6	7
VII. С посевом до 7,0 дес.	4286	50	6	162	29	86
VIII. С посевом до 10,0 дес.	3691	20	2	110	37	60
IX. С посевом свыше 10,0 дес.	3212	8	1	86	36	79
Итого	50937	2769	107	2067	401	1443

В селениях Джаркентского и Верненского уездов в социальных группах без посева и с посевом до 3 десятин (I—V), т. е. в хозяйствах, не имевших возможности жить без посторонних заработков, насчитывалось душ обоего пола 30 160, из них — предпринимателей и торговцев 1049 человек, служащих и лиц свободных профессий 255 человек, кустарей и ремесленников 1387 человек, сельскохозяйственных и промышленных рабочих—2575 человек. По нашему подсчету, в обследованных волостях в семье на одного работника, занятого «промыслами», приходилось 2,1, округленно — два человека неработающих, или занятых только сельскохозяйственными работами[57]. Используя этот коэффициент, получаем, что из числа указанных 30 160 душ обоего пола имели средства существования от нетрудовых доходов в промышленности и торговле 10,4 процента, подсобные доходы или все средства существования от службы и свободных профессий —2,5 процента, от занятия ремеслом —13,8 процента и от заработков по найму в сельском хозяйстве и промышленности —25,5 процента. Все это вместе составит только 52,3 процента населения названных социальных групп. Выходит, что 47,7 процента работников не находили места для приложения своего труда в «капиталистическом секторе» производства. Ясно, что их уделом являлся кабальный полуфеодальный и феодальный труд, поскольку собственное сельское хозяйство не обеспечивало их существование. Эти 47,7 процента по отношению ко всему наличному населению составляли 28,3 процента.

Продолжая эти расчеты, определяем, что в VI и VII группах, с посевом от 3 до 10 десятин на хозяйство, насчитывавших 13 674 души обоего пола, получали нетрудовой доход от промышленных и торговых предприятий 4,8 процента населения, от службы и свободных профессий — 1,6 процента, от занятий ремеслом —10,6 процента, заработок по вольному найму в сельском хозяйстве и промышленности —6,04, всего 23 процента, остальные 77 процентов населения этих групп жили только доходами от своего мелкого сельскохозяйственного производства. Эти 77 процентов к общему количеству населения составляли только 20,5 процента, т. е. меньше, чем группы явно зависимых. Никто не может утверждать, что их совершенно не коснулась феодальная кабала. В Джаркентском уезде и эта группа отдавала свои наделы Юлдашеву за подати

[57] Подсчет следующий: промыслами среди уйгуров и дунган занимались, кроме мужчин, также женщины, старики и подростки, которые по отношению к «промышленникам» мужчинам составляли 12 процентов. Умножив все количество взрослых мужчин (14 593) на 1,12, получаем общее количество «самодеятельного» населения обследованных волостей, могущего в данных условиях заниматься промыслами. Это дало цифру 16 344. Разделив общее количество обследованного населения (50 739) на названное число самодеятельного, получаем 3,1. Это означает, что на каждого человека, занятого (или могущего заняться) промыслом, в семье приходилось 2,1 человека или, за округлением,—2 человека неработающих или занятых только сельскохозяйственными работами.

и арендовала их потом у Юлдашева издольно. Но зависимость этих групп была слабее.

Последние две группы (VIII и IX), как помним из предыдущего изложения, довольно широко применяли вольнонаемный труд. Подсчет по тому же методу дает для них 3,1 процента населения, получающего доходы от промышленных и торговых предприятий, 1,6 процента от службы и вольных профессий и 5 процентов от ремесленного производства.

Наш подсчет, возможно, недостаточно точен. Мы не можем выразить размеры дохода от разных источников в рублях; наш исходный коэффициент самодеятельного населения может быть уточнен, если его определить для каждой социальной группы отдельно. Тем не менее наши расчеты рельефно обнаруживают ту базу, на который вырастала крепостническая кабала. Ею является то, что по крайней мере 28 процентов населения уйгурских и дунганских поселений, не имея возможности ни уйти со своих наделов, ни жить за счет собственного хозяйства, становились объектом для феодальной эксплуатации и ростовщической кабалы. Причем ясно, что феодальная кабала распространялась не только на эту часть крестьянства, хотя, конечно, по отношению различных групп крестьянства, проявлялась в разной мере.

Пусть при более точных расчетах наши итоговые показатели несколько изменятся в ту или другую сторону, но существо вопроса останется: обнищание крестьянства при общей недоразвитости товарного капиталистического производства — вот питательная среда развивающихся феодальных отношений в уйгурско-дунганской деревне.

Но уйгурско-дунганская эксплуататорская верхушка уже стала на путь капиталистической перестройки своего хозяйства. Это означало, что при сохранении существовавших порядков капитализм в уйгурско-дунганском сельском хозяйстве мог развиваться только по мучительному для крестьянства прусскому пути, предполагающему медленную перестройку феодальных отношений в отношения капиталистические.

Борьба крестьянства против феодальной эксплуатации была направлена и против феодалов, и против закреплявшего и поддерживавшего феодальные отношения русского военно-феодального империализма. Антифеодальная борьба уйгурско-дунганского крестьянства была борьбой национально-освободительной. Объективно, по своей экономической значимости, это была борьба за революционное разрешение аграрного вопроса, за демократический (американский) путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Так было в России, так в своей основе свершалось и на далекой «окраине»— в Семиречье. Все категории крестьянства Казахстана, как и всей России, имели основной своей революционной задачей — расчистить сельское хозяйство от феодализма и торгово-ростовщической эксплуатации. На этом пути стояло и уйгурско-дунганское крестьянство.

5. Кризис уйгурского и дунганского сельского хозяйства

При описанных условиях, сложившихся в уйгурских и дунганских поселениях, нет основания ожидать, что сельское хозяйство в них развивалось и процветало. Покажем это на следующей выборке официальных сведений из «Обзоров области» по развитию земледелия. До 1900 года посевы учитывались в четвертях, с 1901 года — в десятинах, в соответствии с этим данные нами разбиты на две группы (см. табл. 138 и 139).

Обе таблицы свидетельствуют о глубоком кризисе земледельческого хозяйства уйгуров и дунган. По ним обнаруживается только два неболь-

ших периода, когда обозначился некоторый подъем земледелия — последние годы XIX века и 1910—1913 годы. Эти полосы подъема имеют свое объяснение. Если размеры посевов казахско-киргизского крестьянства области за 1893 год принять за 100 процентов, то посевы за 1896 год будут равны 92,8, за 1899—59,7, за 1900 год —65,9 процента. Мы видим катастрофическое сокращение посевных площадей у казахов и киргизов.

Таблица 138

Развитие уйгурско-дунганского земледелия в конце XIX века[58]

Годы	Посеяно четвертей		Душ уйгурско-дунганского населения	Посев на душу, четвертей
	всего	% к 1884 году		
1884	23183	100,0	54509	0,43
1894	23097	99,6	63730	0,35
1900	33952	142,1	74900	0,45

Таблица 139

Развитие уйгурско-дунганского земледелия в начале XX века[59]

Годы	Посеяно дес.		Душ уйгурско-дунганского населения	Посев на душу, дес.
	всего	% к 1901 г.		
1901	42230	100,0	78202	0,54
1904	35059	83,0	79196	0,44
1907	44165	104,5	95513	0,41
1910	37397	88,5	105085	0,36
1913	62738	148,5	106033	0,59

То же повторяется и в 1910—1913 годах. Приняв 1910 год за 100, получим в 1912 году 89,2; в 1914—84,1. Подъем земледелия в уйгурских и дунганских поселениях совпадает с упадком земледелия казахско-киргизского крестьянства, вызванным изъятием земель для русских крестьянских поселений. Количество поступавшего на рынки хлеба сокращалось, одновременно увеличивалось население области за счет прилива русских крестьян-новоселов. В связи с этим подымались цены на хлеб. Для многих уйгуров и дунган, не находивших работы за пределами своих селений, стало выгоднее возвратиться на свои наделы, так как теперь цены на хлеб начали оправдывать подати. Запашки в уйгурских и дунганских поселениях расширялись. Но это не означало выхода из кризиса. Это не было даже началом выхода. Это нужно расценивать как временное изменение конъюнктуры в пределах одного участка земледелия на общем фоне кризисного состояния сельского хозяйства Семиречья.

В соответствии с царившими в уйгурско-дунганской деревне феодальными формами эксплуатации консервировалась отсталая переложная система земледелия. Воспользуемся подсчетом В. Васильева — П. Румянцева, 1910—1911 годы. В нем охвачены, кроме уйгурских и дунганских поселений Верненского и Джаркентского уездов, также дунганские поселения Пишпекского и Пржевальского уездов.

[58] «Обзоры Семиреченской области» за соответствующие годы. В полных границах области.

[59] «Обзоры Семиреченской области» за соответствующие годы.

Таблица 140

Использование земельных площадей в уйгурских и дунганских поселениях[60]

Народности	Площадь посева		Площадь под перелогом		Площадь под залежью	
	в дес.	в %	в дес.	в %	в дес.	в %
Уйгуры	31576	32,6	21860	22,6	43249	44,8
Дунгане	15413	49,6	5054	16,3	10529	34,1

У дунган, где развитие капитализма было сильнее и где также имели место посевы таких высокотоварных культур, как лекарственный мак и рис, земельные площади использовались более интенсивно. Они имели под посевами около $^1/_2$ землепользования. В некоторых случаях в их хозяйстве применялось удобрение. У уйгуров же пашня не достигала $^1/_3$ площади землепользования. Совершенно очевидно, что для выхода из кризиса земледельческого хозяйства была необходима расчистка его от феодальных отношений эксплуатации.

Отсталой была и техника обработки земли. В обследовании П. П. Румянцева по Джаркентскому и Верненскому уездам не зарегистрировано усовершенствованных сельскохозяйственных машин. Сох насчитывалось 485, плугов —199, т. е. в 2,5 раза меньше, чем сох. Борон было 487, из них железных —210, или 26,3 процента от общего количества. Вот все «современные» орудия обработки земли, какими пользовалось уйгурско-дунганское крестьянство. На такой технической основе эксплуататорам было выгоднее использовать кабальный труд закрепощенного крестьянина, чем труд вольнонаемного батрака. Отсутствие сложных сельскохозяйственных машин имело те же причины, о которых говорилось в главе о русских поселках. Только здесь, в уйгурских и дунганских поселениях, границы использования сельхозмашин были еще уже вследствие особой дешевизны рабочей силы.

Несколько иначе обстояло дело с животноводством (см. табл. 141).

Таблица 141

Развитие животноводства уйгуров и дунган[61]

Годы	Скота, голов	% к 1895 г.	Население, душ обоего пола	Скота на душу населения, голов
1895	61190	100 0	71091	0,86
1900	9' 627	157,9	74920	1,29
1903	130420	213.2	79196	1,65
1906	176166	287,9	91 81	1,' 2
1909	190405	311,1	105085	1 81
1912	236531	386,5	106033	2;23

Поголовье скота непрерывно растет как в абсолютных величинах, так и на душу населения. Все сказанное выше о ходе классового расслоения в уйгурских и дунганских поселениях убеждает, что этот подъем

---

[60] В. А. Васильев. Семиреченская область и роль в ней Чуйской долины, стр. 109.

[61] Составлена по данным «Обзоров области» за соответствующие годы.

животноводства происходил за счет роста поголовья у зажиточной и эксплуататорской верхушки. При каких обстоятельствах это совершалось?

По свидетельству П. П. Румянцева, уйгуры и дунгане (разумеется их зажиточная часть, имевшая много скота) отдавали свой скот на выпас за незначительную плату. В селении Малыбай (Верненский уезд) «лошади на летний период —«джайляу»,— а иногда и на зимнее время отдаются на выпас киргизам (казахам.— *П. Г.*) за плату —1—1,5 пуда пшеницы с головы за сезон. Овцы на руках у хозяина лишь в период стрижки, остальное время у киргизов, которые за это пользуются «джебагой» (грубой весенней шерстью), молоком и, кроме того, со стада 30 голов и выше, получают еще 10 пудов пшеницы»[62]. В селении Карасу Карамской волости Верненского уезда «богатые отдают скот на лето, а иногда и на круглый год на выпас киргизам. С головы крупного рогатого скота за 8 летних месяцев платят по 40 копеек, за 4 зимних месяца —30 копеек. Овец и коз отдают за молоко и весеннюю шерсть (джебагу)»[63]. Так уйгурско-дунганские богачи-скотоводы находили возможность для развития животноводства. Характерно, что и здесь, в виду недоразвитости товарных отношений, практиковалась плата пастухам натурой.

Подати брались за землю, а не за скот. Рента за пастбища, как показано выше, фактически не существовала. В то же время рынок предъявлял более высокий спрос на продукты животноводства, чем на продукты земледелия: скот угонялся и за пределы области. Все это и вызвало рост поголовья скота. Как русское, так и уйгурско-дунганское крестьянство шло по пути превращения своего земледельческого хозяйства в земледельческо-скотоводческое.

---

[62] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. V, ч. I, стр. 176.
[63] Там же, стр. 308.

XII. КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ УЗБЕКСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ЧИМКЕНТСКОГО УЕЗДА

Для анализа классового расслоения узбекских кишлаков в нашем распоряжении имеется далеко не достаточно материалов.

В 1906 году статистической партией П. Скрыплева обследованы четыре узбекских кишлака Чимкентского уезда — Сайрам, Кара-Булак, Кара-Мурт, Султан-Рабат. Это обследование дает значительный материал для характеристики узбекского оседлого хозяйства, но по своей однократности оно не позволяет показать динамики развития поселений. В результате работы над архивными данными удалось произвести подсчет результатов опытной военно-конской переписи 1901 года по кишлакам Кара-Булак, Манкент и Сайрам. Но данные этого подсчета не сравнимы с данными обследования П. Скрыплева, так как у Скрыплева нет показателей расслоения крестьянства по количеству лошадей. За другие годы никаких сведений о благосостоянии жителей узбекских кишлаков разыскать не удалось. Таким образом, мы лишены возможности показать динамику развития кишлаков. Воспользуемся названными данными для показа отличительных черт классового расслоения узбекского крестьянства.

1. Классовое расслоение в узбекских кишлаках

Напомним, что узбекские кишлаки также развивались в обстановке непрерывного прилива в их состав узбеков из других районов Средней Азии. Вот справка по обследованию П. Скрыплева.

П. Скрыплев сравнивает свои данные 1906 года с данными Южакова по этим же поселкам за 1865 и 1897 годы. Обнаруживается, что в обследованных поселках с 1897 по 1906 год население возросло на 11,1 процента, за время с 1865 года число хозяйств увеличилось на 74,7 процента и число «наделов»— на 95,0 процента. Скрыплев делает вывод, что этот рост объясняется «продолжающейся колонизацией степи сартами (узбеками.— *П. Г.*)»[1]. Конечно, прилив узбеков в кишлаки Юга Казахстана и Туркестана был не таким интенсивным, как прилив крестьян-самовольцев из России в русские поселки, но, несомненно, он имел место, и количество

[1] «Материалы по изучению хозяйства оседлого туземного населения в Туркестанском крае. Сартовское хозяйство в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области». Ташкент, 1912, стр. 57.

бедноты в кишлаках возрастало не только за счет обнищания старожилов, но и за счет прилива бедняков-новоселов.

Наш подсчет лошадей по трем кишлакам за 1901 год свидетельствует, что нищета в кишлаках достигла очень больших размеров (см. табл. 142).

Таблица 142

1901 год. Расслоение в узбекских кишлаках (Кара-Булак, Манкент и Сайрам Чимкентского уезда, по данным опытной военно-конской переписи[2]

Группы хозяйств по количеству лошадей	Количество хоз-в	% к итогу		Количество лошадей	
				всего	% к итогу
I. Без лошадей	68	5,7	79,5	—	— 49 9
II. С 1 лошадью	874	73,8		874	49,9
III. „ 2—3 лошадьми	185	15,7	17,9	435	24,9 31,0
IV. „ 4—5 „	25	2,2		107	6,1
V. „ 6—8 „	15	1,2	1,2	105	6,0 6,0
VI „ 9—13 „	12	1,0	1,4	139	7,9 13,1
VII. „ 14 и более „	5	0,4		91	5,2
Итого	1184	100,0		1751	100,0

Если даже принять во внимание, что в кишлаках (как говорят данные Скрыплева) среди хозяйств, отнесенных к числу бедняцких, до 20 процентов имели промышленные и торговые заведения и занимались службой, т. е. не принадлежали к бедноте, то и тогда процент бедняцких хозяйств чрезвычайно высок — около 64.

Выше сообщено, что, по данным той же переписи, в двух казахских волостях Чимкентского уезда — Бугунской и Майликентской (см. табл. 37) безлошадных хозяйств и хозяйств с одной лошадью насчитывалось 67,7 процента. Но это были скотоводческие хозяйства, где лошадь как тягловая сила не играла такой большой роли, как у земледельцев узбеков. Безлошадный хлебопашец — это еще более обездоленный хозяин, чем безлошадный скотовод. Это говорит о том, что нищета в узбекских кишлаках к началу XX века была распространена во всяком случае не меньше, чем в казахских аулах.

На противоположном полюсе хозяйств, имевших 9 и более лошадей, среди казахов насчитывалось 19,7 процента, среди узбеков — только 1,4 процента. Но размеры производства у казахского байства определялись прежде всего наличием скота, а в байском хозяйстве в узбекских кишлаках они определялись не столько наличием лошадей, сколько продукцией земледельческого хозяйства. Не приходится сравнивать тех и других только по количеству лошадей.

Сравнивая, с другой стороны, данные таблицы 141 с данными военно-конской переписи того же года по русским поселениям Аулие-Атинского уезда (табл. 103), получаем совершенно иные результаты: безлошадных и однолошадных бедняков среди русских поселенцев значительно меньше, чем среди узбеков (25,4 процента, против 64,0), зато многолошадных—значительно больше (4,5 проц., против 1,4). Отсюда следует, что по степени обнищания сидящих на земле (не ушедших в города) земледельцев узбекские кишлаки значительно превосходили русские поселения, а по количеству бедноты в кишлаках они приближались к казахским аулам.

[2] ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 8, д. 39, Подсчет наш.

Расслоение узбекских хозяйств (данные по четырем кишлакам) к 1906 году можно видеть по таблице 143.

Таблица 143

1906 год. Расслоение в четырех узбекских кишлаках Чимкентского уезда по размерам посева, в сравнении с русскими поселками[3]

Группы хозяйств по размерам посева	Число хозяйств		Единиц скота на 1 хоз-во	% хоз-в с промыслами	% промышленников, занятых торговлей, ремеслами и службой	18 русских поселков Чимкентского уезда	
	всего	% к итогу				всего хоз-в	% к итогу
I. Без посева	1257	38,5	1,7	96,7	33,4	56	4,7
II. Засевающие до 4 дес.	365	11,2	3,0	77,00	40,3	152	12,8
III. Засевающие от 4 до 16	1170	35,8	6,7	16,6	73,3	674	56,7
IV. Засевающие свыше 16	472	14,5	11,5	20,4	71,3	307	25,8
Итого	3264	100,0	5,0	51,5	39,8	1189	100,0

Если исключить из числа беспосевных и сеющих до 4 десятин хозяйства, имеющие промышленные и торговые заведения и занимающиеся службой, то и тогда удельный вес бедноты в узбекских кишлаках будет значительно выше, чем в русских старожильческих поселках. С другой стороны, многопосевных хозяйств в русских поселках больше, чем в узбекских. Иначе говоря, классовая дифференциация в узбекских поселках была значительно глубже, чем в русских. Обнищавших крестьянских семей, предлагавших рабочие руки, среди узбекского крестьянства было примерно в 1,5—2 раза больше, чем среди русских поселенцев. Как на этой почве складывались отношения эксплуатации?

2. Отношения эксплуатации в узбекских кишлаках

В таблице 144 приведены данные о найме рабочей силы в этих кишлаках

Отличительной особенностью найма, показанного в таблице 144, является довольно широкое применение наемного труда для промышленных целей. Это и понятно: два из обследованных кишлаков — Сайрам и Кара-Булак — считались торговыми поселениями, т. е. поселениями полугородского типа. Именно поэтому таблицей отмечается большое количество нанятых рабочих в группе беспосевных. Но в группе IV, многопосевной, как можно убедиться из таблицы 143, было только около 16 процентов хозяйств, которые могли нанимать рабочих не для сельскохозяйственных работ. Наем в этой группе — почти целиком сельскохозяйственный.

Обращаясь к русским поселкам Чимкентского уезда, устанавливаем, что и там из числа хозяйств, имевших по 16 и более десятин посева, пользовались наймом для промышленных целей только семь хозяйств (из 307). И в данном случае наем был почти полностью сельскохозяйствен-

[3] «Материалы по изучению...» и использованные выше данные обследования 18 поселков.

Таблица 144

1906 год. Наем рабочей силы в четырех узбекских кишлаках Чимкентского уезда[4]

Группы хозяйств по размерам посева	Число хозяйств, нанимающих рабочих	% нанимающих хозяйств к наличным	Нанято рабочих на 1 нанимающее хозяйство в переводе на годовых	Сдельно, на 1 наним. хоз-во, руб.
I. Без посева	26	2,1	1,06	—
II. С посевом до 4 дес.	27	7,4	0,48	3,74
III. „ от 4 до 16 „	695	59,4	0,60	3,04
IV. „ свыше 16 „	440	93,2	0,70	7,23
Итого	1188	36,4	0,53	4,54

ный. Сравнивая же наем этих групп по обеим категориям крестьянства, обнаруживаем, что в узбекских кишлаках, *при бо́льшем предложении рабочих рук со стороны бедноты, капиталистический наем был развит значительно слабее,* чем в русских поселках, где бедноты было значительно меньше: в узбекских кишлаках наем составлял 0,7 человеко-года и на 7,23 руб. сдельно на 1 нанимающее хозяйство IV группы, в русских поселках — 1,12 человеко-года и на 114,7 руб. сдельно[5].

То, что наблюдалось в Семиречье на сравнении распространенности капиталистического найма в уйгурско-дунганских поселках и среди русских крестьян, в еще более выпуклом виде повторяется в Сыр-Дарьинской области. И там и здесь более высокое предложение рабочих рук в местных оседлых поселках не сопровождается более

Таблица 145

Характер аренды земель в четырех узбекских кишлаках Чимкентского уезда[6]

Группы хозяйств по размерам посева	Арендовано культурной земли на 1 земледельческое хоз-во		В том числе в узбекских кишлаках арендовали пашню (в %) за				
	у русских	у узбеков	деньги	натуру	подати	долю урожая	смешанно
I. Без посева	2,9	—	—	—	—	—	—
II. С посевом до 4 дес.	2,4	3,7	42,1	17,0	—	40,9	—
III. „ от 4 до 8 „	3,5	4,3	7,9	—	—	91,5	0,6
IV. „ от 8 до 12 „	6,3	4,4	11,1	—	0,6	71,5	16,8
V. „ от 12 до 16 „	8,5	3,1	14,6	—	—	85,4	—
VI. „ от 16 до 20 „	9,6	7,5	33,9	40,2	—	25,9	—
VII. „ от 20 до 30 „	14,3	11,4	26,7	3,8	—	58,1	11,4
VIII. „ свыше 30 „	23,8	25,5	25,9	63,4	2,1	8,6	—
Итого			22,1	27,2	0,8	45,4	4,5

[4] «Материалы по изучению...» Таблицы.

[5] По русским поселкам — наш подсчет по использованным выше данным обследования 18 поселков Чимкентского уезда.

[6] «Материалы по изучению...», стр. 88, 91.

высоким спросом на них. Это означает, что в узбекских кишлаках, как и в уйгурско-дунганских поселениях капиталистический наем как бы «вытеснялся» широко развитыми полуфеодальными методами эксплуатации и ростовщической кабалой, выраставшими на базе интенсивной пауперизации крестьянства.

По узбекским кишлакам это легко показать на характере аренды земли (см. табл. 145).

Если в русских поселках издольная аренда пашни составляла только 8,3 процента от общего количества арендованной земли (табл. 110), то в узбекских кишлаках она составляет 45,4 процента. Для групп с посевом до 16 десятин это, безусловно, была кабальная аренда полуфеодального типа, на кабальных условиях трудовым крестьянством взята подавляющая часть арендованных им земель.

Необходимо также сообщить, что в узбекских кишлаках широко практиковалась оплата рабочей силы натурой, что тоже являлось разновидностью издольщины. «Работник нанимается, обыкновенно, на весь летний период, начиная со взмета полей и кончая уборкой урожая. Плата производится натурой, а именно: работнику дается четвертая часть сбора пшеницы, риса, хлопка, дынь, арбузов и третья часть урожая проса, кунака, льна, кукурузы. Кроме того, за лето полагается один чапан и пара сапог»[7]. Это, по существу, туркестанское чайрикерство, при котором в долю урожая, получаемого землевладельцем, входит и рента на землю, и ростовщический процент на скот и орудия производства, предоставленные в распоряжение работника Работнику остается самое мизерное вознаграждение за его изнурительный труд. Но именно такая форма эксплуатации в описанной обстановке была наиболее выгодной для бая, так как при ней невыгодность рыночных цен перекладывалась на плечи работника, бай же всегда был с прибылью.

Обратим внимание на следующий расчет рентабельности отдельных сельскохозяйственных культур в изучаемых узбекских хозяйствах. Расчет произведен агрономом В. Юферовым в предположении, что хозяйство ведется капиталистически, т. е. целиком построено на найме рабочей силы (см. табл. 146).

Таблица 146

Расчет рентабельности капиталистического земледелия в узбекских кишлаках Чимкентского уезда, с десятины[8]

Культуры	Валовой доход за вычетом семян	Расход	Разность: прибыль (+), убыток (−)
Озимая пшеница	23.8	32,8	— 9,0
Просо	17,1	38,2	—21,1
Кунак	9,9	40,6	—30,7
Кукуруза	13,3	40,6	—27,3
Лен	6,9	29,4	—22,5
Хлопок	60,0	54,3	+ 5,7
Рис	93,2	37,4	+55,8

«Процент на капитал» (так формулирует автор расчета) засчитан автором в расход. Прибыли и убытки, таким образом, исчислены как

[7] Там же, стр. 96—101.

[8] «Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области. Данные бюджетного обследования», т. I. Ташкент, 1910, стр. 114.

минус или плюс после того, когда некая средняя капиталистическая прибыль уже начислена. Это, однако, положения не меняет. Таблица 146 показывает, что верную прибыль байские капиталистические хозяйства могли получать только от хлопка и риса. Что же касается хлебных культур, то они приносили убыток. Так отражалась на хозяйстве узбеков Чимкентского уезда конкуренция привозимого из России хлеба.

Это основная причина того, что в земледельческом хозяйстве узбеков капиталистический вольный наем рабочей силы вытеснялся издольной обработкой земли. При таком состоянии хлебного рынка только издольная аренда могла обеспечить землевладельцу верную прибыль. Но она же несла исключительно тяжелые условия труда для издольщика, который еле зарабатывал себе на пропитание.

Развитию издольной кабалы способствовало интенсивное обнищание крестьянства. Когда промышленность в городах не развивалась, спрос на рабочие руки был крайне ограничен, обездоленной бедноте не было другого выхода, как идти в кабалу к баю. Беднота из русских поселков находила бóльшие возможности уйти в города, кроме того, она могла уйти обратно в Россию, для бедноты узбекских кишлаков даже уход в город затруднен. Этим объясняется и особенно большое скопление узбекской бедноты в кишлаках, и усиленный (по сравнению с русскими поселками) рост кабальной эксплуатации пауперизированного крестьянства.

Рассмотренные показатели издольной аренды и найма рабочей силы — только одна из форм такой кабалы, связанной с ростовщичеством. За нею скрываются также многие другие формы ростовщичества как деньгами, так и натурой.

Именно колониальное состояние края являлось той питательной средой, в которой вырастала такая кабала. И на примере узбекских кишлаков обнаруживается, каким огромным тормозом являлось господство в крае царизма и капиталистического империализма на путях развития капитализма в сельском хозяйстве.

3. Тип и технический уровень сельского хозяйства узбеков

Сочетание животноводства и земледелия в узбекских кишлаках иллюстрируется данными таблицы 147.

И в данном случае (табл 147), как и в русских поселках, мы наблюдаем возрастание интенсивности использования пашни *к высшим по размерам посева группам* и возрастание количества скота на единицу посева *к низшим группам*. Совершенно бесспорно, что крайне низкая производительность труда в земледелии, его экономическая невыгодность по сравнению с животноводством побуждали все социальные группы кишлаков, особенно трудовое крестьянство, предпочесть разведение скота расширению запашек. Данные бюджетного обследования это подтверждают (см. табл. 148).

По всем показателям таблица 148 подтверждает сказанное: имея в своем стаде больший процент продуктивного скота, трудовое крестьянство, по сравнению с многопосевными байскими хозяйствами, и с единицы скота и в общем балансе доходов с животноводства получает больше, чем байские хозяйства. И узбекское сельское хозяйство Сыр-Дарьинской области также имело тенденцию к превращению в земледельческо-скотоводческое, причем, борясь за улучшение своего экономического положения, трудовое крестьянство в этом отношении опережало байство. Больше того, узбекское крестьянство опережало по разведению скота и русских поселенцев: по бюджетам хозяйства русских переселенцев с посевом от 8 до 16 десятин имели продуктивного скота в стаде 44,9 процента, узбекские — с посевом от 8 до 12 десятин —53,2 процента и от

Таблица 147

Животноводство и земледелие в узбекских кишлаках Чимкентского уезда[9]

Группы хозяйств по размерам посева	Посева на 1 сеющее хоз-во, дес.	% пашни под паром и залежью	Единиц скота	
			на 1 двор	на 100 дес. посева
I. Без посевов	—	100,0	1,7	--
II. Засевающие до 4 дес.	1,15	21,4	3,0	262,0
III. Засевающие от 4 до 8 дес.	6,47	21,3	5,8	90,1
IV. Засевающие от 8 до 12 дес.	9,5	18,2	7,1	75,5
V. Засевающие от 12 до 16 дес.	13,9	19,9	7,2	51,7
VI. Засевающие от 16 до 20 дес.	18,3	13,0	7,9	43,4
VII. Засевающие от 20 до 30 дес.	24,2	13,4	10,3	42,5
VIII. Засевающие свыше 30 дес.	44,7	9,6	24,8	55,6
Итого	11,5			

Таблица 148

Соотношение рабочего и продуктивного скота в узбекских хозяйствах, по данным бюджетного обследования[10]

Группы хозяйств по размерам посева	Число обследованных хоз-в	Соотношение скота, %		Соотношение доходов, %				Доход от скота на 1 голову крупного
		рабочего	прочего	земля	скот	промыслы	различные поступления	
I. Сеющие от 8 до 12 дес.	6	46,8	53,2	69,6	18,2	8,2	4,0	9,73
II. Сеющие от 12 до 20 дес.	10	52,2	47,8	77,5	9,9	8,5	4,1	7,06
III. Сеющие свыше 20 дес.	9	56,6	43,4	80,0	6,5	2,0	11,5	4,67
Итого	25	52,1	47,9	76,7	10,4	5,8	7,1	6,92

12 до 20—47,8 процента. Причем это наблюдалось у узбеков в условиях «большой стесненности в выгонах» и необходимости «больший период времени продовольствовать свой скот дома»[11]. Трудности в разведении скота были немалые, но узбекское крестьянство в какой-то степени их преодолевало.

[9] «Материалы по изучению...», стр. 99, 154, 159. Пересчет скота в единицы произведен авторами обследования по нормам: лошадь взрослая —1,0, двухлетка —0,5; жеребенок —0,1; корова и бык —1,0; корова-двухлетка —0,5; теленок —0,1; верблюд —1,0; овцы и козы —0,1; ишак —0,2.

[10] «Хозяйственный быт сартовского и русского населения...», стр. 88, 90, 103.

[11] Там же, стр. 105.

Само собой разумеется, что кабальные отношения в сельском хозяйстве узбекских кишлаков органически сочетались с низкой техникой сельскохозяйственного производства. Усовершенствованных сельскохозяйственных машин обследованием Скрыплева не зарегистрировано. Что касается техники полеводства, то об этом у Скрыплева читаем следующее: «Как и следовало ожидать, пашни сартов никогда не отдыхают, они распахиваются из года в год. А так как при этом никакого удобрения в почву не вносится, то естественно, что почвенный слой является крайне выпаханным». Система севооборота здесь была залежная[12].

Словом, и в узбекских кишлаках наблюдаем, что землевладельцы, эксплуатирующие чужой труд, избегают делать капиталовложения как в сельскохозяйственные машины, так и в мероприятия по повышению урожайности почвы. Статистической партией Скрыплева в обследованных хозяйствах зарегистрировано 407 торговых и промышленных предприятий с общим оборотом 310 970 руб. и прибылью 68 214 руб. Прибыль на оборот в среднем составляла 21,9 процента, причем наивысшую прибыль — 44,8 процента на оборот — получили 17 предприятий, принадлежавших хозяйствам, засевавшим свыше 30 десятин[13]. Считая, что капиталы зарегистрированных предприятий совершали далеко не один оборот в год, можно себе представить, какие высокие прибыли на капитал доставались предпринимателям.

Словом, байские накопления, вложенные в торговлю и в мелкие предприятия, также обслуживавшие торговлю (об этом рассказано выше), приносили такие прибыли, что их нельзя ставить ни в какое сравнение с возможными прибылями на вложения в капиталистическое сельское хозяйство. Подлинно — там, где господствует торговый и ростовщический капитал, высасывающий последние соки из самостоятельного мелкого производителя, там сужаются просторы для превращения накоплений в промышленный капитал. И низкую технику узбекского хозяйства, и преобладание кабальных методов эксплуатации можно понять только с учетом всей совокупности экономической жизни изучаемого края. Экономика узбекских кишлаков Чимкентского уезда — яркий пример вырастания октябристского капитала периода первоначального накопления из местного сельского хозяйства. Местный торгово-ростовщический капитал как бы шел навстречу купеческому капиталу, приливавшему из России, и сливался с ним в единую систему октябристского капитализма.

Все сказанное приводит к выводу, что задача вытеснения октябристского капитала и замены его демократическим капиталом стояла перед узбекским трудовым крестьянством не менее остро, чем, скажем, перед оседлым уйгурским и дунганским и, пожалуй, значительно острее, чем перед русским крестьянством. Свержение колониального господства царизма и капиталистического империализма, создававших в кишлаках условия для развития феодальной и ростовщической кабалы, расчистка узбекского сельского хозяйства от пережитков феодализма — все это являлось основной революционной задачей узбекского трудового крестьянства. На этом пути его коренные классовые интересы совпадали с интересами крестьянства всех национальностей изучаемого края, как и с интересами рабочего класса. В этом заключалась основная предпосылка интернационального объединения крестьянства под руководством рабочего класса, соединения в единый революционный поток революционной национально-освободительной и крестьянской антифеодальной борьбы с борьбой рабочего класса за социализм.

---

[12] «Хозяйственный быт...», стр. 93.

[13] «Материалы по изучению...» Таблицы. Подсчет наш.

XIII. РАЗЛОЖЕНИЕ КАЗАХСКОЙ ОБЩИНЫ. ЗАРОЖДЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АУЛЕ

Капитализм в ауле зародился в условиях развития земледелия и формирования на этой основе индивидуального землепользования[1]. Своеобразие заключалось в том, что в процессе формирования индивидуального землепользования феодального типа в то же время зарождалась капиталистическая собственность на землю.

1. Обособление общинного и возникновение индивидуального землепользования

До присоединения Юга Казахстана к России, как уже неоднократно отмечалось выше, у казахов индивидуальной собственности на землю не существовало. В 1871 году Аристов (будущий заместитель военного губернатора Семиреченской области) писал о Семиречье: «Поземельной ренты не существует... Поземельной собственности обычное киргизское право не знает... Доказательством отсутствия у киргизов поземельной собственности может послужить факт полного отсутствия продажи и аренды земель, составляющих самый характерный признак собственности... В настоящее время (т. е. в 70-х годах.—*П. Г.*) каждый киргиз, желающий заняться земледелием, имеет возможность получить себе землю из общей родовой земли бесплатно»[2].

Аналогичное свидетельство находим у Н. И. Гродекова о Сыр-Дарьинской области: «До русского владычества земля не считалась личной собственностью. Она принадлежала лицу только до тех пор, пока он на ней находился или ее обрабатывал. До сих пор (80-е годы.— *П. Г.*) в северных уездах земля не переходит по наследству»[3].

В некоторых районах верховная власть общины над землей сохранилась до конца изучаемого периода. О Перовском уезде начальник этого уезда в 1910 году писал:

«В пользовании отдельных хозяев находятся лишь их усадьбы и кле-

[1] Поскольку верховным собственником земли в изучаемом районе по закону являлось государство (царизм), то для лиц (не только местных национальностей, но и русских крестьян), пользовавшихся землей, можно говорить только о владении и пользовании, в своем развитии экономически приближавшемся к полной собственности на землю.

[2] ЦГА УзССР, ф. 1, оп. 14, д. 56, лл. 37—38.

[3] Н. И. Гродеков. Цит. работа, стр. 102.

верники. Все остальное — общее пользование. Пашнями и сенокосами пользуются сообща или целый род, или отдельная ветвь его, а пастбищами — все киргизы, живущие вблизи данного угодья..., ... ограничений при пользовании земельными угодьями для отдельных хозяев не существует. Пахотные земли и покосы делятся. Получив свою часть, киргиз может делать с ней все, что вздумается. Ограничений при пастьбе скота не существует: всякий скота может держать сколько может». И далее: «... Когда пашня на каком-нибудь отводном канале устарела и является надобность перенести посевы на какое-нибудь другое место, значит прокопать новый отвод, поступают так: если смена частичная и большую площадь не захватывает, берут новое место самовольно, если же площадь большая, испрашивают согласие аульного общества, которое, таким образом, является верховным распорядителем пустующих земель. *Продажи и покупки земельных угодий не производилось* (курсив наш.— *П. Г.*)...»[4].

Перовский уезд, как показано выше, был по преимуществу скотоводческим уездом, поэтому общинное землепользование там сохраняется до конца изучаемого периода даже на пашни. Но уже и здесь усадьбы и клеверники находились в индивидуальном пользовании.

В других уездах индивидуальное землепользование в связи с более интенсивным развитием земледелия начало складываться значительно раньше. Вот что пишут обследователи Чимкентского уезда (1907—1908 годы): «Земледельческие группы населения стремятся обособиться на участках, где у них имеются пашни и выгона, а кочевники, наоборот, борются за возможно большую общность в пользовании пастбищными угодьями. В зависимости от этого в различных по степени оседлости районах уезда наблюдается не одинаковое отношение населения к земле и различные порядки землепользования. Но и в земледельческой части уезда и в скотоводческой право внутреннего распоряжения землей принадлежит общине... На обособленных участках в большинстве случаев сосредоточены пастбища общины, ее посевы и усадьбы. Для оседлых земледельцев участки эти всегда являются и призимовочной территорией, и летним пастбищем, а для кочевников-земледельцев — чаще всего местом, куда они приходят в летнее время. Помимо пашен и сенокосов, у кочевников очень часто есть на обособленном участке и усадьбы, которыми они пользуются в особенно суровые зимы, оставляя при них свой скот, нуждающийся в стойловом содержании»[5].

Таким образом, мы ясно ощущаем, что в аулах Сыр-Дарьинской области совершался процесс обособления землепользования, вызываемый ростом земледелия и оседания кочевников на землю. Создавался очень сложный и, должно сказать, подвижный в своем развитии переплет земельных отношений — от общего пользования пастбищами к выделению в обособленное пользование зимних и даже летних пастбищ, особенно развитых на них запашек. Явно выделяются усадьбы и приусадебные участки, уже фактически состоящие в индивидуальном пользовании. Но власть общины над землей еще очень велика.

То же положение наблюдается и в Семиреченской области: «Пастбища, нужные для зимы, частью коктэу и кузеу (весенние и осенние пастбища.— *П. Г.*), как наиболее ценные, обыкновенно находятся уже в обособленном пользовании отдельных групп хозяйств, пастбища же, пригодные для выпаса в сравнительно небольшой период времени, например горные джайляу (летние пастбища.— *П. Г.*), песчаные степи, доступные

---

[4] ЦГА КазССР, ф. 232, оп. 1, до 506, лл. 5,7.

[5] «Материалы по киргизскому землепользованию. Сыр-Дарьинская область, Чимкентский уезд», т. II, вып. I, стр. 74—75.

только ранней весной, после таяния снега и осенью в период дождей, но способные прокормить за этот период большое количество скота, находятся в общем пользовании киргиз, нескольких групп, часто целых волостей»[6].

Таким образом, и в Семиреченской области совершался процесс обособления наиболее ценных угодий — зимних пастбищ, частью — весенне-осенних. Но летние и большая часть весенне-осенних пастбищ продолжали оставаться в общественном пользовании широких объединений скотоводов (до целой волости).

В доказательство того, что обособлялись прежде всего зимние пастбища, П. П. Румянцев приводит даже факт их огораживания. В Восточно-Костекской волости из 19 общин огородили пастбища 15 общин, в Западно-Костекской волости —7 общин из 13. В первом случае на единицу скота оказалось огорожено 3,5 десятины, во втором случае —13,5 десятины пастбищ[7].

Однако даже на обособленные пастбища распространялось общинное пользование: «Индивидуальных форм пользования пастбищем киргизы (т. е. казахи.— *П. Г.*) почти не знают, напротив в хозяйстве их наибольшую роль играют, так называемые, площади общего пользования, используемые очень большими группами хозяйств...»[8]

Что касается пашни, то здесь действительно складывалось индивидуальное землепользование, при этом большую роль играл простой захват. Богарные пашни, продолжает П. Румянцев, «как общее правило... находятся в подворном пользовании, образовавшемся из захватов...»

Пашни возникали и на весенне-осенних (коктеу-кузеу) и на летних (джайляу) кочевьях. При этом «хозяин, впервые распахивающий участок, не спрашивает на это ничьего разрешения и согласия. Соседи, в случае успеха таких посевов (речь идет о посевах под дождь — богаре.— *П. Г.*), распахивают участки в свою очередь на тех же основаниях. В результате вся община имеет неполивные пашни, причем каждый пашет на одном месте, бросая его, когда земля начинает плохо родить. ... Там где у киргиз мало плугов, где неполивные земли только-что начинают распахиваться, там, обычно, и залежь остается в пользовании пахавшего, так как поднимать новь и вообще очень трудно, и тесагачем часто невозможно...»[9] Таким образом, раз захватив богару и распахав ее, пахарь уже считал ее своею. Но распахивать землю мог тот, кто имел скот. Так многоскотные (байские) хозяйства становились многопосевными, скотовладелец становился также и землевладельцем.

С возникновением же недостатка в пастбищах байство начало заявлять права и на них.

Экономическая сила байства давала ему возможность прибирать к рукам и поливные земли. «Кто копал арык, тот и имеет право пользоваться им»[10]. Так было в Сыр-Дарьинской области. То же наблюдалось и в Семиречье. Там также пользовался водой и поливной землей тот хозяин, «который сам (или его отец, дед и т. д.) принимает участие в постройке арыка»[11]. А копать арык бай имел возможность и не своими руками... Так арыки, а следовательно, и львиная доля орошенных земель, попадали к байству.

---

[6] «Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области...», т. IV. Верненский уезд. Киргизское хозяйство. СПб., 1913, стр. 79.

[7] Там же, стр. 95.

[8] Там же, стр. 99

[9] Там же, стр. 100.

[10] Цит. записки начальника Перовского уезда. ЦГА КазССР, ф. 232, оп. 1, д. 500, л. 6.

[11] Цит. «Материалы по обследованию...», т. IV, стр. 105.

«По отношению к поливным пашням встречается как подворная, так и передельно-уравнительная форма пользования. Первая основывается или на захвате, когда данное хозяйство самостоятельно использовало какой-нибудь ключик для орошения клочка пашни, или на разделе пригодных для земледелия земель...»[12] Словом, различными путями, но и на орошенные земли все больше и больше распространялось индивидуальное землепользование.

Сложными путями совершался этот процесс, но в нем наблюдается определенная закономерность. Наиболее сжато и верно ее отразил экономист-статистик Л. Чермак, принимавший участие в обследовании ряда уездов Казахстана. «Сущность процесса эволюции киргизского землепользования,— говорит он,— состоит в последовательном обособлении земель (местами пастбищ, местами лишь покосов) в пользование все более мелких групп, до отдельных хозяев включительно и до закрепления за ними этих земель на праве частной собственности во всем ее объеме, т. е. до отчуждения земли включительно»[13].

Именно последовательное обособление землепользования приводило в конечном итоге к возникновению «собственности во всем ее объеме». Причем это совершалось в ожесточенной классовой борьбе за землю. Борясь за развитие земледелия во имя улучшения своего положения, трудовое крестьянство отстаивало свои права на каждый орошенный или распаханный на богаре клочок земли. Это была борьба крестьянства против феодальной эксплуатации на кочевьях и издольщины на пашнях, за экономический прогресс, против всяческой кабалы. В. И. Ленин писал, что такую борьбу крестьянства за утверждение мелкой собственности на землю поддерживают и социал-демократы: «... Противоречивое положение мелкого крестьянства на рубеже крепостнического и капиталистического хозяйства вполне оправдывает эту исключительную и временную поддержку мелкой собственности социал-демократией»[14].

Байство, со своей стороны, вступая в острый конфликт с крестьянством, захватывало в свои руки все новые земельные площади не только для пастбищ, но и для расширения своих запашек, что было им необходимо для перестройки хозяйства в скотоводческо-земледельческое. В условиях кризиса животноводства и всей системы феодальной эксплуатации на базе обладания огромными стадами скота, переход к новым формам феодальной эксплуатации, к эксплуатации крестьянства на пашне, являлся важнейшим жизненным вопросом для байства.

В какой-то степени общий итог обособления землепользования можно оценить по данным таблицы 149.

Сложность, запутанность, а главное «подвижность» земельных отношений в ауле, отсутствие юридической их фиксации даже авторам цитированных оценок не дали возможности выразить результаты их обследования в точных, четко разграниченных показателях. Из таблицы 149, однако, ясно, что обособление землепользования было связано и с развитием земледелия и с оседанием на землю. Большое влияние здесь имели и природные условия и изъятие земель под русские поселения.

Возьмем, например, Казалинский уезд. Там, как сообщено, совершенно не было русских поселков. Но природные условия там обусловили четкое разграничение хозяйства кочевников, пользовавшихся пастбищами на широких общинных началах, и оседлых хлебопашцев (их более половины хозяйств), которые обособили очень незначительный процент земельных площадей.

---

[12] Там же, стр. 100—101.

[13] Л. Чермак. Формы киргизского землепользования. «Сибирские вопросы», 1908, № 39—40, стр. 11—12.

[14] В. И. Ленин. Сочинения, т. 6, стр. 115.

Таблица 149

Землепользование казахов Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей[15]

Уезды	Всего земли, дес.			В процентах		% оседлых хозяйств	Год обследования
	общего пользования	обособленного пользования	в том числе посева	обособленного пользования ко всему землепользованию	посева к обособленному землепользованию		
Семиреченская область							
Верненский	1635804	3073455	94146	65,3	3,1	15,3	1913
Капальский	3025518	3815531	60168	55,8	1,6	28,1	1913
Лепсинский	1389068	5555071	36252	80,0	0,7	28,0	1911
Джаркентский	586336	2163084	10516	78,7	0,5	3,6	1912
Итого	6636726	14607141	201082	68,8	1,4	21,2	
Сыр-Дарьинская область*							
Чимкентский (северо-западная часть)	2458925	1582802	104689	39,2	6,6	51,2	1907—1908
Аулие-Атинский (без района р. Чу)	1494103	1724082	151381	53,6	8,8	49,9	1907—1909
Перовский	1004066	1682035	31217	62,6	2,0	51,9	1910
Казалинский	3173830	305521	23523	8 8	7,7	55,7	1911
Итого	13425364	5294440	310810	39,4	5,9	51,9	

* По Сыр-Дарьинской области площади общего пользования идут под рубрикой «кочевые площади», площади обособленного пользования — под рубрикой «призимовочные площади».

Возьмем Джаркентский уезд. Там оседлыми поселениями являлись казачьи станицы и уйгурские поселения. Кочевья были так расположены, что их эксплуатация была удобнее в условиях обособленного землепользования. В результате мы наблюдаем высокий процент обособления земельных площадей при очень низком проценте оседлых хозяйств. Это значит, что мелкие подразделения родовых общин, обособив свое землепользование от крупных родовых соединений, продолжали тем не менее кочевой образ жизни на своих участках.

Третьим характерным примером является Верненский уезд. Здесь процесс обособления пастбищ сочетался с особенно интенсивным сгоном казахов с их зимовок и пашен. Поэтому при относительно малом проценте оседлых хозяйств (они теряли свои места оседлости и были вынуждены кочевать) мы наблюдаем высокий процент обособленного землепользования. Как и в Джаркентском уезде, здесь тоже мелкие родовые подразделения кочевали на обособленных кочевьях.

Так был сложен и многообразен процесс обособления землепользования и образования индивидуальной собственности на землю.

[15] По цит. обследованиям П. Румянцева, П. Скрыплева, И. Рылова.

Нельзя, однако, представлять себе дело таким образом, что возникновение земельной собственности, покупок и продаж земель, вовлечение земельных площадей в товарооборот было вызвано только одной какой-либо причиной, скажем, земельной теснотой, как склонны изображать этот процесс некоторые историки, экономисты, статистики, или спросом на землю со стороны русских переселенцев, как это изображало, например, тогдашнее ведомство земледелия... Земельная собственность возникла и развивалась под влиянием всего комплекса экономического развития изучаемого края. Росло земледелие, в связи с этим росли производительные силы сельского хозяйства,— на единицу распаханной земли вкладывалось неизмеримо большее количество труда и вырабатывалось прибавочной стоимости, чем на единицу пастбищ. Это являлось источником для возникновения земельной ренты и цены земли. В свою очередь развитие товарных отношений, производства продуктов сельского хозяйства на рынок обусловливали возникновение денежной ренты. Все эти процессы ускорялись растущим спросом на землю со стороны приливавших в край оседлых крестьян: уйгуров, дунган, узбеков, русских... Ввиду этого спроса одновременно с оформлением феодальной земельной собственности возникла и развивалась капиталистическая ее мобилизация.

В 1906 году в Семиреченской области числилось «в арендном пользовании по законным договорам с киргизами (и казахами.— *П. Г.*) 7922 десятины земли», в том числе по казахским уездам 2400 десятин и по киргизским 5522 десятины[16]. В том же году в Ташкентском уезде Сыр-Дарьинской области насчитывалось «земли частных владельцев» 8898 десятин[17], также приобретенных путем договоров с местным населением. Всего, таким образом, по двум областям аренда земли частными лицами на 1906 год достигла 16 820 десятин. В массовом порядке арендовались земли крестьянами-кулаками и новоселами. Старожильческие поселки Семиречья по подсчету экспедиции Румянцева в 1910—1913 годах арендовали 49 473 десятины, в том числе у казахов и киргизов 28 634 десятины.

Учтенные в названных цифрах и множество неучтенных арендных сделок только в незначительной своей части совершались в законном порядке. В 1909—1911 годах в областное правление поступило на утверждение 245 приговоров об аренде на основании статьи 126 Степного положения[18]. Но сам военный губернатор, называя эту цифру, указывает, что оформление аренды в законном порядке крайне затруднительно, «в силу чего вся главная масса населения... предпочитает обходиться без посредства администрации», заключают арендные сделки по частным так называемым «темным» распискам. По таким распискам «арендуют все: и старожилы, и казаки, и новоселы, и самовольцы. Без преувеличения можно сказать, что ежегодно в области таких аренд заключается десятки тысяч»[19]. Крестьяне-самовольцы в Сыр-Дарьинской области, как уже говорилось, также входили в «незаконные» сделки с казахами, приобретая от них землю. Мы уже видели, что поселки в Сыр-Дарьинской области обосновывались до 1906 года по преимуществу в порядке капиталистической мобилизации земельной собственности. Наряду с этим шел процесс покупки и аренды казахских земель частными предпринимателями. В «Ревизии» Палена сообщается о Сыр-Дарьинской области: «Земля, состоящая в пользовании кочевников, сдается иногда на десят-

[16] «Обзор Семиреченской области за 1906 г.» Верный, 1907, стр. 13.

[17] «Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане». Приложение к отчету по ревизии Палена, ч. II, отд. I, стр. 33.

[18] ЦГА УзССР, ф. 7, оп. 1, д. 5149, л. 3.

[19] Там же, л. 4.

ки лет лицам, совершенно не имеющим переселенческих прав и при том не в разрешенных размерах, а по нескольку сот десятин одному лицу. Известны случаи, когда съемщики киргизских земель в короткое время составляли крупные состояния»[20].

Таким образом, значительное количество земель переходило от казахов к русским переселенцам и частным землевладельцам в порядке капиталистической мобилизации земельной собственности. Это, конечно, стимулировало появление и рост земельной ренты и цены земли. Но при всем том необходимо отметить, что аренда земли у казахов находилась в зародышевом состоянии. В Капальском уезде аренда пашни казахами к общей площади посева составляла только 1,7 процента, в Чимкентском —0,2 процента, в Аулие-Атинском —0,2 процента.

Процесс капиталистической мобилизации земельной собственности со стороны русских переселенцев был выражен настолько рельефно, что чиновник особых поручений Н. Гаврилов, ревизовавший переселенческое дело в крае в 1910 году, пришел к следующему выводу: «Денежный характер договоров крестьян с киргизами диктует и на будущее время (необходимость.— *Л. Г.*) придерживаться платного наделения крестьян землею... *В привлекающих ныне переселенцев районах Туркестана, даровая раздача земли не должна иметь места*»[21].

Позиция Н. Гаврилова не была изолированной. Она свидетельствовала о зарождении к этому времени среди царской бюрократии течения, которое все больше и больше настаивало на том, чтобы прекратить бесплатную передачу земель переселенцам, перейти к продаже переселенческих участков, налагая на переселенцев выкупные платежи.

В этом отношении весьма показательна позиция ревизии К. Палена. Чиновники, входившие в подкомиссию ревизии, обследовавшую Семиречье[22], прежде чем составить вариант отчета, вошедшего в известный опубликованный текст, составили специальную «доверительную» записку по вопросу о колонизации области, которая не была широко опубликована. В этой записке, подсчитав расходы на содержание переселенческой партии и количество заготовленных ими пригодных для заселения долей, они установили, что «на каждую долю падает расход из государственного казначейства в сумме 40 рублей».

Далее они определили, что при средней арендной плате —1 руб. 50 коп. за десятину, цена земельной доли в 10 десятин (из 5 процентов на капитал) составит 300 руб. Принимая, что земля государственная, чиновники записали эту сумму, а также названные выше расходы в чистый убыток казначейства. На каждой мужской доле, по их исчислению, Российское государство теряло 340 руб., или 34 руб. за десятину, «не считая ссуды на домообзаводство, потери на переселенческий тариф, увеличение расходов на администрацию, народное образование и на удовлетворение других многочисленных потребностей переселенцев».

Таким образом, государственное казначейство, по мнению комиссии,

---

[20] «Отчет по ревизии Туркестанского края...». «Переселенческое дело в Туркестане». СПб., 1910, стр. 302.

[21] Н. Гаврилов. Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет о служебной поездке в Туркестан осенью 1910 года чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб., 1911, стр. 183.

[22] В подкомиссию входили: начальник подкомиссии коллежский асессор К. Н. Савич (Министерство юстиции), титулярный советник граф Д. П. Капнист (Министерство юстиции), Н. М. Кисляков (Главное управление землеустройства и земледелия), статистик, титулярный советник Г. Н. Логанов (Главное управление землеустройства и земледелия), коллежский асессор В. А. фон-Розен (Министерство финансов), Г. Ф. Чиркин (Главное управление землеустройства и земледелия). («Туркестанский курьер», 1908, 11 июля).

теряло на водворении переселенцев огромные суммы. При другой постановке дела казначейство могло бы получить за каждую десятину ее цену в виде выкупных платежей. При сложившихся же условиях оно не только теряло этот доход, но еще приплачивало к нему огромные суммы. И подкомиссия делает вывод: «Вряд ли при существующей системе колонизации края этот расход государственного казначейства когда-либо возместится»[23].

Подкомиссию заинтересовали также и экономические результаты колонизации. Авторы записки продолжают: «Исследование показало, что применяемая переселенцами система использования земель носит явно хищнический характер и не только не повышает, но систематически понижает доходность земли. Производится исключительно хлеб в котором в центре России настолько не чувствуется недостатка, что от наплыва сибирского хлеба уже ныне приходится защищаться повышенными тарифами...»[24].

Так оборачивалось дело: спасая помещичье землевладение в России, царизм не только нес огромные расходы из государственной казны, но и наносил ущерб интересам крепостников-помещиков, создавая серьезную конкуренцию их хлебной торговле со стороны сибирского и среднеазиатского хлеба. Требовалось что-то изменить. Дальше такая политика становилась нетерпимой для самих крепостников-помещиков.

Комиссия делает вывод, что «для государства представляет несравненно бо́льшие выгоды использование колонизационного фонда отнюдь не для нужд поселения на нем местных обывателей или неудачников из Сибири (так именуются в записке крестьяне-самовольцы, пришедшие в область и ждавшие водворения на землю.— *П. Г.*), а для целей промышленности, которая уже давно домогается, чтобы ей открыли двери в эту богатую окраину». Прежде, как помним из предыдущего изложения, даже дворянам и чиновникам воспретили отводить здесь земли, чтобы сохранить «переселенческий фонд» для выселения из России излишнего крестьянского населения, а теперь вспомнили и об интересах буржуазии... В политике правительства явно намечались изменения.

«Едва ли не самой слабой стороной деятельности переселенческой партии в Семиречье надлежит признать раздачу ценных государственных земель лицам лишь непривилегированного сословия, даром, в бессрочное пользование по продовольственной норме... ...такого рода политика вызывает крупные расходы государственного казначейства и фактически изъемлет из гражданского оборота громадный и богатейший край...» Меж тем «уже сейчас в крае имеется довольно значительное число лиц, которые с радостью ухватятся за малейшую возможность купить землю в Семиречье или приобрести ее в собственность на выкупном праве...»[25].

Итак, ревизоры высказываются за капиталистическую мобилизацию земельной собственности, но за такую мобилизацию, при которой земли покупались не у местного населения, а у верховного собственника земель — царского правительства. Вновь практически воскрешаются крепостнические «выкупные платежи». Ревизоры предложили: организовать

---

[23] ЦГИАЛ, справочная б-ка, печатные записки, папка 1028. «Доверительно. Предварительный отчет о положении переселенческого дела в Семиречье, составленный по данным ревизии сенатора графа Палена», стр. 47—48.

[24] Там же, стр. 48. Чтобы не допустить поступления семиреченского хлеба в Россию и в Туркестан, помещики всячески сопротивлялись постройке Семиреченской железной дороги, чем создавались большие трудности для сбыта семиреченского хлеба. Экономическое развитие области задерживалось. Но этот вопрос выходит за рамки нашего изложения.

[25] Там же, стр. 48—49.

сплошное землеустройство казахов и «определившийся таким путем земельный фонд, по обследовании его в агрономическом отношении предоставить всем русским подданным немусульманского происхождения за плату и при том в количестве, достаточном для ведения личными силами колониста и членов его семьи культурного хозяйства, или для достижения намеченной им в каждом отдельном случае промышленной цели»[26].

Это был план насаждения капитализма по-крепостнически. Главный, верховный получатель феодальной земельной ренты в крае — крепостническое государство, царизм, в связи с ростом земельной ренты, считал свои «убытки», предъявлял свои права, расширял свои хищнические устремления.

Проектировалось, как видим, сначала отнять насильственным путем землю у казахов и киргизов, а затем от имени крепостнического государства сдать ее в аренду или продать русским кулакам и предпринимателям, получить с них ренту в пользу крепостнического государства, оставив предпринимателям среднюю прибыль. По отношению к трудовому переселенческому крестьянству это означало изымать из его хозяйства весь прибавочный продукт (тут и рента, и «средняя прибыль»), по отношению к местному крестьянству — усилить его экспроприацию. Царизм, таким образом, стремился использовать в своих интересах прогрессивные экономические процессы в сельском хозяйстве: рост производительных сил сельского хозяйства, отражением чего являлся рост ренты, наметившуюся тенденцию дифференциации средней прибыли от феодальной ренты (покупки земель), процесс перерастания феодальной ренты в капиталистическую. Этим проектом усиливались препятствия развитию капитализма в сельском хозяйстве со стороны царизма. Усиливался крепостнический гнет царизма над казахским (и киргизским) крестьянством, а равно и над пришлым из России переселенческим крестьянством.

Но объективный ход экономических процессов не всегда позволял совершить то, чего хотели чиновники: приходилось все же считаться и с напором крестьян-переселенцев, с наличием необратимого процесса роста покупок и аренды земли переселенцами у местного населения через голову государства. Тем более, что эти аренды смягчали процесс обратного движения переселенцев в Россию.

В 1911 году Главное переселенческое управление просило Туркестанского генерал-губернатора Самсонова «принять властные меры к поддержке и развитию аренды русскими переселенцами земли у киргиз Семиреченской области, управляемой по Степному положению»[27]. Это уже было серьезным поворотом в сторону облегчения аренд и покупок земель переселенцами, первым шагом к ослаблению статей закона, направленных против капиталистической мобилизации земельной собственности.

Но не осталось без внимания правительства и предложение «Ревизий» К. К. Палена о скотоводческих участках. В начале 1913 года соответствующий законопроект был внесен в Государственную думу. Одновременно Министерством юстиции и Главноуправляющим землеустройством и земледелием были разработаны «Временные правила» о сдаче в аренду на длительные сроки скотоводческих участков в Сибири и Средней Азии. В осуществление плана К. К. Палена и названных «Временных правил» в Семиречье начались изъятия участков у казахов для продажи предпринимателям под капиталистическое животноводство. По «Списку скотоводческих участков, предназначенных для сдачи в долгосрочную

---

[26] Там же, стр. 50—51.
[27] ЦГА УзССР, ф. 7, оп. 1, д. 5149, л. 2.

аренду» по Семиреченской области, обнаруженному в архиве, на 4 марта 1914 года значилось 19 таких участков с общим количеством земли 63 459 десятин, в том числе удобной 41 269 десятин[28]. Это было, конечно, капиталистическое мероприятие, но оно являлось еще одним ударом по казахскому крестьянству: насильственно, без вознаграждения отнимались земли у крестьянства, чтобы продать их или сдать в аренду от имени государства.

Мероприятием в пользу обеспечения капиталистической мобилизации земельной собственности являлась также попытка организации в Ташкенте отделения крестьянского банка. Вопрос был поднят в 1907 году. Однако попытка не удалась. Приехавшие в Ташкент для решения этого вопроса представители крестьянского банка отказались организовать отделение в Туркестане, ссылаясь на «незначительность предложенного к продаже фонда», а главное, «вследствие отсутствия у туземцев бесспорных крепостных документов на земли»[29]. В 1909 году этот вопрос вновь поднял туркестанский генерал-губернатор Самсонов. В 1910 году за организацию в Туркестане крестьянского банка высказался граф Пален. В 1912 году к этому предложению присоединился Кривошеин. В Государственной думе за расширение возможностей для капиталистической мобилизации земельной собственности высказались кадеты и некоторые октябристы (граф Капнист и др.). Официальная газета «Туркестанские ведомости» в течение восьми лет (1907—1914) на своих страницах защищала идею организации банка. Но крестьянский банк в Туркестане так и не был открыт. Причины: у местного населения не было достаточных юридических оснований для продажи земли, у банка не было возможности правильно оформлять сделки не только с кочевым казахским, но и с оседлым узбекским населением. Фонды же русского частного землевладения банк не считал достаточными, чтобы для операций с ними создавать специальное отделение. Крепостнические царские законы тормозили включение земель Средней Азии в оборот банков. Между тем банковские операции с частновладельческой землей совершались. По Сыр-Дарьинской области в Полтавском и Нижегородско-Самарском банках было заложено в 1914 году 58 земельных участков, 3903 десятины по общей оценке 719 304 руб.; в 1915 году —76 участков, 4389 десятин, по общей оценке 964 904 руб.[30] Российское самодержавие и его законы стояли на пути развития капиталистической мобилизации земельной собственности. Однако экономическая необходимость отвоевывала свои права. Не только шел процесс формирования полной земельной собственности и капиталистической ее мобилизации, но в этот процесс вмешался также и финансовый капитал.

С 1909 года началась работа по пересмотру Степного положения 1891 года в сторону облегчения покупок и продажи казахских земель. По новым проектам предполагалось разрешить казахам сдачу в аренду земель по решениям аульных обществ (а не волостных съездов, как было до этого) и даже индивидуально. Однако и на этот раз сохранялся контроль администрации за сделками на аренду с целью обеспечить интересы крестьянской колонизации[31]. Словом, предполагавшиеся изменения были крайне мизерны, но даже и их разработку не успели закончить до войны. А с войной работа по пересмотру закона прекратилась.

---

[28] ЦГА УзССР, ф. 4, оп. 1, д. 5210, л. 159.

[29] Н. Гаврилов. Цит. работа, стр. 188.

[30] «Статистика долгосрочного кредита в России», под. ред. А. К. Голубева. СПб., 1914, вып. I, стр. 20; СПб., 1915, вып. II, стр. 20.

[31] ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 236, лл. 54—61. Записка Министерства внутренних дел «Об изменении порядка сдачи в аренду киргизами земель, предоставленных в их пользование». Подписал Маклаков.

Между тем торговые сделки по аренде и продаже земли продолжали развиваться. Сложились и росли арендные ставки и цены на землю. Проиллюстрируем это данными таблицы 150.

Таблица 150

Арендные цены одной десятины земли, от — до (руб.)[32]

Уезды	1896 г. Аренда земли переселенцами, по данным А. А. Половцева		1914 г. Частная аренда, по данным Туркестан. упр. землед. и гос. имуществ		Рост средних цен в %	
	пахотные земли	сенокосы	пахотные земли	сенокосы	пахотные земли	сенокосы
Джаркентский	Переселенцев не было		1,0—3,0	0,5—1,0	—	—
Лепсинский	0,5-2,0	0,7—1,0	3,0	1,0	240,0	117,6
Капальский	0,25—1,0		4,0—6,0	1,5	800,0	—
Верненский	1,5—2,5		1,0—5,0	0,5—1,0	171,4	—
Аулие-Атинский	2,0—3,0	2,0—3,0	1,0—5,0	1,0-5,0	120,0	120,0
Чимкентский	Только из доли		4,0—6,0	2,0—3,0	—	—

Данные за 1896 год выбраны нами из цитированного выше отчета А. А. Половцева. Данные за 1914 год составлены Туркестанским управлением земледелия и государственных имуществ в качестве справочных арендных цен. Таблица показывает, что уже к концу XIX века ставки денежной аренды земель возросли до значительных размеров. А через 18 лет они еще больше поднялись, в иных случаях в несколько раз. В использованных данных указывается, что аренда садов в Аулие-Атинском уезде доходила до 100 руб. за десятину. По этому росту денежной ренты можно судить и о росте натуральной, которую платили издольщики долей урожая. Последняя, конечно, была значительно выше денежной, ибо «только нужда заставляет крестьян брать землю исполу или за отработки, ... натуральные аренды везде и повсюду несравненно дороже для крестьянина, чем денежные»[33].

Все сказанное свидетельствует о том, как изменились условия борьбы местного крестьянства за землю. Если еще в 70-х—80-х годах крестьянин, пахавший землю, встречал затруднения только при приобретении скота и брал его у бая за ростовщический процент, то теперь — в XX веке бедняку, чтобы сесть на землю, нужно было заплатить еще и ренту. Бедняки закабалялись на пашне.

2. Феодальные и капиталистические методы эксплуатации в ауле

Несомненно, в росте покупок и аренд земли переселенцами-кулаками уже обнаруживается тенденция отделения ренты от средней прибыли, появление элементов капиталистической ренты: рента идет баям — землевладельцам и другим продавцам земли и сдатчикам ее в аренду, прибыль — кулакам, налог — государству. Но рост кабальной издольщины не только у байства, но и у русского кулачества, рост ростовщичества не

[32] А. А. Половцев. Цит. отчет, стр. 27, 28, 71, 77, 150, 163; ЦГА УзССР, ф. 7, оп. 1, д. 4518, лл. 40—41.

[33] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 167. Сноска со ссылкой на Карышева.

только деньгами, но и средствами обработки земли, рост прямых феодальных поборов, не определенных никакими законами, и «законных» царских налогов — все это по-прежнему сохраняло общий фон, при котором «рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости, или прибавочного труда». Мелкий производитель крестьянин, *«владеющий* условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства»[34], отдавал весь свой прибавочный продукт плюс часть необходимого продукта государству, чиновникам, феодалам, кулакам, купцам, растрачивал и свой «основной капитал».

Кабала, в которую попадало разоряющееся крестьянство, была тем тяжелее, что выход в города на заработки в капиталистических предприятиях был крайне затруднен. Ход развития промышленности иллюстрируется таблицей 151, составленной на основании данных «Обзоров областей».

Таблица 151

Развитие промышленности в 1887—1913 годах[35]

Годы	Семиреченская область				Сыр-Дарьинская область			
	число промышленных заведений	число рабочих	производительность, руб.		число промышленных заведений	число рабочих	производительность, руб.	
			всего	на 1 рабочего			всего	на 1 рабочего
1887	43	320	336717	1208	45	604	1029722	1705
1894	638	1073	552279	474	80	898	1921720	2140
1904	1497	2490	1826560	734	Данных нет			
1908	1930	2622	1771040	675	156	1460	4856832	3327
1913	2310	4200	4122660	806	258	[1800]	27524526	?

Обе области взяты в своих полных границах, т. е. со включением Северной Киргизии и Ташкентского уезда. Данные принадлежат областным статистическим комитетам. Нельзя утверждать, что они достаточно точны. Однако, при всей своей неточности, они дают общее представление о состоянии и росте промышленного производства. Характер этих предприятий уже известен из предыдущего изложения: это мелкие заводики, в подавляющей своей части обрабатывавшие сырье на вывоз. Рост их продукции был непосредственно связан с ростом вывоза сырья.

За 26 лет местная промышленность возросла по Семиречью в 10,7 раза и по Сыр-Дарьинской области в 26,7 раза, тем не менее эта промышленность предоставляла работу крайне ничтожному количеству рабочих — около 6 тысяч в 1913 году. По подсчету В. В. Заорской и К. А. Александер, авторов известной работы «Промышленные заведения Туркестанского края», на учтенных ими заводах (имевших механический двигатель и не менее десяти рабочих) в 1913 году было занято в Сыр-Дарьинской области 0,19, в Семиреченской —0,25, а по всему Туркестану —0,35 процента населения[36]. Таким образом, в силу колониального состояния края, промышленность не давала отдушины для ухода кресть-

[34] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1954, стр. 807.

[35] Обзоры Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей за соответствующие годы. О числе рабочих по Сыр-Дарьинской области за 1913 год данных нет. Экстраполируем эту цифру, исходя из среднегодового прироста числа рабочих в процентах за предыдущие 14 лет. Получаем 1786, округленно 1800 человек.

[36] В. В. Заорская и К. А. Александер. Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915, стр. 21—38.

янской бедноты из аулов в города. Вынужденные искать заработок в пределах аула разорившиеся крестьяне шли к баю и ростовщику в безысходную кабалу, работали они за натуральную оплату, или обрабатывали землю издольно. Такое положение задерживало развитие капиталистического найма в аулах.

Степень развития вольного найма мы проиллюстрируем данными таблицы 152.

Таблица 152

Наем рабочей силы в казахском сельском хозяйстве[37]

1906—1913 гг. Казахские уезды Сыр-Дарьинской области

Группы хозяйств по количеству лошадей	Число хоз-в, нанимающих рабочих	% нанимающих хоз-в	Нанято годовых и сроковых рабочих в переводе на годовых	
			всего	на 1 нанимающее хоз-во
I. Без скота, без лошадей, имеющие 1 лошадь	6172	7,6	4777,0	0,77
II. От 2 до 8 лошадей	9458	25,3	8629,5	0,91
III. От 9 до 22	4871	52,1	5715,5	1,17
IV. От 23 и более	3359	89,4	6827,5	2,03
Итого	23860	18,1	25949,5	1,09

1909—1911 гг. Казахские уезды Семиреченской области

Группы хозяйств по количеству скота	Число хоз-в, нанимающих рабочих	% нанимающих хоз-в	Нанято годовых и сроковых рабочих в переводе на годовых	
			всего	на 1 нанимающее хоз-во
I. Без скота, имеющие до 3 ед. скота	508	2,7	236,0	0,46
II. От 3 до 25 ед. скота	6186	9,4	5144,5	0,83
III. От 25 до 100	7393	53,6	10229,0	1,38
IV. Свыше 100	1129	89,6	4087,0	3,62
Итого	15216	15,4	19696,5	1,29

В аулах Сыр-Дарьинской области, по использованным для таблицы 152 обследованиям, насчитывалось 52,7 процента оседлых хозяйств, по Семиречью — только 21,1 процента. По приведенным выше данным оборот торговых предприятий на душу населения по Сыр-Дарьинской области был выше оборота по Семиречью. Исходя из этих показателей, Сыр-Дарьинскую область можно считать более развитой, чем Семиреченскую. Естественно было бы ожидать, что и капиталистический наем

[37] По цит. «Материалам по обследованию ..»— П. Румянцева, П. Скрыплева, И. Рылова.

в ауле Сыр-Дарьинской области развивался быстрее, чем в Семиреченской. Наши же данные показывают обратное явление: IV, байская, группа — по Сыр-Дарьинской области эксплуатировала в среднем на хозяйство 2,03 человеко-года рабочих, «отсталое» же Семиречье —3,62 человеко-года. Бóльшая масса вольнонаемного труда эксплуатировалась в Семиреченской области и группой зажиточных. Среднее количество нанятых рабочих на одно нанимающее хозяйство также по Семиречью было бóльшим, чем по Сыр-Дарьинским казахским уездам. Иначе говоря, там, где товарные отношения в аулах и передовая отрасль сельского хозяйства — оседлое земледелие были развиты больше, капиталистический наем был развит слабее.

Такое явление можно наблюдать только в системе октябристского капитала. Известна формула К. Маркса: «Самостоятельное развитие купеческого капитала находится в обратном отношении к степени развития капиталистического производства»[38]. Проявление этого закона обнаруживается нашими данными: где шире и глубже проник в аул торгово-ростовщический капитал (Сыр-Дарьинская область), там развитие промышленных форм капиталистической эксплуатации в деревне тормозилось сильнее. В Семиречье, с менее развитой торгово-ростовщической эксплуатацией крестьянства ростки капиталистического найма были мощнее. Сельское хозяйство развивалось по такому пути, при котором широкое развитие торгово-ростовщических операций не только разлагало, но и консервировало феодальные отношения в сельском хозяйстве, задерживало развитие промышленно-капиталистических отношений. Это и был тот тип развития капитализма, который В. И. Ленин называл октябристским и против которого восставало крестьянство, борясь с купцами, ростовщиками, феодалами, империалистами, царизмом. Система колониальной эксплуатации изучаемого края со стороны царизма и капиталистического империализма была системой октябристского капитализма.

Сравним степень развития капиталистического найма в аулах с наймом во всех рассмотренных выше категориях оседлых крестьянских поселений (см. табл. 153).

Таблица 153 позволяет подойти к анализу развития капиталистических отношений в изучаемом районе с новой стороны. Прежде всего обнаруживается ясно выраженная тенденция — где больше крестьянской бедноты, там капиталистический наем развит слабее. Это особенно ярко видно из сравнения данных по казахским аулам двух областей, но это же обнаруживается и по остальным данным. Семиреченские кулаки-переселенцы и уйгурско-дунганское байство по сравнению с кулачеством русских поселков и байством узбекских кишлаков Чимкентского уезда, так же как и семиреченское казахское байство, по сравнению с байством сырдарьинским, применяли больше наемного труда.

Таким образом, бóльшая степень обнищания казахского крестьянства, предлагавшего свои рабочие руки в Сыр-Дарьинской области, соответствовала бóльшему распространению кабальных методов эксплуатации. В Сыр-Дарьинской области с большей силой, чем в Семиреченской, методы капиталистической эксплуатации оттеснялись феодализмом, всяческой кабалой. Конкретный анализ показывает, что в описанных условиях колониальной эксплуатации края, когда спрос на рабочую силу со стороны города был крайне ограничен, имущественная дифференциация аула и деревни, не столько вела к развитию капитализма, сколько к консервации феодальных отношений. Так наблюдалось в оседлых поселениях, так же обстояло дело и в казахских аулах.

---

[38] К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1954, стр. 340—341.

Таблица 153

Сравнительные данные о капиталистическом найме в оседлых поселениях и казахских аулах

Группы поселений	% бедняцких хоз-в к общему кол-ву	% нанимающих хоз-в	Среднее кол-во наемных рабочих на 1 нанимающее хоз-во в человеко-годах	
			в общем итоге	в кулацко-байских группах
18 старожильческих поселков Чимкентского уезда	15,7	80,8	0,62	1,28
Старожильческие поселки Семиреченской области	40,1	54,2	0,50	1,35
4 узбекских кишлака Чимкентского уезда	49,1	36,4	0,53	0,70/1,06*
Уйгурско-дунганские селения Семиреченской области	55,7	12,0	0,80	1,60
Казахские аулы Сыр-Дарьинской области	61,7	18,1	1,09	2,03
Казахские аулы Семиреченской области	около 40,0	15,4	1,29	3,62

* Дробью — промышленный наем в группе несеющих.

Вместе с тем таблица 153 подтверждает уже высказанное положение, что на степень развития капитализма в сельском хозяйстве оказывало влияние состояние рынка сбыта. Он был более благоприятен для развития скотоводства, чем для развития зернового хозяйства. Именно по этой причине данные нашей сравнительной таблицы резко разделяются на две части — данные об оседлых земледельческих поселениях (первые четыре группы) и скотоводческих. В первой группе количество вольного труда в кулацко-байских хозяйствах эксплуатируется примерно в 1,5—2,5 раза меньше, чем в хозяйствах казахских баев. Главными очагами зарождения капиталистического найма в сельском хозяйстве изучаемого края несомненно являлись казахские животноводческие хозяйства.

Нельзя поэтому считать случайным, что и царское правительство признало наиболее выгодным вложение капиталов именно в развитие капиталистического животноводства. Почва для этого была подготовлена. Но нельзя не заметить также, что это был еще один шаг царизма, приносивший не только новое нарушение прав крестьянства на землю, но и усиливавший расхождение интересов местного байства с интересами господствующих классов России. Отнять бесплатно пастбища у казахских баев-скотоводов и продать их русским предпринимателям — означало внести еще один новый стимул для роста байской оппозиции царизму. Оппозиция алашордынского байства царизму, вдобавок ко всему уже сказанному выше, находит объяснение и в этом факте.

Однако капиталистические формы эксплуатации в ауле развивались крайне медленно, их развитие совершалось в условиях процветания разнообразных форм всяческой кабалы.

В Казахстане-колонии капиталы, накопленные за счет эксплуатации

крестьянства, почти не вкладывались в развитие промышленности на месте, а вывозились в Россию. Вследствие этого и для казахского байства, как и для байства-кулачества в оседлых поселениях, несмотря на бо́льшую выгодность сбыта скота, чем хлеба, тоже создавались условия, при которых переход от эксплуатации «самостоятельного» товаропроизводителя к организации своего сельского хозяйства на чисто капиталистической основе был мало выгоден. Воспользуемся для доказательства этого положения уже частично известными нам подсчетами агронома В. Юферова (см. табл. 154).

Таблица 154

1906—1907 годы. Расчет рентабельности земледельческих культур в крестьянских хозяйствах юго-восточной части Чимкентского уезда[39]

	На десятину посева, руб.								
	у казахов			у узбеков			у русских		
	пшеница поливная	пшеница богарная	просо	пшеница озимая	просо	лен	пшеница	просо	лен
Валовой доход за вычетом семян	22,13	14,63	18,13	23,80	17,14	6,90	50,93	21,50	15,50
Расход в условиях обработки земли по найму	27,07	26,18	40,57	32,77	38,20	29,37	28,72	38,13	28,69
Убыток (—), прибыль (+)	-4,94	—11,55	—22,44	—8,97	—21,06	—22,47	+22,21	—16,63	—13,19

Только в одном случае — у русских по пшенице — Юферовым зафиксирован чистый доход с десятины 22,2 руб. Но это вызвано исключительно высоким урожаем в описанных хозяйствах, что могло быть только на особо урожайной земле, ибо агротехника у русских кулаков ничем существенным не отличалась от агротехники местных баев. Во всех остальных случаях все культуры в условиях обработки земли наемным трудом дают убыток. Любой кулак-земледелец, организуя капиталистическую ферму на такой экономической основе, не просуществовал бы и одного года. Это, как показано выше, в земледельческом хозяйстве вызывало не столько развитие капиталистического найма, сколько развитие полукрепостнической издольщины. Так было в поселениях оседлого крестьянства, так было и в казахских аулах.

Почти то же повторяется и с животноводческим хозяйством. Рентабельность животноводства, представлена в таблице 155.

Исчисляя баланс доходов и расходов по скоту, автор бюджетов учел фактически существовавшую зарплату пастухов, расходы на корм, полученный продукт, а также продажу и покупку скота. Не принято во внимание, что рабочий скот «амортизируется» в стоимости продуктов земледельческого хозяйства. Не учтен, с другой стороны, труд бедноты, всегда окружавшей бая при перекочевках и отдававшей свою рабочую силу

[39] «Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда», т. I. Ташкент, 1910.

Таблица 155

1906—1907 годы. Расчет рентабельности скотоводства в юго-восточной части Чимкентского уезда[40]

	На единицу скота в переводе на крупный, руб.		
	у казахов, в хозяйствах с посевом от 14,01 до 30 дес.	у узбеков, среднее по всем бюджетам	у русских, хозяйства с посевом свыше 30 дес.
Валовой доход	11,27	6,92	16,44
Расход	10,02	11,25	20,46
Убыток (—) Прибыль (+)	+1,25	—4,33	—4,02

на уход за байским скотом за мизерное вознаграждение феодального типа. Это отразилось на итогах таблицы. У казахских баев, где преобладал продуктивный скот и практиковался отгон на отдаленные пастбища, скотоводство дает прибыль. У земледельцев, где большую, чем у животноводов, долю стада составлял рабочий скот и шире развито стойловое содержание скота, животноводство представляется как убыточная отрасль хозяйства.

Рассмотрим таблицу 156.

Таблица 156

1906—1907 годы. Расчет рентабельности казахского животноводства по группам хозяйств в юго-восточной части Чимкентского уезда[41]

Группы хозяйств по размерам посева	Число хоз-в	Прибыль с единицы скота (в переводе на крупный), руб.	
		с учетом продажи и покупки скота	без учета продажи и покупки скота
Засевающие от 2,0 до 5,0 дес.	3	10,56	7,34
„ 5,01 до 9,0 „	23	5,96	7,74
„ 9,01 до 14,0 „	21	4,38	4,80
„ 14,01 до 30,0 „	12	1,25	3,09
Итого	59	4,3	4,42

Путем крайнего напряжения сил крестьянство добивается того, что животноводство у него становится более «рентабельным», чем у баев. Но все же этого напряжения недостаточно, чтобы крестьяне могли сохранить свое стадо. Они вынуждены скот распродавать. В этой связи становятся понятными и источники расширенного воспроизводства стада у баев — это жестокая эксплуатация труда пастухов и кочующей с ним крестьянской бедноты, занятой уходом за байским скотом. Русское кулацкое животноводство, применявшее кабальный труд в значительно

[40] Там же, стр. 61, 105, 142.
[41] Там же, стр. 61 и 63.

меньших масштабах, явно не выдерживает конкуренции с экстенсивным байским хозяйством, использовавшим кабальный труд в более широких размерах. В общем же животноводческое хозяйство было в более благоприятном положении, чем земледелие.

Из сказанного следует общий вывод, что условия для развития капиталистических отношений, сложившиеся в результате колониальной эксплуатации изучаемого края российским империализмом, были крайне неблагоприятны. В этом причина того, что в крае консервировались и развивались феодальные формы эксплуатации труда, кулацкие «прижимки», ростовщичество, всяческая кабала. Свои «убытки», связанные с условиями рынка, феодалы перекладывали на трудовое крестьянство. Чисто капиталистический наем развивался крайне медленно. Крестьянство пауперизировалось. Кадры пролетариата и батрачества формировались замедленными темпами. Издольщина и ростовщическая кабала до крайности сужали границы применения сельскохозяйственных машин, техника обработки почвы в байских хозяйствах стояла еще ниже, чем в переселенческом хозяйстве.

Даже вольный наем в описанных условиях носил на себе печать натурального хозяйства феодального типа. В узбекских кишлаках сроковой наем, как отмечено в своем месте, часто носил характер издольщины. Труд описанных выше «науканчи» Сыр-Дарьинской области часто также оплачивался натурой. «За уборку пшеницы с известной площади платят большею частью количеством высеянного зерна, т. е. за уборку батмана (площади, засеянной одним мешком зерна — *батманом*, весом около 11 пудов.— *П. Г.*) платят 11 пудов... У горных киргизов и сартов (узбеков.— *П. Г.*), за полную уборку урожая они (науканчи.— *П. Г.*) получают обыкновенно четвертую часть (урожая.— *П. Г.*), а у русских 6—7 руб. с десятины». (Очевидно, хозяйственной —4000 кв. сажен)[42]. Здесь перемежаются оплата натурой с денежной.

Процветала также форма найма, известная в России под названием *зимней наемки*. Она была связана с ростовщичеством. Вот свидетельство по Капальскому уезду Семиреченской области.

«Среди киргизов (казахов.— *П. Г.*) особенно распространен особый вид найма, сближающий его с займом. Весной, в период острой нужды, многие из киргизов вынуждены брать деньги у богатых киргизов и у русских зажиточных казаков и крестьян под отработку. Само собой разумеется, что стесненный материально киргиз соглашается на какие угодно условия, чтобы только так или иначе получить деньги. Бывают случаи, когда за полученные 2—3 рубля киргиз обязуется сжать целую десятину, т. е. сделать работу, оплачиваемую в период страды 9—12 рублями...»[43]

Никакой статистикой (ни опубликованной, ни архивной) этот вид найма, конечно, не учитывался. Но что он имел широкое распространение, в этом нет никакого сомнения. Зимняя наемка являлась одним из видов господствовавшей в крае системы ростовщической кабалы.

В литературе отмечены случаи и более выгодной оплаты труда батраков. При обследовании района р. Чу и низовьев р. Таласа в 1913 году зарегистрированы следующие условия найма батраков: «Батрак нанимается на круглый год с оплатой 30—40 рублей, и живет у хозяина на полном его содержании, включая сюда и одежду. Питается батрак вместе с хозяйской семьей». Это уже выгоднее чем получать заработную плату натурой, но эти «патриархальные» условия найма делали рабочий день и круг функций батрака неограниченными. Ему приходилось выполнять

---

[42] «Материалы по киргизскому землепользованию. Чимкентский уезд», т. II, вып. I, стр. 133.

[43] Н. П. Румянцев. Материалы по обследованию.. т. II, стр. 225.

«все работы, встречающиеся в киргизском хозяйстве»[44]. Однако здесь батрак уже только работник, продавший свою рабочую силу. Ему не приходится вступать в экономические отношения со скупщиком в процессе реализации своего натурального вознаграждения за труд.

Во всяком случае, применение труда вольнонаемных батраков было значительным шагом вперед по сравнению с «бесплатной» эксплуатацией бедноты, окружавшей бая на кочевках и выполнявшей разнообразные работы по уходу за скотом за чашку кумыса или айрана в день, за джебагу (грубая весенняя шерсть) на пастьбе баранов, или саун — доение коровы за большой труд в хозяйстве бая.

Но дело в том, что труд батраков применялся не широко. Решающими и развивающимися формами эксплуатации труда по-прежнему оставались, росли и развивались феодальные формы эксплуатации.

Ко времени присоединения Казахстана к России здесь сложился ранний феодализм, на характере которого отразились местные условия производства — решающее преобладание кочевого скотоводства. «Основными социальными группами кочевого общества казахов XVII—XVIII веков были: патриархально-феодальные скотовладельцы, свободные общинники — трудовые скотоводы, полузависимые бедные кочевники и патриархальные рабы»[45],— читаем мы у исследователя казахского феодализма С. Е. Толыбекова. Скотовладелец, пользующийся для выпаса стада общинными пастбищами,— вот главная фигура эксплуататора-феодала. Ему противостоят крестьяне-скотоводы, находящиеся в разной степени феодальной зависимости. Поскольку в изучаемый период сохранилось кочевое животноводство, сохранялись в ауле и старые феодально-патриархальные отношения эксплуатации. Вот свидетельство, относящееся к кочевникам Сыр-Дарьинской области 1913 года.

«Кочуют киргизы (казахи.— *П. Г.*) не в одиночку, а всегда группой хозяйств, связанных или близким родством, или общностью хозяйственных интересов, а чаще группирующихся вокруг богатого бая, который является их представителем в сношениях с другими группами и администрацией, а также принимает меры внутреннего распорядка. Живущие с ним бедняки пользуются его покровительством и материальной помощью, взамен чего несут у него бесплатную службу — иногда пасут скот, работают по очистке колодцев и по домашнему обиходу, ездят посыльными по его делам и т. п.»[46].

Здесь мы имеем типичные для кочевого феодального животноводства формы отношений эксплуатации. Крестьяне «бесплатно» несут в хозяйстве феодала свой труд, отбывают «барщину» только за то, что пользуются «покровительством и материальной помощью» феодала. И эти отношения зафиксированы *в 1913 году!*

Но если брать сельское хозяйство изучаемых районов в целом, то к этому времени общая картина уже меняется. В связи с развитием земледелия скотовладелец все больше и больше обзаводится распаханными площадями земли. Ему уже противостоят не только (даже не столько) крестьяне-скотоводы, сколько крестьяне-земледельцы. В Семиречье крестьянин-земледелец играет менее значительную роль, в Сыр-Дарьинской области — уже преобладающую. Крестьянина-пахаря феодал подчиняет себе новыми методами — через феодальную крепостническую из-

---

[44] «Материалы по киргизскому землепользованию района р. Чу и низовьев р. Таласа Черняевского и Аулие-Атинского уездов Сыр-Дарьинской области». Ташкент, 1915, стр. 70.

[45] С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959, стр. 432.

[46] Цит. «Материалы по киргизскому землепользованию района р. Чу и низовьев р. Таласа», стр. 51—52.

дольщину. Издольщина принимает разнообразные формы, причудливо переплетаясь со старыми формами эксплуатации крестьянина-скотовода.

Вот о Чимкентском уезде: сельскохозяйственный наем «обнимает собою многообразные виды найма на земледельческие работы в аулах, в соседних сартовских (узбекских.— *П. Г.*), и, наконец, в чужих волостях, часто за сто и более верст от места своей зимовки. Главный контингент лиц, нанимающихся в своей зимовке или поблизости ее, падает на «косчи» (местный выговор «котчи», он же «серек»), участвующих за известную долю урожая целиком или частично в обработке земли более богатых киргизов. Условия труда и платы отличаются большим разнообразием. Главная масса падает на уштемберчев (работающих из 1/3 части урожая), затем следуют половинщики («тенуртаки») и, наконец, туртемберчи (из 1/4). Чаще других встречаются условия найма для третников такие: сеют они на земле хозяина и своей вместе, семена и скот дает хозяин, работает только третник. Если нанимающийся участвует в семенах и скоте, то его доля в урожае повышается; если, наоборот, хозяин участвует в труде, то доля понижается. Вообще в этом виде найма встречаются всевозможные комбинации средств, орудий производства и труда»[47].

Известное в Туркестане *чайрикерство* (четверничество, иногда издольщина вообще), распространенное главным образом в хлопководческом хозяйстве, здесь процветает при возделывании зерновых как преобладающая форма эксплуатации.

В Перовском уезде крестьянин-пахарь получает от феодала «помимо земли..., инвентарь, семена, пищу и прочее, смотря по условию, и работает; владелец же земли не несет никакого труда или делает очень немного, например, помогает арендатору убирать снопы, молотить и т. п. Из собранного урожая арендатор получает половину, треть, четверть или одну пятую часть, в зависимости от того, какое количество инвентаря, семян, пищевых продуктов внес владелец в землю»[48]. Как бедноту, ухаживавшую за байским скотом на перекочевках, бай подкармливал кумысом и айраном, так и здесь издольщик- пахарь получает пищу. Но в данном случае он, кроме того, снабжается всем необходимым для выполнения земледельческих работ и отдает за это баю львиную долю своего труда — здесь и рента, и ростовщический процент на ссуженный «капитал». Отдается весь прибавочный труд и часть необходимого. Кроме того, производителя — крестьянина эксплуатирует скупщик сельскохозяйственных продуктов, когда крестьянин реализует на рынке свою долю урожая.

Печать старых отношений, сложившихся в животноводческом хозяйстве, на отношениях феодала с пахарем зарегистрирована и обследователями Аулие-Атинского уезда. Здесь «особенно развито так называемое ортачество, когда более богатый хозяин поручает все полевые работы бедняку за известную долю урожая (преимущественно исполу, реже из $^1/_3$), давая ему, кроме того, семена, живой инвентарь и часто корову для пользования молоком»[49]. Эксплуатируется уже не скотовод, а пахарь, а дается ему по скотоводческим традициям корова в *саун.*

Экспедиция П. П. Румянцева по обследованию Семиречья зафиксировала широкое распространение издольщины у уйгуров и дунган. В хозяйстве казахов при обследовании издольная обработка земли не была учтена. Но и здесь Румянцев сообщает: «... Бедняк продает свою ра-

[47] Цит. «Материалы по обследованию...» Чимкентский уезд, т. II, вып. I, стр. 132—133.

[48] «Материалы по киргизскому землепользованию. Перовский уезд», стр. 25.

[49] Там же, Аулие-Атинский уезд, стр. 64.

бочую силу на определенный срок и за определенную плату, денежную или натуральную, богач покупает рабочую силу и извлекает из ее применения денежный или натуральный доход. Но как пережиток сохранились еще и лично зависимые отношения бедняка от «бая»[50]. Натуральные и лично зависимые отношения феодалов и крестьянства сохранились и развивались и в Семиречье, хотя обследователями они, как «не поддающиеся цифровой регистрации», не зафиксированы.

Товарные отношения развивались. Крестьянство распродавало свой скот, переходило к земледелию. Уйти из аула, чтобы работать по найму, из-за ограниченности спроса на рабочую силу было трудно, почти невозможно. У крестьянина не было другого выхода, как цепляться за свое крохотное хозяйство, и он лез к баю в кабалу, получал кредит скотом, семенами, сельскохозяйственными орудиями, превращался в закрепощенного пахаря. Созданные русским военно-феодальным и его союзником капиталистическим империализмом экономические условия консервировали старые формы феодальных отношений, порождали и развивали новые их формы. Это был октябристский путь развития капитализма в Казахстане-колонии.

В заключение приведем некоторые цифровые данные, которые, хотя и неполно, но отражают переплетение капиталистических и феодальных методов эксплуатации в ауле.

Вот как была организована обработка пашни в аулах Сыр-Дарьинской области (см. табл. 157).

Таблица 157

Способ обработки пашни в аулах Сыр-Дарьинской области[51]

Группы хозяйств по количеству скота	Кол-во сеющих хоз-в	В том числе обрабатывающих землю					То же в %				
		наймом	своим трудом	супрягой	помочью	смешанно	наймом	своим трудом	супрягой	помочью	смешанно
I. Без лошадей	13108	425	3204	4060	2667	2752	3,3	24,4	31,0	20,3	21,0
II. Имеющие 1 лошадь	38493	1081	13618	18600	955	4239	2,8	35,4	48,3	2,5	11,0
III. „ 2–3 лошади	18328	1042	11699	2559	201	2827	5,7	63,8	13,9	1,1	15,5
IV. „ 4–5 „	4712	405	2865	442	57	943	8,6	60,8	9,4	1,2	20,0
V. „ 6—8 „	3216	352	1900	232	24	708	11,0	59,1	7,2	0,7	22,0
VI. „ 9—13 „	3202	518	1678	175	13	818	16,2	52,4	5,5	0,4	25,5
VII. „ 14—22 „	2726	614	1113	76	5	918	22,5	40,8	2,8	0,2	33,7
VIII. „ 23—50 „	1845	586	512	33	—	714	31,8	27,8	1,8	—	38,6
IX. „ свыше 50 „	539	257	70	5	—	207	47,8	13,0	0,9	—	38,3
Итого	86169	5280	36659	26182	3922	14126	6,1	42,5	30,4	4,6	16,4

[50] П. П. Румянцев. Материалы по обследованию..., т. I, стр. 312.

[51] Цит. «Материалы по обследованию Сыр-Дарьинской области». В подсчет вошли уезды: Чимкентский — северо-западная часть, Аулие-Атинский (без района р. Чу), Казалинский и Перовский. Подсчет наш.

Когда речь идет о феодальных методах эксплуатации, статистика (особенно такая, какой являются обследования переселенческих организаций) почти бессильна. Приведенная нами таблица 157 также довольно смутно отражает переплетение капиталистического найма с кабальными формами эксплуатации в аулах. Около 43 процентов хозяйств обрабатывали землю своим трудом. Большая часть из них — трудовое крестьянство. Но наряду с этим фигурируют такие способы обработки, как «супряга», за которой часто скрывается наем скота у баев; «помочь»— явно ростовщический кредит скотом и инвентарем; «смешанно»— сочетание кабального труда с другими формами обработки. Все эти виды кабальной эксплуатации прежде всего распространялись на бедняцкие хозяйства, но, несомненно, затрагивали и середняцкие.

После сказанного и наем нельзя считать чисто капиталистическим, так как за ним часто скрывалась типичная издольщина. Крестьянство, обрабатывавшее землю своим трудом, также подвергалось феодальной эксплуатации в различных формах: тут и феодальные поборы, и ростовщический кредит, и поденщина по зимней наемке и из доли урожая.

По Семиречью таких данных в обследовании П. П. Румянцева нет. Приведем цифры по району р. Чу и низовий р. Таласа Аулие-Атинского и Чимкентского уездов, который являлся пограничным с Семиречьем. Цифровые данные по нему иллюстрируют как бы среднее состояние сельского хозяйства Юга Казахстана, к тому же они относятся к концу изучаемого периода. В районе учтено 9664 наличных хозяйства, из них сеющих —5667, или 58,6 процента. Из числа сеющих хозяйств обрабатывали землю:

	абс.	в %	
Своим трудом	2642	46.6	
Наймом работников	532	9,4	
Наймом скота	36	0,6	
Супрягою	1187	21,0	44,0
Помочью	176	3,1	
Издольно	1094	18,3	
Итого	5667	100,0	

Только 46,6 процента пахарей — относительно независимые крестьяне, ведущие свое самостоятельное хозяйство. Они, по крайней мере по форме, самостоятельные производители. Но рядом с ними работают крестьяне, которые закабалены на издольщине, супряге и помочи — разновидностях той же издольщины — и, наконец, на найме скота. Их 44,0 процента ко всему числу пахарей. Словом, положение и здесь, в пограничном с Семиречьем районе, почти такое же, как и в остальной части Сыр-Дарьинской области. Не будет ошибкой, если скажем, что примерно таким оно было и во всем Семиречье.

Сделаем выводы.

Уже характеризуя развитие капитализма в оседлых крестьянских поселениях (казачество, переселенческие поселки, уйгурские, дунганские и узбекские поселения) мы наблюдали особый вид развития капитализма. Феодальная кабала, торговая и ростовщическая эксплуатация там тесно переплетались с ростками капиталистического найма. Кабальные формы эксплуатации задерживали, тормозили развитие капитализма и технического прогресса. Но особенно ярко этот тип развития капитализма обнаруживается в казахском ауле. Несмотря на то, что байство в своем животноводческом и земледельческом хозяйстве применяло воль-

[52] Цит. «Материалы по киргизскому землепользованию...». Таблицы.

нонаемного труда больше, чем его применялось в оседлых земледельческих поселениях, здесь феодальные методы эксплуатации, полуфеодальная издольщина, торговая и ростовщическая эксплуатация процветали с еще большей силой, чем в оседлых поселениях. Вся система колониальной эксплуатации края направляла капитализм в сельском хозяйстве именно по этому пути. Это и есть октябристский капитализм. В этих условиях перед казахским крестьянством, как и перед крестьянством оседлых поселений, стояла общая революционная задача — борьба за развитие демократического капитализма, против октябристской формы капитала. А это означало бороться прежде всего с царизмом и стоявшим за его спиной капиталистическим империализмом. Борьба против царизма (военно-феодального империализма) не могла не перерастать в борьбу против капиталистического империализма, а затем и против феодализма, местного байства, русского кулачества. В этом заключалось содержание демократического национально-освободительного движения местного крестьянства. В этом были предпосылки его интернационального объединения с переселенческим крестьянством и крестьянством всей России под руководством рабочего класса в демократической, а затем и в социалистической революции[53].

[53] Работа была уже подготовлена к печати, как вышла книга В. Ф. Шахматова «Казахская пастбищно-кочевая община» (Алма-Ата, 1964). В этой работе целая глава посвящена «началу разложения» казахской пастбищно-кочевой общины. В. Ф. Шахматов также исходит из того, что разложение общины выразилось в образовании индивидуального землепользования и землевладения и классовой дифференциации общины. Однако решающей причиной процесса обособления землепользования автор считает наступление земельной тесноты; развитие производительных сил животноводческого хозяйства, как основная, ведущая причина появления новых форм землепользования, автором явно недооценивается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше изложение охватило тот период истории аграрных отношений Юга Казахстана, на который приходилось сочетание господства в крае российского всенно-феодального империализма с процессом развития российского капитализма «вширь», проникновения в край российской промышленной, с начала XX века империалистической, буржуазии через посредство торгового и ростовщического капитала. В системе эксплуатации края переплетались самые разнообразные ее формы: военно-феодальная эксплуатация крестьянства со стороны царизма и всего царского аппарата власти, хищническое изъятие земель у местного крестьянства во имя спасения крепостнического землевладения в России, империалистическая эксплуатация через неэквивалентный обмен сырья на изделия русской промышленности, проникновение в край банковского капитала, феодальная и капиталистическая эксплуатация со стороны местного байства и русского казачьего и переселенческого кулачества... При всем разнообразии этих форм эксплуатации в своей совокупности они вели к одному результату — к отделению мелкого производителя — крестьянина от его орудий и средств производства. Это был процесс первоначального накопления с той, однако, особенностью, что он совершался в условиях колониального освоения края, когда капиталы, накопленные за счет разоряемого крестьянского хозяйства, выкачивались в метрополию (Россию), в условиях, когда первоначальное накопление не привело к промышленному перевороту, к формированию в крае передовой капиталистической индустрии.

Это был такой тип развития капитализма, при котором «наряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, существующих вследствие того, что продолжают процветать стародавние, изжившие себя способы производства и сопутствующие им устарелые общественные и политические отношения»[1]. Этими дополнительными бедствиями были: царская самодержавная власть с ее особенно жестоким политическим и экономическим гнетом и эксплуататорским характером чиновничьей иерархии, архаические формы капитала (торговый и ростовщический), проникавшего в край и разраставшегося в нем на базе эксплуатации мелкого производителя — крестьянина, феодальные формы отношений эксплуатации в аулах, унаследованные от прошло-

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. М., 1960, стр. 9.

го и видоизменившиеся в обстановке развития земледелия и товарных отношений, наличие феодальных форм эксплуатации в казачьих станицах, проникновение их в поселки крестьян-переселенцев из России. Пауперизация крестьянства и рост на этой базе феодальной и ростовщической кабалы — вот что окрашивало сельскохозяйственный строй изученного района в период капитализма и империализма в России.

Байство и кулачество в аулах и поселках вырастало как низовое звено торгового и ростовщического капитала города. Капитализм, развивавшийся в местном сельском хозяйстве, почти не выходил из рамок торгового и ростовщического капитала, как бы шел «навстречу» идущему из города купеческому капиталу, сливался с ним в единую систему. Финансовый капитал, проникавший в край в XX веке, смыкался с торговыми фирмами, содействовал развитию ростовщичества.

В. И. Ленин назвал такой тип капитализма октябристским капитализмом эпохи первоначального накопления. Капитал, проникавший в край из России,— был «хищник эпохи первоначального накопления»[2]. В изучаемом крае он находился в зародыше и развивался в целую систему капитализма такого же типа. Система октябристского капитализма стала системой колониального господства России в ее колониях, в том числе в изучаемом районе. Господство этой системы не только замедляло развитие капиталистического производства в сельском хозяйстве края, но тормозило и развитие промышленности. В городах развивалась только мелкая, технически отсталая промышленность по первичной обработке сырья на вывоз, обслуживающая нужды торгового капитала, всецело подчиненная ему экономически. Так выглядел октябристский капитализм в изученном районе к войне 1914 и революции 1917 года.

В такой обстановке основным социально-экономическим содержанием революционной и национально-освободительной борьбы всех описанных категорий крестьянства была борьба за демократический путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Привлеченным нами фактическим материалом ленинская постановка этого вопроса подтверждается и конкретизируется. В. И. Ленин писал: «Наша революция есть буржуазная революция именно потому, что в ней борьба идет не между социализмом и капитализмом, а *между двумя формами капитализма,* двумя путями его развития, двумя формами буржуазно-демократических учреждений»[3]. Это положение В. И. Ленина устанавливает основное противоречие в недрах российского общества накануне буржуазно-демократической революции, общую основу для революционной борьбы крестьянства всех национальностей и категорий в Российской империи. Но различия в положении крестьянства угнетенных национальностей и русского, наконец, различия в степени развития капитализма в том или другом районе России вносят в общую линию крестьянских движений разных районов свои своеобразные черты. Мы стремились, исходя из общих теоретических положений, отразить и их различия. К чему они сводятся?

Первое различие заключалось в том, что местному крестьянству противостоял инонациональный российский военно-феодальный и капиталистический империализм: военно-феодальный — в качестве верховного собственника на землю местного крестьянства и первополучателя большой доли феодальной земельной ренты как в виде налогов, так и в форме поборов русских чиновников, капиталистический империализм — как организатор капиталистической эксплуатации крестьянства через торговый и ростовщический капитал. Революционная борьба крестьянства

---

[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 108.

[3] В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в русской революции. Соч., т. 15, стр. 152.

против господства военно-феодального и капиталистического империализма была национально-освободительной. Но она же являлась и борьбой за демократический путь развития капитализма, поскольку главными препятствиями на этом пути были царизм и империализм, вся система колониальной эксплуатации края.

По отношению к русскому переселенческому крестьянству и казачеству царизм и империализм формально не осуществляли национального гнета, но общий политический гнет и те же формы эксплуатации, какие применялись по отношению к местному крестьянству, распространялись и на русское крестьянство. Военно-феодальная власть чиновников над крестьянством была военно-феодальной и для местного и для русского крестьянства; пусть во втором случае она была несколько более мягкой (язык, привилегии в получении земли и пр.), но по существу она оставалась той же. Взятки и поборы не меняли своей сущности от того, что они брались с крестьянства разных национальностей: с казаха, уйгура, узбека или русского. Все это определяло сближение классовой борьбы переселенцев и казачества с классовой национально-освободительной борьбой местного крестьянства; и политические и социальные задачи борьбы по существу были в основе своей однородны. Несмотря на постоянные стремления царизма сеять и культивировать национальную рознь, противопоставлять русское крестьянство местному, разжигать между ними вражду, в конечном итоге в революции 1917 года и гражданской войне сложился единый фронт многонационального трудового крестьянства под руководством пролетариата для решения общих революционных задач.

Другой особенностью являлось то, что в изучаемом районе капитализм в сельском хозяйстве не достиг той ступени развития, какой он достиг в России. Был слаб городской пролетариат. Сельскохозяйственный пролетариат — батрачество — был крайне малочислен и распылен. Феодальная рента еще не переросла в капиталистическую, или, точнее сказать, появление капиталистической ренты было в самом слабом, зародышевом состоянии. По этим причинам в крайне слабом, почти неощутимом виде проявлялась «вторая социальная война» в деревне — борьба сельскохозяйственного пролетариата и бедноты против капиталистов-кулаков. Основную окраску движению придавала антифеодальная борьба крестьянства. По своему типу и кулак-переселенец и кулак-казак, противостояли крестьянству скорее не как предприниматели-капиталисты, а как ростовщики и землевладельцы, применявшие методы феодальной эксплуатации наряду с капиталистической. Этим было обусловлено то, что и первая социальная война (антифеодальная борьба крестьянства), и вторая война (борьба антикапиталистическая) слились в едином потоке, без расчленения на этапы. Переход крестьянства к социализму совершился не через особый этап борьбы с капитализмом, а непосредственно от борьбы с феодализмом и торгово-ростовщическим капиталом.

Третья особенность заключалась в чередовании этапов национально-освободительной и антифеодальной революции. Этапы борьбы с военно-феодальным и капиталистическим империализмом (Февраль и Октябрь) определились ходом революции в России. Соединяясь с общероссийским революционным движением рабочего класса и крестьянства, национально-освободительное движение местного крестьянства и классовая борьба переселенческого крестьянства изучаемого района являлись только составной, подчиненной частью в общем потоке борьбы рабочего класса за социализм, объединенной с крестьянской борьбой за землю. И в Феврале, и в Октябре в изучаемом районе решались демократические задачи национально-освободительной революции. Недоразвитость классовой борьбы в деревне была причиной того, что завершение антифеодальной

борьбы в крае растянулось на ряд лет после Октябрьской социалистической революции. В России ликвидация власти помещиков совершилась в Феврале, ликвидация помещичьего феодального землевладения — в Октябре, ликвидация сельской буржуазии — кулачества — в процессе коллективизации. В изучаемом районе в Феврале ликвидирована власть военно-феодального империализма, в Октябре — власть капиталистического империализма. Что же касается местных «помещиков»— феодалов, то они были в основном ликвидированы в процессе земельных реформ 20-х годов и завершена их ликвидация в процессе коллективизации.

При всем том именно борьба за демократический путь развития капитализма привела колониальное крестьянство к союзу с рабочим классом. Не местная буржуазия, связанная с капиталистическим империализмом, определила путь и характер национальной революции, а рабочий класс и крестьянство. В изучаемом районе усилиями рабочего класса и объединенного многонационального крестьянства были опрокинуты попытки буржуазии и капитализирующегося байства повести национальную революцию по польско-финляндскому пути. Совершилась не буржуазная, а крестьянская буржуазно-демократическая национально-освободительная революция. В результате борьба за революционную расчистку сельского хозяйства от феодализма привела к созданию «наиболее благоприятных условий для дальнейшего осуществления рабочим классом его настоящей и коренной задачи социалистического переустройства»[4].

Своеобразен был этот путь для изученных отрядов крестьянства, во многом он не похож на такой же путь крестьянства в России и других странах социализма. Но «только безнадежные педанты могли бы решать возникающие при этом своеобразные и сложные вопросы посредством одних только цитаток...»[5]. Конкретный фактический материал, положенный в основу нашего исследования, показал, что даже разные категории крестьянства одного и того же района по-разному шли к революционной победе над феодализмом. Вскрывая общие характерные черты колониального господства царской России в Казахстане и Туркестане, их преломление на Юге Казахстана, принадлежавшем к Туркестану, мы стремились не упустить и особенное. Заканчиваем наше исследование с убеждением, что общие закономерности, показанные нами, проявлялись и в других колониях царской России. Но было бы догматизмом не учитывать особенное в таких районах, как Туркестан, Сибирь, Кавказ и т. д.

---

[4] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 11.
[5] Там же.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Введение. Методологические основы исследования. Критический разбор основной литературы 5

1. Ленинская оценка империализма в России и характера его колониального господства в Казахстане и Туркестане . . . . . —
2. Развитие российского капитализма «вширь». Два возможные пути развития капитализма в сельском хозяйстве 11
3. Об ошибках И. В. Сталина в оценке колониальной политики царизма. 18
4. О недостатках исторической литературы по изучаемому вопросу . . 25

I. Географические и хронологические рамки исследования 33

II. Оценка источников 37

III. Национальный состав населения. Тип сельского хозяйства 45

1. Изменения национального состава населения . . . . . —
2. Крестьянская колонизация и развитие земледелия 51
3. Соотношение животноводства и земледелия у крестьянства разных категорий 55

IV. Военно-феодальный аппарат управления краем 61

1. Русский военно-чиновный аппарат власти . . . . . —
2. Низовая местная администрация 68

V. Феодально-крепостнический характер аграрного законодательства 72

1. Положение 12 июня 1886 года 73
2. Положение 25 марта 1891 года 80
3. О ст. 270 Положения 1886 года 83

VI. Торговые связи с Россией. Развитие товарных отношений 92

1. Торговля скотом и продуктами животноводства. Ввоз промышленных товаров . . . . . —
2. Торговля хлебом. Характер товарообмена с Россией 99
3. Организация торговли. Торгово-ростовщическая эксплуатация края . 103
4. Роль банковского капитала. Особенности эксплуатации края в период империализма 120

VII. Имущественная и классовая дифференциация аула 123

1. Расслоение аула по количеству скота . . . . . —
2. Расслоение аула по размерам посева 143
3. Общие итоги имущественного и классового расслоения аула . . . 155

VIII. Казачья колонизация. Классовое расслоение Семиреченского казачества . 161

1. Основные этапы формирования и развития Семиреченского казачьего войска 161
2. Формирование и развитие казачьего землепользования 170
3. Расслоение казачества по количеству лошадей 176
4. Расслоение казачества по землепользованию и размерам посева . . 185
5. Отношения эксплуатации в казачьих станицах 193
IX. Крестьянская колонизация из России. Переселенческая политика царизма . 203
1. Переселенческая политика конца XIX века . . . . . —
2. Переселенческая политика начала XX века 214
3. Итоги крестьянской колонизации к 1915 году 226
X. Классовое расслоение переселенческого крестьянства 231
1. Имущественное состояние крестьян—переселенцев из России до водворения на Юге Казахстана . . . . . —
2. Имущественная и классовая дифференциация поселенцев после водворения 237
3. Тип хозяйства поселенцев 253
4. Отношения эксплуатации в переселенческих поселках 258
XI. Переселение уйгурского и дунганского крестьянства в Семиречье. Классовое расслоение 270
1. Причины переселения уйгурского и дунганского крестьянства из Кульджи в Семиречье . . . . . —
2. Влияние переселения на имущественное благосостояние переселенцев. 279
3. Классовое расслоение уйгурского и дунганского крестьянства после переселения 283
4. Отношения эксплуатации в уйгурских и дунганских поселениях . . 295
5. Кризис уйгурского и дунганского сельского хозяйства 305
XII. Классовое расслоение узбекского крестьянства Чимкентского уезда . . . 309
1. Классовое расслоение в узбекских кишлаках . . . . . —
2. Отношения эксплуатации в узбекских кишлаках 311
3. Тип и технический уровень сельского хозяйства узбеков 314
XIII. Разложение казахской общины. Зарождение капиталистических отношений в ауле 317
1. Обособление общинного и возникновение индивидуального землепользования . . . . . —
2. Феодальные и капиталистические методы эксплуатации в ауле. . . . 327
Заключение 340
Приложение: Схематическая карта дореволюционного и современного административного деления Юга Казахстана

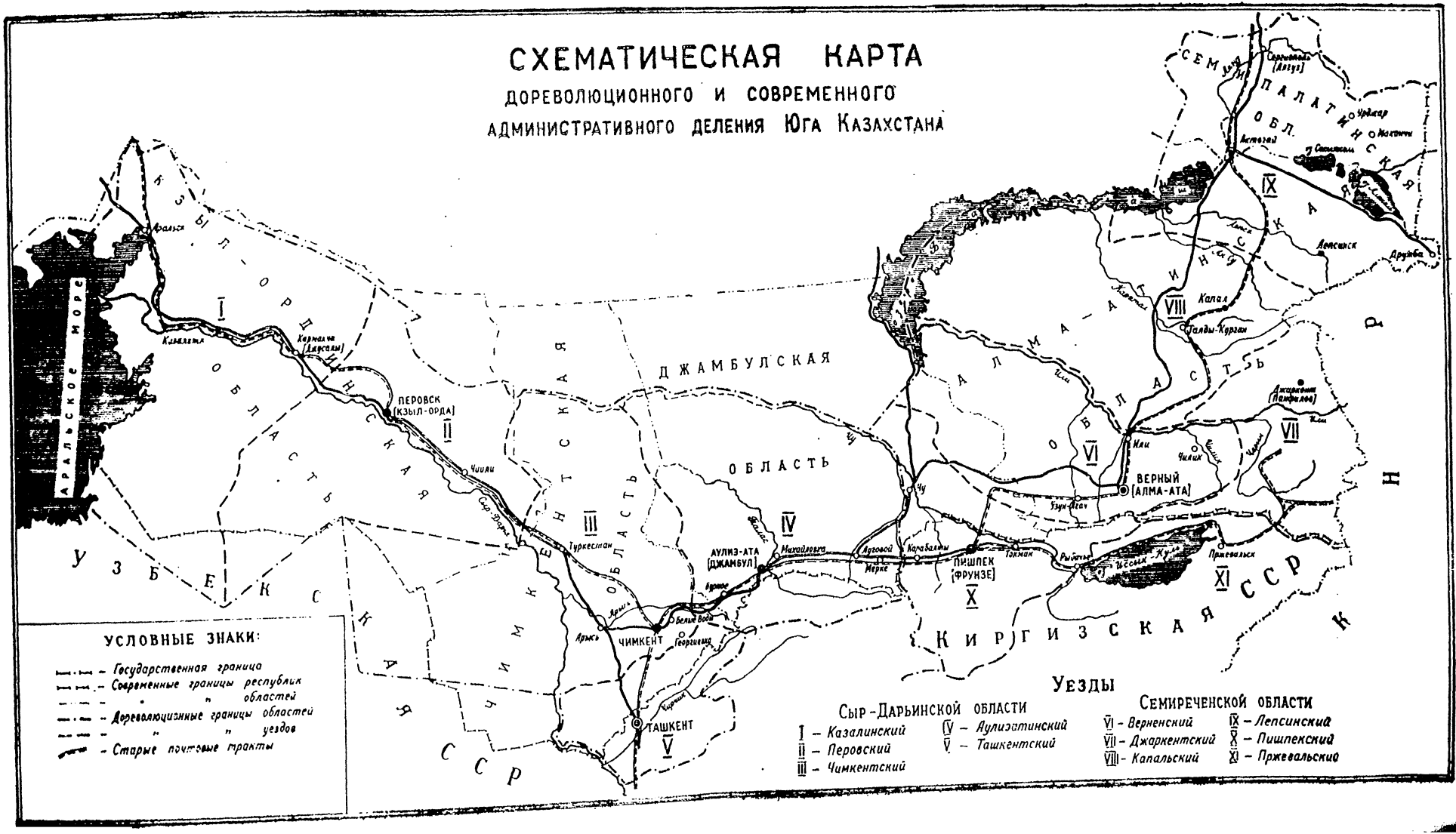
Галузо Петр Григорьевич

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЮГЕ КАЗАХСТАНА
В 1867—1914 гг.

Редактор *З. Н. Пальгова*
Худ. редактор *И. Д. Сущих*
Тех. редактор *З. П. Ророкина*
Корректор *Л. С. Нестерова*
Обложка художника *С. С. Слабоспицкого*

Сдано в набор 7/X 1964 г. Подписано к печати 18/XII 1964 г. Формат 70×108¹/₁₆
Физ. л. 21,62. Усл. печ. л. 29,61+вклейка. Уч.-изд. л. 29,75. Тираж 1290. УГ09755.
Цена 1 р. 93 к.

Типография издательства «Наука». Алма-Ата, Шевченко, 28. Зак. 203.


СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО
АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛЕНИЯ Юга Казахстана
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
УЗБЕКСКАЯ ССР
КИРГИЗСКАЯ ССР
ДЖАМБУЛСКАЯ ОБЛАСТЬ
ПЕРОВСК (КЗЫЛ-ОРДА)
АУЛИЭ-АТА (ДЖАМБУЛ)
ЧИМКЕНТ
ТАШКЕНТ
ПИШПЕК (ФРУНЗЕ)
ВЕРНЫЙ (АЛМА-АТА)
Аральск
Казалинск
Кармакчи (Джусалы)
Туркестан
Сыр-Дарья
Арысь
Георгиевск
Белые Воды
Ерназар
Михайловка
Мерке
Аулиэ-Ата
Карабалты
Токмак
Рыбачье
Иссык
Пржевальск
Лепсинск
Дружба
Капал
Талды-Курган
Аксу
Илийск
Чилик
Узун-Агач
Чу
Или
Сырдарьинская область
Семиреченская область
Алма-Атинская область
Уральская область
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
Государственная граница
Современные границы республик
" " областей
Дореволюционные границы областей
" " уездов
Старые почтовые тракты
Уезды
Сыр-Дарьинской области
I – Казалинский
II – Перовский
III – Чимкентский
IV – Аулиэатинский
V – Ташкентский
Семиреченской области
VI – Верненский
VII – Джаркентский
VIII – Капальский
IX – Лепсинский
X – Пишпекский
XI – Пржевальский